МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР АЛТАИСТИКИ
И ТЮРКОЛОГИИ «БОЛЬШОЙ АЛТАЙ»

ЛЕТОПИСЬ ТЮРКСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ТОМ 1

ТЮРКСКИЙ МИР В VI–XII ВВ.

Коллективная монография

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2023

УДК 94 (5)
ББК 63.3 (54) 4
Л 524

Подготовка монографии осуществлена при финансовой поддержке
Министерства науки и высшего образования РФ, госзадание по проекту
«Тюркский мир «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности»
(реестровый номер 748715Ф. 99.1. ББ97АА00002)

Ответственные редакторы:
В. И. Молодин, доктор исторических наук, профессор, академик РАН РФ
С. В. Землюков, доктор юридических наук, профессор, руководитель НОЦ
алтаистики и тюркологии «Большой Алтай»

Редакционная коллегия:
С. В. Землюков, доктор юридических наук, профессор
С. П. Грушин, доктор исторических наук, профессор
Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук, профессор

Рецензенты:
П. К. Дашковский, доктор исторических наук, профессор АлтГУ
С. А. Васютин, доктор исторических наук, профессор Кемеровского гос. университета

Л 524 **Летопись тюркской цивилизации. Том 1. Тюркский мир в VI–XII вв.** / отв. ред. В. И. Молодин, С. В. Землюков ; Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет, Научно-образовательный центр Алтаистики и тюркологии «Большой Алтай». — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2023. — 480 с.

ISBN 978-5-7904-2773-2.

В последние десятилетия неизменно высоким остается интерес исследователей к истории тюркской культуры и тюркоязычных народов. Во многом это связано с особенностями генезиса и эволюции тюркской цивилизации. Зародившись в Алтае-Саянской горной стране, ее носители постепенно освоили огромные степные пространства Евразии, адаптировавшись к природно-географическим условиям региона. Номадизм как основа системы жизнеобеспечения тюркского общества создавал предпосылки для экономических, торговых и культурно-бытовых контактов кочевников с оседлыми цивилизациями региона. Таким образом, все политические образования тюркского периода являлись полиэтничными и поликонфессиональными по своему составу, что обеспечивало их относительную стабильность и преемственность традиции в последующие этапы их развития.

Представленная монография является первым томом многотомного издания и посвящена периоду становления и развития тюркских государств средневекового периода. В поле зрения международного научного коллектива монографии — вопросы политической и экономической истории тюркских и посттюркских каганатов, истории их коммуникаций с ближайшим этническим окружением. Реконструкция данных процессов проведена на основе археологических данных, тюркской руники, славянских, арабо-персидских и китайских письменных памятников.

Монография предназначена для научных работников, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов вузов, а также всех интересующихся историей тюркского мира, России и современных Республик Центральной Азии.

УДК 94(5)
ББК 63.3(54)4

ISBN 978-5-7904-2773-2

© Авторский коллектив, 2023
© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2023

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
ALTAI STATE UNIVERSITY
RESEARCH AND EDUCATIONAL CENTER OF ALTAIC STUDIES
AND TURKOLOGY "BIG ALTAI"

CHRONICLE OF THE TURKIC CIVILIZATION

VOLUME 1

THE TURKIC WORLD IN THE SIXTH AND TWELFTH CENTURIES

Collective monograph

Barnaul
Publishing house
of Altai State University
2023

UDC 94(5)
LBC 63.3 (54) 4
L 524

The preparation of the monograph was carried out with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, the state assignment for the project "The Turkic World of the Greater Altai: Unity and Diversity in History and Modernity" (registry number 748715Ф.99.1.ББ97АА00002)

Responsible Editors:
V. I. Molodin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of RAS
S. V. Zemlyukov, Doctor of Law, Professor, Head of the REC of Altaic Studies and Turkology "Big Altai"

Editorial Board:
S. V. Zemlyukov, Doctor of Law, Professor
S. P. Grushin, Doctor of Historical Sciences, Professor
Yu. A. Lysenko, Doctor of Historical Sciences, Professor

Reviewers:
P. K. Dashkovsky, Doctor of Historical Sciences, Professor, Altai State University
S. A. Vasyutin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kemerovo State University

L 524 **Chronicle of the Turkic Civilization. Volume 1. The Turkic World in the 16th and 12th Centuries** / ed. Molodin, S. V. Zemlyukov ; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Altai State University, Research and Educational Center of Altaic Studies and Turkology "Big Altai". — 480 p.

ISBN 978-5-7904-…

In recent decades, the interest of researchers in the history of Turkic culture and Turkic-speaking peoples has remained consistently high. This is largely due to the peculiarities of the genesis and evolution of the Turkic civilization. Having originated in the Altai-Sayan mountain country, its people gradually mastered the vast steppe spaces of Eurasia, adapting to the natural and geographical conditions of the region. Nomadism as the basis of the life support system of the Turkic society created prerequisites for economic, commercial and cultural contacts between nomads and settled civilizations of the region. Thus, all political formations of the Turkic period were multi-ethnic and multi-confessional in their composition, providing their relative stability and continuity of tradition in the subsequent stages of their development.

The presented monograph is the first volume of a multi-volume edition and is devoted to the period of formation and development of the Turkic states in the Middle Ages. The monograph's international research team focuses on the political and economic history of the Turkic and Post-Turkic Khaganates, the history of their communications with the nearest ethnic environment. The reconstruction of these processes was carried out on the basis of archaeological data, Turkic runic inscriptions, Slavic, Arab-Persian and Chinese written monuments.

The monograph is for researchers, teachers and students of humanitarian faculties of universities, as well as all those interested in the history of the Turkic world, Russia and the modern Republics of Central Asia.

UDC 94 (5)
LBC 63.3 (54) 4

ISBN 978-5-7904-

© Author team, 2023
© Design. Publishing House of Altai State University, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО (С. С. Касмамбетов).....9

ПРЕДИСЛОВИЕ (С. В. Землюков, Ю. А. Лысенко).....13

Глава 1
ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АЛТАЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ, ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТЮРКСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.....32

1.1. Природные условия и ресурсы Большого Алтая как ключевого региона Центральной Азии (Д. В. Черных, Н. И. Быков, С. Г. Платонова, А. Н. Дунец, Н. А. Кочеева).....32

1.2. История изучения тюркских археологических памятников раннего Средневековья (А. Ю. Борисенко).....52

Глава 2
ПРЕДЫСТОРИЯ ТЮРКСКИХ КАГАНАТОВ IV–VI ВВ.....86

2.1. Предтюркское время в степях Восточной Азии в IV–VI вв.: Жоужаньский каганат и «гаоцзюй» (В. В. Тишин).....86

2.2. Образование Тюркского каганата (В. В. Тишин)..... 102

2.3. Ранние тюрки на Алтае по археологическим данным (Ю. С. Худяков).....112

Глава 3
ИСТОРИЯ ТЮРКСКИХ КАГАНАТОВ.....123

3.1. Первый Тюркский каганат. Завоевание Степного пояса Евразии. Кудыргинский этап культуры тюрков (Ю. С. Худяков)..123

3.2. Второй Восточный Тюркский каганат в Центральной Азии (Ю. С. Худяков).....142

3.3. Западный Тюркский и Тюргешский каганаты (А. Е. Рогожинский, К. Ш. Табалдиев).....164

3.4. Тюркские каменные изваяния и поминальные сооружения Алтая и Тянь-Шаня (Г. В. Кубарев, В. Д. Кубарев, К. Ш. Табалдиев).....196

Глава 4
ТЮРКСКИЕ ПЛЕМЕНА И ГОСУДАРСТВА ПОСЛЕ РАСПАДА ТЮРКСКИХ КАГАНАТОВ 257
4.1. Уйгурский каганат (З. Т. Садырова, Р. И. Сафаров, Т. К. Чороев) 257
4.2. Кыргызский каганат (М. Ч. Кожобеков) 267
4.3. Карлукский каганат (З. Т. Садырова, Р. И. Сафаров, Т. К. Чороев) 279
4.4. Кимакский каганат (Б. Е. Кумеков) 287
4.5. Кыпчаки (С. К. Алымкулова, Т. К. Чороев, В. Я. Бутанаев) 301
4.6. Огузы (О. К. Каратаев, А. Ташагыл, Ш. Алиев) 307
4.7. Караханиды (Т. К. Чороев, З. Т. Садырова) 318
4.8. Великая Болгария. Хазарский каганат (И. Л. Измайлов) 328
4.9. Волжская Булгария (И. Л. Измайлов) 341
4.10. Славяне и тюрки: начальная история взаимодействия — V — начало XIII вв. (С. В. Землюков, Ю. А. Лысенко) 358

Глава 5
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И КУЛЬТУРА ТЮРКСКОГО ОБЩЕСТВА 403
5.1. Государственность и обычное право тюркских каганатов (А. А. Васильев, Ж. И. Ибрагимов, В. В. Сорокин, З. К. Аюпова, Д. У. Кусаинов, Ю. А. Зеленин) 403
5.2. Социальная структура тюркского общества (Т. К. Чороев) 411
5.3. Культура и письменность тюркского общества в VI–XII вв. (Т. К. Чороев, Н. Усеев, И. Л. Измайлов, К. Белек) 422
5.4. Древнетюркские рунические памятники Алтая (И. А. Невская, Л. Н. Тыбыкова) 450

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 473

CONTENTS

INTRODUCTION (S. S. Kasmambetov) 11

PREFACE (S. V. Zemlyukov, Yu. A. Lysenko) 23

Chapter 1
NATURAL AND GEOGRAPHICAL CHARACTERISTICS OF ALTAI AND CENTRAL ASIA, HISTORY OF THE STUDY OF TURKIC ARCHEOLOGICAL SITES IN THE EARLY MIDDLE AGES 32

1.1. Natural Conditions and Resources of the Greater Altai as a Key Region of Central Asia (D. V. Chernykh, N. I. Bykov, S. G. Platonova, A. N. Dunets, N. A. Kocheeva) 32

1.2. History of the Study of Turkic Archaeological Sites in the Early Middle Ages (A. Yu. Borisenko) 52

Chapter 2
PREHISTORY OF THE TURKIC KHAGANATES IN THE 4TH-6TH CENTURIES 86

2.1. Pre-Turkic Time in the Steppes of East Asia in the 4th — 6th Centuries: Rouran Khaganate and "Gaoju" (V. V. Tishin) 86

2.2. Turkic Khaganate Formation (V. V. Tishin) 102

2.3. Early Turks in Altai according to Archaeological Data (Y. S. Khudyakov) 112

Chapter 3
HISTORY OF THE TURKIC KHAGANATES 123

3.1. The First Turkic Khaganate. Conquest of the Eurasian Steppe Belt. Kudyrginsky Stage of Turkic Culture (Y. S. Khudyakov) 123

3.2. The Second Eastern Turkic Khaganate in Central Asia (Y. S. Khudyakov) 142

3.3. The Western Turkic and Turgesh Khaganates (A. E. Rogozhinsky, K. Sh. Tabaldiev) 164

3.4. Turkic Stone Statues and Funerary Structures in Altai and Tien-Shan (G. V. Kubarev, V. D. Kubarev, K. Sh. Tabaldiev) 196

Chapter 4
TURKIC TRIBES AND STATES AFTER THE TURKIC KHAGHANATES DISINTEGRATION 257
4.1. The Uyghur Khaganate (Z. T. Sadyrova, R. I. Safarov, T. K. Choroev) 257
4.2. The Kyrgyz Khaganate (M. Ch. Kozhobekov) 267
4.3. The Karluk Khaganate (Z. T. Sadyrova, R. I. Safarov, T. K. Choroev) 279
4.4. The Kimek Khaganate (B. E. Kumekov) 287
4.5. The Kipchaks (S. K. Alymkulova, T. K. Choroev, V. Ya. Butanaev) 301
4.6. The Oghuz Turks (O. K. Karataev, A. Tashagyl, Sh. Aliev) 307
4.7. The Karakhanids (T. K. Choroev, Z. T. Sadyrova) 318
4.8. Great Bulgaria. The Khazar Khaganate (I. L. Izmailov) 328
4.9. Volga Bulgaria (I. L. Izmailov) 341
4.10. Slavs and Turks: The Initial History of Interaction — 5th — Early 13th Centuries (S. V. Zemlyukov, Yu. A. Lysenko) 358

Chapter 5
SOCIO-POLITICAL STRUCTURE AND CULTURE OF TURKIC SOCIETY 403
5.1. State Power and Customary Law of the Turkic Khaganates (A. A. Vasiliev, J. I. Ibragimov, V. V. Sorokin, Z. K. Ayupova, D. U. Kusainov, Yu. A. Zelenin) 403
5.2. The Social Structure of Turkic Society (T. K. Choroev) 411
5.3. Culture and Writing of Turkic Society in the 6th-12th Centuries (T. K. Choroev, N. Useev, I. L. Izmailov, K. Belek) 422
5.4. Ancient Turkic Runic Sites of Altai (I. A. Nevsky, L. N. Tybykova) 450

AUTHOR INFORMATION 476

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Первый том монографии «Летопись тюркской цивилизации», подготовленной международным коллективом ученых из России, Кыргызстана, Казахстана, Таджикистана, Азербайджана, Турции и Германии, рассматривает комплекс важнейших вопросов, связанных со становлением и развитием тюркского мира на протяжении нескольких веков.

Хронологические рамки монографии охватывают период с VI по XII столетие, включая в себя ключевые события ранней тюркской истории, эпохи Тюркского и Караханидского каганатов, Кыргызского великодержавия и др.

Именно в этот период на степных просторах Центральной Евразии тюркский мир превращается в один из важнейших очагов развития мировой цивилизации в сфере культуры, науки, образования, права, военного дела.

Географически расположенный в сердце евразийского континента, тюркский мир исторически выступал связующим мостом между культурами Востока и Запада. Алтай, Центральная Азия, Кавказ, Восточная Европа объединены уходящими в далекое прошлое корнями и традициями, многие из которых обусловлены особенностями развития тюркской общности, способами передачи цивилизационного опыта.

На протяжении обозначенного периода можно наблюдать, как тюркская цивилизация, тюркские народы демонстрируют историческую приверженность интеграционному тренду, который затрагивает весь спектр отношений — культурных, политических, религиозных, этногенетических. Данный фактор способствовал формированию важнейшей особенности тюркского этноса — стремления к гармоничному сосуществованию народов.

Эта ключевая сторона развития тюркского мира раскрыта в монографии через богато иллюстрированный археологический материал, письменные источники и географические карты, позволяющие объективно оценить место тюркских народов на пространстве Большой Евразии.

Благодаря продуманной хронологии «Летописи» читатель может проследить важнейшие вехи становления цивилизации начиная с момента объединения тюркоязычных племен народов Алтая с народами Семиречья и Центральной Азии в эпоху Тюркского каганата. Именно это событие сплотило ареалы евразийских степей с областями древних оседлых цивилизаций — Согдом и Бухарой — ключевыми точками Великого шелкового пути.

В монографии отражена не только социально-политическая история региона, но и комплекс философских, культурных, этнолингвистических вопросов. Такой комплексный подход позволяет использовать материалы «Летописи» в рамках реализации совместных международных образовательных проектов, а также выйти за пределы сугубо исторической тематики и нарисовать яркую картину эпохи во всем ее многообразии. Тюркоязычные народы вписали в мировую историю захватывающие, драматичные страницы, обогатили мировую культуру бесценными творениями архитектурного, инженерного, изобразительного искусства.

В издание включен богатый иллюстрированный материал археологических артефактов и письменных источников, а также картографические данные и основные исторические сведения о тюркском мире с древнейших времен до средневекового периода. Тюркский мир представляет собой неотъемлемую часть Большой Евразии.

Бережное отношение авторов монографии к представленному материалу полностью соответствует подходам Л. Н. Гумилева, который писал: «Лично мне тесные контакты с казахами, татарами, узбеками показали, что дружить с этими народами просто. Надо лишь быть с ними искренними, доброжелательными и уважать своеобразие их обычаев».

Таким образом, «Летопись тюркской цивилизации» демонстрирует уважительный, научно обоснованный взгляд на общность исторических процессов в масштабе мировой цивилизации в относительно малоизученный период истории Большой Евразии.

Надеюсь, что эта важная работа будет продолжена и в будущем. Выражаю благодарность инициаторам проекта Научно-образовательного центра алтаистики и тюркологии «Большой Алтай», связавшим в рамках общего интеллектуального продукта ведущих ученых России и стран Центральной Азии.

Государственный секретарь
Кыргызской Республики
С. С. Касамбетов

INTRODUCTION

The first volume of the monograph "Chronicle of the Turkic Civilization", prepared by an international team of researchers from Russia, Kyrgyzstan, Kazakhstan, Tajikistan, Azerbaijan, Turkey and Germany, examines a set of important issues related to the formation and development of the Turkic world over several centuries.

The chronological framework of the monograph covers the period from the 6th to the 12th century, including the key events of early Turkic history, the era of the Turkic and Karakhanid Khaghanates, the Kyrgyz Great Power, etc.

It was during this period in the steppe expanses of Central Eurasia that the Turkic world turned into one of the most important centers for the development of world civilization in the field of culture, science, education, law, and military affairs.

Geographically located in the heart of the Eurasian continent, the Turkic world has historically acted as a connecting bridge between the cultures of the East and the West. Altai, Central Asia, the Caucasus, and Eastern Europe are united by roots and traditions going back to the distant past, many of which are due to the peculiarities of the development of the Turkic community, ways of transmitting civilizational experience.

Throughout the marked period it is possible to observe how the Turkic civilization, the Turkic peoples demonstrate historical commitment to the integration trend, which affects the whole range of relations — cultural, political, religious, ethnogenetic ones. This factor contributed to the formation of the most important feature of the Turkic ethnos — the desire for harmonious coexistence of peoples.

This key aspect of the Turkic world development is revealed in the monograph through richly illustrated archaeological material, written sources and geographical maps, allowing an objective assessment of the Turkic peoples' place in the Greater Eurasia.

Thanks to the elaborate chronology of the "Chronicle" a reader can trace the most important stages in the civilization development, beginning from the unification of Turkic-speaking tribes of Altai with the peoples of Semirechye (Zhetysu) and Central Asia in the era of the Turkic Khaganate. It was the event that united the areas of the Eurasian Steppes with the areas of ancient settled civilizations — Sogd and Bukhara — the key points of the Great Silk Road.

The monograph reflects not only the socio-political history of the region, but also a complex of philosophical, cultural, ethno-linguistic issues. Such an integrated approach makes it possible to use the materials of the Chronicle in the framework of joint international educational projects, as well as to go beyond purely historical topics and draw a vivid picture of the era in all its diversity. The Turkic-speaking peoples inscribed exciting, dramatic pages in world history and enriched world culture with priceless works of architecture, technology, and fine arts.

The monograph includes rich illustrated material of archaeological artifacts and written sources, as well as cartographic data and basic historical information about the Turkic world from ancient times to the Middle Ages. The Turkic world is an integral part of Greater Eurasia.

The respectful attitude of the monograph's authors to the presented material fully corresponds to the approaches of L. N. Gumilev, who wrote: "Personally, close contacts with Kazakhs, Tatars, Uzbeks have shown me that it is easy to be friends with these peoples. You just have to be sincerely benevolent and respect their customs' peculiarity".

Thus, the Chronicle of the Turkic Civilization demonstrates a respectful, scientifically grounded view of the commonality of historical processes on the scale of world civilization in a relatively little-studied period of the history of Greater Eurasia.

I hope that this important work will be continued in the future. I would like to express my gratitude to the initiators of the project of Research and Educational Center (REC) of Altaic Studies and Turkology "Big Altai", who connected the leading researchers of Russia and Central Asian countries within the framework of a common intellectual product.

Secretary of State of the Kyrgyz Republic
S. S. Kasmambetov

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение истории народа (этноса) — это познание его происхождения и движущих сил развития, выявление переломных исторических моментов, внутренних процессов. В таком исследовании важным вопросом является реконструкция этапов эволюции этнической общности и ее влияние на ход мировой истории. Воссоздание полной и объективной картины прошлого любого народа возможно только при условии вовлечения в исследовательский процесс специалистов разных наук и реализации междисциплинарного подхода, что требует формирования международной научной коллаборации.

Несомненно, среди многих народов, вписавших свои страницы во всемирную историю, заметный след оставили тюркоязычные народы. В мире проживает, по разным источникам, от 180 до 200 миллионов представителей данной этнолингвистической группы. Тюркский мир сегодня включает в себя тюркское население регионов Средней Азии, Европы, Кавказа, Китая, Российской Федерации, Ирана, Ирака и т. д. Только в Евразии тюркские народы имеют в своем составе 40 этнических групп. Сейчас в мире насчитывается шесть государств, в этнической структуре населения которых тюркоязычные народы выступают в роли государствообразующих: Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Турция, Узбекистан[1]. Тюркские народы составляют вторую по численности группу населения Российской Федерации (около 10% населения страны) и являются «титульными нациями» многих субъектов Российской Федерации: Алтай, Башкирия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Саха, Татарстан, Тува, Чувашия, Хакасия.

Тюркоязычное население имеет богатую историю, которая восходит к глубокой древности. Их предки, тюркские племена, в раннем Средневековье со-

[1] Тюрки. URL: https://ru.wikipedia.org/ (дата обращения: 04.09.2022).

здали тюркские кочевые государства — каганаты, оказавшие огромное влияние на динамику исторических процессов Азии и Восточной Европы и изменившие государственный ландшафт Евразии. Развитие тюркских кочевых империй сопровождалось мощными межэтническими коммуникациями с народами китайской и персидской земледельческих цивилизаций, взаимными процессами аккультурации. Тюркские племена — авары, венгры, печенеги, торки, половцы — оказали влияние и на судьбу славянских племен, русских княжеств и Древней Руси.

На современном этапе тюркский мир играет большую роль в системе международных отношений. Можно говорить о возрастающей роли «тюркского фактора», которая в обозримой перспективе может проявить себя более активно на международной арене. Но уже сейчас очевидно, что в настоящее время политическая активность тюркских государств прямо или косвенно влияет на глобальные процессы мировой политики. С другой стороны, в двадцать первом столетии эти процессы оказывают существенное влияние на динамику развития тюркского мира. Тюркоязычный мир государств Евразии столкнулся с рядом вызовов современности, которые во многом обусловлены геополитическими интересами глобальных и региональных политических акторов и их активным воздействием на развитие данного пространства.

Консолидация тюркоязычных народов стран Евразии может осуществляться на основе единства происхождения, которое предопределило их общие исторические корни, территорию, язык, цивилизационные ценности и культурное наследие. Тюркоязычный мир Евразии объединяют вековые традиции добрососедства и опыт общей государственности; устойчивые хозяйственно-экономические связи и прочные отношения с другими этническими сообществами — славянскими, финно-угорскими, монгольскими и т. д. Глубокий пласт общей этнической истории тюркоязычных народов получил глубокое освещение в трудах исследователей. Но многие ее сюжеты еще остаются недостаточно изученными, по-разному интерпретируются научным сообществом. Прежде всего — это вопросы происхождения, формирования и расселения тюркских народов, их взаимодействия с соседними народами, создание различных союзов и государств.

В связи с этим становится крайне необходимой интеграция ведущих исследователей-тюркологов для формирования объективного и целостного представления о происхождении и историко-культурном единстве тюркских народов, позиционирования Алтая как исторической родины тюркоязычных народов, центра тюркского мира. При этом новые аспекты этих

процессов могут быть выявлены на основе крупных международных, междисциплинарных исследований, включающих исторические, природно-географические, археологические, этнографические, правовые и другие реконструкции. Результаты именно такого исследования и представлены в данной коллективной монографии.

Хронологические рамки монографии определялись временем этногенеза тюркских племен, создания ими первых государственных образований и предшествующий им период. Таким образом, нижняя хронологическая грань исследования соотносится со II в. нашей эры. С этого периода началось формирование прототюркоязычных племен в Монголии, Южной Сибири, Восточной и Центральной Азии. По наиболее распространенной в науке гипотезе, предками тюркских племен были хунны[2]. Многие ученые отдают предпочтение в вопросе о происхождении древнетюркских племен взаимопроникновению «скифских» и «хуннских» групп племен, их преемственности. В монографии предыстория тюркских народов изложена на основе анализа большого объема китайских хроник.

В более позднее время, III–V вв., происходила консолидация прототюркских племен и их объединение в рамках Тюркского каганата. Согласно китайским хроникам, в конце III — начале IV в. позднегуннские племена из Северо-Западного Китая подвергались принудительному переселению в Восточный Туркестан. В Восточном Туркестане (Турфан) проживало иранское и тохарское население. Именно здесь было положено начало тесным тюрко-согдийским связям, оказавшим огромное влияние на всю культуру и государственность древних тюрков[3]. В 460 г. эти племена подвергались нападению жоужаней (аваров). В результате нападения жоужаней (аваров) прототюркские племена, в составе которых было племя Ашина, из Восточного Туркестана переселились на Южный Алтай. На Алтае племени Ашина удалось объединить вокруг себя местные племена. В данных процессах играли важную роль и имели большое значение местные племена огузов (по китайским источникам — теле). Отдельные ученые полагают, что тюрки сформировались на основе объединения четырех племен — собственно тюрки-

---

[2] Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. С. 153; Савинов Д. Г. О «скифском» и «хуннском» пластах в формировании древнетюркского культурного комплекса // Вопросы археологии Казахстана. Алматы; М., 1998. С. 130–141.

[3] История Востока: в шести томах. Т. 2: Восток в средние века. М.: Восточная культура РАН, 2000. С. 60.

Ашина, киргизы, телесы (огузы) и кыпчаки[4]. Впоследствии этот племенной союз стал именоваться тюрками. До создания каганата термин «тюрк» означал союз десяти-двенадцати племен, объединившихся на Алтае.

В 542 г. этноним «тюрки» впервые встречается в китайских источниках. В 545–551 гг. племена тюрков разбили господствующие в степи племена уйгуров и жоужаней. В 551 г. вождь тюркских племен Бумын принял титул кагана. Начинается эпоха Великого тюркского каганата — тюрк эль. К 555 г. под властью каганата оказались многие народы Южной Сибири, Алтая, Западной Маньчжурии, Центральной Азии. К 625 г. Тюркский каганат распространил свое влияние на всю Центральную Азию. Первый Тюркский каганат (552–603 гг.) — это крупнейшее в мировой истории древнее государство в Евразии, созданное союзом тюркских племен во главе с правителем из рода Ашина.

Последующие столетия, вплоть до образования Монгольской империи в начале XIII в., — это период мощных миграций кочевых народов тюркского происхождения, завоевание ими территорий Евразии. Именно в VII–XII вв. н. э. возникали величайшие для того периода государственные объединения — конфедерации кочевников, которые включали территорию степной Евразии от Маньчжурии до побережья Черного моря. После падения Тюркской кочевой империи в Евразии сосуществовали и активно взаимодействовали между собой Восточно-Тюркский и Западно-Тюркский каганаты, Уйгурский и Кыргызский каганаты, Тюргешский и Карлукский каганаты, а также Кимако-кыпчакская конфедерация, Хазарский каганат, Волжская Булгария и др. Все они демонстрировали преемственность военно-политических и государственно-правовых, социально-экономических традиций, своими корнями уходящих к истории Первого Тюркского каганата и еще более раннему периоду — хуннской эпохе.

Данная взаимосвязь и взаимообусловленность исторических процессов и событий на просторах Евразии во II–XII вв. и определили структуру монографии. Предметом монографического исследования выступает эпоха зарождения тюркских народов (глава 2); история Первого Тюркского каганата, в том числе в период его распада на Западную и Восточную части (глава 3); тюркские племена и государства после распада Тюркского каганата (глава 4); социальная структура, государственная система и право тюркских государств, язык и культура тюркских народов (глава 5). Представленный в монографии материал основывается на исторических, археологических, этно-

[4] Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 85–87.

графических, лингвистических, социально-правовых источниках и исследованиях. Таким образом, монография носит как комплексный, так и междисциплинарный характер, в полной мере соответствует современным требованиям к тюркологии как отрасли научного знания.

Тюркология как наука зародилась в XVIII в. и формировалась, главным образом, как филологическая дисциплина, связанная с изучением тюркских языков. В Российской империи планомерное исследование тюркских народов началось после создания Академии наук. Академические экспедиции второй половины XVIII в. были нацелены на изучение живых языков и письменных памятников, а также фольклора тюркоязычных народов[5].

Принципиально новый этап в развитии не только российской, но и в целом мировой тюркологии начался со второй половины XIX в., когда были заложены основы сравнительно-исторического изучения тюркских языков (В. В. Радлов[6] и др.). Методика проведения таких исследований требовала привлечения дополнительных типов исторических источников — письменных и материальных. С этого времени в тюркологии стали активно привлекаться арабо-персидские, китайские, русские письменные памятники средневекового периода. Наряду с планомерным проведением сравнительного анализа тюркских языков ученые стали акцентировать внимание на исследовании археологических памятников, материальной и духовной культуры тюркских народов. Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. тюркология как филологическая наука трансформировалась в комплексную междисциплинарную отрасль научного знания.

В XX в. советская, как и западная, тюркология вновь стала развиваться в русле традиционной дисциплины, использовавшей методы сравнительного языкознания. В 50–60-х гг. XX в. наряду с изучением современных тюркских языков и их диалектов начали развиваться новые отрасли тюркологии — историческая и сравнительно-историческая фонетика, грамматика, широко развивалась лексикология и лексикография, диалектография и диа-

---

[5] Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Ч. 1. СПб., 1787. 411 с. Ч. 2. СПб., 1789; 487 с.; Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный. Т. 1. СПб., 1790. Т. II, III, IV. СПб., 1791.

[6] Радлов В. В. Наречия тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. I отделение. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Собраны В. В. Радловым, ч. II. Поднаречия абаканские (сагайское, койбальское, качинское), кызылское и чулымское (кюэрик). СПб., 1868. XXI. 712 с.; Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte. Вып. 2, 3. СПб., 1889. Стлб. 321–640, 641–960.

лектология. Междисциплинарные комплексные исследования в советской тюркологии широко не применялись, что связывают с влиянием политико-идеологических принципов в общественно-гуманитарных науках, господствовавших в СССР.

На современном этапе, в условиях накопления значительной эмпирической базы по истории тюркоязычных народов, требуется возобновление междисциплинарных исследований в рамках данной проблематики. Именно такой формат исследований позволит ответить на глобальные вопросы тюркологии, которые до сих пор остаются неисследованной научной лакуной. Среди них, например, причины активного переселения и завоевания огромных территорий тюркскими племенами. Период II–X вв. н. э. — это процессы формирования тюркских племен, усиления их влияния и захвата территорий, которые были обусловлены внешними и внутренними, объективными и субъективными факторами и событиями. Выше мы говорили о комплексном подходе к оценке влияния этих обстоятельств на исследуемые исторические процессы. В этой комплексной оценке наиболее важных исторических факторов и событий, повлиявших на «великое переселение народов» на просторах Евразии, важно учесть не только социальные, но и природно-географические компоненты. Для формирования объективной позиции по этому вопросу в предлагаемой читателю монографии рассмотрены помимо исторических, экономических, природно-географические и климатические факторы.

Рассматриваемый период предтюркского и тюркского времени совпадает с периодом общего похолодания климата. Он получил название климатический пессиум раннего Средневековья. Начало общего похолодания климата в разных территориях датируется по-разному, но в целом соответствует периоду с 250–450 гг. н.э. и заканчивается в 750–780 гг. В течение похолодания среднегодовая температура была на 1–1,5 градуса ниже обычной, зима более холодной, климат более влажный. Так, коллектив ученых под руководством У. Бюнтгена использовал хронологию древесных колец российского Алтая и Европейских Альп для реконструкции летних температур за последние два тысячелетия. В результате было определено беспрецедентное продолжительное и пространственно-синхронизованное похолодание после серии крупных вулканических извержений в 536, 540 и 547 гг., которое, вероятно, было поддержано обратными связями океана и морского льда, а также солнечным минимумом. Исследовательский коллектив определил также интервал с 536 по 660 г. как позднеантичный Малый ледниковый период. Резкое летнее похолодание было более сильным в условиях континен-

тального климата Центральной Азии, особенно низкие температуры были в V–VI вв. по сравнению с температурами в Европе[7]. По мнению многих исследователей, период похолодания в средние века привел к существенному изменению в жизни многих народов, включая Азию — снижение плодородия пастбищ и джуту — гибели скота, голоду, миграциям и войнам. Джуты были достаточно распространены в этот период и характеризовались массовым падежом скота, вызванным объединением пастбищ или обильными снегопадами, затрудняющими выпас скота. Единственным спасением от гибели была откочевка в другие местности. Войны и страшный голод в степи фиксировались в 581–583 гг., в 627–629 гг[8].

Ухудшение природно-климатических условий для экстенсивного скотоводства, состояния оседло-земледельческих сообществ способствовало перемещению на новые более благоприятные территории, вытеснению более слабых народов, захвату территорий и войнам[9]. Кочевые племена были особенно зависимы от состояния природно-географических факторов. Именно эти факторы определяли их развитие, процветание и упадок. В таком контексте рассматривал периоды активности кочевников Л. Н. Гумилев[10]. Их влияние на переселение кочевых племен исследовалось в более ранних работах историков и востоковедов.

Не вызывает сомнения то, что быстрый захват тюркскими войсками сопредельных территорий Центральной и Восточной Азии, а затем и подчинение западных территорий до Дона и Причерноморья было обусловлено и рядом других факторов. Среди них: мобильность и маневренность тюркской армии, преимущества кочевников в тактике ведения боев, технологические преимущества, связанные с производством современного вооружения из железа, контроль торговых маршрутов и т. д.

Более масштабного и комплексного подхода требует изучение памятников предтюркского и тюркского периода на Алтае. Алтай является территорией, где в раннем Средневековье происходил процесс этногенеза тюркских народов. В этом регионе сконцентрированы сотни памятников археологии,

---

[7] Büntgen U., Myglan V., Ljungqvist F. et al. Cooling and societal change during the Late Antique Little Ice Age from 536 to around 660 AD. Nature Geosci 9, 231–236 (2016); Мыглан В. С. Климат и социум Сибири в малый ледниковый период: монография // Сибирский федеральный ун-т. Красноярск, 2010. 230 с.

[8] Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 229.

[9] Клименко В. В. Климат: Непрочитанная глава истории. М.: МЭИ, 2009. С. 196–203.

[10] Гумилев Л. Н. История Древней Руси во взаимоотношениях народов Евразии. М.: АСТ «Москва», 2008. С. 234–235.

связанных со всеми этапами истории общности тюрков (вторая половина V–XI вв. н. э.). Они представлены погребальными и поминальными объектами, наскальными изображениями, каменными изваяниями, предметами материальной и духовной культуры, образцами письменности. Глубокое и всестороннее изучение социально-экономической жизни народов Алтая в древности и Средневековье, исследование их политических, экономических и культурных связей принадлежит таким ученым, как Б. А. Литвинский, С. М. Абрамзон, В. П. Алексеев, А. Н. Бернштам, В. В. Бартольд, В. В. Радлов, Л. Н. Гумилев, Т. К. Ходжайов, А. Б. Буриев, М. К. Кутлуков, Н. Э. Масанов, Ю. С. Худяков, Д. Г. Савинов, и многим другим.

«Алтайская» гипотеза происхождения тюрков находит подтверждение как в письменных памятниках, так и в археологических материалах. Как отмечалось ранее, согласно одной из легенд, представленной в китайских хрониках, в 460 г. на Алтай переселилось племя Ашина. На новом месте предкам тюрков пришлось взаимодействовать с местным населением. В результате именно на Алтае с течением времени сложился союз племен, получивший название «Тюрк». Сведения письменных источников подтверждаются результатами раскопок археологических памятников на Алтае. К настоящему времени только на этой территории известны наиболее ранние объекты (2 пол. V — сер. VI в. н. э.), демонстрирующие процессы формирования тюркской общности. Эти памятники Кок-Паш, Кудырге, Усть-Карасу и др., расположенные в горах Республики Алтай и предгорьях Алтайского края Российской Федерации. Современные данные показывают, что 2-я пол. 1 тыс. — период, имеющий огромное значение для целостного понимания истории Центральной Азии и сопредельных территорий. Имеющиеся материалы свидетельствуют о значительных перспективах дальнейшего комплексного изучения археологических памятников тюркского периода на территории «Большого Алтая».

С учетом такой перспективы выстраивает свою деятельность Научно-образовательный центр алтаистики и тюркологии «Большой Алтай», созданный в Алтайском государственном университете в 2019 г. Главной задачей Центра стала интеграция ведущих тюркологов стран «Большого Алтая» с целью обобщения и систематизации накопленных знаний в области археологии, этнографии, этнической истории, религиозных воззрений, лингвистики и права народов тюркского мира. Таким образом, в основе научной деятельности Центра заложен принцип междисциплинарности, связанный с комплексным изучением историко-культурного наследия тюркских народов, их многогранной этнической истории, их «алтайских корней».

Системный характер работы ученых НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» выражается в его стремлении продвигать результаты комплексных междисциплинарных тюркологических исследований в образовательном и гуманитарном пространстве России и стран Центральной Азии, способствовать сохранению историко-культурного наследия тюркских народов. На протяжении 2019–2023 гг. Центр реализовал масштабный проект «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности», поддержанный Министерством науки и высшего образования Российской Федерации. Для его реализации привлечены специалисты различных научных областей, в сферу интересов которых входит изучение отдельных аспектов истории тюркского мира — археологи, этнографы, религиоведы, антропологи, правоведы, историки, лингвисты, музеологи. Гуманитарные исследования сочетают использование методов естественно-научных дисциплин и современных информационных технологий. Диверсификация научных разработок, связанных с междисциплинарным подходом, заложенным в работе Центра, позволяет успешно реконструировать процессы генезиса тюркской культуры, проводить масштабные историко-культурные реконструкции этапов этнической истории тюркоязычных народов, внедрять научные результаты в образовательный процесс и социальные практики. Готовится к реализации программа междисциплинарных исследований, в том числе проведение серии естественно-научных анализов антропологических и остеологических материалов из археологических комплексов, хранящихся в многочисленных музейных учреждениях.

Результатом деятельности НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» стала работа по подготовке многотомного издания «Летопись истории тюркских народов». Для этого привлечены ученые ведущих мировых тюркологических центров России, стран Ближнего и Дальнего зарубежья. Уникальность издания заключается и в междисциплинарном подходе в исследованиях, позволившем привлечь к подготовке отдельных томов специалистов различной научной направленности. В основе Летописи заложен хронологический принцип, дающий возможность рассматривать генезис и эволюцию тюркской культуры в исторической динамике. Перед авторами издания стоит задача максимально полно проследить развитие трансформационных процессов в самых различных областях жизни тюркоязычных народов — социальной, экономической и политической, мировоззренческой, культурной.

Как отмечалось выше, I том «Летопись истории тюркских народов» посвящен тюркскому миру в эпоху Средневековья в VI–XII вв. В подготовке тома участвовал международный коллектив ученых из 35 человек, представ-

ляющих 21 научный центр семи государств: России, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Азербайджана, Турции, Германии. Среди них: Ш. Алиев, С. К. Алымкулова, З. К. Аюпова, К. Белек, А. Ю. Борисенко, В. Я. Бутанаев, Н. И. Быков, А. А. Васильев, А. Н. Дунец, Ю. А. Зеленин, С. В. Землюков, Ж. И. Ибрагимов, И. Л. Измайлов, О. К. Каратаев, М. Кожобеков, Н. А. Кочеева, Г. В. Кубарев, В. Д. Кубарев, Б. Е. Кумеков, Д. У. Кусаинов, Ю. А. Лысенко, И. А. Невская, С. Г. Платонова, А. Е. Рогожинский, З. Т. Садырова, Р. И. Сафаров, В. В. Сорокин, К. Ш. Табалдиев, А. Ташагыл, В. В. Тишин, Л. Н. Тыбыкова, Н. Усеев, Ю. С. Худяков, Д. В. Черных, Т. К. Чороев.

Взгляд на историю тюркских народов периода средних веков, который представлен международным коллективом исследователей, обогатит читателя новыми сведениями об исторических событиях, их связях и обусловленности и будет способствовать усилению интереса ученых к данной проблематике.

С. В. Землюков, Ю. А. Лысенко

PREFACE

The study of the history of a people (ethnos) is the knowledge of its origin and the driving forces of development, revealing the turning points of history, internal processes. In such a study, the important point is to reconstruct the evolutionary stages of the ethnic community and its influence on the world history. The reconstruction of a complete and objective picture of the past of any nation is possible only if various specialists are involved in the research process and an interdisciplinary approach is implemented, which requires an international scientific collaboration formation.

Undoubtedly, among the many peoples who have inscribed their pages in world history, the Turkic-speaking peoples have left a notable mark. According to various sources, there are between 180 and 200 million members of this ethno-linguistic group in the world. Nowadays the Turkic world includes Turkic peoples of the regions of Central Asia, Europe, the Caucasus, China, the Russian Federation, Iran, Iraq, etc. In Eurasia alone, the Turkic peoples have 40 ethnic groups. Currently, there are six states in the world, in the ethnic structure of the population of which the Turkic-speaking peoples act as state-forming ones: Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Turkmenistan, Turkey, Uzbekistan[11]. The Turkic peoples make up the second largest population group of the Russian Federation (about 10% of the country's population) to be the "titular nations" of many subjects of the Russian Federation: Altai, Bashkiria, Kabardino-Balkaria, Karachay-Cherkessia, Sakha, Tatarstan, Tuva, Chuvashia, Khakassia.

The Turkic-speaking peoples have a rich history that dates back to ancient times. Their ancestors, the Turkic tribes, in the early Middle Ages created Turkic nomadic states — khaganates, which had a huge impact on the dynamics of historical processes in Asia and Eastern Europe and changed the state landscape

[11] Turks. URL: https://ru.wikipedia.org/(accessed: 04.09.2022).

of Eurasia. The development of Turkic nomadic empires was accompanied by powerful inter-ethnic communications with the peoples of Chinese and Persian agricultural civilizations and mutual processes of acculturation. Turkic tribes — Avars, Hungarians, Pechenegs, Torks, Polovtsy (Cumans) — influenced the life of Slavic tribes, Russian principalities and Ancient Russia.

At the present stage, the Turkic world plays an important role in the system of international relations. We can talk about the increasing role of the "Turkic Factor", which in the foreseeable future may manifest itself more actively in the international arena. But it is already obvious that at present the political activity of the Turkic states directly or indirectly affects the global processes of world politics. On the other hand, the global world processes of the twenty-first century have a significant impact on the dynamics of the development of the Turkic world. The Turkic-speaking world of the Eurasian states has faced a number of challenges of our time, which are largely due to the geopolitical interests of global and regional political actors and their active influence on the development of this area.

The Turkic-speaking peoples of Eurasia can be consolidated on the basis of the unity of origin, which predetermined their common historical roots, territory, language, civilizational values and cultural heritage. Turkic-speaking world of Eurasia unites centuries-old traditions of good-neighbourliness and experience of common statehood; stable economic ties and strong relations with other ethnic communities — Slavic, Finno-Ugric, Mongolian, etc. A deep layer of the general ethnic history of the Turkic-speaking peoples has received deep coverage in the works of researchers. But many of its topics still remain understudied and are interpreted differently by the scientific community. First of all, these are issues of the origin, formation and settlement of the Turkic peoples, their interaction with neighboring peoples, the creation of various unions and states.

In this regard, it becomes extremely necessary to integrate leading researchers-Turkologists to form an objective and holistic view of the origin and historical and cultural unity of the Turkic peoples, positioning Altai as the historical homeland of the Turkic-speaking peoples, the center of the Turkic world. At the same time, new aspects of these processes can be identified on the basis of major international, interdisciplinary studies, including historical, natural-geographical, archaeological, ethnographic, legal and other reconstructions. The results of such study are presented in this collective monograph.

The chronological frames of the monograph were determined by the time of ethnogenesis of Turkic tribes, their creation of the first state formations, and the period preceding them. Thus, the lower chronological boundary of the study corresponds to the 2nd century AD. Since this period the formation of Proto-

Turkic-speaking tribes has begun in Mongolia, Southern Siberia, Eastern and Central Asia. According to the most widespread scientific hypothesis, the ancestors of the Turkic tribes were the Huns[12]. Many scientists prefer the question of the origin of the ancient Turkic tribes to the interpenetration of the "Scythian" and "Hunnic" groups of tribes, their continuity. The monograph presents the prehistory of the Turkic peoples based on an analysis of a large amount of Chinese chronicles.

In later periods, in the 3rd–5th centuries, the Proto-Turkic tribes were consolidating and uniting within the framework of the Turkic Khaganate.

According to the Chinese chronicles, in the late 3rd and early 4th century the Late Hunnic tribes from Northwestern China were subjected to forced relocation to East Turkestan. In East Turkestan (Turfan) there were Iranian and Tocharian populations. It was here that the close Turkic-Sogdian ties began, which had a huge impact on the entire culture and statehood of the ancient Turks[13]. In 460, the tribes were attacked by the Rouran (Avars). As a result of the Rouran (Avars) attack, the Proto-Turkic tribes, which included the Ashina tribe, migrated from Eastern Turkestan to the Southern Altai. In Altai, the Ashina tribe managed to unite local tribes around themselves. Local Oghuz tribes (according to Chinese sources — Tele) played an important role and were of great significance in these processes. Some researchers believe that the Turks were formed from the association of four tribes — the Ashin Turks, the Kirghiz, the Teles (Oghuz), and the Kipchaks[14]. Subsequently, this tribal union became known as the Turks. Before the Khaganate formation, the term "Turk" meant a union of ten or twelve tribes combined in Altai.

In 542, the ethnonym "Turks" was first found in Chinese sources. In 545–551, the Turkic tribes defeated the dominant tribes of the Uighurs and the Rouran in the steppe. In 551 the leader of the Turkic tribes, Bumyn took the title of Khagan. The Great Turkic Khaganate era — Turk el -begins. By 555 many peoples of Southern Siberia, Altai, Western Manchuria and Central Asia were under the rule of the khaganate. By 625 the Turkic Khaganate had spread its influence throughout Central Asia. The First Turkic Khaganate (552–603) is the largest ancient state in world history in Eurasia, created by an alliance of Turkic tribes headed by a ruler from the Ashin clan.

---

[12] Klyashtorny S. G. The History of Central Asia and Monuments of Runic Writing. St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University, 2003. P. 153; Savinov D. G. The "Scythian" and "Hunnish" Layers in the Formation of the Old Turkic Cultural Complex // Voprosy Archaeologii Kazakhstana. Almaty; M., 1998. Pp. 130–141.

[13] The History of the East: in Six Volumes. Vol. 2: The East in the Middle Ages. Moscow: Oriental Culture of the Russian Academy of Sciences, 2000. p. 60.

[14] Klyashtorny S. G., Savinov D. G. Steppe Empires of Ancient Eurasia. St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University, 2005. pp. 85-87.

The following centuries, up to the formation of the Mongol Empire in the early 13th century, were a period of massive migrations of Turkic nomadic peoples and their conquest of Eurasian territories. It was in the 7th–12th centuries A. D. that the greatest state associations for that period arose — the confederations of nomads, which included the territory of steppe Eurasia from Manchuria to the Black Sea coast. After the collapse of the Turkic Nomadic Empire in Eurasia, the Eastern and Western Turkic Khaganates, the Uighur and Kyrgyz Khaganates, the Turgesh and Karluk Khaganates, as well as the Kimek-Kipchak Confederation, the Khazar Khaganate, the Volga Bulgaria, etc. coexisted and actively interacted with each other. All of them demonstrated the continuity of military-political, state-legal, socio-economic traditions, their roots going back to the history of the First Turkic Khaganate and an even earlier period — the Hunnic era.

It was this interrelation and interdependence of historical processes and events in the expanses of Eurasia in the 2nd–12th centuries that determined the structure of the monograph. The subject of the monographic research is the era of the Turkic peoples emergence (Chapter 2); the history of the First Turkic Khaganate, including the period of its disintegration into the Western and Eastern parts (Chapter 3); Turkic tribes and states after the collapse of the Turkic Khaganate (Chapter 4); social structure, state system and law of the Turkic states, language and culture of the Turkic peoples (Chapter 5). The material presented in the monograph is based on historical, archaeological, ethnographic, linguistic, social and legal sources, and research. Thus, the monograph being both complex and interdisciplinary in nature fully meets modern requirements for Turkology as a branch of scientific knowledge.

Turkology as a science originated in the 18th century and was formed mainly as a philological discipline related to the study of Turkic languages. In the Russian Empire, a large-scale study of the Turkic peoples began after the establishment of the Academy of Sciences. The academic expeditions of the second half of the 18th century were aimed at the study of living languages and written records, as well as and the folklore of Turkic-speaking peoples[15].

A fundamentally new stage in the development of both Russian and world Turkology began in the second half of the 19th century, when the basis for

[15] Comparative Dictionaries of All Languages and Dialects, Collected by the Right Hand of the All-Important Person. Branch one cont. European and Asian languages. P. 1. St. Petersburg, 1787. P. 2. St. Petersburg, 1789; Comparative Dictionary of All Languages and Dialects, Arranged in Alphabetical Order. Vol. 1. St. Petersburg, 1790. Part. 2, 3, 4. St. Petersburg, 1791.

comparative and historical study of the Turkic languages was laid. (V. V. Radlov[16], etc.). The methodology of such research required the involvement of additional types of historical sources — written and material ones. Since that time, Arabic-Persian, Chinese, and Russian written monuments of the medieval period have been actively involved in Turkology. Along with the systematic comparative analysis of the Turkic languages, researchers began to focus on the study of archaeological sites, material and spiritual culture of the Turkic peoples. Thus, at the turn of the 19th–20th centuries, Turkology as a philological science was transformed into a complex interdisciplinary branch of scientific knowledge.

In the twentieth century, Soviet, as well as Western, Turkology began to develop again as a traditional discipline that used methods of comparative linguistics. In the 50s and 60s along with the study of modern Turkic languages and their dialects, new branches of Turkology emerged — historical and comparative-historical phonetics, grammar, lexicology and lexicography, dialectography and dialectology were widely developed. Interdisciplinary comprehensive studies in Soviet Turkology were not widely applied, which is attributed to the influence of political and ideological principles in social sciences and humanities that prevailed in the USSR.

At the present stage, in the conditions of accumulation of a significant empirical base on the history of the Turkic-speaking peoples, it is necessary to resume interdisciplinary research within the framework of this issue. It is this format of research that will allow us to answer the global questions of Turkology, which still remain an unexplored scientific lacuna. Among them, for example, one can name the reasons for the active resettlement and conquest of vast territories by Turkic tribes. The period of the 2nd–10th centuries A. D. is the process of Turkic tribes formation, their growing influence and seizure of territories, which were caused by external and internal, objective and subjective factors and events. Above, we talked about a comprehensive approach to assessing the impact of these circumstances on the historical processes under study. In this comprehensive assessment of the most important historical factors and events that influenced the "Migration Period" in the expanses of Eurasia, it is important to take into account not only social, but also natural and geographical components. In order to form an objective position

[16] Radlov V. V. The Dalects of the Turkic Tribes Living in Southern Siberia and the Dzungarian Steppe. Branch 1 Samples of Folk Literature of Turkic Tribes Living in Southern Siberia and Dzungarian Steppe. Collected by V. V. Radlov, p. 2. The Abakan Sub-dialects (Sagai, Koibal, Kachin), Kyzyl and Chulym (k-uerik) Ones. St. Petersburg, 1868. 21. 712 p.; Radlov V.V. The Experience of the Turkic Dialects Dictionary. Versuch Eines Wörterbuches der Türk-Dialecte. Issue 2, 3. St. Petersburg, 1889. Col. 321-640, 641-960.

on this issue, the monograph considers, in addition to historical and economic factors, natural, geographical and climatic ones.

The considered period of the pre-Turkic and Turkic time coincides with the period of global cooling. It was called the climatic pessimum of the early Middle Ages. The beginning of the global cooling in different territories is dated differently, but generally corresponds to the period from 250–450 AD and ends in 750–780. During the cooling, the average annual temperature was 1–1.5 degrees below normal, the winter was colder, the climate was wetter. So, a team of researches led by U. Büntgen used the chronology of tree rings in the Russian Altai and the European Alps to reconstruct summer temperatures over the past two millennia. As a result, they determined unprecedented prolonged and spatially synchronized cooling preceeded by a series of large volcanic eruptions in 536, 540 and 547, which was probably supported by feedback between the ocean and sea ice, as well as a solar minimum. The research team also defined the interval from 536 to 660 as the Late Antique Little Ice Age. The sharp summer cooling was stronger in the conditions of the continental climate of Central Asia, especially low temperatures being in the 5th–6th centuries compared with temperatures in Europe[17]. According to many researchers, the cooling period in the Middle Ages led to a significant change in the lives of many peoples, including Asia — a decrease in the fertility of pastures and dzud (death of livestock), famine, migrations and wars. Dzud was quite common during this period and was characterized by a massive loss of livestock caused by the unification of pastures or heavy snowfall, making it difficult to graze livestock. The only salvation from death was migration to other areas. Wars and terrible famine in the steppe were recorded in 581–583, in 627–629.[18]

The deterioration of natural and climatic conditions for extensive cattle breeding, the state of settled agricultural communities contributed to the relocation to new and more favorable territories, the displacement of weaker peoples, the seizure of territories and wars[19]. Nomadic tribes were particularly dependent on the state of natural and geographical factors. These factors determined their development, prosperity and decline. It was in this context that L. N. Gumilev[20] considered the

---

[17] Büntgen U., Myglan V., Ljungqvist F. et al. Cooling and Societal Change during the Late Antique Little Ice Age from 536 to around 660 AD. Nature Geosci 9, 231–236 (2016); Myglan V. S. Climate and Society of Siberia in the Little Ice Age: monograph // Siberian Federal University. Krasnoyarsk, 2010.

[18] Bichurin N. Ya. Collection of Information on Peoples Lived in Central Asia in Ancient Times. Part. 1. M.; L., 1950. P. 229.

[19] Klimenko V. V. Climate: An Unread Chapter of History. Moscow: MEI, 2009. Pp. 196–203.

[20] Gumilev L. N. The History of Ancient Russia in the Relations of the Peoples of Eurasia. Moscow: AST “Moscow”, 2008. Pp. 234–235.

periods of nomads activity. Their influence on the migration of nomadic tribes had been studied in earlier works of historians and orientalists.

There is no doubt that the Turks rapid seizure of the adjacent territories of Central and East Asia, as well as the following the subordination of the western territories to the Don and the Black Sea Region was due to a number of other factors. Among them: the mobility and maneuverability of the Turkic army, the advantages of nomads in the tactics of fighting, technological advantages associated with the production of modern iron weapons, control over trade routes, etc.

The study of monuments of the pre-Turkic and Turkic periods in Altai requires a more extensive and comprehensive approach. Altai is the territory where the ethnogenesis process of the Turkic peoples took place in the early Middle Ages. Hundreds of archaeological sites associated with all stages of the history of the Turkic community (the second half of the 5th–11th centuries AD) are concentrated in this region. They are represented by funerary and memorial objects, rock carvings, stone sculptures, objects of material and spiritual culture, written records. A deep and comprehensive study of the social and economic life of the Altai peoples in antiquity and the Middle Ages, the study of their political, economic and cultural ties belongs to such researches as B. A. Litvinsky, S. M. Abramzon, V. P. Alekseev, A. N. Bernshtam, V. V. Barthold, V. V. Radlov, L. N. Gumilev, T. K. Khodzhayov, A. B. Buriev, M. K. Kutlukov, N. E. Masanov, Y. S. Khudyakov, D. G. Savinov, and many others.

The "Altai" hypothesis of the origin of the Turks is confirmed both in written monuments and in archaeological materials. As noted earlier, according to one of the legends presented in the Chinese chronicles, in 460 the Ashina tribe moved to Altai. In the new place, the ancestors of the Turks had to interact with the local population. As a result, it was in Altai that a union of tribes which was called the "Turk" was eventually formed. Data from written sources are confirmed by the results of excavations of archaeological sites in Altai. To date, the earliest objects demonstrating the processes of Turkic community formation (second half of the fifth cent. A D — mid-sixth cent. A D) are known only in this territory. These sites are Kok-Pash, Kudyrge, Ust-Karasu, etc., located in the mountains of the Altai Republic and at the foothills of the Altai Territory, in the Russian Federation. Modern data show that the 2nd half of the 1st millennium is a period of great importance for holistic understanding of the history of Central Asia and adjacent territories. The available materials indicate significant prospects for further comprehensive study of archaeological sites of the Turkic period on the territory of the "Greater Altai".

The Research and Educational Center (REC) of Altaic Studies and Turkology, "Big Altai", established at Altai State University in 2019, builds its activities according to this perspective. The primary task of the Center has been the integration of leading Turkologists of the countries of the "Greater Altai" in order to generalize and systematize the accumulated knowledge in the field of archeology, ethnography, ethnic history, religious beliefs, linguistics and the law of the Turkic world. Thus, the scientific activity of the Center is based on the principle of interdisciplinarity associated with the comprehensive study of the historical and cultural heritage of the Turkic peoples, their multi-dimensional ethnic history, their "Altai roots". The systematic work of the REC of Altaic Studies and Turkology "Big Altai" is expressed in the desire to promote the results of complex interdisciplinary turkological research in the educational and humanitarian space of Russia and Central Asian countries, to contribute to the preservation of the historical and cultural heritage of the Turkic peoples. From 2019 the Center has been implementing a large-scale project "The Turkic World of the Greater Altai: Unity and Diversity in History and Modernity", supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. For its implementation, the Center involves specialists from various scientific fields, their sphere of interest being the study of certain aspects of the history of the Turkic world — archaeologists, ethnographers, religious experts, anthropologists, jurists, historians, linguists, museologists. Humanitarian studies combine methods of natural science disciplines and modern information technologies. The diversification of scientific developments related to the interdisciplinary approach laid down in the work of the Center makes it possible to successfully reconstruct the processes of Turkic culture genesis, carry out large-scale historical and cultural reconstructions of the stages of the Turkic-speaking peoples ethnic history, introduce scientific results into the educational process and social practices. A program of interdisciplinary research is being prepared for implementation, including a series of natural science analyses of anthropological and osteological materials from archaeological complexes stored in numerous museum institutions.

The activity of the REC of Altaic Studies and Turkology "Big Altai" resulted in the work on the preparation of a multi-volume publication "The Chronicle of the Turkic Civilization". For this purpose, researchers from the world's leading Turkic centers of Russia, near and far abroad countries have been involved. The uniqueness of the publication also lies in the interdisciplinary approach in research, which made it possible to attract experts of various scientific focus to the preparation of certain volumes. The Chronicle is based on the chronological principle, allowing to consider the genesis and evolution of the Turkic culture in historical dynamics. The

authors of the publication are faced with the task of following as fully as possible the development of transformational processes in the most diverse areas of life of the Turkic-speaking — social, economic and political, ideological, cultural ones.

As noted above, volume 1 of the "Chronicle of the Turkic Civilization" is devoted to the Turkic world of the Middle Ages in the 6th–12th centuries. The volume was prepared by an international team of 35 researchers representing 21 scientific centers of seven countries: Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Azerbaijan, Turkey, Germany. Among them: Sh. Aliev, S. K. Alymkulova, Z. K. Ayupova, K. Belek, A. Yu. Borisenko, V. Ya. Butanaev, N. I. Bykov, A. A. Vasiliev, A. N. Dunets, Yu. A. Zelenin, S. V. Zemlyukov, J. I. Ibragimov, I. L. Izmailov, O. K. Karataev, M. Kozhobekov, N. A. Kocheeva, G. V. Kubarev, V. D. Kubarev, B. E. Kumekov, D. U. Kusainov, Yu. A. Lysenko, I. A. Nevskaya, S. G. Platonova, A. E. Rogozhinsky, Z. T. Sadyrova, R. I. Safarov, V. V. Sorokin, K. Sh. Tabaldiev, A. Tashagyl, V. V. Tishin, L. N. Tybykova, N. Useev, Yu. S. Khudyakov, D. V. Chernykh, T. K. Choroev.

A look at the history of the Turkic peoples in the Middle Ages, which is presented by the international team of researchers, will enrich the reader with new information about historical events, their connections and conditionality and will contribute to increasing the interest of scientists in this issue.

S. V. Zemlyukov, Yu. A. Lysenko

Глава 1

ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АЛТАЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ, ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ТЮРКСКИХ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

1.1. Природные условия и ресурсы Большого Алтая как ключевого региона Центральной Азии (Д. В. Черных, Н. И. Быков, С. Г. Платонова, А. Н. Дунец, Н. А. Кочеева)

Кочевая цивилизация Евразии представляет собой не только исторический феномен, но и пример уникального взаимодействия человека и природы. То, что ландшафты и история цивилизаций Внутренней Евразии сильно отличаются от Евразии Внешней — Западной Европы, Китая с Индокитаем, Индии, окруженных морями и имеющих длительную историю аграрного освоения, урбанизации, — отмечали многие исследователи[21]. Есть все основания полагать, что зарождение и формирование на пространстве Евразии целого ряда империй кочевых народов, и тюркская эпоха не является исключением, были в значительной мере предопределены природными условиями. Они способствовали формированию характер-

[21] Чибилёв А. А. Степная Евразия: региональный обзор природного разнообразия. М.; Оренбург: Институт степи РАН; РГО, 2016. 324 с.

ных видов природопользования, в том числе кочевого хозяйства, основанного на сезонной смене пастбищ.

Обширный регион, с которым связывается формирование и развитие кочевых культур, простирающийся от Восточной Европы до Маньчжурии и Лёссового плато в Китае почти на 9000 км, ассоциируется со степными ландшафтами. Различные исследователи называют его по-разному: Евразийская степь, Великая степь, Степной пояс Евразии, Степная Евразия. Природа этой территории имеет много общего: континентальный климат со значительными амплитудами годовых и суточных температур, дефицит увлажнения и малоснежные зимы, господство травянистой растительности ксерофитного, реже мезофитного характера с преобладанием дерновинных злаков[22,23,24].

Однако при столь значительных размерах, несмотря на наличие общих черт, территория Степной Евразии внутренне неоднородна. И эта неоднородность обусловлена рядом факторов. Во-первых, положение между 56 и 41° северной широты предполагает существенное изменение природных условий при движении с севера на юг. Рассматриваемое пространство в географическом плане намного шире, чем собственно ее ядро — степная ландшафтная зона Европы и Азии. Степная Евразия в понимании ландшафтоведов, геоботаников, почвоведов и биогеографов включает также две переходные зоны — лесостепную на севере и полупустынную (пустынно-степную) на юге[25]. Традиционным является выделение геоботаниками трех или четырех основных подзональных типов степей, сменяющих друг друга при движении с севера на юг в связи с нарастанием аридности климата: луговые степи, настоящие степи, опустыненные степи, пустынные степи[26]. Археологи нередко ограничивают Степной пояс со стороны Средней Азии течением Сырдарьи[27], которая с географических позиций находится в зоне пустынь.

Во-вторых, изменение континентальности климата с запада на восток определило формирование в пределах Степной Евразии нескольких сек-

---

[22] Лавренко Е. М., Карамышева З. В., Никулина Р. И. Степи Евразии. Л.: Наука, 1991. 146 с.

[23] Чибилёв А. А. Степная Евразия… 324 с.

[24] Дробышев Ю. И. Климат и ханы: Роль климатического фактора в политической истории Центральной Азии / отв. ред. А. Ш. Кадырбаев; Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2018. 264 с.

[25] Чибилёв А. А. Степная Евразия… 324 с.

[26] Лавренко Е. М., Карамышева З. В., Никулина Р. И. Степи Евразии… 146 с.

[27] Степи Евразии в эпоху средневековья. Серия «Археология СССР». Том 1 (20) / ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1981. 303 с.

торов: 1) умеренно континентального на юге Восточной Европы; 2) континентального на юге Западной Сибири и в Северном Казахстане; 3) резко континентального в степях Забайкалья и Монголии; 4) умеренно континентального в Маньчжурии. Согласно Е. М. Лавренко, наибольшее значение как в отношении экологических условий, так и растительного покрова степей имеет граница, разделяющая континентальный и гиперконтинентальный секторы. Она проходит вдоль долины р. Енисея, пересекает Кузнецкий Алатау и Алтай, далее идет вдоль Джунгарского Алатау и разделяет внутренние и восточные части горных систем Тянь-Шаня и Памиро-Алая. Указанная граница между континентальной и гиперконтинентальной меридиональной системами зон имеет очень большое ботанико-географическое значение. В связи с этим на основе особенности флоры и растительности ботаники выделяют две подобласти Евразиатской степной области — Причерноморско-Казахстанскую и Центрально-Азиатскую (Даурско-Монгольскую)[28]. Аналогичную точку зрения высказывал В. Б. Сочава[29], выделивший заволжско-казахстанскую и монголо-китайскую фратрии степной растительности (рис. 1). Несколько иначе подходит к выделению естественно-исторических секторов в Степной Евразии А. А. Чибилёв[30]. Весь ареал лесостепных, степных и пустынно-степных ландшафтов он делит на три основных сектора: Западный, Срединный, Восточный. Западный сектор Степной Евразии охватывает лесостепь, степь и пустынную степь Восточной Европы. Срединный (Западносибирско-Казахстанский) сектор находится в пределах нескольких крупных регионов: Западно-Сибирской равнины, Казахского мелкосопочника, Турана, частично Алтая. Восточный сектор совпадает с ареалом настоящих и пустынных степей Центральной Азии. В него практически целиком входит Монголия, островные межгорные степи юга Восточной Сибири, а также степные и лесостепные территории Северо-Восточного Китая от бассейна Сунгари до Лёссового плато в средней части бассейна реки Хуанхэ. Следует отметить, что и на этой схеме территория Алтая оказывается пограничной, разделенной между двумя секторами.

---

[28] Лавренко Е. М., Карамышева З. В., Никулина Р. И. Степи Евразии… 146 с.

[29] Сочава В. Б. Растительность мира. М. 1:60000000 // Физико-географический атлас мира. М., 1964. С. 66–67.

[30] Чибилёв А. А., Богданов С. В. Наследие кочевнических империй в ландшафтах Северной Евразии // Вестн. РАН. 2009. Т. 79, № 9. С. 823–830.

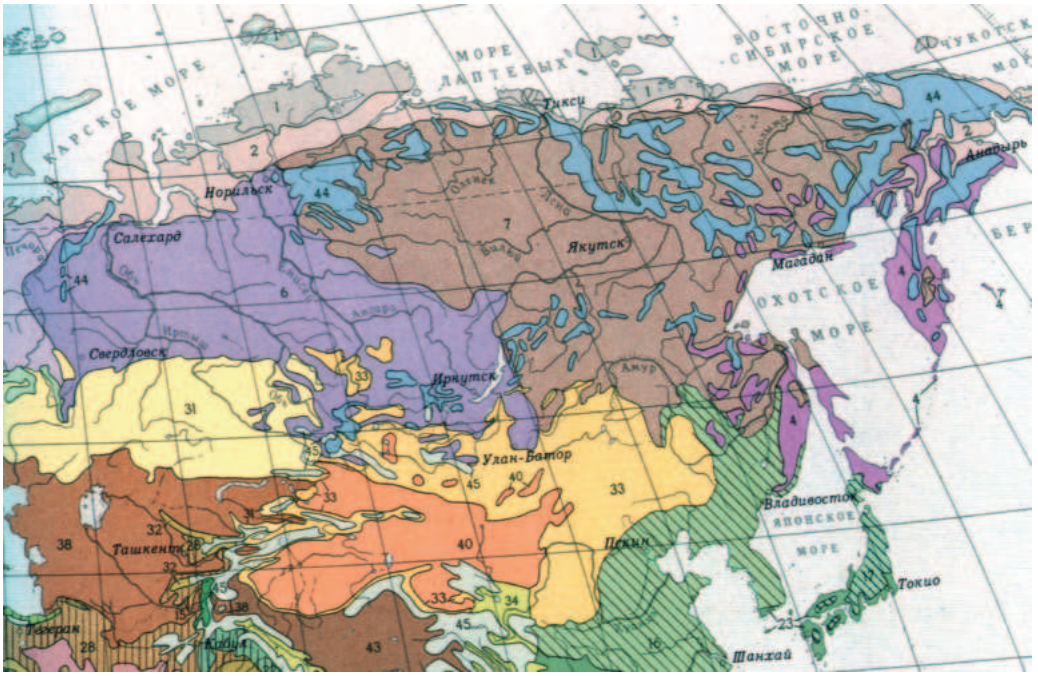

Рис. 1. Фрагмент карты растительности из Физико-географического атласа мира (1964)[31]: 31 — заволжско-казахстанские степные формации, 33 — монголо-китайские степные формации

В-третьих, расширение и увеличение разнообразия степных ландшафтных обстановок связано с наличием горных поднятий как непосредственно внутри Степного пояса Евразии, так и на прилегающих к нему с севера и с юга пространствах таежной и пустынной зон. Так, горы на северной периферии степи (Урал, Алтай, Саяны) обеспечивают связь лесного высотного пояса с равнинной тайгой. При этом по горным долинам и межгорным котловинам степные ландшафты и степоиды — травяные группировки ксерофитов и мезо-ксерофитов вне степной зоны[32] — далеко проникают на север, формируя степные анклавы среди лесного окружения. С такими анклавами связана экспансия в горно-таежные регионы кочевых культур. С другой стороны, на южной периферии Степной Евразии с горами (Кавказ, Тянь-Шань, Памир, Куньлунь и др.) связано продвижение степных ландшафтов и отгонного животноводства в пределы пустынной зоны. Кроме этого, благодаря горным поднятиям усиливаются контрасты между отдельными регионами внутри степной зоны.

---

[31] Сочава В.Б. Растительность мира… С. 66–67.

[32] Сочава В.Б., Липатова В.В. Группировки степных растений в амурской подтайге // Труды МОИП. 1960. Вып. 3. С. 44–61.

Наконец, в-четвертых, разнообразие подстилающей поверхности в пределах Степной Евразии не ограничивается горами. На низменных равнинах Причерноморья, Прикаспия, Приаралья, Кулунды, Приубсунурья классические степи занимают подчиненное положение, уступая главенствующую роль галогидроморфным комплексам — тростниковым займищам, соровым солончакам, засоленным лугам и солонцеватым степям. С песчаными отложениями различного генезиса связано проникновение сосновых лесов вглубь степной зоны. Бузулукский бор в Заволжье, Наурзумский бор в Казахстане, ленточные боры Алтая, островные боры Хакасии, бор Цырик-Нарасун в Забайкалье — далеко не полный перечень крупных лесных массивов Степного пояса Евразии.

Значительная часть Великой степи находится в пределах Центральной или Внутренней Азии. Впервые обоснование границ этой части Азии было сделано немецким географом Ф. Рихтгофеном в 1877 г., который определил, что данный регион простирается от Алтайских гор на севере до Тибетского нагорья на юге, и от Памирского горного узла до Большого Хингана — на востоке. Рихтгофен вслед за А. фон Гумбольдтом назвал его Центральной Азией[33]. Однако понимание, наименование и толкование границ внутренней части Азии продолжало и продолжает оставаться различным. Наряду с понятием «Центральная Азия» широкое распространение получили названия «Внутренняя Азия», «Срединная Азия», а в СССР — «Средняя Азия», употребляемое, как правило, в политико-административном значении[34]. Э. М. Мурзаев[35], например, обобщенным названием для регионов Средней и Центральной Азии считал более нейтральный и всеобъемлющий термин «Внутренняя Азия».

В геоморфологическом отношении регион объединяет несколько крупных систем горных поднятий, а также разделяющих и ограничивающих их обширных разновысотных выровненных пространств. В его северной части — на юге Сибири, в северных районах Китая, Монголии, северо-восточной части Казахстана, — выделяется обширный горный пояс, состоящий из нескольких горных систем (Алтай, Саяны, Хангай), разделенных крупными межгорными котловинами. Именно с этой территорией связывают зарождение большинства кочевых империй прошлого. Многочисленные схемы

---

[33] Рерих Ю. Н. История Средней Азии: в 3 т. Т. 1. М.: МЦР, 2004. 468 с.

[34] Худяков Ю. С. Понятие «Внутренняя Азия» в историко-культурном и рекреационном аспектах // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2008. № 2 / 3. С. 6–12.

[35] Мурзаев Э. М. В далекой Азии: Очерки по изучению Средней и Центральной Азии в XIX–XX веках. М.: АН СССР, 1956. 224 с.

природного районирования данной территории существенно различаются по содержанию. При этом все многообразие используемых при районировании подходов можно свести к двум. Первый подход предполагает рассмотрение Алтае-Саянской[36], а в некоторых вариантах более широко — Южносибирской[37] горной страны, ориентированной преимущественно в широтном направлении в границах, близких к государственным границам России. Ей противопоставляется Центрально-Азиатская страна, расположенная южнее; как составные части ее рассматриваются Монгольский Алтай, Гобийский Алтай, Хангай и другие горные сооружения. Второй подход, в основе которого лежат взгляды геологов, исходит из выделения в западной части территории, ориентированной в субмеридиональном направлении Алтайской горной страны, включающей области Русского, Монгольского и Гобийского Алтая. Эта страна включается в Центрально-Азиатский горный пояс, который противопоставляется расположенным к востоку более массивным сооружениям Саян, Тувы, Хангая, вместе с разделяющими их мегакотловинами, относимыми к Монголо-Сибирскому горному поясу[38].

В силу того, что оба подхода отражают лишь отдельные стороны организации природы, то периодически предпринимаются попытки интегрировать их и обосновать выделение в географическом центре Евразии единого ландшафтного пространства, прародины кочевой цивилизации. Так, В. Б. Сочава еще в 1968 г. выделял Южно-Сибирскую горную область в достаточно широких границах, включая в нее, наряду с Русским Алтаем и Саянами, и горные сооружения на территории Монголии — Монгольский Алтай, Хэнтей и Хангай[39]. К общим особенностям этой территории, по мнению В. Б. Сочавы, относятся: а) положение близ центра азиатского барического максимума; б) пестрота и контрастность водно-теплового режима; в) наличие котловин, где зимой застаивается холодный, а летом — нагретый воздух; г) ослабленная континентальность окраинных положений и распространение группировок неморального типа; д) господство лесных формаций урало-сибирской фратрии при одновременном развитии степных формаций централь-

[36] Рихтер Г. Д., Преображенский В. С., Нефедьева Е. А. Комплексное природное районирование СССР // Современные проблемы природного районирования. М.: Изд-во АН СССР, 1975. С. 17–45.

[37] Физико-географическое районирование СССР. Карты / науч. ред. Н. А. Гвоздецкий. М.: ГУГК, 1967. 1 л.

[38] Уфимцев Г. Ф. Монголо-Сибирский горный пояс и его аналоги // Геоморфология. 1988. № 1. С. 3–15.

[39] Сочава В. Б., Тимофеев Д. А. Физико-географические области Северной Азии // Доклады Института географии Сибири и Дальнего Востока. Вып. 19. Иркутск, 1968. С. 3–19.

ноазиатского типа в районах с дефицитом влаги; е) распространение самого значительного в Северной Азии современного оледенения. Позднее как один из мировых центров разнообразия растений, животных и экологических процессов выделен Алтае-Саянский экорегион, глобальная значимость которого подтверждена отнесением его к 200 приоритетным экорегионам планеты, в пределах которых сосредоточено более 90% ее биоразнообразия[40]. В близких границах (рис. 2) определена Алтае-Хангае-Саянская горная страна[41,42], существенно возвышающаяся над соседними разновысотными равнинными пространствами и на значительной части своих границ довольно четко обособляющаяся от них. Входящие в нее структурные элементы связаны общей историей развития как геолого-геоморфологической основы, так и биоты. Данная горная страна расположена на границе биоклиматических поясов и долготных секторов, в ее пределах происходит взаимопроникновение и сочетание типичных черт Северной и Центральной Азии, влияние Атлантики и Пацифики, почему ее и нельзя однозначно отнести к одному из субконтинентов, а целесообразно рассматривать как переходную зону — экотон субконтинентального уровня. Многие исследователи[43,44,45,46] отмечали одну из важнейших особенностей рассматриваемой территории сочетание в ее пределах признаков контрастных природных сред. Именно с этой территорией связывают начало формирования древнего тюркского государства, а также ряда других, предшествующих ему кочевых империй.

В чем же специфика природных условий данной части Азии? В первую очередь, она связана со срединным положением территории между бескрайней сибирской тайгой на севере и такими же бескрайними пустынями на юге. И гумидные таежные ландшафты с преобладанием древесной растительности, большим количеством снега, и экстрааридные пустынные ландшафты

---

[40] Olson D. et al. Terrestrial Ecoregions of the World: A New Map of Life on Earth. BioScience. 2001. 51 (11). Pp. 933–938.

[41] Черных Д. В., Золотов Д. В. Алтае-Хангае-Саянская горная страна: позиционно-географический подход к районированию // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 6 (31). С. 244–250.

[42] Черных Д. В. Пространственно-временная организация внутриконтинентальных горных ландшафтов (на примере Русского Алтая): дисс. … докт. геогр. наук / ГОУ ВПО «Томский государственный университет». Томск, 2012. 312 с.

[43] Сочава В. Б. Географические аспекты Сибирской тайги. Новосибирск: Наука. Сиб. отдние, 1980. 256 с.

[44] Огуреева Г. Н. Ботаническая география Алтая. М.: Наука, 1980. 192 с.

[45] Седельников В. П. Высокогорная растительность Алтае-Саянской горной области. Новосибирск: Наука, 1988. 223 с.

[46] Камелин Р. В. Краткий очерк природных условий и растительного покрова Алтайской горной страны // Флора Алтая. Том 1. Барнаул: Азбука, 2005. С. 22–97.

с низкой биологической продуктивностью, отсутствием постоянных водотоков, при всем их различии, не являются комфортной средой для кочевников.

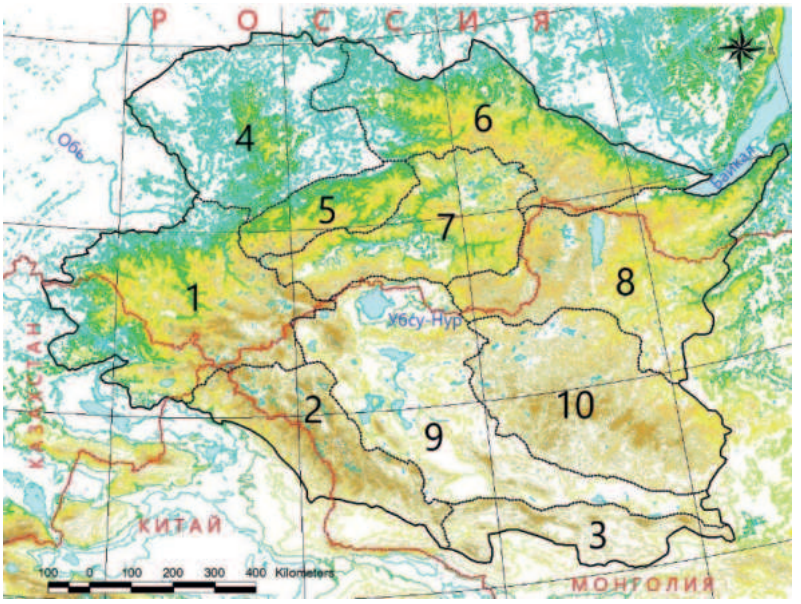

Рис. 2. Физико-географические области Алтае-Хангае-Саянской горной страны: 1 — Русскоалтайская; 2 — Монгольскоалтайская; 3 — Гобийскоалтайская; 4 — Салаиро-Кузнецкая; 5 — Западносаянская; 6 — Восточносаянская; 7 — Тувинская; 8 — Хубсугульская; 9 — Кобдо-Дзабханская; 10 — Хангайская[47]

В противоположность этому, значительная часть Алтая, Хангая и Саян, за исключением Крайнего Севера и Крайнего Юга, представляет собой территорию, где базовый высотный пояс на днище котловин и речных долин представлен различными вариантами степей с доминированием ксерофильной травянистой растительности, являющейся прекрасным кормом для скота. И если на северной и западной периферии страны, открытой влажным воздушным массам, вследствие барьерного эффекта годовая сумма осадков достигает 1500 мм и более, то в межгорных котловинах Русского Алтая сумма осадков составляет лишь 200–400 мм в год[48,49], а в Северо-Западной Монголии варьирует от 165 до 329 мм. Немногим больше годовое количество осадков на периферии межгорных котловин. Так, на склонах хребтов, окру-

[47] Черных Д. В., Золотов Д. В. Алтае-Хангае-Саянская горная страна… С. 244–250.

[48] Егорина А. В. Барьерный фактор в развитии природной среды гор. Барнаул, 2003. 344 с.

[49] Сухова М. Г. Эколого-климатический потенциал ландшафтов Алтае-Саянской горной страны для жизнедеятельности населения и рекреационного природопользования: автореф. дисс. … докт. геогр. наук. Томск, 2009. 40 с.

жающих Чуйскую котловину, оно составляет 480–590 мм[50]. Даже на высоте фирновой границы, где образуются ледники, в аридных районах горной страны годовое количество осадков редко превышает 1000 мм. Например, в бассейне р. Ак-Алаха на Укоке на высоте фирновой границы эта величина составляет 775–1036 мм, а в соседнем бассейне р. Калгуты — 775–1017 мм[51]. При этом на июнь-август везде приходится свыше 60% годовой суммы осадков. Зимой же на рассматриваемой территории располагается центр мощного Азиатского антициклона, в результате чего здесь устанавливается продолжительная малоснежная зима с ярко выраженными температурными инверсиями. Вследствие инверсий в замкнутых межгорных котловинах скапливается холодный воздух и не формируется устойчивый снежный покров, что благоприятно для выпаса. Есть мнение[52], что кочевая цивилизация в центре Азии смогла сформироваться не в последнюю очередь именно благодаря такой климатической особенности этого региона, как малоснежность зим. Это обстоятельство как ранее, так и сейчас позволяет содержать скот круглый год на подножном корму, полагаясь в большей степени на естественные запасы кормовых растений, до которых скот может относительно легко добраться самостоятельно, чем на их заготовки. Вероятно, именно поэтому в российской части Алтая максимальная плотность археологических памятников раннего Средневековья (V–XI вв. н. э.) отмечена в Чуйской, Курайской и Урсульской котловинах, а также в средней части долины р. Катуни[53], где толщина снежного покрова зимой незначительна (рис. 3).

Безлесные или малооблесенные ландшафты с незначительной мощностью снежного покрова в зимний период преобладают в структуре высотной поясности наиболее высокой части рассматриваемой территории — на юго-востоке Русского Алтая, на севере Монгольского Алтая, в горных массивах на западе Тувы, на юго-западном макросклоне Хангая. Это благоприятствует круглогодичным кочевкам вдоль всего высотно-поясного спектра — от днищ горных долин и котловин к высокогорным лугам вслед за созреванием травы. Причем сезонные пастбища в таком случае, в отличие от степных равнин, отстоят друг от друга всего на несколько десятков километров.

---

[50] Галахов В. П., Ловцкая О. В., Самойлова С. Ю., Аюрзана Ч., Отгонбаяр Л. Оценка среднего многолетнего увлажнения и поверхностного стока бессточного бассейна реки Ховд (Западная Монголия). Барнаул, 2013. 108 с.

[51] Галахов В. П., Ловцкая О. В., Самойлова С. Ю., Шереметов Р. Т. Ледники как индикаторы среднего многолетнего увлажнения: развитие идей М. В. Тронова. Барнаул, 2014. 87 с.

[52] Дробышев Ю. И. Климат и ханы… 246 с.

[53] История Алтая: в 3 т. Т. I: Древнейшая эпоха, древность и средневековье / под общ. ред. А. А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. 392 с.

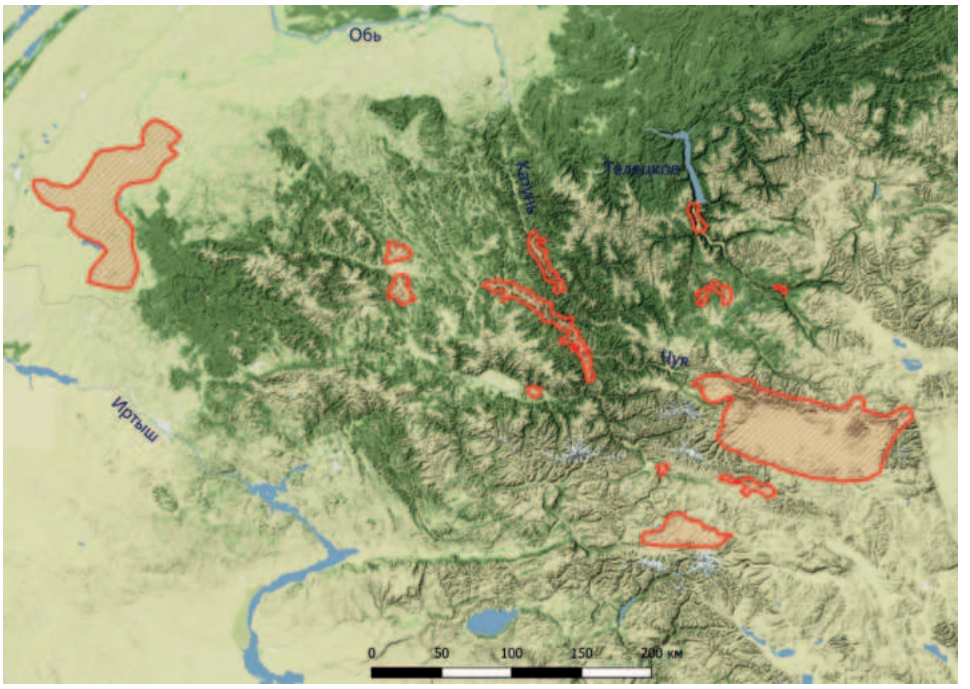

Рис. 3. Ареалы максимальной концентрации археологических памятников тюркского времени в российской части Алтая

Хорошо известно, что пастьба лошадей затрудняется или становится невозможной при рыхлом снежном покрове высотой более 60 см, а при плотном покрове — высотой более 30 см. Пастьба овец затрудняется или становится невозможной при высоте и плотности снежного покрова более 25 см. С другой стороны, в открытых ветрам аридных зонах частые ветры со скоростью более 15 метров в секунду при любых отрицательных температурах воздуха делают пастьбу овец невозможной[54]. Наличие большого числа невыпасных дней способно создать тяжелую обстановку для кочевников, приводя к массовой гибели животных. Подобные примеры описаны в исторических хрониках. Например, считается, что страшный джут 581–583 гг. и вызванный им голод в кочевьях древних тюрков внесли весомый вклад в кризис Первого Тюркского каганата, а сильные снегопады ослабили Уйгурский каганат[55]. В отличие от равнинных пространств Азии, в горных условиях даже в слу-

[54] Федосеев А. П. Метеорологические условия образования зимней пастбищной бескормицы в Казахстане // Труды Казахского научно-исследовательского гидрометеорологического института. Л., 1953. Вып. 1.С. 55–82.

[55] Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 560 с.

чае общей неблагоприятной погодной обстановки в зимний период возможен частичный выпас овец на южных и юго-западных склонах, так как мощность снежного покрова здесь значительно меньше, чем на других участках.

Дробность и контрастность ландшафтных обстановок, когда на относительно небольшом пространстве сочетаются разные типы природной среды, — еще одна характерная черта рассматриваемой территории. В наибольшей степени сказанное относится к территории Алтая, которая отличается от соседних своеобразной плановой структурой, связанной с новейшей тектоникой. Дело в том, что Алтай относится к области сильнейшего «раздавливания» и течения вещества литосферы, обусловленного сближением ряда более устойчивых плит[56,57]. В результате этого вершинная поверхность приобретает однородную линзовидно-ячеистую структуру — сочетание многочисленных зон линейного коробления, разделенных многочисленными же межгорными понижениями, расположенными на разных высотах. Следствием этого являются высокая дробность и мелкоконтурность ландшафтной структуры Алтая, проявляющиеся в наличии множества мелких котловин, с которыми связано формирование более сухого и континентального по сравнению с окружающими хребтами климата, а также склонов разных экспозиций, перераспределяющих тепло и влагу и тем самым формирующих разнообразие микроклиматов. Это, в свою очередь, создает в ландшафтной структуре большое количество экологических ниш, благоприятных для ведения пастбищного животноводства в различные сезоны. Кроме этого, разнообразие ландшафтов позволяет варьировать режимы использования территории в годы с различными метеоусловиями, а также вовлекать в хозяйственный оборот более широкий спектр биологических ресурсов (например, охотничьи ресурсы разных высотных поясов). Контрастность ландшафтных обстановок на Алтае хорошо иллюстрирует индекс континентальности климата Л. Горчинского. Несмотря на то, что рассматриваемая территория находится вблизи центра Евразии, значения индекса по среднемноголетним данным[58] в разных частях Алтая существенно разнятся. Так, в Кош-Агаче значение индекса равно 73 (лишь немного меньше, чем в Элисте и Астрахани),

---

[56] Уфимцев Г. Ф. Монголо-Сибирский горный пояс и его аналоги // Геоморфология. 1988. № 1. С. 3–15.

[57] Новиков И. С. Морфотектоника Алтая. Новосибирск: Изд-во СО РАН. Филиал «Гео», 2004. 314 с.

[58] Булыгина О. Н., Разуваев В. Н., Трофименко Л. Т., Швец Н. В. Описание массива данных среднемесячной температуры воздуха на станциях России. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2014621485. URL: http://meteo.ru / data / 156-temperature#описание-массива-данных

в Усть-Коксе — 62, в Онгудае — 60, в Змеиногорске — 54. При этом на метеостанциях Яйлю и Беле, расположенных на побережье Телецкого озера, индекс континентальности равен 34 и 37 соответственно. Еще ниже континентальность в приводораздельных частях наиболее высоких и увлажненных хребтов Алтая — 32, по данным метеостанции Кара-Тюрек. Обращает на себя внимание то, что последние значения меньше, чем на этих же широтах в европейской части России.

Через территорию Алтая и Саян проходит важнейший континентальный водораздел, разграничивающий сток рек, относящихся к бассейну Северного Ледовитого океана и Центрально-Азиатскому бессточному бассейну. В пределах Алтая главная линия водораздела является границей между двумя составляющими Обь-Иртышского бассейна — бассейнами рек Оби и Иртыша. Таким образом, высоко поднятые осевые части горных сооружений Алтая и Саян, находящиеся под воздействием воздушных масс свободной атмосферы и несущие значительное современное оледенение, представляют собой своего рода водонапорную башню, в результате чего даже экстрааридные территории как внутри самой горной страны, так и на прилегающих равнинах достаточно хорошо обеспечены водными ресурсами. Тем не менее можно предполагать, что в прошлом в рамках сложившейся системы хозяйствования пути кочевок определялись не только режимом использования пастбищ, но и наличием водных источников[59].

Не последнюю роль в становлении древнего тюркского государства, как и других кочевых обществ, играло обладание ресурсами для развития металлургии, умение их добывать и перерабатывать, превращая в оружие, предметы экспорта или иную полезную продукцию[60]. При этом тюрки не были первыми металлургами на Алтае. Старые (чудские) копи, разработанные или подготовленные к эксплуатации жившими в регионе в разные исторические периоды народами, могли использоваться тюрками в качестве источников меди, свинца, цинка, олова. Источником металлов могли быть полиметаллические (медно-свинцово-цинковые с золотом и серебром) месторождения Рудного Алтая, сосредоточенные в пределах юго-западной части Алтайского края России и Восточно-Казахстанской области Казахстана. Только в российской части в границах трех рудных районов (Золотушинского, Змеиногорского и Рубцовского) сегодня известно 16 детально изученных месторождений и более

[59] Акишев К. А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата: Наука КазССР, 1972. С. 31–46.

[60] Дробышев Ю. И. Экология Великой степи // Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики / отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин. М.: Наука, 2019. С. 22–47.

107 проявлений, многие из которых открыты по следам чудских копей. Полиметаллические месторождения, как правило, отличаются высоким содержанием основных полезных компонентов (медь — 0,5–2,4%, свинец — 1,1–6,2%, цинк — 3–11,3%[61]. Это делало возможным использование их для обогащения технологиями Средневековья. Самым древним на Алтае является рудник Владимировка, относящийся к афанасьевской эпохе (32–28 вв. до н. э.). Здесь добывались первичные сульфидные руды (в основном халькопирит), что требовало от металлурга специальных знаний и умений[62].

Из письменных источников известно, что тюрки отлично владели металлургическими технологиями извлечения и обработки железа. Один из самых ранних этапов их истории VI в. был связан именно с горнорудным промыслом, когда тюрки добывали в горах Алтая железную руду для жужаньских каганов[63]. Их предшественниками по обработке железа, возможно, были металлурги раннего железного века. Так, в пещере Иульчак, находящейся юго-восточнее г. Горно-Алтайска в непосредственной близости от небольшого рудопроявления железа, установлены следы переплава железных руд этого возраста[64]. В других частях Алтая, а также в Туве известны остатки металлургических горнов для выплавки металла и дороги для перевозки руды от рудников до мест выплавки, относящиеся непосредственно к тюркскому времени[65,66]. Источником металла были железорудные месторождения, расположенные в Кузнецком Алатау, Горной Шории, на Алтае, часть которых успешно эксплуатируется до настоящего времени. Это группы магнетитовых месторождений скарново-магнетитовой и гематит-магнетитовой железорудной формации: Терсинская, Ташелгино-Майзасская (Кузнецкий Алатау), Тельбетская, Кондомская (Горная Шория), месторождения Алтайского железорудного района — Белорецкое, Инское, Холзунское, Харловское, Тимофеевское (рис. 4).

---

[61] Минерально-сырьевые ресурсы Алтайского края. Инвестиционные предложения — ФГУ «ТФИ по Алтайскому краю». Барнаул: ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 2007. 240 с.

[62] Баженов А. И., Бородаев В. Б., Малолетко А. М. Датировка древнейших Чудских копей на Алтае // 300 лет горно-геологической службе России: история горнорудного дела, геологическое строение и полезные ископаемые Алтая: материалы региональной научно-практической конференции. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 7–8.

[63] Гумилев Л. Н. Истоки ритма кочевой культуры Срединной Азии (опыт историко-географического синтеза) // НАА. 1966. № 4. С. 85–94.

[64] Барышников Г. Я. Истоки возникновения горнорудного дела на Алтае // 300 лет горно-геологической службе России: история горнорудного дела, геологическое строение и полезные ископаемые Алтая: материалы региональной научно-практической конференции. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 3–7.

[65] Кызласов Л. Р. Средневековые города Тувы // Советская археология. 1959. № 3. С. 66–80.

[66] Степи Евразии в эпоху средневековья… 303 с.

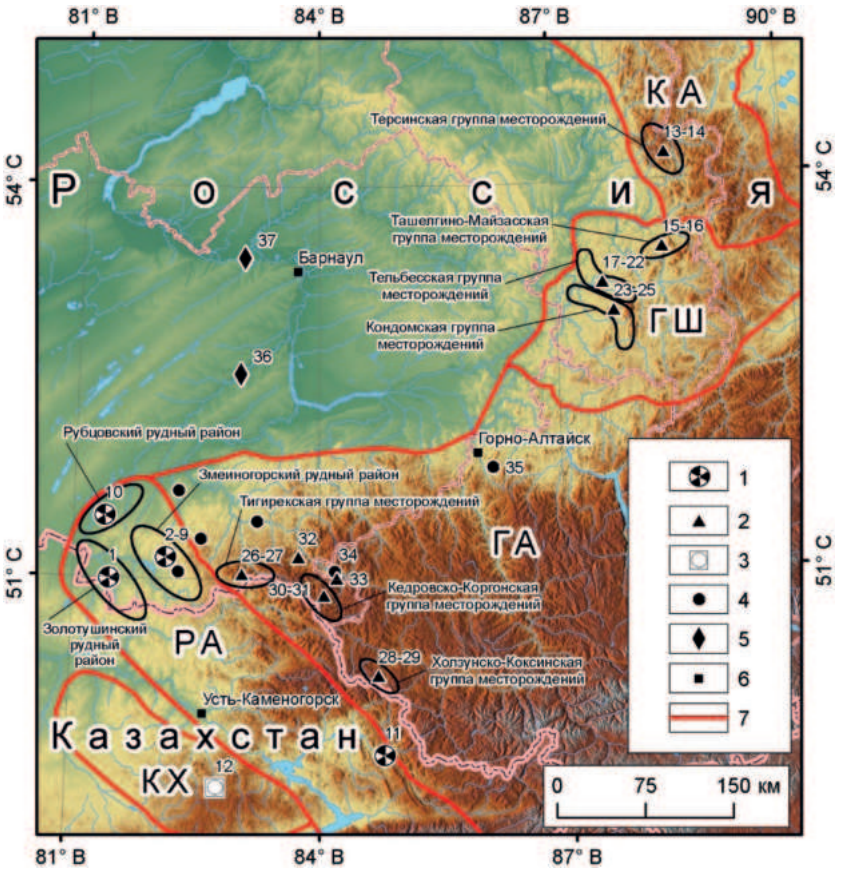

Рис. 4. Схема размещения месторождений полезных ископаемых на Алтае (Россия, Казахстан) и смежных территориях[67,68,69,70,71]*: Месторождения полезных ископаемых: 1 — полиметаллов, 2 — железа, 3 — олова; 5 — древние рудники (чудские копи), 6 — археологические объекты (поселения, могильники), 7 — границы орографических элементов*

---

[67] Баженов А. И., Бородаев В. Б., Малолетко А. М. Датировка древнейших Чудских копей… С. 7–8.

[68] Барышников Г. Я. Истоки возникновения горнорудного дела на Алтае // 300 лет горно-геологической службе России: история горнорудного дела, геологическое строение и полезные ископаемые Алтая: материалы региональной научно-практической конференции. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 3–7.

[69] Геология СССР. Том XIV. Западная Сибирь (Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская области, Алтайский край). Полезные ископаемые / под ред. Е. А. Козловского. В 2 книгах. Книга 1. М.: Недра, 1982. 319 с.

[70] Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П., Тишкин А. А. Березовая Лука — поселение эпохи бронзы в Алейской степи: Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. Т. II. 171 с.

[71] Минерально-сырьевые ресурсы Алтайского края. Инвестиционные предложения — ФГУ «ТФИ по Алтайскому краю». Барнаул: ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 2007. 240 с.

Полиметаллы. Рудный Алтай (РА). Золотушинский рудный район: Золотушинское месторождение (1). Змеиногорский рудный район: Змеиногорское (2), Стрижковское (3), Лазурское (4), Зареченское (5) месторождения, Комиссаровская (6), Гольцовская (7), Пихтовская (8), Сосновская (9) группа рудопроявлений. Рубцовский рудный район: Рубцовское месторождение (10). Зыряновское полиметаллическое месторождение (11).
Олово. Калбинский хребет (КХ). Калбинское месторождение (12).
Железо. Кузнецкий Алатау (КА). Терсинская группа месторождений: Лавреновское (13), Усинское (14). Ташелгино-Майзасская группа: Майзасское (15), Ташелгинское (16). Горная Шория (ГШ). Тельбесская группа: Тельбес (17), Обра-Баш (18), Темиртау (19), Сухаринское (20), Казское (21), Тазское (22). Кондомская группа: Шерегешское (23), Шалымское (24), Таштагольское (25). Рудный Алтай (РА): Тигирекская группа месторождений: Белорецкое (26), Инское (27). Холзунско-Коксинская группа: Холзунское (28), Коксинское II (29). Кедровско-Коргонская группа: Коргонское (30), Верхне-Кедровское (31). Чесноковское месторождение (32), Тимофеевское месторождение (33).
Древние рудники (чудские копи), в т. ч. медный рудник Владимировка (34), пещера Иульчак (железное рудопроявление) (35). Археологические объекты: поселение Березовая Лука (36), могильник Телеутский Взвоз I (37)

Обнаруженные в Туве дороги для перевозки руды, а также обособленные поселения металлургов и кузнецов IX–X вв. в борах по правому берегу Енисея в Красноярском крае, где раскопаны многочисленные железоплавильные печи[72], могут служить свидетельством того, что древние металлурги предпочитали заниматься выплавкой металла у леса, а не у месторождений, где лес мог и отсутствовать.

Наличие естественных коридоров, обеспечивающих расселение, длительные миграции, торговлю, ведение военных действий, играет важную роль в жизни кочевников. В этом отношении территория Алтая и Саян представляется чрезвычайно выгодной. При субмеридиональной ориентации основных линеаментов и наличии целого ряда ориентированных поперечно им линеаментов второго порядка, здесь создаются благоприятные возможности для миграций как в широтном, так и в меридиональном направлениях (рис. 5). Основные речные долины характеризуются зрелым поперечным профилем, поскольку либо приурочены к местам тектонической активности, либо выработаны ледниками, либо формировались в условиях водности, значительно превосходящих современные. В таких долинах представлен комплекс надпойменных террас, которые не подвергаются затоплению в периоды половодий и паводков. Кроме этого, глубокий врез и ориентация перпендикулярно направлению господствующих ветров способствуют

[72] Сунгучашев Я. И. Древнее производство железа в районе города Минусинска // Ученые записки ХНИИЯЛИ. 1974. Вып. XIX. С. 132–136.

частому прохождению по долинам фёнов — теплых и сухих ветров, с которыми связаны малоснежность, оттепели в холодный период и аридизация ландшафтов. Практически безлесные степные, лугово-степные, а в верхних поясах наиболее континентальных частей — тундрово-степные, магистральные долины пересекают горную страну, в том числе разрезая лесной пояс среднегорий и низкогорий, малопригодный для ведения кочевого образа жизни. При этом выровненные безлесные участки в долинах и котловинах являются прекрасными пастбищами и местами стоянок, а близость лесных участков обеспечивает кочевников материалом для жилищ и дровами. Примером важности миграционных коридоров для кочевников является монументальное укрепление, зафиксированное еще П. С. Палласом — средневековый памятник-стена, запиравшая Саянское ущелье и служившая оплотом на южной границе древнехакасского государства[73]. Стена преграждала проход из северной части Уйгурии (ныне Тува) в Хакасско-Минусинскую котловину в самом узком месте Саянской трубы, прорезанной Енисеем. Аналогично в культурно-историческом аспекте значение знаменитых Джунгарских ворот и Зайсанской котловины, расположенных на стыке структур Алтая (с севера) и Тянь-Шаня (с юга) и имевших большое значение как для миграции кочевников, так и для трансконтинентальной торговли. Тот, кто контролировал эти коридоры, получал дополнительный ресурс для развития.

Несмотря на то, что основу хозяйства тюрков составляло кочевое скотоводство, создание централизованных государств, как правило, предполагало строительство постоянных поселений. Имеющиеся материалы показывают, что последние создавались чаще всего в определенных ландшафтных обстановках. Среди основных требований — это удобство в контексте торговых путей, обеспечение условий безопасности в случае военных действий, наличие пресной воды и других ресурсов для сельского хозяйства и ремесел. Все необходимые условия в аридном климате создаются в местах выхода рек из гор на прилегающие равнины или в межгорные котловины.

[73] Кызласов Л. Р. Раскопки средневекового здания в Хакасии. Археологические открытия 1973 года. М., 1974. С. 209–211.

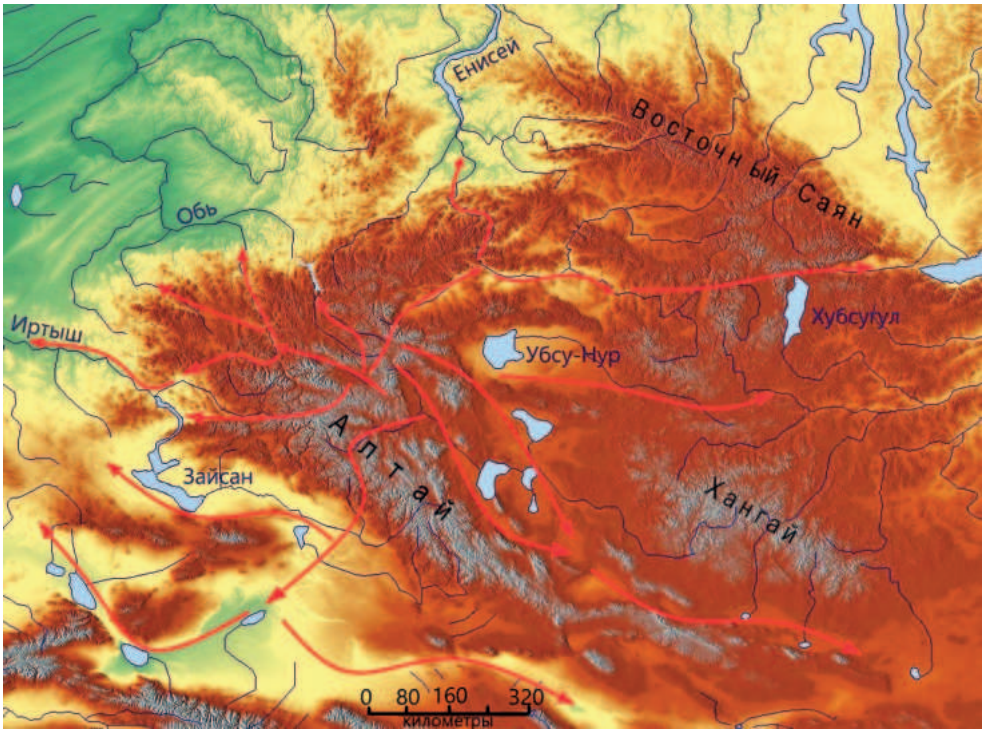

Рис. 5. Наиболее удобные миграционные коридоры на Алтае и смежных территориях, совпадающие с основными линеаментами

С эколого-географических позиций такие места можно рассматривать как экотоны — переходные зоны между контрастными природными средами. Именно в пределах экотонов располагались многие поселения тюркского времени: центр Западно-Тюркского каганата в VII веке в Семиречье, города времен Уйгурского каганата на Орхоне, Хемчике, Селенге, город-ставка хакасов в Минусинской котловине и др.[74] С постоянными поселениями связано земледелие, которое в аридных условиях, как правило, орошаемое. Наклонные подгорные равнины весьма перспективны для такого земледелия, так как имеются возможности сбрасывать излишки воды во избежание вторичного засоления почвогрунтов. Каналы оросительных систем тюркского времени для орошения посевов открыты в Туве и на Алтае[75], в Хакасии, где, кроме этого, вода поступала по магистральному каналу, отведенному от р. Уйбат, к столице[76], и в других местах. Исходя из этого, следует согласить-

[74] Степи Евразии в эпоху средневековья… 303 с.
[75] Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири // МИА. 1951. № 9. 2-е изд. 642 с.
[76] Степи Евразии в эпоху средневековья… 303 с.

ся с мнением, что степной ландшафт есть продукт совместного воздействия природы и человека, а роль хозяйственной деятельности в эпоху кочевых и полукочевых цивилизаций в его формировании остается недооцененной[77].

В эпоху аграрных цивилизаций на социально-экономические условия общества, включая те, в основе хозяйства которых лежало отгонное животноводство, существенным образом влиял климат. Несмотря на то, что к настоящему времени наука не располагает неопровержимыми доказательствами прямой связи создания и крушения кочевых империй с климатическими изменениями[78], попытки найти объяснение миграций или смены хозяйственно-культурного типа в изменениях климата многочисленны. Так, В. В. Клименко утверждает, что в эпохи локального ухудшения климата доминирующими оказываются тенденции к объединению племен и народов, массовым переселениям, образованию новых государств. Анализируя опыт активизации кочевых народов в центре Евразии, он констатирует, что все они происходили только в периоды глобальных похолоданий. Но так как для аридных и семиаридных областей колебания температуры, как правило, невелики и сами по себе не играют в судьбах проживающих там народов такой большой роли, как изменения осадков, то, по его мнению, большее влияние на кочевников оказывала аридизация степных и полупустынных пространств, сопровождавшая похолодания[79]. С другой стороны, Л. Н. Гумилев[80] считал, что номадов толкало в военные походы на оседлых соседей не ухудшение, а напротив, улучшение природно-климатических условий, когда за спинами воинов оставались богатые степи и тучные стада. Для ряда азиатских регионов, в том числе для Алтая, в результате сравнительного анализа исторических и климатических процессов было установлено, что между ними существует определенная синхронность[81].

По общепринятой периодизации только за последние 2000 лет на Земле сменилось несколько климатических эпох: Римский климатический оптимум (0–400 гг.), Климатический пессимум эпохи Великого переселения народов, или Климатический пессимум раннего Средневековья (400–1000 гг.), Средневековый климатический оптимум (1000–1300 гг.), Малый ледниковый

---

[77] Чибилёв А. А., Богданов С. В. Наследие кочевнических империй… С. 823–830.

[78] Дробышев Ю. И. Экология Великой степи… С. 22–47.

[79] Клименко В. В. Климат: непрочитанная глава истории. М.: МЭИ, 2009. 408 с.

[80] Гумилев Л. Н. Истоки ритма кочевой культуры Срединной Азии (опыт историко-географического синтеза) // НАА. 1966. № 4. С. 85–94.

[81] Быков Н. И., Быкова В. А. Колебания климата и смена материальных культур на Алтае // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками / отв. ред. Невинский, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 6–7.

период (1300–1850 гг.) и наступившая после его окончания эпоха современного глобального потепления.

Согласно историческим свидетельствам, начало формирования древнетюркского государства приходится на похолодание раннего Средневековья. Так, китайские исторические хроники говорят о наступлении исключительно холодных периодов в начале VI в., когда были зафиксированы самые низкие температуры за все I тыс. н. э.[82]. Аномально холодным являлся 536 г. и ряд последующих лет, которые сопровождались холодным летом с мощным густым туманом, неурожаем, голодом, эпидемиями и гибелью растительных и животных популяций[83].

В палеогеографических работах по Алтаю это время традиционно связывают с заключительной третьей фазой исторической стадии экспансии ледников, две предыдущие фазы которой предшествовали Римскому климатическому оптимуму. То, что похолодание в это время происходило по всей Евразии, подтверждается синхронным наступанием ледников в Альпах и в ряде горно-ледниковых бассейнов на Алтае[84]. Выводы о похолодании в раннее Средневековье подтверждаются и дендрохронологическими данными, полученными по Монголии[85] и Русскому Алтаю[86]. В работе М. В. Михаревича с соавторами[87] на основе дендрохрологического анализа приведены результаты реконструкции среднелетних температур Средневековья в Алтае-Саянском регионе с годичным разрешением (рис. 6). Выделены короткие периоды похолоданий со снижением июнь-августовской температуры на 1.5 °С и более: 530–550, 575–600, 625–650, 680–700, 800–820, 850–870, 930–950 1175–1195 и 1230–1275 гг. Наиболее сильное и длительное снижение летней термообеспеченности отмечено в VI–VIII вв. Положительные аномалии летней температуры наблюдались в середине VII в., вторых половинах

---

[82] Клименко В. В. Климат: непрочитанная глава истории. М.: МЭИ, 2009. 408 с.

[83] Baillie M. G. L. Dendrochronology raises questions about the nature of the A. D. 536 // Holocene. 1994. № 4. Pp. 212–217.

[84] Chernykh D. V. Galakhov V. P. Zolotov D. V. (2013) Synchronous fluctuations of glaciers in the Alps and Altai in the second half of the Holocene // The Holocene. Vol. 23. Issue 7. Pp. 1072–1077.

[85] D'Arrigo R., Jacoby G., Pederson N., Cook E., Buckley B., Nachin B., Mijiddorj R., Dugarjav C. 1728 year of Mongolian temperature variability inferred from a tree ring width chronology of Siberian pine // J. Geophys. Res. 2001. Vol. 28. № 3. P. 543–546.

[86] Мыглан В. С., Овчинников Д. В., Ваганов Е. А., Быков Н. И., Герасимова О. В., Сидорова О. В., Силкин П. П. Построение 1772-летней древесно-кольцевой хронологии для территории республики Алтай // Известия РАН. Сер. Географ. 2009. № 6. С. 70–77.

[87] Михаревич М. В., Мыглан В. С., Приходько В. Е. Реконструкция климата и ландшафтов средневековья на основе палинологического изучения подкурганных почв и дендрохронологических данных Алтая // Почвоведение. 2020. № 5. С. 519–534.

IX и X вв. Установлено, что среднелетние температуры в Алтае-Саянском регионе в период 800–1200 гг. н. э. соответствовали Средневековому потеплению. Аналогичные результаты получены на основе исследования границ и размеров ледников, уровня озер, дендрохронологии, свойств палеопочв для высокогорий Алтая. Они позволяют утверждать, что в IX–XII вв. здесь росли леса на высотах современного расположения ледников, а температуры воздуха летних месяцев были выше современных на 0.4 °C[88,89]. В то же время результаты двух палинологических диаграмм и геоморфологических архивов, полученных в бассейне р. Чуи на Курайском хребте, свидетельствуют о несколько ином и более длительном периоде с высокой теплообеспеченностью с 580 по 1100 гг. и ее снижении и увеличении засушливости климата в 1100–1380 гг.[90]

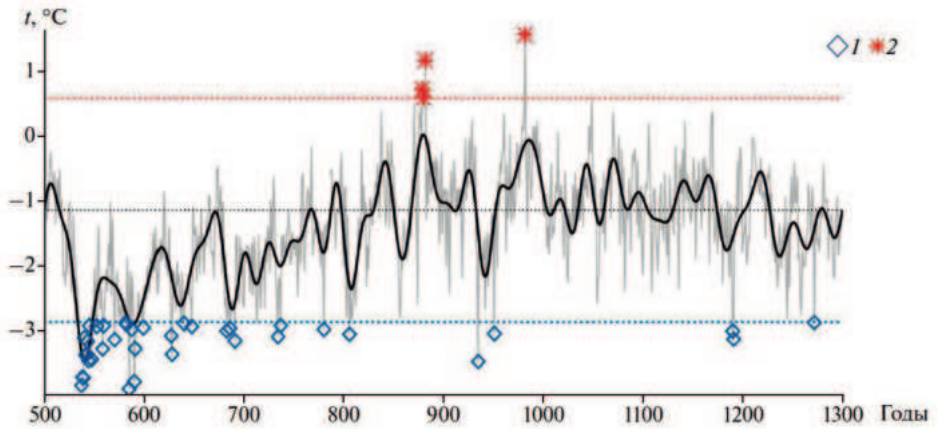

Рис. 6. Ход изменчивости температуры за июнь-июль-август с VI по XIV вв. по данным дендрохронологии Алтае-Саянского региона: 1 — отрицательные экстремумы, 2 — положительные экстремумы (показаны синим и красным пунктиром) больше двух стандартных отклонений относительно средней (серый пунктир)[91]

[88] Anchukaitis K. J., Wilson R., Briffa K., Büntgen U., Cook E. R., D'Arrigo R. D., Davi N. et al. Last millennium Northern hemisphere summer temperatures from tree rings: Part II, spatially resolved reconstructions // Quat. Sc. Rev. 2017. Vol. 163. Pp. 1–22. URL: https://doi.org / 10.1016 / j.quascirev. 2017.02.020

[89] Blyakharchuk T. A., Prikhodko V., Kilunovskaya M., Li H.-C. Vegetation and climate reconstruction based on pollen records derived from burial mounds soil in Tyva Republic, Cenral Asia // Quat. Int. 2019. V. 507. Pp. 108–123. URL: https://doi.org / 10.1016 / j. quaint. 2018.09.028

[90] Sidorova O. V., Saurer M., Myglan V. S., Eichler A., Schwikowski M., Kirdyanov A. V., Bryukhanova M. V., Gerasimova O. V., Kalugin I. A., Daryin A. V., Siegwolf R. T. W. A multi-proxy approach for revealing recent climatic changes in the Russian Altai // Clim. Dynam. 2012. Vol. 38. № 1–2. Pp. 175–188.

[91] Михаревич М. В., Мыглан В. С., Приходько В. Е. Реконструкция климата и ландшафтов… С. 519–534.

Факт похолодания или потепления в какой-либо из периодов Средневековья в рассматриваемом регионе может быть поставлен под сомнение, поскольку климатические реконструкции, полученные методами естественных наук, не позволяют делать однозначные выводы. Аналогично зарождение и гибель кочевых империй нельзя связывать исключительно с климатическим фактором.

Таким образом, климатические реконструкции, полученные методами естественных наук, не позволяют считать установленным факт, что зарождение и гибель кочевых империй в пределах Степного пояса Евразии и в Центральной Азии, в частности, обусловлены исключительно изменениями климата. В то же время очевидно, что именно природно-ресурсная база задает возможности и, что не менее важно, ограничения для кочевого хозяйства, а значит, создает важные предпосылки для его устойчивости в начальный период интеграции номадов в централизованную империю. Так, имеющиеся данные, в том числе многочисленные очаги концентрации археологических памятников тюркского времени, свидетельствуют в пользу того, что на Алтае весь комплекс природных условий благоприятствовал кочевому хозяйству в период становления тюркской государственности в раннее Средневековье. Преобладание безлесных ландшафтов с травянистой растительностью и малоснежность зим обеспечивали круглогодичные кочевки. Высокое разнообразие ландшафтных обстановок, наряду с наличием удобных естественных миграционных коридоров, позволяли оперативно реагировать на флуктуации в природе, минимизируя кризисные для хозяйства явления в годы с неблагоприятными метеоусловиями. Наличие ресурсов для развития металлургии, в том числе сложившиеся ранее в регионе традиции по добыче и переработке минерального сырья, создавало основу для укрепления военной мощи.

1.2. История изучения тюркских археологических памятников раннего Средневековья (А.Ю. Борисенко)

В эпоху раннего Средневековья, охватывающую исторический период с середины до конца I тыс. н. э., на протяжении нескольких столетий особая, выдающаяся роль принадлежала кочевому этносу, сохранившемуся в средневековых источниках под своим этническим названием «тюрки». В современных исторических сочинениях их нередко называют древними тюрками, а исторический период, в течение которого они занимали свое

место на арене истории Центральной Азии, именуют древнетюркской эпохой, или древнетюркским временем, чтобы отличать ее от истории современных тюркских этносов и государственных образований[92].

Памятники культуры древних тюрков стали известны научной общественности еще в XVIII в., когда по инициативе Петра I началось планомерное изучение периферийных территорий империи. Однако основа для целенаправленного внимания к ним закладывалась в предшествующие столетия развития интереса к древностям Сибири. С XV в. путешествующие по сибирским просторам иностранцы упоминали в своих путевых заметках или воспоминаниях особенности кочевой культуры некоторых тюркских этносов Западной и Южной Сибири. Несмотря на отрывочный характер сведений, эти материалы могут представлять историографический и источниковедческий интерес для современных исследователей[93].

После создания Академии наук в 1725 г. она взяла на себя ведущую роль в изучении древних культур народов, населяющих Российскую империю, и развитие российской тюркологии стало приобретать систематический характер. Опубликованные позже Н. Я. Бичуриным китайские хроники помогли этому процессу и развеяли многие мифы, связанные с древнетюркской историей[94].

Первыми из древнетюркских памятников были зафиксированы и описаны каменные изваяния и стелы с руническими надписями Минусинской котловины. Они были зарисованы художником первой научной экспедиции под руководством Д. Г. Мессершмидта Карлом Шульманом[95]. Одно из средневековых каменных изваяний Казан-Кыс-Таш с реки Кара-Июс в 1722 г. Д. Г. Мессершмидт отнес к «докиргизскому времени»[96]. Некоторые находки из материалов этой экспедиции были введены в научный оборот ее участником, пленным шведским офицером Ф. И. Таббертом. Он опубликовал не-

---

[92] Кляшторный С. Г. Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968–1969 гг.) // Тюркологический сборник 1972. М.: Наука, 1973. С. 255.

[93] Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Сведения европейцев XV — начала XVIII вв. об особенностях культур тюркских и монгольских номадов в Западной и Южной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 3. С. 72.

[94] Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 220–300.

[95] Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С. 40; Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск-Абакан-Красноярск. 1721–1722. Абакан: ООО «Кооператив «Журналист», 2012. С. 32.

[96] Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Berlin, 1962. B. I. S. 212.

которые археологические материалы из Южной Сибири, в том числе древнетюркское антропоморфное каменное изваяние и скульптуру барана[97]. Оба исследователя отмечали, что артефакты пользовались почитанием местного населения[98]. Долгое время культурная принадлежность определялась как «чудская». В разное время изваяния также относили к татарам, скифам, гуннам и др.[99] Ф. И. Табберт считал их объектами культа «минусинских татар»[100]. В ходе работы первых исследовательских экспедиций памятники старины, в том числе редкие для Минусинской котловины изваяния древних тюрков, были зафиксированы на местах своего первоначального нахождения. Это представляет для ученых особую ценность, так как многие из них впоследствии были разрушены или перемещены[101].

С момента открытия древнетюркские изваяния постоянно оставались в поле зрения исследователей на всей территории своего распространения. Но Минусинская котловина играет здесь особую роль как территория первоначальной фиксации, а также, как отмечал С. А. Теплоухов, она являлась местом совпадения географических и культурных зон, а изучение древних памятников на ее территории дает ключ к пониманию древних культур всей Северной Азии[102].

Им была предложена классификация древних культур региона, в которой в отдельную категорию были выделены характерные для кочевников погребения с конем. Указывая на появление тюрков в VII в., С. А. Теплоухов соотнес этот факт с появлением здесь погребений в грунтовой могильной яме на спине головой на СЗ со скелетом лошади в ЮЗ части могилы и железных наконечников стрел со свистунками или без, железных и бронзовых пряжек с язычком, железных стремян и некоторого количества костяных изделий в качестве сопроводительного инвентаря[103]. Эти памятники исследователь отнес к культуре «алтайских турков» и датировал VII в. н. э.[104] На эту

---

[97] Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2005. С. 80–84; Рис. 23, 24.

[98] Худяков Ю. С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. С. 6.

[99] Веселовский Н. И. Современное состояние вопроса о «каменных бабах» или «балбалах». Одесса, «Славянская» типография, Е. Хрисогелос, 1915. С. 6–9.

[100] Худяков Ю. С. Древние тюрки на Енисее… С. 6.

[101] Там же.

[102] Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии Т. IV. Вып. 2. Л.: Изд-во Гос. русского музея, 1929. С. 41–42.

[103] Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края… С. 41–62.

[104] Там же. С. 55–56.

классификацию ссылались многие исследователи культуры древних тюрков Минусинской котловины.

Изучением погребальных памятников древнетюркского времени на территории Минусинской котловины в течение многих лет занималась Л. А. Евтюхова. В конце 1930-х гг. ею совместно с С. В. Киселёвым был исследован памятник Уйбат II. Учеными были прослежены изменения погребального обряда на этапе перехода от «таштыкской к кыргызской эпохе» — трансформации внутримогильных конструкций, состава погребального инвентаря. С. В. Киселёвым были исследованы погребения у с. Усть-Тесь и с. Тесь, на Копенском, Уйбатском чаатасах[105]. Он пришел к выводу, что в первой половине I тыс. н. э. на территории Минусинской котловины бытовали вещи, связанные с Тагарской культурой и с привнесенными восточными традициями, а с VI в. они достигают Восточной Европы[106]. В 1930-е гг. на р. Уйбат и в окрестностях с. Быстрая работала также В. П. Левашева. На могильнике Капчалы II ею были исследованы погребения взрослых и детей (первые — с конями, вторые — с баранами)[107]. Позже эти материалы были введены автором раскопок в научный оборот, а весь памятник был датирован IX в.[108]

В 1948 г. Л. А. Евтюхова обобщила материалы предшествующих лет в монографии, посвященной культуре енисейских кыргызов. В ней она выделила Минусинские средневековые погребения в отдельные типы памятников и соотнесла их с кыргызами, проживавшими на Енисее и сменившими в IX в. обряд трупосожжения на погребение по обряду трупоположения с конем[109]. Того же мнения придерживался С. В. Киселёв, который отнес погребения с конем к кыргызским[110]. Однако Л. Р. Кызласов не согласился с исследователями, предположив, что погребения с конем принадлежат тюркам[111].

---

105 Киселев С. В. Материалы археологической экспедиции в Минусинском крае в 1927 г. Минусинск, 1929. С. 146–147; Он же. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. // Ежегодник Гос. музея им. Н. М. Мартьянова в г. Минусинске. Т. VI. Вып. 2. 1928. Минусинск, 1929. С. 144–157.

106 Киселев С. В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. … С. 156.

107 Левашева В. П. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939. С. 45–60.

108 Левашева В. П. Два могильника Кыргыз-хакасов // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1952. № 24. С. 94–96.

109 Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948. С. 66.

110 Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР. № 9. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 342.

111 Кызласов Л. Р. К вопросу об этногенезе хакасов // УЗХНИИЯЛИ. Абакан, 1959. Вып. VII. С. 82.

В 1960–1970-е гг. древнетюркские погребения с конем на территории Саяно-Алтая продолжали исследоваться М. П. Грязновым, а также Л. П. Зяблиным, Ю. Ф. Трифоновым, Д. Г. Савиновым, А. И. Мартыновым, А. М. Кулемзиным, Л. Р. Кызласовым[112].

В 1979 г. были опубликованы материалы из раскопок на комплексе Тепсей. Среди прочих здесь были открыты погребения детей и женщин с бараном, датирующиеся VIII–X вв.[113].

Результаты исследований древнетюркских захоронений с верховыми лошадьми в Минусинской котловине в предшествующие годы были систематизированы и обобщены Ю. С. Худяковым[114]. Как древнетюркские им были указаны 43 погребения с конем и бараном. По мнению автора, их появление в Минусинской котловине стало следствием похода тюрков против кыргызского кагана Барс-бега и они могут датироваться VIII–X вв.[115] В течение последующего периода средневековые погребения с верховыми лошадьми на территории Среднего Енисея изучались археологами из Абакана, Новосибирска и столичных научных центров[116]. В 2004 г. материалы из раскопок этих памятников были вновь обобщены Ю. С. Худяковым[117]. Им выявлены особенности культурогенеза древних тюрков на землях к северу от Саян. Ученый пришел к выводу, что все исследованные к тому времени на Среднем Енисее памятники древнетюркской культуры, а именно поминальные комплексы с изваяниями людей и животных, погребения взрослых людей по обряду ингумации с конем и захоронения детей и подростков по обряду трупоположения с бараном, должны относиться к ее локальному вариан-

---

112 Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1965; Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960; Зяблин Л. П. Архитектура курганов чаатаса Гришкин Лог // Новое в советской археологии. № 130. Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1965; Трифонов Ю. Ф. Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени // Тюркологический сборник. М., 1973; Савинов Д. Г. Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время // Там же; Мартынов А. И., Мартынова Г. С., Кулемзин А. М. Шестаковские курганы. Кемерово: КемГУ, 1971.

113 Грязнов М. П. и др. Комплекс археологических памятников у горы Тесей на Енисее. Новосибирск, 1979. С. 159.

114 Худяков Ю. С. Кок-тюрки на Среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1979. С. 194–206.

115 Там же. С. 206.

116 Митько О. А., Тетерин Ю. В. О культурно-дифференцирующих признаках древнетюркских погребений на Среднем Енисее // Материалы Международного симпозиума. Новосибирск, 1998. Т. 1. С. 396–404; Поселянин А. И., Киргинеков Э. Н., Тараканов В. В. Исследование средневекового могильника Белый Яр II // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск, 1999. Вып. 2. С. 88–116.

117 Худяков Ю. С. Древние тюрки на Енисее… С. 15–37.

ту периода VIII–X вв.[118] Ю. С. Худяковым был также проанализирован комплекс вооружения тюрков Енисея, как его отдельные категории[119], так и весь набор боевых средств в контексте оружейного комплекса тюрок Центральной Азии и Южной Сибири[120]. В 1980-е гг. он продолжил исследование древнетюркских погребальных памятников в Минусинской котловине работами на могильниках Ибыргыс-Кисте и Терен-Кель, материалы которых были позже введены в научный оборот[121]. В эти же годы изучением памятников древнетюркской культуры в Минусинской котловине занимались С. П. Нестеров, О. А. Митько, Ю. В. Тетерин и др.[122]

Систематическое изучение древнетюркских памятников сопредельной с Минусинской котловиной Тувы связано с именем С. И. Вайнштейна. Им было выделено два типа погребений — ингумация с конем в округлых грунтовых могилах и ингумация без коня в подпрямоугольных могилах. Появление первого типа погребений ученый связывает с проникновением на территорию Тувы алтайских тюрков[123]. Позже на основе конструкций седел он предложил выделить три этапа развития древнетюркской культуры. Первый — ишкинский — датируется концом VI — началом VII в. Погребения этого этапа, по мнению С. И. Вайнштейна, соответствуют погребениям кудыргинского типа Горного Алтая. Второй — ак-туругский — ограничивается VII–VIII вв. В это время древнетюркская культура Тувы претерпевает ряд изменений, что отражается в материальной культуре — меняется форма конской упряжи, состав комплекса вооружения. Подобные процессы происходили на территории Алтая. На кара-чогинском этапе (VIII–X вв.) древ-

---

118 Худяков Ю. С. Древние тюрки на Енисее… С. 98.

119 Худяков Ю. С., Мякинников В. В. Колчаны древних тюрок Среднего Енисея // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1991. С. 61.

120 Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. С. 139–153.

121 Худяков Ю. С. Раскопки могильников Ах-Кол и Ибыргыс-Кисте // Археологические открытия 1983 года. М., 1985. С. 248; Худяков Ю. С. Древнетюркский орнаментированный колчан из могильника Текрен-Кель // Известия СО АН СССР. Сер. ист., филол. и филос. 1988. Вып. 3. С. 59–61.

122 Нестеров С. П. Конь в культурах тюркоязычных племен в Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск, 1990. С. 67–84; Поляков А. С. Поминальные оградки алтае-орхонских тюрок на юге Хакасии // Археология Южной Сибири. Вып. 12. Кемерово, 1983. С. 106–110; Митько О. А. Древнетюркские погребения Маркелов Мыс-2 // Известия СО АГ СССР. Сер. Ист., филол. и филос. 1988. Вып. 3. С. 59–61.

123 Вайнштейн С. И. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956–1957 гг. // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Т. VI. Кызыл, 1958. С. 233.

нетюркские погребения Твуы также демонстрируют сходство с памятниками Алтая[124].

А. Д. Грач считал, что подобные погребения с конем по обряду ингумации в Туве должны относиться к периоду, когда древние тюрки «покорили Цигу», их представители оставались в землях кыргызов Енисея и оставили эти памятники[125].

Ю. И. Трифонов, признавая наличие различных вариантов погребений с конем на территории Тувы, Алтая, Минусинской котловины, Семиречья, Восточного Казахстана, Монголии, Тянь-Шаня, отнес подобные захоронения Тувы к телеским племенам[126], а погребения по обряду кремации — к тюркам. Ссылаясь на сведения китайских источников, он отмечает, что упомянутые в них особенности обряда находят в Туве «наибольшее, прослеженное когда-либо в археологических комплексах, соответствие»[127]. С его мнением о телеской принадлежности средневековых захоронений с конем на территории Саяно-Алтая соглашались Д. Г. Савинов, Г. В. Длужневская[128].

Изучение древнетюркских памятников в Туве проводилось Б. Б. Овчинниковой. Ею был предпринят опыт обобщения материалов из памятников древнетюркской культуры в пределах всего Саяно-Алтая[129]. Она проследила развитие форм и индивидуальных особенностей предметного комплекса древних тюрков на территории Саяно-Алтая, относящихся к периоду VI–X вв. Исследователь пришла к выводу, что «на протяжении всех периодов существования тюрков-тугю на Саяно-Алтайском нагорье форма предметов древнетюркского комплекса, характерная для погребений человека с конем, совершенствуется в рамках тюркских традиций»[130].

Первые раскопки средневековых захоронений с лошадьми на территории Кочкорской долины на Тянь-Шане провел в 1891 г. А. М. Фетисов[131]. Им также были исследованы в местности Кескен-Таш уникальные для Тянь-Шаня

---

124 Вайнштейн С. И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // Советская этнография. 1966. № 3. С. 78–79.

125 Грач А. Д. Хронологические и этно-культурные границы древнетюркского времени // Тюркологический сборник. М.: Главная редакция Восточной литературы, 1966. С. 191.

126 Трифонов Ю. И. Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени // Тюркологический сборник. М., 1972. С. 369.

127 Там же. С. 363.

128 Савинов Д. Г. Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время. С. 345.

129 Овчинникова Б. Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск, 1990.

130 Там же. С. 138.

131 Раскопки в Семиреченской области // ОАК за 1891 г. СПб.: Типография главного управления уделов, 1893. С. 112.

средневековые захоронения по обряду кремации в урнах[132]. В 1896 г., а также в последующие годы В. А. Каллауром были обнаружены средневековые антропоморфные каменные изваяния и тюркские рунические надписи к югу от города Аулие-Ата в Таласской долине Кыргызстана[133] и сделаны эстампажи надписей. Его интерес к данным памятникам подтверждает тот факт, что В. А. Каллаур сделал доклад о своих находках в Туркестанском кружке любителей археологии в Ташкенте[134]. Это положило начало изучению древнетюркских рунических памятников в регионе.

В 1940-х гг. в зоне строительства Большого Чуйского канала проводились работы Семиреченской археологической экспедиции под руководством А. Н. Бернштама. Тогда было открыто большое число средневековых памятников, однако они не в полной мере введены в научный оборот. После Великой Отечественной войны им были продолжены исследования древнетюркских памятников Средней Азии. А. Н. Бернштам исследовал памятники Прииссыккулья и Внутреннего Тянь-Шаня. По результатам работы были выделены тюргешские, карлукские и другие памятники[135]. Эти исследования являются обобщающими по археологии и истории этого региона и сопредельных территорий. В них на основе анализа материалов Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана предложена классификация находок Семиречья в древнетюркское время, а также атрибуция средневековых захоронений по этническим признакам[136]. Это важный этап в археологии древнетюркского времени данных территорий. Однако что касается этнокультурной атрибуции древнетюркских памятников, ряд его предположений не нашел подтверждения в дальнейшем. А. Н. Бернштам вслед за коллегами С. В. Киселёвым, Л. А. Евтюховой, В. П. Левашовой полагал, что средневековые захоронения с конем на Енисее и на Тянь-Шане могут принадлежать не древним тюркам, а кыргызам[137].

В 1950-х гг. большой объем материалов о средневековых погребениях Тянь-Шаня был собран в ходе комплексной археолого-этнографической экс-

---

132 Раскопки в Семиреченской области // ОАК за 1891 г. СПб.: Типография главного управления уделов, 1893. С. 116–117.

133 Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2009. С. 4.

134 Табалдиев К. Ш. и др. Новые руноподобные надписи в Кенколе (верховья Таласской долины) // Народы и религии Евразии. 2020. № 3 (24). С. 65–82.

135 Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА СССР. № 26. М.; Л., 1952. С. 72–89.

136 Бернштам А. Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина» // МИА СССР. № 14. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

137 Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки… С. 88–94.

педиции под руководством А. К. Кибирова. По аналогиям с памятниками соседних с Прииссыккульем территорий они были датированы автором раскопок VII–XI вв.[138] В этой же экспедиции осуществлял работы Л. П. Зяблин, которым в могильнике Кой-Суу были раскопаны два кургана с типичным древнетюркским инвентарем. Они были отнесены автором раскопок к алтайскому типу и датированы VII–IX и X–XI вв.[139]

В Таласской долине на территории 5 могильников Д. Ф. Винником исследовано 16 курганов, которые были отнесены к древнетюркской культуре и датированы VI–X вв.[140]

В 1960–70-е гг. древнетюркские погребения с конем на территории Кыргызстана исследовались Ю. А. Заднепровским, В. П. Мокрыниным, В. Д. Горячевой, К. И. Ташбаевой, К. Ш. Табалдиевым, О. А. Солтобаевым[141].

В последние годы в результате целенаправленных раскопок средневековых археологических памятников были изучены древнетюркские погребения по обряду ингумации в сопровождении верховых коней и поминальные оградки с каменными изваяниями. В процессе раскопок древнетюркских археологических памятников в Кочкорской долине на Тянь-Шане получены новые информативные материалы по истории и культуре западных тюрков[142].

Изучением памятников древнетюркского времени Барабинской лесостепи много лет занимался В. И. Молодин. Результаты исследований поселенческих и погребальных комплексов показывают, что в середине VIII в. тюркоязычное население проникает на территорию богатой пастбищами и охотничьими угодьями Барабы[143]. Вероятно, переселенцы искали именно благоприятные условия для проживания и ведения привычного вида хозяйственной деятельности. Тюркские погребения с отдельными предметами местной культуры (например потчевашской керамикой) свидетельству-

---

138 Кибиров А. К. Работа Тянь-Шаньского археологического отряда // КСИЭ. XXVI, 1957. С. 81–88.

139 Зяблин Л. П. Средневековые курганы на Иссык-Куле // ТКАЭЭ. Т. II. М., 1959. С. 139–154.

140 Винник Д. Ф. Тюркские памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963. С. 79–93.

141 Заднепровский Ю. А. Некрополь в Южной Киргизии // По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Фрунзе, 1982; Мокрынин В. П., Гаврющенко П. П. Древнетюркские памятники долины реки Тон // Археологические памятники Прииссыккулья. Фрунзе, 1975. С. 102–106; Горячева В. Д. Наусы некрополя Краснореченского городища // Красная речка и Бурана. Фрунзе, 1989. С. 85–95; Табалдиев К. Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек: Айбек, 1996.

142 Табалдиев К. Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня… С. 14; Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане… С. 7–9.

143 Бараба в тюркское время. Новосибирск: Наука, 1988. С. 3.

ют о процессах смешения аборигенного и пришлого населения. Исследования памятников древнетюркского времени в Барабинской лесостепи продолжаются и в последние годы на памятниках Тартас-1, Венгерово-2, материалы которых находят аналогии в памятнике Шибе на Алтае, а также в Боровском могильнике в Казахстане и памятнике Черный Мыс в Новосибирской области[144].

На территории Монголии памятники древних тюрков открыты еще в XVIII в., но стимул для их активного изучения был получен после расшифровки рунической письменности в конце XIX в. Поэтому неудивительно, что большинство из исследованных на сегодняшний день древнетюркских памятников Монголии — это поминальные комплексы, в первую очередь, тюркской знати. Долгое время практически единственным исследованным древнетюркским погребальным памятником оставалось погребение с конем, раскопанное в начале XX в. в долине р. Тола Б. И. Боровкой[145]. Он связывал его с «турками-огузами». К раннему Средневековью может также относится раскопанное им погребение в Наинтэ-суме[146]. В конце 1940-х гг. в окрестностях Эрдени-Цзу были проведены совместные советско-монгольские исследования, в ходе которых было выявлено одно древнетюркское захоронение на памятнике Джарагаланты. По аналогии расположения умершей женщины и типу принадлежавших ей серег Л. А. Евтюхова датировала данное погребение VIII–IX вв.[147] Позже А. А. Гаврилова отнесла погребения из Джарагаланты и Наинтэ-суме к кудыргинскому типу могил[148]. Один из первых опытов обобщения материалов, относящихся к культуре древних тюрков Монголии, предпринял Н. Сэр-Оджав[149], однако он ошибочно отнес к ней курганы-херексуры[150]. В 1950-е гг. раскопки погребальных памятников проводил Х. Пэрлээ. Судя по краткому описанию материалов, исследованные па-

144 Молодин В. И., Мыльникова Л. Н. Нестерова М. С., Швецова Е. С. Материалы древнетюркского времени на поселении Венгерово-2 (Барабинская лесостепь) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 17, № 5. Археология и этнография. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2018. С. 104.

145 Боровка Г. И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Л.: АН СССР, 1927. Вып. II. С. 73–74.

146 Там же. С. 64–66.

147 Евтюхова Л. А. О племенах Центральной Монголии в IX в. (по материалам раскопок курганов) // Советская археология. 1957. № 2. С. 207, 224.

148 Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен… С. 65.

149 Сэр-Оджав Н. Эртний турегууд (VI–VIII зуун). Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэл, 1970. 115 тал.

150 Худяков Ю. С. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 136–162.

мятники Дэнслэгийн и Тогосийн овдгийн могут быть отнесены к культуре тюрков[151]. Многолетние работы совместной советско-монгольской экспедиции способствовали тому, что изучение древних памятников Монголии существенно активизировалось, однако древнетюркских среди них практически не было. К тому же исследования были ограничены лишь центральными и северными районами Монголии. Памятники высшей знати древних тюрков были обобщены и классифицированы В. Е. Войтовым[152]. По его мнению, они стали результатом объединения трех компонентов — древнейших местных религиозно-мифологических элементов, изобразительного искусства ираноязычного мира и архитектурных китайских традиций. Таким образом, он видит поминальные традиции древних тюрков конгломератом «разнообразных элементов материальной и духовной культуры скотоводов и земледельцев»[153]. В 1980-е гг. погребальные памятники самостоятельно исследовались монгольскими археологами[154]. В 1990-е гг. к археологическим исследованиям в Монголии стали активно привлекаться европейские коллеги, а также ученые из Кореи, Японии, США. В 2005 г. Ц. Турбатом были обобщены результаты исследований предшествующих лет. Он указал, что по-прежнему крайне мало изучено тюркских погребений на территории Монголии. Опираясь на имеющийся скудный материал, он пришел к выводу, что они имеют ряд признаков, которые роднят их с пазырыкскими, кокэльскими и таштыкскими комплексами[155].

И тем не менее, несмотря на существенную интенсификацию исследований погребальных памятников Монголии, к настоящему времени на ее тер-

---

151 Серегин Н. Н. Изучение и интерпретация погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Монголии (историографический аспект) // Теория и практика археологических исследований. № 1 (9). 2014. С. 104.

152 Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во ГМВ, 1996. С. 23–25.

153 Там же. С. 122.

154 Худяков Ю. С., Лхагвасурэн Х. Находки из древнетюркского погребения в местности Загал в Монгольском Алтае // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского гос. ун-та, 2002. № 8. С. 94–105; Худяков Ю. С., Турбат Ц. Древнетюркское погребение на памятнике Элст Хутул в северной Монголии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1999. С. 82–87. Худяков Ю. С., Цэвээндорж Д. Древнетюркское погребение из могильника Цаган-Хайрхан-Уул в Северо-Западной Монголии // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1999. С. 82–90; Турбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У. Эгийн голын сав нутаг дахь археологийн дурсгалууд. Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академи археологийн хүрээлэн, 2003. 295 тал.

155 Турбат Ц. Эртний тэрэгийн жирийн булшны судалгааны зарим асуудал (К вопросу о тюркских рядовых курганах) // Археологийн судлал. 2005. Т. XXIII. Т. 96–103.

ритории известно гораздо меньше в количественном отношении погребений по обряду ингумации с конем по сравнению с сопредельными территориями, их насчитывается всего около трех десятков. Они располагаются в основном в центральных и северных монгольских аймаках[156]. Как показали исследования последних лет, памятники имеют некоторые конструктивные особенности, хотя в целом вполне отвечают погребальным традициям тюрков Саяно-Алтая[157]. Проблемным остается также вопрос введения материалов в русскоязычный научный оборот.

Археологические памятники Алтая попали в поле зрения ученых во второй половине XVIII в., когда в Российской империи поиск рудных месторождений стал задачей государственного масштаба. На Алтай в это время было отправлено несколько экспедиций, в ходе которых были обнаружены и памятники древности, в том числе древнетюркские изваяния. Вплоть до XIX в. сохранялась тенденция фиксации и описания археологических памятников Алтая в ходе не специализированных исследовательских экспедиций, а в рамках геологических, географических и других изысканий[158].

Значимость археологических памятников Алтая древнетюркского времени на фоне скудости письменных источников подчеркивал С. В. Киселёв[159]. В одной из глав своей работы, посвященной древней истории Южной Сибири, он обобщил материалы по истории древних тюрков Алтая. Им были затронуты вопросы этногенеза, в том числе легенда об их происхождении, хозяйственный тип (здесь особенно подчеркивается значение памятников материальной культуры на примере могильника Кудыргэ), рассматривались конструктивные особенности погребений, особенности погребального инвентаря и др.

В изучении истории и культуры древних тюрков на Алтае отдельным сюжетом можно считать деятельность финских ученых. Их активность в этом направлении объяснялась сложившимся к концу XIX в. представлением о происхождении народов финно-угорской языковой семьи[160]. В 1931 г. были опубликованы письма и иллюстративный материал, собранный И. Р. Аспе-

---

156 Серегин Н. Н. Погребальные сооружения тюрок Монголии (2-я половина I тыс. н. э.) // Теория и практика археологических исследований. № 1 (13). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. С. 92.

157 Там же. С. 103.

158 Формозов А. А. Очерки по истории русской археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 37.

159 Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР. № 9. М.; Л., 1949. С. 276.

160 Салминен Т. И. Р. Аспелин — А. М. Талльгрен и проблема урало-алтайского бронзового века // Российская археология. 2011. № 4. С. 130.

линым во время экспедиции по Южной Сибири и Монголии в 1887–1889 гг., в том числе в 1888 г. на Алтае[161]. Среди прочего в работе приведены краткие описательные сведения о каменных изваяниях Саяно-Алтая и опубликованы зарисовки. После обнаружения Н. М. Ядринцевым в 1890 г. памятников на р. Орхон Финно-угорское общество направило в Монголию экспедицию А. О. Гейкеля, которая скопировала эти надписи[162]. Несмотря на то, что в конце XIX в. была расшифрована орхонская руническая письменность и установлена ее принадлежность средневековым тюркским кочевым народам, ученые из Финляндии продолжали проводить экспедиционные исследования в Западной Сибири, Саяно-Алтае, Монголии и на Тянь-Шане в конце XIX в.[163]

На Алтае в конце XIX — в начале XX в. осуществлялась деятельность Общества любителей исследования Алтая. Задачи, которые ставили перед собой его члены, — всестороннее изучение Алтая и сопредельных территорий, формирование коллекций, популяризация памятников древности, научные дискуссии, учет и сохранение памятников — актуальны для археологов и в настоящее время. Самостоятельно и в составе Западно-Сибирского отдела ИРГО его участниками были собраны обширные сведения, в том числе о памятниках древнетюркской культуры, в частности, о каменных изваяниях.

В 30-е гг. XX в. на Алтае работали экспедиции Государственного Эрмитажа, Государственного исторического музея и др. Были исследованы оградки в долине р. Урсул, раскопаны раннесредневековые курганы, а также проведены исследования в Курайской котловине. В ходе раскопок курганов участниками исследований было найдено несколько предметов с надписями, варианты прочтения которых были предложены С. В. Киселёвым[164]. М. П. Грязновым была обследована Канская котловина, в которой были обнаружены также и раннесредневековые материалы[165].

Большое значение для изучения древнетюркской культуры на Алтае имеет памятник Кудыргэ, привлекающий к себе внимание исследователей в те-

---

161 Appelgren-Kivalo H. Alt-Altaische Kunstdenkmaler. Briefe und Bildermaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und Mongolei 1887–1889. Helsingfors: K. F. Puromies Buchdruckerei A. G., 1931.

162 Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. Открытие изучение древнетюркских… С. 42–43.

163 Борисенко А. Ю. Наскальные рисунки и стелы с тамгами в Монгольском Алтае, обнаруженные экспедицией И. Г. Гранэ в 1909 г. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Иркутск; Омск, 2013. Т. 1. С. 72.

164 Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Отчет о работе Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. 1941. Вып. 16. С. 75–117.

165 Тишкин А. А., Горбунов В. В. Раннетюркское погребение на могильнике Яконур (по материалам раскопок М. П. Грязнова) // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. № 10. С. 107–117.

чение многих десятилетий[166]. Определенным обобщением накопленных к середине 1960-х гг. материалов тюркского и раннего тюркского времени на Алтае стала монография А. А. Гавриловой[167]. Исследователь, изучив весь доступный корпус источников, по хронологическому принципу выделила 6 типов могил. По ее мнению, каждый из них отражает «изменения в культуре, обусловленные политическими переменами в степи»[168]. Это заложило основу для последующей «работы по классификации, хронологии и периодизации древнетюркских погребальных комплексов»[169].

Одним из основных вопросов, к решению которого обращаются специалисты по истории древних тюрков, является определение хронологических и этнокультурных границ древнетюркского времени в Центральной Азии. В свое время А. Д. Грач обозначил их с VI по первую четверть X в.[170] С. Г. Кляшторному и Д. Г. Савинову археологические материалы позволили выделить четыре этапа в развитии тюркской культуры на Алтае. По их мнению, они коррелируются с периодами существования центральноазиатских государственных образований[171]. Складывание древнетюркской культуры исследователи относят к середине V в. и связывают с алтайским периодом в истории тюрков-тюгу. Авторы считают, что лучше всего выделение хронологических этапов прослеживается по материалам исследованных погребений с конем с территории Горного Алтая и Тувы[172]. По мнению С. Г. Кляшторного, именно на Алтае сформировалось племенное объединение, получившее название «тюрк», и позже стало обозначать не этническую, а политическую принадлежность. Дальнейшие исследования алтайских археологов позволили скорректировать схему, предложенную Д. Г. Савиновым и С. Г. Кляшторным. С опорой на материалы погребального инвентаря, а также с использованием современных методов датирования А. А. Тишкиным была предложена расширенная схема хронологических этапов тюрк-

166 Руденко С. И., Глухов АН. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. Т. III. Вып. 2. 1927. С. 37–52.

167 Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М., 1965.

168 Там же. С. 105.

169 Борисенко А. Ю., Скобелев С. Г., Худяков Ю. С. Основные проблемы изучения культуры древних тюрок в Центральной Азии // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2000. С. 9.

170 Грач А. Д. Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени. С. 188–193.

171 Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи Евразии. СПб.: Фарн, 1994. С. 107.

172 Там же. С. 108.

ского времени на Алтае[173]. В ее рамках выделяется ранний — кызыл-ташский этап, а также кудыргинский и катандинский этапы, которые отражают периоды тюркской истории на Алтае во время существования Первого и Второго Тюркских каганатов. Туэктинский период отображает специфику тюркской культуры во время существования Уйгурского каганата, курайский — Кыргызского каганата, археологические материалы балтарганского этапа демонстрируют постепенное ослабление тюркских традиций.

Некоторые исследователи выдвинули гипотезу, согласно которой средневековые захоронения с верховыми лошадьми были совершены не древними тюрками, а представителями телеского объединения кочевых племен[174]. Признавая их принадлежность к «древнетюркскому этнокультурному массиву» в целом, ученые, тем не менее, обращают внимание на то, что они встречаются также и в тех районах, где памятники древних тюрков не зафиксированы. Исследователи выделяют ряд признаков, по которым они не могут быть «этнически идентифицированы с тюрками-тюгу». Также остается открытым вопрос о смене погребального обряда, но если это и имело место, то только в среде рядовых кочевников[175].

В течение ряда лет памятники древнетюркской культуры изучал Д. Г. Савинов. Он исследовал погребальные и поминальные памятники в Узунтальской степи. Так же, как ранее Л. А. Евтюхова, Д. Г. Савинов обратил внимание на реалии древнетюркских каменных изваяний. Он рассмотрел их в связи с вопросом хронологии этого типа памятников и отнес их к курайской культуре «алтае-телесских тюрков»[176].

Некоторые исследователи считали древнетюркские поминальные комплексы захоронениями по обряду кремации, так как в них встречаются угольки и жженые кости животных. К такой интерпретации в разные годы

---

[173] Тишкин А. А. Радиоуглеродное датирование памятников Алтая Периода раннего средневековья (тюркская и кыргызская культуры) // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологичесих исследованиях. СПб.: ИИМК РАН, 2007. С. 284.

[174] Трифонов Ю. И. Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тугю) // Тюркологический сборник. 1972. М.: Наука, 1973. С. 351–374.

[175] Там же. С. 373.

[176] Савинов Д. Г. Древнетюркские курганы Узунтала (К вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 112–117; Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1984. С. 119–123.

склонялись М. П. Грязнов и Л. Н. Гумилев[177]. Позднее эту трактовку поддержал А. С. Суразаков[178]. Он считал каменные оградки в долине р. Катуни погребальными сооружениями и предполагал, что древние тюрки помещали прах умерших в мешочке на дереве в центре оградки[179].

В. А. Могильников обобщил материалы по культуре древних тюрков, известные к 1980-м гг.[180]. Погребальные и поминальные сооружения на территории Тувы и Саяно-Алтая, погребальный инвентарь, предметы искусства, происхождение письменности — эти вопросы стали предметом его изучения и обобщения. Однако и позже В. А. Могильников продолжал исследовать материальную и духовную культуру древних тюрков. Значительное количество древнетюркских средневековых погребений в сопровождении верховых коней и поминальных сооружений были им изучены в центральной части Горного Алтая[181].

Древнетюркские поминальные сооружения на территории Алтая изучал А. С. Васютин. Он раскопал несколько оградок в восточных и центральных районах Алтая и попытался уточнить их хронологию[182].

В течение предшествующих десятилетий значительное количество древнетюркских погребальных и поминальных памятников на территории Горного Алтая было исследовано археологами из Барнаула, Горно-Алтайска и Новосибирска[183].

---

177 Грязнов М. П. Раскопки на Алтае // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1940. Вып. 1. С. 20; Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Клышников-Комаров и К, 1993. 526 с. Гусейн — заде Р. А. Кавказ и сельджуки. Баку: Кавказ, 2010. 272 с.

178 Суразаков А. С. О древнетюркских каменных оградках // Тюркология-88. Фрунзе, 1988. С. 569.

179 Там же. С. 569–570.

180 Могильников В. А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981. С. 29–43.

181 Могильников В. А. Древнетюркские курганы Кара-Коба I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 137–185.

182 Васютин А. С., Елин В. Н. К датировке алтайских оградок уландрыкского типа // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1983. 1983. С. 118–122.

183 Бородовский А. П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катуни // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во АГУ, 1994. С. 75–82; Кирюшин Ю. Ф., Горбунов В. В., Степанова Н. Ф., Тишкин А. А. Древнетюркские курганы могильника Тыткескень — VI // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. № 3. С. 165–175.; Соенов В. И., Эбель А. В. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Археология и этнография. 1996. № 3. С. 115–118; Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю. Своеобразное впускное погребение древнетюркского времени на могильнике Тянгыс-Тыт // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы VI Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Новосибирск, 1998. Т. 4. С. 369–373.

В последние десятилетия предметом интереса специалистов в области тюркской истории все чаще становится социальная организация общества ранних тюрков Саяно-Алтая и Центральной Азии. Связанные с данной проблемой вопросы не просто регулярно поднимаются в работах специалистов по древнетюркской культуре, но и становятся предметом целенаправленного изучения. Среди подобных исследований можно назвать диссертационную работу Н. Н. Серегина, а позже и опубликованную по нему монографию, где автор, опираясь на материалы неограбленных или частично потревоженных погребальных комплексов, проводит реконструкцию социальной структуры тюркского населения Саяно-Алтая. Им были определены основные признаки социальной дифференциации в погребениях[184] и выделены четыре этапа социализации[185]. Отдельно Н. Н. Серегин останавливается на положении женщин в тюркском обществе[186]. По замечанию ученого, изучение памятников древнетюркской культуры на современном этапе характеризуется акцентированным вниманием на проблемах интерпретации собранных материалов, а не на расширении источниковой базы предметов материальной культуры древних тюрков[187].

К настоящему времени в тюркской археологии Алтая сформировался достаточно большой корпус источников. С завидной регулярностью появляются работы различного формата — научные статьи, монографии, диссертационные исследования. Предметом изучения становятся особенности погребальной и поминальной ритуальной обрядности, вопросы хронологии, периодизации, этнокультурной принадлежности, этно- и культурогенеза. Авторы вводят в научный оборот новые материалы и обобщают уже имеющиеся. Расширение источниковой базы позволяет снимать одни вопросы, но вместе с тем ставит новые, многие из которых остаются открытыми и требуют дальнейшего внимания со стороны исследователей. К таким, по мнению Г. В. Кубарева, относятся вопросы датировки памятников, их вариативность и интерпретация и др.[188] Одной из обобщающих работ ав-

---

184 Серегин Н. Н. Социальная организация раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. С. 79–80.

185 Там же. С. 72–76.

186 Там же. С. 76.

187 Серегин Н. Н. Погребальные комплексы тюркской культуры Саяно-Алтая (2-я половина V–XI вв. н. э.): системный анализ и социальная интерпретация: автореф. … к. и. н. Барнаул, 2011. С. 11.

188 Кубарев Г. В. Древнетюркские оградки Кызыл-Шина (Юго-Восточный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46. № 2. С. 80.

тора является информативный каталог древнетюркских изваяний в коллекции Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока и Историко-архитектурного музея под открытым небом ИАЭТ СО РАН. Коллекция включает в себя 55 статуарных изображений с территории Тувы, Алтая, Дальнего Востока, Центральной Азии. Авторы каталога отмечают преобладающую схематичность изображений на древнетюркских каменных изваяниях, известных на территории Средней и Центральной Азии. Причина этого кроется, по их мнению, в социально-имущественном положении рядовых тюрков, которые не имели возможности установить качественную статую, но должны были следовать погребально-поминальным традициям общества[189]. Всего же В. Д. Кубарев и Г. В. Кубарев указывают среди учтенных на момент выхода каталога около 400 древнетюркских изваяний, известных на территории Российского и Монгольского Алтая. Авторами также поднимается важный вопрос сохранения этого вида памятников. Простояв непотревоженными на местах своей установки в течение многих столетий, сейчас они «буквально исчезают на наших глазах» под воздействием антропогенного фактора[190].

Тенденцией последних десятилетий можно назвать комплексное исследование тюркских памятников с применением методов естественных наук. В рамках подобных исследований по-прежнему актуальным остается проведение анализа дендрохронологических проб для решения вопросов датировки, а также использование методов радиоуглеродного датирования. Это, в свою очередь, должно позволить уточнить существующие периодизационные схемы для культуры тюркских народов, населявших Алтай в раннее Средневековье[191].

Несмотря на постоянное развитие исследовательского интереса к памятникам тюркского времени на Алтае, можно отметить неравномерность в их изучении. О некотором перекосе в изучении древнетюркских памятников на разных территориях упоминал еще С. И. Вайнштейн[192]. При большом объеме имеющейся к середине XX в. литературы по древнетюркской пробле-

---

189 Кубарев В. Д., Кубарев Г. В. Каменные изваяния древних тюрок Южной Сибири. Каталог коллекции музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока и Историко-архитектурного музея под открытым небом ИАЭТ СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 7.

190 Там же. С. 15.

191 Тишкин А. А., Горбунов В. В., Горбунова Т. Г. Алтай в эпоху средневековья. Барнаул: ООО «Печатная компания АРТИКА», 2011. С. 18.

192 Вайнштейн С. И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // Советская этнография. 1966. № 3. С. 60.

матике некоторые территории оставались слабоизученными и недостаточно отраженными в научных работах. Обращаясь к вопросам периодизации древнетюркской культуры, он, ссылаясь на исследования А. А. Гавриловой на Алтае, подчеркивает перспективность изучения погребальных комплексов. И если А. А. Гаврилова в своей работе опиралась на изменения в конской сбруе, то С. И. Вайнштейн рассматривает комплекс разновременных древнетюркских седел, обнаруженных им в ходе раскопок на могильнике Кокэль в 1959 г. По его мнению, прослеживание изменений в их типологии, а также поиск аналогий должны были дать ценный материал для периодизации погребальных комплексов древнетюркской культуры Тувы[193]. Автор не раз подчеркивал существование тесной связи группы алтайских тюрков, проживавших на территории Тувы, с родственным населением Горного Алтая. Долговременное сохранение обряда погребения с конем в тувинской среде, по его мнению, должно рассматриваться как аргумент в пользу участия алтайских тюрков в этногенезе современных тувинцев[194]. Так, недостаточно исследованными на сегодняшний день остаются поселенческие комплексы. В том числе свою актуальность сохраняет проблема выделения культурных слоев тюркского времени на уже известных памятниках этого типа[195].

Также можно отметить неодинаковую степень изученности тюркских памятников в разных районах Алтая. Учитывая основные их типы — погребения, поминальные комплексы, рунические надписи, изваяния — достаточно изученными можно считать Чемальский, Усть-Канский, Онгудайский, Кош-Агачский районы. Территория Усть-Коксинского, Улаганского районов изучена в меньшей степени[196].

Одним из основных видов памятников культуры древних тюрков являются каменные антропоморфные изваяния. Вплоть до первых десятилетий XX в. в Минусинской котловине среди всех объектов, которые сейчас относятся к древнетюркской культуре, в основном именно каменные изваяния и надписи привлекали к себе внимание исследователей. О них упоминают

---

193 Вайнштейн С. И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // Советская этнография. 1966. № 3. С. 60–61.

194 Вайнштейн С. И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры… С. 79–80.

195 Соенов В. И., Эбель А. В. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Археология и этнография. 1996. № 3. С. 24.

196 Тишкин А. А., Горбунов В. В., Горбунова Т. Г. Алтай в эпоху средневековья. Барнаул: ООО «Печатная компания АРТИКА», 2011. С. 13.

Г. Ф. Миллер[197], И. Г. Фальк[198], М. П. Грязнов[199], П. С. Паллас[200], А. П. Степанов[201] и др. Описание каменных изваяний и особое к ним отношение отмечал В. В. Радлов, который отстаивал их тюркскую принадлежность. Он предполагал, что сосуды, изображенные на каменных изваяниях, могут быть погребальными урнами[202]. Именно он впервые в истории исследования культуры древних тюрков сопоставил с китайскими письменными источниками и приводимыми в них сведениями о тюрках, уйгурах и кыргызах материалы, полученные из средневековых погребальных комплексов[203].

В конце XIX в. некоторые сведения о древнетюркских каменных изваяниях Минусинской котловины приводили Д. А. Клеменц, И. Р. Аспелин, Н. М. Ядринцев. Д. А. Клеменц считал, что они принадлежат древним тюркам, однако ошибочно датировал более ранним временем[204]. В ходе работы финской научной экспедиции в Минусинской котловине были зафиксированы ряд изваяний людей и животных, рунические надписи и поминальные сооружения[205]. Н. М. Ядринцев, ссылаясь на китайские письменные источники, полагал, что каменные изваяния не могут принадлежать проживавшим на Енисее кыргызам и должны относиться к другой культуре[206].

В конце 1920-х гг. М. П. Грязнов и Е. Р. Шнейдер выделили обнаруженные в Минусинской котловине средневековые скульптуры из общего массива каменных изваяний. Они считали их нехарактерными для данной территории и воспринимали как «надгробные памятники»[207]. М. П. Грязнов и позже обращался к их анализу. Им было рассмотрено 5 скульптур, одна из которых впоследствии была отнесена Л. А. Евтюховой к тувинским[208]. Несмо-

---

197 Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л.: АН СССР, 1937. Т. 1. С. 521.

198 Falk I. P. Beitrage zur topographischen Kentniss des Russischen Reiches. St.-Pb.: Kayserl. Akad. der Wiss, 1785–1786. T. 1. S. 348, tab. 4, 1.

199 Грязнов М. П. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами // Советская археология. 1950. Вып. XII. С. 148.

200 Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., Имп. Акад. Наук, 1788. Ч. III, кн. 1. С. 501.

201 Степанов А. П. Енисейская губерния. СПб.: Тип. К. Вингебера, 1835. Ч. 2. С. 129.

202 Радлов В. В. Из Сибири. М.: Наука, 1989. С. 431, 433, 436.

203 Худяков Ю. С. Древние тюрки на Енисее… С. 7.

204 Клеменц Д. А. Древности Минусинского музея. Томск: Изд-во И. Кузнецова, 1886. С. 32–43.

205 Худяков Ю. С. Древние тюрки на Енисее… С. 7.

206 Ядринцев Н. М. Древние памятники и письмена в Сибири. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1885. С. 468.

207 Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р. Древние изваяния Минусинских степей // Материалы по этнографии. Л., 1929. Т. Т. 4. Вып. 2. С. 84–87.

208 Грязнов М. П. Минусинские каменные бабы… С. 151, прим. 2.

тря на ряд отличий, М. П. Грязнов считал их различными вариантами одного типа изваяний тюркского времени[209].

Позже, когда в центре внимания ученых встали вопросы типологии, хронологии, назначения и этнокультурной принадлежности этого типа памятников, Л. А. Евтюховой была подготовлена сводка древнетюркских каменных изваяний, куда вошли 6 объектов из Минусинской котловины, а также с Алтая, из Тувы и Монголии[210]. Она определила, что изваяние, зафиксированное Д. Г. Мессершмидтом в 1720-е гг. XVIII в., и артефакт, описанный И. Р. Аспелиным в конце XIX в. на р. Черный Июс, являются разными объектами. Она также учла изваяния, зафиксированные П. С. Палласом и описанные позже И. Р. Аспелиным из с. Аскиз[211]. Последние Л. Р. Кызласов отнес к таштыкской культуре, ссылаясь на иконографическое сходство лиц на изваяниях с таштыкскими масками-бюстами и лицевыми масками[212]. Эту идею развил Д. Г. Савинов, который указал, что антропоморфные изваяния, наряду с таштыкскими масками и тесинскими «глиняными головами», представляют собой различные способы сохранения облика умершего человека[213]. Мнение Л. Р. Кызласова о таштыкской принадлежности изваяний Минусинской котловины поддержал позже С. И. Вайнштейн[214]. Л. А. Евтюховой же было выделено несколько типов изваяний. Исследователь отмечала, что они встречаются по всей рассматриваемой территории. Она указала также на тот факт, что предметы, которые вырезались на скульптурных изображениях, как правило, выполнены с большей тщательностью, чем лица и формы персонажей. Л. А. Евтюхова видела необходимость в более подробном изучении каменных изваяний и корреляции результатов с предметами материальной культуры, что, по ее мнению, позволило бы углубить знания о расселении тюркских народов[215].

Систематическое изучение древнетюркских каменных антропоморфных скульптур на территории последней началось только после Второй мировой войны и связано, в первую очередь, с именем С. И. Вайнштейна. Им

---

209 Грязнов М. П. Минусинские каменные бабы… С. 151, прим. 2.

210 Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // Материалы и исследования по археологии Сибири. М., 1952. № 24. Т. 1. С. 72–120.

211 Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии… С. 94–96.

212 Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н. э. — V в. н. э.). М.: МГУ, 1960. С. 158.

213 Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1984. С. 46.

214 Вайнштейн С. И. В. В. Радлов и его труд «Из Сибири» // Из Сибири. М.: Наука, 1989. С. 627. Прим. 37–38.

215 Вайнштейн С. И. В. В. Радлов и его труд «Из Сибири»… С. 72.

был предпринят первый опыт систематизации памятников древнетюркского времени Тувы[216]. Они локализуются в степных и горно-степных районах. Обращаясь к вопросу их классификации и отдавая дань коллегам, опиравшимся в этом вопросе на технику изображений — Л. А. Евтюховой, С. В. Киселёву, А. Н. Бернштаму, или на полноту изображения фигуры — А. Д. Грачу, С. И. Вайнштейн предлагает основным критерием считать наличие или отсутствие сосуда в руках изображенного персонажа[217]. В диспуте о семантике изваяний С. И. Вайнштейн признает, что значительная их часть могла представлять самого умершего, что может являться важным историческим источником о внешнем облике древних тюрков, их одежде, украшениях и др.[218] Однако и факт установки изображений врагов не вызывает у него сомнений[219]. В этом случае они могли нести мемориальное значение, призванное прославить умершего сородича в глазах будущих поколений[220].

Характеристику более чем 50 древнетюркских изваяний из 9 различных районов Тувы дал А. Д. Грач. Опираясь на анализ изображенных на изваяниях реалий, ученый выделил два хронологических этапа. Большая часть изваяний датируется им VII–VIII вв. и была установлена в пределах оградок. Другая группа изваяний устанавливалась вне пределов оградок и являются более поздними, VIII–IX вв.[221] Эти даты соответствуют и общей периодизации древнетюркских памятников. По мнению исследователя, изваяния и ряды балбалов первого этапа устанавливались возле древнетюркских погребений с ориентацией ВЗ, изваяния позднего этапа могли быть установлены тюркским населением Тувы в период Уйгурского каганата. Опираясь на археологические, исторические, этнографические данные, А. Д. Грач полагает, что они должны изображать наиболее могущественных побежденных противников тюрков[222].

Древнетюркские каменные изваяния Тянь-Шаня упоминает российский казачий офицер, ставший в дальнейшем выдающимся казахским ученым, Ч. Ч. Валиханов, который зафиксировал «каменные бабы» во время совер-

---

216 Некоторые итоги работы археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956–1957 гг. // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. VI. Кызыл, 1958. С. 217–237.

217 Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы. М.: Наука, 1974. С. 71.

218 Вайнштейн С. И., Крюков М. В. Об облике древних тюрков // Тюркологический сборник. М.: Главная редакция восточной литературы, 1966. С. 178.

219 Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы… С. 71.

220 Там же. С. 72.

221 Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. По материалам исследований 1953–1960 гг. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. С. 91.

222 Там же. С. 92.

шения экспедиции в этот район[223]. Через год путешествие на Тянь-Шань совершил российский географ П. П. Семенов, получивший за путешествие почетное добавление к своей фамилии «Тян-Шанский»[224]. Исследователь также обратил внимание на каменные изваяния, которые он относил к усуням.

Большой вклад в изучение древнетюркских памятников и средневековой истории Тянь-Шаня и Семиречья внес В. В. Бартольд. Он принимал непосредственное участие в археологических исследованиях на территории Тянь-Шаня и обнаружил древнетюркские каменные изваяния в этом регионе. Им был опубликован сводный очерк по истории Семиречья, в котором обобщены сведения по истории западных тюрков из различных средневековых письменных источников[225]. О каменных изваяниях на территории Кыргызстана и Семиречья в конце XIX в. упоминали Н. Н. Пантусов, Ф. В. Поярков, П. П. Иванов, А. И. Треножкин[226].

В 1921 г. В. В. Бартольд, имея целью дополнить сведения Н. И. Веселовского, подвел определенный итог предшествующим тюркологическим исследованиям[227]. Им были рассмотрены конструктивные особенности древнетюркских захоронений и проведено сравнение древнетюркских и монгольских погребений и, в том числе, подробно проанализирован обычай устанавливать каменные изваяния и балбалы, вплоть до происхождения самого термина, а также связь их с погребениями и обряды почитания. На основании анализа средневековых письменных источников он отнес их к культуре западных тюрков, ошибочно считая их «надгробными» памятниками[228]. В течение 1960–1970-х гг. большое количество средневековых антропоморфных каменных изваяний было найдено на территории северных районов современного Кыргызстана[229]. Самостоятельный интерес у исследователей вызва-

---

223 Валиханов Ч. Ч. Записки о киргизах // Собрание сочинений в 5 томах. Алма-Ата: Гл. ред. Казах. сов. энциклопедии, 1985. Т. 2. С. 268.

224 Семенов-Тян-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 гг. // Мемуары. М.: Географгиз, 1948. Т. 2. С. 274–276.

225 Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Фрунзе: Киргизгосиздат, 1943; Гардизинин «Зайн ал-ахбар» чыгармасынан үзүндү // Бартольд В. В. Кыргыз жана Кыргызстан тарыхы боюнча тандалма эмгектер / Түз. кошумча түшүндүрмөлөр ж-а алгы сөз жазган Ө. Караев; Кырг. котор. котормочулар жамааты; Кыргызча чыгарылышынын илимий редактору — филология илимдеринин кандидаты С. Кайыпов. Б.: «Айбек» фирмасы, 1997. 456 б.

226 Табалдиев К. Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек: Айбек, 1996. С. 7–9.

227 Там же. С. 55–76.

228 Бартольд В. В. К вопросу об археологических исследованиях в Туркестане // Избранные труды по истории кыргызов и Кыргызстана. Бишкек: Шам, 1996. С. 449–465.

229 Винник Д. Ф. История изучения каменных изваяний Кыргызстана // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. Бишкек, 1995. С. 160–175.

ли статуи, которые считаются женскими изображениями[230]. К сожалению, многие из подобных памятников без необходимой фиксации и проведения раскопок были перемещены с мест своей первоначальной установки и в настоящее время установлены на территориях музеев, школ, домов культуры.

Изучением древнетюркских каменных антропоморфных скульптур в Иссык-Кульской котловине занимались такие известные ученые, как А. Н. Бернштам, Д. Ф. Винник, Я. А. Шер[231]. Последними в разное время были зафиксированы и осмотрены скульптурные памятники в долине р. Туура-Суу, сделаны описания и прорисовки. В. П. Мокрынин предложил свою классификацию этого вида памятников[232]. Исследователей более всего интересовала иконография и семантика каменных изваяний[233].

Культура древних тюрков Семиречья не раз становилась объектом исследования Я. А. Шера. Особое внимание он уделял древнетюркским каменным изваяниям, признавая их самой значительной группой подобного рода памятников как по территории распространения, так и числу известных скульптур[234]. Он предложил типологическую классификацию, которая позволила ему проследить изоморфизм между группами памятников, отдаленных друг от друга в пространстве и времени, что, мнению ученого, подтверждает консервативность обрядовой практики древних тюрков[235]. Кроме того, это позволило дополнить некоторые письменные сведения по истории раннесредневековых кочевников Семиречья археологическими материалами.

На территории Казахстана памятники культуры древних тюрков и кыпчаков, в том числе антропоморфные каменные изваяния и погребения с лошадьми, в течение последних десятилетий изучались несколькими учеными. Каменные статуи и захоронения в сопровождении верховых коней на территории Верхнего Прииртышья исследовались Ф. Х. Арслановой и А. А. Чариковым, которые выделили среди этих памятников древнетюркские и кыпчак-

---

230 Мокрынин В. П. О женских каменных изваяниях Тянь-Шаня и их этнической принадлежности // Археологические памятники Прииссыккулья. Фрунзе, 1975. С. 113–119.

231 Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памир-Алая // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. № 26. 347 с.; Винник Д. Ф. История изучения каменных изваяний Кыргызстана… С. 160–175; Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л.: Наука, 1966. 139 с.

232 Мокрынин В. П. По следам прошлого. Фрунзе: Кыргызстан, 1986. С. 111.

233 Табалдиев К. Ш., Худяков Ю. С. Древнетюркские поминальные памятники на Тянь-Шане (по материалам исследований Нарынского отряда) // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. С. 65.

234 Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья… С. 4.

235 Там же. С. 70.

ские комплексы[236]. С. М. Ахинжановым исследованы каменные статуи, изображающие женщин в «трехрогих» головных уборах с территории Южного Казахстана[237]. В работах Л. Н. Ермоленко были рассмотрены кыпчакские святилища с антропоморфными каменными изваяниями, разработана их классификация и сформирована общая сводка каменных статуй средневековых кочевников с территории казахстанских степей[238]. Группа каменных изваяний с местонахождения Мерке, расположенного на юге современного Казахстана, была обследована Э. А. Новгородовой[239].

Среди монгольских ученых исследованием древнетюркских памятников, в том числе каменных изваяний, занимались Д. Баяр, Д. Эрдэнэбаатар, Д. Цэвээндорж и др.[240]. В работах последних лет отмечается, что, несмотря на открытие большого числа объектов древнетюркской культуры, их изучение является по-прежнему актуальным для реконструкции историко-культурных процессов на территории Большого Алтая. Специалисты сталкиваются с ситуацией, когда публикуются материалы элитных памятников, в то время как памятники рядовых тюрков остаются на периферии исследовательского интереса[241].

Каменные антропоморфные изваяния в начале XVIII в. также стали известны на Алтае благодаря русским рудознатцам[242]. В течение XIX в. сведения об антропоморфных каменных изваяниях встречаются в работах К. Ф. Леде-

---

236 Арсланова Ф. Х., Чариков А. А. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья // Советская археология. 1974. № 3. С. 220–256; Чариков А. А. Изобразительные особенности каменных изваяний Казахстана // Советская археология. 1986. № 1. С. 87–102.

237 Ахинжанов С. М. Об этнической принадлежности каменных изваяний в «трехрогих» головных уборах из Семиречья // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978. С. 76.

238 Ермоленко Л. Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. С. 16–38.

239 Новгородова Э. А. Кыпчакские святилища на юге Казахстана (Сандыкский перевал, г. Мерке) // Ученые записки комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока Всесоюзной ассоциации востоковедов (Археол. источники). М., 1989. С. 136–176.

240 Баяр Д. Новые археологические раскопки на памятнике Бильгэ-кагана // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4; Эндэнээбаатар Д., Турбат Ц., Худяков Ю. С. Древнетюркское погребение на памятнике Эгин Гол в Северной Монголии // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ, 2004. Вып. 2. С. 175–181; Цэвээндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц. Археология Монголии. Уланбаатар, 2008. 239 с.

241 Идэрхангай Т. Тюркские оградки Монгольского Алтая: систематизация, хронология и интерпретация: автореф. дисс. … канд. ист. наук. Барнаул, 2017. С. 3.

242 Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. С. 4.

бура[243], Г. И. Спасского[244], Г. Н. Потанина[245], Н. М. Ядринцева[246], А. В. Адрианова[247] и др.[248] О «грубых каменных изображениях» писал В. В. Радлов. Первоначально он в соответствии со сложившейся научной традицией относил каменные антропоморфные изваяния к бронзовому веку. В дальнейшем по результатам проведенных раскопок средневековых захоронений с верховыми лошадьми и поминальных оградок на территории Горного Алтая и Восточного Казахстана В. В. Радлов впервые выделил археологические памятники «новейшего железного периода» и сопоставил материалы из своих раскопок средневековых археологических комплексов со сведениями китайских источников о средневековых кочевых этносах, в том числе о древних тюрках[249].

Однако только с 1920-х гг. исследования на Алтае становятся систематическими. В ходе экспедиции под руководством С. И. Руденко каменные антропоморфные скульптуры были зафиксированы в Сайлюгемской степи, в урочище Кудыргэ[250].

В 1930-х гг. в Горном Алтае работала экспедиция во главе с С. В. Киселёвым и Л. А. Евтюховой. Ими было открыто множество памятников, среди которых присутствовали и каменные изваяния[251]. Л. А. Евтюхова считала, что традиция установки каменных изваяний, претерпев некоторые изменения, распространилась с Алтая на территории Тувы и Монголии[252].

Во второй половине 1930-х гг. на Алтае осуществлялись работы в рамках экспедиции ИИМК АН СССР, в ходе которой среди прочих памятников также было выявлено несколько каменных изваяний[253].

После Великой Отечественной войны исследования на Алтае продолжились. В 1950 г. там вновь работал С. И. Руденко. На левом берегу реки Кара-

---

243 Ледебур К. Ф. Отчет о путешествии по Алтайским горам. Записки, издаваемые Департаментом народного просвещения. СПб., 1827. Кн. 2. С. 254–278.

244 Спасский Г. И. Путешествие по южным алтайским горам в 1809 году. Сибирские пести. СПб., 1819. Ч. 4. Табл. VIII.

245 Потанин Г. Н. Памятники древности в Северной Монголии // Тр. МАО. М., 1886. Т. X. С. 50–57.

246 Ядринцев Н. М. Описание сибирских курганов и древностей // Тр. МАО. М., 1886. Т. XI. С. 181–205.

247 Адрианов А. В. К археологии Западного Алтая. ИАК. Пг., 1916. Вып. 62. С. 79–91.

248 Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая… С. 5–6.

249 Радлов В. В. Из Сибири… С. 431.

250 Руденко С. И., Глухов А. Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии Т. III. Вып. 2. 1927. С. 37–52.

251 Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии… С. 72–76.

252 Там же. С. 118.

253 Черников С. С. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая // КСИИМК. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Вып. XXIII. С. 96.

кол участниками экспедиции под его руководством было зарегистрировано около 57 могильных групп. В составе одной из них было зафиксировано упавшее каменное изваяние[254], которое позже на том же самом месте было обнаружено В. Д. Кубаревым[255].

В последующие годы на Алтае работали экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством С. С. Сорокина, Бийского музея им. В. В. Бианки во главе с Б. Х. Кадиковым, а также отряд ИИФиФ АН СССР. В ходе этих исследований было открыто и описано большое число древнетюркских каменных антропоморфных изваяний[256].

Определенный итог предыдущим годам исследования древнетюркских каменных изваяний Алтая был подведен В. Д. Кубаревым. По его мнению, традиция установки изваяний, объединяющая многие евразийские народы, может объясняться общностью идеологических представлений[257]. Ученый считает, что в основе традиции установки изваяний лежат представления о хранителях семьи и рода. По ряду признаков он выделил их сходство с оленными камнями, изображающими воинов скифской эпохи[258]. В. Д. Кубарев полагал, что связь между ними может подтверждаться парностью установки стел на древнетюркских поминальных сооружениях и установкой парных оленных камней и стел на раннескифских святилищах Алтая[259]. Обращаясь к вопросу происхождения древнетюркских изваяний, ученый ссылается на материалы Шестаковского могильника, который датируется I в. до н. э., и указывает на сходство некоторых конструктивных особенностей с обычаем создания древнетюркских поминальных сооружений. Так как наиболее ранние лицевые изваяния Алтая, по его мнению, могут датироваться I–V вв., это должно существенно сократить временной разрыв между сооружением скифских и тюркских изваяний[260]. Подавляющее большинство ученых придерживалось точки зрения, что древнетюркские каменные скульптурные изображения олицетворяют людей, в честь которых воздвигались поминаль-

---

254 Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 24.

255 Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая… С. 9.

256 Сорокин С. С. Материалы к археологии Горного Алтая // Ученые записки ГАНИИЯЛИ. Барнаул, 1969. Вып. 8; Кубарев В. Д., Кадиков Б. Х., Чевалков Л. М. Радведки по рекам Аргут, Чуя и БАшкаус // Археологические открытия 1978 года. М., 1979.

257 Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая… С. 83.

258 Там же. С. 83–84.

259 Там же. С. 85.

260 Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая… С. 84.

ные комплексы[261]. Однако высказывались и иные точки зрения. По мнению исследователя, к последней четверти XX в. этот вопрос можно считать решенным в пользу их принадлежности самим древним тюркам. В. Д. Кубарев считает каменные изваяния одним из основных источников по этническому составу населения Алтая в древнетюркскую эпоху, а Алтаю отводит роль связующего звена между территорией Семиречья и Казахстана с территорией Монголии и Тувы[262].

На сегодняшний день каменные изваяния, являясь частью сакрального пространства, позволяют более полно характеризовать всю сложность погребально-поминальной культуры древних тюрков[263].

Одним из важных направлений тюркологических исследований является изучение древнетюркских рунических надписей. Первая научная фиксация рунических текстов произошла во время экспедиции Д. Г. Мессершмидта в Минусинскую котловину. Одна из первых надписей была выполнена на тыльной стороне изваяния «Тесинский богатырь», а другая — на изваянии окуневской культуры с р. Уйбат[264]. Именно во время этой экспедиции древнетюркская письменность была названа рунической, по сходству написания с древнегерманскими рунами[265]. В 40-х гг. XIX в. древнетюркские рунические надписи стали центром внимания М. А. Кастрена[266]. Во время поездки по Минусинской котловине он отмечал, что «похожие на буквы» знаки встречаются чаще именно на стелах, могут быть нанесены бессистемно или «в непрерывном порядке». Им были также проведены раскопки, отмечены каменные изваяния[267]. Они считались специально изготовленными «идолами», единокультурными с рунических надписями и курганами[268].

В конце XIX в. в Минусинской котловине работали Д. А. Клеменц, Н. М. Ядринцев, а также финская экспедиция во главе с И. Р. Аспелиным. Как и боль-

---

261 Кызласов Л. Р. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей // Советская археология. 1964. № 2. С. 27–39.

262 Там же. С. 86.

263 Серегин Н. Н. «Околокурганные» сооружения тюркской культуры (систематизация и некоторые вопросы интерпретации) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, Политология. № 4 / 2 (68 / 2). 2010. С. 201.

264 Stralenberg Ph. I. Das nord- und ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730. Tab. V, a.

265 Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Изучение древностей Южной Сибири… С. 71.

266 Вадецкая Э. Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово: Кемеровский государственный педагогический институт, 1973. Вып. IV. С. 103.

267 Кастрен М. А. Путешествие в Сибирь (1845–1849). Т. 2. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. С. 228–229.

268 Худяков Ю. С. Древние тюрки на Енисее… С. 7.

шинство их предшественников, они считали рунические надписи синхронными с многочисленными курганами и каменными изваяниями Минусинской котловины. И. Р. Аспелиным сделаны копии обнаруженных надписей, которые оказались более точными, чем выполненные ранее[269].

В 1952 г. С. Е. Маловым опубликована работа, в которой были собраны переводы тюркских надписей из бассейна Енисея, предложенные В. В. Радловым, выполненные самим автором, а также имеющиеся в Минусинском музее. Ссылаясь на В. В. Радлова, он считает, что они должны принадлежать кыргызам и являются специфическим жанром «кладбищенской поэзии»[270]. Исследователь полагал, что их можно датировать V в., а следовательно, они могут считаться самыми ранними образцами древнетюркской письменности[271]. С ним не согласился Л. Р. Кызласов[272], полагая, что наиболее ранние памятники енисейской письменности должны относиться к VII в.[273] Исследователь подчеркивает важность применения археологических материалов, а также использование тамг при решении вопросов датировки рунических памятников[274].

С 1960-х гг. и в течение нескольких последующих десятков лет изучением древнетюркской письменности Сибири и Центральной Азии занимался С. Г. Кляшторный. Им была предпринята работа по систематизации и анализу сведений, содержащихся в известных рунических текстах с материалами других источников[275]. Ученый подчеркивал значение всех открытых памятников на фоне ограниченного количества самих источников и событий, которые в них описываются[276]. Возникновение письменности стало, по мнению исследователя, прямым следствием создания тюркского государства[277], а их содержание отражало картину мира, нравственные идеалы и ценности их создателей[278].

---

269 Appelgren-Kivalo H. Alt-Altaische Kunstdenkmaler. Helsingfors, 1931. Abb. 122, 124, 211, 212, 216, 314.

270 Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 4, 8.

271 Там же. С. 7–8.

272 Кызласов Л. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология. 1960. № 3.

273 Там же. С. 96.

274 Там же. С. 93, 104.

275 Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. С. 3.

276 Там же. С. 3.

277 Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: СПбГУ, 2003. С. 490.

278 Там же. С. 491.

В 2021 г. историю изучения памятников рунической письменности в Минусинской котловине в популярной форме опубликовал И. Л. Кызласов[279]. Подобного жанра работы делают достижения российской тюркологии известными и более понятными широкому кругу общественности.

В числе самых важных событий истории изучения памятников культуры древних тюрков было открытие Н. М. Ядринцевым в конце XIX в. стел с руническими надписями и другими видами письменностей на поминальных комплексах высшей тюркской знати в Хушо Цайдаме в Монголии[280]. Им было скопировано около 15 тыс. знаков, рисунков и пр., а открытие билингвы, по мнению Н. М. Ядринцева, могло дать «ключ к уразумению рун»[281].

Рунические памятники Алтая имеют свои особенности и в отличие от енисейских и орхонских надписей изучены недостаточно хорошо[282]. Публикация Г. И. Спасским «Записок о сибирских древностях» в 1818 г. привлекла к сибирской рунике внимание таких европейских величин, как А. Гумбольдт, а также А. фон Ремюз. Правда, надо отметить, что сам Г. И. Спасский считал рунические надписи монгольскими или калмыцкими, вступая с последним в спор.

Надо сказать, что вторая половина XIX в., когда впервые были опубликованы переводы китайских хроник, стала важной вехой не только для археологического изучения тюркской истории. Уже в конце XVIII в. появился первый «Сравнительный словарь всех языков и наречий», отредактированный П. С. Палласом, в котором упоминалось о почти 20 тюркских языках и наречиях[283]. Расширение языковедческих горизонтов науки о древних тюрках помогло позже осуществить расшифровку рунической письменности. В это же время и западные ученые смещают фокус своего внимания к изучению широкого круга тюркских языков. Во Франции, Германии, Финляндии и других европейских странах активно разрабатывались вопросы, связанные с тюркской филологией.

---

279 Кызласов И. Л. Рунические письмена Сибири. Рассказы археолога. М.; Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2021.

280 Худяков Ю. С. Древнетюркский культурный феномен в Центральной Азии: учеб. пособие. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2007. С. 8.

281 Ядринцев Н. М. Предварительный отчет о поездке с археологической и этнографической целью в Северную Монголию и вершины Орхона // Изв. ВСОРГО. 1889. Т. XX. № 4. С. 12.

282 Васильев Д. Д. К истории открытия и изучения памятников древнетюркской письменности Горного Алтая // Вестник РГГУ. 2009. № 8. Серия «Востоковедение. Африканистика». С. 48.

283 Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный. Ч. 1–4. СПб., Типография Шнора, 1790–1791.

В России во второй половине XIX в. фокус внимания ученых смещается в область социально-политической и религиозной истории кочевых народов[284]. В изучении древнетюркской истории этот период связан с именем В. В. Радлова. Это не раз подчеркивалось исследователями, которые обращались к изучению истории древних тюрков[285]. Его работы на Алтае и в Минусинской котловине, а также последующая расшифровка рунической письменности В. Томсеном стали поистине революционными для изучения древнетюркской истории. Материалы, полученные в результате масштабных раскопок, позволили скоррелировать сведения письменных и археологических источников о древних тюрках. Осуществленные В. В. Радловым, Д. А. Клеменцем и другими учеными переводы древнетюркских надписей на европейские языки позволили ввести в мировой научный оборот большой объем информации, что стало прорывом в изучении истории древних тюрков, уйгуров, кыргызов и других тюркоязычных народов. Это, безусловно, позволило разрешить ряд серьезных вопросов, связанных с памятниками древнетюркской истории, которые в начале XX в. оставались, по словам Н. И. Веселовского, запутанными[286].

К изучению тюркской руники на Алтае обращался П. М. Мелиоранский в связи с серебряной чашей с «сибирскими письменами» из сибирской коллекции Петра I[287]. Позже он предложил ее прочтение[288]. Экспедиции Л. А. Евтюховой и С. В. Киселёва в 1930-е гг., о которых говорилось выше, пополнили коллекцию алтайских древнетюркских надписей.

Активную деятельность по поиску изобразительных памятников Алтая проводил Б. Х. Кадиков. Им были зафиксированы надписи Бичикту-Бома и у с. Мендур-Соккон в Онгудайском и Усть-Канском районах. Благодаря масштабной деятельности археологов Сибирского отделения АН СССР под руководством А. П. Окладникова к древнетюркским руническим памятникам Алтая было привлечено внимание не только археологов, но и лингвистов, хотя некоторые из надписей долгое время оставались неопубликован-

---

284 Дашковский П. К. Кочевые народы Центральной Азии эпохи средневековья в исторических исследованиях российских ученых второй половины XIX — начала XX в. // Народы и религии Евразии. 2020. № 4 (25). С. 44.

285 Дашковский П. К. Отечественная историческая наука о религиях и государственной и религиозной политике у кочевых народов Саяно-Алтая и сопредельных регионов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. С. 11.

286 Веселовский Н. И. Современное состояние вопроса о «каменных бабах»… С. 5.

287 Материалы по истории сюнну (по материалам китайских источников) / предисл., пер. и примеч. В. С. Таскина. М.: Наука, 1973. Вып. 2. 168 с.

288 Мелиоранский П. М. Два серебряных сосуда с енисейскими надписями // ЗВОРАО. XIV / 1. 1902. С. 17–21.

ными.[289]. В 1960–1970-е гг. были зафиксированы новые памятники и исследованы ранее известные, предложены варианты их дешифровки. Работы проводились А. К. Боровковым, К. Сейдакматовым, Н. А. Баскаковым, Д. Д. Васильевым и другими специалистами[290]. Определенный итог исследованиям рунических памятников Алтая предшествующих лет был подведен А. Н. Кононовым[291]. Он считает, что тюркский письменный язык, на котором писались рунические тексты, был достаточно развитым и, вероятно, имел предшественника, но он не был единым на всей территории его распространения[292]. И. Л. Кызласов, опираясь на палеографические данные, выделяет несколько алфавитов, которые можно сгруппировать в две самостоятельные группы[293].

В 1980-е гг. поиском рунических надписей на территории Алтая занимался В. Д. Кубарев, в том числе совместно с коллегами из алтайских научных учреждений. В ходе экспедиционных маршрутов были сделаны прорисовки известных памятников и их фотофиксация, а также открыты новые, например, на изваянии Кезер, на оградке Бар-Бурганызы II и многие другие. Варианты их прочтения были предложены Д. Д. Васильевым на международных научных собраниях[294]. В 1990-е гг. совместно с Г. В. Кубаревым им была продолжена работа по поиску и копированию древнетюркских рунических текстов[295].

В 2000-х гг. новые надписи были обнаружены в местности Кургак, а также в урочище Кызыл-Кабак. По мнению Д. Д. Васильева, палеографиче-

---

289 Васильев Д. Д. К истории открытия и изучения памятников древнетюркской письменности Горного Алтая // Вестник РГГУ. 2009. Серия «Востоковедение. Африканистика». № 8. С. 50.

290 Боровков А. К. Енисейские надписи на сосудах // Тюркологические исследования. М.; Л., 1963. С. 191–194; Сейдакматов К. Древнетюркские надписи в Горном Алтае // Материалы по общей тюркологии и дунгановедения. Фрунзе, 1964. С. 95–98; Тенишев Э. Р. Древнетюркская эпиграфика Алтая // Тюркологический сборник. М., 1966. С. 262–265; Баскаков Н. А. Три рунические надписи из села Мендур-Соккон Горно-Алтайской автономной области // Советская Этнография. 1966. № 6. С. 79–83; Васильев Д. Д. Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири // Тюркологический сборник-1975. М., 1978. С. 98–99.

291 Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII–IX вв.). Л., 1980.

292 Там же. С. 3–4.

293 Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. М.: Восточная литература, 1994. С. 236.

294 Васильев Д. Д. Неопубликованные надписи Ялбак-Таша (Чуйский тракт в Горном Алтае) // Altaica: сб. науч. трудов российских востоковедов, подготовленных к 70-летнему юбилею д-ра исторических наук Л. Б. Албаева. М., 2004. С. 339–343.

295 Кубарев Г. В. Новая руническая надпись с Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1997. С. 208–210.

ские характеристики рунических памятников Алтая свидетельствуют о том, что они могут относиться к догосударственному периоду тюркской истории на Алтае[296].

К настоящему времени накоплен существенный объем материалов по истории и культуре древних тюрков на территории Саяно-Алтая и Центральной Азии. В истории ее исследования ученые выделяют несколько этапов, которые обусловливаются спецификой процессов, происходивших в археологической науке[297]. Первый связан с открытием и первичным знакомством с памятниками древнетюркской культуры и относится к XVIII — началу XX в. В это время внимание исследователей привлекали в основном каменные изваяния и памятники письменности. Второй этап сопряжен с проведением первых крупных археологических раскопок. Начало его относится к 1920-м гг. В Минусинской котловине оно связано с именем С. А. Теплоухова. Результатами его исследований стала первая классификация памятников Минусинской котловины, в которой в отдельную категорию были выделены погребения с конем. На Алтае в это время работала экспедиция С. И. Руденко на памятнике Кудыргэ, а позже М. П. Грязновым была предложена периодизация древних и средневековых культур Алтая. Памятники Монголии в 1920-х гг. изучались И. Боровкой и Б. Я. Владимирцевым[298], который разработал классификацию поминальных объектов элиты. После Великой Отечественной войны изучение археологических памятников, относящихся к древнетюркской культуре, активизировалось. В это время подход к их изучению изменился, стал более комплексным, к анализу и интерпретации стали привлекаться не только археологические материалы, были предложены систематизации полученных данных[299]. Современный этап характеризуется неравномерностью исследований на различных территориях распространения древнетюркских памятников. Так, на Алтае объем археологических изысканий в 1990-е гг. и на рубеже XX–XXI вв. сократился, в то время как в Монголии в этот пе-

---

296 Васильев Д. Д. К истории открытия и изучения памятников древнетюркской письменности Горного Алтая // Вестник РГГУ. 2009. Серия «Востоковедение. Африканистика». № 8. С. 48.

297 Серегин Н. Н. Археология раннесредневековых тюрок Центральной Азии: основные этапы исследований и интерпретации комплексов // Народы и религии Евразии. 2020. Том 25. № 4. С. 67.

298 Владимирцов Б. Я. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентиеском районах // Северная Монголия. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году. Л.: АН СССР, 1927. С. 1–42.

299 Владимирцов Б. Я. Указ. соч. С. 72.

риод, наоборот, наблюдался рост активности исследовательских работ. В настоящее время тюркологические исследования характеризуются созданием обобщающих трудов.

Дальнейшее изучение и введение в научный оборот неопубликованных ранее и вновь собранных материалов, безусловно, поможет ученым решить недостаточно исследованные на сегодняшний день вопросы материальной и духовной культуры тюрков.

Глава 2

ПРЕДЫСТОРИЯ ТЮРКСКИХ КАГАНАТОВ IV–VI ВВ.

2.1. Предтюркское время в степях Восточной Азии в IV–VI вв.: Жоужаньский каганат и «гаоцзюй» (В. В. Тишин)

Распад империи *сюн-ну* 匈奴[300] (209 г. до н. э. — 48 г. н. э.) в результате династийных распрей создал политический вакуум на степных пространствах к северу от Срединной равнины. Носители политической идентичности *сюн-ну* разделились на две крупные группы во главе с собственными предводителями. Южная группа поселилась в Ордосе у границ империи Хань и вскоре полностью интегрировалась в ее административно-территориальную систему, утратив политическую субъектность. Северная группа, оставшаяся в степях к северу от р. Хуан-хэ, будучи занята борьбой со своими южными сородичами, не сумела сдержать многочисленные подвластные прежде племена в их порывах к суверенитету.

Через столетие политического господства смогли добиться племена, чье происхождение китайская историографическая традиция связывает с противостоявшим *сюн-ну* и некогда побежденным ими племенным объединением *дун-ху* 東胡, чье название буквально означает ‘восточные варвары’. С этой средой связывают происхождение двух других племенных групп, известных

[300] Здесь и далее иероглифическое написание известных в китайской передаче иноязычных имен собственных дается только при первом упоминании в тексте.

под названиями *у-хуань* 烏桓 (пиньин. *wū-huán* < ран. ср.-кит. **ʔɔ-ɣwan*[301] < др.-кит. **ʔá-ɣʷán* < **awar*)[302] и *сянь-би* 鮮卑 (пиньин. *xiān-bēi* < ран. ср.-кит. **sian-pjiă/pji*[303] < **särbi*)[304]. Они занимали земли на территории современной Маньчжурии и северо-востоке Внутренней Монголии. Они тоже занимались скотоводством и вели кочевнический образ жизни, но земледелие играло важную роль в их хозяйстве[305]. Из этой среды происходит ряд политических сообществ, вскоре глубоко отметившихся в истории степной Евразии (см. ниже). На основе скупых языковых данных, сохранившихся в виде зафиксированной китайскими хронистами лексики, реконструкция которой все же вызывает споры, всех их принято считать носителями языков монгольской группы[306]. Так же, как и киданьский, это, видимо, языки того типа, который можно охарактеризовать как парамонгольский. Это языки или наречия, характеристики которых в целом соответствуют известным законам монгольских языков, восходящих к среднемонгольскому, но, будучи родственными языкам этой ветви, единственной живой ныне, они имеют свои характерные отличительные от нее особенности. Говорить о существовании языка такого типа к концу VI в. и судить его характеристиках дает основания недавняя расшифровка нескольких надписей, выполненных письмом брахми — надписи на четвертой стороне Бугутской стелы и одной стел из местности Хуюс Толгой с территории Монголии, а также, вероятно, две короткие надписи на камнях из местности Керегентас в Восточном Казахстане[307].

На практике лингвистический критерий удобен скорее для характеристики господствующей племенной группы, дававшей правящую династию и общую политическую идентичность (ее имя часто становилось обобщающим

---

301 Pulleyblank E. G. A Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin. Vancouver: UBC Press, 1991. P. 325, 130.

302 Pulleyblank E. G. The Chinese and Their Neighbors in Prehistoric and Early Historic Times // The Origins of Chinese Civilization / ed. by D. N. Keightley. Berkeley: University of California Press, 1983. P. 453.

303 Pulleyblank E. G. A Lexicon of Reconstructed Pronunciation… P. 334, 31.

304 Реконструкция предложена в кн.: Pulleyblank E. G. The Chinese and Their Neighbors… P. 453.

305 Pulleyblank E. G. The Chinese and Their Neighbors… P. 454; Holcombe Ch. The Xianbei in Chinese History // Early Medieval China. 2013. Iss. 19. P. 5.

306 См.: Лигети Л. Табгачский язык — диалект сяньбийского // Народы Азии и Африки. 1969. №1. С. 107–117; Ligeti L. Le tabgatch, un dialecte de la sien-pi // Mongolian Studies / ed. by L. Ligeti. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1970. P. 265–308; Ligeti L. A Magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986. 429–430. o.

307 Vovin A. A Sketch of the Earliest Mongolic Language: the Brāhmī Bugut and Khüis Tolgoi Inscriptions // International Journal of Eurasian Linguistics. 2019. Vol. 1. No 1. Pp. 162–197.

названием, своего рода политонимом) остальному сообществу, почти всегда состоявшему из политически организованных разнородных коллективов.

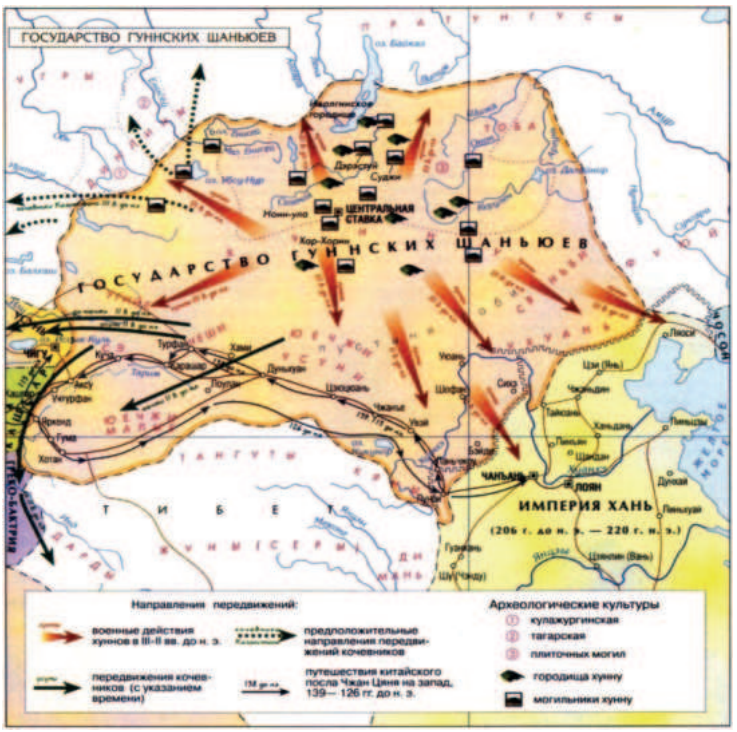

Рис. 7. Карта государств гуннских Шаньюев
Источник: Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005

Получив возможность сдерживать угрозу *сюн-ну* с севера, империя Хань смогла выступить в борьбу с ними за влияние в Восточном Туркестане и в итоге закрепиться там, основав в 74 г. военную колонию под ведомством наместничества Си-юй (西域都護府)[308]. В последующем ханьское господство здесь постепенно упрочилось. В 91 г. специально снаряженная в Монголию экспедиция нанесла поражение северным *сюн-ну*, *шань-юй* бежал, а их земли заняли *сянь-би*, добившиеся там господствующего положения[309]. Китайский историограф приводит сообщение, ярко характеризующее изменения политической идентичности местного населения, важное для понимания характера социально-политической организации кочевнических сообществ:

[308] Samolin W. East Turkistan to the Twelfth Century. A Brief Political Survey. The Hague, Mouton & Co, 1964. P. 27.

[309] Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / введ., пер. [с кит.] и коммент. В. С. Таскина. М.: Наука, 1984. С. 71, 309–311, коммент. 10.

после поражения от *сянь-би*, «оставшиеся роды сюнну, которые все еще насчитывали свыше 100 тыс. юрт, стали называть себя сяньбийцами и с этого времени началось постепенное усиление сяньбийцев»[310].

В последующем название *сюн-ну* (пиньин. *xiōng-nú* < ран. ср.-кит. **xuawŋ-nɔ*)[311] применительно к Центральной Азии не исчезает из источников. Однако не всегда можно определенно сказать, в отношении кого и в каких случаях его используют историографы. С одной стороны, его сохраняют представители коллективов, имевших какое-то отношение к прежним носителям этого имени (или стремящимся сконструировать такую преемственность), с другой — это имя остается нарицательным. Ни язык тех, кто первоначально зафиксирован в истории как носитель названия *сюн-ну*, ни язык(и) тех, кто так именовался в дальнейшем, не могут быть уверенно идентифицированы[312]. С этим этнонимом еще на протяжении нескольких последующих веков связана идентификация населения Ганьсуйского коридора или Хэ-си.

Вытесненные из Монголии *сюн-ну* начала отошли в бывшие земли *у-сунь* 烏孫[313], в долине р. Или. Затем наиболее сильные их племена откочевали дальше на запад, по меньшей мере, в Кангху, в низовья р. Сыр-Дарьи, но часть из них не смогла продолжать движение. С ними связывается основание владения Юэ-бань 悅般[314] (пиньин. *yuè-bān* < ран. ср.-кит. **jwiat-pan*)[315], к северу от владения Куча, видимо, в районе Тарбагатая[316]. Последнее упоминание о них датируется 449 г., но из источников неизвестно, чтобы они играли какую-то значимую роль в истории, кроме как были потенциальным союзникам империи Северная Вэй против *жоу-жань* в регионе.

---

310 Цит. по: Там же. С. 71. Ср.: Holcombe Ch. The Xianbei in Chinese History. P. 7. См.: Хоу Хань шу, цз. 120. С. 8б-9а. Здесь и далее пагинация китайских источников приводится по изданию серии «Цинь-дин сы ку цюань-шу» 欽定四庫全書 («Высочайше утвержденное полное собрание книг по четырем разделам»).

311 Pulleyblank E. G. A Lexicon of Reconstructed Pronunciation… P. 346, 227.

312 При ограниченности материала, даже несмотря на появление новых работ, сохраняет актуальность концептуальная в методологическом смысле статья Г. Дёрфера: Doerfer G. Zur Sprache der Hunnen // Central Asiatic Journal. 1973. Vol. 17. No. 1. Pp. 1–50; Дёрфер Г. О языке гуннов // Зарубежная тюркология / отв. ред. А. Н. Кононов. М.: Наука, 1986. Вып. I. Древние тюркские языки и литературы. С. 71–135.

313 Материалы по истории сюнну (по материалам китайских источников) / предисл., пер. и примеч. В. С. Таскина. М.: Наука, 1973. Вып. 2. С. 98.

314 Czeglédy K. From East to West: the Age of Nomadic Migrations in Eurasia // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1983. T. III. Pp. 64–66.

315 Pulleyblank E. G. A Lexicon of Reconstructed Pronunciation… P. 338, 28.

316 См.: Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования. Новосибирск: Наука, 1989. С. 25, 138–139, коммент. 50, с. 64, 218–219, коммент. 431.

Что касается собственно *сюн-ну*, в последующем, в период с 107–153 гг. они часто тревожили территории Таримской впадины, нападая на местные города и сражаясь с ханьскими войсками. Упоминания о них в этой местности исчезают в то самое время, когда происходит объединение степных племен, осуществленное *сянь-би*. Между тем на западе, уже в Средней Азии, в согдийском тексте 312–313 гг. фиксируется название *xwn*, вероятно[317], зависимое от снскр. *Hūṇa*[318], но связанное, по-видимому, с установившей здесь власть кочевнической династией кидаритов[319]. Это название известно еще в нескольких более поздних текстах, где используется для обозначения некоей общности, связанной со Средней Азией, но в памятниках VIII в. оно фигурирует применительно в отношении тюрков (AL II, A 14; B 17; B 18)[320], что, конечно, также является лишь переносом известной в этой среде формы и никак не связано собственно с тюркоязычной средой.

Осуществивший политическое объединение степных племен вождь *сянь-би* по имени Тан-ши-хуай 檀石槐 (156–181) был одним из типичных успешных военных предводителей, ситуативно возникавших в кочевнической среде. Сами *сянь-би* представляли собой конгломерат разрозненных племен, не имевших наследственной аристократии и возглавляемых выборными предводителями, обладавших выдающимися качествами[321]. Поэтому господство *сянь-би* (156–234) не было долгим и оказалось эфемерным — эта степная империя распалась уже на третьем поколении правящей династии. Между тем сама попытка внедрения практики передачи власти по наследству от отца к сыну может быть свидетельством качественных изменений в их общественном устройстве[322]. В дальнейшем *сянь-би* больше не об-

---

317 Henning H. W. The Date of the Sogdian Ancient Letters // Bulletin Of The School Of Oriental And African Studies, University Of London. 1948. Vol. XII. No 3–4. Oriental and African Studies Presented to Lionel David Barnett. P. 615.

318 О соотношении разных форм этнонима в источниках см.: Atwood Ch. P. Huns and Xiōngnú: New Thoughts on an Old Problem // Dubitando: Studies in History and Culture in Honor of Donald Ostrowski / ed. by B. J. Boeck, R. E. Martin, D. Rowland. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2012. Pp. 27–52.

319 La Vaissière É. (de). Sogdian Traders: a History / trans. by J. Ward. Leiden; Boston: Brill, 2005. P. 107–108; Rezakhani Kh. ReOrienting the Sasanians. East Iran in Late Antiquity. Edinburg: Edinburgh University Press, 2017. Pp. 150–151.

320 Grenet F. Les «Huns» dans les documents sogdiens du Mont Mugh [avec un appendice par N. Sims-Williams] // Études irano-aryennes offertes à Gilbert Lazard / réunies par C.-H. de Fouchécour et Ph. Gignoux. Paris: Association pour l'avancement des études iraniennes; Leuven: Peeters, 1989. P. 166–168; La Vaissière É. (de) Sogdian Traders: a History. Pp. 81–83, 108; Лившиц В. А. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. С. 86, 88, 128, 129, 133, 134.

321 Pulleyblank E. G. The Chinese and Their Neighbors… P. 454.

322 Holcombe Ch. The Xianbei in Chinese History. P. 8.

разуют политического единства — к их среде китайские авторы относят разные сообщества, формирующиеся вокруг кланов, ведущих происхождение от отдельных выдающихся лиц, такие как *му-жун* 慕容 (пиньин. *mù-róng* < ран. ср.-кит. **mɔ^{h}-juawŋ*)[323], *ту-юй-хунь* 吐谷渾 (пиньин. *tǔ-yù-hún* < ран. ср.-кит. **t^{h}ɔ'-juawk-ɣwən*)[324], *ци-фу* 乞伏 (пиньин. *qǐ-fú* < ран. ср.-кит. **k^{h}ɨt-buwk*)[325], *то-ба* 拓拔 (пиньин. *tuò-bá* < ран. ср.-кит. **t^{h}ak-bəɨt/bɛːt*)[326], *ту-фа* 禿髮 (пиньин. *tū-fà* < ран. ср.-кит. **t^{h}əwk-puat*)[327], *жоу-жань* 柔然 (см. ниже). Все они в той или иной степени оказались втянуты в события, происходившие на территории Срединной равнины, в то время как родственные им объединения *ши-вэй* 室韋 (пиньин. *shì-wéi* < ран. ср.-кит. **ɕit-wuj*, позд. ср.-кит. **ʂit-yj*[328] < **śirvi*[329], сопоставимое по звучанию с *сянь-би* < **särbi*)[330], кидань и *ку-мо-си* 庫莫奚 (пиньин. *kù-mò-xī* < ран. ср.-кит. **k^{h}ɔ^{h}-mak-ɣɛj*, позд. ср.-кит. **k^{h}ə̆`-mak-xɦjiaj*[331], тождественные др.-тюрк. **tatbï*, тиб. *dad-pyi*)[332] еще несколько столетий оставались разобщенными группами, почти пассивными на исторической арене.

Существование империи *сянь-би* совпало со временем кризиса централизованной власти в Китае, в итоге приведшему к падению династии Восточная Хань в 220 г., и последовавшему за ним периоду, который вошел в историю как «Троецарствие» (220–264), некоторой централизацией под верховенством империи Западная Цзинь (265–316 гг.). События, происходившие на пространствах бывшей империи Хань, способствовали тому, что степные пространства к северу от р. Хуан-хэ на долгое время остались на периферии истории. Происходившими в эти десятилетия кровопролитиями отсчитывается первый этап длительного периода политической нестабильно-

---

323 Pulleyblank E. G. A Lexicon of Reconstructed Pronunciation… P. 220, 267.

324 Ibid. P. 312, 385. 135.

325 Ibid. P. 247, 98.

326 Ibid. P. 314, 27.

327 Ibid. P. 311, 89.

328 Ibid. P. 285, 320.

329 Pulleyblank E. G. The Chinese and Their Neighbors… P. 453.

330 Ранее это замечание высказал П. Пельо: Pelliot P. Note sur les Tou-yu-houen et les Sou-p'i // T'oung Pao, Second Series. 1920. Vol. XX. № 5. P. 326, 331.

331 Pulleyblank E. G. A Lexicon of Reconstructed Pronunciation… P. 175, 218, 329.

332 Лигети Л. [Рец. на] Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 240 стр. (Ии-т востоковедения АН СССР) // Вопросы языкознания. 1955. № 5. С. 138, прим. 1; Ligeti L. A propos du “Rapport sur les rois demeurant dans le Nord” // Études tibétaines dédiées à la mémoire de Marcelle Lalou / ed. A. MacDonald. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient, 1971. P. 172, 186, note 70. См. также: Ligeti L. Le tabgatch, un dialecte de la langue sien-pi. P. 275.

сти, за которым в китайской историографии закрепилось название «эпоха Шести династий» (220–589).

Еще императоры династии Восточная Хань с самого начала I в. н. э. осуществляли практику переселения кочевников на территории пограничных округов империи в стремлении использовать их для обороны границ от их же сородичей, и эта политика продолжилась при последующих правящих домах[333]. В последующем это «варварское» население стало проявлять свое участие в антиправительственных выступлениях, почему уже в последней четверти III в. сановниками империи Западная Цзинь обращалось внимание на то, что концентрация «варварского» населения в некоторых районах становится потенциально опасной[334].

Вершиной кризиса империи Западная Цзинь стала так называемая «смута восьми ванов» (291–306 гг.). Военные действия, сопровождавшиеся разрухой, голодом и эпидемиями, привели к оттоку ханьского населения из разоренных центральных районов Северного Китая на периферийные территории — по большей части на юг, в приграничную провинцию Гань-су, а также на север, в земли, занятые степными кочевническими народами (рис. 8). Хотя они и были культурно чуждыми ханьцам, но часто привлекались китайскими правителями для участия в усобицах, и мигранты могли чувствовать себя здесь достаточно комфортно. Среди них были не только крестьяне и ремесленники, находившие освобождение от давления административно-фискальной системы, но и представители образованных слоев населения — члены аристократических семей и бывшие сановники, усиливавшие интеллектуальный потенциал «варваров»[335]. В начале IV в. «варвары» смогли выступить как самостоятельная политическая сила.

Народы, обитавшие прежде на периферии империи Хань, приняли самое непосредственное участие в начавшихся на ее бывших территориях усобицах и в итоге сами смогли установить собственные локальные династии, оказавшиеся в разной степени жизнеспособными.

---

333 Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука, 1979. С. 70; Holcombe C. The Sixteen Kingdoms // The Cambridge History of China. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. Vol. 2. The Six Dinasties, 220–589. Pt. 1 / ed. by A. E. Dien, K. N. Knap. P. 123.

334 История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / гл. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Наука; Восточная литература, 2014. Т. III: Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220–907) / отв. ред. И. Ф. Попова, М. Е. Кравцова. С. 69–74.

335 Eberhard W. A History of China / transl. by E. W. Dickes. 4th rev., ed. London: Routledge; Berkeley: University of California Press, 1977. P. 123.

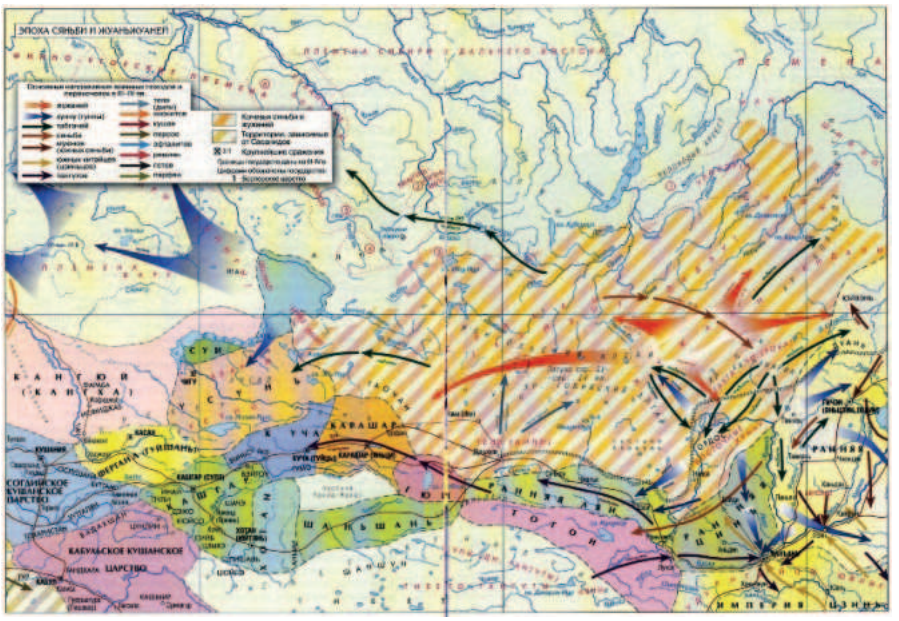

Рис. 8. Карта. Эпоха Сяньби и Жоу-Жань. Направления военнных походов и перекочевок кочевых племен в III–IV вв.
Источник: Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. С. 146

Это так называемый период «шестнадцати государств пяти варварских [народов]» (*у ху ши-лю го* 五胡十六國, 304–439). Оба наименования — «шестнадцать государств» и «пять варварских народов» — являются условными, поскольку и провозглашенных локальных династий, и создававших их различных неханьских сообществ из тех, что принимали участие в смутах, было больше. При этом между ними, как они упоминаются в источниках в привязке к тем или иным этнонимам, в действительности не всегда можно провести отчетливые разграничения. Среди таких сообществ, вторгавшихся со степных пространств севера, были племена, причисляемые китайской историографией к носителям названий *сюн-ну*, *цзе* 羯 (пиньин. *jié* < ран. ср.-кит. **kiat*)[336], *сянь-би*, *дин-лин* 丁零 (пиньин. *dīng-ling* < ран. ср.-кит. **tɛjŋ-lɛjŋ*)[337], с запада действовали *ди* 氐 (пиньин. *dī* < ран. ср.-кит. **tɛj*)[338]

[336] Pulleyblank E. G. A Lexicon of Reconstructed Pronunciation… P. 154.
[337] Ibid. P. 80, 196.
[338] Ibid. P. 74.

и *цян* 羌 (пиньин. *qiāng* < ран. ср.-кит. **k^{h}iaŋ*)[339], предположительно считающиеся народами из среды носителей тибето-бирманских языков[340].

В IV–VI вв. на степных пространствах можно выделить три основные силы: империя Северная Вэй, объединение жоу-жань и конгломерат племен, объединенных под наименованием гао-цзюй.

В ходе длительных войн постепенно вырисовался новый центр объединения Срединной равнины, которым стало владение династии Северная Вэй (кит. Бэй Вэй 北魏, 386–534). Оно было основано сяньбийским племенем, название которого в китайской транскрипции известно как *то-ба* (см. выше), отраженное в древнетюркском произношении в форме *tabγač*[341], являющейся, видимо, метатезированной, а в оригинале следует ожидать, вероятно, **taγbat*[342]. Другое сяньбийское племя *ту-юй-хунь* смогло закрепиться в районе современной китайской провинции Цин-хай, обеспечив себе в будущем возможность контролировать важный участок торгового пути.

Возвышение династии Северная Вэй и начало постепенной централизации вокруг нее территорий Срединной равнины происходило в противостоянии не только с конкурирующими такими же локальными династиями, но и со степным населением. С начала V в. качестве новой организующей силы в степях к северу от р. Хуан-хэ выступило сообщество, известное как *жоу-жань* 柔然.

В источниках содержится несколько вариантов передачи их имени[343]. Упоминание главного из них, в северо-китайском произношении *жоу-жань* (пиньин. *róu-rán* < *ран. ср.-кит. **ɲuw-ɲian*, позд. ср.-кит. **riw-rian*[344] < **čŏčän*?), использовавшегося в качестве самоназвания, содержит «Вэй шу» («Книга [о династии] Вэй») — официальная история династии Северная Вэй. Приведенные в том же сочинении сведения о создании самого политического объединения *жоу-жань* указывают, что это изначально было довольно разнородное сообщество, начавшее формироваться из беглых преступников, сплотившихся вокруг клана Юй-цзю-люй 郁久閭[345] (пиньин. *yù-jiǔ-lǘ* < ран. ср.-кит. **ʔuwk-kuw'-liə̆*)[346], хотя источники южно-китайского происхо-

---

339 Pulleyblank E. G. A Lexicon of Reconstructed Pronunciation… P. 251.
340 Pulleyblank E. G. The Chinese and Their Neighbors… Pp. 418–423.
341 Pelliot P. L'origine du nom de “Chine” // T'oung Pao (Second Series). 1912. Vol. XIII. No. 5. P. 732.
342 Ligeti L. Le tabgatch, un dialecte de la sien-pi. P. 278, 290.
343 См.: Pelliot P. Notes on Marco Polo I. Paris: Imprimerie Nationale; Librairie Adrien-Maisonneuve, 1959. Pp. 381–386.
344 Pulleyblank E. G. A Lexicon of Reconstructed Pronunciation… P. 367, 264.
345 Вэй шу, цз. 103. с. 1а-1б; Бэй ши, цз. 98. С. 1а-1б. Ср.: Материалы, 1984. С. 267.
346 Pulleyblank E. G. A Lexicon of Reconstructed Pronunciation… P. 384, 161, 204.

ждения связывают их со средой *сюн-ну*[347], в чем нет противоречия, учитывая многокомпонентный характер политических объединений кочевников. Форма *жуань-жуань* 蠕蠕 является исключительно искусственной, оскорбительной, внесенной по указанию северновэйского императора Ши-цзу 世祖 (То-ба Тао 拓拔燾, 423–452)[348]. «Вэй шу» неоднократно приводит толкования титулов жоужаньских правителей на языке династии Вэй. Согласно тому же источнику, у представителей дома Вэй и правящего клана *жоужань* еще в первой четверти VI в. были основания говорить о дальнем родстве обеих династий[349]. В таком случае написание *жоу-жань* следует считать более близким к оригинальному звучанию.

Другое их название известно из южнокитайского источника «Суш шу» («Книга [о династии] Сун»)[350], которое передается как *да-тань* 大檀 (пиньин. *dà-tán* < ран. ср.-кит. **da'/daj*^{h}*-dan*) и *тань-тань* 檀檀 (пиньин. *tán-tán* < ран. ср.-кит. **dan-dan*)[351], первое из которых совпадает с именем жоужаньского кагана Да-тань (414–429), при этом обе они передают звучание, близкое к **dadar*, что исследователи сопоставляют с известным достоверно несколько столетий позже названием народа *tatar*[352].

Объединение *жоу-жань* начало формироваться где-то на территории бывших сяньбийских земель к северу от владений Северной Вэй. В 402 г. один из *жоужаньских* предводителей Шэ-лунь 社崙 после многочисленных успехов в противостоянии с соседями принял титул *каган*, характерный для сяньбийской среды, по крайней мере, с III в., но теперь приобретший официальное значение[353].

---

347 Материалы… 1984. С. 288, 289.

348 Вэй шу, цз. 103. С. 1б; Бэй ши, цз. 98. С. 1б. Ср.: Материалы… 1984. С. 267, 398, коммент. 1, с. 399, коммент. 7.

349 Вэй шу, цз. 103. С. 15а-15б; Бэй ши, цз. 98. С. 15а. Ср.: Материалы… 1984. С. 281, 414, коммент. 56. Факт некоторого разночтения в написаниях иероглифов в источниках не совсем точно истолкован С. Г. Кляшторным: «Эта поразительная запись, предназначенная для очень узкого круга лиц из окружения императора, не попала в официальную „Историю династии Вэй”» (Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 56.

350 Сун шу, цз. 95. С. 48б. Ср.: Материалы… 1984. С. 288.

351 Pulleyblank E. G. A Lexicon of Reconstructed Pronunciation… P. 69, 300.

352 Marquart J. Über das Volkstum der Komanen // Bang W., Marquart J. Ostturkische Dialektstudien. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1914. S. 88; Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии… С. 57.

353 Таскин В. С. О титулах *шаньюй* и *каган* // Mongolica. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова (1884–1931) / редкол.: А. Н. Кононов (пред.), Л. К. Герасимович, С. Г. Кляшторный, Е. И. Кычанов, А. Г. Сазыкин, В. М. Солнцев. М.: Наука, 1986. С. 213–218.

О политическом устройстве Жоужаньской империи известно мало. Шэ-лунь создал военизированную систему, основанную на правилах субординации и жесткой дисциплины. Социальная организация основывалась на десятичной системе счисления: «отряд» (*цзюнь* 軍) состоял из тысячи человек во главе с собственным «полководцем» (*цзян* 将), он делился на «знамена» (*чуан* 幢), включавшие сто человек, во главе с «начальником» (*шуай* 帥). Отличившихся в сражениях поощряли добычей, уличенных в трусости карали смертью[354]. По-видимому, на другие племена, интегрированные в империю, эти практики не распространялись.

Представители правящего клана и высокие лица носили разные титулы, значение которых, содержание функций и соотношение друг с другом в общей номенклатуре из-за фрагментарности сведений не ясно[355]. Согласно «Вэй шу», «по обычаям *жуаньжуаней* правитель и сановники принимают прозвища в зависимости от поступков и способностей, подобно тому как в Срединном государстве даются посмертные титулы, но у них после смерти почетные титулы не подносятся»[356].

Передача верховной власти у *жоу-жань* не была каким-либо образом институционализирована — в ряде случаев этот вопрос решался посредством вооруженной борьбы между претендентами, безусловно, игравшей на руку их противникам.

Круг племен, с которыми *жоу-жань* пришлось отстаивать свои амбиции к господству, полностью неизвестен. Среди побежденных по мере их продвижения на северо-запад, с берегов р. Халхин-гол, источники упоминают «остатки *сюн-ну*», в особенности, сообщество под главенством «племенного предводителя» (*бу шуай* 部帥), называемого Ба-е-цзи 拔也稽[357] (пиньин. *bá-yě-jī* < **bəit/bɛ:t-jia'-kɛj*)[358] < **barjaqï*, что сопоставимо, как метатезированный вариант, с названием племени, известного позже, в том числе по памятникам древнетюркской рунической письменности, как **bajarqu*, **bajirqu*[359]. Нанеся им поражение на р. Орхон (кит. Э-гэнь-хэ 頗根河), Шэ-лунь рас-

---

354 Вэй шу, цз. 103. С. 3а. Ср.: Материалы… 1984. С. 269.

355 См.: Ло Синь. Юй-хун му-чжи со-цзянь дэ жоу-жань гуань-чжи // Бэй-да ши-сюэ. 2007. Т. 12. С. 50–73.

356 Цит. по: Материалы… 1984. С. 269. См.: Вэй шу, цз. 103. С. 3б.

357 Вэй шу, цз. 103. С. 3а — б. Ср.: Бэй ши, цз. 98. С. 3а. Иначе см.: Материалы… 1984. С. 269, 407, коммент. С. 18.

358 Pulleyblank E. G. A Lexicon of Reconstructed Pronunciation… P. 27, 363, 138.

359 О разных транскрипциях этнонима в китайских источниках см.: Kasai Yukiyo. The Chinese Phonetic Transcriptions of Old Turkish Words in the Chinese Sources from 6th 9th Century: Focused on the Original Word Transcribed as *tū jué* 突厥 // Nairiku ajia gengo no kenkyū 内陸アジア言語の研究 / Studies on the Inner Asian languages. 2014. Vol. XXIX. P. 101, 122.

пространил свою власть на занимаемые ими территории, став в итоге властителем всей степной территории к северу от р. Хуан-хэ. На протяжении последующих полутора столетий *жоу-жань* вступали в прямое соперничество на юге с империей Северная Вэй, на западе, в Восточном Туркестане — со среднеазиатской империей эфталитов.

Третьей силой, выступающей на степных пространствах наряду с *жоужань* и империей Северная Вэй, в «Вэй шу» предстает конгломерат племен, объединенных под наименованием *гао-цзюй* или *гао-чэ* 高車 (< пиньин. *gāo-jū/chē* < ран. ср.-кит. **kaw-kɨə̆/tɕʰia*)[360], что по-китайски буквально означает ‘высокие повозки’. Китайская письменная традиция определяет их как остаток известных в древние времена *чи-ди* 赤狄 (букв. ‘красные *ди*’), сначала именовавшихся *ди-ли* 狄歷, на языке северных окраин — *чи-лэ* 勅勒, а в китайском наименовании — *гао-цзюй/чэ дин-лин* 高車丁零[361]. В источниках упоминается ряд названий племен, соотносимых с этим общим названием, но они не могут быть надежно идентифицированы. Источники одинаково употребляют в их отношении термины «фамилия, род» (*син* 姓) и «отделение, племя» (*бу* 部). Одно из них также носит название *ди* 狄 (см. ниже). Все они будто бы объединены общей генеалогической легендой, возводящей их происхождение к союзу дочери сюннуского *шаньюя* с волком. Однако совершенно очевидно, что их население имело неоднородный состав: например, племя *по-до-лань* 破多蘭 специально характеризуется как «из породы *сянь-би*» (鮮卑別種)[362]. Другое их племя носит название *ху-люй* 斛律[363] (пиньин. *hú-lǜ* < ран. ср.-кит. **γəwk-lwit*)[364], совпадающее по написанию и, значит, звучанию, с именем одного из жоужаньских каганов[365]. Но их предводитель, первым столкнувшийся с *жоу-жань*, которых на север привел Шэ-лунь, носил имя Бэй-хоу-ли 倍侯利[366] (пиньин. *bèi-hóu-lì* < ран. ср.-кит. **bəj'-γəwʰ-liʰ*)[367], что предложено сопоставить с др-тюрк. *bajaγu* ‘богаче, обеспеченнее’[368]. Его внук, служивший в империи Северная

---

360 Pulleyblank E. G. A Lexicon of Reconstructed Pronunciation… P. 104, 162, 52.
361 Вэй шу, цз. 103. С. 25б.
362 Вэй шу, цз. 103. С. 34а — б; Бэй шу, цз. 98. С. 38б.
363 Вэй шу, цз. 103. С. 2б, 28б.
364 Pulleyblank E. G. A Lexicon of Reconstructed Pronunciation… P. 127, 205.
365 Вэй шу, цз. 103, с. 4б сл.
366 Вэй шу, цз. 103. С. 28б; Бэй шу, цз. 98. С. 32б.
367 Pulleyblank E. G. A Lexicon of Reconstructed Pronunciation… P. 31, 125, 188.
368 Pulleyblank E. G. The “High Carts”: a Turkish Speaking People before the Türks // Asia Major (Third Series). 1990. Vol. 3. № 1. P. 26; Pulleyblank E. G. The Nomads in China and Central Asia in the Post-Han Period // History of the Turkic Peoples in the Pre-Islamic Period / ed. H. R. Roemer with the assistance of W. E. Scharlipp. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2000. P. 88.

Вэй, назван в своей биографии[369] Ху-люй-цзинь 斛律金 (пиньин. *hú-lǜ-jīn* < ран. ср.-кит. **γəwk-lwit-kim*)[370], имевший еще имя А-лю-дунь 阿六敦 (пиньин. *ā-liù-dūn*, ран. ср.-кит. **ʔa-luwk-twən*)[371], что сопоставляется с др.-тюрк. *altun* ‘золотой’[372]. Прибывший ко двору Северной Вэй в 508 г.[373] *гаоцзюй*ский посол[374] У-инь Чи(< *Ту?)-хэ-чжэнь 屋引叱 (< *吐?) 賀真 (пиньин. *wū-yǐn chì* (< **tǔ*)*-hè-zhēn* < ран. ср.-кит. **ʔəwk-jin' tɕʰit* (< **tʰɔ'*)*-γaʰ-tɕin*)[375] носил титул *мо-хэ цюй-фэнь* 莫何去汾 (пиньин. *mò-hé qù-fén* < ран. ср.-кит. **mak-γa kʰɨðʰ-bun*)[376], известный у *жоу-жань*[377]. Некоторые вожди носили титул *мо-фу* 莫弗[378] (пиньин. **mò-fú* < ран. ср.-кит. **mak-put*)[379] < **baγpur* (ср. согд. *βγpwr*, ир. *bagapuhr*)[380]. Из противоречивых источниковых данных о происхождении эфталитов более ранние свидетельства тоже говорят об их связи с *гаоцзюй / чэ*[381]. Касательно владения Юэ-бань, происхождение которых связывается с *сюн-ну* (см. выше), известно, что их обычаи и язык одинаковы с *гаоцзюй / чэ* 高車[382].

Первые упоминания о *гао-цзюй* относятся к эпизодам, когда им были нанесены военные поражения со стороны табгачских войск в 363 и 370 гг.[383] На 376 г. источник характеризует их как «*гаоцзюй*ские смешанные» (*гаоцзюй / чэ цза-чжун* 高車雜種)[384]. Уже к 418 г. среди них существовало объединение из двенадцать племен, видимо, к западу р. Жо-[ло-]шуй 弱 [洛] 水 (Хал-

---

369 Бэй ши, цз. 54. С. 27б.

370 Pulleyblank E. G. A Lexicon of Reconstructed Pronunciation… P. 127, 205, 156.

371 Ibid. P. 23, 198, 84.

372 Pulleyblank E. G. The “High Carts”… P. 26; Pulleyblank E. G. The Nomads in China and Central Asia in the Post-Han Period. P. 88.

373 Вэй шу, цз. 8. С. 19а.

374 Вэй шу, цз. 8. С. 19а; цз. 103. С. 32а; Бэй ши, цз. 98. С. 36а.

375 Pulleyblank E. G. A Lexicon of Reconstructed Pronunciation… P. 325, 373, 57, 312, 123, 401.

376 Ibid. P. 218, 122, 261, 94.

377 Вэй шу, цз. 103. С. 11а, 14а, 17б.

378 Вэй шу, цз. 103. С. 28а; Бэй шу, цз. 98. С. 32б.

379 Pulleyblank E. G. A Lexicon of Reconstructed Pronunciation… P. 218, 99.

380 Chen Sanping. Multicultural China in the early Middle Ages. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2012. P. 126–129.

381 «Владение Я-да разновидность Больших юэ-чжи, и называют отдельный вид высоких повозок» (嚈噠國大月氏之種類也亦曰高車之別種) (Вэй шу, цз. 102. С. 23б; Бэй ши, цз. 97. С. 30а). «Владение Я-да некоторые говорят отдельный вид высоких повозок, некоторые говорят, разновидность Больших юэ-чжи» (嚈噠國或云高車之別種或云大月氏之種類) (Тун дянь, цз. 193. С. 6б). Эти данные разобраны в статье: La Vaissère É. (de) Is there a “nationality” of the Hephtalites? // Bulletin of the Asia Institute. 2003 [2007]. Vol. 17. P. 119–132.

382 Вэй шу, цз. 102. С. 11б-12а; Бэй ши, цз. 97. С. 19а.

383 Вэй шу, цз. 1. С. 18а, 19а.

384 Вэй шу, цз. 1. С. 20а.

хин-гол?)[385]. В дальнейшем основной ареал их обитания выявляется по источникам в связи с территориями Западной Монголии, Алтая и Джунгарии.

Существует представление[386], что транскрипции *дин-лин* 丁零, 丁靈 (пиньин. *dīng-líng* < ран. ср.-кит. **tɛjŋ-lɛjŋ*, позд. ср.-кит. **tiajŋ-liajŋ*)[387], а также *ди-ли* 狄歷 (пиньин. *dí-lì* < ран. ср.-кит. **dɛjk-lɛjk*, позд. ср.-кит. **tʰiajk-liajk*)[388], *чжи-лэ* 直勒 (пиньин. *zhí-lè* < ран. ср.-кит. **trik-lək*, позд. ср.-кит. **trʰiăk-ləăk*)[389], *чи-лэ* 敕勒 (пиньин. *chì-lè* < ран. ср.-кит. **trʰik-lək*, позд. ср.-кит. **trʰiăk-ləăk*)[390] и т.д. являются вариантами того же наименования, что объединяет конгломерат племен в эпоху Суй — *те-лэ* 鐵勒 (пиньин. *tiě-lè* < ран. ср.-кит. **tʰɛt-lək*, позд. ср.-кит. **tʰiat-ləăk*)[391] или *тэ-лэ* 特勒 (пиньин. *tè-lè* < ран. ср.-кит. **dək-lək*, позд. ср.-кит. **tʰəăk-ləăk*)[392]. Дж. Р. Хамильтон, реконструировав две последние транскрипции как тюркское **tägräg*, предложил трактовку ‘cerceau, grande roue légère’[393]. Различия в финалях реконструированных звучаний (*-ŋ* и *-k*), по Дж. Р. Хамильтону, объясняются особенностями китайской исторической фонетики. Сэр Г.У. Бэйли, не спеша сопоставлять название *дин-лин* 丁零 с другими вариантами, родственными между собой, отмечая упоминаемую китайскими авторами связь носителей этого имени с названием «высокие повозки», предложил сопоставление с иранской основой **tigra-xauda-* ‘high-hatted’[394]. Эти реконструкции приводят к выводу, что китайское наименование *гао-цзюй / чэ* есть не просто описательное название, а является калькой оригинального слова, но поскольку оно достоверно в аутентичных источниках не зафиксировано, любая из них остается спекулятивной.

Они никогда не составляли политического единства — группы племен объединялись вокруг отдельных предводителей. В 471–499 гг. известен некий Бяо-хэ Шу-чжэ 表紇樹者 (пиньин. *biǎo-hé shù-zhě* < ран. ср.-кит. **piaw'-ɣət*

---

385 Вэй шу, цз. 3. С. 12б. Об идентификации реки см.: Материалы… 1984. с. 142, 269, 406–407, коммент. 17.

386 Pulleyblank E. G. The Chinese and Their Neighbors… P. 448, а также: Pulleyblank E. G. The “High Carts”… P. 22 и Pulleyblank E. G. The Nomads in China and Central Asia in the Post-Han Period. P. 85–86.

387 Pulleyblank E. G. A Lexicon of Reconstructed Pronunciation… P. 80, 196.

388 Ibid. P. 75, 190.

389 Ibid. P. 405, 184.

390 Ibid. P. 57, 184.

391 Ibid. P. 308, 184.

392 Ibid. P. 304, 184.

393 Hamilton J. Toquz-Oγuz et On-Uyγur // Journal Asiatique. 1962. T. CCL. Pt. 1. P. 25–26, 51, note 6.

394 Bailey H. W. Indo-Scythian Studies, being Khotanese Texts. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 96.

dʑuə̌'-tɕia')[395], колебавшийся между Северной Вэй и *жоу-жань*. Другой частью *гао-цзюй/чэ*, включавшей 100 тыс. домохозяйств, руководили А-фу-чжи-ло 阿伏至羅 (пиньин. *ā-fú-zhì-luó* < ран. ср.-кит. **ʔa-buwk-tɕi^{h}-la*)[396], предводитель одного из двенадцати племен, называвшегося Фу-фу-ло 副伏羅 (пиньин. *fù-fú-luó* < ран. ср.-кит. **puw^{h}-buwk-la*)[397], и его двоюродный брат Цюн-Ци 窮奇 (пиньин. *qióng-qí* < ран. ср.-кит. **guwŋ-giə̆/gi*)[398]. Они были в подчинении у *жоу-жань*, но разногласия с каганом Доу-лунь 豆崙 (485–492) и внутренние распри среди их правящего клана позволили им провозгласить суверенитет, который пришлось отстаивать в сражениях. В 487 г. эти племена переселились на северо-запад от занимаемых прежде территорий. А-фу-чжи-ло получил в народе титул *хоу-лоу фу-лэ* 候婁鬲勒 (пиньин. *hòu-lóu fú-lè* < ран. ср.-кит. **γəw^{h}-ləw buwk-lək*)[399], что на языке династии Вэй означает ‘великий сын Неба’ (*да тянь-цзы* 大天子), Цюн-ци — титул *хоу-бэй* 候倍 (пиньин. *hòu-bèi* < ран. ср.-кит. **γəwh-bəj'*)[400], означающий на языке династии Вэй ‘наследный правитель’ (*чу-чжу* 儲主). Исследователи восстанавливают их, соответственно, как **uluγ bägräk* и **uluγ bäg*[401], однозначно тюркские слова, заставляющие признать наличие тюркоязычного компонента, по меньшей мере, среди табгачей[402].

Братья разделили между собой подвластное им политическое объединение, А-фу-чжи-ло расположился севернее, Цюн-ци — южнее. В 490 г. они изъявили покорность империи Северная Вэй. Однако эта конфедерация не отличалась ни стабильностью, ни долговечностью. Народ Цюн-ци вскоре был разгромлен эфталитами и рассеялся, частично покорившись Северной Вэй, частично — *жоу-жань*. С эфталитами пришлось столкнуться и народу А-фу-чжи-ло. В период правления жоужаньского кагана Фу-ту 伏圖 (506–508) *гао-цзюй/чэ* сражались с ним к северу от оз. Баркуль, после чего отошли далеко на запад, а *жоу-жань* расположились в горах севернее Комула. Вскоре при поддержке империи Северная Вэй там же, севернее оз. Баркуль, удалось им нанести поражение *жоу-жань* и убить их кагана. Позже

---

395 Pulleyblank E. G. A Lexicon of Reconstructed Pronunciation… P. 38, 122, 289, 400.
396 Ibid. P. 23, 98, 407, 203.
397 Ibid. P. 101, 98, 203.
398 Ibid. P. 257, 245.
399 Ibid. P. 125, 199, 98, 184.
400 Ibid. P. 125, 31.
401 Pulleyblank E. G. The “High Carts”… P. 25, 26; Pulleyblank E. G. The Nomads in China and Central Asia in the Post-Han Period. P. 88. — О первом титуле см. еще: Czeglédy K. Beg // Magyar Nyelv. 1951. XLVII. kötet. 272. o.; Czeglédy K. From East to West… P. 66, note 29.
402 Ligeti L. A Magyar nyelv török kapcsolatai… 430–431. o.

они сами были разгромлены и ушли к эфталитам, в последующем ставившим над ними своих ставленников, но, в конце концов, они не смогли одолеть *жоу-жань*. Вплоть до начала 40-х гг. VI в. отдельные их предводители выступали, будучи противопоставлены *жоу-жань*, при поддержке эфталитов или Северной Вэй, но в итоге они так и не смогли создать какого-то значимого политического объединения.

Ничего неизвестно о власти *жоу-жань* в Восточном Туркестане, но примерно к 491 г. они вступили в соперничество за владение Гаочан с империей Северная Вэй, эфталитами и *ту-юй-хунь*[403], стремясь, видимо, к контролю над восточной частью северного торгового пути, проходившего через территории Восточного Туркестана от Дунь-хуана до Кашгара, минуя Гаочан, Карашар и Куча.

Подъем династии эфталитов в Средней Азии относится ко второй половине V в. В 474 г. они нанесли поражение сасанидскому шаху Перозу I (457–484) и вынудили его платить огромную дань серебром. Выступивший против эфталитов снова в 484 г. шах погиб в сражении[404]. Его преемник шах Кавад I (484, 488–492, 499–531) неоднократно обращался к эфталитам за помощью во внутридинастийных распрях и при нем выплата им дани продолжалась. В 509 г. эфталиты заняли Согдиану. Потоки сасанидского серебра, отличавшегося высокой пробой, значительно обогатили молодую империю, позволив ей выйти с ним на внешние рынки. Предприимчивые согдийцы, распространившие к тому времени свои торговые сети на восток до Ганьсуйского коридора[405], смогли повернуть сложившуюся ситуацию в своих интересах, используя контролируемое ими серебро для увеличения своих накоплений и расширения влияния[406]. Эфталиты к началу VI в. смогли завладеть, по меньшей мере, западной частью Восточного Туркестана, кроме Гао-чан[407]. У. Самолин предположил, что жоужань и эфталиты разделили сферы влияния по р. Эдзин-гол и Алтаю[408]. В дальнейшем, в какой-то момент *ту-юй-хунь* заняли владения Шань-шань 鄯善, к югу оз. Лоб-Нор, и Цзюй-мо 且末, к во-

403 Материалы… 1984. С. 268, 405, коммент. 14; Боровкова Л. А. Проблема местоположения царства Гаочан (по китайским источникам). М.: Наука, 1992. С. 82.

404 Rezakhani Kh. ReOrienting the Sasanians. East Iran in Late Antiquity. P. 127–128, 137, 140.

405 La Vaissière É. (de). Sogdian Traders: a History. P. 68–70.

406 Ibid. P. 110–112.

407 Thierry F. Sur les monnaies sassanides trouvées en Chine // Circulation des monnaies, des marchandises et des biens / ed. R. Gyselen. Bures-sur-Yvette, 1993. P. 114.

408 Samolin W. East Turkistan to the Twelfth Century… P. 54–55.

стоку от Хотана[409], овладев, таким образом, восточной частью южного торгового пути, проходившего из Дунь-хуана до Кашгара через Хотан.

Несмотря на то, что история регионов к северу от Хуан-хэ и в особенности лесостепной периферии реконструируется не в достаточной степени надежности из-за отсутствия источникового материала, с определенной уверенностью можно говорить о том, что, по меньшей мере, в западной части Центральной Азии тюркский язык был достаточно распространен. Племена, включаемые китайскими авторами в состав конгломерата *гао-цзюй*, занимавшие территории Западной Монголии, Алтая и Джунгарии, включали, по-видимому, тюркоязычный компонент как преобладающий.

2.2. Образование Тюркского каганата (В. В. Тишин)

Последним из официально включенных в традицию шестнадцати «варварских» государств, уничтоженным Северной Вэй, было владение династии Северная Лян (кит. Бэй Лян 北涼, 397–439), созданное кланом Цзюй-цюй 沮渠 (пиньин. *jǔ-qú*, ран. ср.-кит. **dzɨð'-gɨð*)[410] из группы южных *сюн-ну*, обозначаемой в источниках как *лу-шуй ху* 盧水胡, т. е. '*ху* [живущие на реке] Лу-шуй'[411]. Оно занимало территории современной провинции Гань-су, в 423 г. сумев продвинуться на запад, когда взяло под контроль Ганьсуйский коридор. Это был весьма кратковременный успех, поскольку в 439 г. северновэйские войска заняли эти земли, захватив столицу Северной Лян, город Гу-цзан, и пленив их правителя. Два его брата спаслись в Дунь-хуане, затем в 442 г. бежали в Турфанский оазис, в Гао-чан, где этот клан смог продержаться до 460 г., пока это их последнее владение не было захвачено *жоу-жань*[412]. Эти события имели важнейшее значение для последующей истории Центральной Азии.

Империя Северная Вэй в 534–535 гг. распалась на два враждующих царства — Восточная Вэй (кит. Дун Вэй 東魏, 534–550 гг.) и Западная Вэй (кит. Си Вэй 西魏, 535–556). Это оказалось на руку *жоу-жань*, которые смогли ис-

---

409 Обсуждение обеих локализаций см.: Малявкин А. Г. Танские хроники… С. 56, 194, коммент. 348, с. 48, 182–183, коммент. 289.

410 Pulleyblank E. G. A Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin. Vancouver: UBC Press, 1991. P. 164, 260.

411 Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. / пер. с кит., предисл. и коммент. В. С. Таскина. М.: Наука, 1989. Вып. 1. Сюнну. С. 114, 213–214, коммент. 1, 3.

412 Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: очерки истории / под ред. С. Л. Тихвинского и Б. А. Литвинского. М.: Наука, 1988. С. 294.

пользовать распри между двумя сяньбийскими династиями для достижения собственных целей. Каган А-на-гуй 阿那瓌 (520–552), договорившийся о династическом браке с Северной Вэй, который в итоге не состоялся, смог добиться выдачи двух своих принцесс за представителей обеих династий, готовых заигрывать с ним в поисках союзника. В итоге союз с Восточной Вэй оказался прочнее, и *жоу-жань* даже совершили нападение на ее соседей[413].

Народ, впервые в истории фигурирующий под именем *тюрк*, появляется в исторических источниках в самом конце 542 г. или самом начале 543 г. в связи с нападениями на пограничные области царства Западной Вэй[414].

С самого начала своего появления на исторической арене они фигурируют как довольно централизованное сообщество, организованно сплоченное вокруг вождей одного клана. Источники не содержат достоверных сведений об их более ранней истории, кроме того, что сообщают переданные китайскими авторами генеалогические легенды[415]. Первоисточники этих преданий установить невозможно, однако они явно представляют собой типичные *origo gentis*, осмысляющие формирование объединенного общей идентичностью сообщества, сконцентрировавшегося вокруг одного ядра, давшего ему династию.

Различные сюжеты и мотивы, выявляемые в упомянутых генеалогических легендах, могут найти широкие аналогии и параллели в традициях разных народов и культур, потому установить, какие из них имеют генетическую природу, какие — лишь типологическую, затруднительно. Тем не менее сплетение ряда традиций может дополнительно свидетельствовать о том, что сообщество *тюрк* сформировалось на основе разнородных с точки зрения культурной и лингвистической принадлежности компонентов.

Хронологии гибели династии Северная Лян соответствует сообщение китайских источников о миграции после разгрома клана Цзюй-цюй пятисот семейств «смешанных *ху*» (кит. *цза ху* 雜胡) из местности Пин-лян, на востоке Гань-су, одним из которых были Ашина (см. ниже), в местность Цзинь-

---

413 Miyakawa H., Kollautz A. Die Mongolei in der Epoche der Jou-jan (5. und 6. Jh. n. Chr.) // Central Asiatic Journal. 1969. Vol. XII. No. 3. S. 204–205.

414 Ecsedy H. Trade and War Relations between the Turks and China in the Second Half of the 6th Century // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1968. T. XXXI. Fasc. 2. P. 133, 152, note 6; Thierry F. Autour d'une Histoire des marchands sogdiens // Revue numismatique. 6e série. 2005. T. 161. P. 202.

415 Наиболее подробное рассмотрение, включая предшествующую литературу, см.: Golden P. B. The Ethnogonic Tales of the Türks // The Medieval History Journal. 2018. Vol. 21. No 2. P. 251–327; Erkoç H. İ. Çin ve Tibet Kaynaklarına Göre Göktürk Mitleri // Belleten. 2018. Cilt LXXXII. Sa. 293. S. 51–82.

шань, под власть *жоу-жань*. Одна из генеалогических легенд тюрков, не называя точного места исходной миграции легендарных первопредков правящего клана, упоминает в качестве ее конечного пункта горы к северо-западу от Гао-чан, откуда уже их потомки, в числе которых носитель полученной от матери фамилии Ашина, стали подданными *жоу-жань* и переселились на «солнечную сторону» Цзинь-шань 金山, что есть, несомненно, Алтай, как выясняется из упомянутых генеалогических легенд. Одна из них ничего не говорит ни о каких миграциях, а упоминаемые этнонимы (кит. *ци-гу* 契骨 [пиньин. *qì-gǔ* < ран. ср.-кит. **k^{h}ɛj^{h}-kwət*, позд. ср.-кит. **k^{h}jiaj ´-kut*][416], т. е. *кыркыз*)[417] и топонимы (Абакан, Кем) позволяют локализовать происходящие действа именно в ареале Саяно-Алтая и сопредельных территорий. Это же наблюдение позволяет считать такую версию легенды более поздней, связанной с историко-культурным контекстом, в котором сюжет о миграции предков утратил свою актуальность.

С. Г. Кляшторный, обратившийся к сопоставлению исторических и полулегендарных свидетельств, исходил из того, что эти пятьсот семейств, включая Ашина, названные ‘смешанными *ху*’, были исходно связаны с *сюн-ну*, впитавшими еще в свой состав население Пин-лян и Хэ-си[418]. Понятие *цза ху* 雜胡 ‘смешанные *ху*’, сокращенный вариант от *цза-чжун ху* 雜種胡, обозначает ‘*ху* смешанного происхождения’[419], подразумевая более сложную идентичность, поскольку *ху* в то время именовали выходцев из западных регионов, в основном индоевропейской языковой среды, а с конца VI в. так стали преимущественно называть согдийцев[420]. Следуя Э. де Ла Вэссьеру, под «смешанными *ху*» можно понимать разнородное сообщество, важной состав-

416 Pulleyblank E. G. A Lexicon of Reconstructed Pronunciation… P. 248, 111.

417 О разных транскрипциях этнонима в китайских источниках см.: Яхонтов С. Е. Древнейшие упоминания названия «киргиз» // Советская этнография. 1970. № 2. С. 110–120; Pulleyblank E. G. The Name of the Kirghiz // Central Asiatic Journal. 1990. Vol. 34. P. 98–108; Kasai Yukiyo. The Chinese Phonetic Transcriptions of Old Turkish Words in the Chinese Sources from 6th–9th Century: Focused on the Original Word Transcribed as *tū jué* 突厥 // Nairiku ajia gengo no kenkyū 内陸アジア言語の研究 / Studies on the Inner Asian languages. 2014. Vol. XXIX. P. 128.

418 Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. С. 152, 156–157.

419 Pulleyblank E. G. The Background of the Rebellion of An Lu-shan. London; New-York; Oxford, 1982 (Repr.: 1955). P. 10, 104, note 1; Chen Sanping. Multicultural China in the early Middle Ages. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2012. P. 90–92.

420 Pulleyblank E. G. A Sogdian Colony in Inner Mongolia // T'oung Pao (Second Series). 1952. Vol. XLIV. № 4–5. P. 318–323; La Vaissière É. (de). Sogdian Traders: a History / trans. by J. Ward. Leiden; Boston: Brill, 2005. P. 57, 72–74, 119–122.

ляющей в составе которого были согдийцы, имевшие к тому времени более тесные контакты с кочевническим миром[421].

На основе тюркских языков не этимологизируются ни название клана Ашина (кит. *А-ши-на* 阿史那, пиньин. *ā-shǐ-nà* < ран. ср.-кит. **ʔa-ʂɨ′/ʂi′-na*^{h}, позд. ср.-кит. **ʔa-ʂɻ ´-na* ˋ[422]; согд. *’(’) šy-n′s*[423], "*šn′s*[424] [āšinās])[425], давшего правящую династию, ни само слово *тюрк*[426], как назвал себя сложившийся

---

421 La Vaissière É. (de). Sogdian Traders… P. 204–206.

422 Pulleyblank E. G. A Lexicon of Reconstructed Pronunciation… P. 23, 283, 221.

423 Yoshida Y. Sogdian Version of the Bugut Inscription Revisited // Journal Asiatique. 2019. Vol. 307. Iss. 1. P. 98–99, 104.

424 Yoshida Y. Studies of the Karabalgasun Inscription: Edition of the Sogdian Version // Aratana Ajia kenkyū ni mukete 新たなアジア研究に向けて [Modern Asian Studies Review]. 2020. Vol. 11. P. 038, 039.

425 Исследователями предложены сопоставления с хот.-сак. *āṣṣeiṇa-* ‘blue’ (< др.-перс. *axšainaka-*: (Bailey H. W. Indo-Scythian Studies, being Khotanese Texts. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 104–105), при возможном сопоставлении с др-тюрк. kök ‘голубой’ (Шервашидзе И. Н. Еще раз об этимологии имен Ašina и Attila — Авитохолъ // Советская тюркология. 1989а. №3. С. 79), хот.-сак. **aṣṣina* ‘царственный’ (< **ăxšinaka-* < др.-ир. **xšaivanaka-* ‘царь, царственный‘ (Harmatta J. A türkök eredetmondája // Magyar Nyelv. 1999. XCV. évf. 4. szám. 394–395. o.), согд. **'xšyn'k, *'xsyn'y* [əxšēnē] ‘синий’ (< др.-иран. **axšaina-ka-*, букв. ‘не-сияющий’: Шервашидзе И. Н. Фрагмент древнетюркской лексики. Титулатура // Вопросы языкознания. 1990. №3. С. 87). С. Г. Кляшторный указал на согд. *'xs'yn'k* [əxsānē] ‘синий, темный’, хот.-сак. *āṣṣeiṇa ~ āṣṣeṇa* ‘синий’, тохар. А. (< хот.-сак. или согд.) *āśna-* ‘синий, темный’ (Klyashtorny S. G. The Royal Clan of the Turks and the Problem of Early Turkic-Iranian Contacts // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1994. T. XLIV. Fasc. 3. P. 445–447; Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники руническое письма. С. 246–248). К. Бэквиз сопоставляет кит. транскрипцию *а-ши-на* с переданной Менандром форме имени правителя тюрков Αρσίλας (Beckwith C. I. The Tibetan Empire in Central Asia. A History of the Struggle for Great Power among Tibetans, Turks, Arabs, and Chinese during the Early Middle Ages. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1987. P. 206–207; Beckwith C. I. Empires of the Silk Road: a history of Central Eurasia from the Bronze Age to the present. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2009. P. 410–411, note 77), что интерпретируется им как тохар. A *ārśi* ‘noble’ + *lāś* ‘kings’ (Beckwith C. I. The Pronunciation, Origin, and Meaning of *A-shih-na* in Early Old Turkic // Central Eurasia in the Middle Ages. Studies in Honor of Peter B. Golden / ed. by I. Zimonyi and O. Karatay. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2016. P. 39–46). К. Этвуд допускал интерпретацию сочетания первых двух иероглифов как *aši ~ arši* < снскр. *ṛṣi* ‘Vedic poet, sage’, тогда пиньин. *ā-shǐ-nà* < ср.-кит. **ʔa-ʂɨ-na ~ *ʔa-ʂi-na* < снскр. *ṛṣi-La* ‘holy, sacred’ или, точнее, ‘the holy once’, ‘of holy origin’ (Atwood C. Some Early Inner Asian Terms Related to the Imperial Family and the Comitatus // Central Asiatic Journal. 2012 / 2013. Vol. LVI. P. 68–78).

426 Обсуждение см.: Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1965. Bd. II. Türkische Elemente im Neupersischen. S. 483–495; Róna-Tas A. An Introduction to Turkology. Szeged: Universitas Szegediensis de Attila József nominata: 1991. P. 10–13.

в горах Алтая народ, ни личные имена первых тюркских правителей[427]. Китайская форма написания названия народа *ту-цзюэ* 突厥 (пиньин. *tū-jué* < ран. ср.-кит **dwet-kuat*, позд. ср.-кит. **thut-kyat*)[428] отражает что-то близкое к **türküt*, означающее, видимо, передачу термина посредством языка монгольского типа[429] — с аффиксом множественности **+ (U) t*). Между тем следуя сообщениям китайских хронистов, это название означало на языке его носителей «шлем» и было принято людьми, жившими у подножья хр. Цзиньшань, поскольку одна из его вершин была похожа на шлем. А. Рона-Таш указал, что из всех сопоставимых по фонетическому облику и значению слов является хот.-сак. *tturakä* 'cover', 'lid'[430].

Обыгранный в одной из легенд образ мифической волчицы-прародителя, скорее всего, не следует прямолинейно трактовать, связывая с какими-либо тотемистическими культами или воззрениями, видя вслед за китайскими хронистами отражение этих представлений в факте стоявшего у ставки тюркского предводителя «знамени с волчьей головой». Признавая распространение в традиционной культуре тюркских народов культов, связанных с волком, появление волка в легенде следует рассматривать, скорее, как образ животного-посредника, передающего власть от Высших сил земному правителю, харизма которого как раз и заключена в таком знамени[431]. Подобные знамена были лишь символом власти и в последующем широко использовались не только самими тюрками. Мотив пещеры, фигурирующий

---

427 Sinor D. Some Components of the Civilization of the Türks (6th to 8th century A. D.) / Altaistic Studies: Papers at the 25th Meeting of the Permanent International Altaistic Conference at Uppsala, June 7–11 1982 / ed. G. Jarring, S. Rosén. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1985. P. 149–151; Sinor D., Klyashtorny S. G. The Türk Empire // History of Civilizations of Central Asia. Paris: Unesco, 1996. Vol. III. The crossroads of civilizations: A. D. 250 to 750 / ed. by B. A. Litvinsky. P. 325–326; Golden P. B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992. P. 120–121; Rybatzki V. The Titles of Türk and Uigur Rulers in the Old Turkic Inscriptions // Central Asiatic Journal. 2000. Vol. 44. No. 2. P. 206–221, 246.

428 Pulleyblank E. G. A Lexicon of Reconstructed Pronunciation… P. 311, 168.

429 Pelliot P. L'Origine de T'ou-kiue, nom chinois des Turcs // T'oung Pao (Second Series). 1915. Vol. XVI. Pp. 687–689. Гипотеза Й. Харматты об интерпретации этого варианта как слова, переданное через согдийское посредство, имеющее при этом иранское происхождение (Harmatta J. Irano-Turcica // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1972. T. XXV. LVDOVICO LIGETI SEPTVAGENARIO HOC VOLVMEN DAMVS DICAMVS DEDICAMVS. P. 272–273), встречает некоторые трудности (Bailey H. W. Indo-Scythian Studies, being Khotanese Texts. P. 102).

430 Róna-Tas A. An Introduction to Turkology. P. 13; Róna-Tas A. Hungarians and Europe in the Early Middle Ages: An Introduction to Early Hungarian History / trans. by N. Bodoczky. Budapest: Central European University Press, 1999. P. 281.

431 Roux J.-P. La religion des Turcs de l'Orkhon, des VIIe et VIIIe siècles // Revue de l'histoire des religions. 1962. T. 161. № 2. Pp. 209–210, 217.

в одной из генеалогических легенд тюрков и также в известной генеалогической легенде кыркызов[432], как место рождения первопредка, по замечанию Д. Синора, вполне может обыгрывать образ шахт, связанных с металлургией, занятие которой оказалось значимо для подъема этих сообществ[433]. Любопытно, что мотив пещеры не содержится во второй легенде (сформировавшейся в пределах Саяно-Алтая), значит, и он к моменту ее сложения тоже утратил актуальность.

Мотив числа «десять», обыгранный в сюжетах легенд о десяти сыновьях волчицы или сыновьях от десяти жен первопредка, один из которых носил фамилию Ашина, обыгрывает, вероятно, число племен, входивших изначально в объединение *тюрк*[434]. В этот состав не были включены другие сообщества, как, например, упоминаемые кыркызы, вплетение которых в одну из легенд в качестве ведущих происхождение от боковой линии по отношению к первопредку тюрков, является, видимо, попыткой идеологически обосновать в общей генеалогии место покоренных народов.

Сюжет этой легенды, где собственно родоначальник тюрков изобрел огонь, чем спас весь подвластный ему народ, отсылает к распространенному мотиву культурного героя, т. е. мифического персонажа, с которым связано создание и первичное упорядочивание основных условий благоустройства людей[435]. Примечательно, что в письме *Ышбара кагана суйскому императору в 585 г. история самих тюрков и их господства отсчитывается с момента, когда они были «поставлены Небом», и тому около пятидесяти лет[436]. Значит, собственно свою историю ранние тюрки отсчитывали с какого-то значимого события, произошедшего не ранее 535 г.

Еще до первых тюркских предводителей, существование которых, по крайней мере, подтверждено другими источниками, их полулегендарные предки носят титулы *шад* и *йабгу*, будучи подданными *жоу-жань*. Если

---

[432] Ю-ян цза-цзу, цз. 4. С. 2а.

[433] Sinor D. The Legendary Origin of the Türks // Folklorica: Festschrift for Felix J. Oinas / ed. by E. V. Žygas, P. Voorheis. Bloomington: Research Institute for Inner Asian Studies, 1982. Pp. 228–229, 236.

[434] Ögel B. Doğu Göktürkleri hakkında vesikalar ve notlar // Belleten. 1957. Cilt XXI. Sayı 81. S. 107; Czeglédy K. On the Numerical Composition of the Ancient Turkish Tribal Confederations // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1972. T. XXV. LVDOVICO LIGETI SEPTVAGENARIO HOC VOLVMEN DAMVS DICAMVS DEDICAMVS. Pp. 279–280.

[435] См.: Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаические памятники. Изд. 2-е, испр. М.: Вост. лит-ра РАН, 2004. С. 116, 168, 132.

[436] Суй шу, цз. 84. С. 9а-10б; Бэй ши, цз. 99. С. 13а; Тун дянь, цз. 197. С. 10б; Тай-пин хуань-юй цзи, цз. 199. С. 13а-14б.

не поздняя интерполяция[437], это говорило бы, может быть, даже не столько о существовании этих титулов в номенклатуре *жоу-жань*, сколько о знакомстве тюрков с другой традицией, тяготеющей к Средней Азии, может быть, через эфталитов, поскольку происхождение обоих упомянутых слов уходит корнями туда[438]. В любом случае тюрки в значительной степени интегрировали в свою номенклатуру титулы, перенятые у *жоу-жань*, и затем эфталитов с чуждыми им функциями[439]. Отмечаемые китайскими источниками употребляемые среди них титулы не обнаруживают какой-либо упорядоченной по единому критерию системы[440].

В самом начале 545 г., некоторое время спустя после своего первого появления в письменных источниках, тюрки приходят к пограничной крепости Западной Вэй с изъявлением желания обменивать «шелковые ткани и шелковую вату» и установить контакт. Судя по всему, это была уже довольно весомая сила, поскольку при дворе Западной Вэй оценили возможность использовать тюрков против Восточной Вэй и *жоу-жань*. К ним почти сразу же было отправлено ответное посольство с дарами, что означало признание тюрков как полноценного самостоятельного субъекта на международной арене.

В 546 г. против *жоу-жань* восстали племена *те-лэ* (см. выше), хотя неясно, какие из них именно, в каком ареале и в каких масштабах, но тюрки победили их, подчинив себе 50 тыс. домохозяйств. Уверенность в своих силах и рост амбиций тюркского предводителя по имени Бумын (кит. Ту-мэнь *ту-мэнь* 土 / 吐門 [пиньин. *ту-мén* < ран. ср.-кит. **t^{h}ɔ'-mən*, позд. ср.-кит. **t^{h}uð´-mun*][441])[442] продемонстрированы его предложением жоужаньскому ка-

---

437 Bombaci A. On the Ancient Turkish Title “Šaδ” // Gururājamañjarikā Studi In Onore Di Giuseppe Tucci. Napoli: Instituto Universitario Orientale, 1974. P. 191.

438 О титуле *йабгу* см.: Rezakhani Kh. ReOrienting the Sasanians. East Iran in Late Antiquity. Edinburg: Edinburgh University Press 2017. P. 52–53, 135; Cribb J. Kujula Kadphises and his title Kushan Yavuga // Sino-Platonic Papers. 2018. No 280. P. 11–12; о титуле *шад* к цит. выше статье А. Бомбачи см. еще: Róna-Tas A. *Bayan* and *Asparuχ*. Nine Notes on Turks and Iranians in East Europe // Turks and Iranians. Interactions in Language and History. The Gunnar Jarring Memorial Programat the Swedish Collegium for Advanced Study / ed. by É. Á. Csató, L. Johanson, A. Róna-Tas, B. Utas. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2016. P. 74.

439 Ligeti L. Régi török eredetű neveink II // Magyar Nyelv. 1979. LXXV. kötet. 38. o.

440 См.: Drompp M. R. Supernumerary Sovereigns: Superfluity and Mutability in the Elite Power Structure of the Early Türks (Tujue) // Rulers from the Steppe: State Formation on the Eurasian Periphery / ed by G. Seaman and D. Marks. Los Angeles: University of Southern California Ethnographics Press, 1991. Pp. 93–94.

441 Pulleyblank E. G. A Lexicon of Reconstructed Pronunciation… P. 312, 211.

442 Об интерпретации этих форм см.: Harmatta J. A türkök eredetmondája. 395. o.; Rybatzki V. The Titles of Türk and Uigur Rulers in the Old Turkic Inscriptions. P. 218.

гану, подданным которого он считался, предложить заключение брака, чтобы каган выдал за него свою дочь. А-на-гуй счел это дерзостью, напомнив Бумыну о его статусе плавильщика железа, чем тюрки занимались для жоужань, тогда Бумын убил жоужаньского посла, что сделало разрыв с сюзереном и войну с ним неизбежной. Как заметил Н. Ди Космо, все эти события показывают достаточную организованность и мощь тюрков, оказавшихся способными и победить *те-лэ*, и требовать привилегий для себя у *жоу-жань*, почему вполне допустимо и предложение заключить брак, и само убийство посла рассматривать лишь в качестве провокаций[443]. Зато на династический брак с тюрками охотно пошла Западная Вэй, и принцесса выехала к тюркам. В начале 552 г. тюрки нанесли поражение *жоу-жань*, после чего А-на-гуй покончил с собой, а подвластный ему народ распался на несколько групп во главе с отдельными предводителями, покорение которых стало одной из очередных задач тюрков. Сам Бумын принял для себя титул *каган*, а для своей супруги — титул *катун*, закрепив свои претензии на верховенство над степными племенами[444]. Бумын вскоре скончался, так и не дождавшись сяньбийской принцессы. Его преемники смогли добить остатки *жоужань* и развязать более широкую экспансию. Остатки неоднократно разбитых *жоу-жань* искали спасение во владениях династии Северная Ци (кит. Бэй Ци 北齊, 550–577 гг.), сменившей Восточную Вэй, а затем даже во владениях Западной Вэй, но 555 г. их история закончилась полным уничтожением всего взрослого населения как носителей идентичности и инкорпорирования в состав тюрков женщин, подростков и детей[445].

Тюркскую империю с самого начала отличает такая черта, как упорное стремление к торговле, притом не только с непосредственными соседями, но на дальние расстояния, а в реализации этих стремлений тюрки не гнушались даже военных действий[446]. Все войны, которые велись тюрками, начиная с первых побед над *жоу-жань*, как будто обнаруживают удивительную логическую последовательность. Пока велись боевые действия против остатков *жоу-жань*, тюрки провели несколько кампаний в западном направ-

---

443 Di Cosmo N. The Relations between China and the Steppe from the Xiongnu to the Türk Empire // Empires and Exchanges in Eurasian Late Antiquity. Rome, China, Iran, and the Steppe, ca. 250–750 / ed. by N. Di Cosmo, M. Maas. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 49–51.

444 Тун дянь, цз. 197. С. 6б.

445 Liu Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958. I. Buch. Texte. S. 36; Материалы… 1984. С. 295.

446 Beckwith C.I. The Tibetan Empire in Central Asia… P. 178–180.

лении. В период 554–556 гг.[447] совместно с Западной Вэй тюрки вели войну с *ту-юй-хунь*, победа в которой ознаменовалась лишь тем, что *Муган каган ограничился захватом добычи, не став покушаться на их суверенитет[448]. Это показывает, что война не имела цели завоевания или свержения *ту-юй-хунь*. Тюрки были заинтересованы в ослаблении их влияния на торговых путях. В 555 г. война тюрков с Гао-чан завершилась мирным договором, скрепленным заключением брака местного правителя с дочерью кагана[449] (неизвестно, кто имеется в виду). По-видимому, уже к 557 г.[450] проблемой для тюрков становятся эфталиты, державшие на тот момент под контролем западную часть Восточного Туркестана — Кашгар и Хотан, т. е. западный участок южного торгового пути перед тем, как дорога открывалась в Среднюю Азию, а кроме того, распространившие свою власть реще на Арги (Карашар), Куча и Аксу (Гу-мо 姑墨)[451].

---

447 Хронология неясна по источникам: Цэнь Чжун-мянь. Ту-цзюэ цзи ши. Пекин: Чжун-хуа шу-цзюй, 1958. С. 965, 974, прим. 24; Liu Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten… I. Buch. S. 11, 21, 22, 29; Texte. II. Buch. Anmerkungen, Anhänge, Index. S. 502, Anm. 66, S. 511, Anm. 130; Ecsedy H. Trade and War Relations… P. 134, 158, note 24.

448 См.: Цэнь Чжун-мянь. Ту-цзюэ цзи ши. С. 20–21; Liu Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten… I. Buch. S. 21–22; Материалы… 1984. С. 245, 398, коммент. 1.

449 У Юй-гуй. Гао-чан гун ши вэнь-шу чжун-ди ту-цзюэ // Си-бэй минь-цзу янь-цзю. 1991. Вып. 1. С. 56–57; Цзян Бо-цинь. Дунь-хуан ту-лу-фань вэнь-шу юй сы-чоу чжи-лу. Пекин: Вэнь-у чу-бань шэ, 1994. С. 87.

450 Согласно выводам С. Фельфёльди, подробного рассмотревшего дискуссию и тщательно суммировавшего данные источников касательно дат войны тюрков с эфталитами, тюрки и персы действовали несогласованно. Их кампании шли параллельно, но с некоторой разницей во времени: военные действия персов имели место в период с конца 557 г., но, скорее, начались в 558 г., завершившись к 561 г.; начало тюркской кампании пришлось на 558–561 гг., она была полностью завершена к концу 568 начало 569 г.; граница владений двух держав прошла по р. Аму-Дарья: Felföldi Sz. Heftalita Birodalom bukásának kronológiája // Acta Universitatis Szegediensis: Acta Historica. 2002. T. CXII. 63–88. o.; Фельфёльди С. Хронология падения империи эфталитов // Бюллетень (Newsletter) общества востоковедов. М.: ИВ РАН, 2005. Вып. 12. Hungaro-Russica II. История и культура Евразийской степи. 2-й сборник статей российских и венгерских востоковедов / отв. Д. Д. Васильев. С. 98–132.

451 Боровкова Л. А. Проблема местоположения царства Гаочан (по китайским источникам). М.: Наука, 1992. С. 79–82; Thierry F. Sur les monnaies sassanides trouvées en Chine // Circulation des monnaies, des marchandises et des biens / ed. R. Gyselen. Bures-sur-Yvette, 1993. P. 114.

Неясно, с какого точно времени[452], но при *Муган кагане царство Северная Чжоу (Бэй Чжоу 北周, 557–581 гг.), сменившее прежде Западную Вэй, чтобы обезопасить себя, стало давать тюркам 100 000 рулонов «отборного шелка» (*цзэн сюй-мянь цай* 繒絮綿綵) ежегодно и хорошо относиться к более чем 1 000 тюркам, проживавшим в столице: они одевались в парчу (*цзинь* 錦) и питались мясом[453]. Названное количество шелка — огромно, и тюркам он был нужен, как предполагается, не для удовлетворения личных нужд, а для дальнейшей торговли[454]. Обеспечив себе источник шелка, поставляемого в виде дани от сяньбийских династий, тюрки смогли продвигать его как товар далее на запад.

Таким образом, сообщество, вышедшее на историческую арену под именем *тюрк* и сумевшее в относительно короткие сроки создать беспрецедентную по масштабам степную империю, сформировалось уже на территории Алтая, в ходе процесса консолидации местного, скорее всего, преимущественно тюркоязычного населения вокруг исходного коллектива, представленного, по меньшей мере, носителями иранских языков, как это можно извлечь из личной ономастики. Трудно сказать, какими темпами в рамках новой идентичности происходила дальнейшая закономерная ассимиляция представителей этой группы, давшей новому объединению правящую династию, однако языком общения между правящей группой и подвластным населением изначально был, скорее всего, согдийский, служивший в то время, по определению П. Пельо[455], *lingua franca* на Великом шелковом пути.

---

452 См., в особенности: Ecsedy H. Trade and War Relations… P. 134, 160, note 35; Thierry F. Autour d'une Histoire des marchands sogdiens. P. 200–201. В китайских источниках нет точной даты, разве что это сообщение помещается после упоминания заключения брачного союза. Договоренность о браке дочери *Муган кагана с императором Северного Чжоу была достигнута в 565 г., невеста выехала ко двору 27.05.567, а прибыла 20.04.568 (Ecsedy H. Trade and War Relations… P. 134, 159, note 29).

453 Чжоу шу, цз. 50. С. 7б; Бэй шу, цз. 99. С. 7б. Известные переводы этого места отличаются, см., напр.: Liu Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten… I. Buch. S. 13.

454 Ecsedy H. Trade and War Relations… P. 141; Beckwith C. I. The Impact of the Horse and Silk Trade on the Economies of T'ang China and the Uighur Empire: On the Importance of International Commerce in the Early Middle Ages // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1991. Vol. 34. No. 3. P. 184.

455 Pelliot P. Les influences iraniennes en Asie centrale et en Extrême-Orient // Revue d'Histoire et de Littérature Religieuses, N. S. 1912. Vol. 3. P. 105.

2.3. Ранние тюрки на Алтае по археологическим данным (Ю. С. Худяков)

Культура древних тюрков сформировалась из нескольких компонентов и культурных традиций на рубеже исторических периодов поздней древности и раннего Средневековья у некоторых групп древних кочевников, получивших свое дальнейшее культурное развитие в районе Большого Алтая в пределах Центрально-Азиатского историко-культурного региона.

Существует несколько подходов к построению культурно-хронологических схем развития тюркской культуры. В работе представлена схема хронологии «древнетюркской» эпохи Горного Алтая, включающая следующие этапы[456]:

1. Берельский этап и сложение протюркского субстрата (середина V — середина VI в. н. э.). 460 г. — переселение тюрков Ашина.

2. Кудыргинский этап (вторая половина VI — середина VII в. н. э.). От создания в 552 г. н. э. Первого Тюркского каганата до создания Второго Тюркского каганата в 679 г. н. э.

3. Катандинский этап (вторая половина VII — середина VIII в. н. э.), т. е. до создания Уйгурского каганата в 745 г. н. э.

---

[456] В научной литературе существуют разные точки зрения на культурно-хронологическую схему развития тюркской культуры, в соответствии с одной из них выделяется шесть хронологических этапов:
В. В. Горбунов, А. А. Тишкин:
1. Кызыл-ташский (2-я половина V — 1-я половина VI в. н. э.); 2. Кудыргинский (2-я половина VI — 1-я половина VII в. н. э.); 3. Катандинский (2-я половина VII — 1-я половина VIII в. н. э.); 4. Туэктинский (2-я половина VIII — 1-я половина IX в. н. э.); 5. Курайский (2-я половина IX — 1-я половина X в. н. э.); 6. Балтарганский (2-я половина X — 1-я половина XI в. н. э.) [Горбунов, Тишкин, 2002; Тишкин, Горбунов, 2003, 2005; Тишкин, 2007, С. 185–201].
С. Г. Кляшторный, Д. Г. Савинов:
1. Берельский этап и сложение протюркского субстрата (середина V — середина VI в. н. э.). 460 г. — переселение тюрок Ашина.
2. Кудыргинский этап (вторая половина VI — середина VII в. н. э.). От создания в 552 г. н. э. Первого Тюркского каганата до создания Второго Тюркского каганата в 679 г. н. э.
3. Катандинский этап (вторая половина VII — середина VIII в. н. э.), т. е. до создания Уйгурского каганата в 745 г. н. э.
4. Туэктинский этап (вторая половина VIII — середина IX в. н. э.) заканчивается с гибелью Уйгурского каганата в 840 г. и связан с началом эпохи кыргызского «великодержавия», что находит отражение в алтайском варианте.
5. Кара-чогинский этап (вторая половина IX — конец X в. н. э.). В 916 г. образовывается государство Западное Ляо, а в 30-е гг. XI в. происходит «цепная миграция племен» [С. Г. Кляшторный, Д. Г. Савинов, 2005, С. 219–230].

4. Курайский (VIII–IX вв. н. э.) заканчивается с гибелью Уйгурского каганата в 840 г. и связан с началом эпохи кыргызского «великодержавия».

К раннему этапу в соответствии с этой схемой относятся комплексы берельского типа. Такие погребальные комплексы были впервые исследованы В. Радловым в Берельской степи в 1865 г. Исследователь кратко охарактеризовал материалы своих раскопок на памятнике Берель. «Во всех могилах оказывались лошади, в одной даже пять, и всегда они были захоронены приблизительно на полтора аршина выше, чем люди. Следует еще заметить, что в нескольких могилах были серебряные украшения, затем очень хорошо сделанная глиняная посуда, нож в ножнах, а также нож и кинжал, совершенно такие же, как ножи и кинжалы медного века, но сделанные из железа, только железные рукоятки обоих были покрыты тонкими золотыми пластинами. Около одного трупа я нашел длинный меч с железной рукояткой и кольцом, совсем такой же, как рукоятки кинжалов медного века, и куски железного панциря из продолговатых, длиной в 2 вершка, железных пластинок, которые, судя по всему, были укреплены на коже»[457].

При классифицировании средневековых захоронений на территории Горного Алтая подобные погребальные памятники были выделены А. А. Гавриловой в «берельский тип» ранних средневековых погребений[458]. Она выделила для берельского типа памятников некоторые характерные признаки. К их числу было отнесено широтное расположение могил с ориентировкой на восток или запад, наличие двух-трех сопроводительных захоронений лошадей, из числа которых в сбруе погребена только одна лошадь. В составе сопроводительного инвентаря берельских захоронений имеются сложносоставные луки с длинными роговыми, или костяными накладками, железный наконечник копья, костяные наконечники самострелов, серебряные пластинчатые кольца и бляшки, отлитые техникой плоского литья. А. А. Гаврилова отметила присутствие в составе берельского культурного комплекса традиций культур ранних кочевников, хуннов и сарматов и отнесла эти памятники к телеским кочевым племенам[459].

В 1969 г. материалы из раскопок В. Радлова на памятнике Берель были вновь проанализированы и переизданы С. С. Сорокиным. Этот исследователь уточнил размеры берельских курганных насыпей и могильных ям, кратко описал все предметы, которые были упомянуты в предшествующих

---

457 Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 451 с.

458 Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1965. С. 54.

459 Там же. С. 57.

публикациях и хранятся в собрании Государственного исторического музея в Москве[460].

В 1984 г. археологические памятники берельского типа были заново рассмотрены Д. Г. Савиновым. Он включил в состав берельских комплексов те же памятники, что и А. А. Гаврилова, и поддержал предложенную ею датировку IV–V вв. н. э. Он также отнес берельские памятники к племенам теле[461].

В 1990 г. Б. Б. Овчинникова предложила изменить датировку берельских памятников. По находкам удил с кольчатыми псалиями она рекомендовала отнести их к хронологическому периоду IX–X вв. н. э.[462] Однако это предложение не нашло поддержки у других исследователей.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. Ю. В. Тетериным в долине р. Катуни в Горном Алтае был исследован памятник Дялян, который он отнес к берельской эпохе. Он обобщил предметы вооружения из некоторых погребальных памятников берельского типа[463]. Предметы вооружения из берельских памятников в предшествующие годы целенаправленно исследовались автором настоящей работы[464]. В дальнейшем были рассмотрены некоторые проблемы происхождения древнетюркского этноса и его культуры[465].

В разное время археологические памятники ранних тюрков были изучены археологами на территории Синьцзяна, Казахстанского и Горного Алтая. К их числу относится курган на памятнике Чауху-3 с каменно-земляной насыпью, раскопанный китайскими учеными на территории Синьцзяна. Конь помещен на уступе могильной ямы, а умерший — на дне могилы[466]. Судя по имеющимся описаниям, берельские курганы на памятниках Берель и Дялян представляли собой каменные насыпи. На уступе могильной ямы нахо-

---

460 Сорокин С. С. Большой Берельский курган (полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Труды Гос. Эрмитажа. Л., 1969. Т. 10, вып. 7. Культура и искусство народов Востока. С. 254.

461 Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1984. С. 28–30.

462 Овчинникова Б. Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск, 1990. С. 99.

463 Тетерин Ю. В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2004. Вып. 1. С. 63–65.

464 Худяков Ю. С. Вооружение центрально-азиатских номадов в II–V вв. н. э. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2005. С. 49–51.

465 Худяков Ю. С. Древнетюркский культурный феномен в Центральной Азии: учеб. пособие. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2007. С. 18–24.

466 Худяков Ю. С., Комиссаров С. А. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана: учеб. пособие. Новосибирск, 2002. С. 78. Рис. XIX.

дилось от одного до трех сопроводительных захоронений лошадей, из числа которых одна была взнуздана. Вероятно, они были оседланы, поскольку с некоторыми лошадьми находились роговые подпружные пряжки. Погребенные были помещены на дно могильной ямы, ниже сопроводительных захоронений лошадей. Из сопроводительного инвентаря наиболее основательно изучены предметы вооружения. В берельских могилах были найдены роговые накладки от сложносоставных луков, относящихся к разным типам. В их числе — роговые принадлежности луков, включая длинные, слабоизогнутые концевые накладки с арочными вырезами для крепления петель тетивы, а также с крупными, слабоизогнутыми срединными боковыми накладками и срединной фронтальной накладкой. Наряду с такими роговыми деталями были найдены также сравнительно короткие концевые и срединные боковые накладки от другого типа луков (рис. 9)[467].

Рис. 9. Реконструкция раннего тюркского «берельского» конного воина
Источник: Худяков Ю. С. Древнетюркский культурный феномен в Центральной Азии: учеб. пособие. Новосибирск, 2007. Рис. 2

[467] Худяков Ю. С. Археология Южной Сибири хунно-сяньбийской эпохи: учеб. пособие. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2006. С. 113–114.

В составе стрел с железными черешковыми наконечниками в берельских памятниках преобладали проникатели с сечением пера, состоявшего из трех лопастей[468]. Все трехлопастные железные наконечники стрел относятся к числу проникателей, предназначенных для стрельбы по легковооруженным противникам, не облаченным в защитные металлическое доспехи. Еще несколько железных наконечников представлены изделиями с плоским пером, а также прямоугольных или «овальных» в сечении пером[469]. Вероятно, подобные наконечники могли применяться для пробивания вражеских металлических доспехов, в том числе кольчатых.

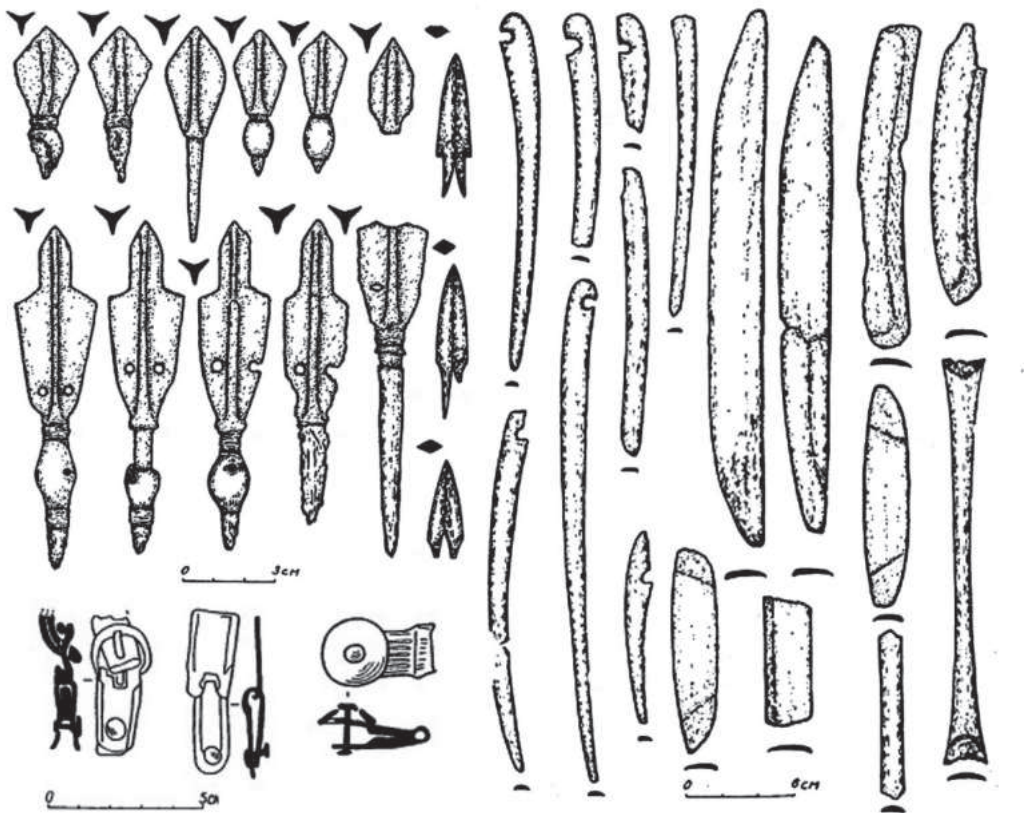

Рис. 10. Берельские костяные и железные наконечники стрел, накладки на лук, медные пряжка, бляшки
Источники: Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. С. 127–128, рис. 57, 58; Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. С. 56, рис. 5

[468] Тетерин Ю. В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи… С. 37–82.
[469] Там же. С. 47.

В арсенале ранних тюркских воинов на берельском этапе имелись и стрелы с костяными наконечниками разного сечения и форм (рис. 10). Однако возможность их применения для поражения боевых целей в этот исторический период не доказана.

В ходе раскопок памятника Дялян в Горном Алтае были обнаружены остатки частично сохранившегося берестяного колчана. По предположению автора раскопок этого памятника, данный колчан мог иметь уплощенно-цилиндрическую форму, стрелы в котором хранились наконечниками наружу, а оперением внутрь приемника[470].

В условиях ведения ближних боев ранние тюрки могли атаковать противника в конном строю копьями с ромбическими в сечении наконечниками и мечами с остроугольными остриями и прямыми двулезвийными клинками без перекрестья и навершия. Один такой меч был найден в воинском погребении на могильнике Дялян. На обоих лезвиях клинка этого меча были обнаружены выемки, образовавшиеся от ударов по твердым металлическим предметам во время фехтования. На поверхности клинка сохранились остатки сильно истлевших деревянных ножен, скрепленных железными обоймами[471]. Помимо мечей ранние тюркские воины могли атаковать своих противников в ближних боях, нанося им удары железными палашами. На памятнике Берель сохранились палаши с длинными однолезвийными клинками и остроугольным острием (рис. 11). У одного из них полностью сохранилась цельнокованая железная рукоять и отогнутым в сторону клинка перекрестьем и кольцевым навершием[472].

В рукопашных боях при сближении с врагами ранние тюркские воины могли наносить противникам удары своими кинжалами с прямыми двулезвийными клинками и однолезвийными боевыми ножами. В составе предметного комплекса могильника Дялян найден кинжал с двулезвийным клинком и прямым черешком и боевые ножи с прямыми однолезвийными клинками, у одного из которых имеется рукоять с отогнутым в сторону лезвия полукольцевым навершием[473]. По сведениям, приведенным в сочинении В. Радлова, рукояти кинжалов из курганов, исследованных им на памятнике Берель, были обернуты листовым золотом, что было характерно для исторической эпохи «Великого переселения народов»[474].

---

470 Тетерин Ю. В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи… С. 54.
471 Там же. С. 55.
472 Худяков Ю. С. Археология Южной Сибири хунно-сяньбийской эпохи… 130 с.
473 Тетерин Ю. В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи… С. 56–57.
474 Радлов В. В. Из Сибири… 451 с.

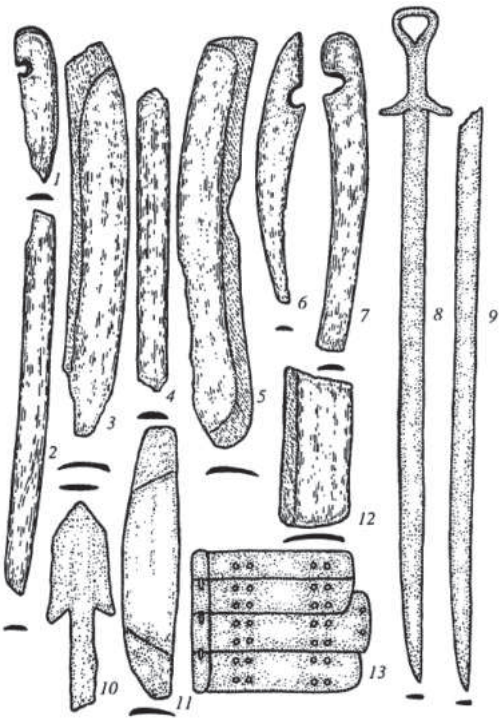

Рис. 11. Берельский комплекс вооружения ранних тюрков V–VI вв. н. э.:
1–7, 11, 12 — накладки лука; 8, 9 — палаши; 10 — стрела; 13 — панцирные пластины
Источник: Худяков Ю. С. Древнетюркский культурный феномен в Центральной Азии: учеб. пособие. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2007. Рис. 1

На памятнике Берель было обнаружено два ножа в одних ножнах. Найден еще один нож, также помещенный в ножны[475]. Вполне вероятно, что к одному из этих ножей могла относиться нефритовая шайба, которая должна была применяться в качестве навершия рукояти одного из таких коротких однолезвийных клинков. Однако, по мнению С. С. Сорокина, эта шайба могла использоваться в качестве навершия рукоятки плети[476].

Для защиты своего тела от вражеских ударов в условиях проведения ближних рукопашных боев ранние тюркские воины могли применять панцири, составленные из железных пластин. В составе сопроводительного инвентаря одного из захоронений на памятнике Берель было обнаружено два фрагмента панцирного доспеха. Один из них состоит из четырех продолговатых пластин, соединенных между собой кожаной окантовкой и тонким ремешком. Пластины прямоугольной формы, слегка закругленные с одного

[475] Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1965. С. 55.
[476] Сорокин С. С. Большой Берельский курган… С. 241.

края, снабжены двумя рядами парных округлых отверстий. Вполне вероятно, что этот фрагмент должен относиться к нагрудному панцирному доспеху[477].

Комплекс вооружения берельских воинов, наряду с эффективными предметами ведения дистанционного боя, включает элементы наступательного оружия ближнего и рукопашного боя и эффективные средства металлической защиты. В их числе были сложносоставные луки с роговыми накладками разных типов, а также стрелы с железными трехлопастными, плоскими и прямоугольными в сечении наконечниками, копья с железными наконечниками, железные мечи и палаши, кинжалы и боевые ножи. Для защиты воины берельского этапа применяли нагрудные панцири.

К числу принадлежностей конской сбруи, обнаруженных в берельских памятниках, можно отнести железные двусоставные удила с большими кольчатыми трензелями и сбруйными обоймами, а также другие предметы, относящиеся к набору сбруйных принадлежностей, в составе которых представлены серебряные обоймы с гофрированной поверхностью, а также бляшки сферической формы и квадратные бляшки со шпеньками для крепления и двусоставные накладки, пряжка с овальной рамкой, подвижным язычком и полуовальным щитком[478]. Вероятнее всего, все эти предметы входили в состав принадлежностей конской узды берельских всадников.

На костях скелета погребенного человека на памятнике Берель были найдены отдельные предметы, относящиеся к числу принадлежностей пояса и некоторые украшения. В области груди погребенного находился деревянный стержень с серебряным украшением. Назначение этого предмета неясно. На одной из фаланг пальца правой руки было надето серебряное кольцо. В области пояса погребенного находилась поясная роговая пряжка без язычка, внешне похожая на подпружную. Вполне вероятно, что она должна относиться к числу принадлежностей пояса погребенного. В области костей нижних конечностей погребенного были обнаружены «следы серебряных пластинок»[479].

Первый исследователь берельских курганов В. Радлов упомянул в числе находок из своих раскопок «очень хорошо сделанную глиняную посуду»[480]. На памятнике Чауху-3 в Синьцзяне были обнаружены находки нескольких лепных керамических сосудов, представляющих собой шаровид-

---

477 Худяков Ю. С. Археология Южной Сибири хунно-сяньбийской эпохи: учеб. пособие. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2006. С. 116.

478 Сорокин С. С. Большой Берельский курган… С. 208–236.

479 Там же. С. 234.

480 Радлов В. В. Из Сибири… 451 с.

ные вазы с плоским дном, раздутым туловом, широкой горловиной и отогнутым венчиком. Один из этих сосудов лишен какого-либо орнамента. Два других сосуда украшены под горловиной и на тулове двойными горизонтальными полосками, состоящими из округлых и овальных углублений. Некоторые из этих рядов вдавлений на поверхности одного из сосудов очерчены горизонтальными линиями. Среди находок, обнаруженных в одном из ранних тюркских захоронений в сопровождении верховых коней на территории Синьцзяна, имеется утолщенное массивное керамическое пряслице, украшенное с верхней стороны значительным числом округлых углублений, а также металлические пластины различных форм, пряжка полуовальной формы, подвеска с раздутыми в обе стороны полусферами, обломанный гвоздь со сферической шляпкой и некоторые другие принадлежности костюма и предметы быта[481].

Состав предметного комплекса характеризует берельских номадов в качестве хорошо вооруженных и оснащенных нагрудными панцирными доспехами конных воинов (рис. 12)[482]. В их числе были панцирные всадники, основательно вооруженные не только луками и стрелами, но и длиннодревковым колющим оружием и длинноклинковым рубящим и колющим оружием, мечами и палашами, а также защищенные металлическими нагрудными панцирями, составленными из железных пластин. Это были хорошо вооруженные и боеспособные ранние тюркские панцирные всадники. По набору различных видов эффективного оружия дистанционного и ближнего боя, а также средств индивидуальной панцирной защиты и характеру некоторых украшений они заметно отличались от других кочевников, которые в предтюркское и раннее тюркское время населяли соседние горные районы, расположенные на территории Большого Алтая. Есть определенные основания данную группу номадов связать с «ранними тюрками» во главе с правящим аристократическим родом Ашина, обитавшими на Алтае в тот период, когда они сравнительно недавно мигрировали в этот район, населенный

---

481 Худяков Ю. С., Комиссаров С. А. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана: учеб. пособие. Новосибирск, 2002. Рис. XX.

482 По: Соенов В. И., Эбель А. В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992; Тетерин Ю. В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2004. Вып. 1; Тишкин А. А., Горбунов В. В. Комплекс вооружения «эпохи великого переселения народов» из Горного Алтая (по материалам могильника Яломан-II) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск: ЮУрГУ, 2007; Тишкин, 2011; Матренин, 2017; Соенов, Константинов, Трифанова, 2018; Давыдов, Половников, 2018.

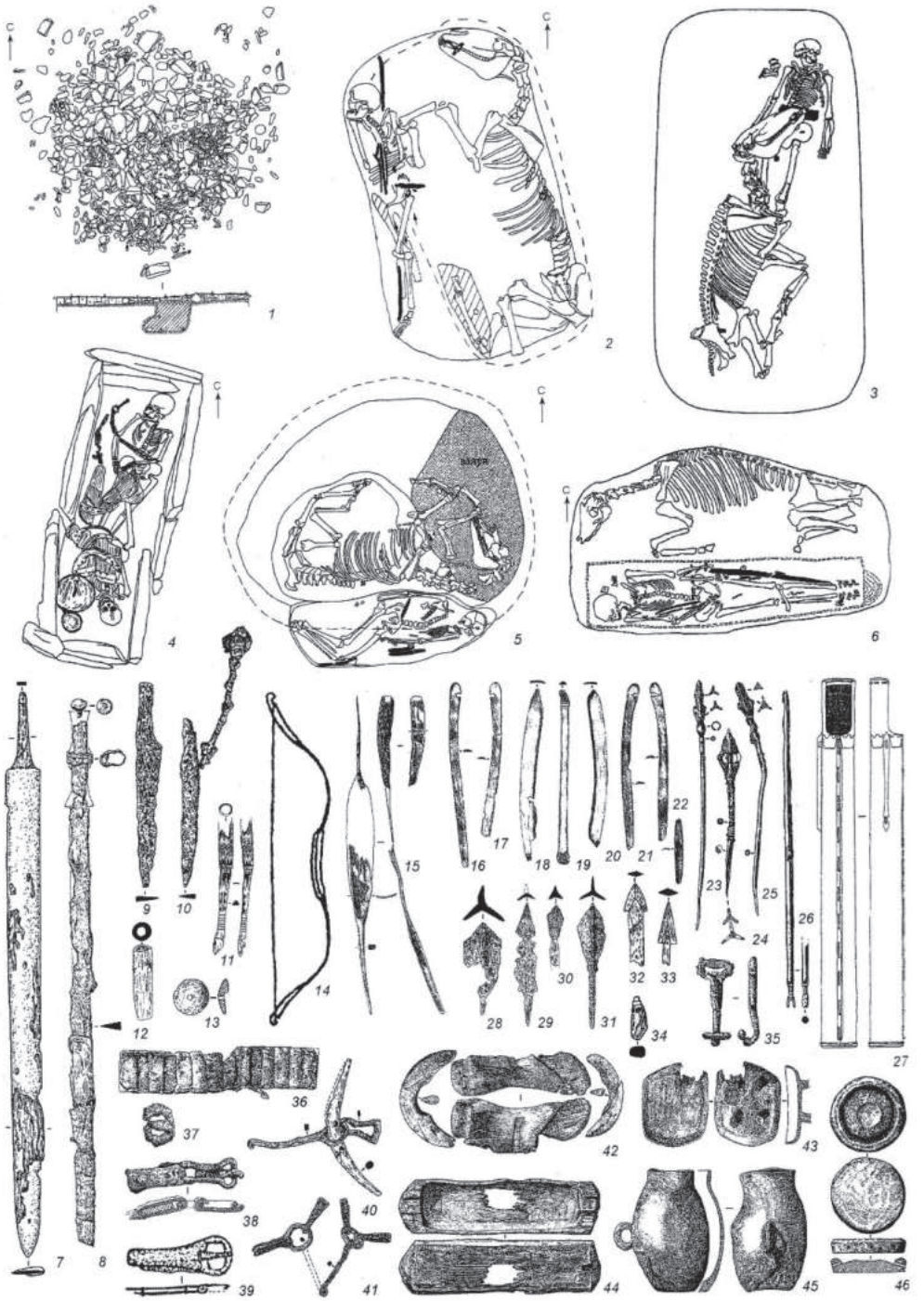

Рис. 12. Берельский этап древнетюркской культуры (II половина IV–VI в. н. э.).
1 — план и разрез кургана; 2–6 — планы погребений; 7 — меч; 8 — палаш; 9, 10 — боевые ножи; 11, 12 — костяные изделия; 13 — бляшка из раковины; 14 — реконструкция лука;

15 — фрагменты кибити лука; 16–22 — костяные накладки на лук; 23–25 — наконечники стрел с древками; 26 — древко стрелы; 27 — реконструкция колчана; 28–33 — наконечники стрел; 34 — подвеска из зуба марала; 35 — колчанный крюк; 36 — полоса панцирных пластин; 37–39-поясные пряжки; 40, 41 — удила с псалиями; 42 — деревянная основа седла; 43 — блюдо на ножках; 44 — «пенал»; 45 — сосуд с ручкой; 46 — дно колчана.
7–10, 28–31, 35, 37–39, 41 — железо; 23–25 — железо и дерево; 36 — железо и кожа; 40 — железо и рог; 11, 12, 32, 33 — кость; 15 — дерево и кость; 42–46 — дерево.
1–2, 5, 16–22 — Степушка-2; 3, 7, 39 — Далян; 4, 8, 10, 14–15, 23–27, 36–38, 42–46 — Яломан II

кочевыми племенами, подвластными жужаням, и стали «добывать железо» для жужаньских правителей и платить им дань железными изделиями. Помимо таких панцирных всадников в составе ранних тюркских войск могли быть и отряды легковооруженных конных воинов. Отряды ранних тюркских воинов выступили против жужаней и нанесли им поражение в ходе военных действий.

Глава 3

ИСТОРИЯ ТЮРКСКИХ КАГАНАТОВ

3.1. Первый Тюркский каганат. Завоевание Степного пояса Евразии. Кудыргинский этап культуры тюрков (Ю. С. Худяков)

Образование Первого Тюркского каганата в 552 г. знаменовало новый исторический период Алтая и евразийских степей, связанный с политическим доминированием тюркских племен во главе с Бумыном. Как уже отмечалось выше, возвышение тюркских племен происходило на фоне их успешной борьбы против жоу-жаньских правителей[483]. Несмотря на то, что в 552–554 гг. *жоу-жань* пытались сопротивляться и продолжали вести войну с древними тюрками, их поражение при Хуаймане и дальнейшие военные неудачи привели к тому, что вскоре вся обширная территория Центральной Азии была завоевана древнетюркскими кочевниками. Позднее, уже в период существования Второго Восточного Тюркского каганата в поминальных надписях на памятниках высшей знати восточных тюрков Бумын — основатель Первого Тюркского каганата — был провозглашен победителем всех «четырех углов мира»[484]. В исторической памяти древних тюрков он остался легендарным основателем тюркского государства и защитником тюркского народа.

После кагана Бумына верховную власть в древнетюркском государстве унаследовал его сын и преемник Исиги-хан Коло. Он разгромил еще раз войско *жоу-жань* во главе с каганом Дыншуцзы, однако вскоре неожидан-

---

[483] Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Алматы: Жалын баспасы, 1998. Т. I. С. 232.

[484] Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 9.

но умер[485]. Судя по тому, что после этого был отстранен от престола его сын Нйету, первые тюркские каганы могли быть лишены власти и умирали не своей смертью. К власти пришел младший брат прежнего кагана Муюй-хан Кигинь, или Муган-каган. Он имел «необыкновенный» внешний вид. Его лицо «было около фута длиною, и при том чрезвычайно красное; глаза как стеклянные». По своему характеру он был «тверд, жесток, храбр и много ума имел, занимался более войною»[486].

В течение периода своего правления Муган-каган, устранив своих родственников и соперников в борьбе за каганский престол, разгромив внешних врагов, добился того, чтобы Первый Тюркский каганат стал наиболее могущественной и крупнейшей в этот период кочевой державой на территории внутренней Евразии. В начале своего правления он разгромил *жоу-жаньского* кагана Дыншуцзы, который был вынужден бежать в Китай. Уничтожив главных врагов древних тюрков — *жоу-жаньских* кочевников, Муган-каган «на западе разбил Иду, на востоке прогнал Кидань, на севере покорил Цигу и привел в трепет все владения, лежащие за границею» Китая[487]. На западе он подчинил «Иду» — оазис Хами в Синьцзяне, на востоке прогнал монголоязычных кочевников киданей, на севере подчинил «Цигу» — енисейских кыргызов в Минусинской котловине. В непосредственном владении у древних тюрков оказалась вся обширная территория Центральной Азии (рис. 13).

По оценке С. Г. Кляшторного, владения древних тюрков в период правления Муган-кагана простирались от Каспийского моря на западе до Желтого моря на востоке, и от Алашаня и пустыни Гоби на юге до озера Байкал на севере[488]. Впервые после падения древних могущественных кочевых империй хуннов и сяньбийцев многочисленные кочевые племена Центрально-Азиатского региона были объединены в рамках единого могущественного государства — Первого Тюркского каганата. Муган-кагану удалось достичь основных внешнеполитических целей, к реализации которых, как правило, стремились правители могущественных Центрально-Азиатских кочевых империй. Он смог подчинить своей власти многие тюркские кочевые племена, установить свой контроль над торговлей, ведущейся по Великому шелковому пути, и добиться фактической уплаты дани со стороны государств Северного Китая[489].

---

485 Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах… С. 232.
486 Там же. С. 232–233.
487 Там же. С. 233.
488 Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи Евразии. СПб., 1994. С. 15.
489 Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. Новосибирск, 2009. С. 30.

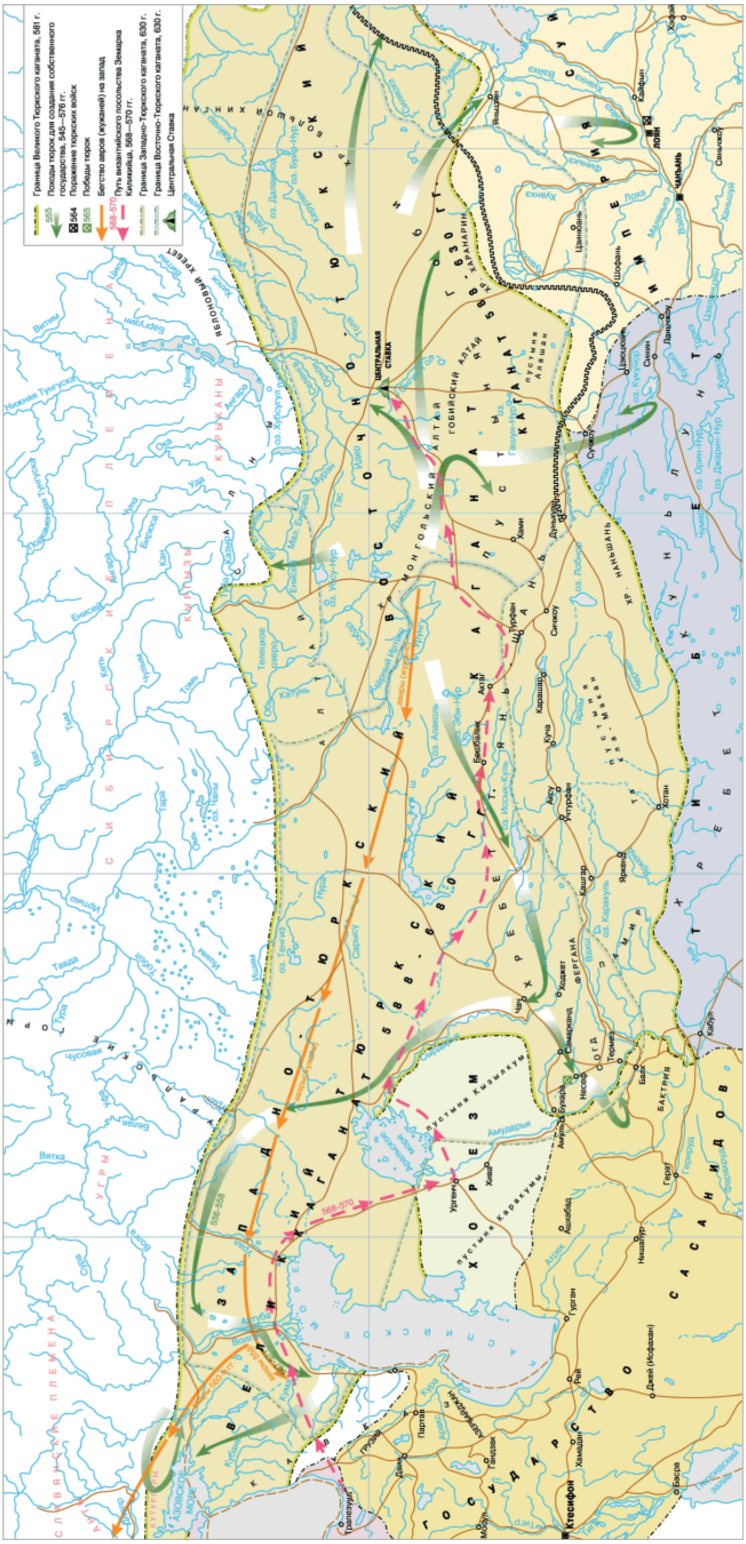

Рис. 13. Карта. Эпоха Тюркских каганатов в 552–603 гг.

Источник: Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. С. 148

Определенная зависимость северокитайских государств от правителей Первого Тюркского каганата сохранялась в период правления Тобо-хана, или кагана Таспара[490]. Тюркские правители стремились поддерживать определенное противостояние между государствами Северного Китая, что позволяло им заключать с их правителями династийные союзы, удерживать в определенной зависимости и собирать с них обильную дань.

Важным направлением внешней политики правителей Первого Тюркского каганата со времени его образования было стремление к расширению подвластных земель в западных районах степного пояса Евразии. Успешные военные походы в этом направлении осуществлял младший брат первого тюркского кагана Бумына, Истеми-ябгу-каган, которого также называли Шитеми, Сильзибул и Синджибу[491]. Во главе подчиненных ему войск западного крыла Первого Тюркского каганата Истеми-ябгу-каган после разгрома жужаней совершил поход из Синьцзяна в Семиречье и далее в Среднюю Азию. В результате завоевания Тянь-Шаня и Семиречья в этих районах расселились тюркские кочевые племена. В этом регионе была создана особая система деления войска и народа, включавшая десять туменов войска тюркских кочевников, делившаяся на два крыла, по пять десятитысячных отрядов в каждом из них. Ябгу-каганы считались младшими правителями по отношению к каганам всего Первого Тюркского каганата. Это создало определенные условия для последующего раздела всего тюркского государства на два отдельных образования: Западный и Восточный каганаты. С территории Средней Азии были вытеснены и мигрировали в степи Восточной Европы племена аваров. В течение последующих лет в погоне за аварами древние тюрки подчинили кочевое население степей Приуралья и дошли до низовьев Волги[492]. Однако Истеми-ябгу-каган решил сначала разгромить государство кочевников — эфталитов, а после этого продолжить погоню по степям на запад за убежавшими от него аварами. Перед тем как напасть на племена эфталитов, Истеми-ябгу-каган заключил военный союз с персидским шахом Хосроем I Ануширваном. В то же время ябгу-каган даже отправил посольство в Византию, чтобы добиться от византийцев того, чтобы они не заключали военного союза с аварами[493].

---

490 Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане… С. 30–31.

491 История Киргизской ССР с древнейших времен до середины XIX в. Фрунзе, 1984. Т. I. С. 674.

492 Там же. С. 223.

493 Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи Евразии… С. 20.

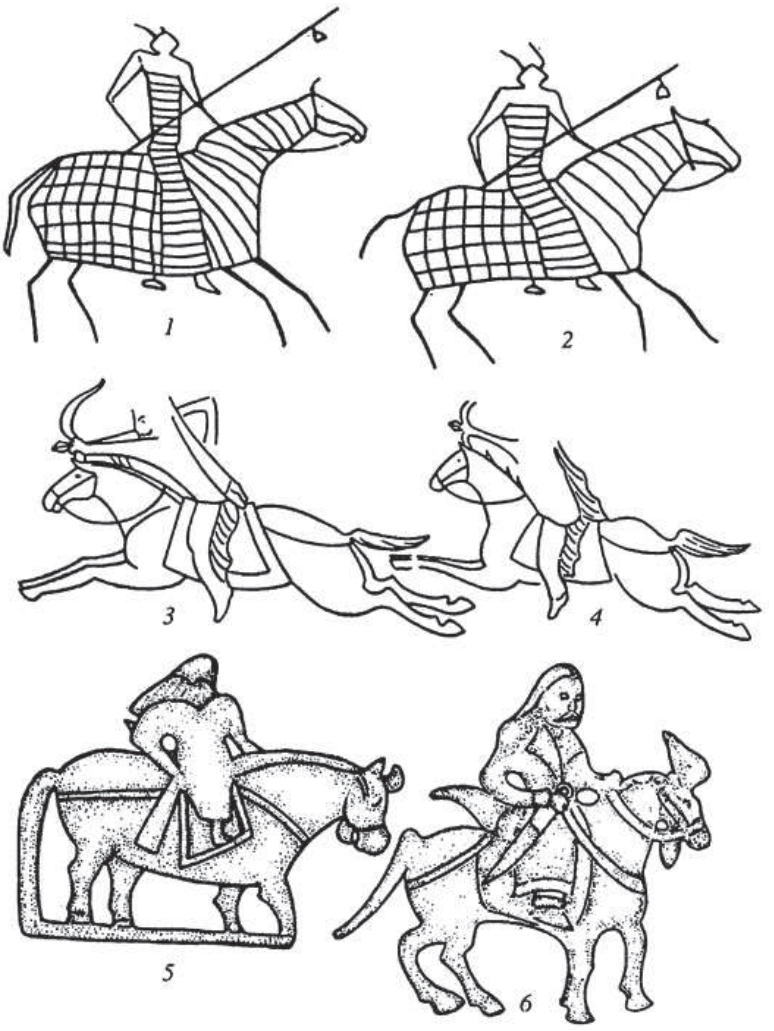

Рис. 14. Изображения древнетюркских воинов: 1, 2 — Хар-Хад; 3, 4 — Кудыргэ; 5 — Гоби; 6 — Никой
Источник: Худяков Ю. С. Древнетюркский культурный феномен в Центральной Азии: учеб. пособие. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2007. Рис. 4

Военные действия между древними тюрками и эфталитами начались в 560 г., после того как эфталиты задержали посольство древних тюрков, направлявшееся в Иран[494]. Задержание посольства стало предлогом для начала военных действий. Войска древних тюрков перешли в наступление и заняли несколько городов в Средней Азии. Шах эфталитов Гатифар сосредоточил свои основные силы в окрестностях Бухары. Решительный бой между

[494] Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1993. С. 40.

тюрками и эфталитами произошел в 565 г. у Нахшеба (Карши). Он продолжался восемь дней и закончился полным разгромом эфталитов. Средняя Азия вошла в состав Тюркского каганата, который, таким образом, стал соседом Ирана[495]. Истеми-хан потребовал, чтобы персы выплачивали ему ту дань, которую раньше платили эфталитам. Хосров I ответил отказом, после чего тюрки переправились через Амударью и попытались продвинуться вглубь иранских владений. Однако линия мощных приграничных укреплений, воздвигнутая персами еще в V в. против эфталитов, оказалась для них неприступной. Наступление захлебнулось, и уже в 569 г. тюрки вернулись в Согдиану[496].

После этого между древними тюрками и персами произошел дипломатический конфликт. В Персию было направлено древнетюркское посольство, возглавляемое богатым согдийским купцом Маниахом. Согдийские дипломаты привезли с собой большую партию шелковых тканей, которую надеялись выгодно продать. Однако персы не желали увеличивать объемы торговли шелком. По приказу шаха вся партия шелковых тканей была закуплена и тут же сожжена на глазах у согдийских торговцев. В дальнейшем большая часть членов древнетюркского посольства была отравлена, когда она прибыла на территорию Персии. Это послужило поводом для разрыва отношений между древними тюрками и Ираном. По совету согдийского купца Маниаха Истеми-ябгу-каган направил следующее древнетюркское посольство в Византийскую империю в обход территории Ирана, через степи Северного Причерноморья. В 568 г. византийское посольство, возглавляемое наместником Киликии Земархом, совершило путешествие на Тянь-Шань, в ставку Истеми-ябгу-кагана в районе горы Ак-Таг. Византийскому послу древними тюрками был оказан радушный прием. Истеми-ябгу-каган подарил ему «пленницу из народа кыргыз». Видимо, эта кыргызская девушка отличалась своей особенной, привлекательной, может быть, европеоидной внешностью[497]. Он отправил в Византийскую империю своего посланника с предложением одновременно совершить походы на Персию. Однако военные действия против персов завершились неудачно, поскольку византийские войска не смогли выступить одновременно с древними тюрками. Вполне возможно, что византийцы сознательно задержали свое выступление, рассчитывая на то, что древние тюрки и персы максимально истощат свои силы

---

[495] Курбанов А. Политическая история Эфталитов. Святовит. Т. 46. Ч. 1. М., 2003. С. 49.

[496] Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана: с древнейших времен до начала XVI в. М., 1964. С. 206.

[497] Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане… С. 34.

в ходе войны между собой. В 571 г. древние тюрки заключили мир с персами. По условиям этого мирного соглашения граница между Персией и западным крылом Первого Тюркского каганата осталась без изменений и должна была проходить по р. Аму-Дарье. Однако Персия была обязана платить древним тюркам дань, которую раньше платила государству эфталитов[498].

В последующем древние тюрки направили свою военную активность в степной регион Восточной Европы. Они пытались подчинить кочевое население этого региона, чем вызвали большое беспокойство у византийцев, которые совершили посольство во владения Истеми-ябгу-кагана с настоятельными просьбами направить активные военные действия древних тюрков в сторону Ирана. Однако изменить ситуацию им не удалось[499].

В 575 г. ушел из жизни могущественный и решительный правитель западного крыла Первого Тюркского каганата Истеми-ябгу-каган, в правление которого подвластные ему земли простирались от «Кадырканской черни» — хребта Большого Хингана на востоке до «Железных ворот» — прохода Бузгала в горах Буйсун-тау на юго-западе и до Северного Причерноморья на западе[500]. За время своего правления он скопил огромные богатства, которые поражали воображение иноземцев, в том числе византийских послов. В правление его преемника Тарду-Боке-кагана отношения между правителями Первого Тюркского каганата и Византийской империи существенно обострились. В 576 г. правитель западных областей каганата, сын Истеми-ябгу-кагана, Турксанф враждебно встретил византийского посланника Валентина, упрекнув византийцев в том, что они заключили мир с аварами, которых древние тюрки считали своими рабами. В течение этого же года древние тюрки взяли Боспор и вторглись в Крым, в результате чего «обнаружилось, что тюрки ведут борьбу против римлян»[501]. В 580 г. войска древних тюрков осадили византийскую крепость Херсонес в Крыму[502].

В 581 г. на престол Первого Тюркского каганата был возведен Шаболиохан, который ранее был правителем восточного крыла тюркского эля в Центрально-Азиатском регионе. Он пришел к власти в процессе обострения противоречий среди членов правящего рода Ашина. Его поддержали два хана — Або и Тан-хан. В китайских источниках отмечено, что каган Шабо-

---

498 История Киргизской ССР с древнейших времен до середины XIX в. Фрунзе, 1984. Т.I. С. 225.

499 Гумилев Л.Н. Древние тюрки… С. 47.

500 Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии… С. 18.

501 Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1993. С. 49–50.

502 История Киргизской ССР с древнейших времен до середины XIX в. Фрунзе, 1984. Т.I. С. 52.

лио «был храбр и приобрел приверженность народа»[503]. Все кочевые этносы признали его власть. Он даже выступил против китайских войск. В это время у кочевников было очень тяжелое положение. У них «был голод; вместо хлеба употребляли растертые в порошок кости; свирепствовали повальные болезни, от которых великое множество людей померло». Это обострило отношения между кочевниками. Каган Шаболио «не полюбил» одного из ханов, которые поддержали его в период прихода к власти, Або «за его храбрость и отважность». Возможно, что он просто ему позавидовал. Або бежал на запад к Дату-хану, который предоставил ему войско. Противоборство между знатными тюрками продолжалось. К Або присоединились и некоторые другие члены правящего рода Ашина. Обе группы обратились за помощью к китайскому императору, но он всем отказал. Тогда супруга Шаболио, китайская принцесса Цянь-гинь, обратилась к императору Вынь-ди с просьбой поддержать этого тюркского правителя, передавшего письмо о помощи, в котором назвал себя «сыном» императора[504]. По прибытии китайского посла он был вынужден поклониться и признал себя «рабом» китайского императора. В дальнейшем при поддержке китайцев Шаболио разгромил Або и взял его в плен. Он не просто признал себя вассалом, но и стал вести себя по отношению к императору как настоящий покорный верноподданный. Вскоре он умер. После его смерти на престол вступил его младший брат Шеху-хан Чулохэу. Многие тюрки признали его своим правителем. Он возглавил тюркское войско в военном походе на запад, во время которого был ранен стрелой и умер. Его сменил сын прежнего правителя Шаболио, каган Дуланьхан Юнюйлюй, который продолжал считать себя преданным вассалом китайского императора и даже ежегодно посылал дань китайскому правителю.

В результате значительного ослабления Первого Тюркского каганата древние тюрки стали чаще терпеть поражения в ходе внешних войн, которые они вели в течение этого времени. Значительно обострились противоречия и междоусобицы внутри правящей элиты древних тюрков. В 588 г. военный поход древнетюркского войска в Иран завершился крупой битвой, в ходе которой древние тюрки потерпели поражение от персидского войска под командованием известного военачальника Бахрама Чубина. В этом сражении погиб полководец Савэ, возглавлявший объединенные войска древних тюрков и их союзников[505].

---

503 Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах… С. 239.

504 Там же. С. 240–241.

505 Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи Евразии… С. 21–22.

В Первом Тюркском каганате резко обострились внутренние противоречия и вспыхнула междоусобная война, которая продолжалась почти два десятилетия. В конце концов она привела к окончательному распаду каганата на два самостоятельных государства — Западный Тюркский и Восточный Тюркский каганаты в 603 г. В состав Западного Тюркского каганата вошли степные районы Приуралья и Поволжья, земли Средней Азии, в том числе Тянь-Шань и Семиречье. Спустя некоторое время в степях Восточной Европы обособился и стал самостоятельным кочевым государством Хазарский каганат, во главе которого были правители из тюркского аристократического рода Ашина. В состав Восточного Тюркского каганата вошли тюркские кочевые племена, населявшие северные и восточные районы Центрально-Азиатского региона.

Согласно сведениям китайских источников, в которых сохранились отголоски древнетюркских этногенеалогических легенд, предки древних тюрков во главе с правящим родом Ашина происходили из хуннской этнической среды. После распада хуннского объединения под давлением сяньби они мигрировали на территорию Ганьсуйского коридора, к границам Китая, затем в Гаочан, где попали в зависимость от жужаней. Особенности их этнокультурной истории в ганьсуйско-гаочанский период не выявлены. В середине I тыс. н. э. по распоряжению жужаньского правителя они были переселены на Южный Алтай[506]. В период проживания в южных районах Алтая их правящий род Ашина возглавил объединение местных кочевых племен Тюрк, принявшего имя в качестве самоназвания — «тюрки»[507].

В середине I тыс. н. э. после разгрома жужаней и в ходе завоеваний древние тюрки смогли подчинить себе многие кочевые племена степного пояса Евразии и создать обширную кочевую империю — Первый Тюркский каганат. Со времени образования Первого Тюркского каганата существенно расширились границы распространения древнетюркской культуры. Памятники этого периода относятся к кудыргинскому этапу развития древнетюркской культуры (рис. 15)[508]. Могильники кудыргинского облика исследованы в Горном Алтае и других районах Центральной Азии (рис. 16).

---

[506] Кляшторный С. Г. Проблемы ранней истории племени Турк (Ашина) // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 279–280. (МИА; № 130).

[507] Нестеров С. П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск, 1990. С. 96–102; Кляшторный С. Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006. С. 393.

[508] Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен… Табл. XXI. С. 50–61.

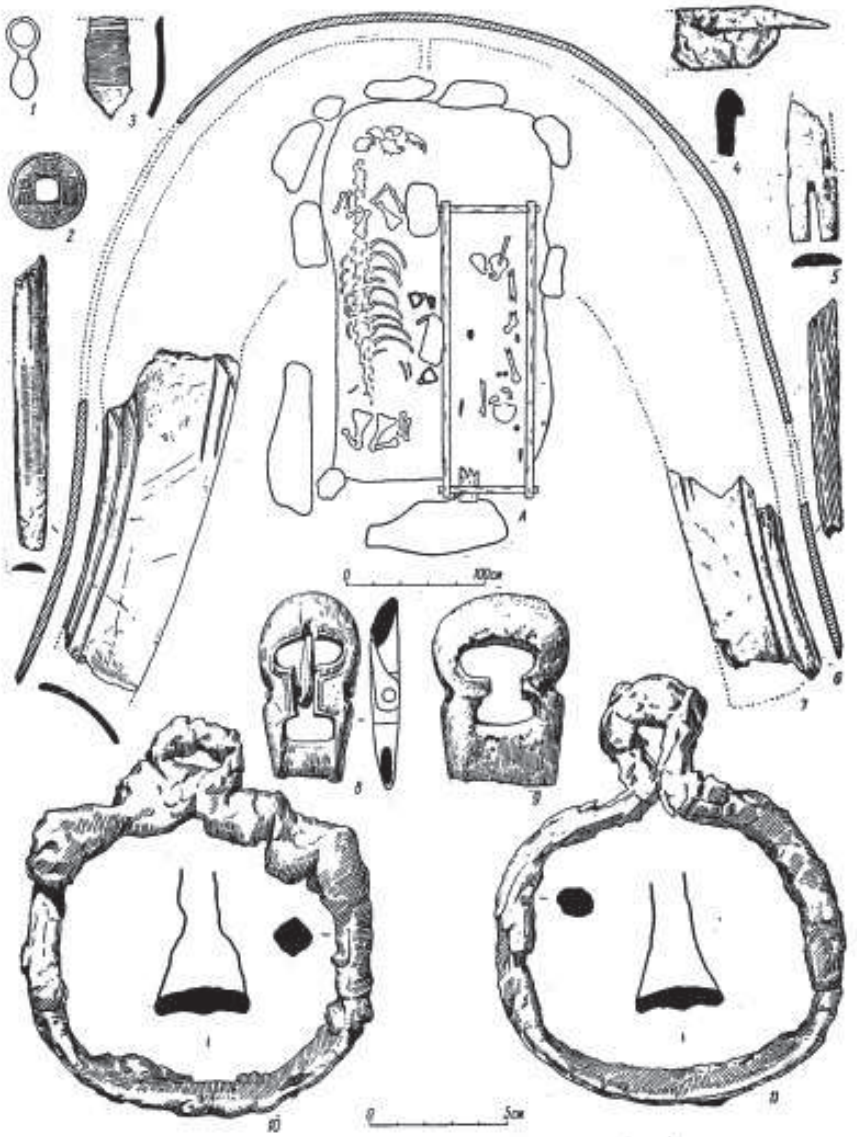

Рис. 15. Могильник Кудыргэ. Могила 15 и вещи из нее (кудыргинский тип): А — план могилы; 1 — серьга; 2 — монета (575–577 гг.); 3 — обломок края котла; 4 — обломок неизвестного предмета; 5 — наконечник стрелы; 6 — седельный кант; 7 — остатки накладки на луку седла; 8, 9 — подпружные пряжки; 10, 11 — стремена (1 — серебро; 2, 3 — медь; 4, 10, 11 — железо; 5–9 — рог)

Источник: Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. Табл. XXI.

Погребальная обрядность у древних тюрков еще продолжала формироваться, поэтому древнетюркские погребальные комплексы в разных районах имеют некоторые отличия. Основным видом данного обряда у древних тюрков было захоронение по обряду ингумации в сопровождении верхового коня. В отличие от описанного в китайском источнике обряда кремации с сожжением верхового коня, названный выше обряд был распространен в Центральной Азии очень широко — от Саяно-Алтая до Тянь-Шаня и Семиречья. Для кудыргинских памятников характерны небольшие пологие каменные насыпи округлой формы, диаметром до 10 м и более, высотой до 1 м. Умерших хоронили в вытянутом положении, на спине, преимущественно с восточной или северной ориентировкой. Встречаются и другие варианты ориентировки. Лошадей помещали в могилы на одном уровне с умершими или несколько выше, а иногда ниже погребенного, головой в ту же сторону, а иногда в противоположную от умершего. На могильнике Кудыргэ помимо таких погребений обнаружены одиночные и, кроме того, отдельные захоронения коней. Поверх могильных ям были сооружены овальные или прямоугольные каменные выкладки. Умерших укладывали на дно могилы в вытянутом положении головой на юг. Коней помещали на боку, справа или слева от умершего, головой на юг или на север[509]. На памятнике Чатыр погребение женщины, ориентированное головой на север, находилось в каменном ящике. Рядом лежал конь, головой в том же направлении[510]. Мужчин помещали в могилы с оружием и поясными принадлежностями, женщин хоронили с украшениями. В могилах встречается керамическая посуда. Коней помещали взнузданными и заседланными. Среди древнетюркских погребений встречаются кенотафы[511].

---

509 Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен… С. 22–27.

510 Худяков Ю. С., Кочеев В. А. Древнетюркское мумифицированное захоронение в местности Чатыр у с. Жана-Аул в Горном Алтае // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Археология и этнография. 1997. № 3. С. 12.

511 Могильников В. А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981. С. 31–33.

Рис. 16. Кудыргинский этап древнетюркской культуры (VI–VII вв.):
1–4 — планы погребений человека с конем, могильник Кудыргэ (1 — план и разрез могилы 9; 2 — план могилы 15 и устройство гроба из нее; 3 — план могилы 13; 4 — план могилы 10); 5 — план погребения человека без коня в могиле 4; 6, 7 — планы погребений коня без человека (из могил 1 и 3 соответственно); 8 — план могилы 16 с изваянием-валуном; 9 — изваяние-валун с лицевой стороны; 10 — изображение лица на валуне; 11, 12 — керамические сосуды; 13 — сцена коленопреклонения на кудыргинском валуне; 14, 15 — палаши; 16–21 — наконечники стрел; 22 — фаланга пальца с кольцом; 23 — кольцо; 24, 25 — серьги; 26, 27 — кинжалы; 28, 48, 49 — подпружные пряжки; 29, 30 — фрагменты колчана; 31, 32 — удила с псалиями; 33 — накладки на переднюю луку седла со сценой охоты; 34 — имитация котла; 35, 43–45, 54, 55 — сбруйные бляшки; 36 — бляшка-украшение колчана; 37, 40, 41, 47 — наконечники ремней; 38, 39 — поясные бляшки; 42, 46, 56 — поясные пряжки; 50 — застежка пут; 51 — нож; 52, 53 — накладки на лук; 57–59 — стремена.
12–21, 26, 27, 50, 57–59 — железо; 31, 32 — железо и рог; 56 — медь и железо; 28, 33, 48–53-рот; 29, 30 — дерево и береста, 22, 23, 25, 37, 42, 44 — медь, 24, 35, 38–40, 43, 45–47 — серебро; 34 — золотая фольга на медной подкладке и смолистая масса; 36 — медь на бересте.
1, 12–14, 26, 33, 35, 36, 38, 46, 47, 50–53, 56 — Кудыргэ, могила 9; 2, 58 — могила 15; 3 — могила 3; 4, 40, 45 — могила 10; 6, 31 — могила 1; 7 — могила 3; 8–11 — могила 16; 17, 19, 21, 37, 39, 41, 49, 50 — могила 11; 18, 20, 25, 29, 30, 44, 59 — могила 18; 22, 32, 34 — могила 4; 23, 24, 43 — могила 12; сосуды: 11, 12 — могила 22; 28 — могила 2; 41 — могила 8; 54, 55, 57 — могила 7
Источник: Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965

К кудыргинскому этапу относятся некоторые захоронения, раскопанные на памятниках Катанда II, Курота I, Туэкта, Узунтал I в Горном Алтае, впускное погребение в кургане Улуг-Хорум, захоронение с бараном в Монгун-Тайге и с двумя конями в могильнике Кокэль в Туве[512]. Древнетюркские погребения с конем кудыргинского облика исследованы также на территории Казахстана и Средней Азии. Они различаются между собой по конструктивным и обрядовым особенностям.

Важное место в древнетюркской культуре на кудыргинском этапе занимала поминальная обрядность. В период существования Первого Тюркского каганата поминальный обряд стал выполнять ведущую роль в военно-дру-

[512] Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен… С. 58; Савинов Д. Г. Древнетюркские курганы Узунтала. (К вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 103, 112; Грач В. А. Средневековые впускные погребения из кургана Улуг-Хорум в Южной Туве // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 156–157; Вайнштейн С. И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // СЭ. 1966. № 3. С. 62–67.

жинной идеологии. Главными показателями заслуг и посмертной славы воина стали количество и протяженность рядов каменных столбиков-балбалов, которые устанавливались по числу врагов, убитых воином, о чем свидетельствуют китайские письменные источники[513]. С развитием древнетюркской государственности на рубеже эпохи раннего Средневековья поминальный культ в честь героев-воинов, включавший сооружение поминальной оградки, установку каменной стелы и установки каменных столбиков-балбалов (рис. 17) по числу убитых им в течение своей военной карьеры вражеских воинов данный поминальный культ приобрел ярко выраженный характер воинского ритуала. Вероятно, с течением времени каменной стеле, символизировавшей поминаемого воина, стали придавать определенные антропоморфные черты (рис. 18). Появление антропоморфных изваяний в составе поминальных сооружений должно относиться еще ко времени существования древнетюркской культуры в период Первого Тюркского каганата, иначе трудно понять, почему такие изваяния стали устанавливать у поминальных сооружений как у восточных, так и у западных тюрков. Вероятно, с течением времени престижность значения рядов балбалов в составе поминальных комплексов существенно возросла. Древние тюрки стали их устанавливать не только прославленным воинам и военачальникам, но и другим уважаемым рядовым воинам, которым эти знаки почета могли даже дарить их друзья и почитатели[514].

В Горном Алтае изучены древнетюркские одиночные и смежные квадратные поминальные оградки, сооруженные из вертикально врытых каменных плит. Внутри оградок находились неглубокие ямки и каменные ящики, угли, кости животных, костяные накладки луков, железные наконечники стрел, панцирные пластины, ножи, поясные пряжки и накладки, удила[515]. В одной из оградок, раскопанной в Семиречье, обнаружены бронзовые бляшки, выполненные в геральдическом стиле, который был характерен для периода Первого Тюркского каганата. Иногда в центре оградки помещали каменную стелу. Такие же стелы в виде каменных столбиков помещались за восточной стенкой оградки.

---

513 Бичурин Н. Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 230.

514 Кляшторный С. Г. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах (к интерпретации Ихе-Ханын-норской надписи) // Кляшторный С. Г. Памятники древнетюркской письменности… С. 302–304.

515 Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен… С. 14–17; Нестеров С. П., Милютин К. И. Средневековые памятники под горой Карали-Ярык // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. С. 156–177.

Рис. 17. Древнетюркские курганы с балбалами. Горный Алтай, Бугузун. Фото В.Д. Кубарева

Рис. 18. Каменное изваяние. Горный Алтай. Фото А.И. Соловьева

На территории Центральной Монголии исследованы поминальные комплексы высшей знати Первого Тюркского каганата. Эти памятники ограждены земляными валами и рвами, в западной части площадки находились каменные насыпи и ограды из каменных плит — остатки поминальных храмов. На восток от оград расположены ряды балбалов.

На некоторых памятниках установлены каменные скульптуры черепах, служившие основанием для стел с навершием в виде фигур драконов и надписями на их гранях. На Бугутской стеле частично сохранились надписи, принадлежащие согдийской, индийской китайской письменности, в которых отражены деяния правителя[516]. Традиция устанавливать у оградки «нарисованный облик» умершего древнетюркского воина, вероятно, начала складываться в период Первого Тюркского каганата. Об этом свидетельствует находка «изваяния-валуна» с личиной в одной из могил памятника Кудыргэ[517].

На кудыргинском этапе получило развитие изобразительное искусство древних тюрков, унаследовавшее и развившее древнюю кочевническую традицию и некоторые технические приемы нанесения гравированных рисунков на поверхности скальных выходов, а также на некоторые костяные и роговые предметы. При этом значительная часть изображений была выполнена с применением металлических инструментов и техники резной гравировки. Это позволило изображать фигуры людей с прорисовкой многих реалий. Применение техники резной гравировки оказалось особенно важным в ходе изображения фигур древнетюркских воинов и батальных сцен с их участием. Воины изображались с различными видами наступательного оружия дистанционного и ближнего боя и защитным вооружением. Это оказалось особенно важным при воспроизводстве разнообразных батальных сюжетов из героического эпоса и военно-дружинной идеологии древних тюрков и енисейских кыргызов (рис. 20, 21)[518]. В то же время в наскальном петроглифическом искусстве у древних тюрков сохраняло свое значение применение тюркскими кочевниками традиционной техники точечной выбивки для изображения фигур конных и пеших воинов.

---

[516] Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С. 37–60.

[517] Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен… С. 18–19.

[518] Худяков Ю. С. Древнетюркский культурный феномен в Центральной Азии: учеб. пособие. Новосибирск, 2007. С. 22.

Рис. 19. Могильник Кудыргэ. Могилы 12 и 13 и вещи из них (кудыргинский тип):
Могила 12: А — план могилы; 1 — серьга; 2 — застежка одежды; 3–6 — кольца; 7 — пронизка; 8 — полая трубочка неизвестного назначения; 9 — пряжка от одежды; 10 — пряжка для подвешивания меча; 11 — остатки меча; 12 — остатки конца ножен; 13–25 — украшения чепрака: 13,14 — бляшки, 15 — псевдопряжка, 16–26 — подвески; 27 — удила; 28, 29 — подпружные пряжки.
Могила 13: Б — план могилы; 30 — серьга; 31 — пронизка; 32 — пряжка от одежды; 33 — нож; 34 — бляшка; 35 — обкладка на луку седла; 36 — псалий; 37 — подпружная пряжка (1, 4, 14, 30 — серебро; 2,3,5–7,13, 15–26, 34 — медь; 8, 12, 27–29, 32–33 — железо; 31 — камень; 35 — рог и дерево; 36,37 — рог)
Источник: Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. Табл. XX

В течение эпохи раннего Средневековья древние тюрки, так же как и другие средневековые кочевники, наносили на поверхности некоторых скальных выходов и различных твердых предметов, кроме рисунков, родовые тамговые знаки, свидетельствующие о принадлежности некоторой группы кочевников к определенному родовому подразделению. К этому времени относятся изображения всадников в панцирях на петроглифическом памятнике Хар-Хад в Монголии, изображения охотничьих сцен на луке седла из могильника Кудыргэ и на накладке лука из памятника Таш-Тюбе в Кыргызстане[519].

Рис. 20. Реконструкция тяжеловооруженного древнетюркского конного воина Первого Тюркского каганата
Источник: Худяков Ю. С. Древнетюркский культурный феномен в Центральной Азии. Новосибирск, 2007. Рис. 5

519 Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен… С. 35–36; Могильников В. А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 29–43 (Археология СССР…; т. 1); Новгородова Э. А. Мир петроглифов Монголии. М., 1984. 168 с.

Рис. 21. Легковооруженный древнетюркский всадник Первого Тюркского каганата
Источник: Худяков Ю. С. Древнетюркский культурный феномен в Центральной Азии. Новосибирск, 2007. Рис. 6

В составе предметного комплекса кудыргинского этапа наиболее важным новшеством являются седла с жестким каркасом и ранними стременами, которые получили распространение в период древнетюркских завоеваний. Ранние тюркские стремена с орнаментом найдены на Алтае, в Туве и в других районах степного пояса Евразии. Использование таких седел и стремян упрочило посадку всадника, что позволило повысить ударную мощь отрядов панцирной конницы. На вооружении у них находились сложносоставные луки с костяными накладками разных типов с роговыми накладками на середину и окончания кибити, стрелы с трехлопастными железными наконечниками, копья с железными наконечниками и с пером асимметрично-ромбического, удлиненно-ромбического, удлиненно-треугольного, удлиненно-пятиугольного, удлиненно-шестиугольного, удлиненно-ромбического шипастого типов, рассчитанные на нанесение таранного удара, палаши с прямыми однолезвийными клинками и сабли, ламеллярные панцири, шлемы и щиты. Древнетюркские всадники защищали своих коней металлическими

попонами[520]. В период Первого Тюркского каганата получила распространение мода на предметы поясной и сбруйной фурнитуры, выполненные в геральдическом стиле: поясные пряжки, бляшки, накладки с фигурными вырезами и выступами, прорезные бляхи с изображением животных[521].

Следует отметить, что благодаря военным успехам древних тюрков попавшие к ним в зависимость другие кочевые племена стремились перенимать у них новые типы оружия, воинского снаряжения и конского убранства, а также элементы военно-дружинной культуры. Поэтому отмеченные инновации получили широкое распространение в кочевом мире. Новые тенденции способствовали процессам аккультурации и тюркизации кочевых этносов.

3.2. Второй Восточный Тюркский каганат в Центральной Азии (Ю. С. Худяков)

Распад Первого Тюркского каганата в 603 г. привел к появлению новых политических образований Восточного и Западного тюркских каганатов[522].

---

520 Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Цетральной Азии. Новосибирск, 1986. С. 160.

521 Худяков Ю. С. Древнетюркский культурный феномен в Центральной Азии: учеб. пособие. Новосибирск, 2007. С. 62–65.

522 Исследователи расходятся в терминологии и периодизации тюркских каганатов. Л. Н. Гумилев четко не разделяет историю Тюркского каганата и Восточно-тюркского каганата (но ведет историю последнего с 603 г.) и говорит о «возрожденном» Восточно-тюркском каганате между 682 и 744–745 гг. По Гумилеву, разделение предшествующего каганата на Западный и Восточный шло с 581 по 603 год. Л. Р. Кызласов использует более последовательную терминологию, называя предшествующий Тюркский каганат «Первым Тюркским каганатом», считает Восточный каганат отделившимся уже в 581 г. и рассматривает Западно-тюркский каганат как продолжение Первого Тюркского (тем самым, по Кызласову, Первый Тюрский каганат и Первый Восточно-тюркский каганат сосуществуют). Кызласов использует для Восточно-тюркского каганата термин «Первый Восточно-тюркский каганат», в более поздних его работах слово «Восточный» более не используется; Кызласов говорит о Втором Тюркском каганате в 682–745 гг. С. Г. Кляшторный говорит о разделении на Восточный и Западный каганаты в течение 20 лет с окончательным разделением в 603 г., но продолжает рассматривать их историю совместно до 630 г. Кляшторный применяет термин «Второй Восточно-тюркский каганат» с 679–689 по 744 г., но также использует термин «Вторая тюркская империя». Л. П. Потапов относит разделение на Западный и Восточный каганаты к 581 г., но при этом продолжает историю Первого Тюркского каганата до 630 г., в отношении периода с 682 по 744 придерживается термина «Второй тюркский каганат», но также указывает на время с 535 по 744 г. как на «период тюркского каганата» (в единственном числе). Р. Т. Ганиев считает, что существование Восточно-тюркского каганата не прерывалось в 630–679 гг.).

Во второй половине VII в. восточные тюрки неоднократно предпринимали попытки восстановления своей государственности в степях Центральной Азии. Одну из таких попыток предпринял на Алтае местный тюркский правитель Чэби-хан. Однако она не удалась[523]. В этот период телеские кочевые племена признали себя вассалами китайского императора Тайцзуна из правящей династии Тан. Благодаря подчинению телеских племен северные границы Танской империи были в течение некоторого времени избавлены от набегов со стороны номадов. В 679 г. восточные тюрки, населявшие северные владения Китайской империи, предприняли попытку выступления против китайских властей, но неудачно. Из числа повстанцев, насчитывавших несколько сотен воинов, во главе со своим вождем Кутлугом, происходящим из тюркского аристократического рода Ашина, осталось всего семнадцать человек. Они бежали в горы Иншань на севере Китая. К ним стали приходить и другие тюрки. Кутлуг напал на телесцев и угнал у них много овец и лошадей. Китайские власти послали вслед за ними тюркского военачальника на китайской службе Ашидэ Юаньчжэня, который должен был уговорить подчиниться тюркских повстанцев. Однако совершенно неожиданно он перешел на сторону восставших. Этот военачальник принял тюркское имя Тоньюкук, стал полководцем и советником провозгласившего себя каганом Кутлуга, который, в свою очередь, объявил независимость Тюркского эля — государства восточных тюрков и принял имя Эльтерэс-кагана[524].

Тоньюкук происходил из второго по степени знатности тюркского рода Ашидэ, из которого наследники каганского престола из правящего тюркского рода Ашина выбирали себе жен. По инициативе восставших, в том числе перешедшего на их сторону Тоньюкука, была восстановлена государственность восточных тюрков — Второй Восточный Тюркский каганат. В каганате восточных тюрков была восстановлена десятичная система деления войска и народа, были определены тюркские чиновничьи должности разных уровней и утверждены их титулы. Вслед за этими событиями между восточными тюрками и китайцами начались военные действия. Китайская императрица У-хоу отправила против восточных тюрков большое войско. Восточные тюрки были вынуждены отступить в степи Центральной Азии. По утвер-

[523] Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С. 187–188.

[524] Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. С. 31.

ждению китайских летописцев, восточный тюркский каган Кутлуг «Гудулу врассыпную бежал на север от Каменистой стены»[525].

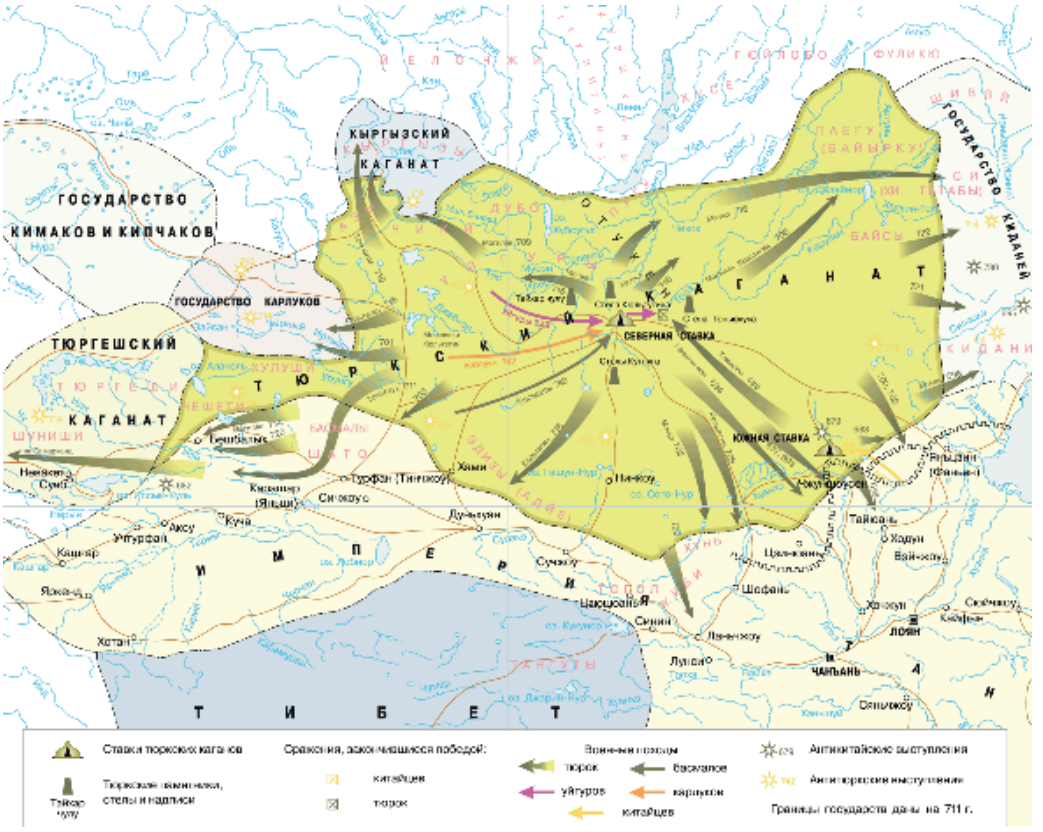

Рис. 22. Карта. Второй Восточно-Тюркский каганат
Источник: Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. С. 150–151

Восточные тюрки расположили свою каганскую ставку в Отюкенской Черни — Хангайских горах на территории современной Монголии. На поминальной стеле мемориала в окрестностях Налайхи, сооруженного в честь «мудрого Тоньюкука», говорится, что именно он «привел тюркский народ в землю Отюкен» и «избрал местом жительства» эту землю для тюркского народа[526]. Новое расположение ставки каганов восточных тюрков было более подходящим и безопасным по сравнению с ее прежним местонахождением в горах Иншаня, неподалеку от границы с империей Тан.

---

525 Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С. 189.

526 Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники… С. 33.

Однако против восточных тюрков выступили многие кочевые племена Центральной Азии, которых пришлось снова покорять, поскольку они не хотели подчиняться каганам восточных тюрков. «Справа (т. е. на севере) народ токуз-огузов (под начальством) Баз-кагана был (ему) врагом, киргизы, курыканы, тридцать татар, кытай и татабы все были (ему) врагами»[527]. Со времени перенесения ставки кагана восточных тюрков в Хангай им пришлось почти непрерывно воевать с телескими кочевыми племенами, несмотря на то, что они считали телесцев «своим собственным народом». Войско восточных тюрков под командованием полководца Тоньюкука нанесло поражение телесцам в битве на р. Толе. После этого многие кочевые племена, жившие в Хангае, предпочли подчиниться кагану восточных тюрков. Все последующие десятилетия основной задачей правителей Второго Восточного Тюркского каганата было сохранение под своим контролем телеских племен, которые составляли наибольшую часть кочевого населения Центральной Азии. Именно силами телеских племен правители восточных тюрков «геройствовали в пустынях севера»[528].

Против восточных тюрков образовалось целое объединение кочевых племен, которых к выступлению против восточных тюркских властей подстрекали китайские дипломаты из империи Тан. Однако несмотря на все сложности, Тоньюкуку удалось привлечь на свою сторону и объединить вокруг восточных тюрков некоторых номадов и утвердить ведущее положение восточных тюркских кочевников в Центральной Азии.

Весьма существенную роль в деле развития Второго Восточного Тюркского каганата имели идеи возрождения предшествующих, существовавших еще во времена правления правителей Первого Тюркского каганата тюркских национальных традиций, обычаев, военно-административной системы деления войска и народа, возрождения былой воинской славы, при отказе от заимствований из китайской культуры, в числе которых было немало воспринято тюрками в течение предшествующего периода подчинения империи Тан.

Обращаясь к своим подданным, властители восточных тюрков нередко пытались апеллировать к величественному историческому прошлому в период правления основателя Первого Тюркского каганата — первого тюркского эль-кагана Бумына. Отдаленные события предшествующей эпохи основания Первого Тюркского каганата в эпоху восстановления Второго Во-

[527] Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 38.

[528] Худяков Ю. С. Древнетюркский культурный феномен в Центральной Азии… С. 78.

сточного Тюркского каганата воспринимались ими как героические и легендарные, которые необходимо помнить и гордиться ими. Вполне возможно, что на волне подобных настроений в начальный период образования Второго Восточного Тюркского каганата для прокламативных, идеологических целей и для прославления своих военных предводителей была разработана древнетюркская руническая письменность[529]. Однако наряду с тюркским руническим письмом древние тюрки продолжали активно использовать согдийскую письменность и китайскую иероглифику. Вероятно, эти письмена использовались для того, чтобы о прославлении многих деяний правителей и выдающихся исторических деятелей восточных тюрков могли знать и помнить не только их соплеменники, но и жители других народов и стран Центрально-Азиатского региона.

После смерти первого восточно-тюркского кагана Эльтерэса в память о нем были проведены памятные поминальные торжества и сооружен мемориальный поминальный комплекс в местности Шивээт-Улан в Монголии, в центральной части которого на постаменте установлена вертикальная каменная стела, на поверхности которой были выбиты родовые тамги всех предводителей тюркских родов, поддержавших его выступление против китайской императорской власти ради восстановления государственности восточных тюрков[530].

После Эльтерэса каганом восточных тюрков утвердился его младший брат Капаган, которого китайцы называли Мочжо. Он оттеснил от престола своего малолетнего племянника, сына Эльтерэса. Каган Капаган попытался установить мирные отношения с китайской империей Тан, предложив правящей Китаем императрице У-хоу использовать подчиненные ему воинские силы для подавления восстания киданьских кочевников, которые стремились освободиться от вассальной зависимости от Танской империи. Получив на это согласие императрицы, каган Капаган послал подчиненные ему войска восточных тюрков против киданей и разгромил их. Императрица У-хоу была очень довольна подобной услугой и направила китайское посольство в лагерь кагана Капагана с грамотой, в которой подтверждался его статус как признанного правителя восточных тюрков.

Однако китайское посольство еще не успело доехать до ставки кагана восточных тюрков, как Капаган приказал своим подчиненным напасть на пограничные районы империи Тан. Несмотря на такое вызывающее поведение,

---

529 Щербак А. М. Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрок, границы ее распространения и особенности использования. СПб., 2001. С. 78–79.

530 Худяков Ю. С. Древнетюркский культурный феномен в Центральной Азии… С. 79.

каган Капаган вслед за этим нападением прислал в империю Тан свое посольство с извинениями и даже согласился признать себя «сыном» императрицы У-хоу, что было равносильно признанию своего вассалитета по отношению к ней. Кроме этого, он попросил отпустить к нему всех тюрков, оставшихся до этого времени в Китае, а также оказать ему помощь поставками продовольствия и железными изделиями, прислав тюркам зерно, земледельческие орудия и «несколько тысяч гинов железа» для своих нужд.

В китайском источнике отмечено, что восточные тюрки включили в свой состав часть вассального тюркского населения Танской империи и значительно усилились[531]. «Мочжо, упоенный славою побед, низко думал о Срединном государстве, и даже гордился перед ним». В это время, по представлениям китайцев, «все иностранные владетели повиновались его повелениям»[532]. Капаган смог добиться некоторых привилегий в империи Тан. Однако подавить сопротивление всех телеских племен ему не удалось. Люди из телеского племени байырку внезапно напали на Капагана, когда он возвращался к себе после разгрома этого телеского объединения. Ему отрубили голову и доставили китайскому посланнику, который отослал ее в китайскую столицу. Каганом восточных тюрков был провозглашен принц Могилян, принявший имя Бильге-кагана. Его активно поддержал младший брат, выдающийся батыр и полководец, принц Кюль-тегин[533]. Сам Бильге-каган отличался добрым нравом и нуждался в поддержке со стороны родственников и соплеменников.

Несмотря на некоторые политические неудачи, время правления кагана Капагана было периодом наибольшего военно-политического могущества Второго Восточного Тюркского каганата.

В результате некоторых проведенных преобразований при Капаган-кагане военно-административная система в государстве восточных тюрков была несколько изменена и модернизирована. Армия восточных тюрков была разделена на правое, левое крыло и центр. Правое крыло — Тардуши — насчитывало два тумена войска. До своего избрания каганом его возглавлял шад Могилян. Левое крыло — Толисы — также включало два тумена. Его возглавлял брат Капагана Дусифу. Центр войска насчитывал четыре тумена, или сорок тысяч воинов. Его возглавлял сын Капагана Бегю[534]. Данное разделение воинских сил восточных тюрков значительно усилило их управ-

---

[531] Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах… С. 274.
[532] Там же. С. 275.
[533] Там же. С. 278.
[534] Худяков Ю. С. Древнетюркский культурный феномен в Центральной Азии… С. 80.

ляемость со стороны самого кагана и его ближайших родственников, брата и сына. В период правления кагана Капагана хорошо организованное, вооруженное и боеспособное войско восточных тюрков смогло одержать несколько крупных военных побед над своими основными противниками в кочевом мире. В течение исторического периода существования Второго Восточного Тюркского каганата восточные тюрки под предводительством «кагана-завоевателя» Капагана смогли нанести несколько поражений киданям, татабам, китайцам и телеским племенам[535].

После побед, одержанных над китайскими войсками, каган Капаган особенно возгордился. Он, «упоенный славою побед, низко думал о Срединном государстве и даже гордился перед ним. Войско его было столь же многочисленно, как и в Хйелиево время. Земли его содержали и вдоль, и поперек до 10000 ли пространства. Все иностранные владения повиновались его повелениям»[536]. Чтобы на равных противостоять усилившейся военной мощи восточных тюрков, их противники в оседло-земледельческом и кочевом мире объединились в военный союз, в состав которого вошли китайцы, тюргеши и енисейские кыргызы. Они запланировали поход объединенного войска союзников на расположение восточных тюрков в Центральной Азии. В 709 г. войско восточных тюрков совершило поход на территорию современной Тувы, где разгромило племена азов и чиков, союзников антитюркской коалиции. Зимой 710–711 гг. большое войско во главе с полководцами Тоньюкуком, принцами Могиляном и Кюль-Тегином совершило трудный переход через заснеженные Саянские горы и напало на енисейских кыргызов в Черни Сунга в Минусинской котловине. В этой жестокой битве погиб кыргызский каган Барс-бег, а «народ его стал рабынями и рабами»[537]. В результате этого енисейские кыргызы были на определенный период покорены восточными тюрками. В этом же 711 г. войско восточных тюрков под предводительством Тоньюкука совершило поход в Среднюю Азию и разгромило тюргешей. Оно продолжило наступление в Согдиану, где столкнулось с завоевателями арабами-мусульманами. В результате этой войны восточным тюркам пришлось отступить в степи Центральной Азии[538].

В последующий период против восточных тюрков выступили кидани, карлуки и некоторые телеские племена. Последующая гибель кагана Капагана привела к противоборству за каганский престол в его окружении. Снача-

---

535 Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи Евразии. СПб., 1994. С. 26.
536 Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах… С. 275.
537 Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности… С. 39.
538 Худяков Ю. С. Древнетюркский культурный феномен в Центральной Азии… С. 81.

ла власть захватил «малый каган» Бегю, сын кагана Капагана, нарушив права своего дяди, шада Могиляна. Однако младший брат Могиляна, принц Кюль-Тегин, сверг узурпатора и возвел на престол законного наследника, который стал называться Бильге-каганом — «Мудрым каганом». В 721 г. китайский император Сюаньцзун из династии Тан согласился на мирные переговоры с восточными тюрками. Он был согласен заключить с ними мир, но потребовал прислать к нему в свиту кого-то из высокопоставленных тюркских князей. Бильге-каган был вынужден послать в Китай родственника своего советника и полководца Тоньюкука, Ашидэ Гйелифу с богатыми дарами. Император принял и щедро наградил богатыми дарами тюркского посла, однако не стал его задерживать и отпустил в Центральную Азию. Он не согласился на заключение династийного брака с представителем правящего рода восточных тюркских каганов. В качестве определенной услуги китайскому императору восточный тюркский каган отверг предложение о союзе с правителем Тибета. Император наградил за это восточных тюрков и приказал открыть на границе «меновой торг и ежегодно дарить по несколько сот тысяч кусков шелковых тканей»[539].

В 731 г. умер принц Кюль-Тегин, который своим авторитетом активно поддерживал власть своего старшего брата Бильге-кагана. В знак уважения к его личности Китайский Императорский Двор направил в ставку Бильге-кагана посольство с богатыми дарами. «Император приказал изсечь надпись на каменном памятнике, построить храм и поставить статую его; на всех четырех стенах написать виды сражений»[540]. С помощью китайских архитекторов и скульпторов в Хушо Цайдаме был создан монументальный поминальный храм и изваяна скульптура Кюль-тегина, голова которого сохранилась до настоящего времени. После этого император, наконец, дал согласие на заключение династийного союза между Бильге-каганом и китайской принцессой. Однако заключить этот союз так и не удалось. Каган восточных тюрков был отравлен одним из своих приближенных. В честь умершего Бильге-кагана с помощью китайских архитекторов и скульпторов был сооружен величественный поминальный храм в Хушо Цайдаме, неподалеку от поминального комплекса, сооруженного в память о его младшем брате, Кюль-тегине. На этом памятнике частично сохранились скульптурные изображения восточного тюркского правителя и участников траурных торжеств. На поминальном комплексе Бильге-кагана были найдены золотые и серебряные

[539] Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах… С. 282.
[540] Там же. С. 282.

предметы из оформления поминального храма[541]. После «мудрого» Бильге-кагана каганский престол на несколько лет занял его преемник и сын Ижань-каган, продолживший политику своего отца[542].

Однако новый каган не пользовался должным авторитетом среди знати восточных тюрков. В своих письмах китайский император называл его «своим сыном», чем подчеркивал его неравноправное положение. В 740 г. на престол во Втором Восточном Тюркском каганате вступил Бигя-Гудулу-хан. Из-за его малолетства вокруг него началась острая борьба за верховную власть в каганате. В ходе междоусобной борьбы сменилось еще два кагана. Ослаблением центральной власти в каганате попытались воспользоваться вассальные кочевые племена. В 742 г. против восточных тюрков восстали кочевые племена бысмылов, уйгуров и карлуков. Вождь басмылов провозгласил себя новым каганом, а вождей уйгуров и карлуков назначил западным и восточным шадами. В 744 г. вождь уйгуров Гули Пэйло неожиданно напал на ставку басмылов и убил нового басмыльского кагана, а себя провозгласил каганом уйгуров[543].

В это время во главе восточных тюрков в Центральной Азии еще оставался самостоятельный правитель Баймэй-хан, который возглавлял некоторую часть восточных тюрков. Против них совершило поход китайское войско, которое нанесло им поражение. Лишенный поддержки восточных тюрков Баймэй-хан был убит уйгурами в 745 г.[544] Второй Восточный Тюркский каганат с этого времени прекратил свое существование. Он распался в результате внутренних междоусобиц среди тюркской знати, восстаний вассальных кочевых племен и враждебной политики империи Тан.

В начале VII в. единый каганат распался на два государства, а затем восточные тюрки попали в зависимость от китайской империи Тан. Через полвека они смогли восстановить свое государство. Второй Восточный Тюркский каганат просуществовал до середины VIII в. Памятники древнетюркской культуры этого периода относятся **к катандинскому этапу**[545] (рис. 23, 24).

---

541 Худяков Ю. С. Древнетюркский культурный феномен в Центральной Азии… С. 83.
542 Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи Евразии… С. 28.
543 Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах… С. 284.
544 Худяков Ю. С. Древнетюркский культурный феномен в Центральной Азии… С. 84.
545 Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен… С. 61.

Рис. 23. Катандинский этап древнетюркской культуры (VII–VIII вв.):
1 — план и разрез кургана; 2–4, 6–8 — планы погребений с конем; 5, 9 — планы и разрезы поминальных оградок; 10–13 — каменные изваяния; 14 — колчан; 15 — накладки на лук; 16 — топор-тесло; 17 — кинжал; 18–21 — боевые ножи; 22–26 — наконечники стрел; 27 — металлический сосуд; 28, 29 — керамические сосуды; 30, 31 — серьги; 32, 33 — пряжки; 34–37 — удила с псалиями; 38, 39 — стремена; 40, 42 — облицовка седельных лук; 41 — пряслице; 43 — застежка пут; 44 — пояс; 45 — поясная бляшка; 46 — поясная пряжка; 47–49 — подпружные пряжки; 50 — игольник; 51 — «зеркало Цинь-вана».

16–26, 32–34, 37–39 — железо; 35 — железо и рот; 15, 40–43, 47–50 — рот; 31 — медь; 30 — латунь; 45, 46 — бронза; 44 — серебро на коже.
1, 3, 4, 14, 27, 29, 51а — Монгун-Тайга; 2, 30, 33, 35, 38–43, 45, 46 — Катанда II, курган 5; 6, 7, 16–19, 22–26, 34, 36, 37, 47 — Капчалы II; 8, 15, 50 — Узунтал У; 5, 13 — Узун-Язы; 10, 11, 20 — Кыпчыл; 12 — Тото; 19 — Сабинка I, курган 2, могила 1; 21 — Кирбинский лог, курган 3, могила 1; 28 — Белый Яр II; 31 — Курай VI; 44 — Туэкта, курган 3; 48, 49 — Шибе, малый курган
Источники: Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965; Могильников В. А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981; Савинов Д. Г. Древнетюркские курганы Узунтала. (К вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982; Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984; Худяков Ю. С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск, 2004

Они изучались в Саяно-Алтае и Центральной Азии в значительно большем количестве, чем комплексы предшествующих этапов древнетюркской культуры. Основным видом погребальной обрядности в это время оставалось захоронение умерших взрослых по обряду ингумации в сопровождении верхового коня в могильных ямах под каменными курганами со сферическими или кольцевыми каменными насыпями, диаметром около 10 м, высотой около 0,5 м, сложенными из крупных и мелких камней. Детей и подростков, а в некоторых случаях взрослых людей хоронили в сопровождении туши барана, заменявшего коня. Иногда умерших хоронили одиночно, без сопроводительного животного. Тело умершего и тушу животного могли поместить на дне могилы, либо одно — на уступе, а другое — в подбое, реже наоборот. В этот период тело умершего отделялось от животного перегородкой из камней или дерева. Как правило, в могилу взрослого человека помещали одного верхового взнузданного и оседланного коня. Значительно реже могли положить от двух до четырех коней. Умершего укладывали в могиле на спину в вытянутом положении, головой на восток или север с отклонениями. Коня помещали справа или слева от погребенного, головой в ту же или в противоположную сторону относительно захороненного человека.

Сопроводительный инвентарь соответствовал специальному статусу погребенного. Мужчин хоронили с оружием, наборным поясом, некоторыми украшениями, женщин — с украшениями и предметами туалета. Взрослых мужчин захоранивали с оружием, сложносоставными луками разных типов, берестяными колчанами закрытого типа и с карманом. Стрелы в таких колчанах помещались наконечниками внутрь, а оперением наружу. В таких случаях на древки стрел близ оперения наносились краской цветные пояски —

метки, по которым можно было определить назначение наконечника. Горловину колчана нередко украшали роговой орнаментированной пластиной. Иногда узкие пластинки крепились на поверхность колчана. Воинам в могилу иногда клали копья с железными наконечниками, палаши и сабли в ножнах, боевые топоры, кинжалы и боевые ножи. В редких случаях в могилы воинам клали панцири и кольчуги. В могилах детей и подростков встречаются некоторые детали одежды и украшения. В погребениях людей разного пола и возраста имеются остатки погребальной пищи и посуда.

Существенные изменения прослеживаются в поминальной обрядности. Под влиянием китайского императорского поминального культа и при участии китайских мастеров для высшей тюркской знати сооружались поминальные храмы, устанавливались скульптуры поминаемого правителя или высшего чиновника, его супруги, членов поминальной церемонии, статуи львов и баранов, скульптуры черепахи со стелой с надписями, восхвалявшими деяния умершего, стелу увенчивала скульптура дракона. В храме (памятник Шивээт Улан), сооруженном в честь основателя Второго Восточного Тюркского каганата, на поверхности такой стелы были нанесены тамги тюркских родов и племен, поддержавших борьбу за восстановление каганата. После создания на основе переработки согдийской письменности тюркского рунического письма основные тексты на стелах выполнялись рунами. В этих рунических памятных надписях прославлялись деяния и военные победы тюркских каганов, полководцев и государственных деятелей. В дальнейшем тюркская руническая письменность была воспринята, переработана и освоена некоторыми другими тюркскими этносами, в том числе западными тюрками, уйгурами и енисейскими кыргызами. В настоящее время только енисейских письменных памятников обнаружено около 150.

На поминальных площадках (окруженных валами и рвами), сооруженных в честь представителей средней знати, помещались каменные саркофаги и скульптуры поминаемых знатных тюрков, иногда львов. С восточной стороны такого храма устанавливались ряды балбалов.

Поминальники рядовых тюркских кочевников в этот период приобрели классический вид и в дальнейшем не претерпели существенных изменений. Это квадратные оградки из каменных плит и валунов, в центре которых под насыпью находилась неглубокая ямка, в которой устанавливался деревянный столб или каменная стела с тамгой поминаемого человека. С восточной стороны оградки сооружалась каменная стела или изваяние, изображавшее умершего человека, обращенного лицом на восток. Если он был воином, то в восточном направлении от изваяния помещались балбалы.

Рис. 24. Катандинский этап. Балык-Соок. Серебряный сосуд. Фото Г. В. Кубарева

Рис. 25. Скульптурная реконструкция древнего тюрка (Ак-Кюн) (реконструкция М. М. Герасимова)

Каменные изваяния восточных тюрков передавали образ умершего человека с сосудом в правой руке и оружием на поясе, подчеркивая воинственный облик покойного, особенности костюма, прически и другие индивидуальные характеристики. Если умерший не был воином, его изображение могли выполнить без оружия, с сосудом в обеих руках. Нередко схематично обозначалась голова или лицо поминаемого. Со временем среди древних тюрков появились настоящие мастера-камнетесы, умевшие придавать каменной стеле характер объемной скульптуры и четко изображать реалии.

Для предметного комплекса катандинского этапа характерны элементы поясной и сбруйной фурнитуры. В состав наборных поясов входили пряжки, с овальной рамкой подвижным язычком и щитком, полуовальные и прямоугольные бляхи-оправы с прорезями для подвесных ремешков, обоймы и наконечники ремней с гладкой поверхностью (рис. 26). Такой пояс с серебряными бляхами был обнаружен на поминальном комплексе Бильге-кагана в Монголии[546]. В могиле знатного тюрка в Горном Алтае найден пояс с широкими прямоугольными пластинами с цветочными розетками и каменными вставками в центре. Такой же пояс изображен на статуе Бильге-кагана

[546] Баяр Д. Новые археологические раскопки на памятнике Бильгэ-кагана // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4 (20). С. 79.

в Хушо Цайдаме. В этот период в составе женских украшений стали использоваться серьги «салтовского типа» с округлым или овальным разомкнутым кольцом и подвеской с каменной вставкой[547]. Подобные золотые серьги обнаружены на памятнике Бильге-кагана[548].

Рис. 26. Древнетюркские пояс (1) и украшение узды (2). Балык-Соок, курган 11. Фото Г. В. Кубарева

В комплексе конского убранства получили широкое распространение стремена с кольцевой или пластинчатой петлей. Они могли одновременно входить в состав седельной упряжи. Узда состояла из железных двусоставных удил с роговыми или железными стержневыми псалиями. Уздечные и седельные ремни украшались бронзовыми бляшками и накладками разных форм. Передние луки седел иногда имели костяные накладки со стилизованным растительным орнаментом (рис. 27).

Среди предметов комплекса вооружения следует отметить получившие распространение луки с одной парой укороченных срединных боковых накладок. Эти луки имели существенно меньший размах кибити и были удобны в конном бою. Для стрельбы применялись стрелы с различными типами трехлопастных, плоских и граненых наконечников. Наиболее распространены были вытянуто-пятиугольные и удлиненно-шестиугольные стрелы с отверстиями в лопастях и костяными свистунками.

---

547 Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи Евразии… С. 110.

548 Баяр Д. Новые археологические раскопки на памятнике Бильгэ-кагана… С. 79.

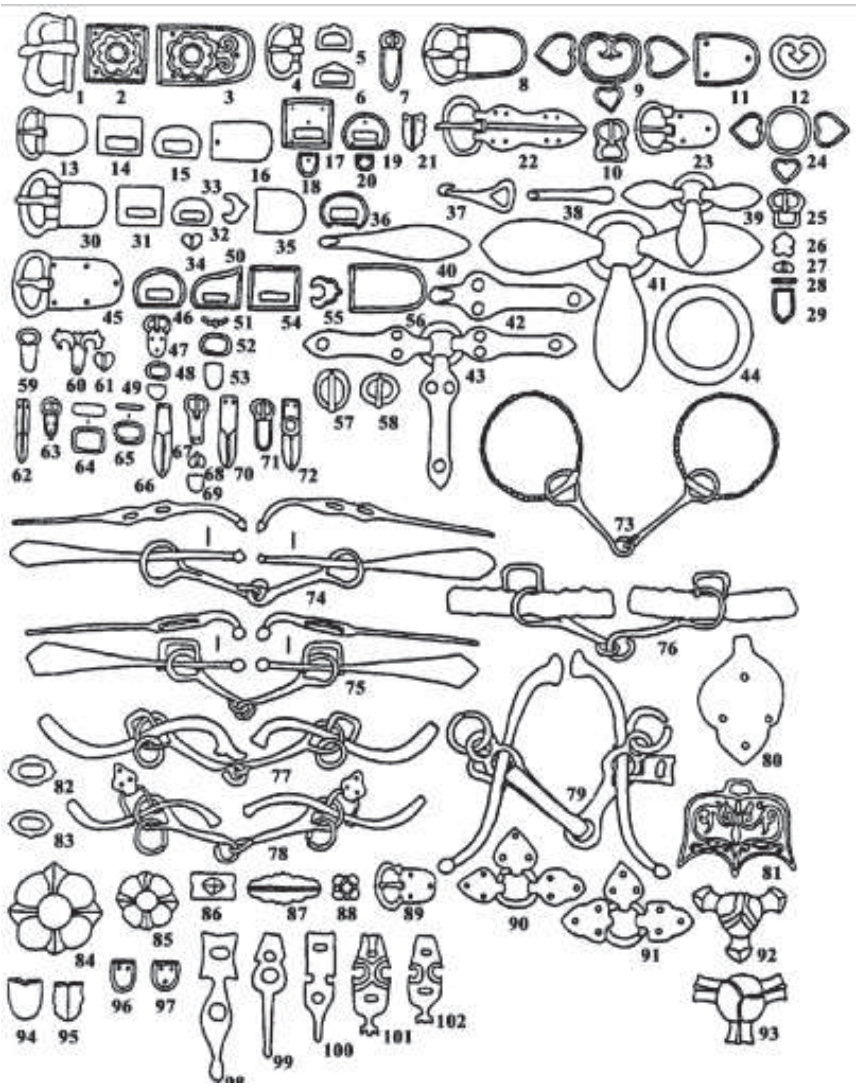

Рис. 27. Материалы катандинского этапа тюркской культуры (2-я половина VII — 1-я половина VIII в. н. э.): снаряжение человека (1–72) и верхового коня (73–102). Памятники: Ак-Кообы — 30–35; Балык-Соок-1–45–56, 71, 72, 82, 83, 86, 89, 92, 94–97; Барбургазы-II — 8–11; Бертек-34–74; Бике-1–40, 41; Горно-Алтайск — 6; Кара-Коба-1–1–3, 23–29, 58, 67–70; Катанда-II — 76; Катанда-3–13–22, 36, 37, 59–66, 73, 75, 78–80, 90, 91, 98; Коо-II — 5; Талдуаир-1–42, 43; Талдура-1–4, 12, 100; Тыткескень-VI- 38, 39, 57, 77, 99; Узунтал-V — 88; Чобурак-1–7; Юстыд-XII — 44, 81, 84, 85, 87, 93; Ябоган-1–101, 102. Материал: 1–6, 8–21, 23–36, 45–56, 59–72, 82, 83, 86–89, 92–97 — цветной металл; 7, 22, 37–44, 57, 58, 73–75, 77–80, 90, 91 — железо; 76 — железо, рог; 81, 84, 85 — железо, золото; 98–102 — рог, кость

Источник: Тишкин А. А., Горбунов В. В., Горбунова Т. Г. Алтай в эпоху средневековья. Барнаул, 2011

Воины хранили стрелы в разнотипных берестяных колчанах, которые подвешивали к поясу с помощью ремешков и железного крюка. Стрелы в таких колчанах помещались наконечниками внутрь, а оперением наружу. В таких случаях на древки стрел близ оперения наносились краской цветные пояски — метки, по которым можно было определить назначение наконечника. Горловину колчана нередко украшали роговой орнаментированной пластиной. Иногда узкие пластинки крепились на поверхность колчана. В составе оружейного комплекса имелись колья с втульчатыми железными наконечниками, железные палаши с прямым однолезвийным клинком, сабли со слабоизогнутым клинком и рукоятью, прямые двулезвийные и коленчатые однолезвийные кинжалы. Для защиты применяли ламеллярные панцири, сфероконические шлемы и деревянные щиты (рис. 28)[549]. На древнетюркских каменных изваяниях изображены наборные пояса с подвешенными к ним палашами, саблями и коленчатыми кинжалами.

Рис. 28. Кок-тюркский панцирный всадник Второго Восточного Тюркского каганата. Источник: Худяков Ю. С. Древнетюркский культурный феномен в Центральной Азии: учеб. пособие. Новосибирск, 2007. Рис. 8

[549] Худяков Ю. С. Древнетюркский культурный феномен в Центральной Азии… Рис. 15, 1–39, 46–58.

В результате обострения внутренних междоусобиц Второй Восточный Тюркский каганат распался в 745 г. Восточные тюрки лишились своей государственности. Тюркские кочевники из Монголии и Тувы вошли в состав Уйгурского каганата, оставшиеся в Минусинской котловине подчинились кыргызским правителям. Восточные тюрки в Горном Алтае еще некоторое время сохраняли независимость, затем подчинились кыргызским каганам. Несмотря на утрату государственности, восточные тюрки сохранили свою культуру, которая приобрела локальные особенности в районах их проживания.

В дальнейшем после потери тюркскими кочевниками своей государственности предметный комплекс древних тюрков сохранил свой основной набор, но несколько утратил ранее присущее ему оформительское разнообразие.

На территории Саяно-Алтая и Монголии памятники VIII–X вв. относятся к **курайскому этапу** (рис. 29)[550] древнетюркской культуры. В это время самые заметные изменения произошли в погребальной обрядности, в памятниках которой четко стали отражаться признаки социальной дифференциации и особенности имперской идеологии каганата восточных тюрков. После утраты ими государственности перестали сооружаться поминальные комплексы высшей и средней знати, поскольку прежняя правящая элита восточных тюрков сошла с исторической арены. Утратил свое прежнее престижное значение и обычай установления балбалов, призванный прославлять военные подвиги умерших древнетюркских воинов, поскольку в этот исторический период они воевали уже в составе армий уйгурских и кыргызских каганов или небольшого горно-алтайского тюркского владения.

Некоторые статуи курайского периода имеют характер объемных скульптур. На них ваялись характерные черты внешнего облика умершего, передавались его расовая принадлежность, особенности прически, костюма, оружия и утвари. В какой-то мере претерпела изменения идейная направленность поминального обряда, который частично утратил свой военно-идеологический характер и приобрел черты культа родовых предков по мужской и женской линиям.

---

[550] По: Могильников В. А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981; Савинов Д. Г. Древнетюркские курганы Узунтала. (К вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982; Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984; Худяков Ю. С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004; Кубарев Г. В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005.

Рис. 29. Курайский этап древнетюркской культуры (IX–X вв.).
1 — внешний вид кургана древнетюркского времени; 2 — план и разрез кургана;

3–6 — планы погребений; 7 — план и разрез поминальной оградки; 8, 9 — каменные изваяния; 10, 11 — металлические сосуды; 12 — керамический сосуд; 13 — кушак «хозяина Ак-Кюна»; 14,15 — поясные бляшки; 16, 17 — удила; 18–20 — палаши и сабли; 21, 22 — распределители ремней; 23 — колчан; 24–29 — наконечники стрел; 30, 31 — серьги; 32 — уздечный тройник; 33 — деревянная основа седла; 34 — нож; 35 — накладки на лук; 36 — топор-тесло; 37, 41, 42 — подпружные пряжки; 38 — гребень; 39 — навершие плети; 40 — боевой топор; 43, 44 — стремена.
10, 11, 14, 15, 21, 22, 31, 32 — серебро; 12 — керамика; 13 — серебро с позолотой; 16–20, 24–29, 34, 36, 37, 40, 43, 44 — железо; 23 — береста и дерево; 30 — бронза с позолотой; 35, 39, 41, 42 — рог; 33, 38 — дерево.
2, 4, 6, 32, 35, 40 — Узунтал; 2, 5, 20, 30 — Ибыргыс-Кисте; 3, 16, 19, 21, 25 — Джолин I; 7, 8 — Юстыд; 9 — Ак-Кообы; 10 — Балык-Соок, курган 11; 11, 34, 42 — Талдуаир I, курган 6; 12, 18, 27, 29 — Калбак-Таш, курган 2; 24, 26, 43 — Калбак-Таш, впускное погребение (кенотаф); 14, 15, 28 — Юстыд XII; 31, 37, 38 — Юстыд XIV; 33 — Джолин III; 13–17, 30 — Юстыд XIV; 44 — Юстыд XXIV; 22, 28 — Барбургазы II; 41 — Барбургазы III; 30 — Ак-Кообы III; 36 — Бике I; 13 — Курай VI

Об этом свидетельствует появление женских изваяний в Горном Алтае и Туве[551]. В течение завершающего периода бытования данной поминальной традиции среди древних тюрков появились и приобрели значительный опыт настоящие мастера объемной резьбы и ваяния каменных скульптур. Высказывавшиеся в свое время предположения о манихейском влиянии на древнетюркскую скульптуру в VIII–IX вв. не нашли подтверждения[552]. Поминальные комплексы курайского времени представляют собой квадратные оградки из каменных плит и скальных обломков с деревянным столбом или каменной стелой в центре, каменным изваянием или стелой, изображающей умершего — с восточной стороны.

К курайскому этапу относится значительное количество погребальных комплексов. Основные характерные черты погребального культа, сформировавшиеся в предшествующий период, сохранили свое значение и на этом этапе. Древние тюрки хоронили умерших сородичей по обряду ингумации с одним или двумя-четырьмя верховыми конями в могильных ямах под курганными насыпями в составе обособленных могильников или на более древних кладбищах. Умерших укладывали на спину в вытянутом положении, головой на восток или север, на дне могилы, на ее уступе или в подбое. Коней помещали в могильные ямы выше или ниже умершего, ориентировали в ту же или в противоположную от него сторону. Если человек погибал,

---

551 Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. 1952. № 24. С. 94.

552 Ермоленко Л. Н. Манихейство и скульптура уйгурского периода Тувы // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск, 1990. С. 122–124.

а тело не могли предать земле, то ему сооружали символическое захоронение — кенотаф, куда помещали манекен, вещи умершего и сопроводительные захоронения коней. В этот период продолжали хоронить некоторых взрослых и детей с бараном.

Дальнейшее развитие на курайском этапе получил древнетюркский предметный комплекс. На вооружении у древнетюркских воинов находились сложносоставные луки разных типов, стрелы с железными трехлопастными, плоскими и разнотипными бронебойными наконечниками, копья, палаши и сабли, боевые топоры, ламеллярные панцири и деревянные щиты. Несмотря на утрату государственности, военное дело древних тюрков продолжало развиваться. В древнетюркских памятниках Саяно-Алтая этого периода встречается дорогое импортное оружие и воинское снаряжение. Наибольшего разнообразия достигла орнаментация поясной и сбруйной фурнитуры. В торевтике получили распространение растительные мотивы, изображения животных и рыб, религиозных символов. Произошли изменения в конском убранстве: встречаются двусоставные удила с витыми звеньями и изогнутыми псалиями, стремена с округлой и пластинчатой петлей. Уздечные и седельные ремни украшались орнаментированными бляшками и накладками. В погребальных комплексах курайского этапа в Горном Алтае обнаружено больше художественных металлических изделий, чем в памятниках предшествующих этапов.

Некоторыми особенностями отличались погребально-поминальные обычаи древних тюрков, оказавшихся после крушения тюркской государственности в Минусинской котловине. Потеряв свой привилегированный статус и попав в зависимость от кыргызских правителей, они очень скоро утратили свои поминальные традиции. Здесь они перестали сооружать поминальные ограды и устанавливать каменные изваяния, но сохранили традиционный погребальный обряд захоронения с конем или бараном. Минусинские тюрки стали рядовыми воинами в кыргызских войсках, принимали участие в войнах с уйгурами. Они хоронили умерших на кыргызских кладбищах. В сопроводительном инвентаре минусинских тюрков встречаются предметы вооружения, воинского и конского снаряжения, украшения и керамика, аналогичные тем, что обнаружены в кыргызских захоронениях. На рубеже эпохи развитого Средневековья минусинские тюрки восприняли кыргызский обряд кремации умершего человека и верхового коня, что также свидетельствует об их ассимиляции в кыргызской среде[553].

[553] Худяков Ю. С. Древние тюрки на Енисее… С. 96.

В Минусинской котловине древние тюрки оказались еще в начале VIII в. в результате военного похода, который предприняло войско восточных тюрков во главе с полководцами Тоньюкуком, Могиляном и Кюль-тегином зимой 710–711 гг., совершив беспримерный для этого времени зимний переход через заснеженные Саянские горы и разгромив кыргызское войско под командованием кагана Барс-бега в битве в Черни Сунга. В результате этого военного похода земли Минусинской котловины, где жили енисейские кыргызы, были завоеваны восточными тюрками. Для того чтобы исключить возникновение в будущем военной угрозы, полководцы восточных тюрков оставили на Среднем Енисее некоторую часть своего войска. В долинах рек Енисей, Абакан, Туба, Уйбат поселились восточные тюрки, которые должны были контролировать кыргызское население. В результате этого в Минусинской котловине появились памятники культуры древних тюрков, погребения по обряду ингумации в сопровождении верхового коня, отдельные каменные изваяния, изображающие древнетюркских воинов, скульптуры львов и баранов. Возможно, восточным тюркам принадлежат отдельные древнетюркские рунические надписи. В Минусинской котловине были поселены не только рядовые тюркские воины, но и некоторые военачальники, которые, вероятно, должны были управлять и контролировать местное енисейское кыргызское население. В честь одного из таких знатных тюркских военачальников была возведена поминальная ограда с насыпью, огражденная земляным валом и рвом. В прошлом в Минусинской котловине были обнаружены отдельные скульптуры львов и баранов и древнетюркских воинов[554]. Вероятно, в честь знатных тюрков были нанесены отдельные рунические надписи. По мнению С. Г. Кляшторного, «третий Уйбатский памятник» вероятнее всего «принадлежал не кыргызу, а знатному тюрку»[555]. Возможно, восточные тюрки не ликвидировали кыргызскую государственность. Одержав победу в битве в Черни Сунга, они «снова дали (страну в управление киргизу)»[556].

Вполне может быть, что правителем Барс-бега стал его сын от брака с дочерью Эльтерэс-кагана, племянник Бильгэ-кагана и Кюль-тегина. Однако со временем после крушения государственности восточных тюрков коктюрки, осевшие в Минусинской котловине, утратили некоторые особенности своей культуры. Они перестали сооружать поминальные мемориалы, но сохранили свою традиционную погребальную обрядность, захоранивая

---

554 Худяков Ю. С. Древнетюркский культурный феномен в Центральной Азии… С. 133.

555 Кляшторный С. Г. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах (к интерпретации Ихе-Ханын-норской надписи) // Тюркологический сборник 1974. М., 1978. С. 253.

556 Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности… С. 32.

своих умерших родственников по обряду ингумации в сопровождении верховых лошадей. Судя по особенностям погребальной обрядности и набору сопроводительного инвентаря, минусинские кок-тюрки стали в основном рядовыми воинами в составе войск правителей енисейских кыргызов. Сохранению своего положения в государстве енисейских кыргызов минусинские кок-тюрки были обязаны наличию внешней, общей для них и кыргызского населения военной опасности со стороны войск Уйгурского каганата. Они хоронили своих умерших соплеменников нередко на общих кладбищах с енисейскими кыргызами, однако сохранили свою традиционную погребальную обрядность.

В течение исторического периода, охватывавшего вторую половину VIII — начало IX в., минусинские кок-тюрки обособились от остальных восточных тюрков в самостоятельную этническую группу, связанную с енисейскими кыргызами. У них полностью перестала практиковаться древнетюркская поминальная обрядность. В погребальных обычаях они стали применять обряд очищения огнем. Предметный комплекс минусинских кок-тюрков приобрел некоторые компоненты, схожие с набором вещей енисейских кыргызов, в том числе гончарные «кыргызские вазы». В составе сопроводительного инвентаря минусинских кок-тюрков встречаются костяные концевые и срединные боковые накладки от сложносоставных луков, железные трехлопастные, плоские и трехгранные наконечники стрел, берестяные колчаны с орнаментированными костяными пластинами, железные палаши и кинжалы. Судя по находкам предметов вооружения, минусинские кок-тюрки формировали в составе кыргызских войск боеспособные отряды легковооруженной конницы, ориентированной на то, чтобы атаковать противников в условиях ведения дистанционных и ближних боев. В составе предметов конской сбруи минусинских кок-тюрков были железные двусоставные удила с однокольчатыми окончаниями звеньев и стержневыми роговыми или железными псалиями, а также железные стремена с округлыми или пластинчатыми петлями и многочисленные бронзовые орнаментированные бляшки и накладки. В наборе орнаментов преобладали разнообразные растительные мотивы, изображение пламенеющей жемчужины и цветка смоковницы. Присутствие в орнаментальных сюжетах на предметах торевтики некоторых религиозных символов позволяет предполагать знакомство минусинских кок-тюрков с некоторыми религиозными традициями, буддизмом и манихейством. В составе поясных наборов кок-тюркских воинов были представлены поясные пряжки со щитком и бляхи-оправы. В составе набора укра-

шений минусинских кок-тюрков представлены серьги с подвесками и бусы из камней и цветного стекла.

Во время войн енисейских кыргызов с уйгурами минусинские кок-тюрки принимали активное участие в военных походах кыргызских войск в Центральную Азию. В результате они оказались в составе кыргызских войск разных степных районах. В ходе совместных военных походов минусинские кок-тюрки постоянно контактировали с кыргызами и постепенно ассимилировались в составе кыргызов. Они плавно перешли на синкретичный обряд кремации с сожжением верхового коня. Вероятно, большая часть минусинских кок-тюрок вошла в состав енисейских кыргызов. Среди хакасов до настоящего времени сохранилось родовое подразделение кок-хыргыс, которое, возможно, является потомками минусинских кок-тюрков[557]. Судя по всему, минусинские кок-тюрки сыграли определенную роль в этногенезе и культурогенезе енисейских кыргызов и способствовали распространению среди них некоторых культурных элементов, свойственных древнетюркской культуре и культурных элементов, характерных для других тюркских кочевых этносов Центрально-Азиатского историко-культурного региона.

3.3. Западный Тюркский и Тюргешский каганаты (А. Е. Рогожинский, К. Ш. Табалдиев)

Западный Тюркский каганат и государство тюргешей

Сложение государства западных тюрков. Тюркский каганат возник как военный союз тюрков во главе с правящим родом Ашина и покорившихся им кочевых племен теле против господствовавших тогда в степях Центральной Азии жуаньжуань / жоу-жань[558]. Когда тюрки приступили к завоеванию западных земель, власть была поделена между наследниками Бумына и его младшим братом-соправителем Истеми, который возглавил правое (западное) «крыло» войска и во главе стотысячного ополчения «отправился умиротворять различные варварские царства западных областей»[559]. Соответственно, были поделены полномочия

---

557 Худяков Ю. С. Древнетюркский культурный феномен в Центральной Азии… С. 137.

558 Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М., 1984. С. 67.

559 Chavannes E. Documents sur les Tou-Kiue (Turks) occidentaux // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Вып. 6. СПб., 1903. С. 38; Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М., 1992. С. 133.

по управлению разраставшейся империи, в которую теперь на западе входили кочевые и оседлые, тюркские и нетюркские группы населения. Верховным правителем Тюркского эля выступал каган левого «крыла», происходивший из «старшей» ветви династии Ашина (потомки Бумына), а правители западного «крыла» номинально занимали подчиненное положение и носили титул ябгу, ябгу-каган[560], хотя фактически являлись самостоятельными в проведении своей внутренней и внешней политики и также могли объявляться каганами[561].

С момента возникновения тюркского государства до времени максимального расширения его территории к началу 580-х гг. правители тюрков вели почти непрерывные завоевательные войны, успех которых был обусловлен рядом причин. Основная заключалась в том, что объединение под владычеством тюрков большинства кочевых племен в восточных степях Евразии и включение их в военно-политическую организацию каганата гарантировало получение ими доли военной добычи от участия в завоевательных походах, а широкое расселение вдоль караванных трасс, связывавших разрозненные оазисные государства Восточного Туркестана, Чу-Таласского междуречья и Средней Азии, сулило дополнительные выгоды от взимания торговых пошлин и дани в виде предметов роскоши и продуктов земледелия или от принудительного менового обмена с оседлым населением[562]. В этом организованном массовом движении кочевников восточных степей к городам Западного края обнаруживается мотивирующая, если не направляющая, роль согдийского компонента в координации внешней поли-

560 Chavannes E. Documents sur les Tou-Kiue (Turks) occidentaux… C. 219.

561 Тишин В. В. Восточные и западные тюрки, Сасаниды и эфталиты в последней трети VI в. // Вестник Института востоковедения РАН. 2021. 3 (17). С. 155; Тишин В. В. Тюркская империя и восточные тюрки (551–600). Образование Тюркской империи // Очерки истории Монголии. Выпуск 1: коллективная монография / В. Б. Базаров, Д. Б. Батоева, Э. В. Батунаев и др.; отв. редактор Б. В. Базаров; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного ун-та, 2022. С. 108–109.

562 Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. С. 279–280; Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье… С. 127; Skaff J. K. Western Turk Rule of Turkestan's Oases in the Sixth through Eighth Centuries // The Turks. Ankara: Yeni Türkiye, 2002. Pp. 155–174.

тики тюрков уже на ранних этапах их политической истории[563]. В границах огромной Тюркской империи впервые в истории были объединены многие кочевые и оседлые народы преимущественно азиатской части степной Евразии[564]. Прежде независимые друг от друга оседло-земледельческие области, находясь под протекторатом тюрков, могли получать доходы от оживившейся международной торговли, роста ремесла и сельского хозяйства, а кочевники обретали надежную экономическую базу как для развития скотоводческого хозяйства на периферии оседлых областей, так и для расширения своих завоеваний. Наконец, успехам завоевательной политики тюркских каганов благоприятствовала и международная обстановка: политическая раздробленность Китая и взаимная вражда крупнейших государств того времени — Ирана и Византии.

Однако изменение внешнеполитической ситуации в конце VI — начале VII в. и усиление противоречий в недрах самого каганата показали непрочность тюркской государственности, привели к ослаблению единства кочевой империи и ее распаду.

В 581 г. раздробленный до того Китай был объединен под властью династии Суй (581–618 гг.), предшественницы могущественной империи Тан (618–907 гг.). Осуществленные в стране реформы быстро привели к росту экономической и военной мощи государства[565]. Усиление Китая совпало с началом распрей внутри Тюркского каганата, вспыхнувших между разными группировками правящего рода Ашина после смерти кагана Татпара (572–581 гг.). В разгар этой междоусобицы правитель западного «крыла» Тарду каган, унаследовавший власть после Истеми в 576 в., вступил в борьбу за престол в распадавшейся тюркской империи. В 599 г. ему удалось одержать верх над соперниками, представлявшими «старшую» ветвь династии Ашина, и вопреки обычаю, «без выбора», провозгласить себя верховным правите-

---

563 Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. С. 101–103, 114–122; Stark S. Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien. Archäologische und historische Studien. (Nomaden und Sesshafte, Band 6). Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2008. Pp. 381–382; Дробышев Ю. И. Тюркский каган и сасанидский шаханшах: к вопросу об идеологических заимствованиях древних тюрков у иранцев // Труды Института востоковедения РАН, Вып. 7. Тюркские кочевники в Азии и Европе: цивилизационные аспекты истории и культуры / отв. ред. и сост. Д. Д. Васильев, сост. Д. Д. Васильев, Ю. И. Дробышев, И. Зимоньи. М.: ИВ РАН, 2018. С. 137–138.

564 Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье… С. 131–132.

565 Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос в средние века… С. 13–16; Попова И. Ф. Политическая практика и идеология раннетанского Китая. М.: Восточная литература РАН, 1999. С. 10–11, 51–53.

лем[566]. Однако в 603 г. в его собственных владениях восстали племена теле и, не имея сил подавить восстание, Тарду бежал в Тогон. Лишь в 611 г. потомкам Истеми при поддержке Суй удалось окончательно вернуть власть над западными тюрками, но Тюркский каганат распался на два государства, между правителями которых установились враждебные отношения[567].

Племена восточных тюрков с начала VII в. все больше подпадали под влияние Китая, пока окончательно не лишились своей независимости. Вытесненные из монгольских степей восставшими телескими племенами тюрки во главе с Сели каганом в 630 г. потерпели поражение от танской армии и подчинились Китаю, признав императора Тай-цзуна (626–649) своим «Небесным Каганом» (тянь кэхань)[568]. Позже в сходной политической позиции к Тан оказались и каганы-марионетки из младшей ветви династии Ашина, которые номинально возглавляли западных тюрков[569], хотя фактическое положение племен, расселявшихся от Иртыша и Или до Таласа, оставалось иным. Падение авторитета власти Ашина намного опередило гибель последнего кагана-марионетки в 742 г. и сопровождалось выдвижением в конце VII в. собственной «нелегитимной» тюргешской династии, которая сумела в течение еще половины столетия обеспечить суверенитет западнотюркской государственности.

Население, территория и управление. Стремительная экспансия тюрков на запад под предводительством ябгу-кагана Истеми (554–576) сопровождалась крупномасштабным переселением кочевых тюркоязычных племен из северных областей Центральной Азии, прежде всего, на земли Восточного и Северного Тянь-Шаня, которые в последующем стали коренной территорией Западного Тюркского каганата. Преследуя остатки жоу-

---

566 Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 236, 242–243; Stark S. Turk Khaganate. Turgesh Khaganate // The Encyclopedia of Empire. Volume IV (S-Z). John Wiley & Sons, Chichester, UK, 2016. Pp. 2131–2132.

567 Stark S. Turk Khaganate. Turgesh Khaganate… P. 2132; Голден П. Племена Западного Тюркского каганата Ок (Oq) и Огур-Огуз (Oğur — Oğuz). К вопросу о взаимосвязи терминов // Западный Тюркский каганат. Атлас / А. Досымбаева, М. Жолдасбеков (рук. проекта). Астана: Service Press, 2013. С. 61.

568 Камалов А. К. Сын Неба — Небесный каган. Тюрки в высших эшелонах власти Тан // Эволюция института власти в древней, средневековой и новой истории Казахстана и сопредельных государств: материалы Междунар. науч.-теоретич. конф. Алматы: Тарих және этнология институты, 2016. С. 22.

569 Малявкин А. Г. Марионетки из рода Ашина // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М.: ГРВЛ, 1984. С. 150; Skaff J. K. Western Turk Rule of Turkestan's Oases in the Sixth through Eighth Centuries… P. 157; Камалов А. К. Тюрки и иранцы в Танской империи. Алматы: МИР, 2017. С. 69.

жань (аваров), войска Истеми к 558 г. подчинили районы Приуралья и дошли до Волги[570]. Разгром эфталитов в Согде во второй половине 560-х гг.[571] или даже десятилетием раньше[572] открыл тюркам путь к расселению на юге Средней Азии до верхнего течения Амударьи, где под властью их правителей оказались бывшие эфталитские владения, а в Тохаристане (Чаганиан, Кабадиан, Хутталян и др.) с 620-х гг. утвердилась династия тюркских ябгу из каганского рода Ашина[573]. Таким образом, в своем движении на запад тюрки завладели обширными территориями, объединив под своим контролем ключевые участки Шелкового пути на важном отрезке между Китаем и Сасанидским Ираном. Однако основными районами обитания западных тюрков в период существования их государственных объединений в VII — середине VIII в. оставались горно-степные области Северного и Внутреннего Тянь-Шаня, степи Центрального и Восточного Казахстана[574]. При этом численность кочевого населения между Иртышом, Сырдарьей и Тянь-Шанем, по самым приблизительным оценкам, основанным на анализе китайских источников, составляла на начало VIII в. около 1,5 млн человек, многократно преобладая над оседлым населением оазисов Восточного Туркестана и мало уступая общему числу жителей густонаселенных земледельческих областей Среднеазиатского междуречья[575].

По мере упрочения власти тюрков над оседлыми областями Западного края, включая Шаш, Фергану, Согд и Тохаристан, и формирования на новых территориях относительно устойчивых границ расселения племенных группировок кочевников, ставка правителей западных тюрков перемещалась из оазисов Восточного Туркестана в Чу-Таласское междуречье. Если каган Шегуй еще имел ставку на южных склонах Тянь-Шаня, в горах к северу от Кучи, то его преемник Тон-ябгу перенес свою резиденцию в окрест-

---

570 Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. Новосибирск, 2009. С. 31–34.

571 Harmatta J. Byzantinoturcica // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 1962. T. X. Fasc. 1–3. S. 135, 148; Гафуров Б. Г. Таджики… С. 216–218.

572 Фельфёльди С. Хронология падения империи эфталитов // Бюллетень (Newsletter) общества востоковедов. М.: ИВ РАН, 2005. Вып. 12. С. 115–119; Stark S. Turk Khaganate. Turgesh Khaganate.. P. 2129.

573 Harmatta J., Litvinsky B. Tokharistan and Gandhara under Western Türk rule (650–750) // History of Civilizations of Central Asia: The Crossroads of Civilizations: AD 250 to 750. B. Litvinsky (Ed.). Vol. III. 1996. Paris: UNESCO Publishing. P. 369–373; Stark S. Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien… P. 210–212.

574 Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане… С. 36.

575 Vaissière É. Early_medieval_Central_Asian_population // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 2017. 60. P. 812–815.

ности Суяба, к верховьям долины р. Чу[576]. Летняя резиденция кагана находилась в живописной местности Мингбулак («Тысяча ключей») в 400 ли западнее Суяба, что наиболее соответствует, судя по описанию в «Путешествии в Западный край» Сюаньцзана и СТШ[577], ландшафтам горной долины Мерке и предгорной равнины у северного подножья Кыргызского Алатау[578].

Не позднее второй половины VI в. начинается согдийская колонизация междуречья Чу и Таласа, где на аллювиальных долинах рек и на шлейфах конусов выноса с многочисленными выходами грунтовых вод вдоль Кыргызского Алатау, а также на берегах Иссык-Куля возникают десятки городов и укрепленных поселений[579]. Многочисленность городов в Чу-Таласском междуречье уже отмечает посетивший страну в 630 г.[580] китайский паломник Сюаньцзан: «Прямо на западе от Суйаба (Суяба) находятся несколько десятков одиночных городов, и в каждом из них свой старейшина. Хотя они не зависят один от другого, но все подчиняются туцзюе (тюркам)»[581]. Для периода VII–VIII вв. здесь выявлено 36 городищ, которые группируются цепочками вдоль магистральной дороги и расположены очень близко друг к другу (15–20 км), что отличает их от локализации согдийских городов метрополии[582]. Многие памятники отождествляются с известными по письменным источникам столичными и крупными городами: Тараз и Суяб (Акбешим), Навекат (Красная Речка), Нузкет (Шиштобе), Кулан (Луговое), Мирки (Мерке), Ашпара (Аспара) и др. Крупные города имели цитадель и шахристан, а пригородная сельскохозяйственная территория была окружена «длинными стенами» протяженностью от трех до нескольких десятков километров — для защиты садов и пашен от потравы при сезонных переходах кочевников с равни-

---

576 Chavannes E. Documents sur les Tou-Kiue (Turks) occidentaux // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Вып. 6. СПб., 1903. P. 24, 237, 263.

577 Лубо-Лесниченко Е. И. Сведения китайских письменных источников о Суябе (городище Ак- Бешим) // Суяб. Ак-Бешим. / Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа. СПб., 2002. С. 115–116.

578 Saito S. Suiye (碎葉) and Ak-Beshim: a Historical Development at the Western Tien-Shan in the 7th to the First Half of the 8th Century // Protection and Research on Cultural Heritage in the Chuy Valley, the Kyrgyz Republic Ak-Beshim and Ken Bulun. Tokyo, 2017. P. 92.

579 Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959. С. 169; Горячева В. Д. Городская культура Тюркских каганатов на Тянь-Шане (середина VI — начало XIII в.). Бишкек, 2010. С. 29–30, 35–37; Байпаков К. М. Западнотюркский и Тюргешский каганаты: тюрки и согдийцы, степь и город. Алматы, 2010. С. 292–293.

580 Vaissière É. Note sur chronologie du voyage de Xuanzang // Journal Asiatique. 2010. 298–1, pp. 166.

581 Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. С. 268.

582 Семенов Г. Л. Заключение // Суяб. Ак-Бешим. СПб., 2002. С. 4–6, 171; Горячева В. Д. Городская культура Тюркских каганатов на Тянь-Шане (середина VI — начало XIII в.). Бишкек, 2010. С. 35.

ны на высокогорья. Аграрный характер согдийской колонизации, как важный фактор миграционного движения на начальном этапе[583], не исключал развития городов Чу-Талласского междуречья и Прииссыккулья как центров ремесла и связующего звена на торговом пути из Средней Азии к оазисам Восточного Туркестана. В Илийской долине, к северу от Тянь-Шаня, процесс урбанизации начался значительно позже — лишь в IX–X вв. До этого времени (карлукского периода) значительная часть торговых маршрутов проходила в обход кочевых территорий, хотя северный путь к оазисам Восточного Туркестана был удобнее и дешевле[584].

Особенной чертой хозяйственного и культурного развития региона в VII–VIII/IX вв. является сосуществование на единой территории кочевого и оседлого населения, которое находилось в очень тесном и разностороннем взаимодействии, занимая при этом разные природно-ландшафтные зоны[585]. Наиболее показательна топография памятников древнетюркского культурного комплекса, выявленных в бассейне р. Чу и Иссык-кульской котловине, где изучение культуры средневековых кочевников без долгих перерывов ведется с конца XIX в. и охватило обширную область, включающую все ландшафты ареала номадизма[586]. В районах сухих степей и низкогорья (Чу-Илийский мелкосопочник, южные предгорья Заилийского и Кунгей Алатау, юго-восточное побережье Иссык-Куля) наблюдается высокая концентрация стоянок раннесредневековых кочевников, вблизи которых многочисленны петроглифы, тамги и руническая эпиграфика; здесь же сосредоточены курганные могильники, включающие ритуальные ограды со стелами и изваяниями древнетюркского облика. Расположение памятников кочевников, сосредоточивающихся в ближней округе городских центров и вдоль соединяющих их транспортных путей, со всей очевидностью указывает на налаженные хозяйственные связи земледельцев и скотоводов, на отсутствие непримиримой враждебности тех и других. В среднем течении и дельтовой части Таласской долины наблюдается сходное размещение в разных ландшафтных

---

583 Семенов Г. Л. Заключение… С. 171; Saito Shigeo. Крепость Суяб в письменных исторических источниках // Научно-исследовательский отчет Научно-исследовательского института культурных ценностей Университета Тэйкё. 2022. № 21. С. 27 (на японском языке).

584 Stark S. Nomaden und Seßhafte in Mittel- und Zentralasien: Nomadische Adaptionsstrategien am Fallbeispiel der Alttürken // Grenzüberschreitungen. Formen des Kontakts zwischen Orient und Okzident im Altertum. Stuttgart: Franz Steiner Verlag. 2002. S. 384.

585 Stark S. Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien… Pp. 218–220.

586 Табалдиев К. Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек: Айбек, 1996. С. 61–66. Рис. 65; Досымбаева А. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахских степей. Алматы: Тюркское наследие, 2006. Рис. 1.

зонах памятников оседлой и кочевой культуры, хотя степень изученности последних здесь невелика.

На территории Средней Азии археологические свидетельства расселения тюрков вблизи оазисов немногочисленны и сколько-нибудь значительной миграции кочевых племен к югу от Сырдарьи не было до VII–VIII вв.[587] Единичные воинские погребения с конем и каменные изваяния древнетюркского облика обнаружены на территории Восточной Ферганы, Согда и Тохаристана[588]. В крупных центрах Средней Азии проживало относительно небольшое количество тюрков, преимущественно принадлежавших к правящей элите и ее воинскому окружению; в материальной культуре этого периода фиксируется тюрко-согдийское сближение «во всем том, что связано с бытом и деятельностью войска и аристократии»[589]. Одним из ярких проявлений своеобразия установившихся в VII–VIII вв. политических отношений западных тюрков и оазисных государств Средней Азии является эмиссия тюрко-согдийских монет в Чаче и Фергане. Отразившаяся на них тамговая символика и иконография ключевых образов (парные портреты правителя и «катун» в трехрогом головном уборе) присутствуют в памятниках обычного права и изобразительном искусстве кочевников за пределами оазисов — в горных ландшафтах Западного, Северного и Центрального Тянь-Шаня: в виде знаков идентичности, нанесенных на скалы и монументы в основном ареале расселения западных тюрков, и как художественные произведения в камне и кости[590].

Кочевое население страны, составлявшее этническую и политическую основу Западного Тюркского каганата, представляло собой племенной союз, который в орхонских надписях обозначается собирательным названием «он ок» («десять стрел»). При этом «стрелами» назывались не родоплеменные подразделения, а территориальные военно-административные единицы. Каждая «стрела» выставляла один тумен, т. е. десятитысячное войско, во гла-

---

587 Stark S. Nomaden und Seßhafte in Mittel- und Zentralasien… S. 384–385; Muzio C. Archaeological Traces of Early Turks in Transoxiana. 2010. P. 430.

588 Заднепровский Ю. А. Археологические памятники южных районов Ошской области (середина I тысячелетия до н. э. — середина I тысячелетия н. э.). Фрунзе: 1960. С. 65–68; Заднепровский Ю. А. Тюркские памятники в Фергане // Советская археология. 1967. № 1; Muzio C. Archaeological Traces of Early Turks in Transoxiana. 2010. Pp. 431–432.

589 Маршак Б. И., Распопова В. И. Кочевники и Согд // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 424–425.

590 Рогожинский А. Е. Средневековые тамги-петроглифы Южного Казахстана и Семиречья // Тамги доисламской Центральной Азии. Самарканд: Изд-во МИЦАИ, 2019. С. 249–295, 407.

ве с шадом — «великим предводителем» и имела свой стяг[591]. В свою очередь, объединение «он ок» разделялось на два племенных союза — дулу и нушиби, каждый из которых состоял из пяти «стрел»; управление «стрелами» находилось в руках племенных вождей с титулом эркин у нушиби и чор — у союза дулу. Племена дулу обитали к востоку от Суяба, группа племен нушиби расселялась к западу от Суяба[592], названия которых приводятся в китайских источниках[593]. Одним из многочисленных подразделений дулу были тюргеши, заселявшие Чу-Илийское междуречье[594]; именно здесь сосредоточено наибольшее количество тамга-петроглифов тюргешей[595]. В период наивысшего могущества Западного Тюркского каганата в первой трети VII в. в него входили земли от Тарбагатая и Восточного Туркестана до Северного Причерноморья, Хорасана (северо-восток Ирана) и северо-запада Индии, но коренной территорией оставались горно-степные области Северного и Центрального Тянь-Шаня[596].

Завоевав земли Семиречья и Средней Азии, тюрки обложили данью жителей оазисов и городов, однако управление ими поначалу оставили в руках местных династий, не вмешиваясь во внутренние дела покоренных государств[597]. Сложение огромной империи, населенной народами, различавшимися по языку и культуре, уровню экономического, социального и политического развития, привело к усложнению административного устройства Западного Тюркского каганата. Внутренние реформы осуществлены выдающимся государственным деятелем и полководцем Тон ябгу-каганом. При нем было упорядочено управление кочевыми племенами, установлен более строгий политический контроль над областями Средней Азии, зависимость которых прежде выражалась лишь выплатой дани.

Внутренняя и внешняя политика. В первые десятилетия VII в. правители Западного Тюркского каганата продолжили активную завоевательную по-

---

591 Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2003. С. 435.

592 Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах… С. 286.

593 Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: Тексты и исследования. Новосибирск: Наука, 1989. С. 168.

594 Stark S. On Oq Bodun. The Western Türk Qağanate and the Ashina Clan // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 15 (2006–2007). Wieshaden: Harrassowitz Verlag. 2007. S. 160–161.

595 Рогожинский А.Е. Средневековые тамги-петроглифы Южного Казахстана и Семиречья // Тамги доисламской Центральной Азии. Самарканд: Изд-во МИЦАИ, 2019. С. 263–266.

596 Бабаяров Г., Умиров К. Территория и система управления государством // Западный Тюркский каганат. Атлас / А. Досымбаева, М. Жолдасбеков (рук. проекта). Астана: Service Press, 2013. С. 113–114.

597 Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье… С. 132.

литику, стремясь сохранить контроль над экономически развитыми областями Восточного Туркестана, Средней Азии и Кавказа, вовлеченными в международную торговлю по трассам Шелкового пути. Каган Шегуй (611–618 гг.), внук Тарду, опираясь на племена нушиби, распространил свою власть от Алтая и Восточного Тянь-Шаня до предгорий Памира[598]. Его брат и преемник Тон ябгу-каган (618–630 гг.) еще более усилил могущество и расширил границы нового государства до верховий Амударьи (Тохаристан), подчинив все области Средней Азии. Политическим центром государства стало Чу-Таласское междуречье, куда он перенес свою столицу: зимней ставкой был город Суяб на реке Чу (городище Акбешим, Кыргызстан), а летней резиденцией — горная местность Мингбулак («Тысяча ключей»), где каган со своими приближенными пребывал в жаркое время года[599]. Расположение каганских ставок в центре расселения «он ок» позволяло сохранять единство государства, одновременно удерживая контроль над кочевыми союзами дулу и нушиби, а также над городами и оазисами, лежавшими вдоль протяженного отрезка караванных путей от верховий Или до Амударьи. В распоряжении каганов находилось конное ополчение западных тюрков, но в отдельных случаях им удавалось привлекать к совместным боевым действиям воинские контингенты оазисных государств[600].

Усиление военной мощи западных тюрков во время правления Тон ябгу-кагана было отмечено китайскими хронистами: «Он господствовал над всей западной частью. Никогда еще западные варвары не были столь могущественны»[601]. В 625 г. каган предложил императору Тан помощь в войне с восточными тюрками, если за него будет выдана китайская принцесса. Получив согласие, Тон ябгу-каган отправил императору богатые дары, но династический брак не состоялся из-за противодействия кагана восточных тюрков[602]. Удачным был поход западных тюрков в Закавказье, где в союзе с Византией в 627–628 гг. они приняли участие в войне против Ирана. Тон ябгу-каган лично или его брат, носивший титул джабгу[603], возглавил поход, в ко-

---

598 Stark S. Turk Khaganate. Turgesh Khaganate // The Encyclopedia of Empire. Volume IV (S-Z). John Wiley & Sons, Chichester, UK, 2016. P. 2132.

599 Saito S. Suiye (碎葉) and Ak-Beshim: a Historical Development at the Western Tien-Shan in the 7th to the First Half of the 8th Century // Protection and Research on Cultural Heritage in the Chuy Valley, the Kyrgyz Republic Ak-Beshim and Ken Bulun. Tokyo, 2017. P. 92.

600 Skaff J. K. Western Turk Rule of Turkestan's Oases in the Sixth through Eighth Centuries… P. 156.

601 Chavannes E. Documents sur les Tou-Kiue (Turks) occidentaux // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Вып. 6. СПб., 1903. S. 24.

602 Там же. S. 25; Stark S. Turk Khaganate. Turgesh Khaganate. // The Encyclopedia of Empire. Volume IV (S-Z). John Wiley & Sons, Chichester, UK, 2016. P. 2133.

603 Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии… С. 97.

тором тюрки и хазары заняли Дербент и Тбилиси, захватив здесь огромную добычу.

Правление Тон ябгу-кагана стало временем расцвета Западного Тюркского каганата, максимального расширения его территории и быстрого обогащения военной знати, объединившейся под властью кагана для почти непрерывных и всегда успешных походов. Но в конце своего правления Тон ябгу-каган, по словам китайского хрониста, «полагаясь на свое могущество и богатство, стал немилостив к подданным. Народ роптал, и многие отложились». В 630 г. племена дулу восстали и провозгласили каганом его старшего родственника, который убил Тон ябгу-кагана[604]. Но часть племен поддержала другого претендента, и началась межплеменная война между дулу и нушиби.

В 634 г. к власти пришел Ышбара Эльтериш Шир-каган, опиравшийся на нушиби. Он пытался упрочить военно-административное управление «десяти стрел», превратив племенных вождей (эркинов и чоров) в назначаемых или утверждаемых каганом «управляющих». Для усиления контроля в каждую «стрелу» был направлен шад, не связанный родством с племенной знатью. Но такое ограничение самостоятельности не устраивало местных вождей, и уже в 638 г. племена дулу провозгласили каганом одного из посланных к ним шадов. После новой кровопролитной войны дулу и нушиби каганат распался на два царства, граница между которыми теперь проходила по реке Или[605].

В многолетней борьбе за власть западные Ашина безжалостно истребляли друг друга, соперничая между собой, добиваясь признания своих прав императорами Китая и получения от них пышных титулов и щедрых подарков[606]. Поддерживая эти раздоры и привлекая на свою сторону отдельные племена, Китай сначала установил протекторат над оазисами Восточного Туркестана, затем китайские войска вторглись в Прииссыкулье и захватили в 648 г. город Суяб, в котором был размещен военный гарнизон, контроли-

---

604 Chavannes E. Documents sur les Tou-Kiue (Turks) occidentaux // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Вып. 6. СПб., 1903. S. 25; Vaissière É. Note sur chronologie du voyage de Xuanzang // Journal Asiatique. 2010. 298–1, pp. 164–167.

605 Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. С. 440–441.

606 Chavannes E. Documents sur les Tou-Kiue (Turks) occidentaux // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Вып. 6. СПб., 1903. S. 26–32, 54–60.

ровавший политическую ситуацию в землях «он ок»[607]. С ослаблением центральной власти к середине VII в. западные тюрки утратили свои владения в Средней Азии, Поволжье и на Северном Кавказе.

Нивар Ышбара ябгу-каган (кит. Ашина Хэлу, 653–657) сумел в 653 г. вновь объединить племена дулу и нушиби и начал войну с Китаем, пытаясь вернуть оазисы Восточного Туркестана. Для подавления восстания были созданы две карательные китайские армии, усиленные конницей, состоявшей из ополчений покорившихся племен. В 657 г. на берегу Или состоялось решающее сражение, в котором ополчение «десяти стрел» было разгромлено китайской пехотой и конницей теле. Каган с сыном и телохранителями бежал в Шаш, но правитель одного города впустил беглецов для замены лошадей, задержал и выдал китайцам. Спустя два года Ашина Хэлу, последний независимый правитель Западного Тюркского каганата, умер в плену[608].

После поражения Ашина Хэлу западные тюрки номинально утратили самостоятельность; племена дулу и нушиби оказались в составе двух административно-территориальных единиц (наместничеств) Западного края, во главе которых стояли «марионеточные» каганы, назначаемые Тан. Над пятью племенами дулу был поставлен Ашина Мише, а над пятью племенами нушиби — каган Ашина Бучжень; оба являлись потомками Истеми в пятом поколении, перешедшими на службу Тан, которые активно участвовали в разгроме Ашина Хэлу и находились в постоянном соперничестве друг с другом[609]. Вражда «марионеточных» каганов вскоре закончилась гибелью обоих: в 662 г. Ашина Мише был убит своим соперником, а в 666 или 667 г. погиб и Ашина Бучжень[610]. Однако империи Тан удалось, используя претензии Ашина на легитимность власти, сохранить контроль над разрозненными племенами западных тюрков вплоть до конца VII в., когда их политическая консолидация была восстановлена каганами тюргешей.

Образование Тюргешского каганата. Тюргеши занимали кочевья в труднодоступных горных районах междуречья Или и Чу, делились на два клана или группировки — желтых и черных тюргешей. В 699 г. вождь «желтых» тюргешей Уч-элиг сумел привлечь на свою сторону племена, недовольные

---

607 Лубо-Лесниченко Е.И. Сведения китайских письменных источников о Суябе (городище Ак- Бешим) // Суяб. Ак-Бешим / Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа. СПб., 2002. С. 116–117; Saito S. Suiye (碎葉) and Ak-Beshim: a Historical Development… P. 93.

608 Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах… С. 289–292; Stark S. Turk Khaganate. Turgesh Khaganate… P. 2135.

609 Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии… С. 139–141.

610 Saito S. Suiye (碎葉) and Ak-Beshim: a Historical Development… P. 94.

правлением китайского ставленника Ашина Хусело, который «бесчеловечно управлял, и народ был недоволен им. Уч-элиг, напротив, умел успокаивать подчиненных, чем приобрел уважение и доверие их, и кочевые повиновались ему»[611]. Вскоре под его властью оказались 20 вождей племен с 7000 войска каждый. Уч-элиг изгнал Ашина Хусело из Суяба и учредил здесь свою главную ставку — Большую орду; а кочевая ставка, Малая орда, находилась на реке Или[612]. Императоры Тан продолжали считать западных тюрков своими подданными, назначая им каганов, но фактически с этого времени началась история нового самостоятельного государства — Тюргешского каганата, занимавшего земли союза «десяти стрел». Сын Уч-элига и наследник Сакал (708–711) продолжил борьбу с изгнанными Ашина — ставленниками Тан, по-прежнему претендовавшими на управление западными тюрками, и в 708 г. провозгласил себя каганом; Китай был вынужден признать его независимым правителем[613].

В центре Азии к началу VIII в. сложилась новая политическая ситуация: в степях Монголии под властью Ашина возродилось и усилилось государство восточных тюрков — Восточный Тюркский каганат, правители которого развернули активную борьбу с Китаем, не признавая при этом легитимность тюргешских каганов[614]; на юго-западе народы Средней Азии вступили в кровопролитные войны с арабскими завоевателями. Императоры Тан не оставляли замыслов овладеть Западным краем, превратив завоеванные области Восточного Туркестана (Карашар, Куча, Хотан и Кашгар) в плацдарм для экспансии на запад. Кроме крупных военных гарнизонов, Китай опирался здесь на ополчение тюркских племен, во главе которых стояли зависимые от империи вожди из рода Ашина. Отсюда они совершали глубокие вторжения в Семиречье, подчиняя отдельные племена западных тюрков и переселяя их в земли Китая. Тюргеши предпринимали ответные нападения и организовали большой поход в Восточный Туркестан, где Сакал разбил армию китайского наместника и нанес поражение карлукам, выступившим на стороне Тан. Используя против тюргешей войска своих кочевых «союзников», правительство Китая одновременно старалось ослабить силы и тех, и других. Смысл этой политики объясняют слова китайского министра: «Тюргеши отложились (т. е. вышли из-под власти Тан), карлуки напа-

611 Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах… С. 296.
612 Там же.
613 Saito S. Suiye (碎葉) and Ak-Beshim: a Historical Development… P. 97.
614 Stark S. On Oq Bodun. The Western Türk Qağanate and the Ashina Clan // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 15 (2006–2007). Wieshaden: Harrassowitz Verlag, 2007. S. 165–167.

ли на них. Это кочевники режутся друг с другом. Не наше дело. Сильный получит раны, а слабый погибнет; для нас же и то и другое выгодно… В военные дела их не должно вмешиваться»[615].

Поддерживая внутренние распри кочевников и подталкивая тюркские племена к войне друг с другом, Китаю удалось ослабить на время Тюргешский каганат. Поводом послужила вражда Сакала с братом Чжэ-ну, недовольным тем, что «мало народа ему дано и власти»[616]. С подвластными родами Чжэ-ну восстал и откочевал в земли Восточного Тюркского каганата, предложив Капган кагану (691–716 гг.) совместными усилиями свергнуть Сакала. Чжэ-ну просил употребить его вожаком при нападении на старшего брата, но каган восточных тюрков задержал его и направил против тюргешей 20 000 войска во главе со своим сыном и апатарканом (главнокомандующим) Тоньюкуком. В 711 г. на равнине к востоку от оз. Алаколь восточных тюрков внезапно напало на тюргешей и разбило армию Сакала[617]. Об этом повествуют древнетюркские рунические тексты мемориалов Кюльтегина и Бильге кагана: «Тюргешский народ мы победили во время сна (и обратили в бегство) … Мы сразились; Кюль-тегин, сев на серого коня Башгу, бросился в атаку.…Он взял своими руками в плен тутука азов, буюрука кагана тюргешей. Их кагана мы там убили, его племенной союз покорили»[618]. Затем Капган каган разделался с Чжэ-ну, заявив изменнику перед казнью: «Вы, будучи родными братьями, не могли жить в согласии между собою; можете ли с совершенной преданностью служить мне?»[619]. С бесславной гибелью обоих братьев-правителей государство тюргешей на время перестало существовать.

Остатки тюргешских войск, возглавляемые полководцем из каганского рода Сулуком Чабыш-чором, отступили за Сырдарью и ушли в Тохаристан. Преследуя их, в 712–713 гг. войска восточных тюрков оказались в Согде. Здесь они приняли участие в сражениях с арабами на стороне согдийцев, но были разбиты арабским полководцем Кутейбой ибн Муслимом и в 714 г. возвратились в монгольские степи[620]. Тюргешское войско вернулось со своим полководцем в Семиречье и в 715 г. провозгласило каганом Сулука (715–737 гг.), основавшего династию «черных» тюргешей.

---

615 Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах… С. 296.
616 Там же. С. 297.
617 Stark S. Turk Khaganate. Turgesh Khaganate… P. 2123.
618 Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности… С. 41.
619 Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах… С. 297.
620 Stark S. Turk Khaganate. Turgesh Khaganate… P. 2123–2124.

Восстановление Тюргешского каганата протекало в сложной международной обстановке: на западе серьезную угрозу представляли победоносные арабские армии, совершившие в 714–715 гг. походы за Сырдарью; на востоке китайский двор поддерживал обосновавшихся в Восточном Туркестане «марионеточных» каганов, притязавших на земли Семиречья, а каганы восточных тюрков из рода Ашина не желали признавать суверенитет тюргешей.

Сулук сумел укрепить положение государства дипломатическими мерами. В 717 г. он во главе посольства прибыл в столицу Танской империи и заручился поддержкой в противоборстве с восточными тюрками. Император пожаловал ему военный титул и признал правителем тюргешей. При содействии китайцев Сулук женился на дочери потомка каганов западных тюрков из рода Ашина и тем узаконил свою власть. Второй женой Сулука стала дочь Бильге-кагана (716–734), занявшего трон Восточного Тюркского каганата, а своего сына правитель тюргешей женил на дочери кагана, после чего мирные отношения двух тюркских государств не нарушались. Третьей женой Сулука была дочь царя Тибета, который в VIII в. стал опасным соперником Китая в Восточном Туркестане. Дипломатия Сулука и удачные военные действия на востоке позволили тюргешам сохранить контроль над частью оазисов верховья Или и приостановить экспансию Китая в Семиречье.

Однако главные усилия внешней политики Сулука были направлены на запад, где он решительно включился в борьбу народов Средней Азии против арабских завоевателей. Разрозненные государства Мавераннахра, завоеванные арабами в начале VIII в., оказывали упорное сопротивление и часто поднимали восстания, во главе которых стояли правители Согда. Они призывали тюрков на помощь: «Если арабы овладеют Согдом, то затем наступит и ваша очередь»[621]. Тюрки неизменно выступали союзниками согдийцев, и боевые качества их конницы, выносливость и военное искусство тюркских воинов вызывали восхищение даже у врагов. Арабы пытались разобщить тюрков и согдийцев. В 714 г. арабский наместник Хорасана Кутейба захватил Чач, а затем совершил поход на Испиджаб, чтобы закрепиться в этом важном стратегическом районе и перерезать пути, по которым тюркские отряды обычно двигались на помощь согдийским городам.

В 720 г. вспыхнуло крупное восстание в Согде и Фергане. Сулук направил на помощь восставшим войско под руководством вождя «желтых» тюргешей Кюли-чора. Союзники нанесли арабам крупное поражение, освободив многие города Согда. Только в 722 г. новому наместнику удалось подавить

[621] Гафуров Б. Г. Таджики… С. 313.

восстание, переманив на сторону арабов часть согдийской знати. Но и после этого освободительная борьба в Мавераннахре продолжалась, и тюргешская конница наносила арабам ощутимые удары. В 728–729 гг. во время крупнейшего антиарабского восстания согдийцы вновь обратились за помощью к кагану. Вторжение тюргешей привело к освобождению Согда от арабов, которые удерживали лишь Самарканд. Войска захватчиков были разбиты Сулуком в 731–732 гг. в горах к югу от Самарканда, а затем близ Бухары. Лишь в конце 732 г. арабам удалось нанести тюргешам поражение[622].

Военная помощь согдийцам, оказанная тюргешским каганом, долгое время препятствовала арабам установить в Мавераннахре свою власть. Арабы прозвали Сулука Абу Музахим («бодливый», «потому что бодал не раз арабов», по ат-Табари) и, чтобы привлечь кагана на свою сторону, направили к нему посольство, пытаясь склонить тюрков к принятию ислама, но эта миссия не имела успеха[623].

Внешняя политика Сулука содействовала укреплению государства, оживлению международной и внутренней торговли, в которой участвовали города Чу-Таласского междуречья. В городах Суябе и Таразе, который стал вторым столичным центром каганата и ставкой правителей «черных» тюргешей, начался выпуск собственных монет с особой тамгой и согдийской надписью «деньга господина тюргешского кагана». Эти монеты находят далеко за пределами Чу-Таласского междуречья — в Восточном Туркестане и на юге Сибири, в Средней Азии и Иране.

Непрерывные и успешные войны Сулука вели к обогащению племенной знати, стремившейся теперь к самостоятельности; обострилось соперничество родоначальников «желтых» и «черных» тюргешей. Китайский источник так описывает крушение власти Сулука: «В начале своего правления Сулук хорошо управлял людьми: был внимателен и бережлив. После каждого сражения добычу свою он отдавал подчиненным, почему роды были довольны и служили ему всеми силами… В последние годы он стал скаредным, и награбленные добычи начал мало-помалу удерживать без раздела. Тогда и подчиненные начали отдаляться от него». В 736–737 гг. в Мавераннахре вновь вспыхнуло восстание. Тюргешская армия Сулука, откликнувшись на призыв о помощи осажденного арабами ябгу Тохаристана, в короткий срок вытеснила врагов из страны. Но затем их войско разделилось на мелкие отря-

---

622 Гафуров Б. Г. Таджики… С. 316–322; Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. С. 444–445; Stark S. Turk Khaganate. Turgesh Khaganate… P. 2124–2125.

623 Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии… С. 105–106.

ды, и этим воспользовалась армия арабского наместника: Сулук потерпел сокрушительное поражение и вернулся назад побежденным[624]. Среди приближенных возник заговор, и в 737 г. Сулук был убит бага-тарханом «желтых» тюргешей, который провозгласил себя каганом[625]. Но знать «черных» тюргешей выбрала каганом Тухварсена Кут-чора, сына Сулука, и началась межплеменная война, длившаяся почти двадцать лет.

Междоусобица тюргешей привела практически к крушению государства. Ослаблением Тюргешского каганата немедленно воспользовались арабы и Китай. Арабским наместникам удалось к 739 г. завершить завоевание Согда, Шаша и Отрара и установить с тюргешами новую границу за Сырдарьей. В 740 г. китайскими войсками был захвачен и разграблен Тараз, а в 748 г. они вновь заняли Суяб и разрушили его укрепления[626]. В степях Монголии к тому времени закончило существование государство восточных тюрков, возник Уйгурский каганат, и на территорию «он ок» с Алтая и Тарбагатая стали переселяться племена карлуков. Они захватывали земли враждующих между собой племен западных тюрков, которые уже не могли оказать сопротивление.

В 749 г. командующий китайской армии Гао Сяньчжи обманом захватил Шаш, казнил местного тутука и разграбил его дворец, отправив в Китай богатую добычу. Сын казненного правителя обратился за помощью к арабам и тюргешам. В середине лета 751 г. на реке Талас близ города Атлах (к югу от Тараза) встретились две армии противников: арабского полководца Зияда бен Салиха и генерала Гао Сяньчжи, войско которого в основном состояло из покоренных тюркских племен и карлуков под командованием китайских офицеров. Четыре дня армии стояли друг против друга, не решаясь вступить в сражение. На пятый день в тыл китайским отрядам неожиданно ударила конница карлуков, изменивших своим союзникам, и тогда атаку с фронта начали арабы. Китайская армия обратилась в бегство[627].

---

624 Stark S. Turk Khaganate. Turgesh Khaganate… P. 2125.

625 Thierry F. Three Notes on Türgesh Numismatics // Proceedings of the Symposium on Ancient Coins and the Culture of the Silk Road. Shanghai Bowuguan, décembre 2006, Shanghaï. 2011. P. 421.

626 Thierry F. Sur les monnaies des Turgesh // Coins, Art, and Chronology. Essays on the pre-Islamic History of the Indo-Iranian Borderlands. Wien. 1999. P. 341–342; Akin A. The Jing Xing Ji of Du Huan: Notes on the West by a Chinese Prisoner of War // Harvard Middle Eastern and Islamic Review. 2000. Volume 5 (1999–2000). P. 83.

627 Большаков О. Г. К истории Таласской битвы (751 г.) // Страны и народы Востока. Вып. XXII. М., 1980. С. 132, 135; Akin A. The Jing Xing Ji of Du Huan: Notes on the West by a Chinese Prisoner of War // Harvard Middle Eastern and Islamic Review. 2000. Volume 5 (1999–2000). Pp. 77–81.

Таласское сражение остановило экспансию Китая на запад, но и продвижению арабов на восток был положен предел. Одновременно эта победа укрепила положение карлуков на юге Казахстана. В неутихающих межплеменных раздорах, по словам китайского источника, в 756 г. «тюргеши пришли в бессилие»[628], то есть Тюргешское государство перестало существовать. Карлуки заняли в 766 г. Тараз и Суяб, окончательно вытеснив тюргешей из Семиречья и положив начало истории собственного государства. Время существования Тюргешского каганата стало заключительным этапом истории Западного Тюркского государства, на руинах которого возникли новые политические объединения: Хазарский каганат в Поволжье и на Северном Кавказе, Огузская держава в Приаралье и Карлукский каганат — на исконных землях западных тюрков.

Археологические свидетельства западных тюрков (Он Ок Эл). Горные и степные зоны Средней и Центральной Азии стали широко осваиваться в эпоху раннего Средневековья тюркским населением, создавшим одну из ярких культур в VI–X вв. н. э.

Основные компоненты культуры, сформировавшиеся в алтайский период истории тюрков (погребения с конем и поминальные оградки с изваяниями и другие элементы предметного комплекса в период существования Первого Тюркского каганата), с периода правления Истеми-кагана и позднее получили распространение в Семиречье, на Тянь-Шане и в западных ареалах Средней Азии. Таким образом, сформированная из единого центра культура раннесредневековых тюрков развивалась на широкой территории. Нередко она трансформировалась, впитывая влияние иных культур.

Погребальные памятники. Погребальные и поминальные памятники раннесредневековых тюркоязычных племен и народов изучались археологами в межгорных долинах Тянь-Шаня, Алая, в бассейнах р. Чу, Талас, Нарын. Тюркские погребения с конем встречаются в городских некрополях Чуйской долины и Прииссыккулья[629]. В настоящее время на территории Кыргызстана зафиксировано и исследовано более 50 погребений с конем и более двух десятков одиночных погребений.

Комплексы, состоящие из курганов и поминальных памятников, в основном изучались в Кочкорской долине Внутреннего Тянь-Шаня. Есть отдельные могильники, где преобладают захоронения человека с конем (рис. 30–32). Вместе с тем они составляют отдельную, обособленную компактную

---

628 Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах… С. 300.

629 Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане… С. 51–88.

группу в числе больших разновременных могильников. В составе могильников есть курганы и поминальные памятники. Во всех обследованных памятниках количество поминальных оградок с изваяниями было значительно меньше по сравнению числом курганов.

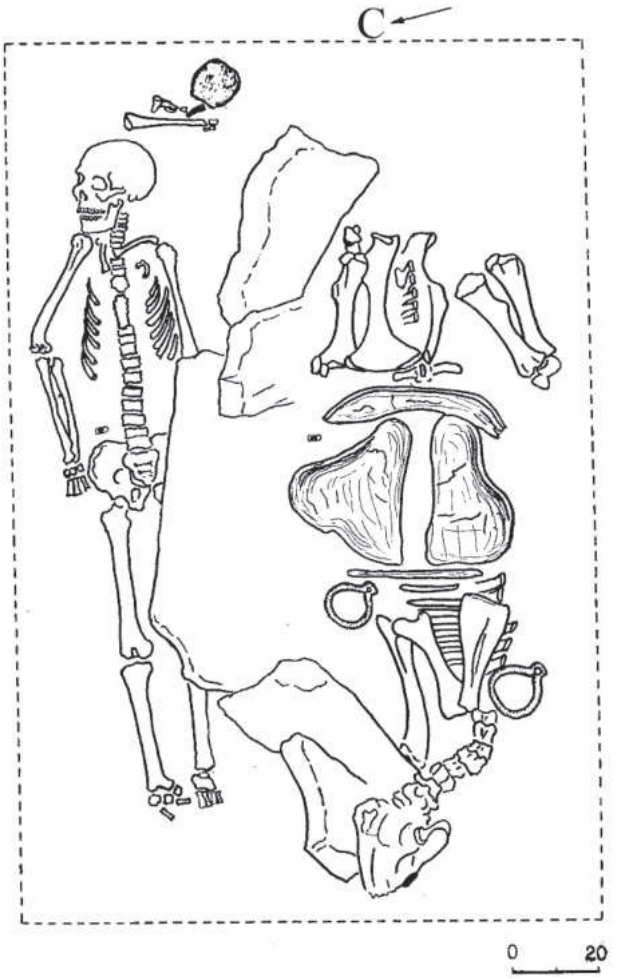

Рис. 30. Тюркское погребение с конем. VIII в. Беш-Таш-Короо II

Погребальные памятники — курганы являются основным и исключительным по своей значимости источником для исследования погребально-поминальной традиции раннесредневековых тюрков. Для строительства курганов использовались местные речные валуны, скальные обломки, которыми покрывались земляные холмы над могилой, обкладывались основания курганов, или курган сооружался вперемешку из камня и земли.

Рис. 31. Погребение с с конем. Ак-Кыя. Иссык-Куль. VIII в.

Курганы раннесредневековых тюрков Тянь-Шаня в большей части имеют округлую форму. Диаметр курганов составляет от 3 до 6,5 м. Надмогильные конструкции округлой формы не образуют устойчивых территориальных или хронологических групп и характерны в целом для раннесредневековых тюркских племен. Сооружение округлого очертания курганов было характерно для племен предыдущего времени и тюрков.

При сравнительном анализе надмогильных сооружений раннесредневековых тюркских могильников Тянь-Шаня был выявлен ряд специфических признаков, характерных для отдельных могильников[630]. Например, в одном из могильников преобладают курганы, у основания которых выложены массивные валуны, скальные обломки, внутри которых имеется засыпка из мелких камней, а в другом — курганы имеют просто каменную выкладку или насыпь без крепиды из массивных валунов у основания. Указанные особенности связаны с погребальными традициями, сформировавшимися внутри отдельных групп тюркского сообщества.

[630] Табалдиев К. Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня… С. 16–18.

Рис. 32. Погребение с конем. Беш-Таш-Короо. VIII

Внешние и внутримогильные конструкции также обнаруживают некоторые различия, которые позволяют выявить взаимодействия культурных элементов пришлого раннесредневекового тюркского населения и местных культур.

Земляные, каменно-земляные курганы диаметром от 4 до 30–40 м с подбойными или катакомбными могилами были распространены в первой половине I тыс. до н. э. Преобладание подбойных могил в среде тюрков, хоронивших умершего с конем, воспринимается как результат влияния погребальных традиций местных племен предтюркского времени и алтайских тюрков.

В некоторых тюркских могильниках курганы имеют овальные (эллипсовидные) в плане формы каменные насыпи, каменные выкладки[631]. Такой формы, овальные (эллипсовидные), среди курганов раннего дотюркского времени практически не встречается. Но позднее, в первой половине II тыс. н. э. подобные курганы становятся преобладающей формой в могильниках кочевников Тянь-Шаня. Часть курганов этого времени с овальным (эллипсовидным) очертанием принадлежали потомкам раннесредневековых тюрков, а иные — тюрко-монгольским племенам, мигрировавшим с востока.

Курганы в могильниках расположены по-разному. Однако какая-либо их определенная планиграфия, например, по направлению стран света или же по социальному различию умерших не отмечена. Дополнительных конструкций вокруг курганов не замечено. Количество надмогильных насыпей в могильниках составляло от 1 до 20 единиц.

Остатки костей домашних животных, золы и угля, фиксируемые при разборке и зачистке насыпи, свидетельствуют о бытовании ритуальных действий с использованием мясной пищи и огня во время возведения надмогильного сооружения и позднее. Отметим, что в раскопках археологами курганов эпохи раннего железного века и эпохи Великих Переселений народов редко отмечаются аналогичные следы ритуальных действий при процессе возведения надмогильного холма.

Раннесредневековые тюркоязычные племена умерших хоронили в основном в подбойных могилах с входной ямой, расположенной под насыпью, в центральной части кургана. Следует подчеркнуть, что своды подбойных могил не всегда сохранялись, чаще всего они обнаруживаются в заваленном состоянии. Вертикальные перекрытия из скальных плит и состав заполненных камнями и землей входных ям позволяют проследить размеры входной части и подбойных могил. Длины входной ямы и подбоя почти одинаковые — до 2 м, ширина входной ямы — до 0,60 м. Ширина подбоя — до 0,60–0,70 м. В погребениях с конем размеры входных ям больше, чем в обычных погребениях, до 0,80–0,90 м (рис. 33).

631 Табалдиев К. Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня… С. 17–18.

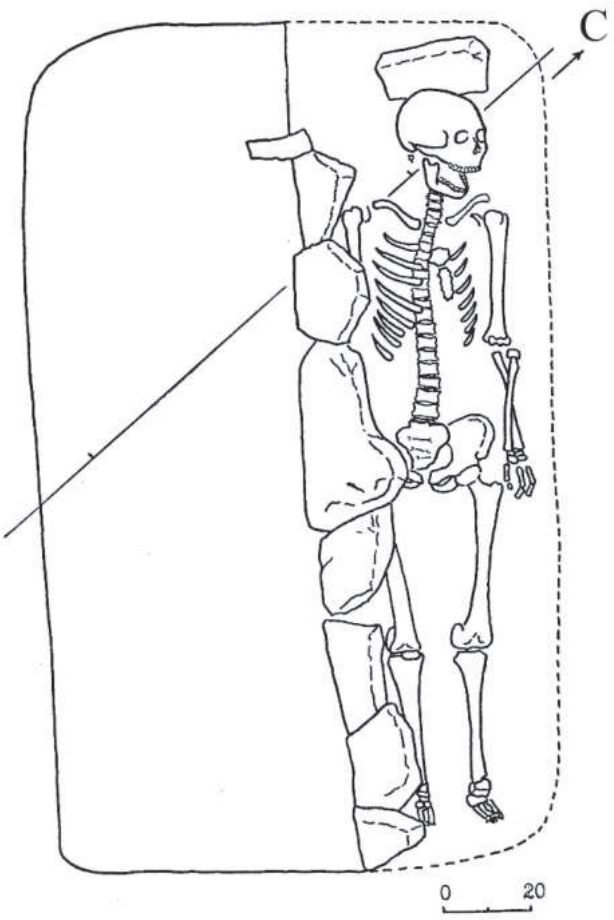

Рис. 33. Тюркское погребение. Кочкорская долина. VIII в.

Погребение в подбоях и катакомбах не было характерным для тюрков Алтая и Южной Сибири. И, вероятно, такую форму погребений следует принять как одну из особенностей культуры Западного-Тюркского каганата.

Для перекрытия входа подбойных могил использовались скальные плиты, реже бревна. Плиты и бревна устанавливались вертикально, с незначительным наклоном верхней части в сторону подбоя. После размещения коня со снаряжением входные ямы сверху забутовались валунами, скальными обломками вперемешку с землей.

Под одной насыпью обычно встречается одно погребение человека с конем в сопровождении коня или изредка только останки погребенного. Оседланного и взнузданного коня укладывали во входную яму подбойной могилы. Этот обряд не находит значимых аналогов в предыдущих историче-

ских периодах. Исследователи единодушно допускают датировку захоронений с конем именно начиная с эпохи раннего Средневековья, то есть с периода вхождения Тянь-Шаня и Семиречья в состав Первого Тюркского каганата. Опираясь на материалы исследования могильника Беш-Таш-Короо (I–III), где были обнаружены около двух десятков погребений с конем, можно сделать вывод о том, что кони в погребениях присутствуют вне зависимости от пола и возраста погребенного.

Умершие хоронились в могилах по обряду трупоположения: в могиле тело укладывалось на спину, руки располагались вдоль туловища, ноги вытянуты. Менее распространенным типом погребений является обычное одиночное человеческое захоронение (рис. 33). В могильниках тюрков превалируют погребения с конем.

При погребении с конем животное обычно укладывали во входной яме с подогнутыми под живот ногами или на боку, параллельно телу человека. Часто встречается и расположение в могиле лошади с повернутой к человеку головой.

Отмечается различная ориентация погребенных. В основном умершие расположены в захоронениях головой на восток. При погребении с конем выделяются два вида ориентации тела погребенного человека и коня. В одних случаях они положены разнонаправленно, в других — однонаправленно. В первом случае человек положен головой в сторону восточного сектора, во втором — покойный и жертвенный конь расположены головой в одинаковом направлении — на восток, запад, юго-запад или на юг. В отдельных могильниках преобладает однонаправленная ориентация человека и коня в сторону северного сектора.

Различаются и уровни таких погребений. В пределах одного могильника встречаются погребенные на одном уровне, когда человек находится на 15 см выше, на уступке, или наоборот — костяк человека находился на 15 см ниже коня. В одном кургане периода Первого тюркского каганата (563–618 AD), могильника Таш-Тюбе[632] скелет человека размещался справа от лошади, на 65 см ниже. В некоторых курганах человек и конь погребены на одном уровне. Глубина погребений с лошадью составляет от 1,35 до 2,50 м.

Отмеченные выше различия свидетельствуют о неоднородном составе тюркских объединений, о вариантах культурных элементов внутри за-

[632] Кибиров А. К. Работа Тянь-Шаньского археологического отряда // Краткие сообщения Института этнографии, XXVI. 1957. С. 81–88.

паднотюркского сообщества. Исследователи склонны относить погребения с конем к стойким традициям тюркоязычных племен Южной Сибири, Алтая, Тянь-Шаня, Семиречья.

Кроме погребения с конем на Тянь-Шане встречаются единичные погребения человека с овцой (бараном) (рис. 34). Внешние надмогильные сооружения таких захоронений почти не отличались от курганов с погребением человека с конем[633]. В одном кургане могильника Беш-Таш-Короо II было исследовано погребение коня с предметами умершего человека, что является кенотафом.

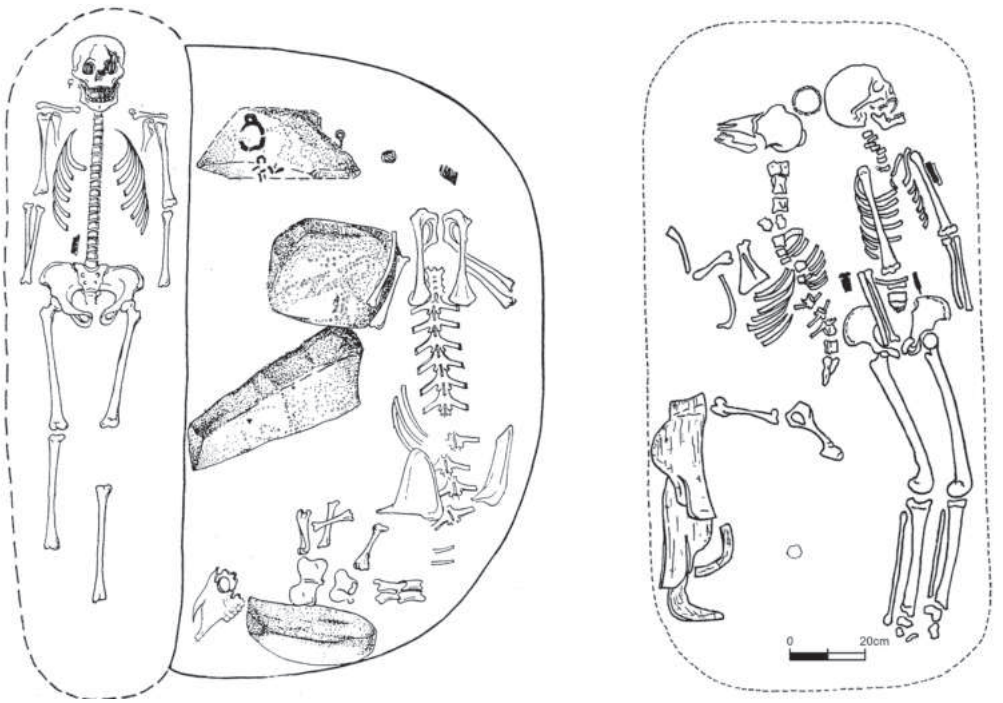

Рис. 34. Погребение человека с овцой. Аламышык, Суттуу-Булак

633 Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. 1952. № 26; Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш., Солтобаев О. А. Новые находки предметов изобразительного искусства древних тюрков на Тянь-Шане // Российская археология. 1997. № 3. С. 142–147.

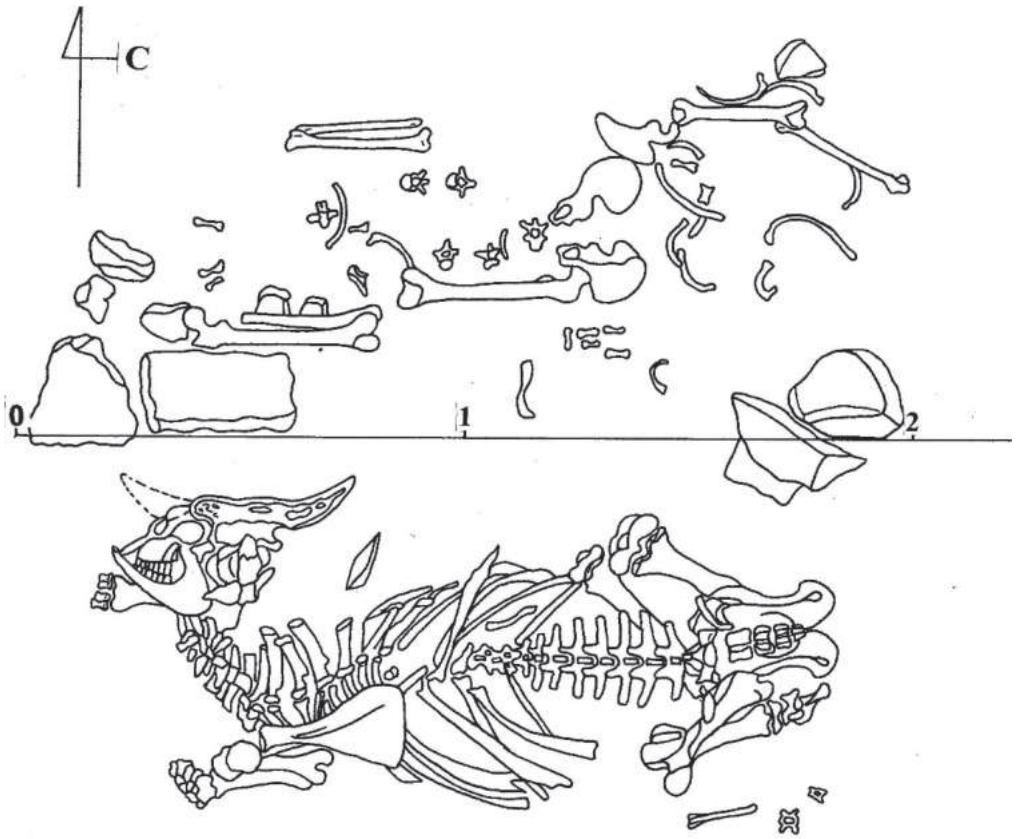

Рис. 35. Тюркское погребение с быком

В могильнике Бел-Саз (Кочкорская долина) было впервые обнаружено тюркское погребение человека с быком (рис. 35). Курган был ранее потревожен грабителями, но сохранившиеся в анатомическом порядке кости скелета позволяют уточнить основные детали погребального обряда. Погребенный человек был ориентирован головой на восток. Рядом находился скелет быка в анатомическом порядке. Курган, содержащий погребение человека и быка, — достаточно редкое явление. Принадлежность данного кургана к эпохе раннего Средневековья подтверждается обнаруженным под насыпью тюркским керамическим сосудом с широкой горловиной (рис. 36). Погребения человека с быком в памятниках предшествующего времени неизвестны.

Рис. 36. Керамический сосуд. Из погребения человека с быком. VIII в.

Погребальные памятники исследуются в горных и степных зонах Евразии, на территории распространения тюркской власти. Следовательно, можно говорить о единой культуре западных и восточных тюрков. Но не следует забывать, что она все время развивается, впитывая влияние предыдущих культур. Так, по результатам раскопок археолога А. Кибирова ранее было известно о двух погребениях с конем в катакомбе[634]. В настоящий период на Внутреннем Тянь-Шане, в могильнике Айгыржал были выявлены пять погребений с конем в катакомбе. Погребение человека было помещено головой в сторону востока. В перпендикулярно расположенной входной яме находился конь, головой ориентированный в сторону покойного. В процессе раскопок были найдены остатки удил с S-видными псалиями, боковая накладка лука. Компактное, обособленное расположение катакомб со скелетами коней в могильнике позволяет высказывать мнение о проживании на данной территории группы кочевников, которые являлись носителями синкретического обряда. Можно сделать вывод о том, что пришедшие с Алтая на Тянь-

[634] Кибиров А. К. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане // Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М.: Изд-во Ан СССР, 1959. Т. 2. С. 139–154.

Шань тюркоязычные племена оказывали на обрядовую культуру значительное влияние, в ином случае пришедшие тюрки могли бы перенять обряд захоронения местных племен, хоронивших своих умерших в катакомбах. Во II–III вв. н. э. в Иссык-Кульской котловине и во Внутреннем Тянь-Шане распространяются квадратные и прямоугольные погребальные сооружения с угловыми вертикальными камнями[635]. Позднее, в раннем Средневековье в кургане «с угловыми камнями» встречалось тюркское погребение с конем[636]. Этот факт также позволяет говорить о принятии местным населением похоронных традиций пришлых тюрков. Изучение различных элементов вышеуказанных контактов, традиций, взаимовлияний как представляющее особый интерес требует дальнейших исследований.

Процесс интеграции между местными племенами Тянь-Шаня, Притяньшанья и пришлых раннесредневековых тюркоязычных народов из восточных регионов Центральной Азии четко прослеживается и на материалах физической антропологии[637]. Антропологами изучены черепа из тюркских могильников Беш-Таш-Короо I–III. Анализ показал, что в мужской части серии представлены (пусть и в небольшом количестве) черепа чисто европеоидного типа, что может говорить о существенном европеоидном компоненте в антропологическом составе раннесредневекового населения Тянь-Шаня. В составе населения раннего железного века европеоидные элементы преобладали[638]. После раннего Средневековья европеоидный компонент практически исчезает и прослеживается лишь в виде небольшой примеси.

С самого начала средневековые города Семиречья обладали притягательностью для тюрков-кочевников. Города подчинялись тюркским каганам. В отдельных регионах шел процесс оседания тюрков. Следовательно, в Согде, в городах Чуйской долины формировалась городская культура тюрков, согдийцев и потомков древних местных племен. Этот процесс взаимообогащения продолжался в течение нескольких столетий. В такой долине, как Чуйская, где преобладали тюркские народы, данный процесс завершался асси-

---

635 Tabaldiev Kubatbek Innovation in der Kultur der Nomaden des Tienšan in der Völkerwanderungzeit // Hunnen zwischen Asien und Europa. Aktuelle Forschungen zur Archäologie und Kultur der Hunnen. Langenweiβbach. 2008. S. 83–90.

636 Зяблин Л. П. Средневековые курганы на Иссык-Куле // Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции. Том. 2. М., 1959. С. 141, 146.

637 Газимзянов И. Р., Тур С. С. Новые данные по палеоантропологии населения Тянь-Шаня эпохи средневековья. История средневековых народов степной Евразии. Материалы средневековой археологии Евразийских степей // Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012.

638 Тур С. С. Кочевники Кыргызстана сако-усуньского времени (по материалам палеоантропологического исследования): автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 1997.

миляцией согдийцев в среде тюрков. Раннесредневековые тюркские погребения с конем, обнаруженные на городских средневековых кладбищах, свидетельствуют о сохранении традиционных черт погребального обряда, об этом подробнее изложено в исследованиях В. Д. Горячевой и В. П. Мокрынина[639].

Для тюркских погребений с конем, датируемых в VII–VIII вв. н. э., в Центральном Тянь-Шане был характерен один важный элемент погребальной обрядности. Так, формируется обряд расположения рядом с телом погребенного человека символической пищи — задней ноги овцы[640]. У изголовья погребенного, между останками человека и коня, часто обнаруживается большая берцовая кость овцы с костями заплюсны. Эта традиция положения большой берцовой кости овцы рядом с умершим получает широкое распространение в XII–XV вв. н. э.

Позднее, в первой половине II тыс. н. э. вместе с берцовой костью клали и лопатку овцы. Сравнение с данными Центральной Азии указывает на то, что эта тюркская традиция затем распространяется в тюрко-монгольской среде. Отметим, что в этнической интерпретации погребений с берцовой костью овцы мнения исследователей расходятся. Некоторые ученые считают, что погребения с берцовыми костями овцы относятся монгольским погребениям или же к кыпчакским[641]. Если обратиться к археологическим источникам Тянь-Шаня, то ясно прослеживаются истоки этого обряда в погребальной традиции западных тюрков. Такие типичные признаки позволяют проследить пути формирования сходных черт в культуре тюрко-монгольских народов. Тюркский обряд погребения на рубеже I и II тыс. н. э. претерпел существенную трансформацию[642].

Распространение тюркской культуры на Тянь-Шане носило последовательный характер. Захоронения с конем, установление каменных изваяний с оградкой демонстрируют полное соответствие канонам культуры тюркской культуры Центральной Азии. Элементы погребально-поминальной традиции раннесредневековых тюркоязычных племен и народов не полностью исчезли под влиянием проникновения в регион ислама. Безусловно, измени-

639 Мокрынин В. П. Беловодский некрополь // Памятники Киргизстана. Фрунзе, 1982. Вып. 6. С. 51–53; Горячева В. Д. Город золотого верблюда (Краснореченское городище). Фрунзе. 1988. С. 80–83.

640 Табалдиев К. Ш. Традиции, связанные с животными, в погребальной практике кочевников Тянь-Шаня // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Новосибирск, 2013. Т. 12, вып. 3: Археология и этнография. С. 157–167.

641 Табалдиев К. Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня… С. 138–139.

642 Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане… С. 67.

лись и формы вещественных источников, произошел процесс синкретизации традиций доисламских и исламских традиций.

Обнаруженные памятники погребальной культуры XI–XV вв. указывают на то, что раннесредневековый тюркский обряд погребения с конем принял иную форму. Вместо коня в могилу стали укладывать конскую сбрую, символизирующую верхового коня. Еще позднее, уже в мусульманских погребениях погребальный инвентарь не укладывался. Однако элементы погребального обряда тюркоязычных народов раннесредневекового и позднесредневекового периода не утрачены и сохранились до наших дней. Например, у кыргызов сохранился обряд жертвоприношения лошади при похоронах, при поминовении умершего.

Военное дело западных тюрков. Исследование особенностей военной сферы жизнедеятельности западных тюрков и тюргешей представляет большой научный интерес, поскольку позволяет определить характерные особенности этого комплекса, уточнить его хронологию и оценить уровень развития военного дела данных групп средневековых кочевников. Средневековые тюркские номады этого региона составляли кочевое население Тянь-Шаня и Семиречья, из которого формировалась военная организация Западного Тюркского и Тюргешского каганатов и составлявшая Он Ок будун (см. выше). Начальник каждой «стрелы» получал в качестве символа властных полномочий настоящую боевую стрелу. Кроме войск, сформированных из населения этих государств, были подразделения на основе согдийского населения, составлявшие отряды — татов. Западные тюрки и тюргеши активно пользовались оружием, изготовленным городскими ремесленниками — оружейниками Семиречья. Частые военные конфликты с воинами правителей Сассанидского Ирана и Арабского халифата также оказали значительное влияние на развитие военного дела тюркских кочевников Среднеазиатского региона в течение эпохи раннего Средневековья. В изучение вооружения древних тюрков Тянь-Шаня и Семиречья внесли определенный вклад ряд кыргызстанских и российских исследователей[643].

В составе сопроводительного инвентаря древнетюркских памятников на Тянь-Шане были обнаружены срединные боковые накладки сложносоставных луков удлиненной трапециевидной формы со скошенными концами. На поверхности одной из таких накладок из археологического памятника Таш-Тюбе изображена гравированная сцена охоты пешего лучника, стре-

[643] Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане… С. 107.

ляющего из лука в двух убегающих ланей[644]. Вполне вероятно, что эти находки относятся к лукам определенного типа — со срединными боковыми накладками. Луки такого типа были наиболее широко распространены среди западных тюрков и тюргешей[645]. Другой тип лука с концевыми боковыми, срединными боковыми и срединной фронтальной накладкой был обнаружен в древнетюркском погребении по обряду ингумации в сопровождении верхового коня на памятнике Ала-Мышик на Тянь-Шане. Срединные боковые и срединная фронтальная накладки в этом захоронении сохранились частично. Схожий по своей конструкции был помещен в качестве сопроводительного инвентаря в погребение по обряду ингумации в сопровождении верхового коня на памятнике Алатау, исследованном казахскими археологами в Семиречье[646]. В могиле подростка на памятнике Беш-Таш-Короо II в Кочкорской долине на Тянь-Шане обнаружена целиком сохранившаяся деревянная кибить лука, которая имела уплощенные плечи и суженную середину и концы. Вполне возможно, что это была вотивная копия лука, который можно выделить в отдельный тип[647]. Для стрельбы по цели лучники западных тюрков использовали стрелы с железными наконечниками разнообразных форм. Они обстреливали противников стрелами с трехлопастными в сечении наконечниками с удлиненно-ромбическими, удлиненно-шестиугольными, вытянуто-пятиугольными, удлиненно-треугольными и асимметрично-ромбическими наконечниками. Некоторые из этих наконечников имели отверстия в лопастях и были снабжены полыми костяными шариками с отверстиями — свистунками. Такие наконечники найдены в древнетюркских памятниках на Тянь-Шане и в Семиречье[648]. На вооружении у западных тюрков были стрелы с плоскими железными наконечниками, рассчитанные на поражение легковооруженных противников. Один такой наконечник был обнаружен на памятнике Беш-Таш-Короо II на Тянь-Шане[649]. Древнетюркские стрелки обладали разнообразным набором стрел, ориентированным на преодоление средств металлической защиты у противников. Среди них были железные наконечники с трехгранно-трехлопастными, трехгранными, четырехгранными, округлыми и овальными в сечении нако-

644 Могильников В. А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981. Рис. 20, 26.
645 Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане… С. 109.
646 Там же. С. 109.
647 Там же.
648 Табалдиев К. Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. С. 44. Рис. 11, 5.
649 Там же. С. 44.

нечниками[650]. Древнетюркские лучники хранили и носили стрелы в колчанах с берестяными и деревянными приемниками[651].

В ближних и рукопашных боях древнетюркские воины атаковали своих противников копьями, саблями, кинжалами и боевыми ножами.

В материалах памятника Беш-Таш-Короо II представлен наконечник копья с округлым в сечении пером удлиненно-треугольной формы. Среди находок предметов вооружения на памятнике Сары-Булак в Чуйской долине имеется наконечник копья с линзовидным в сечении пером удлиненно-треугольной формы. На памятнике Беш-Таш-Короо II, в погребении древнетюркского воина, на Тянь-Шане была найдена единичная сабля со слабоизогнутым клинком без перекрестья[652]. В условиях ведения рукопашных боев западные тюрки и тюргеши могли атаковать противников кинжалами с двулезвийными прямыми клинками или однолезвийными боевыми ножами. У некоторых из боевых ножей черены рукоятей крепились под углом. В таком виде они изображались на каменных изваяниях западных тюрков с саблями, кинжалами и боевыми ножами в ножнах, подвешенными к поясам воинов, изображенных на скульптурах.

Для защиты от ударов вражеским оружием древнетюркские воины использовали металлические панцири, составленные из железных пластин с прямыми или зубчатыми краями, которые соединялись между собой. Вероятно, древнетюркские панцирные всадники использовали кроме панцирных доспехов и другие виды защитного вооружения, в том числе шлемы, кольчуги, щиты.

На некоторых петроглифических памятниках на Тянь-Шане и на гравированных рисунках на костяных пластинах из древнетюркского памятника Сутуу-Булак изображены древнетюркские воины в панцирных доспехах с разнообразным оружием[653].

Для военного искусства западных тюрков и тюргешей были характерны традиционные для средневековых кочевых народов Центрально-Азиатского историко-культурного региона приемы ведения конного боя. В условиях боевых столкновений воины западных тюрков и тюргешей, как правило, начинали бой с обстрела противников стрелами из своих луков с расстояния полета стрелы. Они начинали атаковать построение противника в рассыпном строю, стремясь обойти его с флангов, и вели интенсивный обстрел

650 Табалдиев К. Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. С. 44. Рис. 11, 5.
651 Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. С. 115–116.
652 Там же. С. 116–119.
653 Там же. С. 119–120.

противника своими стрелами. В решающий момент боя они атаковали вражеское построение силами своей тяжеловооруженной панцирной конницы, используя для этого имевшиеся у них копья и сабли. Как правило, во время проведения сражений решающее значение имела таранная атака тяжеловооруженной панцирной конницы. В сражениях принимали участие и отряды пехоты, сформированные из вспомогательных отрядов, набранных из числа вассального населения, согдийцев — татов. Воины из состава этих вспомогательных отрядов были вооружены своим оружием и средствами индивидуальной металлической защиты.

3.4. Тюркские каменные изваяния и поминальные сооружения Алтая и Тянь-Шаня (Г. В. Кубарев, В. Д. Кубарев, К. Ш. Табалдиев)

В горных долинах Алтая до наших дней сохранились памятники монументального искусства, установленные в древности. Они представлены энеолитическими стелами с чашечными углублениями и редкими изображениями животных, изваяниями эпохи бронзы, оленными камнями и раннесредневековой скульптурой, а также необработанными стелами и менгирами. К особой группе монументальных памятников Алтая следует отнести раннесредневековые каменные изваяния. Сотни подобных изваяний (по-древнетюркски *bediz*[654]) высятся в степях и межгорных котловинах Южной Сибири, Центральной и Средней Азии (рис. 37). Их точное число не поддается подсчету. Только на территории Российского Алтая найдено и обработано более 300, в Туве — по меньшей мере 100, а в Монголии — свыше 600 скульптур. Если учесть, что многие из них более чем за тысячелетний период истории были вывезены с места первоначальной установки, разбиты и уничтожены врагами тюрков и других тюркоязычных кочевников, не сохранились, будучи изготовленными из дерева, или просто представляли собой слегка подтесанные камни с антропоморфными очертаниями, то их число должно было составлять десятки тысяч.

[654] Значение слова *bediz*, как убедительно доказал С. Г. Кляшторный, обозначает скульптурные (статуарные или барельефные) изображения людей, которым посвящен погребальный обряд. См.: Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. С. 244–250.

Рис. 37. Раннесредневековые изваяния и поминальные оградки в урочище Кеме-Кечу. Фото В.Д. Кубарева

История изучения раннесредневековых каменных изваяний Алтая насчитывает, по меньшей мере, 200 лет с момента сообщений первых русских рудознатцев конца XVIII в. и естественнонаучных экспедиций начала XIX в. Заметки и записи о каменных изваяниях можно встретить в трудах П.С. Палласа, К.Ф. Ледебура, П.А. Чихачева, А.И. Шренка, С. И. и Н.С. Гуляевых, Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, А.В. Адрианова и многих других. Это и неудивительно, так как одиноко стоящие каменные фигуры, резко выделяющиеся на фоне азиатских гор и степей, одними из первых привлекали внимание путешественников и ученых.

В XX веке исследования раннесредневековых каменных изваяний Алтая, их фиксация, прорисовка и публикация были продолжены такими советскими археологами как С.И. Руденко, А.Н. Глухов, С.В. Киселёв, Л.А. Евтюхова, П.П. Хороших, С.С. Сорокин и др. Первой обобщающей монографией по раннесредневековым каменным изваяниям Алтая стала книга од-

ного из авторов данного раздела — В. Д. Кубарева[655]. Она явилась результатом более чем десятилетних целенаправленных работ с конца 1960-х по начало 1980-х гг., в результате которых ему удалось обнаружить более половины из известных на тот момент 256 изваяний. С тех пор почти каждый полевой сезон ведет к открытию новых монументальных памятников древнетюркской эпохи, и на сегодняшний день насчитывается, по меньшей мере, 319 скульптур[656]. Большая их часть к настоящему времени перемещена в му-

---

655 Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 232 с.

656 Могильников В. А., Елин В. Н. Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 127–153, рис. 11, 15; Кубарев В. Д., Кочеев В. А. Новая серия каменных изваяний Алтая // Археология Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. С. 206–222; Худяков Ю. С., Бородовский А. П. Раскопки на средней Катуни // Altaica. 1993. № 3. С. 17–20, рис. 1, 2; Bourgeois I., Bourgeois J., Ghent, Cammaert L., Decleir H., Langohr R., Mikkelsen J. H., Huele W. V., et all Multidisciplinary archaeological research in the Sebÿstei valley 1996–1997 (Kosh-Agash region, Altai Republic) // Eurasia Antiqua: Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. Berlin. 1999. № 5. P. 295–389; Бородовский А. П. Позднетюркский поминальник на нижней Катуни // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Азбука, 2001. Вып. XII. С. 176–179, рис. 1, 2; Кубарев Г. В., Оцука К., Масумото Т., Маточкин Е. П., Кубарев В. Д. Исследования Чуйского отряда на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. Т. VIII. С. 357–360, рис. 1; Кубарев В. Д. О работах на Российском Алтае // АО 2003 года. М.: Наука, 2004. С. 425–427, рис. 45; Кубарев В. Д., Со Гилсу, Со Джинсу. Обследование петроглифов Алтая в 2004 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. Т. X. Ч. I. С. 306–308, рис. 2; Кубарев Г. В. Исследование древнетюркских оградок в местностях Кыйу и Кызыл-Шин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005б. Т. XI, ч. I. С. 368–374; Кубарев Г. В., Розвадовски А., Кубарев В. Д. О новых древнетюркских изваяниях Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. Т. IX, ч. I. С. 373–376; Горбунов В. В., Тишкин А. А. Каменные изваяния тюркского времени на Яломанском археологическом комплексе // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии: сб. науч. тр. Барнаул: Азбука, 2007. С. 119–124. (Труды САИПИ: Вып. 3); Маточкин Е. П. Каменная скульптура могильника Бортулдага (Горный Алтай) // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии: сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во Азбука, 2007. С. 132–134. (Труды САИПИ: Вып. 3); Маточкин Е. П. Изваяние в устье Аргута // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2007. Вып. 6. С. 99–101; Кубарев В. Д., Кубарев Г. В. Новые древнетюркские изваяния Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. XV. С. 307–311; Ленская С. Г. Тюркские изваяния Средней Катуни // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2009. С. 189–192; Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Кубарев Г. В. Древнетюркские изваяния Чаганбургазы (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. Т. XVI. С. 289–293; Кубарев Г. В. Древнетюркские изваяния из Апшиякты в Центральном Алтае (к проблеме выделения женских статуарных памятников у древних тюрок) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. № 1 (45). С. 93–103 и др.

зеи Горно-Алтайска, Бийска, Барнаула, Новосибирска и др., и лишь незначительное их количество находится в местах первоначальной установки, в глухих и труднодоступных районах Алтая.

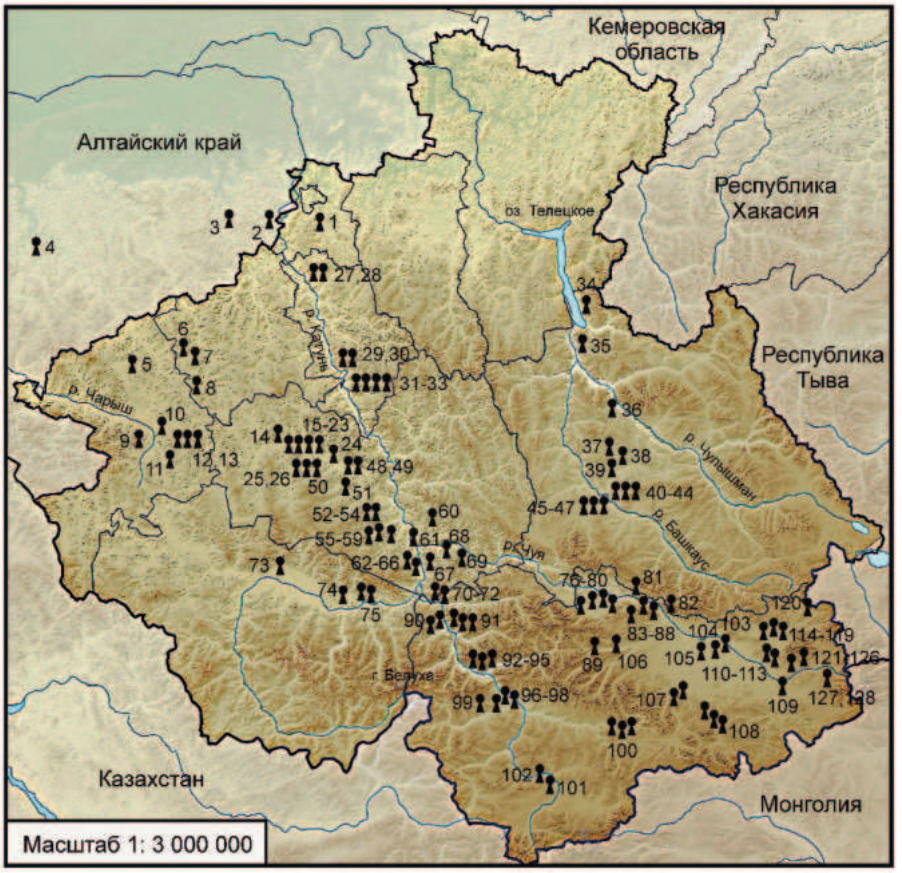

Рис. 38. Карта распространения раннесредневековых каменных изваяний на территории Республики Алтай. 1 — Горно-Алтайск; 2 — Бирюзовая Катунь; 3 — Большая Поперечка; 4 — Ануй; 5 — Белый Ануй; 6 — Барагаш; 7 — Айлян; 8 — Беш-Озек; 9 — Сары-Кобы; 10 — Канская степь; 11 — Карасу; 12 — Ябоган; 13 — Шиверта; 14 — Озёрное; 15 — Талдушка; 16 — Талда; 17 — Теньга; 18 — Кара-Коба; 19 — Урсул; 20 — Каерлык; 21 — Шибе; 22 — Длинный Бомчик; 23 — Ело; 24 — Курота; 25 — Согодёк; 26 — Соору; 27 — Чепош; 28 — Верх-Чепош; 29 — Бике; 30 — Чобурак; 31 — Куюс; 32 — Айрыдаш; 33 — Карасуг; 34 — Беле; 35 — Кудыргэ; 36 — Тиланду; 37 — Кожо-Таш; 38 — Малая Балыкса; 39 — Балыктыюль; 40 — Ян-Улаган; 41 — Кызыл-Мааны; 42 — Турала; 43 — Башкаус; 44 — Улаган; 45 — Узун-Язы; 46 — Сап-Сары; 47 — Чибиль; 48 — Нижняя Талда; 49 — Каракол; 50 — Кулада; 51 — Балык-Соок; 52 — Онгудай; 53 — Улита; 54 — Купчегень;

55 — Айтэны; 56 — Кор-Кечу; 57 — Большой Яломан; 58 — Бель; 59 — Казна; 60 — Айлагуш; 61 — Иня; 62 — Инегень; 63 — Сок-Ярык; 64 — Юхтинер; 65 — Теребеты; 66 — Кыйу; 67 — Кара-Корум; 68 — Апшиякта; 69 — Ачик; 70 — Сатакулар; 71 — Бортулдаг; 72 — Аргут; 73 — Уймонский край; 74 — Катанда; 75 — Тургунда; 76 — Тадила; 77 — Актру; 78 — Тётё; 79 — Курайская степь; 80 — Джаныскольс; 81 — Тыдтугем; 82 — Туярык; 83 — Кызыл-Шин; 84 — Юлячи; 85 — Сагалак; 86 — Чаганузун; 87 — Тая; 88 — Кожон-Чол; 89 — Соокту-Кообы; 90 — Кырландын-Кини; 91 — Кеме-Кечу; 92 — Тюргун; 93 — Карагем; 94 — Сал-Кечу; 95 — Теке-Туру; 96 — Самаха; 97 — Макажан; 98 — Джазатер; 99 — Боголок; 100 — Кыпчыл; 101 — Кальджин; 102 — Бертек; 103 — Торгон; 104 — Мухор-Тархата; 105 — Елангаш; 106 — Талтура; 107 — Себистей; 108 — Чаганбургазы; 109 — Терс-Акан; 110 — Кокоря; 111 — Ак-Товурак; 112 — Каман-Тон; 113 — Кара-Дюргун; 114 — Ардун-Тебе; 115 — Дъер-Тебе; 116 — Ян-Гобо; 117 — Узунтал; 118 — Согонолу; 119 — Малталу; 120 — Текелю; 121 — Туру-Алты; 122 — Ак-Кобы; 123 — Кызыл-Кабак; 124 — Барбургазы; 125 — Чибит; 126 — Чадыр; 127 — Юстыд; 128 — Кош-Агачский район

Картографирование раннесредневековых изваяний Алтая показывает, что наибольшее их скопление приходится на его центральную и южную часть (рис. 38). Это, конечно же, обусловлено тем, что оба эти района — исконные места обитания степняков-скотоводов, материальными памятниками истории которых и являются рассматриваемые нами изваяния. Места сооружения этих памятников выбирались в основном в межгорных котловинах («степях») и по долинам рек. Как правило, это небольшие по площади степные долины, часто на возвышенностях с панорамой на величественные, священные в древности горы. Лишь незначительное их количество зафиксировано в горно-лесных районах Северного Алтая и в высокогорных зонах региона, таких как, например, обширное по площади плоскогорье Укок, отличающееся суровым климатом и труднодоступностью.

Племенная принадлежность каменных изваяний и поминальных сооружений. Поминальные оградки с изваяниями, погребения в сопровождении коня, руноподобная письменность огромного Центрально-Азиатского и Средне-Азиатского регионов связывается большинством исследователей исключительно с культурой древних тюрков, или тюрок-тугю. Но так ли это на самом деле и что представляют собой древности других многочисленных тюркоязычных племен Центральной Азии, известных по раннесредневековым письменным источникам? Тезис, который подчеркнула еще А. А. Гаврилова, справедлив и актуален до сих пор: «А. Н. Бернштам, а затем Л. П. Потапов все алтайские памятники тюркского времени приписали тюркам, применяя это название не в этническом, а в политическом значении, но такое толкование далеко стоит от конкретной истории племен… разноплеменность

населения Алтая, отраженная для древнего населения в письменных источниках, осталась не выявленной»[657].

Предки современных тюркоязычных народностей Южной Сибири — алтайцев, тувинцев, хакасов, шорцев и др., судя по археологическим и письменным данным, обитали на территории Центральной Азии. Их кочевья распространялись также на территорию современного Российского Алтая. Это были два крупных объединения кочевых племен, под названием *теле* и *тугю*. Именно они сыграли главную роль в истории Южной Сибири в эпоху раннего Средневековья (VI–X вв. н. э.).

Согласно китайским династийным хроникам, 15 телеских племен проживали в Монголии, а также к северу от нее — в Саяно-Алтайском нагорье. Их точная локализация относительно друг друга затруднена. Сам же факт их расположения севернее тюрков-тугю подтверждают и тюркские рунические надписи в каганских поминальных памятниках Монголии: слева от тюрков (т. е. на севере) народ токуз-огузов[658]. Таким образом, телеские древности (изваяния и поминальные сооружения, курганы, наскальные рисунки и др.) должны быть представлены на территории Алтая. Однако в том же тексте в честь тюркского полководца Кюль-Тегина сообщается, что народ токуз-огузов был «мой собственный народ», а сам автор обращается к тюркским и огузским бегам и народу[659]. Именно поэтому можно утверждать, что Первый (551–630 гг.) и Второй (687–742 гг.) Восточно-Тюркские каганаты представляли собой племенной союз или конфедерацию родственных тюркоязычных племен с близкой материальной и духовной культурой, погребальными и поминальными обычаями.

По археологическим данным хорошо известно, что традиция изготовления каменных изваяний существовала не только у тюрок-тугю, но и, например, у уйгур и кимако-кыпчаков. При всех отличиях в иконографии изваяний этих тюркоязычных племен, различной традиции их установки (близ поминальной оградки, одиночная установка изваяния, установка нескольких изваяний на кургане-святилище), вероятно, все они восходят к одному «корню», к идее сохранения облика умершего родственника-предка. Поэтому вполне логично предположить, что не только у уйгур, но и у других телеских (огузских) племен, у западных тюрков существовала традиция изготовления

---

657 Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. С. 7.

658 Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 38, 40.

659 Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности… С. 39, 42.

и установки изваяний, вероятно, близ поминальной оградки. Во всяком случае, значительная часть поминальных комплексов в виде оградок с изваяниями может быть приписана карлукским племенам, которые, по сведениям китайских письменных источников, длительное время обитали на территории географического Алтая[660].

Археологические данные о традиции изготовления каменных изваяний у различных тюркоязычных племен подтверждаются сведениями письменных источников и этнографическими свидетельствами. Так, например, Гильом Рубрук сообщал о тюркоязычных половцах середины XIII в.: «Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке пред пупком чашу»[661]. Для тюрок-гузов (огузов) начала X в., обитавших на территории современного Западного Казахстана, арабский путешественник-миссионер Ибн-Фадлан хотя и не констатирует установку изваяний, но описывает устройство и назначение другого очень важного элемента погребально-поминального обряда тюркоязычных народов — балбалов: «Если же он (умерший — Г. К.) убил человека и был храбр, то *вырезают изображения из дерева по числу тех, кого он убил, и помещают их на его могиле* (курсив мой — Г. К.) и говорят: „Вот его отроки, которые будут служить ему в раю”»[662]. И это описание удивительным образом очень точно повторяет характеристику и назначение балбалов у тюрок-тугю Центральной Азии в китайских письменных источниках. Достаточно сравнить эту цитату с фрагментом китайского текста в переводе Н. Я. Бичурина об изготовлении погребально-поминального комплекса у тюрок-тугю: «В здании, построенном при могиле, ставят *нарисованный облик покойника* (изваяние — Г. К.) и описание сражений, в которых он находился в продолжение жизни. *Обыкновенно если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи* (курсив мой — Г. К.)»[663]. Эти цитаты самым ярким образом подтверждают общность как представлений, касающихся погребаль-

---

660 Кубарев Г. В. Карлуки Алтая по письменным и археологическим данным // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: сб. науч. ст., посв. 80-летию профессора Д. Г. Савинова. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 305–323. (Труды ИИМК РАН. Т. LVII).

661 Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Изд-во географ. лит., 1957. С. 102.

662 Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / ред. И. Ю. Крачковский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 63.

663 Бичурин Н. Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Алматы: Жалын баспасы, 1998. Ч. 1. С. 234.

но-поминальной обрядности, так и собственно структуры и элементов погребально-поминальных сооружений (изваяние, балбалы, оградка, головы или шкуры жертвенных животных на шестах и пр.) у разных, но родственных тюркоязычных племен и народностей. Из сообщения арабского автора можно сделать вывод, что телеские (огузские) племена имели очень близкую тюркам-тугю погребально-поминальную обрядность. Более того, свидетельство арабского источника значительно лучше объясняет назначение балбалов у тюркских поминальных оградок Центральной Азии как символического, поминального «подарка» умершему от соплеменников, нежели данные, приведенные китайским летописцем. Балбалы символизировали убитых врагов, которые должны были прислуживать умершему в потустороннем мире. Часто они дополнительно обрабатывались и им придавались антропоморфные очертания, на некоторых экземплярах выбивались схематичные изображения черт лица человека. Именно к такому выводу о балбалах как поминальных дарах со стороны родственников и соплеменников на основании переводов рунических надписей на балбалах в Онгинском комплексе и поминальном мемориале Бильге-кагана («каменный балбал шада тёлисов», «балбал Ишбара-таркана») пришел С. Г. Кляшторный[664].

Такая интерпретация балбалов объясняет их наличие и у некоторых женских изваяний. Так, от поминального комплекса тюркского аристократа с валом и рвом в долине р. Хар-Ямаатын-гол (Монгольский Алтай) с мужским изваянием и, вероятно, обломанным женским изваянием, отходили два ряда балбалов[665]. «Мужской» ряд балбалов протянулся на 184 м и мог насчитывать до 77 вертикально установленных камней, «женский» ряд — соответственно на 59 м и включал до 25 камней. Конечно, супруга тюркского аристократа вряд ли в течение своей жизни убила 25 врагов, а вот ее родственники и соплеменники вполне могли «подарить» балбалы, символизирующие убитых врагов, в качестве слуг в потустороннем мире для уважаемой и знатной женщины. Также сомнительно, чтобы кто-нибудь из тюркских каганов мог убить при жизни от 250 до 500 врагов по числу балбалов у некоторых каганских мемориалов на территории Монголии. Однако знать и приближенные воины, а также представители племен, входящих в тюркскую конфедерацию, также могли «подарить» и установить свои балбалы для кагана.

---

664 Кляшторный С. Г. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах (К интерпретации Ихе-Ханын-норской надписи) // ТС, 1974. М., 1978. С. 254.

665 Кубарев Г. В. Мемориальный комплекс древнетюркского аристократа из Хар-Ямаатын-гола (Монгольский Алтай) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 7: Археология и этнография. С. 138, 139.

Именно поэтому на каганских мемориалах в Монголии часто обнаруживают тамги и даже рунические надписи «дарителя».

Наконец, если предположение о том, что смежные оградки кудыргинского типа, отличающиеся небольшими размерами, а также каменные ящики действительно могли сооружаться для детей, то и у таких «детских» оградок с восточной стороны также фиксируются балбалы. Ряд, который они образовывали, был очень короткий по сравнению с большими оградками, а сами балбалы очень грацильными[666]. Эти факты могут быть легко объяснены выводом о балбалах как поминальных дарах со стороны родственников.

В свое время один из авторов этого раздела на основе анализа характерных деталей одежды на раннесредневековых изваяниях Центральной и Средней Азии пришел к заключению о существовании двух вариантов верхней распашной одежды — кафтана — у древних тюрков[667]. Один из них: распашной, двубортный, слегка приталенный кафтан с длинными узкими рукавами (иногда с манжетами) и довольно большими треугольными (в том числе, фигурными) отворотами-лацканами (рис. 39, 40). В верхней части он имел от одной до трех застежек. Вторым вариантом того же кафтана являлось изделие с вырезом на груди, но без отворотов и воротника (рис. 41).

Все остальные характеристики совпадали с первым вариантом. Обе разновидности кафтанов запахивались на кочевнический манер — на левую сторону (т. е. правая пола сверху) в отличие от китайской традиции — запáха на правую сторону. Однако уже тогда было подмечено, что на изваяниях с «лацканами», как правило, отсутствуют головные уборы и показаны косы. Изваяния же в кафтане с простым вырезом на груди чаще изображены в головных уборах (в том числе в небольшой шапочке типа тюбетейки) и без кос. На этом основании было высказано предположение о возможной этнической дифференциации внутри полиэтнического государственного объединения древних тюрков[668]. Сейчас этот тезис получает новое развитие в свете интерпретации большинства раннесредневековых памятников Алтая как принадлежащих карлукам, или по-тюркски — уч-огузам, т. е. телеским племенам[669].

---

666 Кубарев Г. В. Оградки кудыргинского типа в урочище Ак-Кообы (Юго-Восточный Алтай) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 7: Археология и этнография. С. 233, 234.

667 Кубарев Г. В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 33.

668 Кубарев Г. В. Культура древних тюрок Алтая… С. 47.

669 Кубарев Г. В. Карлуки Алтая по письменным и археологическим данным… С. 305–323

Рис. 39. Каменные изваяния (1–7) и сцены граффити (8,9) с персонажами в кафтанах с треугольными отворотами-лацканами и косами на Алтае, оставленные тюрками племени чеби (?). 1 — Кыпчыл; 2 — Торгон; 3,6 — Кара-Коба; 4 — Кара-Дюргун; 5 — Алтай (точное местонахождение не известно); 7 — Узунтал; 8,9 — Чаган. Масштаб разный. 1–7 — фото и рисунки Г. В. Кубарева, 8,9 — по: Черемисин Д. В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 1 (17). С. 39–50, рис. 7,19

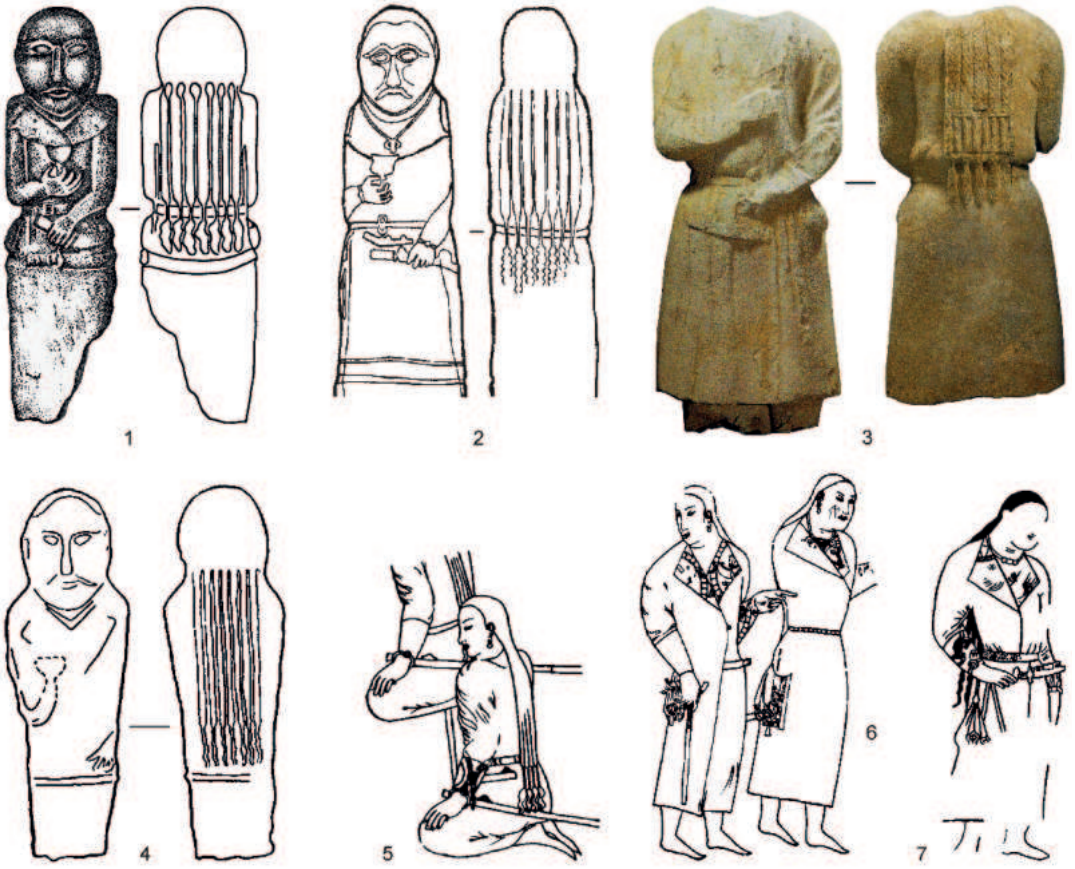

Рис. 40. Каменные скульптуры и изображения тюрок-тугю в кафтанах с треугольными отворотами-лацканами из Семиречья (1,2,4), Китая (3), Согда (5–7).
1 — Тенгеньбулак, Каратау (по: Шеру, 1966, с. 80,82, табл. III, 16); 2 — Корумды, Иссык-Куль (по: Шеру, 1966, с. 90, табл. VIII); 3 — скульптура посла в погребальном комплексе императора Тай-цзуна, Сиань, пров. Шэньси, Китай (after: Xi'an, 2006, Abb. 187, 188); 4 — Киргизия (точное местонахождение неизвестно) (по: Шеру, 1966, с. 86, табл. VI, 26); 5–7 — настенные росписи Афрасиба (по: Альбаум, 1975, рис. 5,7). Масштаб разный

Рис. 41. Каменные изваяния Алтая, воспроизводящие карлуков (?) в кафтане с простым вырезом (либо без него), часто в головном уборе. 1 — Кезер, Тётё; 2 — Малталу; 3 — Кыпчыл; 4 — Белый Ануй; 5 — Большой Яломан; 6 — Туру-Алты; 7 — Актру; 8 — Самаха. Масштаб разный. Фото Г. В. Кубарева

Действительно, нам хорошо известно, как выглядели тюрки-тугю по настенным росписям Афрасиаба, гравировкам и статуарным изображениям на территории Китая, Монголии и Семиречья. Наиболее характерными чертами их облика был длиннополый кафтан с орнаментированными треугольными отворотами-лацканами и длинными, заплетенными в несколько кос

волосами (рис. 40). Однако на территории как Российского, так и Монгольского Алтая в отличие от Синьцзяна, Южного Казахстана и Центральной Монголии таких изваяний очень немного. Косы воспроизведены всего у двух изваяний (рис. 39, *6, 7*), а треугольные отвороты-лацканы — у еще пяти изваяний (рис. 39, *1–5*)[670]. Таким образом, они составляют чуть больше 2% от общего числа изваяний Алтая. Большая часть подобных скульптур приходится на юг Российского Алтая. Здесь же представлены и наскальные гравировки с такими персонажами (рис. 39, *8, 9*). С наибольшей долей вероятности эти изваяния и гравировки можно приписать не тюркам рода Ашина, а представителям тюркского племени тули (чеби) кагана Чеби и связать с событиями на Алтае 630–650 гг.

Каган Чеби в течение длительного времени был «малым каганом». После поражения последнего кагана Сели (Хйели) Первого Восточно-Тюркского каганата в 630 г. вожди хотели поставить Чеби кагана «большим каганом». Однако в это время каганом стал вождь племени сеяньто, которому Чеби подчинился. Из-за растущей популярности сеяньто решили убить Чеби, который был вынужден бежать в места своих кочевий (Монгольский и, вероятно, южная часть Российского Алтая), где ему подчинились карлуки. Собрав под свои знамена тридцать тысяч воинов, он объявил себя каганом Ичжу Чеби. В 650 г. китайский полководец Гао Кань во главе конницы двух токуз-огузских племен — уйгуров и буку (пугу) пленил кагана Чеби и препроводил его в Чанъань. Остатки народа кагана Чеби (племени чеби), а также часть карлуков (одно из карлукских племен?) в 650 г. частично были переселены в восточную часть нагорья Хангай (Отюкен).

Основную же массу изваяний Алтая из числа реалистичных фигур (по меньшей мере, 85 экз.), т. е. 27% от общего количества составляют скульптуры без треугольных отворотов-лацканов, с простым разрезом (либо без него) и без кос (рис. 41). В то же время у них часто воспроизведены головные уборы, в остальном — наборные пояса, сосуды, кинжалы, мечи имеют общетюркский облик и ничем не отличаются от первой группы изваяний, так же как собственно и каноническая поза — в правой руке сосуд, левая — на рукояти оружия или на поясе (рис. 41).

---

[670] По понятным причинам из анализа исключены лицевые изваяния, на которых отсутствуют какие-либо элементы костюма.

Рис. 42. Каменные изваяния, воспроизводящие согдийцев, из урочища Кеме-Кечу (1,3) и аналогии к ним (2,4). 1,3 — Кеме-Кечу (фото и рисунки Г. В. Кубарева); 2 — Сианьь (по: Сианьь, 2003); 4 — Пенджикент (по: Маршак, 2009). Масштаб разный

Отсутствуют отвороты-лацканы, в том числе, и у тщательно и мастерски выполненных изваяний знати на Алтае (рис. 42, *1–4*), и предположить, что они были опущены из-за трудности их воспроизведения в камне, невозможно. Так, например, у знаменитого изваяния Кезер из Курайской степи

и реалистично выполненного изваяния из Белого Ануя не показана эта характерная деталь костюма (рис. 41, *1, 4*). Именно поэтому наличие или отсутствие такого важного элемента верхней одежды как треугольные отвороты-лацканы и длинные волосы, заплетенные в косы, следует рассматривать как определяющий критерий для этнической или племенной дифференциации изваяний тюрок-тугю в среде других родственных тюркоязычных племен Центральной и Средней Азии и, прежде всего, телеских племен. Опираясь на данные письменных источников, с большой долей уверенности следует приписать основную массу, в первую очередь, реалистичных изваяний без отворотов-лацканов и кос карлукам. Каноническая поза, воспроизведенный на изваяниях общетюркский предметный комплекс, наличие сходных элементов поминального сооружения (изваяния, оградки, балбалы) позволяют утверждать близкое родство и общее происхождение, единые мировоззренческие представления у тюрок-тугю и телеских племен и, в частности, у уч-карлуков — трех карлукских племен.

Поминальные комплексы так называемого юстыдского типа (четырехплитовый ящик, изваяние, балбалы) на Алтае являются крайне немногочисленными и локализуются исключительно в южной его части. Они имеют аналогии с большим количеством близких поминальных памятников тюрок-тугю с территории Центральной Монголии. На плиты части из них нанесены тамги рода Ашина, что позволяет их датировать временем Второго Тюркского каганата (682–744 гг.). Некоторое распространение подобных памятников на территории Российского Алтая наталкивает на мысль, что они оставлены здесь выходцами из Монголии — тюрками-тугю — преимущественно в период союзнических отношений и сюзеренитета тюрков над карлуками — 682–710 гг.

В лицах подавляющего большинства алтайских раннесредневековых изваяний угадываются монголоидные и, возможно, смешанные монголоидно-европеоидные черты: широкие лица с выступающими скулами, узкий, незначительно выступающий нос. Однако лица двух изваяний производят полное впечатление того, что перед нами европеоиды. Обе скульптуры обнаружены в одном и том же поминальном комплексе в местности Кеме-Кечу, в долине р. Аргут (рис. 42, *1, 3*). Кроме собственно европеоидных черт лица их объединяют между собой очень необычные для алтайских изваяний элементы костюма — глухая, без воротника, но с окантовкой верхняя одежда и головной убор, отдаленно напоминающий чалму (?) с рельефными валиками (рис. 42, *1, 3*). Скорей всего, эти два изваяния выполнены одним и тем же мастером с небольшим временным интервалом. Больше все-

го по элементам костюма и европеоидным чертам лиц эти два изваяния соответствуют согдийцам (рис. 42, *2, 4*). Абсолютно идентичная верхняя одежда воспроизведена на согдийце (рис. 42, *2*) с барельефа саркофага из могилы согдийского *сабао* (торгового представителя, отвечающего, в том числе, за организацию и прием согдийских и тюркских посольств в Китае) по имени Аньцзя, исследованной в городе Чаньань (совр. Сиань)[671]. Согласно эпитафии, *сабао* Аньцзя умер в мае 571 г. Такой же кафтан, а также наборный пояс с кинжалом и сумочкой изображены и на согдийцах в настенных росписях Пенджикента конца VII — начала VIII в. (рис. 42, *4*)[672].

Рис. 43. Женское изваяние кимако-кыпчакского облика из местности Айлян. Фото Г. В. Кубарева

Хорошо известно, что согдийцы в качестве торговцев и советников тюрков поселялись на исконно кочевых территориях, основывали свои колонии-

671 Сиань Бэйчжоу Аньцзя му (Anjia Tomb of Northern Zhou at Xi'an»). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2003. 113 с. (на кит. яз.). Рис. 56.

672 Живопись древнего Пянджикента. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 204 с. Табл. VII, VIII, XII, XXXIII; Маршак Б. И. Искусство Согда / Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. С. 38.

поселения и, в том числе, на территории Западной, Центральной и Внутренней Монголии. Из китайских источников известно, что среди простодушных и недальновидных тюрков проживало много коварных и хитрых ху (согдийцев), которые научают и направляют тюрков[673]. Если наше предположение о том, что эти два изваяния воспроизводят согдийцев верно, то необходимо признать, что они были полностью инкорпорированы в среду кочевников, и по тюркскому обычаю им была возведена поминальная оградка и изготовлены реалистичные изваяния. Вместе с тем поражает факт того, что эти два памятника расположены в очень труднодоступном урочище Алтая.

Другим редким примером воспроизведения согдийца на раннесредневековом изваянии, по-видимому, является каменная скульптура из аймака Завхан в сопредельной с Алтаем Северо-Западной Монголии[674]. По справедливому мнению С. А. Яценко, черты лица, прическа в виде завитых спереди волос и ожерелье с семью бусинами на груди выдает в этом персонаже мужчину-согдийца[675].

Женское изваяние из урочища Айлян является едва ли не единственным изображением кимако-кыпчакского облика из числа найденных на территории Алтая (рис. 43). В пользу этого свидетельствует его иконографические особенности: черты лица (маленькие глаза и рот), низкий рельеф как лица, так и всей скульптуры — объем максимально приближен к исходной форме монолита. Наконец, воспроизведение женской груди и островерхого головного убора, возможно, первоначально — сосуда в обеих руках. Эти иконографические и стилистические особенности айлянского изваяния, прежде всего, соотносятся именно с кимако-кыпчакскими памятниками Восточного и Центрального Казахстана, а не с тюркскими изваяниями Алтая.

Крайне важно то, что айлянское изваяние обнаружено на территории Северного Алтая, который представляет собой предгорную или горно-степную его часть, граничащую как со степным Алтаем, так и с Восточным Казахстаном. Именно предгорья Алтая в значительно большей степени, чем Горный Алтай, во все исторические эпохи являлись контактной зоной. В то же время в Северном Алтае тюркских изваяний, как и других тюркских памятников, значительно меньше, чем в Центральном и Южном Алтае.

---

673 Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. С. 115.

674 Яценко С. А. Несколько наблюдений о костюме ранних тюрков на изображениях // ТС 2011–2012: Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М.: Наука — Вост. лит-ра, 2013. С. 425, рис. 10.

675 Там же. С. 425, рис. 10.

Датировка изваяний и поминальных сооружений. Первые образцы монументальной каменной скульптуры известны уже в начальный период появления на горных и степных пространствах Центральной Азии тюрок-тугю, создавших свою государственность в VI в. н. э. Политической основой, а также важным условием консолидации и культурного расцвета алтайских народностей в средневековую эпоху послужил могущественный Первый Тюркский каганат. Это крупное объединение племен, по существу, было первой евразийской империей, границы которой простирались от Корейского залива на востоке до Крымского полуострова на западе, от пустыни Гоби на юге до озера Байкал и границы с таежным краем на севере. Одним из проявлений новой средневековой культуры и была каменная скульптура.

К раннесредневековым изваяниям Алтая, относящимся к раннетюркскому периоду (VI — первая половина VII в.), по-видимому, следует отнести в первую очередь антропоморфные стелы и так называемые лицевые изваяния. В этот период поминальные памятники, как и иконография самих изваяний, у раннесредневековых кочевников Алтая еще не получили своего классического, завершенного вида. Тюркоязычные кочевники Саяно-Алтая продолжали устанавливать изваяния и возводить поминальные оградки на протяжении всей второй половины I тыс. н. э. На это не повлияли ни разгром Второго Восточно-Тюркского каганата в 742 г., ни образование сначала Уйгурского (745–840 гг.), а затем и Кыргызского каганатов (середина IX–XI в.). Более того, число раннесредневековых изваяний периода VII–VIII вв. на Алтае, судя по изображенным на них реалиям, достаточно велико и составляет едва ли не половину их общего количества.

Определенную информацию можно получить, анализируя реалии, изображенные на каменных фигурах. Для этого археологами используется метод сопоставления изображений пояса, оружия, сосудов с артефактами из раннесредневековых погребений или корреляция их с настенной живописью и другими изобразительными данными из земледельческих центров Китая и Согда. Отдельные элементы костюма и вооружения позволяют определить примерную дату изготовления каменных скульптур и их вероятную этнокультурную или племенную принадлежность. Подобно многим чертам погребальной обрядности (сопогребение коня, сооружение насыпи курганов, возведение балбалов и др.), элементам материальной и духовной культуры, традиция установки антропоморфных изваяний у тюркоязычных кочевников уходит своими корнями в эпоху бронзы — раннего железного века.

В случае с лицевыми изваяниями метод аналогий с датированными артефактами и изобразительными данными применить невозможно, и они мо-

гут быть датированы либо очень широко в пределах второй половины I тыс., либо узко, но с опорой на конструктивные особенности поминального сооружения, используя радиоуглеродное датирование. Последние 20 лет все большее применение для датировки поминальных сооружений — каменных изваяний получают методы естественных наук: радиоуглеродное датирование, дендрохронологические определения и их перекрестное использование, в том числе с применением методики wiggle-matching. В большинстве случаев подобное датирование подтверждает выводы археологов, к которым они пришли на основе традиционных методов датировки. Так, например, по поминальным оградкам с уникальными изваяниями в Апшиякте была получена радиоуглеродная дата в интервале 526–652 гг.[676] Это в свою очередь хорошо согласуется с датировкой могильника Кудыргэ (вторая половина VI–VII в.) и, по-видимому, большинства жанровых сцен и скульптур с изображениями трехрогого головного убора. Полученная дата лишний раз подтверждает, что лицевые изваяния и смежные оградки кудыргинского типа относятся к раннетюркскому периоду. Дополнительным доводом в пользу датировки изображений женщин в трехрогом головном уборе и сцен, персонажами которых являются правитель и его жена, VI–VII вв. служат монеты с территории Согда[677].

Примерами определения времени сооружения поминальных оградок путем перекрестного датирования при помощи радиоуглеродного и дендрохронологического анализов являются исследования, проведенные с дендрообразцами из оградок Кызыл-Шина (Российский Алтай) и из мемориального комплекса Хар-Ямаатын-гол (Монгольский Алтай)[678]. Важен сам факт датировки раннесредневековых поминальных оградок из Кызыл-Шина раннетюркским периодом — концом VI–VII вв. Все пять оградок были возведены без большого хронологического перерыва в интервале 579–699 гг.[679] На примере объекта № 18 из Кызыл-Шина можно в очередной раз констатировать наличие в этот период отдельной разновидности раннесредневековых мемориальных памятников в виде круглых каменных насыпей. Эта кладка сооружена в тот же период, что и другие рассматриваемые здесь «классические» оградки. Их сближает такая характерная особенность, как наличие

---

676 Кубарев Г. В. Древнетюркские изваяния из Апшиякты в Центральном Алтае… С. 101.

677 Шагалов В. Д., Кузнецов А. В. Каталог монет Чача III–VIII вв. Ташкент: Фан, 2006. С. 75,79.

678 Кубарев Г. В. Древнетюркские изваяния из Апшиякты в Центральном Алтае… С. 146–148; Кубарев Г. В. Древнетюркские оградки Кызыл-Шина (Юго-Восточный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. № 2 (46). С. 87, 88.

679 Кубарев Г. В. Древнетюркские оградки Кызыл-Шина… С. 88.

вкопанного в центре лиственничного столба. Поминальные раннесредневековые сооружения в виде круглых каменных кладок исследованы, в том числе, на могильнике Бике III на Средней Катуни[680]. Обращает на себя внимание тот факт, что под их насыпями, подобно объекту 18 в Кызыл-Шине, зафиксированы столбовые ямки с каменной забутовкой и древесным тленом, а датировка этих сооружений, согласно радиоуглеродным определениям, находится в пределах V–VII вв.

Немногочисленные оградки юстыдского типа, насчитывающие на юге Алтая всего около полутора десятков объектов, по-видимому, были оставлены тюрками-тугю и датируются хронологическими рамками Второго Тюркского каганата (682–744 гг.), а возможно, и более узким периодом — 682–710 гг. Во всяком случае, группы карлукских тамг и тамг рода Ашина, вырезанные на серебряном сосуде из юстыдской оградки, позволяют прийти к такому выводу. Исходя из исторической канвы, известной по письменным источникам, союз между тюрками-тугю и карлуками мог быть заключен и поддерживаться в первые тридцать лет существования этого государственного образования — 682–710 гг., вплоть до начала тюрко-карлукских войн в 711 г. Раннесредневековые поминальные памятники II и III типа Монголии, аналогичные юстыдским, по мнению В. Е. Войтова, относятся именно к эпохе Второго Тюркского каганата[681]. Кроме конструктивных особенностей монгольские комплексы этих типов и алтайские оградки юстыдского типа связывает и воспроизведение тамг рода Ашина в виде горного козла. С одной стороны, это тамги на юстыдском серебряном сосуде из поминального комплекса, с другой — такие же тамги на плитах памятника Хуль-Асхете I и Шатар-Чулу II[682].

Если наше предположение о принадлежности немногочисленных реалистичных изваяний с треугольными отворотами-лацканами и косами (рис. 38, *1–7*) тюркам племени тули (чеби) верно, то эти изваяния, опираясь на сведения письменных источников, можно датировать весьма узко — VII в. Этой датировке не противоречат реалии, воспроизведенные на этой группе изваяний.

---

680 Соёнов В. И., Трифанова С. В., Константинов Н. А., Штанакова Е. А. Раскопки средневековых объектов на могильнике Бике III // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2009. № 1/2. С. 80–81.

681 Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во ГМВ, 1996. С. 49, 61.

682 Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания… С. 51, 61, рис. 52, 4,5; 67; 72, 3.

Женское изваяние кимако-кыпчакского облика из местности Айлян (рис. 43) можно датировать IX–XI вв. Подобные изваяния Восточного Казахстана датируются исследователями IX–XI вв. и вплоть до XIII в.[683]

Иконография, гендерная принадлежность, материал и техника изготовления изваяний. Материалом для изготовления изваяний, как правило, служили мягкие породы камня: песчаник, гнейс, алевролит и различные сланцы. Гораздо реже применялись интрузивные горные породы: граниты, диориты и габбро, что, конечно же, связано со сложностью их обработки. В тех случаях, когда материал изготовления скульптур удалось «привязать» к конкретным свитам пород и скальным выходам, можно констатировать, что, как правило, камень брался всего в 1–2 км от мест установки монументальных памятников. Лишь в единичных случаях заготовки для изваяний вывозились на расстояние в 15–20 км.

Технические приемы ваяния и применяемые инструменты в целом, вероятно, были одинаковыми у мастеров Алтая, Тувы, Монголии и Семиречья, так как каменные изваяния — памятники единого круга раннесредневековых кочевников. Культовый характер памятников канонизировал не только иконографические черты раннесредневековых изваяний, но и определял консервативность основных технических приемов. Самым распространенным техническим приемом у древнеалтайских мастеров был барельеф. Значительная часть изваяний Алтая выполнена в технике высокого и низкого рельефа. Наряду с ними на Алтае очень много памятников и лицевых стел, на гладких поверхностях которых точечной техникой нанесены только изображения лица или головы человека. Все детали на таких изваяниях выполнены серией редких и неглубоких точек, иногда сливающихся в полосу или неглубокий желобок. Окончательная отделка включала шлифовку отдельных фигур, а в некоторых случаях, возможно, и раскраску деталей в различные цвета (особенно в тех случаях, когда памятник был выполнен из светлых пород камня).

Иконографию алтайских изваяний можно назвать канонической для подобных памятников эпохи раннего Средневековья в Центрально-Азиатском регионе. Около 40% от всех скульптур представлены изображениями мужчины анфас, держащим правой рукой сосуд перед грудью, а левой — опирающимся на рукоять меча, сабли или кинжала (рис. 44, *1, 2*; 3, *1–4, 5*; 5, *1–4, 6–8*).

---

683 Чариков А. А. Каменные скульптуры средневековых кочевников Прииртышья // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука Каз. ССР, 1980. С. 138 и др.

Рис. 44. Разнотипные раннесредневековые изваяния Алтая: в канонической позе (1, 2), лицевые изваяния (3–7), скульптуры с сосудом в обеих руках (8–11). 1 — Шиверта; 2 — Озёрное; 3 — Куюс; 4 — Айтэны; 5 — Курайская степь; 6 — Теньга; 7,11 — Нижняя Талда; 8 — Макажан; 9 — Юстыд; 10 — Алтай (точное местонахождение не известно). Масштаб разный. Фото и рисунки Г.В. Кубарева

Почти у половины этой группы пямятников отсутствует изображение оружия и в некоторых случаях пояса. Сложно сказать, сделано ли это умышленно или вызвано технической сложностью воспроизведения этих деталей. Самая многочисленная группа алтайских изваяний (почти 60%) имеет изображение только лица или силуэта головы человека — так называемые лицевые изваяния (рис. 44, *3–7*; 5, *5*). Стилистической особенностью является тщательно выполненное лицо и увеличенная или равная туловищу голова. Значительное число этих монументов выполнено на плитах и валунах, а весьма часто — на стелах и даже на оленных камнях, стоявших ранее в погребально-ритуальных комплексах эпохи бронзы и раннего железного века. И только чуть более 1% от общего числа составляют четыре каменные фигуры с сосудом в обеих руках (рис. 44, *8–11*). Две из них объединяет воспроизведение чрезмерно большого сосуда, поддерживаемого руками перед животом (рис. 44, *10, 11*). У двух других небольших изваяний изображены миниатюрные сосуды в руках на уровне груди и показаны детали одежды (рис. 44, *8, 9*).

К иконографии раннесредневековых монументальных памятников Алтая чрезвычайно близки такие же памятники Южной и Западной Тувы, Монгольского, Казахского и Китайского Алтая, что свидетельствует о тесных отношениях между оставившими их группами людей, вероятно, принадлежавших к одному и тому же племени (племенам). В Центральной Туве, например, кроме собственно тюркских изваяний, изображающих людей в канонической позе, известны и сильно отличающиеся от них уйгурские скульптуры. На них изображены своеобразные головные уборы, пояса с большим количеством подвесных ремешков и лировидными подвесками. Как правило, на уйгурских изваяниях не воспроизводилось клинковое оружие, а сосуд поддерживался обеими руками. Уйгуры не устанавливали свои изваяния у поминальных оградок, подобно другим тюркоязычным кочевникам. Необходимо отметить, что у поминальных оградок со рвами тюркской знати на Алтае отсутствуют скульптурные изображения львов, черепах, сидящих людей, подобно тому, как это зафиксировано в Центральной Монголии, Туве и Семиречье. На Алтае не представлены скульптуры с птицей или посохом в руке, в одежде типа накидки или в кафтане с широкими обшлагами как, например, в Семиречье. Таким образом, можно говорить о гомогенности и монокультурности (?) каменных скульптур Алтая в сравнении с такими же монументальными памятниками, например, Центральной Тувы, Монголии и Семиречья.

Любопытно, что тюркоязычные кочевники Алтая, Тувы и Монголии довольно часто вторично использовали монументальные памятники предшествующих эпох, прежде всего так называемые оленные камни эпохи позд-

ней бронзы — раннего железного века (VIII–V вв. до н. э.). Эти факты, вероятно, объясняются не только отсутствием близлежащих подходящих каменных блоков, но и какими-то идеологическими воззрениями тюркоязычных народов. Возможно, одиноко стоящие стелы на могильниках более всего подходили для «вселения» в них душ умерших. Из оленных камней иногда возводили стенки оградки, но чаще всего они служили изваянием. При этом их могли использовать либо без каких-либо дополнительных выбивок-изображений, либо воспроизведя лицо, руки, пояс и т. п. Несмотря на то, что изображения личин собственно на оленных камнях крайне редки, идея воплощения в них воина с поясом, оружием, серьгами и другими атрибутами была близка и понятна тюркоязычным кочевникам. Иллюстрацией вторичного использования тюрками монументальных памятников эпохи бронзы являются изваяния из местности Чадыр, на р. Карагем и в степи Макажан (рис. 45). На вкопанных в небольших квадратных оградках эпохи бронзы стелах были выбиты человеческие лица. Камни даже не были перемещены с места своей первоначальной установки.

Рис. 45. Вторично использованная тюрками стела под изваяние в оградке эпохи бронзы. Урочище Тюргун. Фото В.Д. Кубарева

Как уже упоминалось, большинство раннесредневековых изваяний Алтая, как и собственно Центральной и Средней Азии, достаточно схема-

тичны и даже примитивны. Объяснение этому, по-видимому, нужно искать в социально-имущественном положении рядовых членов тюркского общества — воинов или лиц других сословий (отсутствие возможности нанять профессионального каменотеса-скульптора, изготовление изваяния собственными силами и т. п.). Однако нормы и традиции погребально-поминальной обрядности многих тюркоязычных кочевников требовали изготовления и установки каменной или деревянной скульптуры, передающей облик покойного, по-видимому, даже в том случае, если портретное сходство не было достигнуто. Возможно, поэтому так широко были распространены лицевые изваяния, на которых изображены черты лица или только выделена из каменного монолита голова человека. Даже обычная, необработанная стела или антропоморфного вида камень также могли замещать и символизировать фигуру человека. У многих алтайских оградок стоят плиты или продолговатой (антропоморфной) формы валуны, на гладких поверхностях которых могли быть нарисованы краской детали лица, пояс, оружие и другие аксессуары древнетюркского костюма[684]. Надо полагать, подобную традицию, зародившуюся в Центральной Азии, унаследовали половецкие мастера, применявшие для раскраски изваяний черную и красную краски[685]. Мы также полностью разделяем точку зрения Л. Р. Кызласова и Л. Н. Ермоленко о том, что на стелы и лицевые изваяния могли надеваться одежда покойного и подвешиваться его личное оружие[686]. В таком случае одежда и оружие могли символизировать образ умершего и «компенсировать» отсутствие или недостаточное портретное сходство нарисованного лица или головы с конкретным человеком. Очевидно, и в таком варианте обычай и нормы погребально-поминальной обрядности тюрков формально были соблюдены.

Стремление каменотесов-скульпторов к портретному сходству наиболее четко прослеживается на примере реалистичных и объемных скульптур тюркской знати. Известно большое число тщательно и мастерски выполненных скульптурных изображений представителей тюркоязычной знати, в особенности на территории Монголии и Семиречья. Эти изваяния отличает индивидуальность в изображении черт лица, покрое костю-

---

684 Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая… С. 82.

685 Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния // САИ. 1974. Вып. Е 4–2. Рис. 28а.

686 Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. С. 26; Ермоленко Л. Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. С. 42–43.

ма, вплоть до воспроизведения орнамента шелковой ткани кафтана, наличия знаков социального и имущественного статуса (головных уборов, гривен, серег, браслетов, поясов, дорогого оружия). Наиболее тщательно выполненные фигуры представителей раннесредневековой элиты Алтая также показаны в парадном облачении, с клинковым оружием (меч/сабля и кинжал) на поясе, набранном фигурными бляхами. Обычно в правой руке знатного воина находится чаша или кубок, левая опущена на рукоять меча или сабли (рис. 39, *1*; 5, *1–4*).

Как правило, раннесредневековые изваяния Алтая и в целом, Центрально- и Средне-Азиатского регионов, воспроизводили мужчину-воина, хотя на территории Семиречья имеется небольшая группа женских скульптур в трехрогом головном уборе (рис. 46, *9–18*). Отсутствие ярко выраженных гендерных признаков (изображения усов и бороды), а также пояса и оружия у части самой многочисленной группы лицевых изваяний Алтая не позволяет отрицать факт того, что они могли воспроизводить женщин[687]. По меньшей мере, 50 подобных лицевых изваяний из более чем 300 скульптур насчитывается на Алтае. Такая же закономерность выявлена и при изучении раннесредневековых изваяний Тувы, Монголии, Синьцзяна и Семиречья. В редких случаях у оградки вкапывались парные изваяния, одно из которых с оружием и поясом — мужское, другое, предельно схематичное лицевое — женское. По-видимому, они олицетворяли собой мужа — воина-*батыра* и его жену — *катун*.

Ярким подтверждением этой идеи являются обнаруженные нами на Алтае в местности Апшиякта два уникальных памятника, на каждом из которых выбиты две личины: сверху — мужская, а снизу — женская в трехрогом головном уборе (рис. 47, *3, 4*)[688]. Обращает на себя внимание предельный схематизм в воспроизведении черт лица и их отличие от сложившегося позднее тюркского канона: линии рта, носа и глаз соединены между собой. Глаза как будто подразумеваются и являются продолжением линии носа. Такое взаиморасположение мужской и женской личин на одном изваянии встречено впервые не только на Алтае, но и на всей территории распространения раннесредневековых статуарных памятников — в Монголии, Туве, Семиречье, Восточном Туркестане, что и подчеркивает экстраординарность скульптур из Апшиякты.

---

687 Примерно одну треть из 145 известных к середине 1960-х гг. скульптур Семиречья Я. А. Шер отнес к изваяниям, пол персонажей которых неясен, у них отсутствует борода и усы, а также оружие. См.: Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л.: Наука, 1966.

688 Кубарев Г. В. Древнетюркские изваяния из Апшиякты в Центральном Алтае… С. 93–103.

Рис. 46. Изображение женщины в трехрогом головном уборе в наскальном искусстве (2,2а), на роговом предмете из погребения с конем (8), на каменных раннесредневековых изваяниях (1,9–18) Семиречья и монетах Чача (3–7). 1,2,2а — Когалы (1 — по: Рогожинскому, 2012, рис. 8, 1; 2 — рисунок Г. В. Кубарева по: Касанову, Кан, Рогожинскому, 2017, с. 226; 2а — по: Рогожинскому, Солодейникову, 2012 рис. 8); 3–7 — раннесредневековый Чач (Ташкент) (фото Г. Б. Бабаярова); 8 — Суттуу-Булак I, курган 54 (по: Табалдиев, 1996, рис. 22); 9–11,13 — Бурана (по: Табалдиеву, Шаменовой,

2003, с. 13–14); 12 — Балта-Бейит, огр. 4 (по: Худяков, Табалдиев, 2009, рис. 56, 2); 14 — Балхаш (по: Ермоленко, 2004, рис. 6, 17); 15 — долина р. Талас, Киргизия (по: Худяков, Табалдиев, 2009, рис. 129); 16 — Беш-Таш-Короо III, огр. 25; 17 — Калмак-Таш (по: Худяков, Табалдиев, 2009, рис. 53, 4); 18 — Каратау (фото Г. В. Кубарева)

И что более удивительно, в нескольких десятках метров от изваяний нам удалось скопировать сцену раннесредневековых граффити с центральным персонажем в виде женщины в трехрогом головном уборе (рис. 47, *1*)[689]. Женщина, по-видимому, изображена в позе роженицы. Изваяния и гравировка, несомненно, связаны между собой и созданы в один и тот же короткий промежуток времени.

Эти нетривиальные изваяния входят в круг изобразительных и монументальных памятников раннего периода (VI–VII вв.) древнетюркской эпохи Центральной и Средней Азии, одним из главных персонажей которого является женщина в трехрогом головном уборе. Часто их связывает сюжет, воспроизведенные на них, по сути, этнографические реалии и, по-видимому, общее смысловое содержание. К наиболее известным из этих памятников принадлежит знаменитый кудыргинский валун с выгравированной жанровой сценой (рис. 47, *5, 7*).

Близкие к ней композиции известны в петроглифах Бичикту-Бома в Российском Алтае (рис. 47, *6, 8*), гравировке на роговом гребне из могильника Суттуу-Булак в Киргизии (рис. 46, *8*), на тюркском изваянии (рис. 46, *1*) и наскальном рисунке (рис. 46, *2*) в урочище Когалы в Казахстане, на скульптуре из долины р. Хар-Ямаатын-гол в Монгольском Алтае. Изваяния женщин в трехрогом головном уборе происходят преимущественно из Семиречья (рис. 46, *9–18*) и лишь два (совместно с мужскими личинами) — с Алтая, из урочища Апшиякта (рис. 47, *3, 4*). Однако изображения знатных женщин древнетюркской эпохи VI–VII вв. были распространены значительно шире — от Хакасии до Средней Азии — Согда. Тем не менее основная масса подобных гравированных изображений приходится на Алтай и Семиречье (рис. 46, 47).

В раннесредневековых изваяниях с изображениями трехрогого головного убора, как и в персонажах в таком головном уборе, выгравированных на камне, кости и др., запечатлены знатные женщины, а не шаманы (шаманки) и тем более не богиня Умай или Богоматерь.

---

[689] Кубарев Г. В. Изображение женщины в трехрогом головном уборе из Апшиякты и его историко-культурный контекст // Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии: к 300-летию научного открытия Томской писаницы: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Кемерово: Изд-во КРИП-КиПРО, 2021. С. 170–179.

Рис. 47. Изображение женщины в трехрогом головном уборе в наскальном искусстве (1,2,6,8) и на каменных раннесредневековых изваяниях (3,4,5,7) Алтая. 1–4 — Апшиякта (фото и рисунки Г. В. Кубарева); 5,7 — Кудыргэ, мог. 16 (по: Гаврилова, 1965, табл. VI); 6 — Бичикту-Бом (по: Кубарев, 2003, рис. 1, 1); 8 — Бичикту-Бом (по: Мартынов, Елин, Еркинова, 2006, с. 241, № 856)

В пользу этого свидетельствует установка изваяний у поминальных оградок, семейный характер части таких памятников, изображения тюркских правителя и правительницы на согдийских монетах (рис. 46, *3–7*), каноническое воспроизведение мужчины и женщины (мужа — жены) в юрте (рис. 47, *6*; 10, *1, 8*) и др.[690]

Не вызывает сомнения гендерная принадлежность уже упомянутого женского изваяния из урочища Айлян (рис. 43). Это единственное раннесредневековое изваяние Алтая, на котором воспроизведена женская грудь, что очень характерно для изваяний кимако-кыпчакского облика с территории Казахстана.

Оградки — поминальные сооружения. Раннесредневековые каменные изваяния Алтая устанавливались с восточной стороны от квадратных/прямоугольных сооружений, выполненных из вертикально вкопанных плит и имеющих внутреннее каменное заполнение. К востоку от изваяния, как правило, отходит ряд из вертикально вкопанных камней — балбалов (рис. 48). На сегодняшний день на территории Российского Алтая раскопано более 320 поминальных оградок (рис. 49)[691]. Количество подобных не-

690 Кубарев Г. В. Древнетюркские изваяния из Апшиякты в Центральном Алтае… С. 93–103; Кубарев Г. В. Изображение женщины в трехрогом головном уборе из Апшиякты… С. 170–179.

691 Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник… С. 99–103, табл. III–V; Кубарев В. Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1979. С. 135–161; Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. С. 49; Могильников В. А., Елин В. Н. Курганы Талдура… С. 127–153; Худяков Ю. С., Бородовский А. П. Раскопки на средней Катуни… С. 17–20; Кубарев Г. В. Исследование древнетюркских оградок в местностях Кыйу и Кызыл-Шин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005б. Т. XI, ч. I. С. 368–374; Кубарев Г. В. Оградки кудыргинского типа в урочище Ак-Кообы… С. 219–235; Кубарев Г. В. Древнетюркские оградки Кызыл-Шина… С. 79–89; Бородовский А. П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катуни // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во АГУ, 1994. С. 75–82; Бородовский А. П. Позднетюркский поминальник на нижней Катуни… С. 176–179; Горбунов В. В., Тишкин А. А. Каменные изваяния тюркского времени… С. 119–124; Семибратов В. П., Матренин С. С. Исследование погребальных и поминальных памятников тюркской культуры в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 г. // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2008. Вып. 4. С. 54–66; Суразаков А. С., Тишкин А. А., Шелепова Е. В. Археологический комплекс Котыр-Тас на Алтае. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2008. 112 с.; Соёнов В. И., Эбель А. В. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. №3. С. 115–118; Соёнов В. И., Трифанова С. В., Константинов Н. А., Штанакова Е. А. Раскопки средневековых объектов на могильнике Бике III… С. 74–95; Серегин Н. Н., Шелепова Е. В. Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я половина I тыс. н. э.): систематизация, анализ, интерпретация. Барнаул: Азбука, 2015. С. 47 и др.

исследованных объектов не поддается точному подсчету — их число исчисляется сотнями.

Один из авторов данного раздела в свое время расширил типологию раннесредневековых оградок Алтая, предложенную А. А. Гавриловой, до пяти типов: 1. *Кудыргинский* — коллективные смежные оградки (рис. 50); 2. *Яконурский* — рядом стоящие оградки с изваяниями и антропоморфными стелами (рис. 51); 3. *Аютинский* — поминальные оградки древнетюркской знати, окруженные валом и рвом (рис. 52); 4. *Юстыдский* — малые оградки, составленные, как правило, из четырех плит с остатками ствола в центре и жертвенными сосудами (рис. 53); 5. *Уландрыкский* — со стелой или валуном в центре оградки (рис. 54)[692].

Рис. 48. Вид на тюркские поминальные оградки с отходящими от них к востоку рядами балбалов. Долина р. Бугузун. Фото Г. В. Кубарева

[692] Кубарев В. Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая… С. 148; Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая… С. 50, 51.

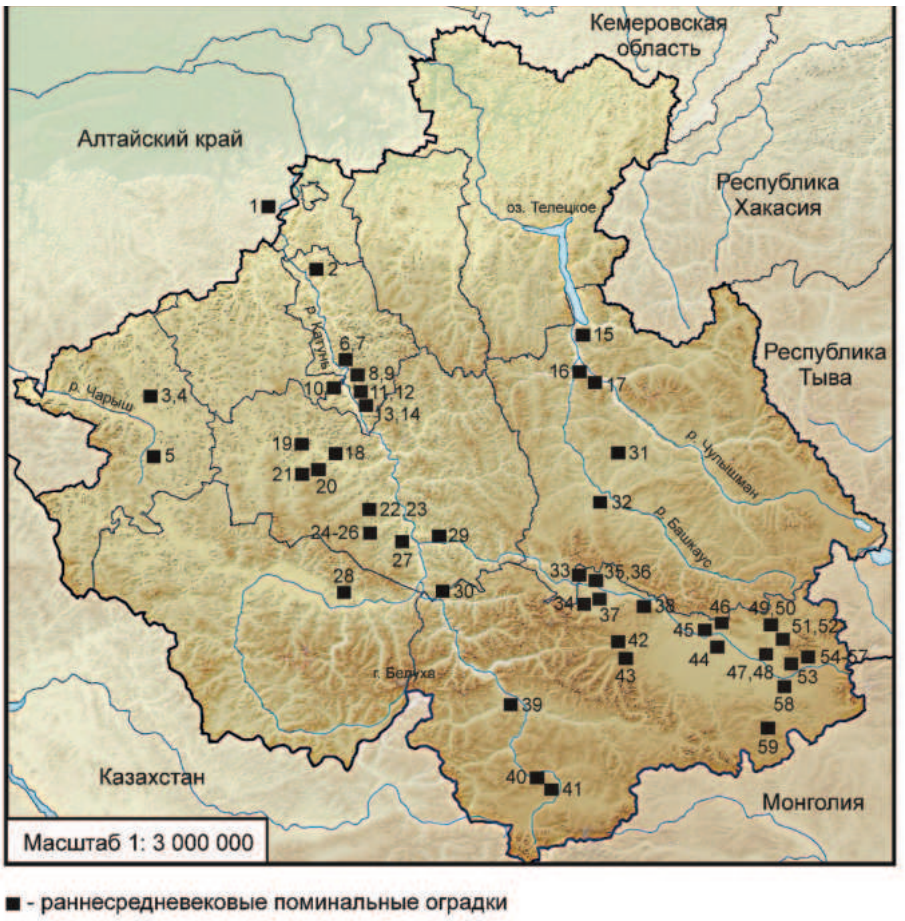

Рис. 49. Карта распространения исследованных поминальных оградок древнетюркского периода на территории Республики Алтай. 1 — Бирюзовая Катунь; 2 — Верх-Чепош; 3 — Сары-Кобы; 4 — Яконур; 5 — Мендур-Соккон; 6 — Бике; 7 — Чобурак; 8 — Биченег; 9 — Кишнег-Атудар; 10-Конурат; 11 — Айрыдаш; 12 — Кызык-Телань; 13 — Тогусхан; 14 — Бойтыгем; 15 — Кудыргэ; 16 — Кок-Паш; 17 — Коо; 18 — Курота; 19 — Кара-Коба; 20 — Кулада; 21 — Нижняя Соору; 22 — Онгудай; 23 — Усть-Карасу; 24 — Айтэны; 25 — Яломан; 26 — Кур-Кечу; 27 — Булан-Кобы; 28 — Катанда; 29 — Белый Бом; 30 — Сатакулар; 31 — Пазырык; 32 — Узун-Язы; 33 — Боротал; 34 — Тадила; 35 — Кызыл-Таш; 36 — Курай; 37 — Тётё; 38 — Кызыл-Шин; 39-Макажан; 40 — Бертек; 41 — Кальджин; 42 — Талтура; 43 — Елангаш; 44 — Мухор-Тархата; 45 — Котыр-Тас; 46 — Табажек; 47 — Каман-Тон; 48 — Кош-Тал; 49 — Малталу; 50 — Согонолу; 51 — Дьер-Тебе; 52 — Ян-Гобо; 53 — Туру-Алты; 54 — Ак-Кобы; 55 — Барбургазы; 56 — Чадыр; 57 — Юстыд; 58 — Терс-Акан; 59 — Уландрык

Рис. 50. Зачищенные насыпи смежных оградок № 6–9 кудыргинского типа. Ак-Кообы. Фото Г. В. Кубарева

Рис. 51. Поминальная оградка яконурского типа в местности Кыйу. Фото Г. В. Кубарева

Рис. 52. Мемориальный комплекс с валом и рвом аютинского типа в урочище Кыпчыл. Фото В.Д. Кубарева

Рис. 53. Поминальная оградка №2 юстыдского типа. Долина р. Юстыд. Фото В.Д. Кубарева

Рис. 54. Оградка уландрыкского типа. Долина р. Барбургазы. Фото В.Д. Кубарева

Наиболее многочисленными являются поминальные оградки яконурского и кудыргинского типов. Они, как правило, имеют квадратную форму, стенки длиной 3–4 м ориентированы по странам света и сложены из нескольких сланцевых плит (иногда валунов или рваных камней). Пространство внутри оградки часто бывает выложено на уровне древней поверхности сланцевыми плитами. Сверху них уложено заполнение из камней высотой в среднем 25–35 см. Зачастую сооружения имеют дополнительные элементы: центральную яму с остатками бревна или жерди, жертвенную ямку с пожертвованными предметами, стенки которой выложены каменными плитками или деревянными дощечками, угольные пятна как внутри, так и снаружи сооружения и т. д. У оградок кудыргинского типа, как правило, изваяния отсутствуют либо их заменяют стелы (часто ориентированные узкой гранью на восток) или лицевые изваяния. Тогда как у оградок яконурского типа часто устанавливались изваяния мужчин-воинов в канонической позе.

Следует согласиться с мнением А. А. Гавриловой, которая предполагала, что смежные оградки кудыргинского типа — памятники семейные, а ящики сооружались для детей[693]. Само расположение оградок в одну линию может говорить о семейно-родственных отношениях людей, в честь которых

[693] Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник… С. 16.

и были возведены эти сооружения. К выводу о том, что оградки кудыргинского типа, исследованные на территории Тянь-Шаня и Казахстана, благодаря своему взаиморасположению, а также наличию мужских и женских изваяний, имеют семейный характер, пришли и другие исследователи[694].

Аютинские оградки, представляющие собой поминальные сооружения знати, известны исключительно на территории Южного Алтая. Эти поминальные комплексы включают в себя оградку/оградки стандартных размеров (около 4х4 м), окруженные валом и рвом размерами от 12×8 м до 34×30 м. Отличие аютинских оградок от других раннесредневековых поминальных сооружений заключается в установке около них особенно реалистичных и мастерски выполненных изваяний (рис. 39, *1*; 5, *2, 3*). На сегодняшний день на Алтае известно десять подобных мемориальных комплексов: Аюты, Джазатор, Макажан, Боголок, Бугузун, Малталу, Аржан-Бугузун, Ян-Гобо, Башкаус и Актру[695]. Часть из этих поминальных сооружений раскопана и, как правило, не только внутри, но и с внешней стороны оградок зафиксированы столбовые ямки с остатками деревянных столбов или жердей. Вероятно, первоначально они выступали опорами деревянного навеса над каменным сооружением.

Немногочисленными являются оградки юстыдского и уландрыкского типов. Они так же, как и аютинские памятники, представлены только на территории Южного Алтая. Оградки юстыдского типа больше всего напоминают «саркофаги» или каменные ящики раннесредневековой эпохи, известные в Центральной Монголии и, в частности, среди орхонских памятников. Юстыдские оградки отличаются разнообразием дополнительных сооружений: ямы в центре и по углам оградки для столбов или жердей, каменные жертвенные ящики с углями, костями животных и обломками керамических сосудов, зольными пятнами. Сооружения юстыдского и уландрыкского типов с восточной стороны также имеют ряд из балбалов, как и другие типы оградок.

Памятники юстыдского типа находят многочисленные параллели на территории Монголии и в особенности центральной ее части. Это II и III типы выделенных В. Е. Войтовым мемориальных раннесредневековых сооружений Монголии[696]. На территории Тувы они пока не обнаружены. При этом

---

694 Табалдиев К. Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек: Айбек, 1996. С. 72–73; Досымбаева А. М. Западный тюркский каганат. Культурное наследие казахской степи. Алматы: Тюркское наследие, 2006. С. 29.

695 Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая… С. 51–55.

696 Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания… С. 49–65.

в Монголии внутри ящиков-оград крайне редко встречаются остатки стволов деревьев и отсутствуют сосуды перед изваяниями. Практически идентичными юстыдским оградкам выступают мемориальные памятники III типа в Монголии: наличие четырехплитового ящика, изваяния, балбалов, отходящих на восток, отсутствие вала и рва[697]. В одном случае у памятника II типа Худуу-Нур I в центре каменных ящиков обнаружены остатки деревянных столбов, в другом — грубое изваяние в Баян-Цагане выполнено из переиспользованного обломка оленного камня[698]. Подобные элементы поминального сооружения характерны и для оградок юстыдского типа на Алтае.

Несмотря на некоторую условность предложенной типологии, она в определенной степени отражает различия в конструкции и взаиморасположении объектов. Хотя, безусловно, эти различия могли диктоваться разными факторами: социальным статусом человека, возрастной и гендерной принадлежностью и др. Эта типология не всегда отражает хронологическую и эволюционную связи разнотипных объектов — зачастую они сосуществовали.

Рис. 55. Основание раннесредневековой оградки ил сланцевых плит, лиственничный ствол в центре, жертвенная ямка и каменная стела у восточной стенки. Кызыл-Шин, оградка № 5. Фото Г. В. Кубарева

697 Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания… С. 61–65.
698 Там же. С. 49, 50.

Рис. 56. Жертвенная ямка, перекрытая сланцевыми плитками, и лиственничный ствол в центре оградки (1). Вид на жертвенную ямку и предметы в ней (2). Кызыл-Шин, оградка №5. Фото Г. В. Кубарева

Как правило, в поминальных оградках Алтая фиксируются столбовые ямки с остатками деревянных столбов или жердей, жертвенные ямки, зольные пятна внутри и/или снаружи, мелкие кальцинированные кости животных (рис. 55, 56). Какие-либо артефакты встречаются достаточно редко.

Рис. 57. Предметы из жертвенника раннесредневековой оградки 5. Кызыл-Шин. 1 — миниатюрный деревянный сосудик; 2 — обломок железного вотивного копья (?) с втулкой и древком; 3 — обломок древка, окрашенного красной краской; 4 — железный нож; 5–7 — обрывки кожаных ремешков; 8 — панцирные пластины. Фото Г. В. Кубарева

В тех случаях, когда они в поминальных сооружениях все-таки представлены, это могут быть предметы конского снаряжения (стремена, удила, пряжки), отдельные панцирные пластины, ножи и пр., как правило, в специальном жертвеннике — ямке, стенки и верх которой обложены и перекрыты деревянными плашками или каменными плитками (рис. 56, 57). Особую категорию предметов занимают вотивные вещи — уменьшенные и нефункциональные копии оружия, сосудов, конского снаряжения, изготовленные специально для поминальных и ритуальных церемоний (рис. 57, *1, 2, 4*; 57).

Кроме перечисленных типов поминальных оградок на сегодняшний день исследовано большое количество поминальных сооружений предтюркского (V–VI вв.) и раннетюркского периодов (VI–VII вв.), представляющих собой каменные кладки, как правило, округлой формы (Боротал, Кара-Коба I, Бике III, Чобурак-1, Кызыл-Шин и др.)[699]. Их сложно назвать собственно оградками, однако часто они содержат такие же важнейшие элементы, как столбовые ямки с остатками деревянных стволов, зольные пятна с кальцинированными костями животных, балбалы. В то же время часть из них содержит погребения коней в ямах (Кара-Коба I) и, вероятно, не имеет отношения к поминальному культу. По-видимому, такие ритуальные (?) и поминальные объекты наряду с традиционными оградками были характерны именно для раннетюркского периода (VI–VII вв.), предшествовали им в V–VI вв. и были генетически связаны с поминальными сооружениями гунно-сарматского времени.

Семантика поминально-ритуального комплекса «изваяние-оградка». Несмотря на порой скупость изобразительных средств, раннесредневековые изваяния удивительно индивидуальны и имеют портретное сходство с конкретными людьми, жившими на территории Алтая более тысячи лет назад. Давно забыты их имена, но алтайцы сохранили в недрах своей памяти сказания о кезерах — воинах, их ратных подвигах и об их происхождении. Для чего же тюркоязычные кочевники изготавливали и устанавливали эти скульптуры?

---

[699] Кубарев В.Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая… С. 145–146. Рис. 15–18; Семибратов В.П., Матренин С.С. Исследование погребальных и поминальных памятников… С. 61–64. Рис. 6–8; Соёнов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А. Раскопки средневековых объектов на могильнике Бике III… С. 80–81; Кубарев Г.В. Древнетюркские оградки Кызыл-Шина… С. 85, 87. Рис. 9, 10; Могильников В.А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 95–104. Рис. 1–21 и др.

Наиболее убедительной и обоснованной представляется гипотеза об изваянии как двойнике покойного. Оно выступало не только временным вместилищем одной или нескольких душ умершего человека, но и его заместителем, двойником. У многих современных тюркоязычных народов до недавнего времени сохранялась традиция воплощения облика покойного не только в кукле или чучеле из его одежды, но и традиция изготовления деревянного или каменного изваяния умершего. При этом реалистичность и портретное сходство с ним было необязательным, и каменное изваяние не являлось предметом широкого культа, а почиталось только ближайшими родственниками (пожалуй, за исключением реалистичных фигур кочевой знати, которые могли быть объектом поклонения целого рода или племени).

Археологические источники и историко-этнографические свидетельства указывают на то, что изваяния служили изображениями конкретных умерших людей, — прежде всего, воинов и уважаемых, богатых и знатных тюрков. К примеру, о тувинцах сообщается, что «если покойник пользовался уважением народа, то возле него ставится его изображение, вытесанное из камня или из дерева»[700]. Тул — чучело покойного из его одежды, призванное сохранить образ и быть его временным воплощением, изготавливался для умершего мужчины — главы семьи или человека почтенного[701]. Для кафиров из Нуристана (область Афганистана) отмечается: «Когда умирал леймоч (человек, убивший семь мужчин-врагов — Г. К.) или пырымоч (человек, совершенный во всем, богатый, отважный, гостеприимный, бывший леймоч — Г. К.), то из дерева изготовлялось грубое изваяние умершего; после этого один из рабов брал его на спину и прыгал (танцевал?) с ним по улицам деревни. Семь дней и семь ночей покойника не хоронили, а труп его выставляли на высоком месте. Тем временем изваяние его таким образом носили по улицам… На его могиле ставили его деревянное изваяние»[702].

Таким образом, можно констатировать, что в семантике раннесредневековых изваяний, особенно в фигурах знатных воинов, несомненно, присут-

---

700 Катанов Н. Ф. О погребальных обрядах у тюркских племен (с древнейших времен и до наших дней) // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. 1894. Т. XII, вып. 2. С. 128.

701 Фиельструп Ф. А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М.: Наука, 2002. С. 129, 131.

702 Грюнберг А. Л. Нуристан. Этнографические и лингвистические заметки // Страны и народы Востока. Средняя и Центральная Азия (география, этнография, история). Вып. X. М.: Наука, 1971. С. 277.

ствует аспект воинской славы, восхваления героических подвигов. Невозможно согласиться с мнением отдельных исследователей о том, что в раннесредневековых изваяниях заложен некий идеализированный и неперсонифицированный образ яростного тюркского воина, участвующего в пиршестве-жертвоприношении и почитании божества, покровительствующего кровопролитию. Как уже было рассмотрено, у тюркоязычных кочевников были известны и немногочисленные женские скульптуры, посвященные, в частности, знатным женщинам, одним из главных атрибутов костюма которых выступал трехрогий головной убор. Пожалуй, единственное женское изваяние кимако-кыпчакского облика на Алтае (из урочища Айлян), в отличие от тюркских женских изваяний, имеет предельно схематичные черты лица. Вероятно, кимако-кыпчакские изваяния воспроизводили обобщающий образ предка, матери-прародительницы, тогда как тюркские изваяния — некогда живших женщин.

Скульптурные монументы, как правило, устанавливались у восточной стороны так называемых оградок — квадратных сооружений из вертикально вкопанных плит; внутреннее пространство этих сооружений обычно заполнено камнями. Раннесредневековая поминальная оградка вместе с изваянием представляет собой не что иное, как ритуальное вместилище *сунезин* — души умершего. Оградка являлась основанием небольшого мемориального святилища, представлявшего собой огороженное каменными плитами пространство с вкопанным в центре деревянным столбом. В некоторых случаях над этой конструкцией мог сооружаться навес на нескольких деревянных столбах-колоннах, либо деревянная каркасная постройка в виде небольшого жилища. В ее центре ставилась срубленная лиственница, выходившая вершиной в отверстие крыши и символизировавшая мировое дерево, связывавшее средний, нижний и верхний миры. В жертву приносилась лошадь или овца, предназначенная для угощения умершего, шамана и родственников. Часто у западной стенки оградки археологи фиксируют жертвенную ямку с вещами (рис. 55, 56). В числе пожертвованных предметов могли оказаться несколько панцирных пластин, наконечники стрел, стремена, деревянная посуда, реже — серебряные или даже золотые сосуды. Любопытно, что в отличие от раннесредневековых погребений в поминальных оградках довольно часто встречаются вотивные предметы — уменьшенные и нефункциональные копии вещей, изготовленные специально для поминального ритуала (рис. 57, *1–4*; 58).

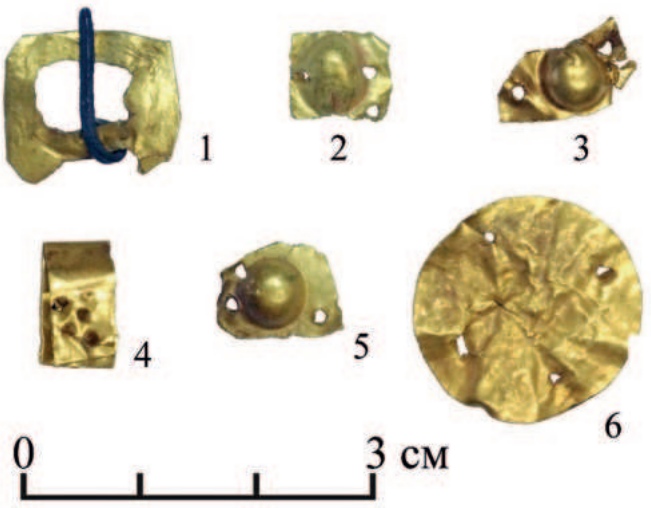

Рис. 58. Детали вотивного поясного (?) набора из раннесредневековой оградки в местности Чадыр. 1 — золотая фольга, серебро; 2–6 — золотая фольга. Фото Г. В. Кубарева

С северной или восточной стороны оградки разводился костер для кормления *сунезин*. По-видимому, на определенном этапе совершения ритуала и сооружения оградки лиственничные стволы или деревья возвышались над ней, а впоследствии намеренно подрубались и закапывались. В то же время на некоторых оградках лиственницы оставались в вертикальном положении и после сооружения насыпи. Очевидно, создание оградки не было единовременным актом — сначала устанавливались вертикальные плиты, столб-дерево в центре, обустраивался жертвенник в ямке (рис. 55, 56). При этом в течение определенного времени проводились ритуалы общения и прощания с душой умершего. На следующем, заключительном этапе происходило срубание ствола и возводилась насыпь из камней внутри оградки. Однако в некоторых случаях ствол или дерево сознательно оставляли, и он возвышался и после сооружения насыпи оградки (рис. 55).

Изваяние изображало умершего, и в нем временно, до окончания поминального цикла, была заключена его душа. Таким образом, умерший сам участвовал в собственных поминках. На восток от оградки-жилища и изваяния возводили ряд из вертикально вкопанных камней — балбалов. Как мы уже подробно рассмотрели этот вопрос, они преимущественно «дарились» родственниками и гостями, участвовавшими в поминках.

Тюркским каганам и знати, в отличие от рядовых членов общества, сооружали большие поминальные комплексы, в которых переплелись элементы собственно тюркского поминального обряда с китайскими погребальными

традициями, символикой и архитектурой (стела с текстом и драконовым навершием, основание для стелы в виде черепахи, аллея из скульптур и т. д.). Поминки тюркского кагана выходили за рамки исключительно поминальной церемонии и открывали большие возможности для установления дипломатических и экономических контактов между разделенными большими расстояниями представителями кочевых племен и оседлых народов.

В скульптуре тюркоязычных кочевников, в той или иной степени испытавшей влияние буддизма, манихейства, маздеизма и развивавшейся в традициях согдийской художественной школы, нашли отражение не только шаманские, но и дошаманские религиозные представления. Об этом свидетельствует реконструкция тюркского поминального обряда по археолого-этнографическим источникам. В его основе лежат древнейшие представления, связанные с культом предков. Отсюда — удивительное сходство погребально-поминальных обрядов алтайских тюрков с традиционными похоронными обычаями тюркоязычных народов Сибири.

Изучение картографических данных о раннесредневековых изваяниях Алтая со всей очевидностью показало, что места для сооружения этих памятников выбирались в основном в межгорных котловинах и долинах рек. Как правило, это были красивые и комфортные для пребывания места, с величественной панорамой на окружающую местность, где и протекала повседневная жизнь кочевников. Вместе с тем иногда изваяния устанавливались группами от 4 до 17 фигур в глухих труднодоступных местах (рис. 37). В частности, такие закрытые от постороннего глаза урочища известны в Кеме-Кечу и Кырландын-Кини на р. Аргут, в местности Кыпчыл на р. Аюты, в долинах рек Чаганбургазы и Барбургазы и во многих других районах географического Алтая. Рядом с ними нет ни одновременных погребальных сооружений, ни других археологических памятников. Возможно, это были небольшие родовые святилища, внешним видом напоминающие сезонные поселения средневековых кочевников. По представлениям тюрков Алтая, в таких «поселках мертвых» какое-то время обитали души умерших сородичей. По такому же принципу группировались и более поздние половецкие статуи. Исследователи считают, что это были специальные, устроенные в отдалении от могил, культовые места, в которых происходили обряды поминального цикла и совершались жертвоприношения предкам.

Все народы Центральной Азии считали древние могильники и современные кладбища заповедными обителями духов предков. Обычно один раз в году в местах погребений устраивали специальные жертвоприношения в память об умерших сородичах. В качестве главного жертвенного жи-

вотного использовали коня. Например, у древних тюрков и монголов мясо жертвенного коня съедали родственники за упокой души умершего, а голову и шкуру вывешивали на шесте рядом с могилой или местом совершения обряда поминок — у каменного изваяния покойного. Поэтому многие каменные монументы Азии до сегодняшнего дня служат объектом почитания, а отдельные реалистичные древнетюркские изваяния имеют даже собственные имена. Так, на Алтае в Кош-Агачском районе были известны каменные фигуры человека под именами Акташ и Кезер, в Монголии — Даян батыр, Увшхай, Ловх, Лам чулуу, в Туве — Чингисхан и т. д. С каждым из них связаны легенды и суеверия, а у отдельных фигур до сих пор совершаются шаманские и ламаистские обряды.

При раскопках раннесредневековых поминальных оградок археологи часто фиксируют частичное их разрушение и осквернение (смещение стенок, выброс заполнения и т. д.) еще в древности. Наиболее ярким примером такого осквернения и «уничтожения» памятника являлось скалывание головы либо верхней части скульптуры. Как правило, изваяния оказывались поваленными, а иногда были разбиты на несколько частей. Часто сколотую в древности голову находят в слое дерна в непосредственной близости от изваяния (рис. 59). По-видимому, такие действия с наиболее значимой частью человеческого тела — головой — имели символическое значение и подразумевали «смерть» скульптуры, в которой был воплощен реально живший человек. Эти факты, очевидно, следует связывать с врагами тюркоязычного населения Алтая в конце I тыс. н. э., а также, возможно, с приходом сюда чуждых местным насельникам групп кочевников с территории Центральной Азии во II тыс. н. э.

Исследователями уже давно было подмечено огромное несоответствие между количеством раннесредневековых поминальных оградок в Центрально-Азиатском регионе, которые исчисляются сотнями и тысячами, и исследованными погребениями с конем этого же периода. За почти двухсотлетнюю историю изучения Алтая было раскопано всего около 220 раннесредневековых погребений, относящихся к периоду второй половины I тыс. Чем же объясняется такое большое количество раннесредневековых поминальных оградок на территории Центрально- и Средне-Азиатского регионов и незначительное, в десятки раз уступающее им количество погребений? Специалисты на этот вопрос отвечают по-разному. Один из авторов этого раздела уже указывал на наиболее вероятное объяснение этого феномена, свя-

занного с социальной стратификацией тюркоязычных кочевников, разные слои которых придерживались различных форм погребальной обрядности[703].

Рис. 59. Сколотая в древности и обнаруженная в ходе археологических раскопок голова изваяния у раннесредневековой оградки в местности Кыйу. Фото Г. В. Кубарева

Умерших простолюдинов и бедняков («черную кость») бросали в степи, людей «средней кости» — погребали в земле, верхушку общества и знать — сжигали. Это подтверждают многочисленные исторические и этнографиче-

[703] Кубарев Г. В. Культура древних тюрок Алтая… С. 25; Кубарев Г. В. Мир в миниатюре: традиция помещения вотивных вещей в древнетюркские поминальные оградки // Алтынбеков К., Бородовский А. П., Быков Н. И., Вадецкая Э. Б., Давыдов Е. А., Деревянко А. П., Досаева Д. К., Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А., Журавлева А. Д., Казаков В. В., Ковалёв В. С., Константинов Н. А., Кубарев Г. В., Марсадолов Л. С., Митько О. А., Молодин В. И., Мыглан В. С., Мыльников В. П., Пахунов А. С. и др. Алтай в кругу евразийских древностей: коллект. монография / отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 459–462.

ские свидетельства по тюркоязычным народам Центральной Азии. Вместе с тем можно предположить, что культ поминовения, умиротворения и проводов духа или души умершего у тюркоязычных кочевников было необходимо совершить в отношении всех сородичей, вне зависимости от их социального и имущественного статуса и способа его погребения.

Не только в погребальных, но и в поминальных сооружениях прослеживается достаточно четкая иерархическая структура, которая, так или иначе, соответствует социальной стратификации тюркского общества. На одном полюсе — небольшие рядовые поминальные оградки со стеловидными камнями, символизирующими изваяния, не содержащие каких-либо вещей, на другом — величественные поминальные комплексы каганов, включающие в себя китайские архитектурные элементы, скульптуры и пожертвования из высокохудожественных золотых и серебряных изделий, в том числе и вотивных. Для высшей тюркской знати также возводились большие поминальные сооружения и их признаками были наличие вала и рва вокруг оградки, первоначально навеса над ней, поддерживаемого несколькими деревянными столбами и т. п.

Например, в Северной Монголии поминальные сооружения тюркской кочевой аристократии отличаются наибольшим количеством и разнообразием. Эта вариативность объясняется сложной иерархической стратификацией общества древних тюрков: «Все остальные военные, а также «приказные» чины получали после смерти право на устройство поминального памятника определенных размеров, формы, состава структурных элементов, но без стел»[704].

Для понимания назначения оградок, на наш взгляд, имеют факты обнаружения в них уменьшенных и нефункциональных, вотивных копий предметов, вероятно, специально изготовленных для поминального обряда. Это можно считать одной из главных особенностей поминальной обрядности тюркоязычных кочевников.

Как свидетельствуют этнографические данные по тюркоязычным народам Южной Сибири, вотивные вещи имели сакральный смысл и использовались, прежде всего, в шаманской практике. На наш взгляд, в отношении интерпретации вотивных предметов из древнетюркских оградок и их назначения самого пристального внимания заслуживает редкий обрядовый предмет теленгитов Алтая — *оттын залазы* — 16-метровая крученая шерстяная веревка с привязанными миниатюрными деревянными и кожаны-

[704] Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания… С. 67.

ми изображениями орудий труда, утвари и различных сосудов[705]. Известно лишь, что этот предмет являлся необходимой принадлежностью обряда камлания духу огня. Вероятно, такое же предназначение имели вотивные вещи из теленгитского ритуального клада, найденного в верховьях р. Камтыттугем на Алтае (рис. 60)[706]. Огонь играл исключительно важную роль в жизни кочевников, в самых различных обрядах и, в том числе, в погребально-поминальной обрядности. Как известно, с помощью огня «кормили» *сӱнези/сюнезин* — душу умершего. Огонь близок по своей природе к солнцу.

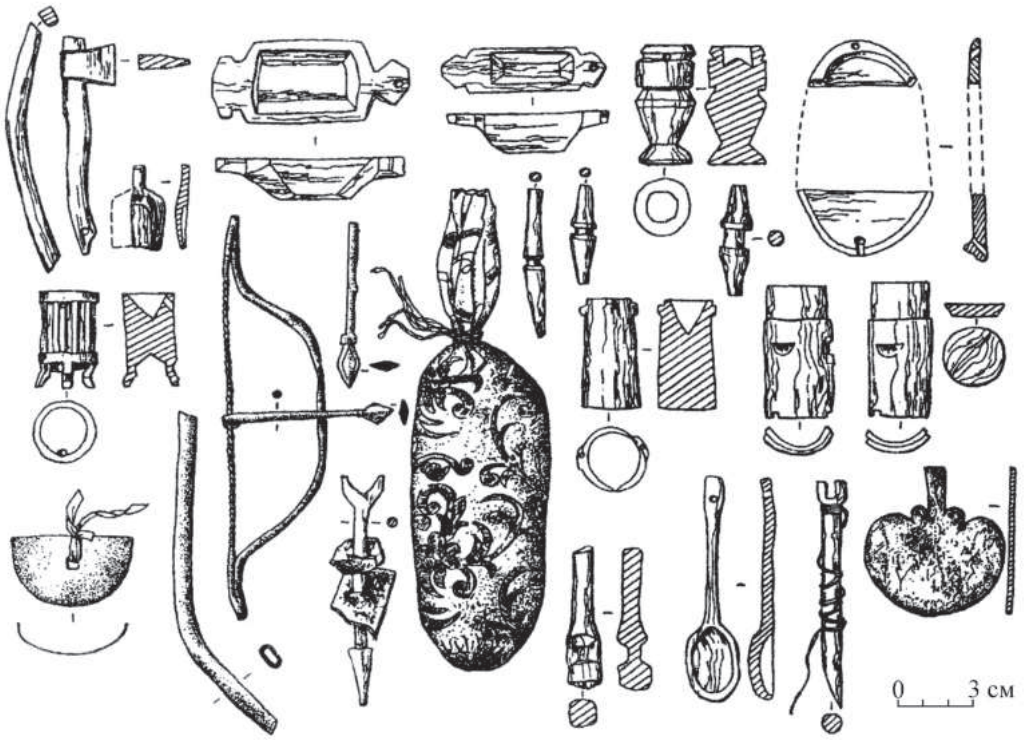

Рис. 60. Вотивные вещи из ритуального клада на р. Камтыттугем. Теленгиты. Российский Алтай (по: Кубареву, Октябрьской, 1996, рис. 5)

В этом контексте гипотеза о культе надочажной цепи (синонимичной веревке *оттын залазы* у теленгитов), к которой подвешивались миниатюрные имитации котлов у населения Предкавказья в сарматское время, представ-

[705] Иванов С. В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар (XVIII — первая четверть XX в.). Л.: Наука, 1979. С. 107–108.

[706] Кубарев В. Д., Октябрьская И. В. Ритуальный клад из Кош-Агачского района Алтая // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 3. С. 84–92.

ляется вполне убедительной[707]. По нашему мнению, эта гипотеза не противоречит объяснению культового назначения миниатюрных сосудов в скифское и хунно-сарматское время в качестве знаков власти, родовитости и возможному их подвешиванию к поясу. «В ритуально-мифологической традиции названный семантический ряд (пояс, кольцо, круг. — Г. К.) воплощался и в других, изофункциональных поясу объектах. Среди них особо выделяется образ нити, подобно которой вьется душа, жизнь, судьба человека»[708].

В тувинском обряде посвящения огню животного-ызыха, который проводился, если в семье тяжело болели дети, также использовалась веревка *салбак*. Она протягивалась по всей окружности юрты и к ней привязывались разноцветные ленточки, миниатюрные изображения кожаных фляг, ступок с пестами и деревянных подойников[709]. Нанизанные на веревку предметы, будучи символами благополучия, превращали ее в средство достижения и поддержания достатка и счастья. В этом случае веревка как бы опосредовала связь социума с миром верховных покровителей и божеств, миром людей и обителью духов.

Мы не знаем, использовали ли раннесредневековые тюркоязычные кочевники веревку для того, чтобы подвешивать к ней миниатюрные изображения предметов в обращении к духу огня в поминальной церемонии, подобно тому, как их потомки — теленгиты и тувинцы — обращались к духу огня и своим божествам. Но находки миниатюрных воспроизведений предметов и, прежде всего, сосудов, их генетическая связь с современным тюркоязычным населением Саяно-Алтая делает это предположение весьма вероятным. Также сложно судить, были ли эти миниатюрные копии посуды, оружия и предметов конского снаряжения изготовлены непосредственно перед поминальной церемонией или служили какое-то время в других культовых церемониях. Можно только предполагать, что вотивные, миниатюрные копии предметов должны были быть пожертвованы каждому (так же, как в идеале любому человеку должно быть установлено изваяние), но по тем или иным причинам этого не происходило, либо это невозможно было зафиксировать. Деревянная посуда и другие предметы из органики из жертвенников оградок могут в большинстве случаев не сохранять-

---

[707] Прокопенко Ю. А. Элементы культа очага в погребальной обрядности населения Предкавказья в сарматское время // РА. 2001. № 4. С. 162–167.

[708] Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, 1988. С. 184.

[709] Там же. С. 185–186.

ся. Заказать миниатюрные изделия из металла, тем более из золота и серебра, было доступно не всем. Вероятно, часто миниатюрные вещи могли заменяться набором настоящих предметов.

В поминальных оградках тюркоязычных кочевников прослеживается та же композиционная структура *огонь — дерево*, которая проявляется в ритуально-мифологической практике современных тюркоязычных народов Южной Сибири. В центре оградки вкапывался ствол или дерево, зольные пятна и прокалы фиксируются как в оградке, так и за ее пределами. Дерево, столб, коновязь в представлениях южно-сибирских тюрков является космической осью, дерево, дающее жизнь, мировое или родовое дерево. Оно связывает три сферы Вселенной: духов верхнего мира и мира подземного со средним миром людей. «Использование коновязных столбов во время *ысыаха* и других обрядовых действий позволяет предположить, что установление коновязи — древняя форма „окультуривания" природного пространства: устанавливается *уменьшенная копия мирового дерева* (курсив мой — Г. К.)».[710]

Древнетюркскую поминальную оградку, имеющую квадратную четырехугольную форму, стенки или углы которой ориентированы по странам света, а в центре установлена уменьшенная копия Мирового Древа, можно рассматривать не только как культовую модель жилища, но и как модель мира. Например, в надписи в честь Кюль-Тегина упоминаются народы, находящиеся в четырех углах (четырех сторонах) света, а в фольклорных текстах Алтай называют четырех- и шестигранным. При этом восток всегда ассоциируется с направлением «вперед», «лицом». «Таким образом в ритуале происходит создание и освоение пространства, подкрепляемое вещественно… Натянутая между четырьмя березами веревка зримо воспроизводит схему пространства замкнутого, имеющего границу — залог стабильности, устойчивости»[711]. Символика семантического центра, замкнутого четырехугольного пространства определила формы многих ритуальных сооружений: четырех берез, соединенных веревкой; казахских родовых кладбищ, в которых четыре сырцовых башни связываются снизу прямоугольной оградой; квадратов из досок неподалеку от могилы, где сидят мужчины хакасы после погребения; ритуальных квадратных столиков или каменных кладок у алтайцев[712]. Надо думать, что организация таких ритуальных сооружений имеет одинаковую семантику и восходит к тюркским поминальным сооружени-

[710] Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири… С. 32–33.

[711] Там же. С. 25.

[712] Там же. С. 26.

ям. Нельзя исключать, что они выполняли не только функцию поминовения и «общения» с умершим, туда, как и в недавнем прошлом, могли приходить с просьбами об излечении от болезней, бесплодия, там приносились жертвы.

Огонь — дерево воплощали в себе сложный мировоззренческий комплекс, в котором объединялись представления об огне и его хозяйке, о космической вертикали и богине-матери[713]. Этот комплекс символизировал собой временное жилище, место обитания и общения с душой умершего, своеобразное последнее пристанище души (духа) умершего, культовую модель жилища и модель мира[714]. Именно в таком контексте и нужно рассматривать поминальные сооружения — оградки и находки миниатюрных, нефункциональных предметов в жертвенниках раннесредневековых оградок.

Поминальные памятники и изваяния Тянь-Шаня. В изучении культуры раннесредневековых тюркоязычных племен и народов Тянь-Шаня, Алая, Семиречья особое место занимают поминальные комплексы. Как и в восточных регионах Центральной Азии, они состоят из оградок и каменных изваяний. В могильниках оградки с изваяниями встречаются в обособленной стороне от групп курганов.

Однако были обнаружены поминальные памятники, которые сооружались на территориях, где отсутствовали курганы. Несколько поминальных комплексов, состоящих исключительно из оградок с каменными изваяниями, были обнаружены и исследованы в ареале высокогорного озера Сон-Куль, на высоте более 3000 м над уровнем моря. Это летние пастбища, территории, позволяющие проводить поминальные обряды в честь умерших и предков исключительно в летнее время. Важную роль в выборе места для сооружения поминальных памятников играл ландшафт. Обычно выбирались просторные или расширенные участки внутри ущелья, плато, ровные широкие террасы.

Поминальные оградки имеют квадратную или прямоугольную форму. Их размеры варьируют от 0,70×0,80 до 8×8 м. Наиболее распространены одиночные оградки, которые составляют 94% от общего количества такого рода памятников. В отдельных местах встречаются пристроенные друг к другу ограды. Например, в памятнике Семиз-Бел зафиксирована группа из девяти пристроенных оград, а в памятнике Кош-Дюбе их насчитывается около пятнадцати. Возможно, пристроенные сооружения являются признаком родства поминаемых, показателем связи поколений (рис. 61).

---

[713] Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири… С. 58–60.

[714] Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая… С. 70, 79.

Рис. 61. Ряд поминальных оградок. Кош-Дёбё. VII в.

Рис. 62. Изваяния на р. Тон (юг оз. Иссык-Куль). Фото С. М. Дудина. 1894 г.

Относительно большие по размеру оградки сооружались для представителей высшей знати сообществ раннесредневековых тюркоязычных народов и племен.

Ярким примером таких сооружений может служить поминальный комплекс с изваяниями, обнаруженный нами в западной высокой террасе р. Тон (юг оз. Иссык-Куль). Замечательный памятник был сфотографирован в 1893 г. С. М. Дудиным, фотографом, художником, помощником востоковеда В. В. Бартольда[715]. Благодаря этой фотографии удалось установить место сооружения поминального комплекса (рис. 62). На фотографии внутри каменной оградки находятся три изваяния. На переднем плане запечатлен фрагмент скульптуры сидящего человека. С двух сторон сзади расположены две фигуры. В разные годы на этой территории археологами были найдены сфотографированные С. М. Дудиным изваяния. Изображение сидящей фигуры и женская фигура со своеобразным головным убором печенежского типа были опубликованы археологом В. П. Мокрыниным[716]. Изображение головы сидящей фигуры обнародовано в 2015 г.[717] (рис. 63). Обе женские фигуры были опубликованы археологом Я. А. Шером[718].

Рис. 63. Головная часть каганского облика каменного изваяния. Туура-Суу. Иссык-Куль (1)

715 Бартольд В. В. Гардизинин «Зайн ал-ахбар» чыгармасынан үзүндү // Бартольд В. В. Кыргыз жана Кыргызстан тарыхы боюнча тандалма эмгектер / Түз. кошумча түшүндүрмөлөр ж-а алгы сөз жазган Ө. Караев; Кырг. котор. котормочулар жамааты; Кыргызча чыгарылышынын илимий редактору — филология илимдеринин кандидаты С. Кайыпов. Б.: «Айбек» фирмасы, 1997. 456 б. Электрондук бет: 292–334.

716 Мокрынин В. П. О женских каменных изваяниях Тянь-Шаня и их этнической принадлежности // Археологические памятники Прииссыккулья. Фрунзе, 1975. С. 113–119.

717 Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш., Борисенко А. Ю., Орозбекова Ж. Древнетюркские каменные изваяния из с. Туура-Суу в Кыргызстане // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Т. 43. № 2. С. 109–115.

718 Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья… 140 с.

Надеемся, что в будущем удастся частично воссоздать поминальный комплекс, сооруженный в честь одного (или двух) предводителей Он ок эл (Западно-Тюркского каганата). На южной стороне этой местности ранее было найдено уникальное каменное изваяние в облике принца[719] (рис. 64). В этой местности находились ставки и поселения предводителей Он ок будун, которые в X–XII вв. разрослись в достаточно большое селение, окруженное крепостными стенами с выносными башнями.

Рис. 64. Скульптура принца Он ок эл. Туура-Суу. Иссык-Куль

Внутри обычных рядовых поминальных оградок всех типов имеются пологие насыпи из камней и земли. Под ними в подавляющем большинстве случаев находится материк (нетронутая почва), ямки, реже встречаются горизонтально уложенные плиты. Предметы, обнаруженные в процессе раскопок насыпи, свидетельствуют о ритуальных жертвоприношениях, имевших здесь место. Следы ритуальных действий характеризуются многообра-

[719] Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш., Борисенко А. Ю., Орозбекова Ж. Древнетюркские каменные изваяния из с. Туура-Суу… С. 109–115.

зием даже в пределах одной группы оградок. Это кости домашних животных (лошади и овцы), керамические сосуды или их фрагменты, следы костров, остатки древесного угля, металлические изделия, кальцинированные кости, истлевшее дерево. Остатки кострищ в каждой поминальной оградке (зола, древесный уголь, прокаленные участки почвы) позволяют полагать об особой роли огня при проведении поминальных церемоний у тюрков.

В поминальной оградке иногда хоронили лошадей. В настоящее время обнаружены пять захоронений такого рода. В двух из них лошадь находилась в полном снаряжении, была взнуздана, оседлана, рядом найдены стремена (рис. 65). Так как скелеты лошадей были обнаружены в оградке, следует считать их жертвенными животными в обряде поминовения умерших. Скелеты лошадей располагались на животе с подогнутыми ногами, грудью были обращены на запад. В памятнике Кош-Дёбё над захоронением лошади со снаряжением находился берестяной колчан и наборный пояс (рис. 66).

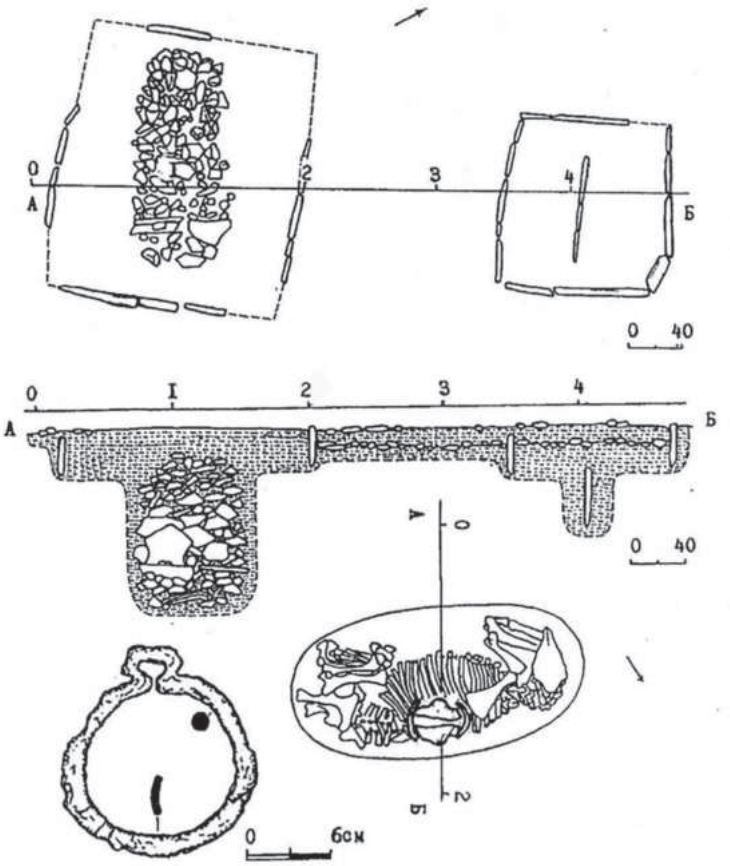

Рис. 65. Погребение лошади в поминальной оградке. Беш-Таш-Короо. VIII в.

Рис. 66. Погребение коня в поминальной оградке. Кош-Дёбё. Иссык-Куль. VII в.

На Тянь-Шане каменные изваяния в основном устанавливались в западном секторе оградки[720]. Этот признак является характерным, отличающим тюркские поминальные оградки Тянь-Шаня от подобных памятников Горного Алтая, Тувы, Монголии, Казахстана. Гораздо реже встречались оградки, у которых изваяния находились с восточной стороны и были обращены лицом на восток, что является традиционным расположением для места установки изваяний у восточных тюрков в Саяно-Алтае и в Монголии. При этом формы поминальных оградок совершенно одинаковы.

Еще одним из характерных отличий культуры родственных тюркских племен, разделенных на два каганата, является отсутствие рядов балбалов, отходящих от каменного изваяния, как отмечено на Алтае, в Монголии. На южной части оз. Иссык-Куль, в межгорной долине Тонского района удалось обнаружить пока единственную поминальную оградку, на западной стороне которой расположены два вертикально установленных камня (балбалы?).

В данное время в Кыргызстане насчитывается около 700 зафиксированных и опубликованных тюркских каменных изваяний. Картирование каменных изваяний по месту их обнаружения показало, что в основном они

[720] Табалдиев К. Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня… С. 79–82.

распространены на территории Внутреннего Тянь-Шаня, Прииссыккулья, в Чуйской и Таласской долинах, в восточной предгорной части Ферганского хребта и на Алае. Изредка встречаются в Западном Тянь-Шане[721].

Отмечены зоны наибольшей концентрации высокомоделированных изваяний, отличающиеся значительными размерами и высоким мастерством исполнения. Например, памятники восточной (Тюп, Талды-Суу) и южной части (Тон, Туура-Суу) Иссык-Кульской котловины. В них детально передавались все части тела, элементы одежды, предметы вооружения и украшения (рис. 67).

Рис. 67. Каменное изваяние тюркского полководца. Высота 2,75 м. Иссык-Куль

[721] Винник Д. Ф. История изучения каменных изваяний Кыргызстана // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. Бишкек, 1995. С. 170–172.

При изучении каменных изваяний выявляются индивидуальные особенности каждого из этих памятников: на них рельефно или контуром высечены человеческие лица, часто изображены руки, держащие ритуальную чашу, оружие и др. Каждая из скульптур отличается по своему внешнему облику. По иконографическим особенностям древнетюркские изваяния условно подразделены на мужские с сосудом в правой руке и с оружием, с изображением только лица или головы человека, изваяния с птицами, а также мужские и женские изваяния с сосудом в руках[722].

Особую группу каменных памятников семиреченско-тянь-шаньского ареала (Кыргызстан, Казахстан, Восточный Туркестан (Китай) составляют каменные изваяния с трехрогим головным убором (рис. 68). Такие скульптуры на территории Тувы и Монголии неизвестны.

Рис. 68. Каменное изваяние с трехрогим головным убором. Арчалы. Чуйская долина

[722] Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья… 140 с.

На облике тюркских статуй Тянь-Шаня и Семиречья отразилось определенное влияние согдийского искусства. В их число входят изваяния с манерным исполнением пальцев рук. Отдельные детали скульптур привлекают особое внимание. Например, изваяние с головным убором типа тебетей (рис. 69). Трудно не согласиться с его идентичностью головным уборам кыргызов (тебетей) и казахов (бёрк). Судя по этому свидетельству, этот головной убор сквозь века дошел до этнографической современности. Это яркий источник для изучения путей формирования традиционной одежды кыргызов и казахов.

Рис. 69. Каменное изваяние с головным убором тебетей. Колтор. Иссык-Куль

Рис. 70. Средневековое каменное изваяние. Чуйская долина

Известны изваяния, которые возникли в результате культурного обмена мастеров тюрков и ваятелей буддийских скульптур. Каменное изваяние, найденное в западной части Чуйской долины, имеет черты, характерные для буддийских скульптур. Так, например, изображение удлиненных мочек ушей, манера передачи лица напоминают облик лиц персонажей буддизма Северного Китая. При этом отмечается и отход от традиционных элементов.

К примеру, воспроизведение левой руки человека, держащего ножен (ножны) кинжала, тогда как в тюркских изваяниях традиционно они изображались держащими ручку кинжала (рис. 70).

Известна скульптура черепахи с пазом для установления стелы с надписью. Она обнаружена в предгорной зоне Кыргызского хребта, в той же долине, где располагалась ставка Западно-Тюркского каганата. Черепаха из Иссык-Аты высечена из местного серого гранита, хвост и голова отбиты. На спине сделан ступенчатый паз — гнездо для установления стелы (рис. 71). Длина черепахи — 55 см, ширина — 44, высота — 22, диаметр шеи — 22 см[723].

Рис. 71. Скульптура черепахи с гнездом для установления стелы с поминальными надписями. Сынташ. Чуйская долина

На территории городища Ак-Бешим, отождествляемой со столицей Западно-Тюркского каганата Суябе, было обнаружено навершие стелы с близкими по исполнению навершиям стел с руническими и согдийскими надписями, найденными в Монголии. Навершие с двусторонним изображением фантастических животных — драконов или волков было найдено отдельно,

[723] Тереножкин А. И. Археологические разведки по р. Чу в 1929 г. // ПИДО. 1935. № 5–6. С. 138–150.

т. е. без привязки к стеле. Мы учитываем наличие таких памятников в культуре китайцев Северного Китая. Под их влиянием были созданы орхонские поминальные комплексы в честь тюркских знатных лиц. Возможно, аналогия прослеживается в поминальных комплексах, созданных в честь западных тюрков. Свидетельством тому является навершие стелы из Ак-Бешима. Не исключено, что здесь также мог быть возведен мемориальный комплекс в честь умерших из числа властителей западных тюрков. Предполагаем, что аналогичные памятники могли быть возведены китайцами в период их нашествия в Семиречье в VIII в. н. э. Или же до этого, когда правили представители рода Ашина, могла быть возведена стела с драконовым или волчьим навершием.

Глава 4

ТЮРКСКИЕ ПЛЕМЕНА И ГОСУДАРСТВА ПОСЛЕ РАСПАДА ТЮРКСКИХ КАГАНАТОВ

На евразийских просторах Великой степи с востока на запад от Центральной Монголии и Алтая вплоть до Причерноморских степей в ходе ослабления и распада Тюркского каганата образовалось несколько посттюркских кочевых государств или племенных конфедераций, на востоке — уйгуров и кыргызов, в центре — кимаков и кыпчаков, огузов и карлуков, караханидов, на западе — хазар и булгар.

4.1. Уйгурский каганат (З.Т. Садырова, Р.И. Сафаров, Т.К. Чороев)

Уйгуры являлись одними из крупных тюркоязычных этносов раннего Средневековья. Становлению уйгурского господства в Монголии в середине VIII в. предшествовал длительный период борьбы уйгуров с тюрками во главе с династией Ашина за власть. «Основными этапами этой борьбы, имевшей более чем столетнюю историю, явились: победа токуз-огузов (уйгуров) в 630–647 гг. над тюрками и сирами и образование Первого Уйгурского каганата в Северной Монголии (647–689) …»[724].

[724] Камалов А.К. Древние уйгуры. VIII–IX вв. Алматы, 2001. С. 68.

Сравнение материалов китайских источников позволяет сделать вывод о том, что уйгуры не были единственной силой, разгромившей Второй Восточно-Тюркский каганат. Так, А. К. Камалов отмечает: «Хотя заслуга в разгроме Восточно-Тюркского каганата принадлежала племенам уйгуров, басмылов и карлуков, не последнюю роль сыграл при этом и Танский Китай. Однако исследователями еще не раскрыто участие танских войск в разгроме тюрков, о котором китайские источники содержат достаточно много свидетельств»[725]. Как отмечает исследователь, одно из первых указаний китайских источников и предпринятых династией Тан действиях в отношении тюрков гласит, что в 7-м месяце 741 г. император Сюань-цзун приказал военачальнику Сунь Лаону установить контакт с враждебными тюркам племенами — уйгурами, басмылами и карлуками[726]. В энциклопедии «Цэфу юаньгуй» сохранился текст послания императора предводителям карлуков и басмылов, в котором он призывал их к мятежу против тюрков[727]. Судя по дальнейшему развитию событий, танскому военачальнику удалось объединить усилия названных племен: в 8-м месяце следующего года было совершено наступление на тюрков одновременно с различных направлений — с севера на них напали уйгуры, с запада — карлуки, с юго-запада — басмылы, на юге тюркам угрожали танские войска. В ходе этой операции был убит тюркский Кутлуг-ябгу[728].

После гибели Кутлуг-ябгу тюрков возглавил Озмыш, который был, по свидетельству китайских источников, сыном Пан Кюль-тегина. Китайский военачальник Ван Чжунсы, командующий войсками северной пограничной провинции Шофан[729], прибывший с армией к границе пустыни Гоби, связался с басмылами, уйгурами и карлуками. Все силы четырех союзников напали на войска Озмыш-кагана.

В сложившейся ситуации часть восточных тюрков совершила массовое бегство в Китай. В источниках зафиксировали это событие: «В день дин-хай 8-го месяца 742 г. примерно тысяча шатров тюрков вошли в пределы тан-

---

725 Камалов А. К. Древние уйгуры. VIII–IX вв. Алматы, 2001. С. 69.

726 ЦЧТЦ, цз. 214, 6844. ЦЧТЦ — «Цзычжи тунцзянь» (Всеобщее зерцало, помогающее управлению) / сост. Сыма Гуан. Пекин, 1956. Данный исторический труд выдающегося историка и реформатора — государственного деятеля Сыма Гуана (1019–1086), написанный в соавторстве с Лю Шу, Лю Бинем и Фань Цзуюем, охватывает события с 403 до н. э. — по 960 н. э. и носит назидательный характер. Этот летописный труд из более чем 3 миллионов иероглифов, собранный в 294 цзюаня (свитка), был завершен в 1084 году и представлен императору Шэнь-цзуну из династии Сун.

727 ЦЧТЦ, цз. 170.

728 ЦЧТЦ, цз. 215, 6854; Камалов А. К. Древние уйгуры. VII-1X. вв. Алматы, 2001. С. 70.

729 ЦЧТЦ, цз. 215, 6854.

ского государства». Это было первое крупное переселение тюрков из Монголии в Китай в период крушения Восточно-Тюркского государства. «Среди подчинившихся Танам тюрков было немало высокородных лиц… Среди подчинившихся находился также и глава согдийской общины Тюркского каганата Кан-а-и Кюль-Таркан, которого сопровождали жена — уроженка Цзяохэ (Турфанский оазис), носившая фамилию Ши, и четверо сыновей с супругами»[730].

В 744 г. борьба была перенесена в лагерь самих союзников. Уйгуры и карлуки напали на лидера басмылов Ильтериш-кагана, который либо погиб во время сражения, либо бежал. Уже выше отмечалось, что после усиления уйгуров два года спустя карлуки переселились в Притяньшанье[731]. Таким образом, становление Уйгурского каганата стало возможно благодаря военной поддержке Танского Китая, с которым уйгуры и в дальнейшем продолжали торгово-экономические связи наряду со многими трениями из-за борьбы за контроль ряда важных регионов Внутренней Азии.

Уйгурский каганат представляет собой важный этап развития раннесредневековой государственности у восточных тюрков. Укрепление централизованной власти под верховенством уйгурского рода йаглакар шло при сохранении сильных центробежных тенденций различных подвластных этносов и собственно уйгурских родоплеменных групп. Государственное единство в 744–840 гг. стало весьма важным социально-политическим фактором в завершении сложения раннесредневекового ядра уйгуров[732].

730 Камалов А. К. Древние уйгуры… С. 72.

731 См.: Кляшторный С. Г. Терхинская надпись. Предварительная публикация // Советская тюркология. 1980. № 3. С. 94.

732 О политических событиях в Центральной Азии VIII–IX вв. более подробно см.: История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М., 1896. С. 214–215; Малявкин А. Г. Уйгурские государства в IX–XII в. Новосибирск, 1983. С. 19–28; Тихонов Д. И. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X–XIV вв. М., 1996. С. 26–32; Камалов А. К. Древние уйгуры… С. 68–106; и др.

Рис. 72. Карта. Эпоха Уйгурского каганата
Источник: Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. URL: kronk.spb.ru

Особенности социально-экономической организации Уйгурского каганата и его отличия от предшествующих кочевых империй I тыс. н. э. (Сяньби, Жоу-жаньский и Тюркские каганаты) исследователи связывают с градостроительной культурой[733]. Это давало основания Т. Барфилду называть Уйгурский каганат «степной цивилизацией», которой были присущи ряд признаков. Среди них исследователь называет наличие: политического центра империи — «постоянной столицы», письменности, земледелия и межкультурных контактов уйгуров с ираноязычным населением, отра-

[733] Кызласов Л. Р. Средневековые города Тувы // Советская археология. 1959. №3. С. 66–80; Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979. 211 с.; Кызласов Л. Р. Культура древних уйгур (VIII–IX вв.) // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981. С. 52–54; Данилов С. В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ, 2004. 202 с.; Широиси Н. Этапы кочевых государств монгольских степей // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2008. Кн. 3. С. 239–251; Крадин Н. Н. Урбанизационные процессы в кочевых империях монгольских степей // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2008. Кн. 3. С. 330–346.

зившихся в религиозно-духовной сфере[734]. Этот же набор признаков — градостроительство, развитое земледелие, манихейство как государственная религия и добрососедские отношения с Китаем — позволили Ю. И. Дробышеву считать Уйгурский каганат нетипичной кочевой империей[735]. Более сложный характер организации власти и форм подчинения других народов в Уйгурском каганате, по сравнению с тюркскими империями, отмечает С. А. Васютин, считая, что «экономическая система каганата соответствовала целому ряду критериев цивилизации (оседлые поселения, городская экономика, ирригационное земледелие, производство и широкое использование железа в хозяйственных и военных целях, торговля на дальние расстояния и т. д.)»[736].

Территориальное ядро Уйгурского каганата располагалось на берегу р. Орхон. В труде Джувейни можно найти важное упоминание о том, что в годы политического могущества каган уйгуров Буку основал стольный город: «Его войска возвратились из всех этих стран (здесь: монголов, кыргызов, тангутов и киданей — *авт.*) с огромной добычей и привели множество пленных на берега Орхона, где они построили город Орду-балык; весь восток был покорен»[737]. Сравнительный анализ данного текста с рунической надписью уйгуров из Шине-Усу позволяет исследователям утверждать, что уйгурский каган Байан-чор (Элетмиш Бильге-каган), основатель каганата, «после победоносных сражений с внешними и внутренними врагами, около 757 г. повелел согдийцам и китайцам („табгачам") построить город Бай-балык на берегу р. Селенга»[738].

---

[734] Барфилд Т. Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. — 1757 г. н. э.) / пер. Д. В. Рухлядева, Б. В. Кузнецова. СПб., 2009. 248 с. URL: http://barfi eld.narod.ru

[735] Дробышев Ю. И. Уйгурский каганат — нетипичная кочевая империя // Восток (Oriens). 2009. № 3. С. 17–26.

[736] Васютин С. А. Основные модели организации власти у кочевников Центральной Азии периода раннего Средневековья (в свете теории многолинейности) // Восток (Oriens). 2010. № 4. С. 20–33.

[737] Д'Оссон К. История монголов. Т. 1. Чингиз-хан. Иркутск, 1937. С. 242.

[738] Орхон-Енисей текстлери. Фрунзе, 1982. С. 123, 126, 137; Чоротегин Т. К. Этнические ситуации в тюркских регионах Центральной Азии домонгольского времени: По мусульманским источникам IX–XIII вв. Бишкек, 1995. С. 45.

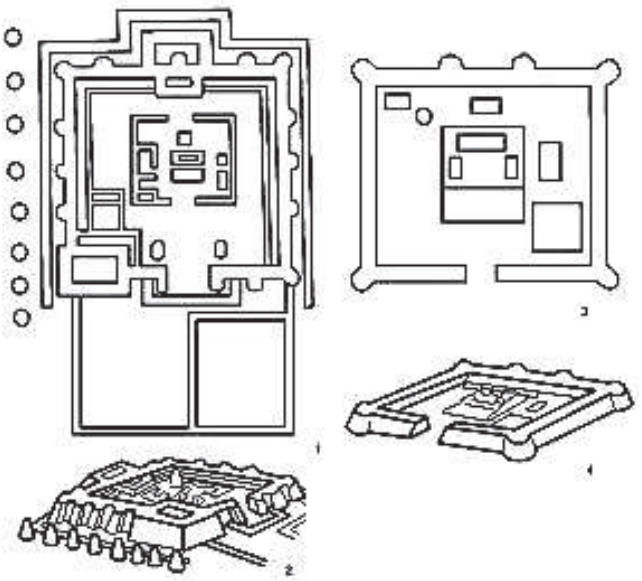

Рис. 73. Уйгурские крепости в Монголии: 1, 2 — Орду-Балык; 3, 4 — Бай-Балык
Источник: Худяков Ю. С. Памятники уйгурской культуры в Монголии // Центральная Азия и соседние территории в Средние века. Новосибирск, 1990. С. 84–89

Как отмечает С. А. Васютин, «масштабное градостроительство развернулось после провозглашения Уйгурского каганата. Первоначально административными центрами империи были ставки кагана». Исследователь приводит письменные свидетельства, согласно которым «по распоряжению Элетмиш Бильге-кагана был возведен «беловатый лагерь и дворец» с крепостными стенами в землях чиков в Туве. Подобные ставки были устроены в Отюкенской черни «при слиянии речек Ябаш (Айбаш) и Тукуш», «на западной окраине Отюкена, в верховьях (реки) Тез», в Касар Коруге и на востоке в Эльсере. В Терхинской надписи сообщается о сооружении в год дракона (752 г.) ставки «посредине Отюкена, к западу от священной вершины Сюнгюз Башкан». Вслед за С. Г. Кляшторным С. А. Васютин предполагает, что речь идет об Орду-Балыке (Карабалгасуне, Хара-Балгасуне, Балаклыке) — будущей столице каганата[739].

Присутствие в Уйгурском каганате согдийских, китайских и арабо-мусульманских купцов связывается исследователями с развитием торговли в государстве. Но основная часть согдийцев и китайцев, скорее всего, попала в степь в ходе восстания Ань Лушаня в Китае и после его подавления.

[739] Васютин С. А. Уйгурский каганат — цивилизационная альтернатива пасторальным империям Центральной Азии I тыс. н. э. // Вестник ТГПУ. 2011. №11 (113). С. 29.

Как отмечает С. А. Васютин, «с принятием уйгурской политической элитой манихейства в каганат стали переселяться манихейские общины согдийцев. В итоге численность оседлых жителей в Уйгурском каганате стала весьма значительной, о чем свидетельствует не только возведение городов в Монголии и Туве, но и наличие рядом с ними поселений ремесленников и земледельцев». Среди жителей городов было немало уйгуров и других тюркоязычных народов. Арабский путешественник Тамим ибн Бахр, добиравшийся из Семиречья в Орду-балык, указывал, что последние 20 (либо 25) дней он продвигался среди «плодородных земель» с рынками и «многочисленных возделанных земель, все или большинство населения которых составляют тюрки. Среди них есть огнепоклонники из секты магов (*маджус*), также есть среди них и манихеи (*зиндик*). После этих дней он прибыл в стольный город (мадина) правителя (тогузгузов)»[740].

Среди других уйгурских городов в Монголии исследователи называют Бей-балык, Чилим балгас, Цаган Сумийн балгас, Тойтен-Толгой, Тайджин-Чуло и др. Археологами также исследованы городище и ремесленно-земледельческие поселения в районе Каракорума (Хар-хорина) — столицы монгольской империи, располагавшейся в 27 км от Орду-балыка. Также в подчинении уйгуров находились и развитые города Турфана. В Туве возникла целая оборонительная линия из городищ, крепостей, глинобитных и каменных стен. Как отмечают исследователи, «вероятно, уйгуры довольно быстро осознали стратегическое значение Тувы и угрозу, исходящую со стороны кыргызов. Уйгурская укрепленная линия в Туве имела систему управления и сеть административных центров»[741].

Таким образом, как отмечает С. А. Васютин, «в каганате существовала обширная городская инфраструктура: столичный город Кара-балгас — «областные» административные центры — провинциальные города и военные крепости для обороны от внешних противников. Показательна и полифункциональность городов в Уйгурском каганате — административное управление, ремесленно-земледельческая деятельность, торговля, осуществление религиозных культов и церемоний, военные крепости. Тем самым по степени урбанизации каганат не уступал многим обществам, достигшим цивилизационной стадии»[742].

Урбанизационные процессы середины VIII — первой половины IX в. в Уйгурском каганате объясняются исследователями рядом факторов: ми-

[740] Васютин С. А. Уйгурский каганат — цивилизационная альтернатива… 29–31.
[741] Там же. С. 28–34.
[742] Там же. С. 28–34.

грациями согдийцев, танцев и других мигрантов на территорию каганата и их активное участие в торгово-экономической жизни государства; заинтересованностью уйгуров в развитии сети аграрных и ремесленных поселений для товарообмена с ними; активизацией международной торговли и превращением каганата в транзитный торговый регион[743].

Своеобразием отличалась и религиозная политика уйгурских каганов. В китайской версии Карабалгасунской надписи сообщается, что уйгурский каган Тенгрида Кут Болмыш Эль-Тутмыш Алп Кюлюг Бильге каган совершил реформу: «Жуй-си и других — всего четырех монахов, [он] привез в [свое] государство. [Они] распространяли две кумирни, проникали в три предела. Наставники закона [Ма] ни сокровенно достигли светых ворот, овладели семью разделами. [Их] таланты превосходили моря и горы. [Их] красноречие было подобно падающей [с небес] реке. Поэтому [они] смогли открыть уйгурам праведное учение…»[744]. Элите Уйгурского каганата импонировали не ислам Арабского халифата, не тибетский ламаизм, не религиозные школы Китая, а манихейское учение, которое было распространено мирными миссионерами согдийцев (и других возможных деятелей манихеизма).

Письменные источники позволяют реконструировать систему политической организации Уйгурского каганата. В грамоте танского императора Дайцзуна от 763 г. о награждении уйгурского Бёгу-кагана содержится информация о высших должностных лицах каганата, позволяющая установить соотношение между ними. В этом указе перечисляются каган с катун, левый и правый шады, Улуг Тутук, Балань цзянцзюнь (сенгун), одиннадцать тутуков, внутренние и внешние министры[745]. На основании данной информации исследователи делают вывод о том, что «центральный аппарат во главе с каганом включал левого (восточного) и правого (западного) шадов, внутренних и внешних «великих буюруков» (в китайских источниках «министров»). С. А. Васютин отмечает, что «интересы империи представляли одиннадцать тутуков-наместников над племенами». Во всех областях Уйгурского каганата наряду с племенными органами управления существовала сеть провинциальных и местных чиновников с военными и гражданскими полномочиями, что является одним из свидетельств формирования государственности. В то же время, по мнению исследователя, «государственные структуры в Уйгурском каганате не сложились в устойчивую политическую систему. Кочевые традиции, доминировавшие в политической сфере, определя-

[743] Васютин С. А. Уйгурский каганат — цивилизационная альтернатива… С. 30–31.
[744] Цит. по: Камалов А. К. Древние уйгуры… С. 128.
[745] Там же. С. 128.

ли зависимость политических институтов от характерных для номадов вызовов. Прежде всего, это касалось солидарности кочевой элиты в условиях получения и распределения среди представителей военно-административной и племенной знати огромных доходов»[746].

В середине VIII в. правители Уйгурского каганата следовали активному внешнеполитическому курсу в отношении Восточного Туркестана. Северные оазисы этого региона (район Турфан-Куча-Карашар) были вовлечены в политическую жизнь Уйгурского каганата с самых первых лет его существования. Как отмечает А. К. Камалов, «во время войны с племенами басмылов, карлуков и тюргешей (752–754 гг.) уйгурам удалось расширить зону влияния в западном направлении, подчинив своей власти кочевые племена, обитавшие в Восточном Притяньшанье, и установив контроль над оазисными государствами этого района. После вывода из западных наместничеств Танской империи Аньси (Куча) и Бэйтина (Бешбалыка) в Китай основного контингента танских войск для участия в подавлении восстания Ань Лушаня-Ши Чаои в 50-е годы VIII в., уйгурское влияние в Восточном Туркестане приобрело форму протектората»[747]. Данные события во многом были обусловлены тем фактом, что примерно в этот же период уйгуры приняли манихейство — одну из наиболее распространенных среди населения оазисов религию. Обращение уйгуров в манихейство знаменовало собой окончательную культурно-идеологическую ориентацию Уйгурского каганата на согдийский Запад, которая отразилась и на характере уйгуро-танских отношений в период правления Бёгю-кагана (759–779 гг.).

Политика Бёгю-кагана, направленная на сближение с согдийцами в стране, вызвала недовольство со стороны кочевой уйгурской аристократии. Его результатом стал дворцовый переворот в Ордубалыке в 779 г., приведший к отстранению от власти Бёгю-кагана и переходу политического господства к оппозиции, которую возглавил близкий родственник кагана, его двоюродный брат Тон Багатаркан. Под его руководством в 781–786 гг. уйгуры выступали на стороне восставших губернаторов хэбэйской провинции. Причиной восстания стали внутренние реформы, проводившиеся императором Дэцзуном, направленные на ограничение власти губернаторов северо-восточных провинций Китая. Однако это не помешало Уйгурскому каганату

---

[746] Васютин С. А. Уйгурский каганат — цивилизационная альтернатива… С. 33.

[747] Камалов А. К. Древние уйгуры… С. 149; Камалов А. К. Источниковедческие зарисовки по военно-политической истории Уйгурского каганата // Культура Центральной Азии: письменные источники. 2018. № 11–1. С. 109–122.

и Танскому Китаю заключить в 788 г. договор, позволявший уйгурам торговать с Китаем[748].

Договор имел важные политические последствия, поскольку позволил Китаю получить союзника в противостоянии с Тибетом. В 790–792 гг. произошла уйгуро-тибетская война. Уйгуры выступили на стороне Китая, но успехи Тибета в сражениях и осаде китайских крепостей привели к ликвидации танского присутствия в Восточном Туркестане. В историографии отсутствует устоявшаяся точка зрения на исход уйгуро-тибетской войны. Однако значительное количество письменных памятников позволяет сделать вывод о политическом господстве уйгурских каганов в Восточном Туркестане в начале IX в. Длительное противоборство Уйгурского каганата и Тибета за господство в Восточном Туркестане закончилось заключением уйгуро-тибетского мирного договора в 822–823 гг., единственная запись о заключении которого сохранилась в тибетском сочинении, написанном в 1167 г.[749]

В период упадка Уйгурский каганат вступил после 20-х гг. IX в. Ослабление военной мощи уйгуров, прежде всего, отразилось в начавшейся в 820-х гг. войне с енисейскими кыргызами. Прямым следствием военных неудач уйгуров стал рост центробежных тенденций и борьба за власть. В этот период политическое превосходство в каганате перешло от племени яглакар к племени эдиз. Помимо внутриполитической напряженности, стихийные бедствия во Внутренней Азии в 820–830 гг. сопровождались голодом («джутом» — падежом скота), опустошившим запасы кочевых и полукочевых народов[750]. Окончательный удар по Уйгурскому каганату енисейские кыргызы нанесли в 840 г.[751]

После распада Уйгурского каганата и миграции уйгурских племен из степей нынешней Монголии в Восточный Туркестан (IX в.) самоназвание «уйгур» продолжало употребляться вплоть до XVI–XVII вв. группами населения Турфана, Кумула, Кочо. В начале X в. в Турфанском оазисе в юго-восточной части Восточного Тянь-Шаня утвердилась власть не принявших ислам уйгурских идикутов (титул уйгурских правителей второй половины IX в.), которые просуществовали до 1250 г. В восточной части Караханид-

---

748 Камалов А. К. Древние уйгуры… С. 159.

749 Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 2002. 555 с.; Камалов А. К. Древние уйгуры… С. 176.

750 Малявкин А. Г. Уйгурские государства в IX–XII в. Новосибирск, 1983. С. 127, 153, 154; Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука, 1980. С. 155–157.

751 Худяков Ю. С. Кыргызы на Енисее. Новосибирск, 1986. 190 с.; Кожобеков М. Ч. Орто кылымдардагы кыргыздардын этносаясий тарыхынын негизги өнүгүү баскычтары (V–X кк.): Тарых илим. канд. … дис. автореферати. Бишкек, 1997. С. 17–18.

ского государства в турфанском идикутстве Кочо уйгуры постепенно ассимилировали местное, преимущественно ирано- и тохароязычное население, передав ему свой язык и культуру и, в свою очередь, переняв традиции оазисного земледелия и некоторые виды ремесел. В результате тесных контактов с иранскими и согдийскими купцами и проповедниками манихейства и несторианства уйгуры создали собственную письменность и оригинальную литературу, культуру скульптурных изображений. Именно в этот период среди уйгуров Турфана, Кумула, религией которых были манихейство и шаманизм, распространились буддизм, а затем и христианство (несторианство). В этот же исторический период, начиная с X в., среди уйгуров Кашгара, Яркенда, Хотана распространяется ислам.

4.2. Кыргызский каганат (М.Ч. Кожобеков)

Этноним «кыргыз» является самоназванием как енисейских, так и тяньшаньских кыргызов. В китайских источниках этноним «кыргыз» передается различными иероглифами в форме — гяньгунь (цзяньгунь), цилицзисы (гиргис), хэлицзисы (хэргис или хыргис), циэргайсы (киргаис) и киэрцзис, которые являются обычной транскрипцией этнонима «кыргыз»[752]. В орхоно-енисейских надписях (VI–VIII в.) это название зафиксировано в форме «кыркыз», что близко по звучанию, по источникам византийских и восточных авторов. Арабские, персидские и тюркские сочинители IX–XV вв. — ибн Хордадбек, ал-Истахри, ибн Хаукаль, Абу Дулаф, Бируни, Махмуд Кашгарский, Гардизи, ал-Марвази, ал-Идриси, Йакут, ибн ал-Асир, Джувейни, Рашид ад-дин, Натанзи и «Худуд ал-алам» употребляли этноним «кыргыз». В византийских источниках было записано «херхис».

Первое упоминание этнонима «кыргыз» на территории Южной Сибири зафиксировано в китайском источнике «Чжоу шу» в форме «кигу» и, по мнению С.Е. Яхонтова, данное сообщение относится ко времени 553 г. или несколько позже[753]. Указанные в «Чжоу шу» координаты занимаемой территории кыргызов в пределах Афу (Абакан) и Гянь (Кем-Енисей) явля-

[752] Яхонтов С.Е. Древнейшие упоминания названия «киргиз» // Советская этнография. 1970. №2. С. 110–120.

[753] Там же. С. 110.

ются первыми достоверными сведениями этногеографии кыргызов в Южной Сибири[754].

Выгодное географическое расположение кыргызов на Енисее обеспечило им стабильность и военно-политическую автономность в период Первого и Второго Восточного тюркских каганатов[755]. Первым кыргызским каганом, согласно источникам, стал Барс-бег. Его право так именоваться вынужден был признать (в силу обстоятельств) даже тюркский каган Капаган. Свое признание он подкрепил отдачей дочери кагана Кутлуга Эльтерэса в жены Барс-бегу. По мнению С. Е. Малова, это могло произойти в 693 г.[756] По свидетельству источников, Барс-бег проводил весьма активную внешнюю политику. К примеру, в 707, 709 и 711 гг. кыргызские посольства посещали империю Тан, а также Тибет. В эти же годы кыргызы воевали на стороне Китая против тюрков. Зимой 710–711 гг. тюрки осуществили внезапный поход на кыргызов. Возглавляли войска великие полководцы — Тоньюкук и принцы из правящего рода Ашина — Кюль-тегин и Шад Могилян. В сражении «в черни Сунга» погиб кыргызский каган Барс-бег (шурин Кюль-тегина и Могиляна — *авт.*), после чего государство кыргызов пришло в упадок[757]. Свидетельством данного тезиса является тот факт, что вплоть до 745 г. — падения Второго Восточно-Тюркского каганата — кыргызы не принимали участия в военно-политических событиях Центральной Азии.

После падения Второго Восточно-Тюркского каганата основным соперником кыргызов стал Уйгурский каганат. Правители уйгуров смогли покорить ряд соседних с кыргызами территорий, в результате чего кыргызы на долгие десятилетия оказались отрезанными от контактов с Танским Китаем.

Политическое возвышение Кыргызского каганата связано с упадком политического могущества Уйгурского каганата. Согласно письменным источникам, кыргызский правитель Ажо в 820 г. объявил себя «каганом», а свою мать (тюргешскую принцессу — *авт.*) — «вдовствующей ханьшей». Титула «ханши» удостоилась и его жена (дочь карлукского ябгу — *авт.*)[758]. Как подтверждают археологические находки, столица Уйгурского каганата Орду-

---

754 Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1984. С. 40.

755 Супруненко Г. П. Некоторые источники по древней истории кыргызов. М., 1974. С. 241–242.

756 Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 38.

757 Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности… С. 39.

758 Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 355.

Балык (находилась на левом берегу р. Орхона) и ее пригороды были разрушены енисейскими кыргызами в 840 г.[759] Прежде ставка кыргызского кагана находилась в Минусинской котловине. После победы над уйгурами она была перенесена к югу от хребта Танну-Ола и находилась на расстоянии «в 15 днях конной езды от прежнего хойхуского стойбища»[760]. Об этом свидетельствуют кыргызские курганы на границе котловины Великих Озер Монголии.

В историографии эти события некоторые исследователи считают «эрой второго Кыргызского каганата» и выходом на «политическую арену плеяды выдающихся политических деятелей, в числе коих — правитель Ажо, получивший от Танского императора титул «Цзун-ин», Хюн-Ву, Чен-мин-кэхань, «наместник над уйгурами» Бойла Кутлуг Ярган, кыргызский посол Чжуву Хэсо и др».[761] Период возвышения Кыргызского каганата в IX–X вв. В. В. Бартольд назвал «кыргызским великодержавием» и объяснил данный факт тем, что завоевательная политика кыргызов шла с запада на восток, не как обычно, не в обратном направлении[762]. По определению Ю. С. Худякова, «это был звездный час кыргызской истории, время поразительных успехов кыргызского оружия в длительной войне с уйгурами, эпоха, когда кыргызы смогли подчинить обширные просторы степной Азии. Благодаря этому периоду своей истории кыргызы оставили о себе память у современников, представителей различных народов средневековья, а их исторические деяния привлекают постоянное внимание позднейших историков»[763].

В 840 г. значительная часть уйгуров ушла на юго-запад, в сторону Джунгарии и Восточного Тянь-Шаня. По данным восточных авторов, енисейские кыргызы преследовали уйгуров Пан-тегина и проникли в Восточный Тянь-Шань[764]. Посланник кыргызского кагана Та-бу Хэцзу, прибывший в ноябре в 843 г. в столицу Китая, сообщил, что «им подчинились пять племен — Аньси (Куча), Бэйтин (Бешбалык), дада (татары), и другие»[765].

---

759 Киселев С. В. Древние города Монголии // Советская археология. 1957. № 2. С. 95.

760 Там же. С. 95.

761 Бутанаев В. Я., Модоров Н. С. Кыргызский каганат, первые его правители и их деятельность // Мир Большого Алтая. 2015. № 1 (4). С. 297.

762 Бартольд В. В. Киргизы. Исторический очерк. Фрунзе, 1927. С. 489.

763 Худяков Ю. С. Кыргызы на просторах Азии. Бишкек, 1995. С. 59.

764 Кожобеков М. Ч. К вопросу об этногенетических связях кыргызов Енисея и Тянь-Шаня // Вопросы истории. 2020. № 12 (2). С. 224.

765 Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск, 1974. С. 101.

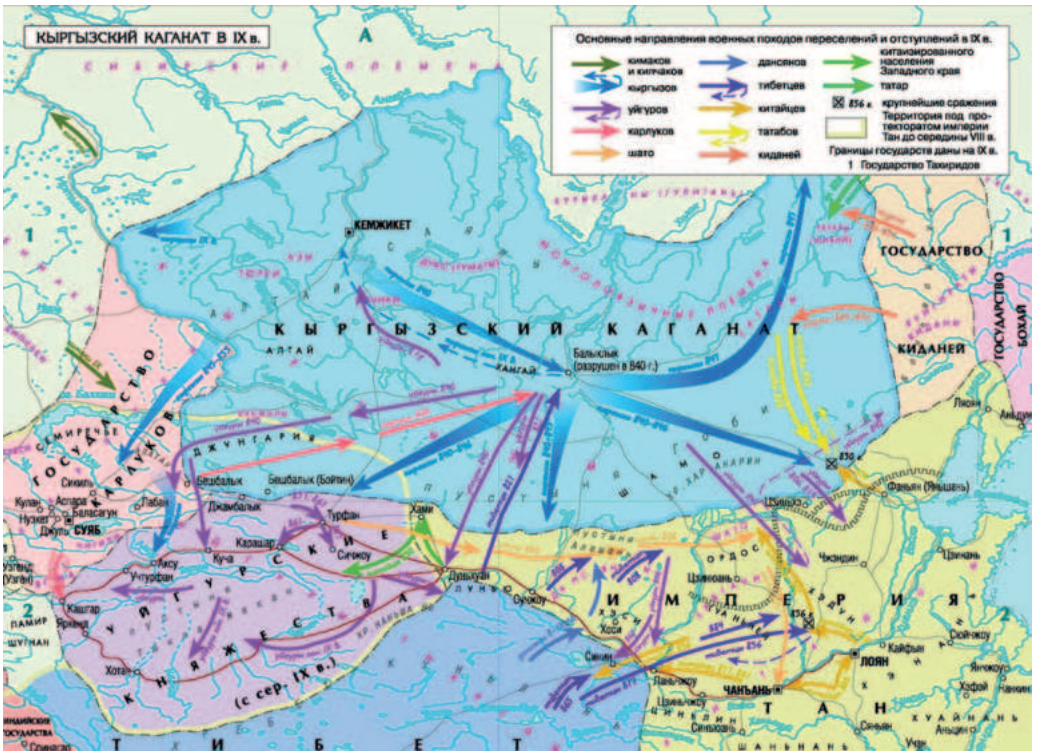

Рис. 74. Карта. Эпоха Кыргызского каганата.
Источник: Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. С. 151–152. Электронный ресурс: С. Г. Кляшторный, Д. Г. Савинов, 2005. URL: kronk.spb.ru

В связи с этими событиями в биографии Ли Дэюя отмечается: «Кыргызы прислали посла и сообщили, что они атаковали и заняли Аньси и Бэйтин. Император пожелал получить эти районы от кыргызов»[766]. В апреле в 843 г. в ставку Ажо кыргызов был направлен китайский посланник Чжао Бань, который по возвращении к себе докладывал, что «кыргызы атаковали наместничество Аньси и Бэйтин, поэтому надлежит послать войска для оказания помощи»[767]. Исходя из этого сообщения японский ученый Т. Ханэда пришел к выводу, что под натиском кыргызов уйгуры из района Кучи и Бешбалыка ушли на восток, в Притянь-Шанье. Другие японские исследователи допускали возможность переселения уйгуров на восток[768].

В эпоху Великодержавия существенно расширились границы каганата на востоке, севере и западе, на юге. Стали кыштымами кыргызов воинственные племена бома — страны Пестрых лошадей, жившие на территории со-

766 Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск, 1974. С. 116.
767 Там же. С. 197.
768 Там же. С. 198.

временного Красноярского края и Кемеровской области, в результате они полностью исчезают как самостоятельное объединение, вместо них появляются многочисленное племя куштеми. Походы кыргызов Енисея доходили вплоть до Байкала. На востоке в пределы кыргызских владений вошла долина р. Кан, на севере — Ачинско-Мариинская лесостепь и долина Енисея вплоть до устья Ангары. В этих районах обнаружены кыргызские памятники IX–X вв. н. э. На западе и северо-западе в орбиту кыргызского влияния вошли Северный Алтай, Притомье и лесостепное Приобье.

О военных действиях енисейских кыргызов в Восточном Тянь-Шане сообщает неизвестный персидский писатель (X в.) в сочинении «Худуд-ал-алам»: «Пенчул (совр. Уч-Турфан — *авт.*) расположен в стране каллук, но раньше он управлялся от имени тогузгузов, а теперь занят кыргызами»[769]. Если верить автору, то кыргызы заняли г. Пенчул в период написания сочинения — в 982 г. Но В. В. Бартольд относит это событие к концу IX в.[770] В «Худуд ал-алам» встречаются и другие данные о кыргызах в пределах Семиречья, Восточного Тянь-Шаня и на ныне занимаемой ими территории. «Кашгар, — пишет его автор, — относится к области Чинистан, он расположен на границе между Йагмой, Тибетом, Хырхызами и Чином».[771] Необходимо отметить, что в сочинении «Худуд ал-алам» отмечается, что карлуки, ягми, тухси, чигили и тогузгузы (уйгуры) обитают в пределах Средней Азии, Южного Казахстана и Восточного Туркестана. Это свидетельствует о продвижении кыргызов на запад от Уч-Турфана до Кашгара и об обитании их по соседству с ягма, которые в X в. жили к югу от р. Нарын[772].

В «Худуд ал-алам» кыргызы расположены на севере от карлуков и чигилей, на западе — от тухси[773]. Значит, они могли быть соседями в Семиречье, так как сам сочинитель упоминает карлуков в Чу-Таласской долине, а тухси и чигилей — в Иссык-Кульской котловине[774]. Это подтверждается и другими сообщениями из этого сочинения: «И еще одна гора поднимается от самого начала тогузгузов, вблизи озера Иссык-Куль, тянется вплоть до конца (области) тухсийев и начала халлухской границы и затем поворачивает; отрог ее заходит в область одного из хырхызских племен. Эту гору называ-

769 Hudud al-Alam. "The Regions of the World": a Persian Geography: a. d. 372/a. d. 982. Translated and explained by V. Minorsky, London, 1937, p. 98.

770 Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Соч. Т. II. Ч. 1. М., 1963. С. 39.

771 Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973. С. 41.

772 Кожобеков М. Ч. К вопросу об этногенетических связях кыргызов Енисея и Тянь-Шаня // Вопросы истории. 2020. № 12 (2). С. 225.

773 Материалы по истории киргизов и Киргизии… С. 41–43.

774 Там же. С. 41–43.

ют Тулас»[775]. В. Ф. Минорский последнюю отождествляет с Алтайскими горами[776]. Но как следует из приведенной цитаты, описываемая гора соответствует Кунгей и Заилийскому Алатау.

Длительные войны кыргызских правителей привели к закономерному результату: значительному сокращению и распространению кыргызского населения на огромной территории одноименного каганата. Эти обстоятельства, что вполне закономерно, подорвали военные силы кыргызов. Это существенно ограничило их возможности в деле удержания под своей властью завоеванных ими племен и народов, которые относились к разным культурно-хозяйственным типам. Ослабление же военной мощи кыргызов стало главной причиной «заката» периода «кыргызского великодержавия», поскольку кыргызы не смогли в сложившейся ситуации противостоять усилившейся Киданьской империи, которая и подчинила себе в X в. всю Центральную Азию.

Период великодержавия оказался, по свидетельствам исторических источников, совсем недолгим — всего около 80 лет. После распада каганата кыргызский этнос оказался разделенным киданьским вторжением. Так, часть енисейских кыргызов сумела сохранить за собой Саяно-Алтай. Другая же их часть была оттеснена в начале II тыс. н. э. монголоязычными племенами в Восточный Туркестан и стала соседствовать, согласно мусульманским источникам X в., с токуз-гузами (уйгурами), карлуками, чигилями, составив в дальнейшем основу современного кыргызского народа на Тянь-Шане.

Так, в 981–983 гг. китайский посол Ван Яньдэ побывал в Турфанском княжестве уйгуров. Он сообщает: «Под управлением государства Гаочан находились многочисленные племена: южные и северные туцзуе, большие и малые чигили, ягма, кыргызы, барман, геты, урунгу»[777]. Арабский автор аль-Марвази (XI–XII вв.) помещал кыргызов в пределах Восточного Тянь-Шаня. Он пишет: «К числу тюрков относятся хирхизы, многочисленный народ, живущий между летним востоком (северо-востоком) и севером. Кимаки [живут] к северу от них, ягма и харлухи — к западу, а Куча и Арк [расположились относительно их] между зимним западом [юго-западом] и югом»[778]. Кыргызы вполне могли быть южными соседями кимаков, которые в VIII–IX вв. «проч-

---

775 Материалы по истории киргизов и Киргизии… С. 37.

776 Там же. С. 37, прим. 15.

777 Малявкин А. Г. Уйгурские государства в XI–XII вв. Новосибирск, 1974. С. 177.

778 Sharaf al-Zaman Ṭahir Marvazi. On China, the Turks, and India. Arabic text (circa 1120) with an English translation and commentary by V. Minorsky. London: Royal Asiatic Society, 1942. P. 30, 170.

но укрепились на территории от среднего Иртыша до Джунгарских ворот»[779]. Ал-Марвази сообщает, что карлуки раньше жили на Алтае, потерпев поражение от тогузгузов (уйгуров), переселились на юг, в страну тюргешей[780], которые обитали в Семиречье, Чу-Таласской долине. Следовательно, кыргызы кочевали на востоке от ягма и карлуков, на северо-востоке — от Карашара и Кучи, примерно в районе верховьев р. Или и долины Манас.

«У хирхизов, — пишет далее аль-Марвази, — в обычае сжигание умерших; они утверждали [при этом], что огонь очищает и делает их чистыми. Таким был их обычай в прошлом, но когда оказались соседями мусульман, то стали хоронить мертвых»[781]. О погребальном обряде енисейских кыргызов с трупосожжением уже говорилось. Они никогда непосредственно не общались с мусульманами, а в XI–XII вв. к югу от них жили племена найман, которым был чужд ислам. Ко времени написания сочинения аль-Марвази мусульманская религия не могла проникнуть дальше долины р. Или.

Арабист О. К. Караев, анализируя сведения восточных авторов, пришел к выводу о том, что граница области ислама на юго-востоке простиралась до Черчена, а на северо-востоке — до р. Ками-Талас, в долине р. Или[782]. В каганате Караханидов ислам стал государственной религией. Восточная граница их владений проходила по линии от Журжана, западнее Куча, до оз. Сасык-Куль, Ала-Куль и Балхаш. По мнению В. В. Бартольда, местность Чугучак в долине р. Эмиль «оставалась и в XII в., как XI в., вне влияния ислама»[783].

Следовательно, соседями мусульман могли быть только кыргызы, проживающие на территории Восточного Тянь-Шаня. Под влиянием ислама они постепенно отказались от прежнего обряда трупосожжения и стали хоронить мертвых. Следует отметить, что упоминаемые в средневековых письменных источниках группы кыргызов в различных местностях Азии этногенетически связаны с древними енисейскими кыргызами, ибо под одним этнонимом разного по своему происхождению населения быть не может.

---

779 Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. С. 115.

780 Sharaf al-Zaman Ṭahir Marvazi. On China… P. 31.

781 Sharaf al-Zaman Ṭahir Marvazi. On China, the Turks, and India. Arabic text (circa 1120) with an English translation and commentary by V. Minorsky. London: Royal Asiatic Society, 1942. P. 30.

782 Караев О. К. История Караханидского каганата (X — начало XXII вв.). Фрунзе, 1983. С. 84; Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк / пер., предисл. и коммент. З.-А. М. Ауэзовой. Алматы, 2005. С. 349, 408.

783 Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии: соч. Т. 5. М., 1968. С. 104.

Восточные авторы по-разному называли правителей Кыргызского государства. Например, китайские авторы именовали их термином Ажо, ван, кехань и хан[784]. В орхонских памятниках правителя кыргызов называли каганом Qyrqyz) küč (lig) qaγan — сильный кыргызский каган[785]. В произведениях арабо-персидских авторов кыргызский правитель именовался хыркхызский хакан[786]. Следует отметить, что мусульманские авторы практически не ставили знак различия между титулами каган и хан. Например, аль-Бируни считал титул «хакан» как малик (царь) тюрков, хазар и токузгузов[787]. По аль-Хорезми, титулы «хакан» и «хан» сочетаемы, а титул «хан» является производным от термина «хакан»[788].

Сами кыргызы своего правителя всегда называли термином «хан». Например, китайского императора они называли Табгач-хан (Tabgač qan), Тибетского ценпо — Тупутхан (Tübüt qan)[789]. По-видимому, в кыргызской политической терминологии слово «хан» использовалось для обозначения высшего должностного лица в государстве[790].

Подобно китайской системе управления, кыргызским правительством руководил «цзайсян». Как установлено, титул «цзайсян» соответствует нынешней должности канцлера или первого министра[791]. Кроме первого министра, в каганате имелись еще шесть цзайсянов, каждый из которых ведали своей сферой управления из шести «дэнов» и, видимо, «с тремя главноначальствующими» составляли костяк государственного совета при кагане. По мнению Е.И. Кычанова, система разделения чиновников по «шести разрядам» (лю дэн) в государстве кыргызов соответствовала «шести министерствам» (лю бу), заимствованным у администрации Танского Китая. Как и в Танском

---

784 Супруненко Г.П. Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами в источнике IX века «Ли Вэй-гун хойчан ипинь цзи» (Собрание сочинений Ли Вэй-гуна периода правления Хойчан, 841–846 гг.) // Известия Академии наук Киргизской ССР. Серия Общественных наук. Т.V. Вып. 1 (История). Фрунзе, 1963. С. 67–68; Супруненко Г.П. Некоторые источники по древней истории кыргызов // История и культура Китая. М., 1974. С. 236–248; Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск, 1989. С. 281–282.

785 Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности… С. 29.

786 Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973. С. 62.

787 Аль Бируни. Избр. произведения. Ташкент, 1957. Т.I. С. 183.

788 Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 135.

789 Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 33, 57.

790 Там же. С. 33, 57.

791 Бокщанин А.А. Очерк истории государственных институтов китайской империи // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М., 1993. С. 75; Малявин А.Г. Историческая география Центральной Азии. Новосибирск, 1963. С. 276, 324.

Китае, у кыргызов были министерства управления, церемониала, юстиции (наказание), финансов, кадров, военное и общественных работ[792]. В административном плане управление из шести цзайсянов над шестью «дэнами» соответствовало шести бекствам в Кыргызском каганате. Как сообщает герой памятника кыргызской письменности Эль Туган тутук, он был князем (бег) шестисоставному народу (народу шести отделов — алты баг)[793].

В военно-административном плане каганат был разделен на три тутукства и во главе каждого из них стоял наделенный соответствующим рангом и обязанностью — тутук. Древнекитайский титул ду-ду (tuo tuok) предположительно был заимствован тюрками до 558 г.[794] в качестве «губернатор провинции, глава высокого ранга». Что касается принятия кыргызами титула тутук, возможно, оно могло произойти после известного посещения эльтебера Шибоцюя Ачжаня в Китай в 648 г. Вероятно, титул тутук присваивался главам трех крыльев, прежним биям, которые в свою очередь после проведения «административной реформы» трансформировались в тутукство. Как указывают письменные памятники, тутуки были предводителями аристократических племенных объединений и входили в состав государственного совета при кагане. Наиболее способные лица могли дослужиться до титула тутук. Герой памятника Кумул Угя, до десяти лет потеряв отца и мать, к тридцати годам дослужился до должности ögä, а в сорок лет стал государственным чиновником — тутуком и управлял своим народом. У тутуков были свои символы власти, они носили чиновничий пояс с луновидной пряжкой[795] как знак различия.

Аппарат государственного управления каганатом имел универсальный характер, все «шесть министров, три главноначальствующие и десять управителей» одновременно заведовали войсками[796]. Последние десять управителей — «чжи ши» были чиновниками особого назначения. Они ведали делами местного уровня, контролируя их деятельность из центра, прежде всего в военной сфере[797]. Исходной формой титула «чжи ши» был китайский ти-

---

792 Кычанов Е.И. Аппарат управления у енисейских кыргызов (по китайским сведениям) // Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней и Центральной Азии. Бишкек, 1991. С. 65.

793 Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков… С. 11.

794 Ecsedy H. Old Turkic Titles of Chinese Origin, Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1965. Vol. 18. No. 1/2. P. 85.

795 Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков… С. 82, 94–95.

796 Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах… С. 352.

797 Кычанов Е.И. Аппарат управления у енисейских кыргызов (по китайским сведениям) // Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней и Центральной Азии. Бишкек, 1991. С. 65.

тул «цы ши» (tzu-shih), принятый еще во время Троецарствия Китая. Данный титул в Кыргызском каганате был принят в форме «чигши» — čegši[798].

Для координации деятельности центра с местными представителями власти, а также для ведения внешней корреспонденции в центральном аппарате работал секретариат из пятнадцати «чжанши». Как считает Е. И. Кычанов, работники секретариата были не простыми писцами-секретарями в нашем понимании, а чиновниками, занимавшими достаточно высокое положение[799].

В системе власти в Кыргызском каганате очень важную роль играл титул ögä, который обычно трактуется как мудрый, мудрец, правитель и служащий[800]. Судя по характеру письменных памятников, обладатели этого титула занимали высокую должность в качестве советника кагана, в государственном совете, у предводителей племенных объединений и в военном совете.

Как правило, титул таркан (tarqan) толкуется как военачальник, сочетающий административные и военные функции. В некоторых документах чиновники с таким титулом упоминаются как сборщики налога. По мнению Е. И. Кычанова, фискальной политикой страны и контролем поступления налогов в казну ведали тарканы (tarqan). Однако в письменных источниках число их не уточняется[801].

Общественные отношения Кыргызского каганата в период раннего Средневековья в целом основываются на традиционных для кочевых государств Центральной Азии элементах. В то же время в зависимости от экономической составляющей кыргызского общества и политической организации государства имеются очевидные особенности социополитического построения кыргызского социума.

По мнению некоторых ученых, на территории Кыргызского каганата сформировались три основных хозяйственных уклада: ведущей ролью — скотоводства и дополняющей ролью — земледелия (с ведущей ролью орошаемого земледелья) и вспомогательной составляющей — охотничьей, которые соответствуют трем географическим зонам Южной Сибири (горная, равнинная и лесная). Эти хозяйственно-культурные уклады образовали замкнутый цикл воспроизводства и обеспечивали население страны всеми необходимыми продуктами, при этом нивелируя роль внешней экспансии. Физическая прибли-

---

798 Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков… С. 45.

799 Кычанов Е. И. Аппарат управления у енисейских кыргызов… С. 65–66.

800 Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. С. 379; Батманов И. А., Арагачи З. Б., Бабушкин Г. Ф. Современная и древняя енисеика. Фрунзе, 1962. С. 99.

801 Согдийские документы с горы Муг. Чтение. Перевод. Комментарий. Вып. 2. Юридические документы и письма / Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. М., 1962. С. 69; Кычанов Е. И. Аппарат управления у енисейских кыргызов… С. 66.

женность ландшафтов, вмещающих хозяйственные уклады, создала предпосылки для раннего разделения труда и развития обменных процессов.

Данные письменных памятников достаточно полно иллюстрируют хозяйственно-культурный тип (или типы) лесных племен (охотников, собирателей, рыболовов), причем, вероятно, на разных стадиях развития. Первым это отметил С. В. Киселев, выделяя в горно-таежной области, расположенной к востоку от территории расселения енисейских кыргызов, три района: I — наиболее восточный, к западу от р. Селенги — «его население не знало ни лошадей, ни овец». Домашним скотом были олени. Ими, по-видимому, питались, на них ездили, шкуры их употребляли на одежду. Охота на соболей была одним из важных промыслов. Жили в деревянных низких юртах»; II — северо-западнее Косогола в восточно-саянской тайге — здесь «обитало население, отличавшееся иным охотничье-рыбоведческим бытом. Оно питалось рыбой, зверем и птицей, а также дикорастущей сараной, приготовляя из ее кореньев кашу. Лишь у немногих имелись олени и лошади, жилищем служили шалаши» (этот вариант соответствует приведенному выше описанию дубо и эчжи); III — наиболее высокий, в Западном Прибайкалье и Канском районе, где, «как и на Енисее, занимались скотоводством, а местами и пашенным земледелием. Жилища здесь были более совершенные — деревянные срубы, крытые берестой»[802]. К последнему типу, по классификации С. В. Киселева, относились и крайние восточные соседи енисейских кыргызов — курыканы (кит. Гулигань. — *М. К.*), которые описываются в письменных источниках как самый северный из всех телеских народов, занимающихся преимущественно коневодством.

Как показывает опыт степного хозяйствования, каждый из таких комплексов может быть вполне самодостаточным. Однако особенность становления Кыргызского каганата предопределила тесную физическую приближенность их друг к другу.

Идеологическое осознание нерасторжимости хозяйственного комплекса на уровне правящей элиты наблюдается очень рано. Комплекс кыргызской руники на Енисее (памятник с р. Тэле, памятник с р. Кемчик Жыргак, памятник с д. Ачур, памятник с Бегре, памятник с Суджи) объединяют в себе картину мира как племен скотоводческих в сочетании с земледелием, так и принадлежащих культурному ареалу охотничье-собирательских.

Земледелие у кыргызов имело пашенный характер, которое невозможно без домашнего скотоводства. По данным «Тан шу», в кыргызском хозяй-

[802] Киселёв С. В. Краткий очерк древней истории хакасов. Абакан, 1951. С. 31.

стве «были верблюды и коровы, но более коров и овец» или «верблюдицы, быки, бараны, особенно много быков». Крупный рогатый скот, несомненно, использовался кыргызами как тягловая сила в земледельческом производстве. «Богатые землепашцы, — отмечает тот же китайский источник, — водят их несколько тысяч голов».

Некоторая часть кыргызов занималась отгонным скотоводством. Это подтверждается составом скота — лошади, овцы, верблюды, т. е. требующим именно такой формы содержания животных; видами пищи или, по сведениям китайских источников, «они питались мясом и кобыльим молоком»; типом жилища — «кыргызы жили в палатках, обтянутой войлоками»; обычаями или «они при браках калым платили лошадьми и овцами».

Современные исследователи склонны подчеркивать длительное сосуществование культуры поливного земледелия с суходольными культурами (просо, ячмень, темное просо, конопляное семя и др.). Однако многочисленные остатки ирригационных сооружений в Минусинской котловине говорят об общей тенденции расширения посевов пшеницы и постепенном вытеснении менее эффективных культур. Так, по сведениям «Тан шу», кыргызы предстают, главным образом, как народ земледельческий: «Сеют просо, ячмень, пшеницу. Мелют муку ручными мельницами; хлеб сеют в третье, а убирают в девятой луне. Вино квасят из каши», сообщает китайский источник.

В качестве основного аграрного орудия, судя по археологическим находкам, использовался плуг с железным наконечником, сошником или лемехом. Урожай собирали серпами; обмолот производился при помощи специальных мельниц с жерновами. По мнению С. В. Киселёва, такая примитивная мельница могла давать до 50 кг муки за 12 часов работы, что и говорит о значительном увеличении значения земледелия[803]. К этому следует добавить находки в погребениях сельскохозяйственных орудий и обломков жерновов на поселениях, наличие развитого керамического производства и металлургии.

Интенсификация кыргызского хозяйства проходила по двум следующим направлениям: во-первых, широкое применение металлических орудий труда; во-вторых, устройство ирригационных систем, что требовало кооперации общества. Для сооружения ирригационных систем кыргызы использовали пленных из горно-таежных племен — дубо, милигэ и эчжи.

В результате значительно увеличилась площадь обрабатываемой земли, возросло количество населения, которое могло прокормиться с нее, усилилась общая централизация жизни.

---

[803] Киселёв С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 320–321.

По сведениям восточных авторов, жители таежных районов занимались охотой и платили дань кыргызам «соболями и белкою»[804].

Представляется, что сложившийся в Кыргызском каганате хозяйственно-культурный комплекс ограничивал экспансию во внешний мир: цикл воспроизводства имел замкнутый и самодостаточный характер и территория Минусинского края располагала всем необходимым для его поддержания. Объективно существовавшие исторические факторы служили канонизации культа предков, в особенности почитания авторитета старших, правителей и наставников. Вся эта социальная политика была направлена на поднятие политической и экономической мощи страны. Одним словом, политический строй кыргызов формировался под влиянием опыта системы власти Танского Китая, и в то же время данный порядок соответствовал социальному строю общества и полностью удовлетворял хозяйственные нужды населения страны.

4.3. Карлукский каганат (З.Т. Садырова, Р.И. Сафаров, Т.К. Чороев)

Первые сведения о карлуках, известных под именем булак, относятся к V в. Так, в древнетюркских рунических памятниках назывался сильный союз кочевых племен, который до первой половины VII в. занимал кочевья в Джунгарии, Восточном Казахстане и на Алтае (включая Монгольский Алтай). В середине VII в. карлуки активно «проявляли себя в политической жизни Западно-Тюркского каганата, где они кроме Джунгаро-Алтайского региона контролировали Тохаристан»[805]. Именно в этот период в состав карлукского объединения стали входить три крупных племени — булак, чигиль (себек) и ташлык. Вожди карлукских племен носили титул эльтебер[806].

Как указывалось выше, в 742 г. политическая гегемония в степях Монголии перешла к союзу трех племен — карлуков, уйгуров и басмылов, сокрушивших власть восточных тюрков. Между ними на протяжении последую-

---

804 Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах… С. 351–353.

805 Кляшторный С.Г. Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени. URL: https://history.wikireading.ru/226802? ysclid=lfxqzxrcfl204598077.

806 Храковский В.С. Шараф ал-Заман Тахир Марвази. Глава о тюрках. Введение и перевод // Труды Сектора востоковедения АН КазССР. Алматы, 1959. Т. 1. С. 213; Minorsky V. Sharaf al-Zamān Tāhir Marvazī on China, the Turks and India / Arabic text (circa A. D. 1120) with an English transl. and comment, by V. Minorsky. London, 1942. P. 31, 19.

щих десятилетий происходила борьба за власть. Возвысившихся басмылов в 744 г. разгромили объединенные силы уйгуров и карлуков. В Центральной Азии возникло новое государство — Уйгурский каганат (744–840)[807]. Стремление к самостоятельности привело карлуков к тому, что они откололись от Уйгурского каганата[808].

Первоначально карлуки мигрировали с Горного Алтая на запад к реке Иртыш, к северо-западу от Бейтина (Бешбалыка) и населяли в основном территорию между Западным Алтаем и Тарбагатаем[809]. В 746 г. карлуки переселились с Алтая в Семиречье в результате давления своих бывших союзников — уйгуров. Об этом говорится в Терхинской надписи, появившейся во время правления Уйгурского кагана Элетмиш Бильге-каган (747–759): «В год собаки Уч-карлуки предали и бежали. Говорят, что они пришли к народу десяти стрел на западе»[810].

В VIII–X вв. карлукские племена расселились на обширной территории — от Джунгарского Алатау до среднего течения Сырдарьи, обитали между озерами Балхаш и Иссык-Куль, в долинах р. Или, Чу, Талас, в отрогах Тянь-Шаня, в Исфиджабской области вплоть до средневекового города Отрара. По данным арабского географа Ибн Хаукаля (X в.), «требовалось 30 дней пути, чтобы пройти земли карлуков с запада на восток».

Более подробную информацию об исторической географии Семиречья, Тань-Шаня, Ферганы можно найти в «Худуд аль-Алам»[811]. Согласно источнику, карлуки занимали большую часть Чуйской долины, южную и северную части Тань-Шаня, южный берег озера Иссык-Куль, Центральный Тянь-Шань (северная часть Нарына) и некоторые районы Восточного Туркестана. Между Куланом и Мерке проживали три племени карлуков, а на Иссык-Куле — семь племен карлуков. По мнению восточных авторов, в IX–X вв. большинство карлуков населяли Тань-Шань и прилегающие территории. Некоторые из них жили между рекой Талас и городом Исфиджаб, в Отраре, в предгорьях Ферганы[812].

---

807 Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 41–42.

808 Чоротегин Т. К. Этнические ситуации в тюркских регионах Центральной Азии домонгольского времени: по мусульманским источникам IX–XIII вв. Бишкек, 1995. С. 24–25.

809 Джуманалиев Т. Эволюция политической власти кочевников Притяньшаня (II в. до н. э. — XII в.). Бишкек, 2005. С. 134.

810 Кляшторный С. Г. Терхинская надпись (Предварительная публикация) // Советская тюркология. 1980. №3. С. 94.

811 Худуд ал-Алам // Материалы по истории и кыргызов и Кыргызстана. Бишкек, 2002. Ч. 1.

812 История Киргизской ССР. С древнейших времен до 19 в. Т. 1. Бишкек, 1954. С. 255.

События на Алтае и Монголии в середине VIII в. затронули и другие племена. Так, кочевое тюркоязычное племя йагма/ягма[813], выступавшее против усилившихся уйгуров на Орхоне, вынуждено было переселиться из Большого Алтая в Центральную часть Тянь-Шаня. Чигилы, предположительно этнически связанные с енисейскими чиками, тоже мигрировали на Тянь-Шань именно во время очередного «малого переселения» народов из Большого Алтая в Центральную Азию в середине VIII в.

В середине VIII в. карлуки были вовлечены в военное столкновение между двумя крупными в то время государствами — Империей Тан и Арабским халифатом. Решающее сражение между ними произошло в 751 г. недалеко от реки Талас вблизи города Атлах[814], где китайская армия потерпела сокрушительное поражение, лишившись большинства своих воинов. Карлуки в решающий момент выступили против войск Танской империи, возглавляемых этническим корейцем — генералом Гао Сяньчжи[815]. Согласно сведениям арабского историка Ибн ал-Асира, танские войска потеряли 50 000 убитыми и около 20 000 пленными[816]. В труде Мутаххара ал-Макдиси, написанном в 966 г. по заказу вазира Саманидов, сообщается, что в сражении у Атлаха было убито 45 000 китайцев, взято в плен 25000, остальные бежали, а мусульмане завладели их лагерем[817].

Следует отметить, что арабы не смогли добиться окончательного подчинения региона Семиречья и после этого сражения. Но значение этого исто-

---

813 Бартольд В. В. Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар» // Сочинения. Т. 8. С. 45–46; Czeglédy K. Gardizi on the History of Central Asia (750–780 A. D.) // AOH. Budapest. 1973. Vol. 27 (3). P. 257–267; Чоротегин Т. К. Этнические ситуации в тюркских регионах Центральной Азии домонгольского времени… С. 25.

814 Большаков О. Г. К истории Таласской битвы (751 г.) // Страны и народы Востока. М.: Наука, 1980. Вып. 22. Кн. 2. С. 132–136.

815 Chavannes E. Documents sur les Tou-Kiue (Turcs) Occidentaux. Recueillis et commentés par Ed. Chavannes. St.-Pbg., 1903 (Сб. трудов Орхонской экспедиции, 6). P. 142; Wan Lei. The First Chinese Travel Record on the Arab World: Commercial and Diplomatic Communications during the Islamic Golden Age. Riyadh, 2017. King Faisal Center For Research and Islamic Studies. 52 p. Qiraat. No. 7. Rabi I–II, 1438. December 2016 — January 2017. P. 17.

816 Ibn al-Athir. Ibn el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur. T. 5. Lugduni Batavorum, 1870. P. 344.

817 Al-Maqdisi. Le livre de la création et de l'histoire de Motahhar ben Tahir el-Maqdisi, publié … par Cl. Huart. T. 6. P., 1919. P. 24–25; Развалины города Атлах — нынешнее городище Джоон-Тёбё, который находится на территории села Кенеш Манасского района Таласской области Кыргызской Республики. См.: Байпаков К. М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Книга I. Урбанизация Казахстана в эпоху бронзы — раннем средневековье. Алматы, 2012. С. 371; Кожемяко П. Н. Оседлые поселения Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. 1963. С. 145–224.

рического сражения было примечательно тем, что в нем местное коренное население в лице карлуков воевало на стороне арабов против китайцев, после чего танские войска не только отступили от захваченных ими ранее земель, но и часть Восточного Туркестана вышла из-под их владения в пользу местных тюркских народов. С. Фут и Ч. Робинсон считают, что наиболее значительным последствием битвы при Атлахе было прекращение китайской агрессии с целью дальнейшего проникновения в Центральную Азию[818].

В историографии утвердилось мнение о том, что тюрки Тянь-Шаня в своем культурном развитии стали больше ориентироваться не на Восток (на Китай), а на мусульманскую цивилизацию Западной Азии именно после сражения в Атлахе[819]. Однако следует уточнить, что тюргеши, а затем карлуки и другие тюркские племена в религиозном плане не подверглись исламизации вплоть до 960 г., когда Караханиды сами объявили ислам официальной религией в своем государстве[820]. Известно, что арабские мусульманские географы в период до начала X в. описывали горные районы к востоку от Ферганы (Алай, Тянь-Шань) как регион врагов исламского мира. Например, арабский географ X в. Ибн Хаукал подчеркивает роль Тараза как центра торговли между мусульманами и тюрками-кочевниками, добавив, что ни один мусульманин не может пересекать замки на окраине Тараза, поскольку путешественники будут сталкиваться с «палатками» (юртами неверных) карлуков[821].

Как отмечает С. Г. Кляшторный, «своим участием в Таласской битве карлуки не испортили отношений с танским двором. Уже в 752 г., после шестилетнего перерыва, в имперскую столицу Чанъань прибыло посольство карлукского ябгу. Причиной столь быстрого восстановления связей стало тревожившее обе стороны усиление уйгуров». В том же году карлуки возобновили войну с уйгурами. «Ябгу, — отмечает С. Г. Кляшторный, — все еще рассчитывал занять каганский престол в Отюкенской черни, захваченной Яглакарами традиционной ставке повелителей кочевых народов Центральной Азии. Надежды ябгу были небезосновательны — его союзниками стали

---

818 Foot Sarah; Robinson, Chase F. Editors» Introduction // The Oxford History of Historical Writing: Volume 2: 400–1400 / Edited by Sarah Foot and Chase F. Robinson, 2012. Print ISBN-13: 9780199236428. DOI: 10.1093/oso/9780199236428.001.0001. 672 pp. Oxford University Press; Reprint edition (October 13, 2015). P. 3.

819 Кара уулу Ө. Көөнө түрктөр тарыхы: (Студенттер үчүн дарстар). Бишкек, 1994. С. 61.

820 Чороев Т. К., Урстанбеков Б. У. Основные этапы распространения ислама в Киргизстане в VII–XIV вв. // Вопросы истории материальной и духовной культуры Киргизстана: сб. науч. ст. Фрунзе, 1987. С. 28–44.

821 Восточные источники об Алматы. Алматы, 2010. С. 49; Чороев Т. К., Урстанбеков Б. У. Основные этапы распространения ислама в Киргизстане… С. 28–44.

енисейские кыргызы, басмылы и тюргеши, а оставшиеся в Хангайских горах после 744 г. карлукские племена были особенно опасны для Элетмиша»[822].

Длившаяся с переменным успехом более двух лет карлукско-уйгурская война не позволила карлукскому ябгу политически закрепиться в регионе, он окончательно оставил надежды на каганат и прекратил войну за тюркское наследство. С этого момента задачей его внешней политики стало закрепление в Семиречье, Джунгарии и в городах Таримского бассейна. Онако и здесь, как отмечают исследователи, «карлукского ябгу ожидали неудачи. В 756 г. уйгурам удалось подчинить группу карлукских племен, проживавших в Джунгарии»[823]. В Семиречье карлуки вынуждены были конфликтовать за территории и первенство с огузскими племенами, переселившимися в регионе еще в период Тюркского каганата. Данное противостояние завершилось тем, что во второй половине VIII в. огузы перекочевали из Семиречья в низовья Сыр-Дарьи, где завершилось формирование их конфедерации во главе с ябгу и столицей в г. Янгикенте на Сыр-Дарье. «Власть карлуков окончательно утвердилась в Семиречье в 766 г., когда они заняли Тараз и Суяб. С той поры в соперничестве с уйгурами карлуки начали борьбу за Восточный Туркестан»[824].

В 840 г. под натиском енисейских кыргызов пал Уйгурский каганат. Данные события вынудили уйгуров переселиться в Турфанский оазис и в район Ганьчжоу. Используя сложившуюся ситуацию, карлукский джабгу Бильге Кюль Кадыр-хан, правитель Исфиджаба, стал претендовать на верховную власть в тюркском мире. «Связь с родом Ашина, правящим родом Тюркского каганата, позволила карлукской династии облечь эту власть в легитимное одеяние и, отбросив старый титул ябгу, принять новый — каган». После утраты уйгурами их могущества верховный авторитет среди тюркских племен, таким образом, перешел к вождям карлуков. Однако, как отмечает в связи с этим С. Г. Кляшторный, «вряд ли можно говорить о реальной власти карлуков над тюркскими племенами в IX в.»[825].

Исследователи считают, что притязания карлукских вождей на лидерство в тюркском мире основывались на экономическом аспекте. Росту экономического могущества ябгу способствовал ряд факторов, прежде всего, возможность контролировать транзитные караванные маршруты в Китай на участке от Тараза до Иссык-Куля, а также выгодная торговля тюркскими

---

822 Кляшторный С. Г. Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009: 3-е изд., испр. и доп. С. 78–83.

823 Кляшторный С. Г. Государства и народы Евразийских степей… С. 78–83.

824 Там же. С. 78–83.

825 Там же. С. 82.

рабами для армии аббасидских халифов на сырдарьинских невольничьих рынках. «Укрепились позиции карлуков и в Фергане, несмотря на несколько попыток арабов вытеснить их оттуда»[826].

Рис. 75. Карта. Карлукский каганат в IX–XI вв.
Источник: http://kievrus-ua.com/userfiles/images/07_kazakhstan_v_ix-x_vekakh.jpg

Вся последующая политическая история Карлукского каганата — это борьба за власть между различными тюркскими племенами. Во внешнеполитической истории — борьба против исламизации государства и его территориальную целостность с мусульманской династией Саманидов. Так, наместник Самарканда, объявив священную войну неверным тюркам, в 840 г. захватил Исфиджаб. В 893 г. саманид Исмаил ибн Ахмед предпринял поход на Тараз. Карлукский каган Огулчак Кадыр-хан выдержал длительную осаду, однако город пал, а население приняло ислам. Огулчак перенес свою ставку из Тараза в Кашгар и продолжал военные действия против Саманидов. Вместе с тем тюрки Семиречья не только сдерживали натиск Саманидов, но и сами предпринимали походы на их государство[827].

---

826 Кляшторный С. Г. Государства и народы Евразийских степей… С. 82.

827 История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней: в 5 томах. Т. I. Первобытнообщинный строй. Племенные союзы и раннефеодальные государства на территории Казахстана. Алма-Ата, 1977. 479 с.

В целом, отметим, что арабское господство коснулось лишь части территории, входившей в пределы Карлукского каганата. Города Фараб, Исфиджаб, Тараз, несмотря на все перипетии политической борьбы, оставались, как отмечают раннесредневековые арабские источники, наиболее неспокойными для арабских правителей[828].

В 940 г. столица государства была захвачена тюрками Восточного Туркестана — чигилями и ягма, и Карлукский каганат перестал существовать. В Семиречье власть перешла к новой династии — Караханидов, которые на долгое время смогли объединить карлукские и тюргешские племена Семиречья и долины Сырдарьи.

Переселение карлуков с Алтая в Притяньшанье в середине VIII в. выступило отправной точкой нового этапа этнической и этнокультурной истории Центральной Азии. Происходящие процессы этнических, политических, культурных, хозяйственных, торговых и религиозных связей между народами, населявшими территорию Притяньшанья в VI–XII вв., в свою очередь, обеспечили культурный синтез между тюркоязычными и другими народами, проживавшими в Центральной и Внутренней Азии. Особо стоит вопрос о взаимоотношениях ираноязычных согдийцев с тюркскими государствами и этносами огромного региона Центральной и Внутренней Азии раннего Средневековья[829]. В научно-исследовательской литературе применительно к данному периоду распространена дефиниция «тюрко-согдийская эпоха»[830] как признание важного значения тюркско-согдийских отношений в качестве системообразующего фактора, определявшего характер политических, социально-экономических и этнокультурных процессов в регионе в указанное время[831].

Многовековая история тюрко-согдийских отношений позволяет говорить о синтезе двух разных по происхождению культур — оазисно-земледельческой и кочевой. По мнению Б. Г. Гафурова, «в VI в. население оазисов Средней Азии состояло преимущественно из народов восточноиранского проис-

---

828 История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней... 479 с.

829 Согдом считается историческая область в Средней Азии, в междуречье Окса (Амударья) и Яксарта (Сырдарья). Ныне Согд территориально разделен между Узбекистаном, где располагался центр — город Самарканд, и Таджикистаном — Согдийская область.

830 Бернштам А. Н. Среднеазиатская древность и ее изучение за 30 лет // Вестник древней истории. М., 1947. № 3. С. 91; Мәлік Ү. Б. Тюрко-согдийский вопрос в истории раннесредневекового Казахстана: современный взгляд // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». 2016. № 1 (05). URL: https://edu.e-history.kz/index.php/history/issue/view/22/4

831 Садырова З. Т. Тюрко-согдийский симбиоз и его роль в этнокультурных взаимоотношениях народов Тенгир-Тоо, Зеравшвна и Ферганы // Вестник КРСУ. 2022. Том 22. № 10. С. 19–25.

хождения. Однако именно с этого периода в Средней Азии начинается процесс все возрастающего смешения тюркских и восточноиранских народностей, лежащий в основе образования нынешних ее народов. Во многих народах уже тогда устанавливалась двуязычность населения»[832].

По данным Г. Б. Бабаярова, в период расцвета Западного Тюркского каганата власть каганов распространялась на оазисные владения Средней Азии, в том числе на Согд[833]. С. Г. Кляшторный и Т. И. Султанов считают, что раннесредневековая городская и земледельческая культура в Семиречье создана при непосредственном участии согдийцев. По мнению исследователей, в V–VII в. происходила интенсивная согдийская колонизация в долинах рек Талас, Чу и Или, которая привела к созданию десятков городов и укрепленных поселков[834]. П. Н. Кожемяко выделяет характерные только городам и поселениям Чуйской долины архитектурные особенности — наличие одного или нескольких длинных валов и застройка территории внутри первого кольца длинных стен[835].

В. И. Распопова отмечает значительное влияние согдийской архитектуры на территории всей Средней Азии. По мнению исследователя, строительство архитектурных сооружений Уструшана, Чача и Семиречья осуществлялось под руководством согдийцев, поэтому в различных районах Средней Азии схожи все приемы проектирования и возведения зданий[836]. Основываясь на доводах В. И. Распоповой, можно говорить о культурной колонизации согдийцев, по крайней мере, в области градостроительства.

К. М. Байпаков также отмечал, что «на юге Казахстана и в Семиречье в раннем средневековье сложилась синкретическая культура, которая интегрировала в себе культурные достижения Согда, тюркский культурный комплекс и традиции земледельческо-скотоводческих культур каучинского облика, что наиболее ярко проявляется в культуре города»[837].

В завершение отметим, что динамичный калейдоскоп возникновения, развития и расчленения Великого Тюркского каганата и формирования все

---

832 Гафуров Б. Г. История таджикского народа. М., 1955. Т. 1. С. 190–198.

833 Бабаяров Г. Б. Государственный строй Западно-Тюркского каганата: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Ташкент, 2021. 56 с.

834 Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992. С. 94–98

835 Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959.

836 Распопова В. И. Города и селения. Проблема преемственности // Scientific E-journal «edu.e-history.kz». 2022. №2 (30).

837 Байпаков К. М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана. Кн. 1. Алматы, 2012. С. 305.

новых каганатов в Центральной и Внутренней Азии сопровождался углубляющимся тюрко-согдийским симбиозом, который имел положительные последствия для стабильных этнополитического и этнокультурного взаимовлияний ряда народов обширного региона в условиях расцвета Великого шелкового пути; в отличие от сторонников «колонизации» согдийцами тюрков, на наш взгляд, исторически корректным является научное положение о «тюрко-согдийском синтезе», которое включает в себя большой взаимовыгодный вклад согдийцев и тюрков в их экономическое и культурное развитие, а также в сферу производства вооружения, военного искусства и государственного управления.

4.4. Кимакский каганат (Б. Е. Кумеков)

В мусульманских источниках нет никаких прямых указаний, ставящих под сомнение тюркскую этническую и языковую принадлежность кимаков. Все писавшие о них, в том числе и Гардизи (XI в.), сохранивший легенду о происхождении кимаков от татар, относили кимаков к числу основных тюркских племен. Впрочем, сами татары дочингизовой эпохи отнесены знатоком тюркской среды Махмудом ал-Кашгари (XI в.) к тюркским племенам.

Первое по времени упоминание этнонима «кимак» в письменных источниках относится к событиям VIII в. и связано со списком политически и социально значимых тюркских народов, по данным арабского географа Ибн Хордадбеха (IX в.).

Вторую после И. Маркварта попытку связать происхождение кимаков с монгольскими племенами предпринял Ю. А. Зуев[838]. Он сблизил этноним «кимак» с упоминаемыми в китайских источниках дальневосточными племенами кумо или кумохи, где племя «хи» отожествлено с монгольским племенем «каи». Единственным аргументом в пользу этого сближения оказался обнаруженный в сочинении «Китаб ат-тафхим» (1026 г.) ал-Бируни вариант термина кимак в форме *кумак* كُمَك (кратким «у» в первом

[838] Зуев Ю. А. Из древнетюркской этнонимики по китайским источникам // Труды института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 15. Алма-Ата, 1962. С. 121–122; См. Также: Pritsak O. Two Migratory movements in the Eurasian Steppe in the 9th–11th centuries // Proceedings of the 26th International Congress of Orientalists. New Delhi, 1964. Vol. 2. Pp. 157–163.

слоге и кратким «а» во втором)[839]. Однако при выяснении нами вопроса о причастности самого ал-Бируни к этой передаче термина *кумак* обнаружилось, что изданная Р. Райтом рукопись довольно поздняя и датирована XV в. В написании собственных имен и названий здесь много ошибок (например, Кираб вместо Фараб, *бгргр* вместо *тгзгз* т. е. тогуз-огуз и т. д.), очевидно, допущенных переписчиком (переписчиками?). А если обратиться к другому более раннему списку того же сочинения, датированному XIII в., то в нем, в том же контексте, дано обычное написание *кимак* كيماك (с долгим «и» и долгим «а»). Более того, этноним кимак встречается еще в трех сочинениях ал-Бируни, в том числе в первом по времени его произведении «ал-Асар ал-бакийа» (998–1010). Во всех трех сочинениях приведено то же написание, что и в других мусульманских сочинениях того времени — *кимак* كيماك. Таким образом, написание *кумак* в сочинении ал-Бируни следует воспринимать как lapsus calami.

Этническая атрибуция кимаков подтверждается свидетельством о том, что «летом они питаются кобыльим молоком, которое у них называется кумысом», пишет Гардизи[840]. Термин «кымыз» у Гардизи бесспорно тюркский и известен в литературных и фольклорных текстах конца I тыс. н. э. Он зафиксирован и европейскими путешественниками, знакомыми с бытом родственных кимакам кыпчаков (команов), — Рубруком, Плано Карпини, Марко Поло. Между тем слово «кымыз» не употреблялось монголами. Уже в древнейших текстах, полуфольклорных по характеру, аналогичные понятия (сброженное кобылье молоко) передавалось терминами «asük», «üsük». Кимаки не могут быть идентичны монгольскому племени «каи», также и потому что «каи» занимались разведением свиней[841]. Что касается кимаков, то ни в одном из многочисленных письменных источников о них нет упоминаний о свиньях в их хозяйстве.

Первоначальный состав кимакской федерации приведен в произведении Гардизи. В этот союз входили семь племен: эймюр, имек, татар, кипчак, баяндур, ланиказ, аджлар. Никаких данных ни об одном из племен Гардизи не приводит, все они выступают у него как издавна существующие и известные.

---

[839] Wright R. The Book of instruction in the elements of the art of astrology by Abu-l-Raihan Muhammed ibn Ahmed al-Biruni written in Ghaznah 1029. London, 1934. P. 145.

[840] Гардизи. Извлечение из «Зайн ал-ахбар» (Бартольд В. В.) Сочинения. Том. 8. Работы по источниковедению. М., 1973. С. 28 (текст), С. 45 (перевод).

[841] Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. Введение, перевод и комментарии. М., 1984. С. 142.

Ранние этапы становления этнической общности кимаков нашли отражение в кимакском генеалогическом предании, сохранившимся в «Зайн ал-ахбар» Гардизи. Сопоставление представленной им информации с китайскими источниками показало, что племя (племена) яньмо, которые отожествляются с йимаками (resp. кимеками), в середине VII в. входило в число племен Западно-Тюркского каганата и обитало севернее Алтайских гор, в Прииртышье[842]. Обособление этого племени происходило после падения Западно-Тюркского каганата в 656 г. Кимаки вступали в сложные этнические взаимодействия с древнетюркскими, телескими и угро-самодийскими племенами. К середине VIII в. следует отнести образование ядра кимакского союза племен, в котором важным компонентом явились кыпчаки, в составе которых, вероятно, находились куманы.

В отечественных и зарубежных исследованиях широко бытует мнение о том, что кыпчаки западных источников были куманами. При этом чаще всего название *куман* связывается с византийской историографией. Впрочем, в литературе имеется ряд других мнений относительно происхождения термина *куман*. С одной точки зрения — куманы центральноазиатского происхождения, вероятнее всего, с ними связываются кумандинцы Северного Алтая. С другой — куманы сопоставимы с народом сары ал-Марвази (XII в.). Можно указать и на иную трактовку проблемы, согласно которой куманы представляют результат смешения кыпчаков с кангарами (канглы). При всех различиях точек зрения единой для них является мысль о соответствии куманов кыпчакам. Возможность рассматривать куманов как самостоятельную этническую группу племен позволяют арабские источники[843].

До середины VIII в. кимаки, кыпчаки и куманы обитали в степном Алтае, Горном Алтае и Прииртышье. Соседями кимаков на юге были карлуки, жившие на Иртыше между Южным Алтаем и Тарбагатаем, на востоке — кыргызы с центром в Минусинской котловине. Со второй половины VIII в. кимаки стали двигаться в южном направлении и расселяться на землях карлуков. В начале IX в. отдельные группы кимаков перешли на территорию Северо-Восточного Семиречья, став соседями токуз-огузов, а граница между ними проходила по Джунгарскому хребту. К югу от него располагалось государство токуз-огузов.

---

842 Зуев Ю. А. Из древнетюркской этнонимики по китайским источникам // Труды института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 15. Алма-Ата, 1962. С. 118–119.

843 Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. С. 70–73, 76–79. 100–101.

Вместе с движением кимаков на юг во второй половине VIII в. происходило перемещение кыпчаков от Иртыша на запад. Данные текста сочинения ал-Идриси и картографического материала, заключенного в нем, позволяют локализовать отдельные группировки кыпчакских племен в междуречье Иртыша и Тобола. На рубеже VIII–IX вв. западная часть кыпчаков расселяется к северу от печенегов. Печенеги, как известно, в VIII — первой половине IX в. жили в бассейне Сыр-Дарьи и в Приаральских степях. Следовательно, в пределах между юго-восточной частью Южного Урала и северной областью Приаральских степей проходила непосредственная граница кыпчаков и печенегов. В начале IX в. племена кимаков подступают к районам средней Сыр-Дарьи.

После распада в 840 г. Уйгурского каганата в Центральной Монголии часть входивших в него племен (эймур, баяндур, татар) присоединилась к ядру кимакского объединения. Именно в это время складывается кимакская федерация в составе семи племен. О ее семиплеменном составе (эймюр, имак, татар, кыпчак, байандур, ланиказ, аджлад) свидетельствует Гардизи. Теперь глава кимакских племен стал носить титул ябгу, который, как известно, носила правящая верхушка различных тюркоязычных народов — карлуков, огузов, уйгуров и др.

В начале X в. кимаки и кыпчаки вместе с огузами кочевали в бассейне Урала, в Приаральских и Прикаспийских степях. Расселение этих племен нашло отражение на средневековых картах арабских географов. Так, на «Карте мира» ал-Истахри кимаки занимают земли к северу и северо-западу от Аральского моря. В пределах Южного Урала кыпчаки граничили с башкирскими племенами. Арабский путешественник Ибн Фадлан (X в.) свидетельствует об обитании башкир в этом районе и отмечает их расселение у реки Багнады[844], вероятно, соответствующей нынешней Явынды.

Свидетельство кочевания кимаков на Урале подтверждается также сведениями автора «Худуд ал-алам»[845]. В разделе о кимаках сообщается о трех территориальных единицах в пределах кимаков. Первая — Андак ал-хифчак, область некоторой части кыпчаков, примыкавшей на западе к кимакской территории и похожей на огузов некоторыми своими обычаями. Андак ал-хифчак, по всей вероятности, занимала северо-западную и западную часть Центрального Казахстана и северную, окраину Приаральских степей, т. е. области, находящиеся на непосредственных подступах к пределам огу-

[844] Ковалевский А. П. Книга Ахмада ибн Фадлана о его путешествии на Волгу. Харьков, 1956. С. 130.

[845] Minorsky V. Hudud al-Alam… P. 215.

зов. «Йагсун-йасу» — другой район кимаков, расположенный между реками Итиль (Волга) и Жаик (Урал) и имеющий более благоприятные и умеренные климатические условия[846]. «Кыркырхан» — третий район кимаков, чьи обычаи немного похожи на обычаи кыргызов. Очевидно, эта область находилась гораздо ближе к каким-то группам кыргызов, чем к другим соседним тюркским племенам. Сравнительно-сопоставительный анализ этого историко-географического термина с сообщениями других письменных источников позволяет локализовать Кыркырхан в районе от Тарбагатая до Калбинского хребта, включая хребет Чингизтау.

Во второй половине X в. отдельные группы кимаков и кыпчаков находились у границы мусульманских областей Туркестана. Город Сауран, согласно ал-Макдиси (X в.), был пограничным с огузами и кимеками укреплением. Этот автор называет еще большой, богатый город Шагльджан, находящийся в 26 км к северу от Туркестана, также как пограничную крепость против кимеков, большой укрепленный пункт[847].

На юге озеро Балхаш было естественной границей между кимаками и карлуками в Семиречье.

Рис. 76. Карта. Кимакский каганат в IX–XI вв.
Источник: URL: http://kievrus-ua.com/userfiles/images/07_kazakhstan_v_ix-x_vekakh.jpg

846 Бартольд В. В. Худуд ал-алам… Л. 18б.
847 Ал-Макдиси. Ахсан ат-такасим фи марифат ал-акалим (BGA, III) … С. 274.

На севере кочевья кимакских племен доходили до лесостепной полосы. Северо-восточные границы их страны охватывали области Западного и Северного Алтая и прилегающие районы юга Западной Сибири в пределах распространения сросткинской культуры, сложившейся в конце 1 тыс. н. э. Этнокультурная атрибуция археологического комплекса сросткинской культуры связывается российскими учеными с культурой племен кимако-кипчакского этносоциального объединения[848]. Крайние восточные памятники сросткинской культуры находились в западных отрогах Кузнецкого Алатау.

Таким образом, под политической гегемонией кимаков находилась обширная территория: от Алтая и Иртыша на востоке до Итиля (Волги) и Южного Урала на западе, от Кулундинской степи на севере до оз. Балхаш и Джунгарского Алатау на юге.

В средневековых источниках сообщается о политических взаимоотношениях кимаков с сопредельными народами. Во внешнеполитическом курсе кимакский каган был довольно предприимчив. Так, ал-Идриси о нем сообщает следующее: «Царь кимаков один из великих царей и один из славных своим достоинством… Тюркские цари опасаются власти хакана кимаков, боятся его мести, остерегаются его силы, берегутся его набегов, так как они уже знали это и испытали от него раньше подобные действия»[849].

Кимакские правители предпринимали военные походы на юг, завершившиеся захватом части земель токуз-огузов, о чем свидетельствует сообщение, что кимакский город Карантия, расположенный на юго-восточном берегу озера Гаган (совр. Алаколь), некогда принадлежал токуз-огузам. Кимаки совершили набеги на Джамлекес в Восточном Туркестане, пограничный город токуз-огузов, сохранивших в X в. лишь северо-западную часть своих владений.

Вместе с тем, и это очень важно, в источниках отмечается, что в мирные времена кимаки перекочевывали в земли огузов, а огузы — к кимакам. Войны не были определяющими в отношениях между ними. Не случайно поэтому тесные связи между кимако-кыпчакскими и огузскими племенами наложили печать на их язык, быт и культуру.

Основываясь на косвенных данных ал-Идриси, можно предположить, что каган кимаков вторгался и в страну енисейских кыргызов. «Все города страны кыргызов, — сообщает ал-Идриси, — расположены на территории, пространство которой измеряется тремя днями пути. Их четыре, большие,

---

[848] Савинов Д. Г. Народы южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1984. С. 114–118.

[849] Ал-Идриси. Нузхат ал-муштак… Т. 2. С. 719.

окруженные стенами, и обитаемые трудолюбивыми и мужественными народами, которые особенно должны опасаться предприимчивости царя кимаков, воинственного государя, который находится почти всегда в состоянии войны со своими соседями»[850]. Но, с другой стороны, только тесными этнокультурными связями между кыргызскими и кимакскими племенами объясняется наличие у них многих сходных черт в быту. Так, район кимаков, называемый Кыркырхан, был известен своим населением, обычаи которого были немного похожи на обычаи кыргызов[851]. Наряду с этим в анониме «Худуд ал-алам» есть сведения о роде кыргызов — «кесим». «Они (кесим) устанавливают свои войлочные юрты по склонам гор; добывают пушнину, мускус, рог хуту и тому подобное. Они являются племенем, отличающимся от кыргызов. Их язык ближе всего к карлукскому, а их одежда подобна одежде кимаков»[852].

В свою очередь, сопредельные страны и народы совершали нападения на становища кимаков. Так, предпринимались военные походы караханидов вглубь кимакских земель, порой они доходили до Иртыша.

В начале X в. рубежи Кимакского каганата стабилизировались. Взаимные военные набеги кимаков и их соседей все чаще сменялись мирным общением с соседями. По мере усиления государства кимаков увеличивалось количество торговых путей, следовавших к ставке кимакского кагана. Если в IX в. был известен только один торговый маршрут в пределы кимаков, то в X в., как сообщают письменные источники, функционировали четыре новых торговых тракта в Прииртышье. От Тараза, согласно рассказу арабского путешественника Тамима ибн Бахра (IX в.), ответвлялась дорога в страну кимаков. Этот путь пролегал в северном направлении через Моюнкумы, плато Батпак-Дала, затем шел на северо-восток и через земли Центрального Казахстана выходил на средний Иртыш к резиденции кимакского правителя. Дорога, указанная Тамим ибн Бахром, скорее всего, соответствовала наиболее важной ветви средневековых караванных дорог, идущих от Таласско-Чуйской долины на Иртыш, известной с середины XVIII в. как «Хан жолы» (Ханская дорога).

Из Шаша и Исфиджаба дорога вела в Фараб. Как сообщает Гардизи, от Фараба путь шел на север в низовьях Сырдарьи в ставку огузского правителя — Янгикент. От столицы огузов караванная дорога направлялась на во-

---

850 Ал-Идриси. Нузхат ал-муштак… Т. 2. С. 520.

851 Бартольд В. В. Худуд ал-алам… Л. 17б.; Minorsky V. Hudud al-Alam… P. 97.

852 Minorsky V. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. Arabic text with an English translation and commentary. London, 1942. P. 18.

сток к кимакам. Путь шел через р. Сарысу (Сокук), Моюнкумы, далее вдоль р. Ишима (Асус) и выходил к главному городу кимакского хакана на Иртыше. Отсюда дорога вела к енисейским кыргызам. Указанный Гардизи маршрут можно сопоставить со средневековой караванной дорогой, известной в народной памяти и литературе под названием «Сарысуйской».

Еще один торговый путь шел от Тараза к кимакскому городу Банджару на Тарбагатае. По сведениям ал-Идриси, дорога в восточном направлении пролегала севернее тракта Кулан-Мерки-Ашпара через кочевья карлукских племен в Семиречье. Караванная дорога пересекала Чу-Илийские горы, далее шла южнее оз. Балхаш и выходила к северо-западной оконечности Тарбагатая (Гиргир). Затем дорога шла на север в долину Иртыша (Гамаш). Общее направление пути Тараз — Банджар можно сопоставить с торговой дорогой из Семипалатинска в Коканд, функционировавшей в XVIII — начале XIX в.

Вместе с тем имелся торговый путь из Ахсикета, центра Ферганы в X в., в кимакский город Карантию, согласно ал-Идриси, шел в северо-восточном направлении. Дойдя до Баласагуна, дорога отделялась от магистральной трассы шелкового пути и направлялась на северо-восток к карлукскому городу Атракана, по-видимому, расположенному в Илийских горах (Дардан). Оттуда она шла по так называемому Северо-Илийскому пути. По южной кромке Прибалхашских степей караванная дорога выходила на оз. Алаколь, на западном берегу которого был расположен город Карантия. От этого города путь затем вел к ставке кимакского хакана на Иртыше.

Следует также указать на караванную дорогу из восточного Туркестана, столицы токуз-огузов (уйгуров) Турфана (Танбия), которая вела к кимакам. По данным ал-Идриси, от Турфана путь шел в северо-западном направлении до г. Бахвана (Кульджа). Далее маршрут пролегал в северо-восточном направлении от Бахвана к кимекскому г. Карантия, что на берегу оз. Алаколь. Оттуда путь вел на Иртыш. Означенный маршрут можно сопоставить с большой дорогой, известной еще в XVII в., из Прииртышья в Кульджу.

Могущество кимакского правителя было значительным. Со времени сложения у кимаков каганата в конце IX — начале X вв. их вождь стал носить высший тюркский титул — каган (хакан). Таким образом, по мере социального и политического развития кимакского общества от племени до государственного образования шел последовательный переход в титулатуре их глав, от низшей ступени к высшей, от шад-тутука и ябгу до кагана. В сравнительном плане для знати древних тюрков была характерна следующая градация:

шад, ябгу (улуг шад), кичиг каган, улуг каган. Как видно, связь между кимакской и древнетюркской титулатурами бесспорна и она указывает на преемственность между кимакской средой и древнетюркской прародиной.

Каган кимаков обладал реальной властью, в пределах своего государства он назначал правителей, которые были представителями племенной знати. Институт наследственной передачи власти имел место не только внутри каганской семьи и ханского рода, но и наблюдался у племенной знати. Так, уделы одиннадцати управителей кимакского кагана передавались по наследству детям этих управителей.

В процессе образования кимакского каганата, так же как и при создании племенных объединений, большую роль играли военные институты. Управители были в то же время и военными вождями, которые получали от хакана за службу уделы. Удельные владения выставляли кагану определенное количество войска. Этническая среда в этих уделах, скорее всего, состояла в основном из представителей одного и того же племени. Зарождение удельно-племенной системы было следствием крупных перемен в общественном строе. Владельцы уделов, как обычно, находились в подчинении кимакского кагана. Вследствие единения военного и административного начал управители-вожди, стоявшие во главе крупных племенных объединений, стремились укрепить индивидуальные кочевые хозяйства и упрочить свой политический вес. Некоторые из них превращались в полузависимых ханов, стремившихся при благоприятных условиях к захвату верховной власти в государстве. Арабский географ ал-Идриси, использовавший при описании страны кимеков книгу, написанную уроженцем восточно-казахстанских степей, сыном кимакского кагана Джанахом ибн Хакан ал-Кимаки (X или XI вв.), пишет о наличии у кимаков ряда самостоятельных владений во главе с правителями. Их резиденциями служили города, окруженные стеной, надежно укрепленные замки-крепости, часто располагавшиеся на возвышенных местах. В этих городах и крепостях правители содержали многочисленное войско. Богатство и склады их хранились в городах и крепостях, расположенных в неприступных горных областях, тщательно охраняемых по указанию хана (малик). Ставка кагана кимеков, его орда, находилась в городе Кимакия (или Имакия), который был окружен укрепленной стеной с железными воротами. В городе находилось его многочисленное войско и его казна. По существу, различий между каганской властью и властью государственной не существовало.

Сведения персидского анонима «Худуд ал-алам» об одиннадцати управителях, а также сообщение ал-Идриси о том, что «у хакана кимаков хаджиб,

везиры, справедливое и благополучное государство»[853] позволяет предполагать наличие аппарата управления. Как бы ни была примитивна государственная власть, она, однако, есть, прежде всего, результат социального расслоения общества. Косвенные данные средневековых источников недвусмысленно свидетельствуют о социальной дифференциации в кимакской структуре. Персидский историк Гардизи указывает на то, что кочевники в кимакской среде «пасли табуны своих господ», а также отмечает: «на зиму они (т. е. кимеки) заготовляют сушеное мясо, баранье, лошадиное или коровье, каждый по мере своих средств»[854]. Согласно ал-Идриси, только знатные могли носить одежду из красного и желтого шелка[855], подчеркивая тем самым свое привилегированное положение по отношению к рядовому кочевнику. По сведениям этого же автора, в городах кимаков наряду с конными имелись и пешие войска. Несомненно, контингент данных войск, как обычно, был представлен двумя категориями людей: разорившимися кочевниками и пленными. Археологический материал из захоронений кимакских племен также ясно свидетельствует о различиях в ценности и объеме инвентаря, положенного вместе с погребенными.

Глубокое имущественное неравенство в кимакском обществе, с одной стороны, вело к образованию кочевой аристократии, а с другой — к разорению значительной массы рядовых кочевников. Очевидно, часть лишившихся скота вынужденно переходили, как об этом свидетельствует знаток тюркской среды Махмуд ал-Кашгари, к оседлости (ятуки, т. е. жатаки)[856]. Ятуки занимались ремеслами, рыболовством, оседали на зимовках, жили в небольших поселениях вокруг кочевнических ставок, перераставших постепенно в города. Средневековые города вскоре становились не только военно-административными центрами, но и местом средоточия торговли и ремесла.

О существовании в кимакском государстве налоговых сборов можно предположить по тому факту, что из золота, собираемого тюрками по береговой линии кимекского моря, их царь брал обязательную долю, а остатком довольствовался владелец.

У кимаков была своя письменность, на что явно указывает одна фраза арабского путешественника Абу Дулафа (X в.): «У них растет тростник, которым они пишут»[857]. По всей вероятности, кимаки писали тростниковы-

---

853 Ал-Идриси. Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак. Т. 2. Каир, 1994. С. 720.
854 Бартольд В. В. Извлечения из сочинения Гардизи. С. 28 (текст), 45 (перевод).
855 Ал-Идриси. Нузхат ал-муштак… Т. 2. С. 720.
856 Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк. Т. 3. Стамбул, 1917. С. 11.
857 Абу Дулаф. Рисала. Мешхедская рукопись… Л. 176а.

ми перьями и пользовались древнетюркским алфавитом. Об этом же говорят находки из Прииртышья и из Тарбагатайских гор — бронзовые зеркала с древнетюркской надписью, датированные IX–X вв.[858]

В IX — нач. XI в. у кимаков бытовали древние тюркские религиозные верования, значительное место среди которых занимали культы Тенгри и предков. Отдельные группировки поклонялись огню, солнцу, звездам, реке и горам. Распространенной формой религии был шаманизм. Вместе с тем некоторые группы кимаков исповедовали манихейство. Быть может, ислам получил определенное распространение среди кимакской знати; по крайней мере, само имя Джанах Ибн Хакан ал-Кимаки как будто свидетельствует об этом, как и написанная им по-арабски книга. В этом отношении немаловажно и то, что отдельные особенности кимакских погребений относят к мусульманским. Как известно, приобщение к одной из мировых религий (исламу, христианству) является определенным показателем уровня социально-экономического развития.

Экономика кимаков основывалась на кочевом скотоводстве. Кочевники регулярно совершали длительные переходы по сезонным пастбищам. Пути кочевок, вырабатывавшиеся веками, пролегали по известным бродам рек, удобным перевалам гор, пастбищам с обильным кормом и хорошими водопоями. Использование пастбищ предполагало знание состояния травяного покрова в том или ином районе в соответствующее время года. Устойчивые маршруты изменялись только под влиянием крупных экономических или политических обстоятельств.

Некоторые группы кимаков на зимовку прикочевывали в степи между Уралом и Эмбой, а летовку проводили в Прииртышье. Средневековые авторы отмечают, что кимаки разводили лошадей, овец, коз, коров, быков, верблюдов.

Важнейшую роль в их хозяйстве играло овцеводство. «Жир употребляли вместо растительного масла, сало — для освещения»[859]. В кочевом хозяйстве исключительно важное место занимало коневодство. Именно благодаря подвижности и выносливости лошадей могли осваиваться отдаленные пастбища. Кони использовались на войне и в облавной охоте. Говоря словами ал-Джахиза, «тюрк сидел на спине лошади больше, чем на поверхности земли»[860]. Гардизи сообщает о многотысячных кимакских табунах ло-

---

858 Арсланова Ф.Х., Кляшторный С.Г. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья // Тюркологический сборник. 1972. М., 1973. С. 306–315.

859 Асадов Ф.М. Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку, 1993. 204 с.

860 Ал-Якуби. Китаб ал-алак ан-нафиса. (BGA, VII). P. 295.

шадей, пасущихся по обеим сторонам. Тюркские лошади были хорошо приспособлены к местным природным условиям и круглогодичному содержанию на пастбище, они давали много молока и мяса. Кочевые тюркские племена предпочитали конину говядине и баранине, а из кобыльего молока изготовляли напиток — кумыс.

В некоторых источниках упоминается о разведении кимаками коров и быков. Вероятно, крупный рогатый скот в основном содержали полуоседлые группы, хотя и быки использовались кочевниками для упряжек. Разводились и козы, но они не играли большой роли в скотоводческом хозяйстве.

Одним из источников существования у кимаков служила охота. В IX в. ал-Йакуби писал, что кочевые тюрки «больше всего едят дичь»[861]. Интересное описание способов охоты тюрков имеется у Джахиза. По его словам, они любят охотиться и даже во время набегов промышляют дичь, охотятся верхом; они необычайно выносливы на охоте, особенно в преследовании джейранов и куланов.

Среди кимаков имелись компактные группы полуоседлого и оседлого населения. Характеризуя тюркские племена, ал-Идриси пишет: «Люди кочевые… Однако они обрабатывают землю, сеют и жнут»[862]. Оседлые поселения у кимаков отмечены многими арабо-персидскими авторами. Тамим ибн Бахр, видевший хакана кимаков с войском, рассказывает, что около его ставки имеются селения и возделанные земли. В «Худуд ал-алам» раздел о кимаках начинается со слов «рассуждение о стране кимаков и их городах», а затем упоминаются Имакия (по другим источникам Кимакия) — летняя резиденция хакана и селение Жубин[863]. В противоположность основному типу передвижного жилища, приспособленного к кочевому образу жизни — юрте, Исхак ибн ал-Хусейн (XI в.) и ал-Марвази сообщают о кимакских землянках.

Наибольшую информацию о городской жизни кимаков содержат сочинения ал-Идриси. Ссылаясь на книгу кимакского царевича Джанаха ибн Хакана ал-Кимеки, он говорит о 16 городах кимаков по берегам озер, рек, в неприступных горных районах и в местах разработок полезных ископаемых. Многие из них находились на торговых трассах. Кимакские города были хорошо укреплены. Упоминаются в источниках замки-крепости, расположенные в горах, у основания которых рылись рвы, заполнявшиеся водой.

---

861 Ал-Идриси. Нузхат ал-муштак… Т. 1. Каир, 1994. С. 518.

862 Бартольд В. В. Худуд ал-алам… Л. 18б; Minorky V. Hudud al-Alam… P. 75, 100.

863 Codazzi A. Il compemdio geografico arabo di Ishaq ibn al-Husayn. Roma, 1929. P. 48; Minorsky V. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi… P. 75, 100.

В Центральном Казахстане обнаружены городища, стены которых сложены из кирпича-сырца, дерна и камышовых связок внутри: здесь открыто много древних остатков поселений, оросительных каналов.

С распространением политического влияния кимаков и их владений в IX в. далеко на юг от Прииртышья в северо-восточное Семиречье связано возникновение городов в этом регионе. По сведениям сочинения и картографического материала ал-Идриси применительно к Алакольской котловине (оз. Гаган), там были локализованы три кимакских города. В ходе археологических изысканий в окрестностях оз. Алаколь были обнаружены три городища, подъемный керамический материал которых относился к IX–XIII вв. Эти раннесредневековые городища атрибутированы как кимакские[864]. В Прииртышье, согласно ал-Идриси, были расположены 12 кимакских городов. Города кимаков сложились и росли как политические и экономические центры на основе синтеза хозяйственно-культурных традиций местного тюркского населения Средней Азии и Казахстана.

Полуоседлые и оседлые группы кимаков занимались земледелием, сеяли, главным образом, просо. Абу Дулаф свидетельствует, что кимаки употребляли в пищу горох, бобы и ячмень[865]. Ал-Идриси сообщает, что у кимаков есть районы с плодородными землями, где сеют пшеницу и ячмень; говорит о выращивании ими такой трудоемкой земледельческой культуры, как рис[866], что возможно лишь на поливных землях. О традиционном возделывании этих культур позволяют судить термины, употреблявшиеся кимако-кыпчакскими племенами для их обозначения и сохранившиеся в толковых словарях. Все они тюркского происхождения: экин — посев, бугдай — пшеница, тару (тарыг) — просо, арпа — ячмень, тутарган — рис, мерджамак — чечевица, ирдан — гумно.

Таким образом, у кимаков существовало несколько различных хозяйственно-культурных типов, связанных с преобладанием кочевого или полукочевого скотоводства, наличием земледельческого хозяйства при полуоседлом скотоводстве или промысловой охоте и рыболовстве. Очевидно, в целом, хозяйство кимаков было самодостаточным.

Самой развитой формой домашних промыслов и ремесла у кимаков была обработка и переработка животноводческой продукции и сырья. Кожа шла на изготовление различных видов обуви, посуды, колчанов, налучников, конской сбруи, мешков; войлоком покрывали юрты, из него делали одежду.

---

[864] Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX–XI вв. … С. 100–101.
[865] Абу-Дулаф. Рисала. Мешхедская рукопись… Л. 176а.
[866] Ал-Идриси. Нузхат ал-муштак… Т. 2. С. 719, 722.

Ал-Йакуби отмечает, что «тюрки — самый искусный народ в изготовлении войлока, потому что из него их одежда»[867]. Для одежды использовались также шкуры диких животных и меха пушных зверей.

Существование ремесленного производства у кимаков подтверждается археологическими материалами. При раскопках их поселений и курганных захоронений найдены железные изделия, украшения из золота, серебра и бронзы, остатки кошмы и кожи, деревянной посуды, оружие и различная гончарная керамика. Очень важно подчеркнуть, что большая часть этих изделий явно местного производства. Постепенно складывается прослойка ремесленников-профессионалов, однако ремесло еще не выделилось в самостоятельную отрасль производства.

В конце X — начале XI в. Кимакское государство распалось. Его падение было вызвано двумя причинами внутреннего характера, связанного, главным образом, с центробежными тенденциями кыпчакских ханов, стремившихся к самоопределению и созданию собственной государственности. Повлияли на упадок государства и внешние события, скорее всего, под действием миграции кочевых племен Центральной Азии, переселение которых относится к началу XI в. Основной причиной миграции ученые считают образование в Северном Китае в 916 г. государства Ляо, основанного кочевыми племенами киданями. Расширение земель этой державы на запад привело в дальнейшем к передвижению кочевых племен. В результате мощных миграций кыпчакские ханы значительно усилились и сделались первенствующими по силе и мощи на основной территории прежнего расселения кимако-кыпчакских и куманских племен. Кимаки же в ходе этих событий не только потеряли политическую гегемонию, но и оказались в зависимости от кыпчаков. Одна часть кимаков удержалась на Иртыше, вторая — оказалась в области Туркестана и Средней Азии, а третья группировка в составе кыпчакских племен двинулась на запад, в Южнорусские степи. Кыпчаки стали преемниками кимакской государственности.

[867] Ал-Якуби. Китаб ал-алак ан-нафиса. (BGA, VII). P. 295.

4.5. Кыпчаки (С. К. Алымкулова, Т. К. Чороев, В. Я. Бутанаев)

Самые первые сведения о кыпчаках можно почерпнуть из китайских источников. В 201 г. до н. э. в числе захваченных гуннами народов упоминаются «кюсше» (в китайской транскрипции)[868]. По мнению Г. Е. Грум-Гржимайло, кыпчаки составляли западную ветвь алтайских динлинов[869]. Его точку зрения поддержал известный исследователь М. И. Артамонов, подтвердив гипотезу о завоевании кыпчаков хуннами в III в. до н. э.[870] Однако можно предположить, что кыпчаки и динлины были историческими соседями во Внутренней Азии.

Для восполнения лакуны в истории раннесредневековых кыпчаков ряд ученых идентифицируют кыпчаков с этносом *сир* в древнетюркских надписях. Название *сир*, или *сыр*, приводимое в китайской транскрипции как *сеяньто*, после долголетних дискуссий также признано рядом ученых (в том числе и С. Г. Кляшторным) этнонимом, имеющим отношение к кыпчакам Внутренней Азии и Алтая. К 630 г. в Хангае соперничали за власть сеяньто и уйгуры[871]. Уже в 629 г. и те, и другие прислали ко двору Тайцзуна отдельные посольства. Как пишет С. Г. Кляшторный, поддержку Танской империи получили сеяньто и их вождь Инанчу-иркин провозгласил себя Йенчу Бильге-каганом (кит. Чжэньчжу Бицзя-кэхань)[872]. Более поздние события VII в. признают сеяньто одним из самых сильных восточных тюркских этносов того времени[873].

Однако современный тюрколог А. Н. Гаркавец полагает ошибочным отождествление этнонима *сир* с кыпчаками и даже отвергает прочтение финским языковедом Густавом Рамстедтом (1873–1950) термина «(қб)чақ» в Селенгинском камне — мемориальной стеле в честь Элетмиш Бильге-кагана (744–840)[874]. А. Н. Гаркавец пришел к этому мнению после тщательного из-

---

868 Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Срединной Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. С. 381.

869 Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. 906 с.

870 Артамонов М. И. Саркел — Белая Вежа // Материалы и исследования по археологии. 1958. № 62. С. 42–44.

871 См. о сеяньто: Ходжаев А. Цзю Тан шу (перевод и комментарии А. Ходжаева) // Материалы по истории Казахстана… Астана, 2011. С. 109–112.

872 Кляшторный С. Г. Кипчаки в руническихпамятниках. Л., 1986. С. 155–157.

873 Алымкулова С. К. Кыпчаки в составе тюркских народов: (этнополитические аспекты). Бишкек, 2014. С. 31.

874 Гаркавец А. Н. Кыпчакское письменное наследие: в 3 томах. Т. 1. Часть 1. Алматы, 2017. С. 11–13.

учения нового эстампажа, любезно предоставленного ему И. В. Кормушиным. Этнонимы средневековых кыпчаков были зафиксированы в письменных источниках на китайском, византийском (греческом), латинском, арабском, древнерусском, армянском, грузинском, монгольском и других языках[875].

Сегодня у исследователей не вызывает возражения того, что кыпчаки входили в состав телеских племен под этнонимом сеяньто и первоначально проживали между Восточным Тянь-Шанем и юго-западными отрогами Алтая[876].

После создания могущественного Уйгурского каганата на Орхоне (744 г.) кыпчаки были вытеснены на запад. На Северном Алтае и в Верхнем Прииртышье археологически фиксируется появление во второй половине VIII — первой половине IX в. усложненных вариантов древнетюркских погребений с конем, представленных большим числом памятников. Позднее, в IX–X вв., этот тип погребений получает развитие в так называемой «сросткинской культуре»[877], которая приписывается кимакам и кыпчакам.

Именно в этот период (IX–X вв.) возвышается государство кимакского хакана. Оно занимало территорию между Западным Алтаем и районами нынешнего северо-востока Казахстана, иногда его границы доходили до Балхашского озера. Кимаки являлись частью кыпчаков и выделялись тем, что создали кочевое и полукочевое государство со своим этнополитонимом. Данный этноним «кимак» имел также диалектный вариант произношения «йемек» («йимак»)[878]. Однако к концу X в. Кимакское государство стало ослабевать и распадаться из-за новых миграций восточных тюрков. Главенствующим этносом на бывшей территории Кимакского государства и в степях западнее от нее к началу XI в. стали кыпчаки.

Так, уже к середине XI в. закрепляется термин «Кыпчакская степь» к степной полосе между Волгой и Алтаем, к северу от владений мусульманского Караханидского каганата. Б. Е. Кумеков отмечает, что на так называемой «Малой карте» ал-Идриси (составленной в 1192 г.) зафиксирован топоним «Степь кыпчаков» (*sahrā al-qifjaq*) между Каспийским и Аральским морями, к западу от огузов, обитавших в присырдарьинских районах. А уже на карте Закарии Казвини (около 1203–1283 гг.), в его труде «Аджа'иб ал-махлу-

---

875 Бартольд В. В. Кипчаки. 1968: Т. 5. С. 550–551; Golden Peter B. Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes. 2011. Pp. 304–306.

876 Бернштам А. Н. Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии // Советская этнография. 1947. Вып. 6–7. С. 154 (о реконструировании этнонима *цюйшэ* как «кыпчак»).

877 Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1984. С. 103–118.

878 Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX–XI вв. … С. 41.

кат ва гара'иб ал-мауджудат — „Чудеса сотворенного и диковинки существующего")», кыпчаки локализованы восточнее русов, т. е. в Восточной Европе[879].

Это было результатом того, что с X в. кыпчакские племена начали продвигаться с востока на запад в двух направлениях: на юг (Мавераннахр), на запад — в Поволжье. Миграционные процессы в их среде усилились в XI в. в связи со все больше участившимися миграциями тюркских и монгольских этносов из восточных окраин Внутренней Азии в сторону Алтая, Джунгарии и Восточного Тянь-Шаня. И как отмечает С. Г. Кляшторный, «продвижение кыпчаков на запад вынудило печенегов отодвинуться вплоть до юго-западных границ южнорусских степей. Наконец, в середине XI — начале XII в., на последней фазе миграций кыпчаков в домонгольский период, окончательно формируются пять основных групп кыпчакских и близких им половецких (команских) племен: 1) алтайско-сибирская; 2) казахстанско-приуральская (включая так называемую саксинскую, т. е. волго-уральскую группу); 3) подонская (включая предкавказскую подгруппу); 4) днепровская (включая крымскую подгруппу); 5) дунайская (включая балканскую подгруппу)»[880].

Отдельные группы кыпчаков известны также в Фергане и Восточном Туркестане. Так, Махмуд Кашгарский упоминает «местность кыфчаков (кыпчаков)» близ Кашгара[881].

Различные группы кыпчаков подчинили своему влиянию огромную территорию и явились активными участниками многих исторических событий в степях Евразии и в странах Кавказа и Восточной Европы[882]. Однако следует также отметить, что в силу обитания в самых отдаленных друг от друга частях степной Евразии кыпчаки не создали какого-либо единого каганата для всей степи. Об этом отчетливо написал академик В. В. Бартольд: «Движение кыпчаков представляет собой редкий пример занятия народом огромной территории без политического объединения и без создания своей

---

879 Кумеков Б. Е. Средневековые мусульманские карты как источник по расселению кыпчаков. 1991. С. 63. Также см.: Кадырбаев А. Ш. За пределами Великой Степи. Алматы, 1997. С. 9–13; Алымкулова С. К. Кыпчаки в составе тюркских народов: (Этнополитические аспекты) / отв. ред. А. Асанканов. Бишкек, 2013. 374 с.

880 Кляшторный С. Г. Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени. СПб., 2004.

881 Махмуд Кашгарский. М., 1982. Т. 1. С. 474.

882 Кузеев Р. Г. Проблемы этнической истории народов Поволжья и Южного Урала с середины второй половины I тысячелетия н. э. до XVI в. Уфа, 1987. С. 171.

государственности. Были отдельные кипчакские ханы, но никогда не было хана всех кипчаков»[883].

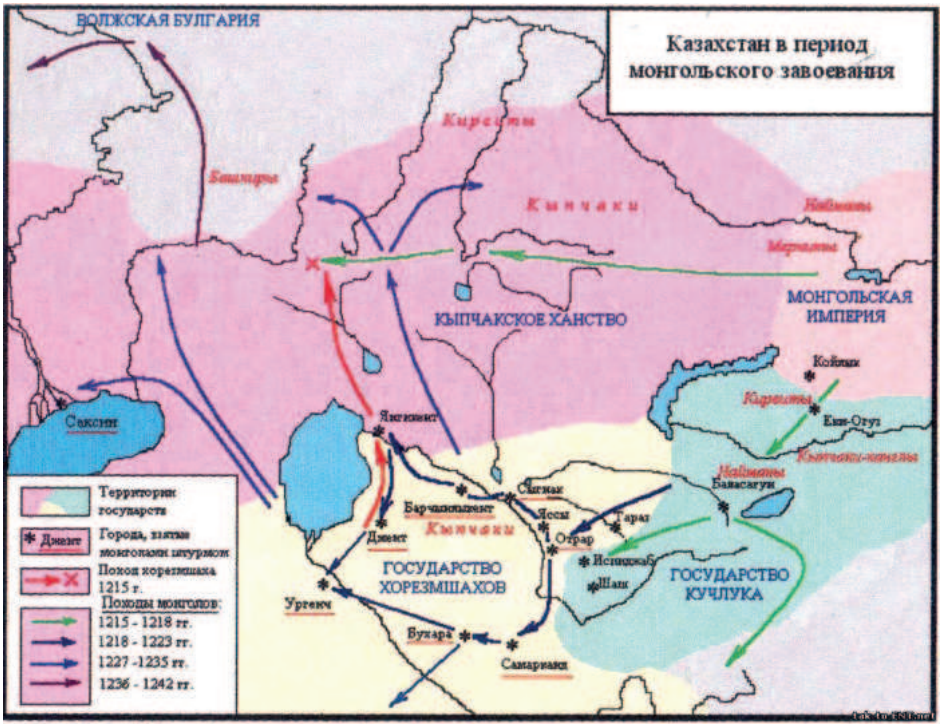

Рис. 77. Карта. Кыпчакское ханство XI–XII вв.
Источник: https://yandex.ru/images/search?from=tabbar&text

Кыпчакская конфедерация являлась военно-политическим объединением, где, как и во всех кочевых обществах, существовала военная триадная организация — правое, левое крыло, центр. Такое деление войска и народа впервые встретилось у хуннов и имело свое продолжение у тюрков, средневековых монголов, в домонгольских, постмонгольских государствах. В военно-административном отношении Кыпчакская конфедерация делилась на два крыла: правое — со ставкой на реке Урал, предположительно на месте города Сарайчик, и левое — с резиденцией на Сыр-Дарье. Появление триадной военной организации кочевников связано с тем, что государственно-политическая стабильность удерживалась в основном военной силой, так как территория была огромной и такое построение было удобным. У кыпчаков тер-

[883] Бартольд В. В. Тюрки: Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Алматы: Жалын, 1993. С. 88. См. также: Бартольд В. В. Двенадцать лекций… Т. 5. С. 17–192.

ритория произвольно делилась на кочевые районы и оседлые, а потому налоги (зякет — в кочевых районах и ушур — в земледельческих) оставались неизменными. Кроме того, существовали налоги-повинности — сыбага, согым и т. д. Одной из повинностей была воинская[884].

Культура, социальное и политическое устройство Кыпчакского объединения типичны для скотоводов-кочевников евразийских степей. Согласно русским летописям, во главе крупных объединений в Кыпчакском ханстве стояли «великие князья» — великие ханы (кан): Боняк, Тугоркан, Шарукан, Осень (Асень), Кончак и др. Главы племен (ханы) названы «князьями», «лепшими князьями». Главными их обязанностями были выбор маршрутов кочевания и распределение пастбищных территорий, налаживание отношений с кочевьями («вежа», кош) соседних племен. Оседлые жители контролируемых кыпчаками территорий платили дань в обмен на защиту. Ниже ханов по рангу стояли «лепшие мужи половецкие», возможно, главы родов и кочевий. Особое положение занимали «кмети», т. е. дружинники ханов, и «кмети молодые», т. е. младшая дружина. Рядовые воины отнесены к «челядинцам». Для решения общих дел ханы и их дружинники собирались на «съезды» (курултай). Так, в 1103 г. подобный «съезд» принимал решение о войне с Владимиром Мономахом. Нередко ханы заключали брачные, политипические и военные союзы с оседлыми соседями (хорезмийцами, венграми, русским князьями), участвовали в войнах соседних государств и княжеств как союзники или наемники[885].

Кыпчакская знать находилась в сложных политических взаимоотношениях с правителями династии Караханидов. Караханиды предпринимали походы в восточные пределы Кыпчакской степи. В 1065 г. правитель сельджуков Алып-Арслан организовал поход против кыпчаков и ему удалось подчинить себе район Мангыстау. К концу XI в. кыпчаки вновь установили свое господство в этом регионе. В 1069 г. кыпчаки совершали набеги на Хорезм. В конце XI — начале XII вв. Жент, Янгикент и другие города нижней Сыр-Дарьи находились в руках кыпчакских ханов. В первой половине XII в. здесь развернулась упорная борьба между кыпчакскими ханами и мусульманскими династиями. Под предлогом распространения ислама Хорезм шах Атсыз (1127–1156 гг.) в 1133 г. завоевал Жент, затем присоединил к своим владениям Мангышлак и двинулся вглубь Дешт-и-Кыпчака. С этого времени началась раздробленность кыпчакского союза. В начале XIII в. Хорезм шаху

884 Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. 2-е изд. СПб., 2004. 368 с.

885 Там же. 368 с.

Мухаммеду (1200–1220 гг.) удалось захватить у кыпчаков область Сыгнака. В 1216 г. во время похода Мухаммеда против кыпчакского хана Кадыра он дошел до р. Иргиз, где в Тургайских степях случайно столкнулся с войском Джучи-хана, преследовавшего меркитов, бежавших в страну кыпчаков. В 1185 г. западное крыло кыпчаков во главе с Казак-ханом разгромило русские войска на реке Каяле, что было описано в «Слове о полку Игореве».

Кыпчакский союз окончательно пал под натиском монгольского нашествия, и его территория вошла в состав улуса Джучи. Впоследствии, в XII–XIV вв., кыпчакские племена и союзные с ними другие этносы под названиями «кыпчак», «хифджак», «половец», «коман» появились не только в Южной Руси, Причерноморье, но и обитали в восточно-европейских районах Византии, а также в Египте (среди мамлюков). Даже при владычестве кыпчакских мамлюков в Египте и позднее были написаны на арабском языке кыпчакский словарь и другие труды, где отражены различные аспекты общества тюрков Ближнего Востока[886].

Ряд кыпчакских (команских) терминов сохранились в ряде венгерских диалектов. Так, профессор Иштван Конгур Мандоки среди этих терминов перечисляет такие слова, как «аркан» (árkány), «барак» (barág; разновидность собаки с длинной шерстью), «кайтар» (kajtár; «вернуть назад что-то»); «камчы» (kamcsi; «камча», т. е. кнут), «капкан» (kapkány; «капкан») и т. д.[887]

Много тюркизмов было заимствовано восточными славянами через хазар, булгар, печенегов, кыпчаков. Так, видный российский тюрколог Н. А. Баскаков предложил обобщающий свод разъяснений тюркизмов в «Слове о полку Игореве», рассмотренных в предыдущих тюркологических работах, а также предлагал свое истолкование ряда тюркских терминов (таких как Боян, боярин, Кайала, ковыль, телега и других), заимствованных восточными славянами в Средневековье[888]. Среди тюркизмов у восточных славян имелись и такие слова, как кафтан, кирпич, кобуз (кобза), утюг, которые были зафиксированы уже в XI в. в «Диване» Махмуда Кашгари Барскани как исконно тюркские[889].

В конце XII — начале XIII в. одним из крупных центров объединения стала группа подонских кыпчаков во главе с ханом Кончаком, сыном хана Шо-

---

886 Гаркавец А. Н. Кыпчакское письменное наследие: в 3 томах. Изд. 2-е, перераб. и дополн. Т. 1. Часть 1. Алматы, 2017. С. 42–47, 49–51; Чоротегин Т. К. Мемлүктөр доорундагы Алдыңкы Азия менен Түндүк Африкадагы… 2003. Б. 50–52.

887 Mándoky István Kongur. Selected Cuman-derived Hungarian dialectal words in Greater Cumania… 2021. P. 61–94.

888 Баскаков Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985. С. 99–172.

889 Чоротегин Т. К. Махмуд Кашгари Барсканинин… С. 254, 257–258 и др.

рукана (Шарукана). Правящий клан этой группы был связан с племенем токсоба, что означало — тогуз аба — десять родов, девять старших братьев, дядьев по отцу. Хан Кончак стал союзником русских, а его сын Юрий Кончак сражался в известной битве на реке Калке на стороне русских против монголов. Но затем, после гибели Юрия в этой битве, подонское объединение кыпчаков распалось[890]. Таким образом, кыпчако-славянские этнокультурные связи по характеру и направлению были обоюдными.

Сохранились также памятники, проливающие свет на кыпчако-армянские культурные взаимоотношения в Восточной Европе в раннем и позднем Средневековье (кыпчакский перевод армянского судебника, кыпчакские словари и пособия по армянскому языку, кыпчакский перевод сказания о премудром Акире и многие кыпчакско-армянские рукописи, актовые тексты и т. д.)[891]. Как отмечает А. Н. Гаркавец, современное село Арич Артикского района Ширакской области Армении прежде носило название Кыпчагъ, а в XII в. в этом селе возник даже монастырь, который был назван *Хпчахаванк* (по-армянски *хпчах* означает «кыпчак» и *ванк* «монастырь, обитель») и сохранился до сих пор[892].

4.6. Огузы (О. К. Каратаев, А. Ташагыл, Ш. Алиев)

Предки огузов — *телеские племена* — в китайских письменных источниках упоминаются под названиями Гаоцзюй, Гаочэ (Kao-che), Динлин (Dingling), Чилэ. Федерация племен под именем *теле* (токуз-огуз) играла важнейшую роль в древнетюркском обществе. Племена — члены указанного союза расселялись на обширной территории и входили в состав всех государственных образований на территории Центральной и Средней Азии, Восточного Туркестана как в качестве главенствующих, так и подчиненных[893].

---

890 Алымкулова С. К. Кыпчаки в составе тюркских народов: (этнополитические аспекты): дисс. … докт. ист. наук. Бишкек, 2014. С. 41; см. также: Баскаков Н. А. Имена половцев и названия половецких племен в русских летописях // Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984. С. 48–77.

891 Гаркавец А. Н. Кыпчакские языки: куманский и армяно-кыпчакский. Алма-Ата, 1987. С. 114–117.

892 Гаркавец А. Н. Кыпчакское письменное наследие: в 3 томах. Т. 1. Часть 1. Алматы, 2017. С. 53.

893 Махпиров В. У. Имена далеких предков (Источники формирования и особенности функционирования древнетюркской ономастики). Алматы, 1997. С. 33.

Китайские исторические источники сообщают о девяти племенах этого союза (Гаоцзюй-Огур-Огуз), и на страницах исторических хроник теле нередко именуется «девять фамилий», которые впервые упомянуты в китайских источниках в 630 г. Список племен по «Тан шу»:1) уйгуры; 2) сиры (китайское «сеяньто»); 3) туба; 4) курыканы; 5) теленгуты (китайское «доланьго»); 6) буку; 7) байырку; 8) тонгра; 9) хун[894]. Одним из первых исследователей, который, опираясь на летописи Танской истории, предположил, что термин «токуз-огуз», появляющийся в китайских источниках около 630 г.[895] и в переводе с древнетюркского языка означающий «девять племен», был Л. П. Потапов. Схожего с ними мнения придерживается С. Г. Кляшторный[896].

Есть и другой список (состав конфедерации менялся в течение VII–VIII вв.), где упомянуты племена *сыгыр, эдиз, айгыр*, но не названы *сиры*, покинувшие союз «девяти фамилий». В арабских источниках огузы отличаются от других тюркских племен и даже противопоставляются токуз-огузам (токуз-гузз), обозначаясь как гуззы[897].

Арабографические источники токуз-огузов описывают как крупное родоплеменное объединение. Источники сообщают, что область локализации токуз-огузов находилась севернее кыргызов и «население говорит на тюркских наречиях».[898] С 30-х гг. VII в. токуз-огузы выступили как значительная политическая и военная сила, с которой считались все соседние государства. Токуз-огузы всегда оставались политическими оппонентами тюркских каганов. Исследователи подчеркивают, что токуз-огузы не составляли единое этническое объединение, это была коалиция или союз племен.

Борьба токуз-огузских племен во главе с уйгурами и тюрков во главе с родом Ашина за господство в степи в течение более ста лет и определила политические коллизии в истории Центральной Азии. Началом политического соперничества тюрков-туцзюе и токуз-огузов стала победа тюрков над телесами в середине VI в., знаменовавшая создание Тюркского каганата. С 535 г. предводитель племени тюрков Бумын начал процесс объединения племен

---

894 Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Наука, 1961. С. 33–34; Малявкин А. Г. Историческая география Центральной Азии (материалы и исследования). Новосибирск, 1981. С. 6–7.

895 Потапов Л. П. Этноним теле и алтайцы // Тюркологический сборник. К шестидесятилетию Андрея Николаевича Кононова. М., 1966. С. 234.

896 Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 11–112.

897 Махпиров В. У. Имена далеких предков (Источники формирования и особенности функционирования древнетюркской ономастики). Алматы, 1997. С. 33.

898 Hudûd al-'Âlam. The Regions of the World. A Persian geography 372 A. H. — 982 A. D. Hudud'ül-Alem (ing. terc. V. Minorsky). London, 1937. S. 94, 96.

Алтая в единое государство. В 546 г. на Алтае Бумын разгромил войско племени теле в количестве 50 тыс. кибиток и присоединил теле (т. е. токуз-огузов) к Тюркскому государству. Токуз-огузы составляли основную часть населения Первого Тюркского каганата (551–603 гг.) и выступали основными оппонентами ашиноидов (династия Ашина).

В 682 г., когда Ильтериш и его советник и сподвижник Тоньюкук возглавили движение за воссоздание Второго Восточно-Тюркского каганата, огузы в составе девяти племен (токуз-огуз) во главе с Баз-каганом[899] оказывали этому процессу всяческое сопротивление. Они заключили союз с китайцами и киданями (кара-китаями). В кровопролитном сражении на берегу реки Толы *огузы* потерпели поражение, однако не покорились. Ильтериш-каган и Тоньюкук совершили еще четыре похода против огузов. Во время одного из них *Баз-каган* был убит. Только после этого огузы подчинились Ильтеришу и вошли в каганат[900].

Борьба тюрков с токуз-огузами за политическую гегемонию отражена в орхонских письменных памятниках. В памятнике, посвященном Бильге-кагану, сообщается, что «каган пять раз воевал и подавил сопровтивление токуз-огузов»[901]. Сам Бильге-каган так описывает причину враждебности огузов и последующие события: «Так как небо и земля были в тревоге, а их огузов желчные чувства… обуяла зависть, они стали нам врагами. В один год (723 г.) я сразился четыре раза. Первый раз я сразился при (городе) Тогу-балык, когда (мой народ) переплавился вплавь через реку Тоглу, войско (врага было уничтожено). Во второй раз я сразился при Антаргу, разбил их войско и завоевал. Третий раз я сразился при вершине Чуш (или при источнике…). Тюркский народ от переходов утомил (свои) ноги, и он был близок к панике. Войско врага, которое начало нас обходить и побеждать, я прогнал. Многие еле живые, обреченные на смерть, остались в живых… В четвертый раз я сразился при Эзгенти Кадазе, там я разбил их войско и погубил… имущество»[902].

В 731 г. умер Кюль-тегин, что существенно ослабило военные силы и политические позиции его брата Бильге-кагана (Могиляна). Сам Бильге-каган ненадолго пережил Кюль-тегина. Он умер в 734 г., отравленный одним из своих приближенных. Ситуацией воспользовались токуз-огузы, карлуки

---

899 Sümer F. Oğuzlar (Türkmenler). Tarihleri-boy teşkilatı-destanları. Ankara, 1972. C. 6.

900 Taşağıl A. Gök-TürklerI. Ankara: TürkTarihKurumu, 1995. C. 234–236.

901 Taşağıl A. Gök-Türkler. III. TürkTarih Kurumu Basimevi. Ankara, 2004. C. 114–115.

902 Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 21.

и басмылы. Они свергли кагана и вышли из состава государства. В 745 г. токуз-огузы во главе уйгуров разгромили басмылов и окончательно ликвидировали Второй Восточно-Тюркский каганат[903].

В середине VIII в. уйгуры захватили политическое лидерство в союзе toquz oğuz «девять огузов». Позже этот союз в китайских источниках стал упоминаться преимущественно как «уйгур», а в мусульманских — как toquz oğuz. Надпись Шинэ-Усу (Шинэ Үүс, Монголия) содержит двойное название, toquz oğuz on uyğur [ШУ С3] «девять огузов — десять уйгуров», в котором отразилось это изменение. Девять племен toquz-oğuz были преобразованы и организованы племенем уйгур, в результате чего возник новый союз десяти племен под властью уйгуров[904]. Токуз-огузы вошли в состав Уйгурского каганата, но долго сопротивлялись.

После падения Уйгурского каганата в 840 г., большая часть токуз-огузских племен Монголии и сопредельных территорий начала перемещаться в нескольких направлениях, основными из которых были южное и западное — к Великой Китайской стене и в Ганьсу а также в Восточный Туркестан, далее Среднюю Азию. Сначала они переселились в Семиречье, где им пришлось столкнуться с карлуками и другими восточно-тюркскими племенами. Часть огузов в конце X — начале XI вв. продолжила передвижение на запад, через южный Урал и Придонье, в приднестровские степи, которые в тот период были населены печенегами. В непрерывных столкновениях с печенегами погибло много огузов. Но наибольшие потери они несли от холода в морозные зимы, от болезней и голода[905]. Попав на Балканы, огузы были вынуждены сражаться с обитавшими в придунайских степях болгарами. Неся большие потери, огузы двигались на юг и вступили на территорию Византийской империи, где смогли, наконец, найти убежище. Император Византии выделил огузам для проживания земли в Македонии[906]. Часть из них была принята на военную службу в византийскую армию. Известно, что в войске Романа

---

903 Агаджанов С.Г. Огузская проблема и задачи ее изучения // Тюркологический сборник-1973. М., 1975. С. 11.

904 Czeglédy K. On the Numerical Composition of the Ancient Turkish Tribal Confederations. AOH 25. 1972. Pp. 275–281; Göckenjan H. Zur Stammesstruktur und Heeresorganisation altaischer Völker. Das Dezimalsystem. In: Grothusen, Kl-D. u. Zemack, Kl. (Hrsg.): Europa Slavica — Europa Orientalis. Festschrift für Herbert Ludat zum 70. Geburstag. Berlin, 1980. S. 64.

905 Голубовский П. Печенеги, торки и половцы. Русь и Степь до нашествия татар. М., 2018. С. 45.

906 Запорожец В.М. Сельджуки. М., 2011. С. 64.

Диогена во время сражения с огузами-сельджуками при Малазгирт (Манцикерт) в 1071 г. находился значительный контингент огузов[907].

С. Г. Агаджанов указывает, что в исторических судьбах огузских племен Средней Азии важным периодом явился конец VIII — начало IX в., ставшие эпохой интенсивного складывания огузской конфедерации. В ходе ожесточенной борьбы с карлуками и другими восточнотюркскими племенами значительная масса огузов, оставив Джетысу (Семиречье), стала уходить в Приаралье, где в ходе сложения огузской конфедерации была создана огузская держава с политическими центром в низовьях Сыр-Дарьи в конце IX — начале X в.[908] Вожди огузских племен, вероятно, приняли деятельное участие в дележе наследства западнотюркских каганов. Однако предводителям огузов не сразу удалось захватить политическую гегемонию в долине Сырдарьи. Лишь к середине IX в. огузские вожди сумели овладеть степями Приаралья, нанеся поражение обитавшим здесь печенего-кангарским и другим племенам[909].

Территория Огузской федерации[910] простиралась от северо-восточного побережья Каспийского моря до реки Сырдарья в ее среднем течении. Огузами были заселены полуостров Мангышлак, плато Устюрт, побережье Аральского моря. Большое число огузов было сосредоточено в окрестностях гор Карачук (от Исфиджаба до Сырдарьи). Южнее мест обитания огузов начинался исламский мир, представленный в основном персами. В «Hudût al-'Âlam» говорится, что граница между шаманистами огузами и мусульманами проходила по линии Гурган — Фараб — Исфиджаб[911].

Известные средневековые Абу-ль-Фадль Байхаки, Махмуд аль-Кашгари и Фазлулаллах Рашид ад-Дин называют огузов также и туркменами, используя этноним «туркмен» как синоним этнониму «огуз», а известный средневековый автор Шараф аз-Заман Тахир аль-Марвази называл туркменами огузов, принявших ислам. Площадь территории огузского государства составляла около 9 млн кв. км, однако большую часть этой территории составляли пустыни Кызылкум и Каракум[912].

---

907 Запорожец В. М. Указ. соч. С. 42.

908 Агаджанов С. Г. Огузская проблема и задачи ее изучения… С. 11; Махпиров В. У. Имена далеких предков (Источники формирования и особенности функционирования древнетюркской ономастики). Алматы, 1997. С. 39.

909 Агаджанов С. Г. Огузская проблема и задачи ее изучения… С. 8.

910 Öztuna T. Y. Türkiye tarihi. 2. cilt. İstanbul, 1964. S. 6.

911 Hudûd al-Âlam. The Regions of the World. A Persian geography 372 A. H. –982 A. D. Hudud'ül-Alem (ing. terc. V. Minorsky). London, 1937. S. 312.

912 Öztuna T. Y. Türkiye tarihi. 2. cilt. İstanbul, 1964. C. 10.

Первые упоминания об Огузском государстве Ябгу появляются в арабоязычных историко-географических сочинениях конца IX — начала X в. Уникальные, хотя и очень скудные, сведения об огузах X в. и их государстве (Огузском ябгулуке)[913] содержатся в воспоминаниях ибн Фадлана, который входил в состав посольства багдадского халифа к волжским болгарам. Известно, что государство волжско-камских болгар (X–XIV вв.) вело торговлю с багдадским халифатом, Византией и другими государствами. Путь посольства проходил через территорию Огузского ябгулука, который оно посетило в 922 г.[914]

Ябгу являлся верховным правителем государства огузов[915]. По статусу ябгу приравнивались к кагану. Исключительно важную роль в государстве сырдарьинских огузов играл предводитель войск — сюбаши (сюбашы). В переводе с китайского языка «сю» означает солдаты, военные, войско. «Баш» с тюркского — голова, глава. При сюбаши существовал Совет из представителей крупной аристократии. Главные представители огузских войск постоянно вмешивались в политические дела страны и нередко открыто выступали против главы государства[916]. У ябгу были и официальные советники, так называемые коль еркины. Народное собрание у огузов созывалось раз в год. В связи с усилением влияния племенной аристократии вместо народного собрания коль еркины стали созывать совет знати, называвшийся канкаш. С расцветом огузского общества верховная власть управления страной стала принадлежать великому и малому курултаям. Свидетельством тому является эпическое летописное сказание «Огузнаме» (XIII в.), где говорится: «Огузский каган созвал великий курултай». На великом курултае каган сажал своих сыновей с правой стороны от себя, что называлось «боз-ок» (дословно: «белая стрела»), с левой — представителей знати, вождей — «уз-ок» («три стрелы»). При избрании кагана преимущество было на стороне «белой стрелы». Согласно преданиям, огузские правители «выбирались» из наиболее могущественных «ханских уругов», а само «избрание» производилось по торе — своду неписанных правил обычного права. В его основе лежала привилегия на власть старшего по сравнению с младшим родичем.

---

913 Мнение автора данного раздела о трансформации огузской конфедерации племен в государство «Огузский ябгулук» не является общепризнанным в исторической литературе.

914 Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 45.

915 Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. М., 1969. С. 139.

916 Там же. С. 144.

В X в. у сырдарьинских огузов существовали два политических центра. Один из них именовался Старым центром (Старая Гузия) и зафиксирован на карте Идриси («Китаб Руджар») в районе между западными отрогами Тянь-Шаня и сырдарьинским Каратау[917]. Судя по всему, Старая Гузия была главной ставкой огузских предводителей до второй четверти X в. Новой резиденцией огузских вождей был город Янгикент. Он был расположен в низовьях Сырдарьи и назывался Новая Гузия[918]. Янгикент имел выгодное географическое положение на стыке с крупными земледельческими оазисами Средней Азии. Это позволяло вести активную торговлю и бесперебойно обеспечивать население продовольственным зерном. В свою очередь, огузы поставляли на центральноазиатские рынки мелкий рогатый скот. Ибн Фадлан сообщает, что видел среди огузов людей, владевших сотней тысяч баранов, десятью тысячами лошадей, что подтверждает факт активной торговли огузов в регионе[919].

Население государства огузов составляли 24 огузских племени. Из них 12 племен имели общее название Боз-оки. Они в случае войны должны были составлять правое крыло войска. Другие 12 племен были Уч-оками, они образовывали левое крыло войска. Символом (гербом) Бозоков был лук, а Учоков — три стрелы. Персидский историк Рашид ад-Дин приводит названии огузских племен, названий тотемов и племенных тамг. Боз-оки: каи, баят, алка-эвли, кара-эвли, языр, догер, додурга, япарлы (нет у Махмуда аль-Кашгари), афшар, кызыр (нет у Махмуда аль-Кашгари), бегдили, каркын (нет у Махмуда аль-Кашгари, вместо него — чаруклу). В состав Уч-оков входили: баяндыр, печене, чавулдур, чепни, чалур, эймур, алаюнтлу, юрегир, игдир, бюгдюз, ива, кыныk[920].

Во главе каждого из двадцати четырех огузских родов государства огузов стоял бек. Среди беков были строгие, иерархические отношения. Например, во время торжественных мероприятий каждый из них знал свое место, знал, какой кусок мяса ягненка ему следует брать за обедом. Беки огузских родов были независимыми. Правитель Огузского государства не имел достаточных способов воздействия на них, вожди племен нередко отказывались платить дань. Огузские ябгу передавали власть по наслед-

---

917 Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. … С. 134.

918 Там же. С. 134.

919 Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. / Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956.

920 Рашид ад-Дин. Сборник летописей / пер. с персидского Л. А. Хетагурова, редакция и примечания проф. А. А. Семенова. М.; Л., 1952. Т. I. Кн. 1.

ству, хотя формально считались избранными на престол[921]. Выборы вождей были лишь пережитком народных собраний эпохи военной демократии. В повседневной жизни огузов главную роль играл Совет знати (военно-племенной аристократии). В его работе принимали участие и иналы — наследники правителей.

Двадцать четыре рода племени огузов постепенно дробились на мелкие общины и покидали обжитые места. Причины этого носили экономический и военно-политический характер. Рост численности кочевников требовал постоянного поиска новых пастбищ и водных ресурсов[922]. Существовал неписаный закон: потерпевший поражение в межродовой борьбе клан должен был покинуть свои места и искать новое жизненное пространство. Этому способствовала сама идеология огузов и других тюркских народов: все члены той или иной династии имели право на занятие трона.

В этих условиях за престол Ябгу шла непрерывная ожесточенная борьба, которая заканчивалась кровопролитием. В конце IX в. произошел раскол огузского общества, и лидерство в государстве перешло к роду кыныk из ветви Уч-ок племени огузов. Из этого рода происходила и знаменитая династия сельджукидов. В некоторых же вариантах «Огуз-наме» утверждается, что власть в Огузском государстве сначала принадлежала роду «кайы» из ветви Боз-ок племени огузов, а затем она перешла к салурам[923]. Авторы «Огуз-наме» утверждают, что в Огузском государстве долгое время господствующее положение занимал род салур (салгур) из ветви Уч-ок племени огузов. Много лет салурские правители были верховными ханами. Некоторые историки отмечают, что огузский род салур сыграл важную роль в борьбе с печенегами[924]. Этот факт, видимо, и выдвинул в IX в. салурских вождей на первое место в стране. В их руках оказалась вся власть Огузского государства. Владели они ею примерно до середины X в.[925]

Политической нестабильностью в Огузском государстве пользовались другие тюркские народы, особенно кыпчаки, которые стремились вытеснить огузов за пределы Центральной Азии. Со временем это им удалось. В середине XI в. практически перестали существовать какие-либо прочные связи между огузскими родами.

---

921 Sümer F. Oğuzlar (Türkmenler) … C. 49.
922 Taşağıl A. Gök-Türklerl… C. 78.
923 Sümer F. Oğuzlar (Türkmenler) … C. 47.
924 Каратаев О. К. Древнекыргызские тамги Хакасско-Минусинской котловины и Республика Тыва // Материалы междун. арх.-этнографич. экспедиции. Бишкек, 2003. С. 83–126.
925 Sümer F. Oğuzlar (Türkmenler) … C. 47.

Рис. 78. Карта. Политическая ситуация в Евразии в предмонгольский период (X–XI вв.)
Источник: Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005

Часть огузов (южная и восточная), огузы-сельджуки двинулась на запад, но южным путем, через Иран и Малую Азию, образовав сначала Сельджукский союз, а позже — Османскую империю и Азербайджан[926]. Ослабленная внутренними противоречиями огузская держава не выдержала удара кыпчакских племен. Падение государства сырдарьинских Ябгу оказалось роковым для исторических судеб огузов Центральной Азии. Кыпчакское нашествие прервало начинающийся процесс консолидации огузов в этническую общность. Огузские племена, уцелевшие от кыпчакского погрома, вынуждены были спасаться бегством от пришлых завоевателей. Значительная масса огузов под напором кыпчаков ушла в пределы Восточной Европы и Малой Азии, Кавказа[927]. Другая часть огузов перешла под власть Караханидов Мавераннахра и сельджукидских правителей Хорасана, остатки растворились среди тюркоязычных племен Дешт и-Кыпчака.

Средневековые писатели отмечали, что если среди тюрков в Фергане преобладали карлуки, то в Шаше — огузы. Арабский автор X в. Ибн Хаукаль писал о том, что около 1000 семейств тюрков, принявших ислам, перешли с востока в район между Фарабом, Кенджидой и Шашем, т. е. к юго-западу от современного Шымкента. Этих тюрков исследователи отождествляют с огузами, проживавшими на правом берегу Сырдарьи. С конца X в. часть огузов стала называться туркменами, о чем сообщает Шараф ал-Марвази. По его словам, «после того как гузы сделались соседями областей ислама, часть их приняла ислам и стала называться туркменами»[928]. Между ними и теми гузами, которые не приняли ислама, началась вражда. Число мусульман среди гузов умножилось и положение ислама у них упрочилось. Мусульмане взяли верх над неверными, вытеснили их из Хорезма в сторону поселений (кочевий) печенегов.

Огузское государство сыграло важную роль в политической и военной истории Евразии. Оно подчинило себе печенегов, живших в то время между Волгой и Уралом (Яиком). О войне с печенегами Поволжья в «Огузнаме» говорится: «…Слева находилась страна кагана Урума. У него было премножество войск, городов. Этот Урум-каган не хотел считаться с Огузом, не выполнял его приказы, не хотел подчиняться. Разгневанный Огуз собрал огромное войско и пошел воевать с Урумом. Через сорок дней доехали до подножья

---

926 Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1969. 384 с.; Баскаков Н. А. Имена собственные гуннов, булгар, хазаров, сабиров и аваров в исторических источниках // Советская тюркология. 1985. № 4. С. 29–36.

927 Sümer F. Oğuzlar (Türkmenler) … C. 49.

928 Хабижанова Г. Б. Тюркские племена Центральной Азии в X–XII вв. Алматы, 2009. С. 13–14.

горы Музтаг. Раскинули свои шатры, готовились к сражению.…Была река Итиль (Волга) … Здесь на берегу большой реки Итиль у подножия темной горы началось кровопролитное сражение, бились стрелами, копьями, саблями. Сеча была жестокая, погибло много войск. Вода Итиля стала кроваво-красной. Огуз победил. Урум-каган бежал. Огуз захватил страну Урум-кагана, перебил многих людей, досталась ему огромная добыча». Это сообщение свидетельствует о сокрушительной победе огузов над печенегами.

В 965 г. между огузским джабгу и киевским князем Святославом был заключен военный союз, направленный против хазар. Его результатом явился разгром Хазарского каганата. Об этом событии в «Огузнаме» имеются такие слова: «Был заключен договор с Саклапом Урысбекоглы».

В тюркских легендах и летописях также часто встречаются сведения о походах огузов в Среднюю Азию, Восточный Туркестан и китайские земли. Свидетельство арабского географа Аль-Якуби (IX в.) интересно не только упоминанием огузов, но и указанием на их войны с соседними тюркскими племенами: карлуками, тогуз-огузами, кимаками.

Во внешней политике огузские правители преследовали две цели. Во-первых, овладеть богатыми лугопастбищными землями на берегах реки Дон, в Причерноморье, ради чего огузы воевали с Хазарским каганатом. Во-вторых, они стремились захватить важнейшие торговые пути, соединяющие Европу с Азией и пролегавшие через Поволжье, Мангышлак и Устюрт. Вместе с огузами в господстве над этими торговыми путями было заинтересовано и древнерусское государство. Русские летописи свидетельствуют, что в 985 г. князь Владимир в союзе с огузами совершил поход против волжских булгар в Поволжье.

Огузы занимались полукочевым и полуоседлым скотоводством. У полукочевых племен огузов были свои постоянные сезонные пастбища. Аль-Бируни писал, что огузы в осенние месяцы кочевали на границе с Хорезмом, а некоторая их часть — у подножий Улытауских гор. Огузы перемещались с одного места в другое на приспособленных к кочевью кибитках на колесах. Впрягали в них волов или верблюдов. Они выращивали четыре вида скота (овец, лошадей, верблюдов и крупный рогатый скот). В арабских средневековых письменных источниках говорится и о выращивании курдючных овец. Ибн Хаукаль писал о разведении огузами в Туркестанском регионе каракульских овец. Другие факты свидетельствуют о содержании крупных двугорбых верблюдов. Животноводческая продукция удовлетворяла не только внутренние потребности, но и использовалась для торгового обмена с государствами Средней Азии и Китаем.

Огузы занимались не только скотоводством, но часть из них — и земледелием. Оседлость их доказывается наличием в нижнем течении Сырдарьи таких городов, как Жанкент, Дженди Жуара. Махмуд Кашгари писал о городах Карнак, Сюткент, Фараб, Сыгнаки Сауран в среднем течении Сырдарьи.

Предметы повседневного быта, в том числе инструменты, орудия труда, оружие и другие элементы обихода огузы изготавливали сами. По письменному свидетельству арабского историка аль-Жахиза, «тюрки все предметы кустарных промыслов делают сами… изготавливают они и оружие, и стрелы, сбрую, колчаны для стрел, копья и другое». Судя по находкам, найденным при археологических раскопках, огузы занимались и гончарным делом. Вместе с тем аль-Идриси писал и о том, что они изготавливали из железа и других металлов ювелирные украшения. Эти факты подтверждаются археологическими раскопками. Так, например, с мест поселений и из захоронений огузов извлечены железные изделия, ювелирные украшения из золота, серебра и бронзы, остатки кошм и кожаных изделий, оружие и различные предметы керамики. Как видим, домашние промыслы и ремесла были высокоразвиты. Свои необходимые потребности в продуктах, одежде, оружии, орудиях труда и т. п. они удовлетворяли собственными силами.

4.7. Караханиды (Т. К. Чороев, З. Т. Садырова)

В 40-х гг. X в. на политической карте Притяньшанья появилось новое государство кочевых тюркских народов[929]. Политоним «Караханиды» был введен в науку выдающимся российским востоковедом В. В. Григорьевым в XIX в. Это было связано с тем, что слово «черный» (кара/qara) часто употреблялось в титулах ряда правителей данного средневекового мусульманского государства. Сами же «кара каганы» называли свое государство просто как «тюркское государство» или «государство хаканских тюрков»[930].

В исторической науке имеется три точки зрения по вопросу о происхождении династии Караханидов, пришедшей к власти в 940 г. Ряд исследователей считают, что правившая данным государством династия состояла из вождей тюркоязычного племени чигиль, проживавшего в горных долинах

[929] Караев О. К. История Караханидского каганата (X — начало XIII вв.). Фрунзе: Илим, 1983. 301 с.

[930] Чороев Т. Махмуд Кашгари Барсканинин «Дивану лугати т-түрк» эмгеги — түрк элдеринин тарыхы боюнча көөнөргүс эмгек. Бишкек, 2017. С. 45–46.

Тань-Шаня[931]. Тюркоязычные чигилы (они могли иметь дальнюю родственную связь с тюркоязычным народом «чик», упомянутым в раннесредневековых тюркских надписях), мигрировавшие с Южного Енисея и Алтая вслед за карлуками в середине VIII в., сначала обитали в восточных частях Тянь-Шаня, а во времена Караханидов они освоили Прииссыккулье, Чуйскую и Таласскую долины. Весьма интересны свидетельства Махмуда Кашгари, который в «Своде слов тюркских языков», написанного в 1072–1077 гг., подчеркивает, что огузы называют все тюркоязычные народы к востоку от них «чигилями». Это было связано, как полагают исследователи, с тем, что чигилы были государствообразующим этносом у Караханидов. Можно сравнить это с алтайскими тюрками-Ашина, которые образовали Великий Тюркский каганат, а затем их этноним стал общим политонимом для всех тюркоязычных народов, которые себя никогда не называли этнонимом «тюрк». Чигилы, известные со времен тюркских каганатов, позже участвовали как этнокомпонент в формировании современных тюркских народов Центральной Азии, таких как кыргызы, казахи, узбеки, уйгуры и каракалпаки.

Вторая группа исследователей утверждает, что династия Караханидов произошла от кочевого тюркоязычного народа «ягма»[932]. Они обитали в высокогорных долинах р. Нарын, в горных долинах рядом с Кашгаром и других частях государства.

Согласно третьей точке зрения, династия Караханидов происходила из племени карлуков. В 960 г. в Семиречье 200 шатров тюрков приняли ислам. Этот факт связан с родоначальником династии — каганом Сатук Бограханом, который первым принял новую веру и мусульманское имя Абдул-Керим. Его сын Муса, приняв титул кагана, объявил ислам государственной религией. Столицей государства Караханидов стал Кашгар.

В конце X в. Караханиды вели войны с государством Саманидов, оспаривая у них власть в Мавераннахре, и захватили их столицу Бухару. К 1005 г. Караханиды овладели данным регионом. В административном плане территория государства была разделена на уделы, в которых правили члены караханидского рода — илек-ханы. Семиречье и Кашгария вошли в восточное владение, а Мавераннахр — в западное владение с центром в Узгенде, а затем в Самарканде. Со временем эти владения обособились и воевали друг

---

931 Караев О. К. История Караханидского каганата…; История Киргизской ССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1. С древнейших времен до середины XIX в. / гл. ред. В. М. Плоских. Фрунзе, 1984. С. 290.

932 Генч Решат. Карахандар мамлекетинин бийлик түзүлүшү / Которгондор Музаффер Үрекли, Зеби Мусабаева; ред. М. Ч. Кожобеков. Бишкек, 2004. С. 32–33.

с другом, что предрешило в 1089 г. захват Самарканда тюрками-сельджуками, чьи войска дошли до Узгенда. Караханиды признали верховную власть Сельджукидов. В 1212 г., накануне монгольского вторжения в Мавераннахр, последний карахан Клыч Арслан был убит хорезмшахом Мухаммедом.

Верховная власть Караханидского государства имела патриархальные черты. Все земли считались собственностью правящей династии. Старое сословие крупных землевладельцев дехкан было упразднено. Структура государства отражала синтез кочевой и оседлой традиций, поскольку в него входили как области кочевого скотоводства, так и оседлого земледелия. Действительно, государство Караханидов являлось полиэтничным образованием. Так, арабский географ, историк и путешественник Шамс ад-Дин Абу Абдаллах Мухаммед ал-Мукаддаси (946/947–1000) писал: «Орду — маленький [городок], где [сидит] правитель туркменов, который продолжает посылать подарки владетелю Испиджаба…»[933]. Исходя из данного факта, О. К. Караев предполагает, что туркмены в X в. жили среди карлуков в Чуйской долине[934]. Ф. Сюмер, отмечая причастность карлуков к чуйским туркменам (X в.)[935], тем не менее, допускал, что эти туркмены могли быть не огузами и карлуками, а какими-то остатками тюргешей или «десяти-стрельных» тюрков. (Можно сравнить это с интересным сообщением в «Диване» Махмуда Кашгари: «Карлук… — Они же туркмены»)[936].

Если исходить из того, что необязательно принимать за чуйских туркменов огузов или карлуков, то одним из вероятных прототипов данного изначально собирательного этнонима могут выступать аргу, язык которых отличался особым диалектом оседлых тюрков. Еще во времена Махмуда Кашгари они обитали в традиционных местах — от Испиджаба до Баласагуна (последний город, так же как и этноним «туркмен», впервые упоминается у ал-Мукаддаси и помещен рядом с городом Орду, упомянутом чуть выше).

Этноним «аргу» перекликается с поздним этнонимом «аргын» у казахов и кыргызов. Аргыны всегда характеризовались сочетанием разных этнокомпонентов. В XI в. у Махмуда Кашгари упоминаются кенджеки как одни

---

933 Shamsaddin Abu «Abdallah Mohammad ibn Ahmad al-Moqaddasi. Descriptio Imperii moslemici / ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1967. BGA. Vol. 3. P. 275.

934 Караев О. К. Народы Центральной Азии и государство Караханидов // Историко-культурные связи народов Центральной Азии. Улан-Удэ, 1983. С. 92–93.

935 Sümer Faruk. Oğuzlar (Türkmenler): Tarihleri, Boy Teşkilâtı, Destanları. Ankara Üniversitesi Basımevi, 1972. S. 28–30. Также см.: Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад, 1969. С. 6.

936 Кашгари Махмуд. Китаб диван лугат ат-турк / Мусаххих Килисли Му'аллим Риф'ат. Стамбул, 1333–1335/1915–1917. Т. 1–3. Здесь: Т. 1. С. 393.

из народов, которые были отличительной этнической примесью среди тюрков: «У тех, кто говорит на двух языках и смешивается с городским населением, речь становится ломаной, как, например, у согдак, кенджек и аргу»[937].

Значительный этнический элемент государства Караханидов составляли огузы. Несмотря на то, что большая их часть мигрировала в западные части Центральной Азии, в том числе и прикаспийские степи и далее на запад — в Иран, Малую Азию и Кавказ, их следы сохранились в памяти оставшихся народов Тянь-Шаня. Так, Огуз-хан (Ууз-кан) является одним из генонимов — имен непосредственных предков в поздних генеалогических преданиях кыргызов Тянь-Шаня. У уйгуров также сохранились предания об Огуз-хане.

В мусульманских письменных источниках IX–X вв. были зафиксированы районы, где проживали карлуки. Так, арабский географ Кудама ибн Джафар (IX–X вв.) упоминает зимние пастбища карлуков в Касра-Басе в Центральном Тянь-Шане. Другой арабский географ Ибн Хаукал (X в.) пишет, что одна ветвь реки Барак (Чирчик, в Узбекистане), притока Шаша (Сыр-Дарьи), вытекает из Бискема, а другая — из Джидгила (современные Чаткальские горы на территории Чаткальского района Джалал-Абадской области Кыргызстана), но в основном она исходит из земель тюрков-карлуков[938]. Таким образом, некоторые группы карлуков жили в верховьях современных рек Пскем и Чаткал и на территории между ними.

Арабский географ Абу Дулаф (X в.), 25 дней путешествовавший по земле карлуков, вспоминает серебряный рудник в Таласских горах[939]. Персоязычный автор географическо-этнографического анонимного труда «Худуд аль-ъалам» («Пределы мира»; X в.) перечисляет города, деревни, топонимы, горы и озера, принадлежащие карлукам. Например, в Чуйской долине были села Кулан, Мирки (ныне Мерке), Нузкат; в Иссык-Кульской котловине — Барсхан (ныне — Барскоон). Таким образом, по мнению восточных авторов IX–X вв., основная часть карлуков проживала в Центральном Тянь-Шане и прилегающих территориях. Некоторые из них располагались между Таласской долиной и Исфиджабом (ныне село Сайрам близ Шымкента), Фарабом (Отраром) и другими частями Средней Азии.

---

937 Kâşgarlı Mahmud. Divanü Lügati't-Türk: Tıpkıbasım/Facsimile, Sistem Ofset, Ankara 1990. S. 12b; сравните: ал-Кашгари Махмуд. Диван Лугат ат-Турк / перю, предислю и комментарии З.-А. М. Ауэзовой. Индексы составлены Р. Эрмерсом. Алматы, 2005. С. 23.

938 История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: в 5 томах. Алма-Ата, 1979. Т. 2. С. 84.

939 Шаниязов К. Узбеки-карлуки (историко-этнографический очерк). Ташкент, 1964. С. 15, 22, 24, 28.

Мигрировавшие из Южной Сибири и Енисея кыргызы также стали одним из тюркоязычных кочевых компонентов мусульманского государства Караханидов[940]. Несмотря на то, что основная территория независимого владения кыргызов находилась к востоку от Караханидов и охватывала часть Большого Алтая и северо-западные районы Монголии, западные группы кыргызов обитали среди мусульман Караханидского каганата[941]. Махмуд Кашгари полагал, что язык кыргызов — чисто тюркский[942] («А затем — кыркыз, кифчак, огуз, тухси, йагма, чигил, оград, чарук. Они имеют лишь единый — чисто тюркский язык. Языки йемеков и башкиров близки к их языку»[943]).

Мервский ученый Шараф Заман Тахир Марвази, который написал свой труд около 1120 г., свидетельствовал, что кыргызы, благодаря соседству с мусульманскими народами, изменили традиционный обряд погребения, перестали сжигать своих умерших и перешли на обряд трупоположения[944].

В источниках караханидского периода упоминаются также племя тухси, предположительно бывшего ранее частью тюргешей. По сведениям Гардизи, автора персоязычного труда «Зайн ал-ахбар» — «Украшение известий», тухси и аз являлись частью тюргешей. Другой фрагмент из сочинения Гардизи, переведенный В. В. Бартольдом как «Дихкан Суяба — брат Пайгу, (правящий) вместе с представителем последнего (?)»[945], был восстановлен В. Ф. Минорским по-иному: «А дихкан его (Суйаба. — *авт.*) является братом йабгу, и он — тюргеш» («*ва дихкан-и у йабгу башад ва у тургиши-ст*»)[946]. Махмуд

---

940 Караев О. К. Народы Центральной Азии и государство Караханидов… С. 91–100; Караев О., Кожобеков М. Ч. О переселении енисейских киргизов на Тянь-Шань // Вопросы этнической истории киргизского народа / отв. ред. О. Караев, И. Молдобаев. Фрунзе, 1989. С. 41–66; Худяков Ю. С. Военное дело кыргызов Центральной Азии (IX–XVIII вв.) / под ред. проф. Т. К. Чоротегина. Бишкек: Турар, 2017. 280 с.; Чороев Т. К. Этноним «кыргыз» по данным Махмуда Кашгари // Вопросы этнической истории киргизского народа / отв. ред. О. К. Караев, И. Б. Молдобаев. Фрунзе, 1989. С. 113–121.

941 Турецкий ученый башкирского происхождения А. З. Валидов (Велиди Тоган) также полагал, что часть кыргызов уже стала обитать на Тянь-Шане еще со середины IX века: Togan, A. Z. Velidi, Umumî Türk Tarihine Giriş, En Eski Devirlerden 16. Asra Kadar, Cilt. 1, 3. bs., İstanbul 1981. S. 80.

942 Чоротегин Т. К. Махмуд Кашгари Барсканинин «Дивану лугати т-түрк» эмгеги түрк элдеринин тарыхы боюнча көөнөргүс булак: Илимий басылыш. Бишкек, 2017. С. 183.

943 Kâşgarlı Mahmud. Divanü Lügati't-Türk. S. 13a; сравните: ал-Кашгари Махмуд. Диван Лугат ат-Турк. С. 24.

944 Чоротегин Т. К. Махмуд Кашгари Барсканинин «Дивану лугати т-түрк»… С. 182–183.

945 Бартольд В. В. Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар» // Сочинения. Т. 8. С. 61–62.

946 Minorsky V. Hudud al-Alam. «The Regions of the World»: A Persian Geography 372 A. H. 982 A. D.; translated and explained by V. Minorsky with the Preface by V. V. Barthold, transl. from Russian. London, 1937. Pp. 300–304.

Кашгари пишет: «Тухси — название рода из тюрков, [обитающего] в Куйасе. Называют [еще] тухси-чигил»[947]. Отсюда напрашивается вывод: это является результатом продолжительного соседства тухси с чигилями в середине IX–XI вв.

Весьма занимательно, что Махмуд Кашгари упоминает реку Иртыш (на Алтае) и топоним Отюкен (на Орхоне) как часть единого пространства тюркоязычных этносов: «Самым правильным [являются языки / наречия народов] йагма, тухси, и жителей долин рек Или, Иртыш, Йамар и Атил (Волга), вплоть до земель [идикутства] уйгуров»[948]. Данное сведение Махмуда Кашгари доказывает, что караханидские тюрки имели этнокультурные контакты с тюркоязычными народами как Большого Алтая, так и Урало-Поволжья.

Важно отметить, что государство Караханидов территориально располагалось вдоль действующего тогда Великого шелкового пути, что обусловило его контакты с ближайшим этническим окружением — отюреченными сирийцами-несторианами, согдийцами, арабо-иранскими миссионерами и торговцами, а также билингвистами-ханьцами — одними из предков современных дунган. Эти пришлые представители разных народов также внесли свой вклад в развитие континентальной торговли и международных культурных связей Караханидов как с Востоком, так и с Западом.

Конечно, Караханиды имели контакты и с монголоязычными народами, и теми этносами Внутренней Азии, которые были буферными между Уйгурским идикутством, Кыргызским каганатом и киданьским государством Ляо (907–1125 гг.) и предположительно могли говорить одновременно на тюркских и монгольских языках. У Махмуда Кашгари нет упоминаний этнонима «монгол», но у него имеется информация об этносе «татар», язык которого он полагает одним из тюркских языков. «Хитай» — для него лишь синоним слова «Северный Китай» («ас-Сын»), т. е. он не считал киданей отдельным народом, отличающимся от ханьцев.

Караханидские тюрки поддерживали торговые отношения как с Китаем, так и с Индией, о чем свидетельствуют названия импортных товаров и лекарств, идентифицированных Махмудом Кашгари как китайские и индий-

[947] Кашгари Махмуд. Диван… / изд. К. Риф'ата. Т. 1. С. 354; Kâşgarlı Mahmud. Divanü Lügati't-Türk. S. 106b.

[948] Kâşgarlı Mahmud. Divanü Lügati't-Türk. S. 12b.

ские термины[949]. Если Махмуд Кашгари называет торговцев термином «сарт», то Юсуф Баласагуни употребляет термин «сатыгчы»[950].

Сосуществование и взаимодействие земледельческих, полукочевых и кочевых народов является характерной особенностью эпохи Караханидов, что определило специфику исторического развития данного региона на протяжении тысячелетий. Именно в процессе их взаимодействий формировалась особая культура народов региона и межкультурные связи в формате «степь — оазис» и «горы — оазис» на Великом шелковом пути.

Многие тюркские народы данного региона и после принятия ислама правящей династией Караханидов были приверженцами ряда других религий и религиозных верований. Часть тюрков-кочевников, как и все остальные родственные этносы, исповедовали свою традиционно древнюю религию — тенгрианство.

В Караханидском каганате, в частности, в Семиречье, сосуществовали различные религиозные учения: буддизм, манихейство, зороастризм, затем несторианство, христианство, а позже — ислам[951]. Так, во многих городах Семиречья были манихейские общины. Переселенцы из Согда частично исповедовали древнюю религию зороастризм. Так, среди караханидских тюрков были и огнепоклонники, и группы, ранее исповедовавшие тенгрианство, шаманизм, буддизм.

Часть тюрков, наравне с отюреченными беженцами-сирийцами, исповедовали одну из ветвей христианства — несторианство (у тюрков Караханидского каганата существовал особый термин «тарса» для христиан-несториан). До наших дней сохранились памятники тюркоязычных христиан в виде намогильных камней с надписями, выполненными сирийским алфавитом[952].

Тюрколог С. Г. Кляшторный отметил следующее: «В VIII в. была образована особая карлукская митрополия»[953]. По мнению В. В. Бартольда, «в Та-

---

949 Чоротегин Т. К. Махмуд Кашгари Барсканинин «Дивану лугати т-түрк»… Б. 248–249.

950 Баласағұни Йүсүп Ұлық Хас-хажиб. Құтадғу білік. Құт әкелетін білім: Наманған нұсқасы / Ғылыми-поэтикалық аудармасын баспаға дайындаған Әбжан Құрышжанұлы; Жауапты редактор Б. Сағындықұлы. Өңделіп, толықтырылған 2-басылымы. Астана: Ғылым баспасы, 2015. Б. 359 (двустишие № 4321; Чоротегин Т. К. Махмуд Кашгари Барсканинин «Дивану лугати т-түрк»… Б. 248.

951 Чороев Т. К., Урстанбеков Б. У. Основные этапы распространения ислама в Киргизстане в VII–XIV вв. // Вопросы истории материальной и духовной культуры Киргизстана: сб. науч. ст. / отв. ред. А. А. Асанканов. Фрунзе: КирГУ, 1987. С. 28–44.

952 Жумагулов Ч. Кыргызстандагы несториан-түрк жазуу эстеликтери (XIII–XIV кылымдар) / Жооптуу ред. Асан Абетеков, Дөөлөтбек Сапаралиев. Бишкек, 2011. 524 б, сүрөт.

953 Кляшторный С. Г. Историко-культурное значение Суджинской надписи // Проблемы востоковедения. 1955. № 5. С. 237.

разе и Мерке действовали христианские храмы»[954]. Там были самые крупные в Семиречье христианская несторианская церковь и манихейский монастырь, прихожанами которых являлись персы, согдийцы, тюрки, сирийцы.

Создание единого государства Караханидов способствовало росту экономики и культуры народов Центральной Азии. В этот период наблюдались процессы оседания кочевых народов, развития ремесел, внутренней и внешней торговли. Процветало большинство крупных и малых городов[955]. Все это создало благоприятные условия для развития науки и культуры в государстве Караханидов. Обращение ислама в государственную религию не только удовлетворяло идеологические интересы местных лидеров, но и способствовало появлению значительных культурных достижений[956]. Благодаря исламу полиэтническое население государства оказалось включенным в единый процесс культурного феномена данной эпохи — так называемого мусульманского ренессанса.

Это единение в культурно-научном плане на основе арабоязычной литературы и арабоязычных научных центров, охвативших многие регионы мусульманской Азии, Кавказа, части Поволжья и Приуралья, юго-западную часть Западной Европы (Кордовский халифат), Северную Африку, стали импульсом для развития научных центров также и в Караханидском каганате, тогдашнем крайнем северо-восточном форпосте мусульманских стран Азии. Помимо бывших Саманидских городов Бухары и Самарканда, в восточных частях Караханидского каганата возникли новые исламские научно-образовательные центры в таких городах, как Кашгар, Баласагун, Шаш (Ташкент), Фараб, Узгенд, Ош, Тараз, Барскан, Кочкор-Баши, Ат-Баши и др. Во многих городах, наряду с мечетями, открывались религиозные университеты — медресе, где помимо теологии преподавались такие науки, как этика, логика, право, философия и литература[957].

В период единого развития мусульманской культуры выдающимся поэтом и мыслителем Юсуфом Баласагуни была написана дидактическая поэма «Кудатгу билиг» («Благодатное знание», или «Благодатное управление») —

---

954 Бартольд В. В. Сочинения. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. Т. II. Ч. 2. С. 168; Чороев Т. К., Урстанбеков Б. У. Основные этапы распространения ислама… С. 28–44.

955 Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья: (VI–XIII в.) / отв. ред. К. А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1986. С. 99–161.

956 Чороев Т. К., Урстанбеков Б. У. Основные этапы распространения ислама… С. 28–44.

957 Чороев Т. Махмуд Кашгари Барсканинин «Дивану лугати т-түрк»… 48-б.

жемчужина караханидско-тюркской поэзии[958]. Сочинитель завершил свою работу в 1069–1070 г. и подарил ее высшему кагану, который сидел в Кашгаре, восточном стольном городе Караханидов. За эту работу каган присвоил ему высокое звание «Хасс Хаджиб», что соответствует титулу «особый сановник и руководитель придворных церемоний» в ставке кагана. Гуманизм научного наследия центральноазиатских мудрецов Абу Хусейна ибн Абдаллаха ибн Сины (980–1037) и Абу Райхана Беруни (973–1048), живших и творивших X — первой половине XI в., вышел за рамки национальных и региональных границ и оказал глубокое влияние на мировоззрение ученых разных народов того времени.

В XI в. вышеназванные мыслители не только писали свои труды на арабском или персидском языках, но также обеспечивали широкое распространение истории, обычаев, культуры и языка тюркских народов среди народов «мусульманских регионов». В XI в. мыслители также стремились дать более подробную информацию об этнографии тюркских народов. Сведения о тюркских народах и племенах содержатся в трудах Мухаммад аль-Хорезми, Ибн Хордадбех (IX в.), Истахри, Ибн Хаукал, Абу Дулаф, Ибн аль-Факих, Мукаддаси (Макдиси), аноним «Худуд аль-алам», Масъуди (X в.), Бейхаки, Беруни (первая половина XI в.), Юсуф Баласагуни, Махмуд Кашгари и др. Географические и картографические взгляды тюркских ученых и их достижения в регионоведении лучше всего отражены в «Диване» Махмуда Кашгари и на круглой карте мира, прикрепленной к тексту данного труда[959].

Эпоха Караханидов стала также временем расцвета городской культуры. По мнению А. А. Валитовой, «города жили оживленной торговой и политической жизнью, особенного расцвета достигли столицы караханидских уделов Баласагун, Кашгар и Узген, куда стекались богатства завоеванного среднеазиатского зодчества»[960]. Узбекские историки считают, что «это был многовековой процесс переформирования огромных массивов населения, кото-

---

958 Баласагунский Юсуф. Благодатное знание / изд. подг. С. Н. Иванов; отв. ред. А. Н. Кононов. М.: Наука, 1983. 560 с.

959 Умняков И. И. Самая старая турецкая карта мира (XI в.) // Труды Самаркандского гос. пед. ин-та им. А. М. Горького. 1940. Т. 1. Вып. 1. С. 103–131; Чороев Т. К. Древнетюркская карта мира как источник // Молодые обществоведы — 60-летнему юбилею Советского Киргизстана: тезисы докл. и выступл. Фрунзе: Илим, 1984. С. 83–84; Умурзаков С. Очерки по истории географических открытий и исследований Киргизии. Фрунзе, 1959. 150 с.

960 Валитова А. А. К вопросу о классовой природе караханидского государства // Труды киргизского филиала АН СССР. Фрунзе, 1943. Т. I. Вып. I. С. 128–129.

рый коснулся не только пришлых тюркских племен и родов, но и древнего коренного населения как ираноязычного, так и тюркоязычного»[961].

Караханидское государство имело большое значение для истории всего региона, которое уже «синтезировалось с оседлыми районами» и «началось взаимопроникновение двух миров». Столь же точной является данная В. В. Бартольдом характеристика миграционного и завоевательного движения объединения тюркских кочевых этносов и их племен в конце X — первой половине XI в.[962] А. Н. Бернштам рассматривает приход Караханидов к власти «как своеобразную революцию сверху, которая разрешила вопрос о государстве феодализма в сложных условиях переплетения кочевого и оседлого населения, нашла форму сравнительно мирного осуществления тех и других; эта революция пыталась завершить процесс органического взаимодействия кочевников и земледельцев, начавшийся еще в карлукском периоде»[963].

В период пребывания в составе Караханидского государства происходило дальнейшее объединение этнических групп и культурное взаимовлияние полиэтнического населения Семиречья, Восточного Тянь-Шаня и огромной части Центральной Азии. Приток и иммиграция из Семиречья в регион новых масс кочевников, их оседание, урбанизация обусловили инновации в жизни и культуре разношерстного населения[964].

По утверждению С. Ф. Старра, «большая часть бывшей кочевой знати жила по-другому. Они уважали свою степную культуру, но предпочитали жить по-новому. Так, даже когда тюрки преобразовывали Центральную Азию, они изменили свой быт благодаря культуре того региона, который теперь считали своим домом»[965].

Этот процесс особенно наглядно проявился в образе жизни тюркских народов Караханидского каганата. Чигили, карлуки, йагма, аргу, тухси, кыргызы, кыпчаки, йемеки, кенджеки, йабаку и другие кочевые и полуоседлые тюркоязычные этносы Караханидского каганата бок о бок жили с согдийцами, хорезмийцами, хотанцами, тюркоязычными оседлыми жителями Тохаристана и древней Ферганы. Как заметил А. Аскаров, «на протяжении нескольких веков между ними складывались мирные, равные экономические

---

961 История Узбекской ССР с древнейших вр. до сер. XVIII в. Ташкент, 1955. Т. 1. Кн. 1. С. 269.

962 Бартольд В. В. Сочинения. Предисловие. М., 1963. Т. 1. С. 27.

963 Труды Киргизского филиала АН СССР. Фрунзе, 1948. Т. 1. Вып. 1. С. 128.

964 Сафаров Р. И. Социально-политическая история карлуков VII–XIII вв. и их этнокультурная связь с таджиками Мавереннахра: дисс. … канд. ист. наук. Душанбе, 2021. С. 153.

965 Старр С. Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. М., 2017. С. 312.

и культурные отношения, а смешение этносов сыграло большую роль в переходе тюрков к оседлой жизни»[966].

Подытоживая, заметим, что полиэтническое население Караханидского каганата имело тесные этнокультурные связи со своими восточными и северо-восточными соседями. Мирные отношения данного мусульманского каганата со своими соседями время от времени омрачались войнами: с одной стороны, нашествиями собственно Караханидского каганата под лозунгом «священной войны против неверных» («газават»), а с другой — передвижениями восточных тюрко- и монголоязычных кочевых народов и их племен с целью завоевания новых пастбищ в восточной части Тянь-Шаня. Взаимосвязи населения Караханидского каганата с Большим Алтаем сохранились в его исторической памяти. Впоследствии были времена, когда народы центральной Азии прибегнули к тактике организованного массового бегства («Уркун» — «Великий исход») в сторону Алтая из-за нашествий войск Эмира Тимура.

4.8. Великая Болгария. Хазарский каганат (И. Л. Измайлов)

Болгары имели довольно длительную историю проживания и гегемонии в Западном Предкавказье и Нижнем Подонье. В VI в. они были одними из самых сильных варварских политий, что отмечалось византийскими императорами. Основу их объединения составили булгарские племена кутригури, утигуров, оногуров, которым удалось освободиться от власти аваров. Однако к концу VI в. болгары, очевидно, попали под власть кок-тюрков и вошли в их этнополитическую систему. В первой трети VII в. в Западной Евразии власть западнотюркских каганов ослабла. По мере ослабления власти каганов проживавшие в степях Кубани и Причерноморья болгары переживают период новой консолидации, уже, видимо, на новых традициях и этнополитических основаниях. Судя по данным ряда источников, центром объединения стал клан Дуло, сформировавший на основе болгар (которых византийские авторы именуют, очевид-

[966] Аскаров А. История происхождения узбекского народа Ташкент, 2018. С. 436; Ахмедов Б. А. Значение письменных памятников в изучении этнической истории узбеков // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986. С. 14–30; Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья: (VI — начало XIII в.) Алма-Ата, 1986. 256 с.; Бартольд В. В. Двенадцать лекций… С. 17–192; Ходжайов Т. К. Этнические процессы в Средней Азии в эпоху средневековья. Ташкент, 1987. 208 с.

но, по названиям основных объединений, унногундурами и котрагами[967]) свое этнополитическое объединение.

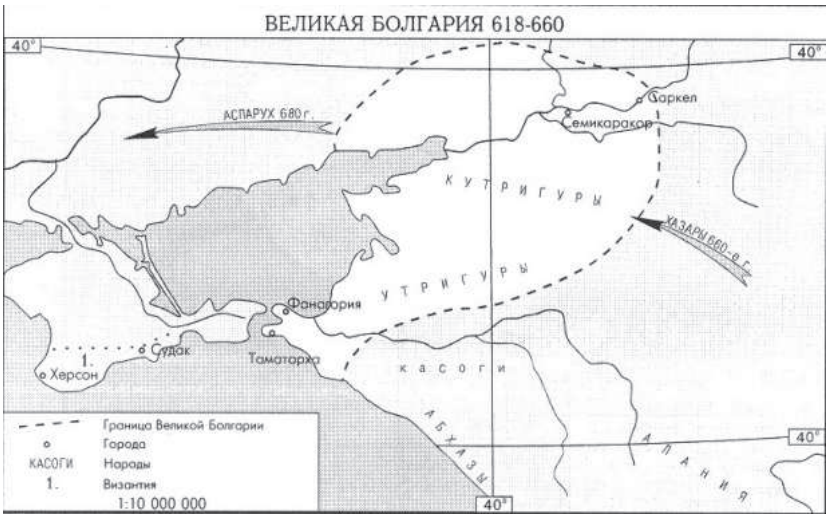

Рис. 79. Карта. Эпоха Великой Болгарии. 618–660 гг.

Политическая история этого объединения известна лишь схематично. Некоторое время оно находилось в зависимости от Аварского каганата. Но уже в 630-е гг. правитель болгар Органа и его племянник Кубрат (его имя с тюркского языка трактуют как «ты должен собрать народ»[968]), выросший при дворе византийского императора и, видимо, там крещеный около 619 г., сбросив власть Аварского каганата, создали в степях Восточного Причерноморья союз племен, вошедший в историю под названием «Великая Болгария»[969]. Это государственное объединение выступало как союзник Византии, а Куб-

967 Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора (тексты, перевод, комментарий). М., 1980. С. 60, 161.

968 Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения… С. 113.

969 Подробнее см.: Мерперт Н. Я. К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань: Гос. музей РТ, 1957. С. 15–18; Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. С. 108–111; Golden P. B. Khazar studies: An historic-philological inquiry into origins of the Kazars. Budapest, 1980. Vol. 1–2. Pp. 44–45; Ромашов С. А. Болгарские племена Северного Причерноморья в V–VII вв. // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1994. Vol. VIII. С. 234–237; Ромашов С. А. От тюрков к хазарам: Северный Кавказ в VI–VII вв. // Тюркологический сборник. 2003–2004. М.: Вост. лит-ра, 2005. С. 191; Рашев Р. Великая Болгария // История татар с древнейших времен. Т. II. Казань: РухИЛ, 2006.

рат, возможно, даже принял от императора Ираклия титул патрикия[970]. После смерти Кубрата (640–660-е гг.) его держава распалась[971].

Хотя Великая Болгария существовала исторически недолго, однако в этот период у ее населения сформировалось особое этнополитическое самосознание, так как после распада государственного объединения и переселения в иные регионы проживания различные группы болгар и на новой родине сохраняли свой этноним и характерные элементы духовной культуры, в том числе династийную историю (см. «Именник болгарских ханов»)[972]. В ней прямо указывалось, что Кубрат, Аспарух и последующие болгарские правители Первого Болгарского царства — Тервел и Севар происходили из рода Дуло. Тем самым есть прямые доказательства, что болгарские (протоболгарские) племена были связаны династийными связями с правящим тюркским родом Дуло. В последующем в Первом Болгарском царстве правили другие роды — Вокиль и Угайн.

После распада Великой Болгарии наследники Кубрата возглавили различные части этого объединения. Факт дисперсного расселения болгар достаточно хорошо зафиксирован письменными источниками, а также сходством археологических материалов, обнаруженных в Нижнем Подунавье, Паннонии, Среднем Поволжье, Подонье и на Северном Кавказе. Пять сыновей Кубрата во главе своих племен оказались на разных территориях: «расстались друг с другом, и каждый из них отделился с собственной частью народа»[973]. Двое — Баян (Батбаян) и Котраг, оставшиеся в причерноморских степях («черные болгары» византийских и русских источников), подпали под власть Хазарского каганата[974]. Аспарух со своими людьми около 679 г. ушел за Дунай, основав так называемое Первое Болгарское царство[975]. В Дунайской Болгарии долгое время сохранялся дуализм в организации власти и в государственном языке, но вскоре, после принятия христианства (864 г.), болгары были ассимилированы славянами.

---

970 О сомнительности сведений Иоанна Никиусского см.: Мингазов Ш. Р. Кубрат — правитель Великой Болгарии и Кетрадес — персонаж Иоанна Никиусского. Казань: Институт истории АН РТ, 2012.

971 Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения… С. 60–62, 161.

972 Тихомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М.: Наука, 1969. С. 282–283; Именик на български теханове. Критично издание с коментар и обяснителни бележки от Ив. Богданов. София, 1981.

973 Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения… С. 162.

974 Там же. С. 61.

975 Литаврин Г. Г. Формирование и развитие Болгарского раннефеодального государства (конец VII — начало XI вв.) // Раннефеодальные государства на Балканах VI–XII вв. М.: Наука, 1985. С. 132–154.

Еще двое сыновей Кубрата, вероятно, ушли в Паннонию, к аварам. Одна из групп болгар, руководимая, возможно, одним из сыновей Кубрата, Кувером, играла важную роль в политике каганата. В период образования Дунайской Болгарии Кувер поднял мятеж и перешел на сторону Византии, впоследствии его группа, видимо, вошла в состав дунайских болгар[976]. Другая группа болгар во главе с Альцеко/Алзеко вмешалась в Аварии в борьбу за престолонаследие и была вынуждена просить убежища у франкского короля Дагоберта (629–639 гг.) в Баварии, а потом бежать в Италию, где была поселена близ Равенны, и вплоть до конца VIII в. часть болгар сохраняла свой язык[977].

К сожалению, нет никаких сведений о том, какие роды и династии были правящими в этих новых областях проживания болгар. В частности, о Волжской Булгарии нет никаких сведений о сохранении власти династии Дуло. Более того, судя по титулатуре правителей булгар на Волге — эльтебер, можно предполагать, что они не имели права на каганское (ханское) достоинство. Не исключено в этой связи, что во главе булгар на Средней Волге стала одна из боковых ветвей правящего клана. После распада Великой Болгарии Западное Предкавказье и Подонье попали под власть Хазарского каганата.

Хазарский каганат. Начальный период образования Хазарского каганата известен недостаточно. Своим происхождением хазары, судя по руническим памятникам, связаны с Центральной Азией и выдвинулись в Восточное Предкавказье под давлением кок-тюрков или изначально входили в их объединение и изначально являлись проводниками воли тюркских каганов в этом регионе[978]. В VI в. византийские источники[979] обычно считали возможным локализовать их во «внутренней Скифии», имея в виду веро-

---

976 Литаврин Г. Г. Формирование и развитие Болгарского раннефеодального государства (конец VII — начало XI вв.) // Раннефеодальные государства на Балканах VI–XII вв. М.: Наука, 1985. С. 150.

977 Мерперт Н. Я. К вопросу о древнейших болгарских племенах. С. 11; Golden P. B. Khazar studies: An historic-philological inquiry… P. 45; Мингазов Ш. Р. Наследники Великой Болгарии в Западной Европе // Филология и культура. Philology and Culture. 2012. № 1 (27). С. 201–207; Мингазов Ш. Р. Булгарские рыцари лангобардского королевства // Археология евразийских степей. 2020. № 6. С. 132–156.

978 О ранней истории хазар см.: Кляшторный С. Г. Азиатский аспект ранней истории хазар…; Кляшторный С. Г. Хазарские заметки // Тюркологический сборник. 2003–2004. М., 2005. С. 109–114; Ромашов С. А. От тюрков к хазарам: Северный Кавказ в VI–VII вв. // Тюркологический сборник. 2003–2004. М.: Вост. лит-ра, 2005. С. 191–196.

979 Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа… С. 79–81; Гмыря Л. Б. Страна гуннов у Каспийских ворот. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала, 1995. С. 14–19.

ятно, историческую область проживания сармат и аланов — Барсилию[980]. По всей видимости, хазары стояли во главе реорганизованного союза савиров[981]. В 60–80-х гг. VI в. хазары уже регулярно упоминаются в источниках среди племен Северного Кавказа как участники войн тюрков против Сасанидского Ирана. Особыми отношениями с тюрками хазары, видимо, обеспечили себе привилегированное положение среди других тюркских племен Восточной Европы и даже получили возможность породниться с царственным кланом Ашина. В языковом отношении хазары, очевидно, являлись носителями архаичного диалекта тюркского языка (огурского или р-языка, имеющего определенное сходство с современным чувашским языком)[982].

Судя по различным источникам (в том числе и хазарским[983]), хазары, разгромив болгар, очевидно, к 80-м гг. VII в. стали господствовать на Северном Кавказе[984]. Византийские источники (Феофан и Никифор) отмечали, что уже после разделения государства между пятью сыновьями Кубрата из страны Берзилии (Верилии) из страны сармат пришел народ хазар, который установил свою власть над страной болгар[985]. С этого времени хазары встали во главе пестрого конгломерата различных тюркских, аланских и даже славянских племен, превратившись из одного из племени в род — элиту новой империи, воспроизводя структуру империи тюрков с определенными вариациями. Многокомпонентность и пестроту этнокультурного состава населения Хазарского каганата подчеркивает многообразие погребальных обрядов салтово-маяцкой культуры — имперской культуры каганата.

Территория Хазарского каганата включала на севере Среднее Поволжье, доходя на западе до Киева, на юге граница с византийскими владениями в Крыму, с государством Сасанидов — в районе Дербента, доходя на востоке до Приаралья, где западные огузы признавали его власть. Восходя к государственным традициям Тюркского каганата, хазарская держава восприняла от него не только династию, но и некоторые важнейшие элементы внутренней структуры.

---

980 Гадло А. В. Этническая общность барсилы // Историческая этнография: традиции и современность. Проблемы археологии и этнографии. Вып. II. Л., 1983. С. 79–91.

981 Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 89.

982 См.: Golden P. B. Khazar studies… P. 21–25, 47–48.

983 См.: Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. 134 с.

984 Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения… С. 61; Golden P. B. Khazar studies… Pp. 49–67; Ромашов С. А. От тюрков к хазарам… С. 196–198.

985 Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения… С. 61.

Территория Хазарского каганата простиралась на значительную часть Восточной Европы, но из-за нестабильной военно-политической ситуации не оставалась неизменной. В определенном смысле это можно объяснить тем, что часть территорий только формально подчинялось хазарам и в силу различных политических обстоятельств Хазария утрачивала над ними контроль (например, Поднепровье, Булгария, Крым и т. д.).

Рис. 80. Карта. Эпоха Хазарского каганата

На территории Хазарского каганата сформировалась своеобразная салтово-маяцкая археологическая культура, со своими характерными элементами материальной культуры, несколькими обрядами погребений (катакомбы с семейными захоронениями, курганные погребения и ямные погребения с трупоположением и трупосожжением)[986]. Характерным элементом этой культуры стала торевтика и мелкая пластика (поясная гарнитура, украшения и парадная посуда).

[986] Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967. 198 с.

Рис. 81. Поясные накладки салтово-маяцкой культуры. VIII–X вв. (по С. А. Плетневой)

Среди крупных городов Хазарской империи, которые известны нам по данным письменных источников, следует выделить Самандар (Семендер), Баланджар (Беленджер) в Приморском Дагестане и Итиль в дельте Волги. Первой столицей был Беленджер на р. Сулак в Прикаспийском Дагестане, а с IX в. — Итиль в дельте Волги. Некоторые города известны не только по письменным источникам, но и по археологическим материалам[987].

Наряду с большими городами в Хазарии существовала система крепостей, которые располагались на северных границах Хазарии в Подонье, часто на важнейших переправах через реки Дон и Северский Донец. При строи-

[987] Подробнее см.: Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2000. 239 с.; Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. С. 122–134.

тельстве их переплелись разные традиции — центральноазиатские, восточные и византийские[988]. Сохранилось уникальное греческое известие о том, как в 840 г. византийский инженер Петрона воздвиг на высоком берегу Дона крепость Саркел, изученную археологически[989]. Другие белокаменные и кирпичные крепости были открыты и исследованы по всему Подонью у сел Салтово, Маяки, Семикаракор, Дмитриевское и др.[990]

Само происхождение Хазарского каганата прямо связано с наследием Тюркского каганата. В литературе есть довольно большой разброс мнений по вопросу о династийной принадлежности хазарских каганов. Один из первых исследователей этого вопроса М. И. Артамонов не сомневался в принадлежности хазарских каганов к роду Ашина[991]. В противовес ему П. Б. Голден и А. П. Новосельцев выражали определенные сомнения в этом[992]. Следует подчеркнуть, что сомнения эти весьма обоснованы, поскольку ни в одном источнике род хазарских каганов не назван как род Ашина. Вместе с тем существуют некоторые косвенные доказательства, позволяющие считать это вполне возможным. Во-первых, обладание титулом кагана (хакана), признаваемом всеми современниками от Византии до Арабского халифата[993]. Подобного не могло бы произойти, если бы правитель хазар не имел для этого династических оснований. В средневековых тюркских государствах существовала вполне определенная иерархия титулатуры и она практически нигде в тюркских обществах раннего Средневековья не нарушалась. Народ, имеющий кагана, всегда четко отличался от обществ, обладающих правителями с другими титулами (эльтебер, бек и т. д.).

В Хазарии же имелись прямые соответствия не только полной титулатуре, но и традициям тюркского двоевластия (каган — шад или каган-бек), а также аналогия испытания кагана перед его возведением на престол[994]. Все

---

988 Флеров В. С. Фортификация Хазарского каганата на Нижнем Дону. Семикаракорское городище. М.: ИД ЯСК, 2021. 373 с.

989 Артамонов М. И. Саркел — Белая Вежа // Материалы и исследования по археологии СССР. 1958. № 62. С. 7–84.

990 Флеров В. С. Города и замки Хазарского каганата. М.: Мосты культуры, 2010. 260 с.

991 Артамонов М. И. История хазар. Л.: Изд-во ГЭ., 1962. С. 103, 170–171, 217, 281, 410.

992 Голден П. Б. Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов // Феномен восточного деспотизма: Структура управления и власти. М.: Наука, 1993. С. 218; 223; Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 133.

993 Полную сводку по этому вопросу см.: Новосельцев А. П. Хазарское государство… С. 133–139.

994 См.: Голден П. Б. Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов…; Степанов Ц. Развитие концепции сакрального царя у хазар и болгар в раннем средневековье // Хазары. Второй Международный коллоквиум: тезисы. М., 2002. С. 91.

это заставляет полагать, что подобное соответствие традиций не могло быть простым совпадением, а являлось следствием династийных связей. Во-вторых, есть некоторые археологические основания для этого предположения. Как выяснил еще А. К. Амброз, погребения неизвестных правителей тюрков Восточной Европы имели прямые аналогии с тюркскими каганскими погребениями. Он прямо атрибутировал погребальный комплекс у с. Вознесенки как каганский поминальный храм[995]. Сегодня этот вывод обретает дополнительный подтекст в связи с тем, что все известные близкие по типу и размерам тюркские куруки VI — начала VIII в.[996], судя по надписям, сооружены исключительно для каганов и членов их семей, т. е. фактически для представителей династии Ашина. По справедливому замечанию украинского археолога А. В. Комара, «существование подобного комплекса в Поднепровье не находит иного объяснения, кроме его связи с хазарской ветвью Ашина»[997].

Таким образом, есть все основания полагать, что связь двух династий в тюркских государствах посттюркского времени — Ашина и Дуло — восходит к тюркским государственным традициям и прямо обусловлена тем, что местные политии оказались привязаны к тюркским правящим кланам. Есть также все основания полагать, что существовала не только преемственность власти каганов хазар от тюрков, но и тесная династийная связь между ними, предопределившая особую сакрализацию власти хазарских каганов. Роды Дуло и Ашина, тесно связанные между собой в Тюркском каганате, также сохранили свою дихотомию во власти среди народов Восточной Европы — наследников Западно-Тюркского каганата.

Как и во всех тюркских государствах, верховный правитель совмещал две важнейшие функции — сакральную как символ государства и человек, наделенный особым благословением богов, и политическую — командуя войсками, осуществляя правосудие и управляя страной. Но в силу определенных обстоятельств хазарские каганы постепенно утратили реальную власть. Процесс этот дошел до логического завершения в конце VIII в., особенно после принятия частью хазарской аристократии иудаизма. Они стали выполнять сакральные функции, тогда как основные властные функции осущест-

---

995 Амброз А. К. О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре — вопрос интерпретации // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. М.: Наука, 1982. С. 204–222.

996 Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Наука, 1996. 150 с. Табл. I.

997 Комар А. В. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII — нач. VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Донецк: Изд-во ДонГУ, 2006. С. 233.

влял каган-бек[998]. Каган выбирался из представителей рода Ашина, следуя соответствующим обрядам, восходящим еще к тюркским временам. По данным восточных источников, «у них (т. е. хазар. — *И. И.*) есть царь, которого зовут иша, и есть еще верховный царь. Этот верховный царь называется у них „хазар хакан". Хазар хакан имеет титул старшего царя, и ничего более. Что касается всех государственных дел и власти, то они у иша, и никто из них не обладает большей властью, чем иша»[999].

Другие высшие аристократы — военачальники с титулами «шад» и «джабгу», которые имели, видимо, функции, сходные с тюркскими, но постепенно теряли их в пользу каган-бека. Существовали чиновники с титулом тудун — правители областей или наместники кагана.

Военно-служилая аристократия формировалась из хазар и тюркской родовой аристократии. По данным ал-Гардизи, основанным на более ранней традиции, «когда царь хазар поднимается на войну, 10 тысяч всадников поднимаются вместе с ним. Некоторые из них состоят на жаловании, в то время как другие являются вассалами (слугами) и клиентами знатных людей, кто идет вместе с царем с собственным вооружением и обмундированием»[1000]. Вместе с тем важную роль в защите северных границ играли выходцы из Северного Предкавказья, которые переселялись в Подонье, где они составляли гарнизоны многих крепостей. Это военное сословие выработало универсальный набор вооружения (сабли, пики, боевые топорики-чеканы, сложносоставные луки и металлические пластинчатые доспехи), конского снаряжения (удила, седла и стремена), а также систему боевых поясов с металлическими (бронзовыми и серебряными) накладками. Роль и значение боевых поясов как символа знатности и военных заслуг булгары и хазары заимствовали от тюрков, но в Хазарском каганате была выработана своя стилистика на основе согдийских и ближневосточных образцов[1001].

При всей кажущейся монолитности Хазарский каганат унаследовал многие черты государственного устройства тюркских империй — иерархию пле-

---

998 См.: Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 134–138; Голден П. Б. Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов… С. 211–233; Петрухин В. Я. К вопросу о сакральном статусе хазарского кагана: традиции и реальность // Славяне и их соседи. Вып. 10. М.: Наука, 2001. С. 73–78.

999 Gardizi. Zain al-Akhbar // Martinez P. Gardizi's two chapters on the Turks // AEMAe. 1982. T. 2. Pp. 152–154.

1000 Там же. Pp. 152–154.

1001 Фонякова Н. А. Прикладное искусство Хазарии второй половины VIII–X вв. по материалам художественной металлообработки. Казань: Институт истории АН РТ, 2010. 166 с.

мен и их относительную самостоятельность при формальном (или ритуальном) подчинении кагану. Яркими примерами существования такой структуры в каганате были Волжская Булгария под управлением эльтебера и Алания во главе с правителями — иналами. В обычных условиях эта система оставалась стабильной, но во время военных конфликтов (таких как арабо-хазарские войны) она показала свою нестабильность и едва не разрушилась.

Элите хазар стало ясно, что для укрепления державы были необходимы серьезные реформы, как административные, так и идеологические. Консолидация власти была призвана укрепить систему управления и поставить под контроль военные дружины разных племен. В силу определенных факторов (очевидно, из-за сакральности и ритуальности его положения) таким центром власти не мог стать каган. Идеологическая консолидация могла быть достигнута за счет принятия мировой религии. Однако в силу каких-то политических причин выбор был остановлен не на исламе или христианстве, а неожиданно — на иудаизме.

Рис. 82. Надгробия с иудейскими символами. Фанагорийский музей. Фото И. Л. Измайлова (автора)

В середине VIII в. в разгар противоборства с Арабским халифатом каган-бек Булан принимает иудаизм, что вызвало недовольство хазарской знати

и, возможно, смерть самого реформатора[1002]. В конце VIII — начале IX в. каган-бек Обадия, став во главе каганата, объявил иудаизм государственной религией. Несмотря на противодействие, Обадия сумел объединить вокруг себя часть хазарской знати, а противников подавил силой. Фактически Хазарский каганат стал единственной страной, где иудаизм был принят в качестве государственной религии, но фактически иудеями стала лишь небольшая группа столичной аристократии: «Верховный правитель и иша — иудеи. Также иудеи, все принадлежащие к его роду из военных вождей и других значимых людей. Остальные исповедуют религию, похожую на религию гузов-тюрок»[1003]. Из этой фразы следует, что каганы сохраняли свою религию и вступали на престол по тюркским традиционным ритуалам.

Основная часть населения, судя по данным письменных источников и археологии, также придерживалась традиционных верований или переходила в ислам (Дербент, Подонье) либо в христианство (Крым, Абхазия). При этом в столице Хазарии Итиле сложилась ситуация, когда проживали в своих кварталах представители разных конфессий со своими храмами, а судили их свои судьи, в частности, в мечети с минаретом, «который возвышался над царским замком», и другие мечети со школами»[1004].

О языке собственно хазар есть разные точки зрения. Согласно одним из них, хазарский язык был родственным с болгарским и относился к огурскому типу р-языка[1005]. На территории Хазарского каганата известно о довольно многих рунических надписях, близких по начертанию к тюркской графике, но использованных для записи какого-то другого диалекта тюркского языка, очевидно, огурского типа[1006]. К сожалению, ни одна из них не имеет общепризнанного прочтения. Вместе с тем в Хазарии существовала своя историческая традиция и своеобразная надплеменная культура, особенно ярко проявившаяся в декоративно-прикладном искусстве.

Основные поступления в казну Хазарии давали торговые пошлины, поскольку страна контролировала торговые пути по Волге и Днепру и северный участок Великого шелкового пути из Средней Азии в Причерноморье[1007]. Фактически через Хазарию шел огромный поток серебра из стран ислама

1002 Golden P. B. Khazaria and Judaism // AEMAe. 1983. T. 3. P. 144156; Хазары. Евреи и славяне. Т. 16. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2005. 567 с.

1003 Gardizi. Zain al-Akhbar… Pp. 152–154.

1004 См.: Новосельцев А. П. Хазарское государство… С. 131.

1005 Golden P. Khazar Studies. Budapest, 1980. P. 26, 112–115.

1006 Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. М.: Вост. лит-ра, 1994. С. 13–78, 241–320.

1007 Плетнева С. А. Саркел и «шелковый путь». Воронеж: Изд-во ВоронГУ, 1996. 166 с.

в обмен на пушнину и рабов. Поступления от этой торговли обогатили аристократию и консолидировали общество, способствовали резкому подъему хозяйства. Благодаря развитию торговли возникли города и крепости, а также земледельческая округа для снабжения их зерном, овощами и фруктами, в том числе и вином. В степной части Причерноморья и Северного Кавказа население занималось кочевым скотоводством. Вместе с тем зависимость от интенсивности торговых операций подчиняла страну внешним факторам, что со всей очевидностью проявилось, когда серебряные рудники Ближнего Востока в середине X в. стали истощаться и объем торговли стал резко сокращаться. Это постепенно вело к дестабилизации власти в Хазарии.

Очевидно, уже в конце IX в. каганат вступил в полосу кризиса, вызванного возвышением Руси и Булгарии, которые старались замкнуть на себя торговые пошлины, поступавшие от купцов по торговым путям из Северной Европы в Черное и Каспийское моря. Викинги — русы завоевывают Среднее Поднепровье, создав свое Киевское княжество и ведя свою политику в Причерноморье. Булгары на Средней Волге объединяют племена и стремятся к автономии. Но самый страшный удар по Хазарии нанесли печенеги, которые разгромили союзников хазар венгров и вторглись в Подонье в конце IX — начале X в. Практически все оседлые поселения в этой богатейшей земледельческой области были сожжены, а население бежало на север в Булгарию и юг — в Крым и Предкавказье. Центральная часть каганата оказалась разорена, а страна разделена на автономные области. Некоторое время после этого хазарские каганы пытались сохранять державу, угрожая и воюя с булгарами, но это была уже агония державы.

Уже к 40-м гг. X в. Хазарский каганат был сильно ослаблен. Последний удар по нему нанес киевский князь Святослав, который захватил Саркел и разорил Подонье (965 г.), а в 968–969 гг. русы захватили столицу Итиль. Хазарское государство окончательно было ликвидировано. В 50–60-х гг. XI в. Нижнее Поволжье вошло в сферу политико-экономического влияния Волжской Булгарии и в середине XII в. жившие в Саксине булгары и сувары имели даже своего «эмира»[1008]. Остатки разгромленных хазар растворились среди народов Восточной Европы, хотя часть хазарского населения сохранялась в Нижнем Поволжье, Западном Предкавказье и Крыму еще вплоть до XII в.[1009]

[1008] Новосельцев А. П. Хазарское государство… С. 231.
[1009] Там же. С. 219–248.

4.9. Волжская Булгария (И. Л. Измайлов)

Болгарские (булгарские) племена, возможно, во главе с кланом *котраг*, переселившись в Поволжье во второй половине VII в., оказались в окружении полукочевого и оседлого населения. Есть археологические свидетельства переселения в Волго-Камье новых групп населения (Бураковское погребение, погребения Шиловского, Брусянского и Новинковского могильников), которые имеют аналогии с болгарскими памятниками Северного Причерноморья (Малая Перещепина)[1010]. Особенно выразительно Бураковское погребение (вторая половина VII в.), имеющее все черты сходства с так называемым Перещепинским кладом из с. Малая Перещепина Полтавской губ. — погребением хана Кубрата или кого-то из его ближайших наследников: в обоих случаях это одиночное захоронение, совершенное, очевидно, по обряду кремации, в могилу которого был положен богатый погребальный инвентарь — оружие (мечи и кинжалы), конское снаряжение (стремена, уздечка с драгоценными накладками), парадный пояс с золотой гарнитурой и другие украшения. Археологические аналогии позволяют интерпретировать эти погребения как захоронение вождя булгар.

Первоначально булгары заняли территорию вдоль Волги от Самарской Луки до устья Камы, но постепенно они подчинили своей власти различные племена, став основой этнополитического объединения. По данным сочинений арабо-персидских авторов X в., среди них отмечаются группы *берсула* (*барсил*), *эсегел*, а также более мелкие родовые группы — *сувар* (*савир*), *баранджар*, т. е. население будущей Волжской Булгарии, кроме булгар, включало алано-хазарский (баранджары), тюрко-огурский (савиры/сувары), центральноазиатский (эсегели/чигили) компоненты[1011]. В результате различных

[1010] Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. 201 с.; Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Булгарии. М.: Наука, 1992. 332 с.; Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э. Праболгары на Средней Волге (У истоков татар Волго-Камья). Самара: Полдень XXII век, 1998. 286 с.; История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань: РухИЛ, 2006. С. 116–124.

[1011] Подробнее см.: Хвольсон Д. А. Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда Ибн-Даста Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1869. С. 23–25; Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана и его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд-во Харьков. ун-та, 1956. 347 с.; Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М.; Наука, 1967. С. 23–46; Гараева Н. Арабские географы и путешественники о Волжской Булгарии // История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. II. Казань: РухИЛ, 2006. С. 676–818.

военно-политических коллизий во второй половине IX в. здесь складывается три сильных этнополитических объединения — булгары, эсегел и берсула[1012]. В конце IX — начале X в. в период правления Шилки булгары объединили все племена под своей властью. Правитель нового Булгарского эля (государства) носил титул «эльтебер, что показывает его зависимость от хазарского кагана. О характере булгарской государственности мало данных, но явно, что структурно и типологически она была близка к другим тюркским государствам Центральной Азии и Восточной Европы. Характерным ее элементом было положение, при котором булгары как родовая группа стали господствующим кланом и формировали военно-служилую элиту общества[1013]. Это показывает, что бытовавшие в мировой историографии представления о массовой миграции булгар из Приазовья не совсем верны.

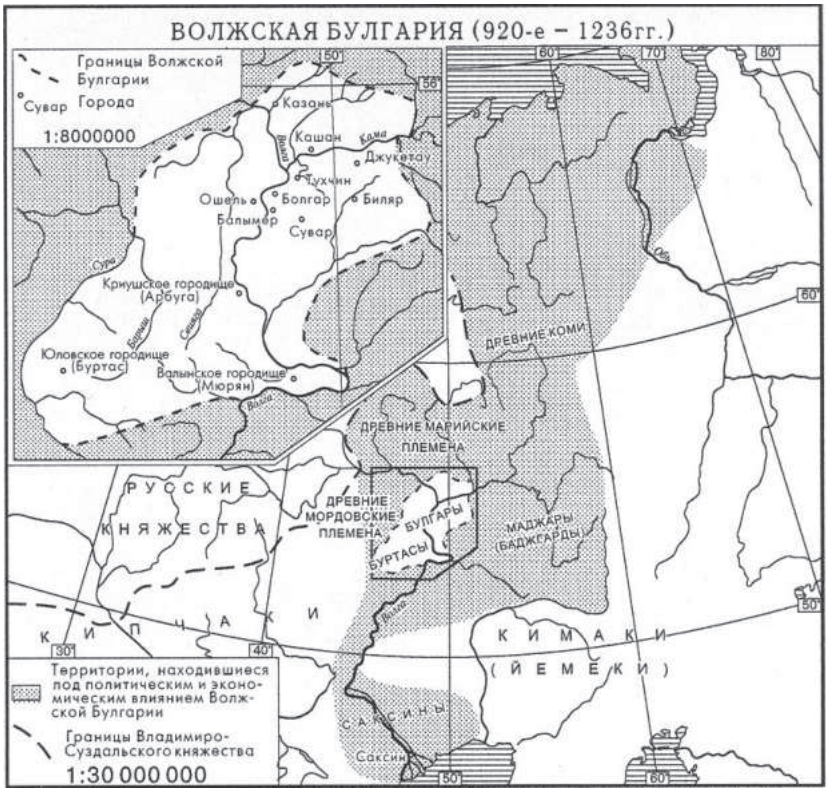

Рис. 83. Карта. Волжская Булгария (X–XIII вв.)

[1012] Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений… С. 28.

[1013] Измайлов И. Л. Становление средневековой Булгарии: от племени к государству // Studia Slavica Et Balcanica Petropolitana. 2012. № 2. С. 217–242.

В Среднем Поволжье сложилась ситуация своеобразного кармана, куда сдвигались остатки родоплеменных групп разного происхождения, которые взаимодействовали с разрозненными и малочисленными общинами балто-славян (так называемая именьковская культура) и остатками угро-мадьярских племен (маджгарды / баджгарды).

Важным фактором становления государства булгар стало формирование трансъевропейской магистрали, связавшей Север Европы с Передним Востоком. Образование Великого Волжского пути способствовало формированию вокруг него новой хозяйственной инфраструктуры, быстрому обогащению политической элиты. Огромная роль в становлении этой торговой магистрали принадлежала «русам» — полиэтничным военно-торговым дружинам, при ведущей роли скандинавов. Доказательством реальности движения скандинавов (варягов, русов) по Волге являются археологические материалы — Балымерский курганный могильник с погребальным обрядом и инвентарем, сходным с другими могильниками этого времени из Скандинавии и Восточной Европы (Бирка, Ладога, Гнездово, Тимерево и др.)[1014]. Присутствие в это время русов в Среднем Поволжье зафиксировал в своих записках Ибн-Фадлан, который отметил их лагерь около ставки правителя булгар, а также описал похороны одного из их вождей.

Судя по всем этим данным, именно в ранних городах фиксируется в X — начале XI в. наличие военно-служилого сословия, имевшего свою надплеменную культуру. Свидетельства о концентрации находок, связанных с новой дружинной культурой, в самих городских центрах и их окрестностях неслучайны и характерны для многих государств Европы того времени, где ранние города были, прежде всего, центрами политической власти — резиденциями князей и их дружин.

Важной функцией городов, обусловленной наличием двора правителя и его дружины, было также потребление, переработка и распределение прибавочного продукта (через ремесло и торговлю) для удовлетворения потребностей военно-феодальной знати. По словам арабского историка и географа Ибн-Русте, «подать царю своему платят они лошадьми и другим»[1015]. В первой половине X в., в период зарождения государственности, видимо, одним

[1014] Измайлов И. Л. Балымерский курганный могильник и его историко-культурное значение // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб.: Вести, 2000. С. 70–86; Измайлов И. Л. Балымерский курганный могильник в свете контактов Северной Европы и Волжской Булгарии: проблемы и дискуссии // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб.: Вести, 2003. С. 127–141.

[1015] Хвольсон Д. А. Известия… С. 24.

из способов их изъятия служило «полюдье», т. е. регулярный объезд территории государства и сбор дани, за счет которой кормился правитель и его дружина. Наличие регулярной налоговой системы, связанной с землей (единица обложения — «дом»), свидетельствует о превращении военно-дружинной знати в корпоративного земельного собственника, реализующего свое верховное право земельной собственности.

Структура власти в булгарском государстве, по сведениям Ибн-Фадлана, выглядит следующим образом. Правителем булгар являлся Алмыш, носивший титул эльтебер, что подчеркивало его более низкий ранг в системе Хазарского каганата[1016]. Но хазарский каган был по отношению к нему в 920-е гг. представителем внешней власти. Между тем внутри Булгарии именно ему принадлежала вся высшая политическая и административно-судебная власть. Источники указывают, что Алмыш опирался на клан булгар, ставший этносоциальной элитой нового государства, которая выступала и военной гвардией, и из нее формировались все органы управления. В непосредственном подчинении Алмыша находились четыре царя (малика). Можно предположить, что эти четыре малика — управители двух крыльев государства, которые в свою очередь делились на два крыла, что традиционно для средневековых тюрко-монгольских народов.

По мере усиления экономической власти и военной мощи, а также на фоне ослабления власти Хазарского каганата росло стремление эльтебера Алмыша добиться независимости от хазарских каганов, которым он вынужден был платить дань и давать в заложники своих детей (сына и дочь). Важным шагом в этом направлении стало принятие в начале X в. Алмушем и его окружением ислама. Значимым событием на пути признания независимости стал обмен посольствами между Булгарией и Багдадским Халифатом в 921–922 гг., когда произошло дипломатическое признание нового мусульманского государства на севере ойкумены. Дальнейшие шаги Булгарии показывают, что его правители фактически добились независимости от хазарских каганов, но формально находились в орбите их власти.

В 930–940-е гг. в Среднем Поволжье возникает два эмирата — Болгарский и Суварский (видимо, во главе с племенем сувар). Восточные источники стабильно упоминают два города — Болгар и Сувар, а монеты чеканятся в каждом из них отдельно. Разгром Хазарского каганата войсками Святослава в 965–968 гг. привел к усилению правителя Болгара Мумина ибн ал-Ха-

[1016] Смирнова О. И. К имени Алмыша, сына Шилки, царя Булгар // Тюркологический сборник 1977. М.: Наука, 1981. С. 249–255; Фахрутдинов Р. Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: Наука, 1984. С. 20–26.

сана (возможно, потомок Алмыша), который возродил единое Булгарское государство.

Новое государство смогло создать эффективную военно-политическую систему, которая сумела противостоять укрепляющейся Киевской Руси. Булгарский эмират выдержал противоборство с Киевом и утвердил свой авторитет на международной арене подписанием договора о мире с киевским князем Владимиром I (985 г.)[1017].

Образование Булгарского государства и установление его границ привело к упорядочению связей с соседями. С конца XI в. усилилась борьба Булгарии с русскими князьями за гегемонию в Среднем Поволжье. В 1088 г. булгары взяли Муром[1018], стремясь, видимо, упрочить свое влияние в Окско-Сурском регионе и остановить продвижение власти киевских князей в земли, население которых находилось в сфере влияния Булгарии.

Новый этап военно-политических контактов русских земель с Булгарией начался после возникновения Владимиро-Суздальского княжества. В первой четверти XII в. стремление Юрия Долгорукого расширить владения своего княжества в Верхнем Поволжье вызвало всплеск военных действий. Союзником его выступали кыпчаки. Войны этого десятилетия начались с похода булгар на Суздаль (1107 г.)[1019]. Позднее в 1117 г. союзные Юрию Долгорукому кыпчаки под руководством хана Аепы совершили поход на булгар, но были остановлены, а сам хан убит. В ответ на это сам князь Юрий ходил походом на булгар в 1120 г., после чего был заключен мир[1020].

По мере усиления Владимиро-Суздальской Руси и укрепления ее гегемонии среди других русских княжеств, а также началом ее экспансии в Среднее Поволжье «восточный вопрос» приобрел новое звучание. Натиск Владимиро-Суздальского княжества на восток резко усилился во время правления Андрея Боголюбского. В 1164 г. большое объединенное войско под командованием самого князя Андрея взяло штурмом и сожгло большой город Брячимов на Каме и еще несколько более мелких городов[1021]. Это первый действительно крупный успех в борьбе против булгар, но он не был закреплен после неудачи похода 1172–1173 гг. Позднее гибель князя Андрея Боголюбского историческое предание прямо связывало с его восточной политикой[1022].

[1017] Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 59.
[1018] ПСРЛ. Т. I. С. 207; Т. 15. С. 176.
[1019] ПСРЛ. Т. 24. С. 73.
[1020] ПСРЛ. Т. I. С. 292; Т. II. С. 285–286.
[1021] ПСРЛ. Т. I. С. 352–353; Т. 25. С. 235.
[1022] ПСРЛ. Т. 15. С. 250–251.

Новый владимиро-суздальский князь Всеволод Большое Гнездо продолжил политику наступления на Булгарию. В период правления Всеволода его полки несколько раз совершали походы на Булгарию (1183, 1185 и 1205 гг.). Особенно выделяется поход 1183 г. — самый небывалый для Руси XII в. как по объединению войск, поскольку в нем принимали участие практически все сильнейшие княжества — киевское, переяславское, смоленское, рязанское и муромское, так и по целям кампании — атака на столицу неприятеля[1023]. Союзником владимирского князя выступили заволжские кыпчаки — йемеки. Целью похода было взятие столицы Булгарии — Биляра. Не исключено, что в случае успеха князь Всеволод намеревался завоевать всю страну, а на ее месте создать вассальное владение. Однако в ходе боевых действий русские войска потерпели неудачу при штурме укреплений Биляра. В результате почти двухнедельных боев и маневров обе стороны заключили мир, который зафиксировал существующее положение дел, что означало фактическое поражение союзников.

Рис. 84. Сражение под стенами Биляра. 1183 г.
Миниатюра Радзивиловской летописи. XV в.

[1023] ПСРЛ. Т. I. С. 389–390; Т. II. С. 625–626; Т. 6. Вып. 1. С. 246.

В первой трети XIII в. произошла новая вспышка военных действий. Булгарское войско захватило Устюг и осаждало Унжу, но взять ее не смогло[1024]. В ответ на это владимирский князь Юрий выслал войско, которое возглавил его брат Святослав. Спустившись по Волге, владимирские войска взяли и затем сожгли город Ошель. Вдохновленный этим успехом великий князь Юрий Всеволодович на следующий год собирался возглавить войска лично, но булгары смогли предотвратить поход, заключив мир.

В целом, в Среднем Поволжье к концу 1220-х гг. сложился паритет военных сил. Результатом признания этого факта стал заключенный в 1229 г. по инициативе булгар новый мирный договор между Владимиро-Суздальской Русью и Волжской Булгарией. В условиях недавнего наступления владимирских князей и усиления их экспансии в бассейне Оки это можно считать значительным успехом булгар. Этот мир не прерывался вплоть до монгольского завоевания.

Процесс сложения государственности у булгар прошел несколько этапов и, растянувшись на две сотни лет, привел к концу X в. к становлению единого средневекового государства с соответствующими институтами и политической и административно-правовой системой.

Во главе государства находился клан булгар, из правящего рода которого назначался правитель государства. Восточные источники с конца X в. именуют правителя Булгарии «эмиром», а русские источники всех владетелей называли «князьями». По отрывочным данным арабских источников, одной из функций правителя было командование войсками.

Очевидно, что в Волжской Булгарии господствовали феодальные отношения государственного типа. Господствующая элита, в целом совпадавшая, очевидно, с кланом булгар, владела всей территорией страны, собирая в свою пользу налоги и подати. Представителям этого сословия выделялись условно-срочные держания, на которых они выполняли административные и судебно-фискальные функции над определенной прилегающей территории и местными общинами. Военно-служилое сословие именовалось как *йори* / *җөри* (диалектное от общетюркского *чури* — «воин, человек войны»)[1025]. Археологические данные свидетельствуют о наличии комплекса профессионального вооружения и социально престижных украшений, характерных для господствующей элиты средневековой Евразии.

[1024] ПСРЛ. Т. 15. С. 330.

[1025] Измайлов И. Л. Защитники «Стены Искандера». Вооружение, военное искусство и военная организация Волжской Булгарии X–XIII вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. С. 94–107.

В целом, система правления и сословного деления Булгарии напоминает ту, что была характерна для тюрко-мусульманских стран Ближнего и Переднего Востока в державах Саманидов, Сельджукидов, Хорезмшахов, Делийском султанате и др.

Войско Булгарии состояло из гвардии эмира и отрядов во главе с беками из различных земель. Костяком армии была военно-служилая знать, выдвигавшая военачальников и формировавшая отряды тяжеловооруженных всадников. Характерным для булгар был набор вооружения и снаряжения знатного воина, куда входили пика, сабля, щит, лук со стрелами, шлем с маской-забралом, пластинчатый доспех, конское снаряжение и боевой пояс с серебряной или бронзовой гарнитурой. Для транспортировки войск использовался речной флот. У воинов было развито оперативно-тактическое искусство: основу тактики в наступательных войнах играл внезапный набег, а при отражении нападения — тактика активной обороны. В полевом сражении булгары использовали маневры и охваты противника[1026].

Общий анализ письменных и археологических источников позволяет выявить динамику становления государственной территории Булгарии от небольшого племенного объединения в районе Средней Волги (от Самарской Луки до устья Камы) в VIII–IX вв. до крупного средневекового государства. Уже в XI–XII вв. его пределы простирались от р. Суры на западе до р. Шешмы на востоке, от Самарской Луки на юге (отдельные городские центры булгар, выявлены на Нижней Волге) до района Елабуги на севере, хотя отдельные центры располагались вплоть до Пермского Прикамья. На этой территории локализуется булгарская археологическая культура[1027]. При этом следует учитывать, что территория, в той или иной степени находившаяся под экономическим и военно-политическим влиянием булгар, достигала правобережья р. Оки на западе и Закамья вплоть до р. Урала на востоке.

Всего в Волго-Уральском регионе выявлено около 2 000 памятников, которые исследователи относят к булгарской культуре. Из них около 170 городищ, более 700 селищ. Особенностью булгарской культуры является наличие систематизированных и довольно хорошо исследованных остатков городищ с укрепленной площадью более 20 га (Болгарское, Билярское, Су-

[1026] Измайлов И. Л. Защитники «Стены Искандера»… С. 32–188.

[1027] Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань: Тат. кн. изд-во, 1975. 219 с.

варское, Джукетаусское, Богдашкинское, Алексеевское, Валынское, Юловское и др.)[1028].

На берегу р. Волги близ с. Болгары располагается городище, где выявлены остатки города X–XIII вв. общей площадью 25 га. На этой территории обнаружены остатки раннего поселения первой трети X в. Определенно, это городище является остатками средневекового Болгара — первой столицы Булгарии, зафиксированной арабо-персидской историко-географической традицией.

Другим важным центром средневековой Булгарии являлось городище, расположенное в самом центре страны в среднем течении р. Малый Черемшан на окраине с. Билярск, которое выделяется своими размерами — почти 800 га. Структура его состояла из внутреннего и внешнего городов, а также пригородных слобод. Внутренний город с обитаемой площадью (130 га) обнесен двумя линиями валов и рвов (протяженность — 5 км). Площадь внешнего города (490 га) окружена тремя рядами валов и рвов (длина более 10 км) яда валов и рвов). Благодаря археологическим раскопкам удалось установить, что в центральной части уже в X в. формируется аристократический район. Исследованы деревянная и белокаменная мечеть, кирпичные бани, мусульманский некрополь с мавзолеем (около 50 погребений) у юго-западной стены мечети. Здесь же изучены остатки большого количества наземных домов (деревянных и глинобитных) с погребами, а также хозяйственные постройки (ямы-погреба, амбары). В домах, а иногда во дворах стояли печи-тандыры. По данным аэрофотосъемки в центральной части городища выявлено около 30 кирпичных зданий. Возможно, это остатки квартальных мечетей и бань. Внешний город был заселен неравномерно. Наряду с жилыми помещениями здесь располагались и кладбища, некоторые из них занимали площадь до 20–30 га. В южной части внешнего города открыты остатки усадьбы с кирпичной баней, хозяйственными и жилыми постройками и стойлами для скота. Предположительно этот комплекс считается остатками караван-сарая. К внешним укреплениям примыкали пригородные слободы, например, «гончарная» слобода (3 га), где найдены двухъярусные горны для обжига глиняной посуды.

Этот город известен по известиям русских летописей как «Великий город Болгарский», а по монетам XIII в. — как Биляр. Судя по числу упоминаний в русских летописях о военно-политических событиях, именно этот

[1028] Хузин Ф. Ш. Булгарский город в X — начале XIII вв. Казань: Мастер-Лайн, 2001. С. 80–184.

город занимал центральное место в политике Булгарии второй половины XII — первой трети XIII в.

В целом, булгарские городища представляют собой разнообразные укрепленные средневековые крепости — от крупных городов до владельческих или общинных центров. Почти 25 (примерно 15%) из них имеют укрепленную площадь более 10 га. Именно эти городища чаще всего связываются с исторически известными городами. На территории некоторых выявлены остатки монументальных построек, а практически на всех исследованных — остатки жилых и хозяйственных построек. Очевидно, что значительная часть из них являлась средневековыми городами, создававшими довольно плотную урбанистическую инфраструктуру Булгарии. Одновременно существовало несколько десятков средних и малых городков, иногда с тройной системой валов и рвов. Многофункциональные городские центры выполняли роль военно-политических, торгово-ремесленных и культовых центров, контролировавших сельскохозяйственную округу[1029].

Кроме городов в Булгарии выявлено несколько сотен неукрепленных селищ, которые можно считать сельскими поселениями[1030]. На них также изучены жилые и хозяйственные, а в ряде случаев по берегам рек Волги и Камы — ремесленные мастерские, что доказывает, что некоторые из них были поселениями торгово-ремесленного типа.

Хозяйственный уклад населения Волжской Булгарии носил комплексный характер и включал в себя сельское хозяйство, а также ремесла, внутреннюю и внешнюю торговлю. О большой роли земледелия в экономике Булгарского государства свидетельствуют письменные источники. Арабский географ начала X в. Ибн Русте писал: «Болгары — народ земледельческий и возделывают всякого рода зерновой хлеб, как-то: пшеницу, ячмень просо и другие»[1031]. Ибн-Фадлан отмечает, что «пища их — просо и мясо лошади, но и пшеница, и ячмень [у них] в большом количестве». Сохранила данные о развитом земледелии у булгар и русская летописная традиция (1024, 1229 гг.)[1032].

Эти сведения находят прямое археологическое подтверждение. Основными видами булгарских пахотных орудий являлись плуг и соха. В архео-

---

1029 История татар с древнейших времен… С. 180–226.

1030 Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии… 219 с.; История татар с древнейших времен… С. 227–235; Казаков Е. П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.

1031 Хвольсон Д. А. Известия… С. 21.

1032 ПСРЛ. Т. I. С. 147.

логических материалах они представлены такими деталями, как наральники, плужные лемехи с ножами-чересламиами и сошники с полицей[1033].

Палеоботанические находки также дают наглядное представление о составе сельскохозяйственных культур, выращиваемых волжскими булгарами в X–XIII вв. В зерновых материалах выявлено около 20 видов культурных растений, среди которых преобладают пшеница мягкая, просо, ячмень и полба-двузернянка. В сравнительно небольшом количестве обнаружены пшеница твердая, чечевица, горох, вика посевная. Из технических культур популярностью пользовался лен, а конопля встречается значительно реже.

Скотоводство было непременной частью сельского хозяйства в Волжской Булгарии. Кроме того, что разведение скота обеспечивало население мясомолочными продуктами, волы были главной тягловой силой на пашне, лошади использовались в транспортных и военных целях. Шерсть шла на изготовление войлока и различных тканей. Кожевенное и косторезные ремесла в значительной степени базировались на сырье, поставляемом животноводством. Булгары разводили крупный рогатый скот, лошадей, овец и коз, а также домашних птиц. Кости кур известны среди остеологических материалов многих поселений, а яичная скорлупа была обнаружена в хозяйственных ямах-погребах Биляра и Сувара. Следует отметить отсутствие свиней в составе булгарского стада, что связано, несомненно, со строгим следованием запретам ислама[1034].

Источники свидетельствуют о существенной роли охоты в хозяйственной жизни булгар. Ценные меха пушных зверей арабские писатели рассматривают в качестве важной статьи булгарского экспорта. Думается, что эти меха доставлялись не только в числе обязательной дани из подчиненных булгарам северных земель. Они сами занимались охотой, особенно в тех районах, которые были богаты лесами. Рыболовство, как и бортничество, занимало подчиненное положение в хозяйстве булгар. Вместе с тем рыболовство играло существенную роль, особенно в жизни населения прибрежных районов Волги и Камы. Практически на всех булгарских памятниках обнаружены многочисленные находки чешуи и кости рыб (осетра, стерляди, сома, судака, сазана и др.), железных рыболовных крючков, блесен, гарпунов для ловли крупной рыбы, а также каменных и глиняных грузил для сетей и неводов[1035].

[1033] Краснов Ю. А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М.: Наука, 1987; История татар с древнейших времен. С. 236–239.

[1034] Петренко А. Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 174 с.; История татар с древнейших времен… С. 240–246.

[1035] История татар с древнейших времен… С. 247–248.

В Волжской Булгарии значительного развития достигли *ремесла* — металлургия и металлообработка, добыча цветных металлов и ювелирное дело, гончарство, строительство и архитектура, косторезное и кожевенное дело, деревообработка и т. д.

Важнейшей отраслью ремесленного производства для булгар являлись металлургия железа и кузнечное дело, от прогресса которых зависело хозяйство в целом и, в первую очередь, земледелие и военное дело. Для производства кричного железа булгары пользовались горнами различных конструкций (надземные и ямные). Заготовки криц отправляли в кузнечные мастерские, где из полуфабрикатов железа и стали производились разнообразные изделия[1036].

Широким спросом в булгарских городах пользовалась продукция ремесленников по обработке цветных металлов[1037]. На целом ряде булгарских памятников выявлены остатки меднолитейных горнов и при них следы производства в виде угля, шлаков и выплесков меди, а также разнообразный инструментарий — льячки, матрицы, молоточки, наковаленки и т. д. Булгарские медники выпускали в основном различную посуду — котлы, кружки, чаши, блюда, светильники, замочки, а также чашечки весов, гирьки-разновесы и т. д.

С меднолитейным производством было тесно связано ювелирное дело. Сохранились остатки тиглей, различный инструментарий, а также каменные литейные формы для выплавки украшений и бытовых изделий. Булгарские ювелиры работали с различными металлами и сплавами от золота и серебра до различных видов бронзы с использованием многочисленных ремесленных техник и приемов художественной обработки металла: художественного литья, чеканки, гравировки, тиснения, волочения, плакировки, скани, зерни и, возможно, черни. В Булгарии высокого развития достигла резьба по кости, а также по драгоценным и полудрагоценным камням. Среди характерных изделий надо выделить женские украшения (шейные гривны, серебряные височные подвески, серьги, браслеты, перстни и пр.), поясные накладки, парадное оружие (особенно выделяются парадные орнаментированные топорики, покрытые золотосеребряной плакировкой) и конское снаряжение, металлическую посуду и бытовые изделия — замочки, штампы, зеркала.

[1036] История татар с древнейших времен… С. 249–258; Семыкин Ю. А. Черная металлургия и кузнечное производство Волжской Булгарии в VIII — начале XIII вв. Казань: Отечество, 2015. 228 с.

[1037] История татар с древнейших времен… С. 258–272.

Рис. 85. Коминтерновский клад. Золото, серебро. Музей Болгарской цивилизации г. Болгар. Республика Татарстан

Наиболее выразительными изделиями, характеризующими булгарский мир, являлись височные подвески с тремя крупными полыми бусинами. Они существуют в различных формах и видах — от простых подвесок из оловянистой бронзы до причудливых золотых изделий, украшенных сканью и зернью с тремя желудеобразными подвесками на цепочках и птицы внутри круга. Подобные образцы изделий были заимствованы булгарами из мусульманской моды эпохи Аббасидов и Сельджукидов, но были переделаны в соответствии со своими традициями и вкусами. Встречаются также многочисленные шумящие подвески и серьги со стилизованными изображениями коньков и птиц, которые являются общегородской восточноевропейской модой, возникшей на основе финно-угорской мелкой пластики[1038].

Разнообразие изделий из цветных металлов, включая золото и серебро, показывает, что в Булгарии было относительное благосостояние населения, а также формировалась культура аристократии, модные течения которой создавали направления развития ювелирного дела во всей стране. Опреде-

[1038] Измайлов И. Л., Саттарова Л. И. Искусство Волжской Булгарии (X — первая половина XIII в.) // Очерки истории распространения исламской цивилизации: в 2 томах. Т. 1. От рождения исламской цивилизации до монгольского завоевания. М.: РОССПЭН, 2002. С. 475–490.

ленная часть продукции булгарских торевтов шла на экспорт в Приуралье и Зауралье, откуда шли поставки пушнины.

Для всякой средневековой страны гончарное производство играло важную роль в жизнедеятельности общества, определяя во многом его бытовую культуру. Успехи булгарского гончарства наглядно демонстрируют не только десятки высокопроизводительных горнов для обжига посуды, открытых археологами на городских и сельских поселениях. Разнообразие, практическая целесообразность форм, изящество орнамента, хороший обжиг, приятный внешний вид с преобладанием красно-коричневых цветов высоко характеризуют их продукцию[1039].

Кроме обычных для средневековых стран деревообрабатывающего, косторезного и кожевенного ремесел в Булгарии получило развитие также стеклоделие. В центре Билярского городища изучена усадьба мастера-алхимика, который изготавливал стеклянную посуду — банки, кубки, рюмки, флакончики, а также оконные стекла для монументальных построек, например, соборной мечети. Следует подчеркнуть исключительно городской, элитарный характер стеклоделия.

Изучение булгарских городов характеризует их как крупные центры внутренней и внешней торговли[1040]. Чрезвычайно выгодное географическое расположение Булгарии при слиянии Волги и Камы — магистральных водных путей Восточной Европы — стимулировало внешнюю торговлю. Исследователи единодушно признают, что Булгарское государство еще в X в., если не раньше, превратилось в крупнейший центр транзитной торговли на Великом Волжском пути и северном ответвлении Великого шелкового пути. В период расцвета Волжской Булгарии именно через ее города происходило движение товаров из стран Востока (от Китая до Сирии) в Северную Европу. Материальными свидетельствами этого являются клады монет из Среднего Поволжья и находки восточных и западных импортов на археологических памятниках средневековой Булгарии. В XII в. политическое и экономическое влияние Булгарии распространяется и на Нижнее Поволжье, где

[1039] Хлебникова Т. А. Керамика памятников Волжской Болгарии. М.: Наука, 1984. 241 с.; Васильева И. Н. Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв. Екатеринбург: УИФ Наука, 1993. 246 с.

[1040] Валеев Р. М. Волжская Булгария: Торговля и денежно-весовые системы IX — начала XIII веков. Казань: Фест, 1995. 157 с.; Валеев Р. М. Торговля и торговые пути Среднего Поволжья и Приуралья в эпоху средневековья (IX — начало XV вв.). Казань: Изд-во КГУ, 2007. 391 с.

появляются торговые города (Саксин — Самосделкинское городище), контролировавшие Великий шелковый путь в месте переправы через Волгу[1041].

В XI–XIII вв. значительное ускорение получила внутренняя торговля, что было связано с успехами и специализацией ремесел. Усиливается торговля с соседями — Русью[1042], с соседними народами Поволжья и Верхнего Прикамья. Наиболее активной и прочной в этот период является торговля со странами мусульманского Востока.

Господствующей религией в Булгарии был ислам, который начинает проникать в Волго-Уральский регион в первой половине X в. благодаря становлению торговых путей из стран Северной Европы на Восток. Распространение ислама в Поволжье связано с проповедниками из Хорезма и государства Саманидов. Уже в конце IX — начале X в. торговые контакты перерастают в политические, а после становления государства, возникновения городов и принятия мусульманства правителями булгар (около 900–920 гг.) ислам стал основной религией. Общины мусульман среди булгар появляются сначала в городах Болгаре, Суваре и Биляре — ведущих центрах экономической и религиозной жизни. С конца X в. практически все население страны стало мусульманским.

О внутренней жизни и степени распространения ислама среди населения Булгарии сведений в письменных источниках чрезвычайно мало. В некоторой степени этот недостаток могут восполнить данные археологии. Например, для булгарских археологических памятников X–XIII вв. характерно практически полное отсутствие костей свиньи.

Еще более выразительно о распространении и характере ислама позволяют судить могильники волжских булгар, погребения которых совершены по мусульманскому погребальному обряду. На территории Волго-Уральского региона в настоящее время насчитывается более 120 могильников, из них около 60 — языческие курганные и грунтовые могильники VIII–X вв. С начала X в. появляются погребения, совершенные по мусульманскому обряду. С рубежа X–XI вв. на всей территории Булгарии повсеместно распространились могильники с мусульманской обрядностью (обычно захоронение в гробах; ориентация покойного по кыбле: головой на запад, тело чуть поверну-

---

[1041] Васильев Д. В. Город и область Саксин в свете новых данных археологии // Поволжская археология. 2015. №2. С. 189–267.

[1042] Полубояринова М. Д. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.: Наука, 1993. 119 с.; Моця А. П., Халиков А. Х. Булгар-Киев. Пути — связи — судьбы. Киев: ИА НАНУ, 1997. 192 с.; Белавин А. М. Камский торговый путь. Средневековое Приуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: Изд-во Перм. пед. ун-та, 2000. 195 с.; Белорыбкин Г. Н. Западное Поволжье в средние века. Пенза: Изд-во Пенз. пед. ун-та, 2003. 199 с.

то на правый бок, лицо обращено в сторону Мекки; как правило, вещи отсутствовали и т. д.)[1043]. Всего изучено 59 могильников, включающих почти 1000 погребений. Наибольшее количество некрополей известно и изучено в Западном и Центральном Закамье, в бассейне р. Черемшан, в Предкамье и в окрестностях Болгарского и Билярского городищ. Во всех этих регионах исследованы как городские, так и сельские могильники[1044].

Организация мусульманской общины в Булгарии плохо известна, но сам факт ее существования, судя по данным восточных источников, не вызывает сомнений. Уже в начале X в. в булгарских городах и поселениях фиксируются муэдзины и имамы. Есть некоторые сведения о существовании в стране булгар института судей — городских кади, входивших в высшую элиту общества и участвовавших в дипломатических контактах. Косвенные сведения о структуре мусульманского духовенства у булгар можно почерпнуть у ал-Гарнати, который, описывая население Саксина, отмечал, что живущие там булгары и сувары имеют своих эмиров и соборные мечети, где они совершают пятничную молитву, у них также есть «кадии, факихи, и хатибы: и все толка Абу Ханифы»[1045]. Это сообщение также подтверждает факт, что, очевидно, ханифитский мазхаб был традиционным для булгар не только в начале X в., как об этом писал Ибн-Фадлан, но и гораздо позднее[1046].

При этом надо учитывать, что булгарам, чтобы участвовать в этом обмене идеями и мыслями, требовались огромные усилия, в первую очередь, на создание и поддержание системы образования. Неслучайно, видимо, и удивление восточных путешественников, видевших мектебы и медресе в булгарских аулах и городах. Обмен идеями касался и развития богословия, и религиозной практики. Целый ряд отрывочных фактов свидетельствует о некотором распространении в Булгарии такого течения ислама, как суфизм.

Таким образом, Булгария уже с X в. являлась самой северной страной исламской ойкумены, а основным стержнем булгарской культуры стал ислам. Внутри страны во всех крупных общинах были школы и медресе, где население обучалось грамоте и основам религии. Сохранились сведения о развитии

[1043] Халикова Е. А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X — начале XIII в. Казань: Изд-во КГУ, 1986. 159 с.

[1044] Измайлов И. Л. Мусульманин на пороге вечности: представления о смерти и особенности джаназы в Волжской Булгарии // Минбар (Казань). 2008. Вып. 1. С. 4–41; Измайлов И. Л. Археология и ислам в Среднем Поволжье в X — первой трети XIII вв.: опыт комплексного анализа // Поволжская археология. 2016. № 2. С. 68–92.

[1045] Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М.: Наука, 1971. С. 27.

[1046] Измайлов И. Л. Ислам в Волжской Булгарии // Восток (Oriens). 2009. № 1. С. 5–12.

наук и знаний — астрономии и астрологии, медицины и алхимии, богословия и права, географии. Существовала своя историографическая традиция (традиция Йакуба ибн Нугмана «Таварих-и Булгар» («История Булгарии») и творили писатели, богословы и философы. От эпохи Булгарии сохранился литературный памятник — поэма Кул Гали «Кысса-и Йусуф» / «Сказание о Йусуфе» (1233 г.). Биографии выходцев из Булгарии, ставших на Востоке знаменитыми учеными, таких как известный медик Таджаддин ал-Булгари, демонстрируют включенность булгар в исламский культурный мир[1047].

Основное население страны составляли сельские общины, занимавшиеся земледелием и скотоводством. Происхождение и языковая принадлежность этого населения была различной. Очевидно, что часть из них говорила на различных диалектах тюркских. Вместе с тем в стране происходили процессы постепенной языковой этнокультурной консолидации. В городах формировалась культура городского типа, вырабатывалось наддиалектное городское койне (скорее всего, на основе тюркского языка кыпчако-огузского типа) и нормативный литературный язык. Проблема языка волжских булгар до сих пор остается дискуссионной. Наиболее аргументировано мнение о том, что в X–XIII вв. на территории Булгарии функционировало два диалекта тюркского языка. Один был огурского типа (тюркский язык с ротацизмом, ламбдаизмом и другими архаичными чертами), который использовался какой-то частью булгарской аристократии, возможно, в ритуальных (сакральных) целях, о чем свидетельствуют надгробные арабографичные эпитафии XIII–XIV вв. Окончательное исчезновение этого языка произошло лишь в период Золотой Орды, причем под воздействием как этнических процессов, так и экстралингвистических факторов — эпидемия чумы середины XIV в.[1048] Другой — булгаро-кыпчакский (огузо-кыпчакского типа) был наиболее распространен среди населения страны и стал основой общегородского наддиалектного койне, на базе которого под влиянием среднеазиатских (караханидских) традиций сформировался булгарский литературный язык[1049].

Важным нивелирующим воздействием стало широкое распространение ислама. Оно наталкивалось на сопротивление отдельных племенных объединений, придерживавшихся традиционного мировоззрения, которое уже к середине X в. было сокрушено. Во второй половине X в. все группы тюр-

---

[1047] История татар с древнейших времен… С. 557–587.

[1048] Schamiloglu U. The End of Volga Bulgarian // Varia Eurasiatica. Festschrift fur professor Andras Rona-Tas. Szeged, 1991. Pp. 157–163.

[1049] История татар с древнейших времен… С. 621–628.

ко-болгарских племен были включены в состав Булгарского эмирата, входят в булгарскую этнополитическую систему и обращаются в ислам. Судя по историческим и археологическим данным, уже с конца X в. Булгария стала полностью мусульманской страной[1050]. Ислам проник в духовную культуру общества, изменив ее тюркские традиции и оттеснив языческие культы в область суеверий[1051]. Утверждение на всей территории страны унифицированной культуры мусульманского типа способствовало формированию основных черт этнополитической булгарской общности.

Таким образом, булгарское этнополитическое сообщество можно представить в виде двух страт и взаимопересекающихся общностей — правящей этносоциальной элитой с самоназванием «булгар» и податным сословием мусульманского населения, осознающим свое этноконфессиональное единство. В дальнейшем тюркоязычное мусульманское земледельческое население стало основой формирующегося татарского народа[1052].

4.10. Славяне и тюрки: начальная история взаимодействия — V — начало XIII вв. (С. В. Землюков, Ю. А. Лысенко)

Этногенезис тюркских и славянских народов происходит на территориях, расположенных друг от друга на тысячи километров. Примечательно, что примерно в одном историческом периоде V–VII вв. шло движение тюркских и славянских народов навстречу друг другу. Прототюркские племена формировались на обширных землях, включающих Переднюю Азию, Восточную Сибирь, Прибайкалье, Алтай и Монголию. По древним китайским источникам, тюрки-тугю происходят от хуннов (сюнну). Согласно китайской летописи Таншу, пятьсот семейств Ашина возникли из смешения «разных родов», обитавших на севере Китая, в западной части Великой китайской равнины, которые в 439 г. н. э. переселились на южную сторону Алтайских гор[1053]. Л. Н. Гумилев полагал, что преобладающим этносом в племенах Ашина были сяньбийцы, то есть древние монголы, которые поселились

1050 Халикова Е. А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии… С. 522–557.

1051 Давлетшин Г. М. Волжская Булгария: духовная культура (домонгольский период, X — начало XIII вв.). Казань: Татар. кн. изд-во, 1990; История татар с древнейших времен… С. 557–587.

1052 История татар с древнейших времен… С. 650–656; Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар (III — середина XVI вв.). Казань: Школа, 2007. 356 с.

1053 Овчинникова Б. Б. Тюркоязычные народы на просторах евразийских степей в эпоху средневековья // Известия УрГУ. 2000. № 16. С. 101.

на склонах Алтая и Хангая[1054]. Прототюркские и протомонгольские племена и образовали древнетюркскую народность, которая впоследствии заселила Центральную Азию и часть Восточной Европы.

Прародина славян точно не определена. Первые известия о славянских племенах содержатся в византийских и римских письменных источниках и относятся к IV в. н. э. По сведениям Иордана, готского историка VI в., сочинения которого основаны на греко-римских источниках, племена славян были известны под тремя названиями — венеты (древнее название славян), анты и славяны. Главные из них — славяны и анты — происходят из одного корня[1055]. При этом венеты (венеды) — древнейшее племя (I–II в. н. э.), возможно, были предками антов и славян. Из описания Иордана следует, что эти племена были «мощными своей численностью» и расселены на землях от Дуная до Днестра, на севере до Вислы — и собственно славяне и анты — от Днестра до Днепра, анты были самыми могущественными из них[1056]. По данным исследователей, в Восточной Европе проживало около полутораста славянских племен. Византийский писарь VI в. Прокопий Кесарийский отмечает близость между славянами и антами и определяет их территорию расселения от северо-востока Карпат до Дона. Он повествует, что к северу от готов, живших по берегам Дона и Азовского моря, живут анты, и подчеркивает бесчисленность антских народов[1057].

Писатель конца VI в., император Маврикий, в «Стретегиконе» рисует славян как людей, благосклонных и гостеприимных по отношению к иноземцам; у них были рабы, но рабство не вечное; жили они в лесах и болотах и жилища делали со многими выходами, как предосторожность от неожиданных нападений врагов; вооружались они двумя небольшими копьями и большими щитами, имели и деревянные луки; у них вечные несогласия, пребывают в состоянии анархии и взаимной вражды, не ведают порядка и власти, поскольку у них много вождей[1058]. По мнению П. В. Голубовского, анты были по характеру действительные славяне, даже напоминали новгородцев при решении общих дел; они сражаются пешими, с большими щитами — что является явным признаком некочевого населения[1059].

[1054] Гумилев Л. Н. История Древней Руси во взаимоотношениях народов Евразии. М.: АСТ, 2008. С. 41; Гумилев Л. Н. Древние тюрки. Л.: Наука, 1967. С. 19–20.

[1055] Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1994. Т. 1. (I–VI в). С. 106–119.

[1056] Свод древнейших письменных известий о славянах… С. 180–185.

[1057] Там же. С. 185.

[1058] Там же. С. 380–394.

[1059] Голубовский П. В. Печенеги, тюрки и половцы. Русь и степь до нашествия татар. М.: Вече, 2018. С. 20.

При этом имеются сведения, что славянские племена могли и в более раннем периоде заселять Причерноморье. Так, П. В. Голубовский отмечает, что исходя из имеющихся исторических сведений анты заселяли берега Черного моря в III веке н. э. и оттуда по берегам рек расселялись по местам их позднейшего пребывания[1060]. Многие ученые на основании письменных и археологических источников делают вывод о единой и взаимосвязанной истории восточных славян и антов.

Здесь уместно упомянуть о скифах-земледельцах, населявших земли к северу от Черного моря. Согласно археологическим находкам, которые датируются VII–III вв. до н. э., скифы-земледельцы могли принимать участие в этногенезисе славян[1061]. Ю. А. Рыбаков писал, что в IV–VI вв. у антов центром расселения были земли в среднем Поднепровье и бассейне р. Роси[1062]. По мнению исследователей, анты являлись первыми поселенцами славян на Дону и Верхней Оке[1063]. В IV в. н. э. славянские племена подвергаются нападению готских племен. Среди побежденных были венеды и анты[1064]. После распада державы гуннов в V в. славяне стали расселяться на землях Подунавья и вышли к границе Византии. С начала VII в. наименование антов не встречается в летописях и других источниках.

В «Повести временных лет» Нестор обратился к славянским преданиям, которые говорили о том, что в древние времена славяне (словене) жили на Дунае, где теперь Болгарская и Венгерская земли. Там их угнетали степняки авары, а затем пришедшие с запада франки (летописец называет их волохами). Тогда славянские племена стали расселяться по Средней и Восточной Европе, так что мораване поселились на реке Морава, рядом с ними расселились чехи, дальше лях, или поляки. А на восток до Днепра дошли поляне, рядом поселились древляне, между Припятью и Двиной — дреговичи, по Десне — северяне и рядом с ними — радимичи, в верховьях Днепра, Двины и Волги — кривичи, на Оке — вятичи. Дальше всего от Дуная расселились славяне, достигшие севера Восточной Европы, озера Ильмень, где ими был основан впоследствии город Новгород[1065].

1060 Голубовский П. В. Указ. соч. С. 19.

1061 Греков Б. Д. Киевская Русь. М.: Госполитиздат, 1953. С. 428.

1062 Рыбаков Б. А. Анты и Киевская Русь // Вестник древ. истории. 1939. № 1. С. 325–330.

1063 Древняя Русь в Средневековом мире: энциклопедия / Институт всеобщей истории РАН; под общ. ред. Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. С. 753.

1064 Славяне и их соседи в конце первого тысячелетия до н. э. — первой половины I тыс. н. э. М.: Наука. 1993. С. 15; Греков Б. Д. Указ. соч. С. 428.

1065 Повесть временных лет. Летопись Нестора. Санкт-Петербург: Типография Глазунова, 1903. С. 10–12.

И здесь необходимо выделить интересные параллели между славянскими и тюркскими народами. Исходя из имеющихся в китайских и византийских источниках сведений, формирование (сложение) союзов племен славянских и тюркских народов происходило в один исторический период — V–VII вв. н. э., но на разных территориях. Интересны и причины переселения этих племен. У славян — внешнее нашествие, поиск более плодородных и пригодных для проживания земель[1066]. У древних тюрков — угроза порабощения или истребления соседней державой и укрытие, а затем завоевание свободных или более благоприятных для проживания и богатых территорий, обогащение за счет войн. В один и тот же исторический период славянские и тюркские племена достигли наивысшего развития родового стоя, формирования сильных племенных союзов.

Контакты славянских племен с кочевыми ордами, совершавшими набеги из Азии в Восточную Европу, были постоянными. Славянские и тюркские племена в этом историческом движении и развитии были предопределены на взаимодействие. Оно было обусловлено многими объективными обстоятельствами — военными, экономическими, социальными, политическими, природно-климатическими и др. При этом между славянами и тюрками-кочевниками были конфликты, войны, долгие междоусобицы и взаимная колонизация. Но эти контакты были не только враждебными. В. Я. Петрухин констатирует, что «результаты реального исторического взаимодействия славянских и тюркских этносов были несравненно разнообразнее и богаче, чем историографические схемы»[1067]. Один исторический период взаимосвязи славянских и тюркских народов определял и совпадающие движущие мотивы — захват более благоприятных для проживания территорий, обогащение от завоеваний, в первую очередь от византийских богатств и преимуществ этой цивилизации.

Велико этническое и культурное взаимодействие славянских и тюркских народов. Тюркские кочевые империи оказали огромное влияние на ход истории восточнославянских племен, их переселение и расселение, этногенез, объединение и образование славянских государств. Взаимные контакты славянских и тюркских народов сложны и противоречивы, они развивались в зависимости от исторических событий, территориального расположения и других факторов. Уловить и описать характер взаимоотношений славянских и тюркских народов «на одной территории в одну эпоху —

[1066] Гумилев Л. Н. История Древней Руси… С. 33.

[1067] Петрухин В. Я. Славяне и кочевники в раннем средневековье: к проблеме этнокультурного синтеза // Вестник Евразии. 1996. № 2/3. С. 52.

значит решить проблему этнического контакта путем эмпирического обобщения»[1068]. И чтобы более обстоятельно разобраться во всем разнообразии этнических контактов славянских и тюркских племен с учетом пространственно-временных рамок, необходимо выделить соответствующие исторические периоды.

В исторической литературе существуют различные периодизации сложения славянских племен — «образование первых центров» объединений. В этой периодизации многое зависит от цели исследования. Так, Б. А. Рыбаков считает важными две эпохи в образовании Киевской Руси — «VI век — время сложения мощных союзов славянских племен и IX век — время формирования самой Киевской Руси»[1069].

По нашему мнению, в истории взаимоотношений славянских племен с тюркскими племенами в домонгольское время можно выделить три периода. На эту периодизацию влияют и исторические процессы, происходящие внутри тюркских и славянских племен. В силу этого каждый из периодов имеет свои особенности и отличия.

Первый период (V — первая половина VII в.) охватывает древнейший исторический этап взаимодействия славянских племен с нападавшими на них кочевыми ордами с территорий Малой и Центральной Азии — это гунны, авары и др. Это этап объединения, консолидации и самоопределения славянских и тюркских племен, который проходил по разным причинам на различных территориях. Это этап активных контактов славянских и тюркских племен во время их передвижения и переселения. Собственно, VI — первую половину VII в. можно охарактеризовать как непосредственно славянотюркский период. На этом этапе основное взаимодействие славян с кочевниками происходит в период Аварского каганата (562–823 гг.).

Второй период взаимодействия славян и тюрков охватывает вторую половину VII — до 70–80 гг. XI в. В этот период основная взаимосвязь славян была с хазарами (667–965 гг.), венграми, болгарами, печенегами. Это время характеризуется распадом первоначальных славянских общностей, их объединением в первые славянские протогосударственные образования на Балканах и в Восточной Европе. На данном этапе происходит окончательное обособление восточнославянских племен и сложение древнерусского государства. Появляется племенная знать — князья, бояре, дружина. Уровень защи-

[1068] Гумилев Л. Н. История Древней Руси… С. 25.
[1069] Рыбаков Б. А. Первые века русской истории. М.: Наука, 1964. С. 4.

ты славян от внешних нападений тюркских кочевников поднимается до государственной обороны и охраны.

В этот период происходят главные события, определяющие начальную историю Руси, славянских народов, в том числе в их последующем взаимодействии с тюркскими народами. Просвещение и введение христианства, как государственной религии, имело важное политическое, социальное, культурное, бытовое значение, в том числе для объединения славян и укрепления городов. К концу XI в. христианские каменные храмы численностью 28–29 были построены в 13 городах[1070].

Третий период славяно-тюркских взаимоотношений охватывает время с конца XI в. и до начала XIII в. Этот этап связан с безраздельным господством в степи от Урала до Днепра половецких кочевых племен и их вторжением (1060–1061 гг.) в пределы русских княжеств, разорением городов и поселений, участием в военных междоусобицах русских князей.

Рассмотрим более подробно содержание каждого периода.

Первый период (V — первая половина VII в.) — древнейший этап взаимодействия славянских племен с прототюркскими и тюркскими кочевыми племенами: хуннами, аварами и др. В первой половине этого периода имеются многочисленные и раздробленные славянские племена, расселившиеся от Карпат до Дона. Наряду с земледелием основное занятие славян — походы, нападения на Восточно-Римскую империю[1071].

В начале IV в. н. э. (374–378 гг.) Восточная Европа претерпевает нападение кочевых орд гуннов, преемников хунну. Гунны (хунну, сюнну) — древнейший кочевой народ, образовавший первую кочевую империю у северных и западных границ Китая. Около тысячи лет кочевники хунну (сюнну) нападали на северо-западные территории Китая, для защиты от них и была построена Великая Китайская стена[1072]. В начале II в. н. э. Китай разбил кочевую империю хунну (сюнну), покорив кочевые народы. Остатки хуннских орд откочевали в Центральную Азию и, объединившись с другими кочевыми племенами Великой степи, дошли до Каспия. Во второй половине IV в. гунны овладели степями от Волги до Северного Причерноморья, разгромили Боспорское царство. В 378 г. они вторглись в Центральную Европу, в начале V в. захватили Дунайские земли и в 450 г. дошли до границ Во-

---

[1070] Седов В. В. Распространение христианства в Древней Руси // Краткие сообщения Института археологии. 1993. Вып. 208. С. 3–11.

[1071] Рыбаков Б. А. Анты и Киевская Русь… С. 319–327.

[1072] Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 т. Т. 5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование / ред. М. Л. Титаренко и др. М., 2009. С. 647–648.

сточно-Римской империи. Центром империи гуннов была бывшая римская провинция Паннония.

Вопрос об этнической истории гуннов до вторжения в Европу является дискуссионным. Английский ученый П. Хизер считал гуннов так называемой «первой группой тюрков», вторгшихся в Европу[1073]. Многие исследователи пишут о сходстве названий и имен в гуннских и тюркских языках. Так, А. В. Дыбо на основании исторического языкознания делает вывод о том, что гунны были тюрками[1074]. Достоверные свидетельства о гуннах датируются 375 г., когда они покорили кочевавших за Доном алан, а затем готов[1075].

В историографии содержится очень мало сведений о возможных взаимоотношениях славянских племен и гуннских орд. Но и имеющиеся сведения подтверждают тот факт, что славянские племена, проживавшие в придунайских землях в начале V в., скорее всего, находились под властью гуннов. При этом следует отметить, что славяне сохраняли определенную самостоятельность и участвовали в военных походах гуннов. Здесь уместно констатировать, что к 530 г. набеги славян на придунайские области Византии стали регулярными[1076].

Прокопий Кесарийский в VI в., характеризуя славян и антов, проводит сравнение с гуннами, отмечая, что «по существу они не плохие люди и совсем не злобные, но по всей чистоте сохраняют гуннские нравы»[1077]. При этом Прокопий Кесарийский несколько раз упоминает славян (славянов и антов) вместе с гуннами в перечне ключевых народов. По мнению историков, это свидетельствует о вхождении славян в Гуннскую державу в середине V в. н. э. и взаимодействии этих народов[1078].

О взаимосвязи славян с гуннами имеются свидетельства у Прокопия Кесарийского в его анализе известий Приска, в которых речь идет о населении (Приск называет их скифами), которые изготавливает и поставляет для переправы через Дунай челны-однодеревки и плоты[1079]. По мнению В. Я. Петрухина, эти и другие реалии быта и общественной жизни в период правления Атиллы свидетельствуют о присутствии славян на дунайской гра-

---

[1073] Хизер П. Великие завоевания варваров. Падение Рима и рождение Европы / пер. с англ. С. В. Чепелевского, Г. Ю. Чепелевской. М.: Центрополиграф, 2016. С. 371.

[1074] Дыбо А. В. Сюнну-Гунны. Кто же они? / Стенограмма лекции, прочитанной А. В. Дыбо 24 октября 2013 г. URL: https://polit.ru/article/2013/12/01/dibo

[1075] Свод древнейших письменных известий о славянах… С. 88.

[1076] Свод древнейших письменных известий о славянах… С. 216.

[1077] Там же. С. 177.

[1078] Там же. С. 210.

[1079] Свод древнейших письменных известий о славянах… С. 81, 85, 161–169.

нице Византии и их традиционные занятия по изготовлению и поставкам лодок-однодеревок[1080].

Историк-евразиец Г. В. Вернадский отмечал влияние гуннских народов на формирование славянского мира. По его мнению, период гуннского вторжения является в определенном смысле временем освобождения восточных славян от готской и иранской зависимости. Гунны привлекали славянские дружины (анто-славян) в свои военные походы[1081]. Наследниками гуннов считаются булгары, которые разделились на дунайскую, волжскую и кавказскую ветвь. Дунайские булгары смешались со славянами и образовали болгарский народ, волжские булгары разделились на чувашей и татар, кавказские — образовали балкарский народ.

Гуннское нашествие привело к «упадку экономической жизни населения Причерноморья, были разорены античные города Крыма, нарушены традиционные торговые и культурные связи»[1082]. Период империи гуннов оставил после себя коренные изменения в материальной культуре, что затрудняет изучение истоков ранневековых славянских культур. Нашествие гуннов повлекло «великое переселение народов», имевшее серьезные последствия в историческом развитии народов Евразии. Славянские племена вышли к Дунаю и стали заселять Балканы[1083].

Отметим еще раз, что сведения, содержащиеся в китайских и византийских источниках, позволяют говорить о параллельном формировании союзов славянских и тюркских племен в V–VI вв. н. э., происходившем в разных регионах евразийского пространства. Общим в данном процессе выступал тот факт, что формирование и славянских, и тюркских союзов осуществлялось в ходе нескольких миграционных волн.

После 454 г. происходит распад империи гуннов. Вторая половина V и первая половина VI в. характеризуется усилением военно-политических союзов славянских племен и их военными нападениями на Восточно-Римскую империю. Для VI в. характерен период славяно-византийских войн. Славяне постоянно вторгались на Балканы, опустошая земли Восточно-Римской империи. Фактически в VI–VII вв. происходила колонизация Балканского полуострова славянскими племенами[1084]. По свидетельствам Проко-

---

[1080] Петрухин В. Я. Указ. соч. С. 53.

[1081] Вернадский Г. В. Древняя Русь. М.: Аграф, 2000. С. 141.

[1082] Славяне и их соседи в конце первого тысячелетия до н. э. — первой половины I тыс. н. э. М.: Наука, 1993. С. 15.

[1083] Там же. С. 15.

[1084] Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 204.

пия Кесарийского, Иордана, Иоанна Эфесского, Менандра и других авторов, описывающих военные походы славян и антов, последние вместе с гуннами (болгарами) или самостоятельно делали почти ежегодные набеги на Восточно-Римскую империю. Как следствие, вся Европа была разграблена гуннами, славянами и антами, из городов — одни были разрушены до основания, другие — дочиста обобраны благодаря денежным контрибуциям[1085]. Славяне, анты, авары, болгары и другие народы стали играть более заметную роль в Европе.

В историографии наибольшее количество сведений содержится по периоду взаимодействия славянских племен с Аварским каганатом. Аварский каганат начинал свою историю на территории, входившей во владения Гуннской империи — Кавказ, Поволжье (VI–VII вв.). Появление авар на Кавказе и Причерноморье было связано с военными походами тюркских каганов. В 555 г. непобедимый Истеми-каган, брат великого Бумына, глава тюркской племенной конфедерации, вышел к берегам Аральского моря, завершая поход в степи, лежащие западнее Алтая. Таким образом, Истеми отодвинул юго-западную границу Тюркского каганата на территорию междуречья Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, до области Чача (возможно, Ташкент). Наступление тюрков вдоль северного берега Аральского моря натолкнулось на отчаянное сопротивление угорских племен уар и оногуров, а также ираноязычных хунну, которых следует отождествить с древними хионитами[1086]. Отступавшие с боями на Запад авары были окончательно разгромлены, и уцелевшая их часть устремилась на Запад к Волге в поисках спасения.

В 575 г. тюркские орды разгромили Боспор Киммерийский и захватили земли Придонья, Западного Кавказа и Крыма. Они стали контролировать Великий шелковый путь из Средней Азии в Европу.

Аварские племена стремительно уходили на Запад, спасаясь от преследования тюркской конницы. Форсировав нижнюю Волгу, прорываясь с боями на юго-запад через территории сабыров и утигуров, они вышли к линии Кавказского хребта. Разгромив сабиров, поработив утигуров, заключив союз с кутригурами, аварские полчища, постоянно пополняясь и наращивая конский состав, около 560 г. переправились через Днепр. Вероятно, именно в этот период в Аварском племенном союзе утвердилось единоначалие: лидер союза — Баян присвоил себе титул «каган», принадлежавший

[1085] Прокопий Кесарийский. Война с готами. Кн. I, гл. 27; кн. II. Гл. 26.; Свод древнейших письменных известий о славянах… С. 98–360.

[1086] Гумилев Л. Н. Древние тюрки… С. 37–38.

грозным врагам аваров — тюркютам[1087]. Сформировался племенной союз, главным образом, тюркоязычных племен, живших на Нижней Волге и Прикаспийских землях.

К 561 г. авары, оказавшись в междуречье Днепра и Днестра, подмяли под себя антов, проживавших на этих территориях, и оттеснили славян от черноморского побережья. Славянские племена, жившие в Подунавье, во второй половине VI в. попали под власть Аварского каганата (561–823 гг.). Важным политическим следствием этого события стало включение протославян в состав созданного каганата. Воспоминания об этом времени отразились в устном народном творчестве славян, а также зафиксированы в Повести временных лет (XII в.).

Рис. 86. Карта. Древние славяне и кочевники в V–VI вв.
Источник: https://yandex.ru/images/search?from=tabbar&text

[1087] Митрофанов А. Ю. Аварский каганат как политический феномен языческого этно-религиозного контекста развития христианской ойкумены // Христианские чтения. 2016. № 36. С. 364.

Славянский компонент в населении Аварского каганата был столь велик, что Константин Багрянородный, Иоанн Эфесский, Монемвасийская хроника и другие раннесредневековые источники прямо отождествляют авар и славян[1088].

Появление Аварского каганата, ставшего на несколько веков религиозным антагонистом и геополитическим соперником Византийской империи, оказало колоссальное влияние на дальнейшее развитие политической ситуации в Восточной Европе. Используя противоречия между Византией, лангобардами и гепидами, каган Баян в 567–568 гг. занял большую часть Карпатской котловины, подчинив местное славянское, германское и романизированное население. Еще одним важным последствием правления авар стало массовое миграционное перемещение славянских племен. Этому во многом способствовала и политика насильственного переселения славянских племен аварскими каганами. Наиболее активно славяне стали осваивать Восточную Европу и византийские владения на Дунае и на Балканах. Пребывание славянских дружин в Византии описано в «Церковной истории» Иоанна Эфесского (VI в.). В ней рассказывается о том, что в 578–581 гг. славяне снова взяли множество городов и крепостей и «четыре года властно живут в стране» «без забот и страха»[1089]. Миграции и военные походы славян на Балканы сопровождались существенными этническими трансформациями, происходил этнический симбиоз «склавен» (славен) и «антов». Сюда же за Дунай потянулись колонизационные потоки и из далеких коренных славянских (венедских) земель.

Вскоре Аварский каганат начал экспансию против Византии, захватив в 582 г. Сирмий и установив в начале VII в. контроль над Далмацией. Большая часть славянских племен участвовала в данных походах. Их обязанностью было также строительство лодок для переправы аварского войска по крупным водным артериям Восточной Европы.

Взаимоотношения славянских племен и аварского каганата были неоднородными. Отдельные славянские племена подчинялись аварскому каганату. О подчинении аварскому каганату восточнославянских племен дулебов повествует Повесть временных лет в главе «Притча об обрах». Другие племена — славяне и анты, сохраняли свою самостоятельность, нападали на Восточно-Римскую империю. С другой стороны, они вступали в союз с аварами и совершали совместные завоевательные походы на Византию. В пись-

[1088] Алексеев С. В. Славянская Европа V–VIII веков. М.: Вече, 2009. С. 92.
[1089] Свод древнейших письменных известий о славянах… С. 280.

менных источниках этого периода отмечалось, что основную массу в войсках Баяна составляли не авары, а болгары и славяне. Аварский каганат являлся объективным союзником славян, при этом славяне сохранили военно-политическую самостоятельность. В повествовании Менандра Протектора, историка VI в., содержатся сведения о том, как в 70-х гг. VI в. авары потребовали уплаты дани у славян, живших на левом берегу Дуная. Славянский вождь Даврит ответил на это следующим: «Родился ли на свете и согревается ли лучами солнца тот человек, который бы подчинил себе силу нашу? Не другие нашею землею, а мы чужою привыкли обладать. И в этом мы уверены, пока будут на свете война и мечи»[1090]. Феофилакий Симокашта сообщает, что в 602 г. авары совершили разорительный поход против антов с целью их подчинить своему влиянию[1091]. Сведений об уничтожении антских племен нет, но, по мнению исследователей, анты были выдавлены аварами на север и северо-восток Восточной Европы[1092]. К концу первой половины VII в. происходит резкое обострение отношений славян с аварами. Славянские племена усиливают свои позиции.

Предел экспансии авар был положен поражением объединенной армии Аварского каганата под Константинополем в 626 г. Во многом поражению авар способствовала внутриполитическая ситуация, связанная с усилением центробежных тенденций. В 623 г. славяне (венеды) под предводительством князя Само подняли восстание против Авар и образовали первое славянское государство Само (территория современных Чехии и Нижней Австрии), включившее в себя западные земли каганата. В 658 г. это государство распалось под ударами аваров.

Положение в каганате еще более ухудшилось после смерти в 630 г. кагана Баяна II.

Представитель болгарского (протоболгарского) племени кутригуров Курбат в 630 г. объявил о выходе из состав аварского государства и создании Великой Болгарии. Территориально новое государство заняло степи Северного Причерноморья и Приазовья от Днестра и до Кубани. В его состав вошли кутригуру, утигуры и оногуры и частью славяне.

Анализируя аваро-славянские отношения, необходимо отметить их сложный, неоднородный, зачастую агрессивный характер. Однако авары и их активная политика по отношению к славянам в немалой степени способствовала этническому самоопределению славянских племен, усилению союзов

[1090] Цитируется по: Третьяков П. Н. Указ. соч. С. 188–190.
[1091] Свод древнейших письменных известий о славянах… С. 232.
[1092] Раннефеодальные государства на Балканах. VII–XII вв. М.: Наука, 1985. С. 67–68.

племен и образованию центрально- и восточноевропейских протогосударств. В целом взаимоотношения авар и славян происходили в несколько этапов. Первоначально часть славянских племен находилась под влиянием авар с различной степенью зависимости, в это же время происходил постепенный процесс усиления политико-экономического превосходства пришлого аварского населения над местным славянским. Следует также отметить, что если часть славян, например, дулебы являлись пусть условными, но союзниками и вассалами каганата, то другая племенная группа — восточные славяне (анты) — всегда находилась с каганатом в противостоянии.

В византийских источниках описываются взаимоотношения аваров с восточнославянским союзом антов. Оно связано с событиями аварско-антского противостояния в 560–580 гг. Анты были под властью аваров, но подняли восстание. Антами руководили племенные князья. Византийский автор Менандр повествует о том, как Мезамир (Менеамир) был направлен поднявшими восстание антами к аварскому хану Баяну I для выкупа пленных после подавления восстания. По свидетельству источников, Мезамир вел себя высокомерно и был убит. Это событие имеет большое значение для понимания состояния славянских племен в этот период. Ряд ученых-историков полагают, что имя Мезамир является «первым более или менее славянским («антским») именем», которое упоминается в византийских источниках[1093]. Многие историки отмечают наличие государственности, передачи княжеской власти по наследству, а это означает достижение высокого уровня политического устройства славян[1094]. В длившихся десятилетиями военных походах и войнах союзы славянских племен усиливались, укреплялась и власть вождей.

К концу первой половины VII в. славяне начали формирование собственных межплеменных объединений, что позволило им оспаривать приоритеты авар. В позднеаварское время доминирующим этническим элементом Аварского каганата становится славянское население, авары теряют свое военно-политическое превосходство и уже сами вливаются в славянский ареал политико-экономических интересов. По подсчетам современных исследователей, авары составляли меньшую часть населения каганата, численность славян была близка к 50 процентам[1095]. Несмотря на противоречивость и слож-

---

[1093] Древняя Русь в свете зарубежных источников: учебное пособие для студентов вузов / М. В. Бибиков, Г. В. Глазырина, Т. Н. Дисаксон и др.; под ред. Е. А. Мельниковой. М.: Логос, 2000. С. 84.

[1094] Третьяков П. Н. Указ. соч. С. 200–201.

[1095] Петрухин В. Я. Указ. соч. С. 60.

ность аваро-славянских отношений, славяне оказали мощное социально-культурное влияние на аварское население каганата и способствовали формированию оседлости у авар-кочевников[1096].

Распад гуннской империи, а затем Аварского каганата открыли возможность для славянских племен массового освоения территорий Северного Подунавья, низовья Днестра, среднего течения Днепра и всей Восточной Европы. В ходе переселения возникали новые территориально-племенные общности. От верховья р. Эльбы до р. Волынь и правобережья среднего Днепра расселяются дулебы, в результате ассимиляции которых формируются волыняне, древляне, дреговичи[1097]. Анты, занявшие область от нижнего Дуная до Северного Донца, выступили этнической основой угличей, тиверцев и хорватов. По мнению исследователей, анты создали первые поселения славян на Дону и Верхней Оке[1098].

В этот же период (VII в.) восточные славяне заселяли территорию Восточно-Европейской равнины от Черного до Балтийского морей, от течения Днепра до верховий Волги и Оки[1099]. Началось сложение балто-славянской общности.

В физико-географическом плане территорию расселения славянских племен составляли лесные равнинные области, пересеченные крупными реками — Днепром, Доном, Южным Бугом, Днестром и Прутом. На севере крайней точкой освоения стала р. Припять. Как отмечают исследователи, именно здесь в «V–VIII вв. были распространены археологические культуры: пражская, пеньковская и колочинская, славянская принадлежность которых вполне доказана или, во всяком случае, имеет сторонников и достаточно серьезное обоснование»[1100].

Результатом миграционных движений славянских племен стало их разделение на три группы: южные, западные и восточные славяне. В Повести временных лет зафиксировано 15 племенных союзов восточных славян: бужане, волыняне, вятичи, древляне, дреговичи, дулебы, кривичи, полочане, поляне, радимичи, северяне, словене, тиверцы, уличи, белые хорваты.

[1096] Лукина С. Г. Аварский каганат в системе межгосударственных отношений VI–VIII вв. // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. Ижевск, 2006. С. 148–151.

[1097] Петрухин В. Я. Указ. соч. С. 49–61.

[1098] Древняя Русь в средневековом мире… С. 753.

[1099] Там же. С. 752–754; Гумилев Л. Н. История Древней Руси… С. 33–34.

[1100] Славяне и их соседи в конце первого тысячелетия до н. э. — первой половины I тыс. н. э. М., 1993. С. 15.

Переселения славян были в большей степени связаны с демографическим взрывом, поиском более плодородных и пригодных для занятия земледелием земель[1101]. В то же время освоение новых регионов славянами преимущественно носило мирный характер.

Рис. 87. Карта. Расселение восточнославянских племен.
Источник: https://yandex.ru/images/search?from

[1101] Гумилев Л. Н. История Древней Руси… С. 33.

Пространства Восточной Европы были обширны, слабо заселены местным финно-угорским и балтским населением. Все это исключало возникновение ресурсных конфликтов. Тем более, что восточные славяне, основой хозяйственной деятельности которых было земледелие, создавали условия для взаимовыгодного обмена.

Важным фактором развития активных аваро-славянских контактов стал экономический фактор. Славяне обеспечивали кочевников-завоевателей не только продуктами земледельческого труда, но и изделиями ремесленного производства. Оружие и детали поясных наборов, изготовленные славянскими ремесленниками, высоко ценились кочевой знатью. Привезенные с востока образцы давали импульс дальнейшему развитию славянского ремесла. Славяне помогали кочевникам переправляться через Дунай, продавая им свои лодки. Они были известны среди кочевых народов как искусные строители переправ и разного рода лодок, плотов и т. п.

Активные политические контакты авар и древних славян сопровождались межкультурным взаимодействием. Это выразилось, прежде всего, в появлении смешанных погребальных комплексов в Причерноморье. Крупные аваро-славянские памятники данного типа сформировались в Поморавье и Словакии, наиболее ярким из них является могильник в Желовцах (Словакия). Это погребальный комплекс смешанного типа — на его территории выявлено 870 могил, содержащих всаднические погребения и славянские могилы, отличающиеся западной или юго-западной ориентировкой погребенных и сравнительно небогатым инвентарем (посуда, отдельные украшения). В то же время на территории комплекса встречаются погребения смешанной аваро-славянской традиции захоронения умерших. Так, в славянской традиции стал фиксироваться аварский обряд трупоположения. Как отмечает С. В. Алексеев, «в некоторых из них, как и у авар, — романское влияние, — находят остатки деревянных гробов или обкладки захоронений досками. Но в основном славяне сохраняли верность своему обычаю кремации»[1102].

Славяно-тюркский синтез V–VI вв., фиксирующийся, прежде всего, по археологическим памятникам, наиболее ярко проявился в пеньковской археологической культуре[1103]. Большинством исследователей она связывается с антами. На поселенческих комплексах этой культуры встречается керамика смешанного типа, в том числе, сделанная на гончарном круге пастыр-

[1102] Алексеев С. В. Указ. соч. 527 с.

[1103] Локализация пеньковской культуры — юго-восточный ареал праславянских культур от Подунавья до Среднего Поднепровья (в том числе и на левобережье вплоть до Северского Донца).

ского/славянского типа. В домостроительстве пеньковской культуры на одних и тех же поселениях также прослеживаются две традиции — «славянская» с полуземлянками и печами и кочевническая с юртообразными жилищами. Исследователи делают вывод, что авары в VII в. заимствовали традиции домостроительства — полуземлянки у славян[1104]. Как отмечают ученые, «для комплекса украшений пеньковской культуры также характерен синтез традиций прикладного искусства — от пальчатых фибул, свойственных славянским (и германским) древностям, до фигурок из Мартыновского клада, аналогии которым известны в широких пределах, от Северного Кавказа до Подунавья»[1105].

Крупнейшим центром в ареале пеньковской культуры было Пастырское городище на р. Сухой Ташлык в бассейне Тясмина. Городище являлось крупнейшим центром по производству гончарной керамики, земледельческих орудий труда, ювелирному производству[1106]. Обнаруженные на южном Днепре поселения пеньковской культуры с юртоподобными жилищами позволяют считать, что в состав этой культуры вливались тюркоязычные (булгарские) кочевники.

Таким образом, мы можем констатировать, что с этого периода начинается активный процесс этнокультурного синтеза славянских и тюркских народов.

Славянские племена периодически подвергались оттеснению от наиболее плодородных и благоприятных для жизни территорий. Так, авары и болгары оттеснили славян (антов) от Черноморского побережья и последние заселили лесную полосу между Днепром и Днестром[1107].

Происходит постепенное перемещение славян, заселение лесистых местностей вдоль берегов рек, обособление на местах поселений и создание временных союзов племен, в том числе и объединения для защиты от внешней опасности. На местах поселений формируется земледельческо-оседлый образ жизни[1108].

[1104] Аверариус А. Авары и славяне. Держава Само // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.) М., 1991. С. 33.

[1105] Петрухин В. Я. Указ. соч. С. 55.

[1106] Приходнюк О. М. Пеньковская культура // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 3. С. 153–167; Приходнюк О. М. Этнокультурные процессы в Карпатском бассейне и Подунавье в период раннего средневековья (V–VII вв.) // Славяне и Русь (в зарубежной историографии). Киев, 1990. С. 93–94.

[1107] Гумилев Л. Н. История Древней Руси… С. 10.

[1108] Рыбаков Б. А. Первые века русской истории… С. 10.

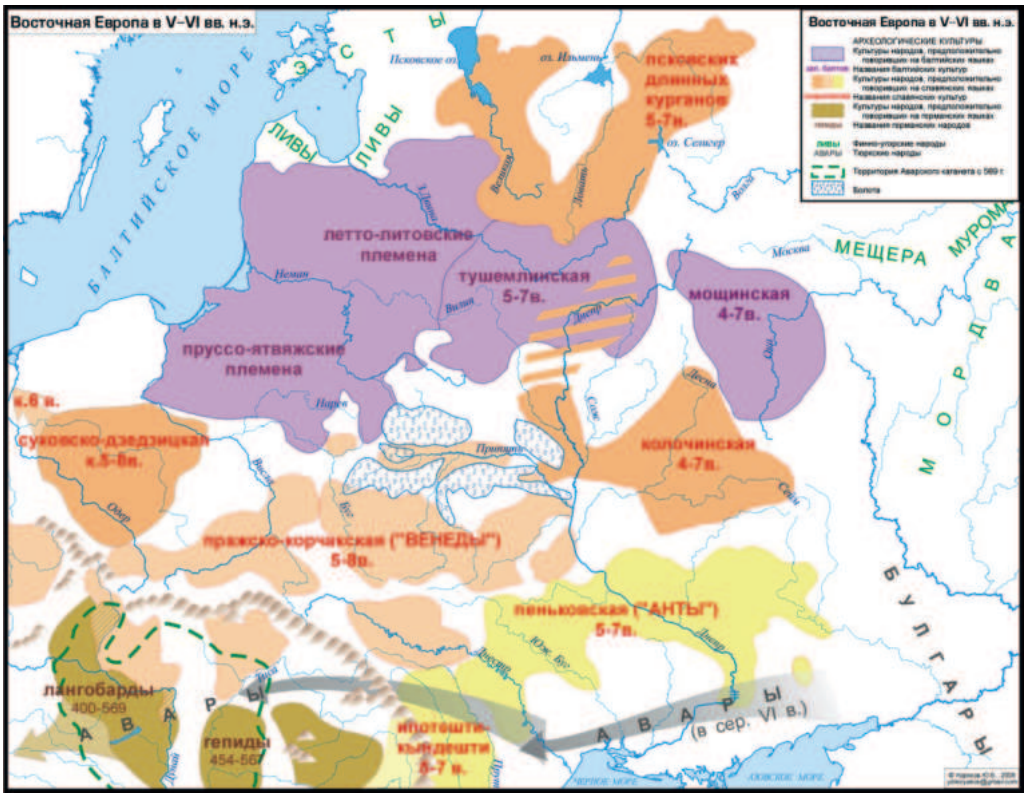

Рис. 88. Карта. Археологические культуры Восточной Европы в V–VI вв.
Источник: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/thumb/0/07/East_europe_5–6cc.png/1920px-East_europe_5–6cc.png

Таким образом, первый период взаимоотношений славянских и тюркских (прототюркских) племен характеризуется уходом с исторической сцены кочевых империй гуннов и аваров и серьезной трансформацией славянских племен. Кочевые завоеватели оказали огромное влияние на историческое развитие славянских народов. Славянские племена из состояния варварства, родоплеменного строя переходят к более высокой стадии развития — мощным политическим объединениям — союзам племен, этнической консолидации. Обороняясь от нашествия степных кочевников и ведя самостоятельные войны и нападения на соседние территории, вступая в союзы с кочевниками, славяне научились военному искусству, дипломатии. Обогащение, полученное от нападений на соседние земли, возвысило власть верховного военачальника. Власть стала передаваться по наследству. Несомненно, кочевники оказали и негативное влияние на развитие славянских племен.

Следует отметить и еще один важный фактор, характеризующий этот период взаимодействия славянских этносов с гуннами, аварами, алано-болга-

рами и другими тюркскими народами. С этого периода мы можем говорить об активном процессе взаимопроникновения двух культур и языков. Тесные контакты, которые происходили у оседлого славянского населения с кочевниками в различных сферах — военной, политической, дипломатической, торговой, бытовой, семейной и т. д., объективно способствовали обмену и обогащению культурных традиций. Результатом такого взаимопроникновения, по мнению исследователей, стало «распространение славянского языка как «lingua franca» и даже консолидация протославянской этнолингвистической общности[1109]. И, как следствие, дальнейший вывод о том, что «Российская история и филология неотделимы от тюркской истории, тюркские языки составляют лексический хребет русского языка… Связь русского и тюркских языков зафиксирована историей с незапамятных времен»[1110].

В этом контексте достаточно упомянуть о социальной терминологии славян, которая восприняла тюркские политонимы, например, наименование правителей тюркскими титулами «жуган», «каган» и т. д.

Второй период взаимодействия тюркских и славянских племен охватывает вторую половину VII и конец IX в. На этапе с VII–IX вв. шло формирование и политическое самоопределение славянских и тюркских союзов племен и кочевых государств — болгары, венгры, хазары. К началу VII столетия наступает почти двухвековой период без больших войн и потрясений. Заканчиваются славянские набеги на Византию. В этот период происходит серьезная трансформация всего славянского сообщества. Завершается переселение славянских племен в Восточную Европу. Происходит заселение Восточно-Европейской равнины, особенно ее центральной и северной частей. В начале VIII в. славяне занимали лесные земли между Днепром и Днестром, занимают левобережье Среднего Поднепровья[1111], верхнеокского региона и бассейнов Среднего и Верхнего Дона[1112]. На верхней Оке формируются вятичи, в левобережной части Среднего Поднепровья — северяне, на Дону — отдельное племя. В IX в. появляются родимичи[1113]. На севере, на Валдайской возвышенности и Псковском регионе расселялись кривичи. В Приильменье — ильменские славяне. Хозяйственный уклад зависит от природно-географических характеристик, но в основе — земледелие[1114].

[1109] Петрухин В. Я. Указ. соч. С. 56.

[1110] Кононов А. М. История изучения тюркских языков в России. Л.: Наука, 1982, С. 19.

[1111] Баран В. Д. Сложение славянской раннесредневековой культуры и проблем расселения славян // Славяне на Днестре и Дунае. Киев, 1983. С. 40.

[1112] Рыбаков Б. А. Первые века русской истории… С. 3–10.

[1113] Древняя Русь в средневековом мире… С. 754.

[1114] Рыбаков Б. А. Первые века русской истории… С. 12; Греков Б. Д. Указ. соч. С. 36.

Рис. 89. Карта. Расселение восточнославянских племен.
Источник: https://yandex.ru/images/search?from

На вновь заселяемых землях увеличиваются площади обрабатываемой пашни, совершенствуется обработка земли, происходит переход на старопахотные земли и двупольную систему земледелия. С учетом географического расположения в хозяйстве славян преобладала лесостепная культура[1115]. Земледелие становится господствующим направлением хозяйственной жизни славян[1116]. Важным было скотоводство, бортничество и обработ-

[1115] Славяне накануне образования Киевской Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 7.
[1116] Рыбаков Б. А. Первые века русской истории… С. 12; Греков Б. Д. Указ. соч. С. 36.

ка железа. При этом в VII–VIII вв. уровень экономического и социального развития славянского общества был недостаточным для собственной социальной организации, для коллективной обороны, строительства оборонных сооружений. Только в VIII–IX вв. развивается строительство городищ на высоких, естественно защищенных местах[1117]. Первые славянские городища (города) как центры племенного объединения и решения социальных, торговых, экономических и политических и оборонительных задач возникают в VIII–IX вв. К концу IX — началу X в. историки насчитывают на территории Древней Руси более двух десятков городов, а в XI в. — более 85[1118].

Вторая половина VIII — начало IX в. характеризуется подъемом международной торговли, постепенной переориентацией кочевых и полукочевых племен на получение дохода за счет обложения данью подвластных народов и купцов за происхождение торговых путей.

Период этногенеза восточных славян в VII–IX вв. завершается важнейшими социально-политическими событиями, которые способствовали их дальнейшему объединению. В 860 г. создается славянская письменность, в 862–882 гг. происходит образование Древнерусского государства. С 990 г. начинается принятие христианства славянскими народами.

Исторический период со второй половины VII до середины XI в. характеризуется сменой тюркских племен на территории Восточной Европы. В южных степях Прикаспия, Приазовья, Причерноморья в это время пребывают прототюркские племена венгров, болгар, хазар. Создание Хазарского каганата и первого Болгарского государства завершает великое переселение народов в конце VII в.

В этом периоде можно выделить отдельные исторические этапы взаимоотношений тюркских и славянских народов. Основные контакты и взаимодействие славянских племен было с хазарами. Начальная история объединения восточных славян VII–IX вв. тесно связана с историей Хазарии. В период с IX по X в. во взаимоотношения с хазарами выступает Древнерусское государство. В период с X до середины XI в. на смену Хазарии во взаимосвязях с Древней Русью приходят печенеги.

В 667 г. территории от Волги до Днепра стали контролировать тюркские кочевые племена хазар, которые входили в состав Западно-Тюркского кага-

---

[1117] Тихомиров М. Н. Древнерусские города. Государственное издательство политической литературы. М., 1956. С. 11–12.

[1118] Куза А. В. Малые города Древней Руси / Институт археологии АН СССР. М.: Наука, 1989. С. 131–140; Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России. Социально-экономические проблемы. М., 1980. С. 59.

ната. Западно-Тюркский каганат в VII в. распространяет влияние на Северный Кавказ, Нижнее Поволжье, Северное Причерноморье. Он контролирует Великий шелковый путь на запад через Хорезм, Поволжье, Крым. Происходит вытеснение или порабощение местных племен. Этнический состав Западно-Тюркского каганата охватывал 10 тюркских племен, включая хазар, проживающих в Прикаспии и Северном Кавказе, и булгар, проживающих в Приазовье и Северном Причерноморье. В противостоянии с Сасанидским Ираном тюрки консолидировали хазар и их соседей савир в определенную военно-административную единицу в составе Западно-Тюркского каганата[1119].

Рис. 90. Карта. Славяне и Хазарский каганат.
Источник: https://yandex.ru/images/search?from=tabbar&text

После распада Западно-Тюркского каганата (630 г.) появились новые тюркские образования — Великая Болгария, основанная ханом Кубратом, и Хазария. В этот период, по мнению Л. Н. Гумилева, «хазарским каганатом

[1119] Артамонов М. И. История Хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. С. 48–49.

управляли тюркские ханы династии Ашина (650–810), наследники правителей Великого тюркского каганата (552–745)», фактически — «тюрко-хазары»)[1120]. Хазарский каганат возник как прямой наследник Великого тюркского каганата. В 660–680 гг. хазары вытеснили булгар за Дунай и стали контролировать Северный Кавказ, Приазовье, Поволжье, Степной Крым. Правитель Хазарии принял высший в кочевой империи титул — каган.

С конца VII в. Хазария, как сформировавшееся кочевое государство, представляет военную и политическую силу и оказывает влияние на соседние племена и государства. Хазары заключили союз с Византией и сохраняли с ней союзные отношения в силу пограничных владений в Крыму[1121]. Основное влияние хазар было обращено на Закавказье и Арабский халифат.

С 650 по 737 г. хазары вели долгие войны с арабами. После распада Арабского халифата (751 г.) начинается время подъема хазарского государства. Часть племен, населяющих бассейны рек Дон, Северный Донец, Причерноморье, переходят на оседлый образ жизни. Еще ранее, в период военных столкновений с арабами, хазары перемещались в районы Дона и Волги и в середине VIII в. построили новую столицу Итиль в низовье р. Волга (Итиль — тюркское название реки). Таким образом, в VII — начале VIII в. хазары обосновались в Прикаспийских степях, на Северном Кавказе, вторглись в Приазовье и разгромили болгар. Болгары откочевали за Дунай и вошли в состав болгарского государства. Часть болгар не переселилась на Придунайские земли, а откочевала в Среднее Поволжье и на Каму. Здесь образовалось Болгарское ханство, или Волжско-Камская Булгария. Хазары старались установить контроль над торговыми путями. Влияние хазарского каганата распространилось на Боспор, Крым, Херсонес.

Этническое и культурное взаимоотношение хазар со славянами сложно и противоречиво. Оно было различным в период обособления и формирования союзов славянских племен VII–IX вв. и во время Древнерусского государства (IX–X вв.). В период VII–IX вв. хазары уделяют большое внимание восточным славянам. По мнению Б. А. Рыбакова, уже со второй половины VII в. хазарский каганат стал брать под свое влияние ряд антских племен (позднейшие поляне, северяне, родимичи, вятичи)[1122]. В VII–VIII вв. хазарам подчинялись восточнославянские племена антского происхождения в области рек Днепра, Бучи, Днестра и до Черного моря. Это волыняне, уличи, тиверцы, о них свидетельствует Ипатьевская летопись. По сведени-

[1120] Гумилев Л. Н. История Древней Руси… С. 42, 47.

[1121] [69] Голубовский П. В. Указ. соч. С. 20.

[1122] Рыбаков Б. А. Анты и Киевская Русь… С. 319–337.

ям П. В. Голубовского, в этот период существовало еще два племени южных славян — уличи и тиверцы, потомки антов, которые занимали приморскую область между побережьем Азовского моря и Днепром вплоть до появления кочевников-печенегов в XI в.[1123] По мнению автора, племена уличей и тиверцев стояли по культуре выше других славянских русских племен, входили в состав Хазарии и участвовали в черноморской торговле. Славяне вместе с земледельцами аланами заселили при поддержке хазар Подонье. Погребения хазар обнаружены в местности, прилегающей к Киеву, которая располагалась на землях полян[1124].

В северо-причерноморских степях в VIII–IX вв. располагались кочевые племена венгров (мадьяр), которые перекочевали из Заволжских степей Южного Урала. Предки венгров — мадьяры, по происхождению угорский народ, были вытеснены на Западный берег Волги, а затем в 830 г. в Приднепровские степи. Венгры, по свидетельству Константина Багрянородного, совершали набеги на граничившие с Хазарией славянские поселения[1125]. Венгры входили в состав Хазарского каганата и принимали участие в Хазарских войнах[1126]. Венгерский вождь Лебедий был утвержден хазарским Каганом и женился на знатной хазарке. Хазары препятствовали набегам венгров, сдерживая кочевые племена, и усмиряли военные конфликты. В конце IX в. северо-причерноморские земли захватили кочевые племена печенегов, которые заставили венгров откочевать в Подунавье. В свою очередь печенегов выдавливали огузы, а огузов — половцы. С конца VII в. хазары распространили свою власть над всеми племенами на пространстве от Волги до Днепра и оказывают влияние на межплеменные отношения славян, сдерживая их от вражды и войн. Славянские племена, пользуясь могуществом Хазарии, находят защиту от других кочевых племен и укрепляют свои союзы.

Древнерусские летописи сохранили информацию о том, что все восточнославянские племена лесостепного юга вошли в состав Хазарского кагана, дань хазарам платили поляне, радимичи, вятичи и северяне. Как считают исследователи, «подчинение было добровольным, а дань необременительной»[1127]. Повесть временных лет косвенно свидетельствует о покорении хазарами части славян около 859 г. и повествует о дани, которую славянские

[1123] Голубовский П. В. Указ. соч. С. 34.

[1124] Там же. С. 25, 34, 35.

[1125] Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: Наука, 1991. С. 52–54.

[1126] Артамонов М. И. Указ. соч. С. 344–345.

[1127] Артамонов М. И. Указ. соч. С. 294–295.; Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 119–120.

племена платят хазарам — «Варяги из заморья взимали дань с чуди, и со словен, и с мери, и с кривичей. А хазары брали с полян, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке и по девице от дыма»[1128]. В этот же период Хазария стремилась взять под контроль торговые пути, особенно реки, которые были важными водными путями передвижения и торговли восточных славян.

В исследованиях отмечается, что «хазары не совершали военных набегов на оседлых земледельцев, а наоборот, позволяли им колонизовать пустующие земли». Общеизвестным является и факт полной религиозной и национальной терпимости хазарских правителей[1129]. Подтверждением данного тезиса могут выступать археологические источники — в «большинстве поселений волынцевской культуры этого времени (на левобережье Днепра), носителями которой выступали восточнославянские племена, отсутствуют укрепления — в них не было необходимости»[1130].

Благоприятный социальный климат для славянских племен, сложившийся в Хазарском каганате, способствовал массовому их расселению в Подонье и на собственно хазарские территории. Доказательством тому служат топонимы притоков Дона и Донца, которые по источникам носили славянские названия вплоть до XV в.[1131] По сообщениям исторических хроник, восточные славяне входили в состав войска хазарского кагана (вероятно, личная гвардия) и его дворцовой прислуги[1132].

Важным моментом, характеризующим взаимодействие народов, является их религиозная принадлежность. Славяне и хазары исповедовали различные религии. Следует отметить, что среди населения Хазарии проживали и христиане, и мусульмане. Все это ставило перед каганами задачу централизации и формирования единого духовного, экономического и т. д. пространства. Идейной основой данной политики стало проведение религиозной реформы, направленной на принятие монотеистической религии. В 730 г. каган Булан принял иудаизм, что, по мнению ряда исследователей, было вполне обосно-

---

[1128] Повесть временных лет. Часть первая. Текст и перевод. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 18.

[1129] Голубовский П. В. Указ. соч. С. 21.

[1130] Винников А. З. Донские славяне и алано-болгарский мир: мирное сосуществование или противостояние // Хазары: миф и история. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гемарим, 2010. С. 189–216.

[1131] Любавский М. К. Лекции по древней русской истории до конца XVI в. 4-изд., доп. СПб., 2000. С. 84.

[1132] Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских: (С половины VII в. до конца X в. По Р. Х.). СПб., 1870 г. С. 117–133.

вано — «православие и ислам ставили бы Хазарию в идейную и политическую зависимость от Византии или Арабского халифата соответственно»[1133]. В середине VIII в. население Хазарии было обращено в иудейство. Иудейскую религию исповедовали прежде всего каган и его окружение. И выбор был прагматичным. Иудаизм обеспечивал хазарам «вхождение в круг средневековых цивилизаций и вместе с тем самостоятельное положение между борющимися сторонами, т. е. исламом и христианством»[1134]. Русь в IX–X вв. была традиционно связана с Византией, т. е. центром христианского мира. Это и обеспечило в 889–890 гг. начало христианизации славянских народов. При этом, несмотря на различные религиозные предпочтения, между славянами и хазарами существовала религиозная терпимость. Это было связано с тем, что большинство населения и Хазарии, и Древней Руси в этот период оставалась приверженцами языческих культов. Кагану и его преемникам не удалось сделать иудейство государственной религией; мусульманские и христианские общины сохранили свое влияние в политике и торговле.

К середине X в. Хазария контролировала огромную территорию Поволжья, Дона, Северного Кавказа, Причерноморья, Крыма. На большей части границы Хазарии были построены каменные крепости. О строительстве приграничной крепости Саркел (Белая крепость) на Дону (834–837 гг.) византийскими инженерами повествует Константин Багрянородный[1135].

Могущество Хазарии способствовало укреплению и развитию славянских народов в Восточной Европе. П. В. Голубовский пишет о значении хазар как об «оплоте славянства на востоке»[1136]. В этот период происходит объединение славянских племен, образование княжеств и крупных городов — Ладога, Новгород, Белоозерск, Изборск, Киев. В 882 г. новгородский князь Олег захватывает Киев и провозглашает его центром русских городов. У восточных славян складывается политический союз племен. Процессы интеграции разноплеменного славянства, расселившегося на Восточно-Европейской равнине, могли начаться не ранее образования Древнерусского государства во второй половине IX в., территориально охватившего все земли, где складывалась восточнославянская народность»[1137]. Активное строительство поселений и городов способствовало развитию ремесел и торговли. Требовалась охрана этих поселений и, как следствие, формирование во-

[1133] Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979. С. 185.
[1134] Артамонов М. И. Указ. соч. С. 262.
[1135] Константин Багрянородный. Указ. соч. С. 173.
[1136] Голубовский П. В. Указ. соч. С. 23.
[1137] Древняя Русь в средневековом мире… С. 754.

енно-дружинного сословия. Объединению славянских племен в Древнерусское государство способствовала и христианизация, к X в. все славянские племена слились в единый этнос — Русь.

По замечаниям Л. Н. Гумилева, история Хазарии предшествовала истории Древней Руси, затем Древняя Русь перехватила гегемонию у Хазарского каганата[1138]. С 839 г. князья Древней Руси провозглашают себя каганами, высшим титулом тюркских каганатов. Как повествует «Слово о законе и благодати» Иллариона (середина XI в.), титул кагана носили Владимир Святославович — князь новгородский и черниговский и Ярослав Мудрый — князь ростовский, новгородский, киевский[1139].

Политическое возвышение Русского государства сопровождалось собиранием славянских земель. Их главным политическим конкурентом в регионе выступал Хазарский каганат. Борьба между ними развернулась за влияние на восточнославянские племена и возможность сбора с них дани. Как указывалось выше в письменных источниках, дань хазарам платили поляне (племенным центром которых был Киев — будущая столица Древнерусского государства), северяне, радимичи и вятичи. После восшествия на княжеский престол Рюрика в 862 г. в Новгороде под его контроль перешли славяне и кривичи. По мнению ряда исследователей, именно в этот период «поляне перестали платить дань хазарам, подчинившись Аскольду и Диру». Таким образом, по сути, на территории расселения восточнославянских племен сформировалось два политических центра: варяжский и хазарский. Активные действия князя Олега позволили ему очень быстро включить в сферу своего влияния радимичей и северян. С 965 г. дань ему стали платить и вятичи[1140]. Таким образом, первые русские князья претендовали не просто на титул, но и на хазарское наследие в Восточной Европе. Свидетельством этого факта, по мнению В. Я. Петрухина, является «первый государственный акт Олега, утвердившегося со своей «варяжской» Русью в Киеве в конце IX в.», которым стало «присвоение дани, которую брали хазары со славянских племен Среднего Поднепровья»[1141].

Противостояние Древней Руси и Хазарии возникло и из-за контроля над торговыми путями в экономической жизни славянских племен и Хазарского каганата. Важную роль в VII–VIII вв. играл Великий шелковый путь. С момента возникновения каганата его экономическая модель существен-

---

[1138] Гумилев Л. Н. История Древней Руси… С. 24, 52.
[1139] Петрухин В. Я. Указ. соч. С. 59.
[1140] Повесть временных лет. Часть первая… С. 20.
[1141] Петрухин В. Я. Указ. соч. С. 57.

но трансформировалась и была связана с постепенной заменой скотоводческо-ремесленного производства транзитной торговлей. В Хазарский каганат в VI в. переселилась еврейская община, которая со временем монополизировала внешнюю торговлю страны. Это позволило ей потеснить с политической арены собственно хазар и занять в каганате лидирующие позиции. Город Итиль, новая столица Хазарского каганата в низовьях Волги, стал крупным транзитным центром. Иудеи стали контролировать закупочные цены и цены для продажи привозимых и закупаемых товаров. Одним из основных источников дохода стала работорговля[1142].

Первые свидетельства о торговле на территории восточных славян относят к VIII в. Регионы их расселения имели крайне выгодное географическое положение. Они выступали транзитной территорией, соединявшей Скандинавию и страны Ближнего Востока. Транспортной артерией стал Великий Волжский путь. Русские купцы формировали новые торговые пути по Дону, Волге. В том числе — по пути из варяг в греки — Новгород, Волхов, Днепр, Киев, Черное море, из Балтийского в Варяжское море по рекам в Черное море.

В IX в., в период зарождения Древнерусского государства, хазары стали терять контроль над трансъевразийским торговым маршрутом, проходившим через хазарскую столицу Итиль и Куябу (будущий Киев). В борьбу за главенство на торговых маршрутах выступили Аскольд и Дир. Как свидетельствует источник, около 860 г. им удалось вывести Куябу из-под хазарского влияния, после чего «почти 15 лет хазары, используя наемные войска, состоявшие из печенегов и так называемых «черных болгар», живших на Кубани, пытались вернуть Куябу». Но он оказался потерянным ими навсегда[1143].

Хазары понимали опасность усиления Древнерусского государства. В силу этого Хазария не только противостояла Руси, но и пыталась выстроить с ней взаимовыгодные отношения. Так, известно письмо хазарского царя Иосифа к Хасдаю ибн Шафруте, в котором от утверждает, что ведет упорную войну с Русью и не пускает их корабли входить в Каспийское море, чтобы не дать им напасть на Иран и Багдад[1144]. С другой стороны, Хазария допустила опустошительные походы Руси на Каспийское море в 913 и 943 гг., хотя это ослабляло политические и торговые позиции хазар в Закавказье и Иране.

[1142] Кирпичников А. Н. Великий Волжский путь и международная торговля и этнокультурная интеграция в эпоху Раннего Средневековья // Современные проблемы археологии России: сб. науч. тр. Новосибирск, 2006. Т. I. С. 34–39.

[1143] Дубов И. В. Великий Волжский путь. Л., 1989. С. 161–170.

[1144] Артамонов М. И. Указ. соч. С. 370–371.

Во взаимоотношениях Хазарии и Древней Руси необходимо учитывать и имевшие место совместные военные походы против половцев и службу варяго-русских дружин при дворе хазарского царя, и участие хазар христианского вероисповедания в составе дружины Игоря[1145].

Археологические сведения, полученные в результате полевых исследований XX — начала XXI в. на Северском Донце, дают основание говорить о «мирном сосуществовании отдельных микрорегионов» Хазарского каганата, достаточно глубоких и тесных этнокультурных контактах славян с их юго-восточными соседями — тюркоязычными степными народами. Процессы межэтнического взаимодействия славянских и тюркских народов затрагивали различные сферы материальной и духовной культуры. Однако наиболее ярко они появились в керамическом производстве, домостроительстве, фортификации и в сельском хозяйстве.

Наиболее показательно процессы славяно-тюркского культурного синтеза демонстрирует п. Салтов и названная в честь этого памятника археологическая салтовская культура[1146]. Анализ домостроительных традиций на Верхнем Салтове позволил определить, что отдельные жилища тюркского населения Хазарского каганата создавались с использованием восточнославянских традиций. Как отмечает В. В. Колода, «у 66% жилых сооружений стены имели каркасно-столбовую или срубную конструкцию; у 39% жилищ, вероятно, имелись двухскатные крыши, в двух жилищах выявлены печи, низ которых был вырезан в материковом глиняном останце. Славянским влиянием можно считать и открытые очаги, расположенные не на уровне пола, а на возвышенностях (природные глиняные останцы или искусственные глиняные вымостки). В этом приподнятом расположении открытого очага можно увидеть определенный шаг от традиций алан или кочевников в сторону „славянизированного" интерьера жилища. Таким образом, наблюдается отход от традиций сооружения юртообразных жилищ»[1147].

Оценивая различные этапы взаимоотношений Хазарии и славянских народов, можно утверждать, что гегемония хазарского каганата не препятствовала, а, наоборот, способствовала постепенному объединению славянских племен, усилению их политического союза. С середины IX — начала X в. наблюдаются другие процессы. С образованием Древнерусского государства усиливается его политическое и военное влияние на восточнославянские народы, расширяются его владения, прилегающие к владениям хазарского

[1145] Артамонов М. И. Указ. соч. С. 383.
[1146] Повесть временных лет. Т. I, стб. 21, 24; Т. II, стб. 15.
[1147] Петрухин В. Я. Указ. соч. С. 57.

каганата. Древнерусское государство заявляет о себе как о ведущей политической силе в Восточной Европе. Хазария к этому времени значительно ослабевает. В начале IX в. там разразилась гражданская война, в результате которой каганат сохранил свое главенство, но усилилось влияние Византии, Древней Руси. Набеги печенегов в 965–969 гг. разорили страну. Северное Причерноморье в X в. вышло из-под контроля хазар, с востока на Хазарию напали гузы (торки)[1148]. В обычное время каганат крепко держал контроль за движением через свою страну и неукоснительно взимал десятину со всех проходящих через нее товаров, в том числе и русских[1149]. Хазары контролировали караванные пути из Итиля в Китай и через Азов и Причерноморское побережье. Славяне могли торговать только через Хазарию. Однако к концу X в. хазары полностью потеряли свою экономическую активность. Снизилась прибыльность торговых путей.

Древнерусское государство, получив политическое и военное преимущество над ослабевшей Хазарией, стало постепенно отвоевывать и экономические позиции, вступая с ней в соперничество. Русь оказалась в конце этого периода соперницей Хазарии по торговле с Восточной Европой. Русские купцы формировали новые торговые пути по Дону, Волге. В том числе по пути из варяг в греки — Новгород, Волхов, Днепр, Киев, Черное море. Из Балтийского в Варяжское море — по рекам в Черное море.

Разгром хазар Святославом в 965 г. официально закрепил перенос политического центра южностепных регионов Волго-Дунайского междуречья, населенных полиэтническим населением, в Киев. Исследователи подчеркивают, что Древнерусское государство наследовало многие политические традиции тюркских кочевых империй и развивалось по «хазарской модели». В административно-территориальном смысле в IX — середине XI в. оно представляло собой конгломерат «относительно автономных земель, связанных системой даннических отношений». При этом территории, занимаемые кочевниками, являлись «составной частью этого конгломерата». Как отмечает Т. А. Любчанская, Древнерусское государство заимствовало у тюркских племен ряд традиций. К ним исследователь относит: «1) характер политического устройства — военная империя; 2) военно-иерархический характер общественной организации, выстроенной по принципу военных единиц; 3) быстрое развитие оборонной индустрии; 4) схожее устройство войска и тактических приемов ведения боя; 5) дуальный (или традиционный) принцип

[1148] Артамонов М. И. Указ. соч. С. 351.
[1149] Гумилев Л. Н. История Древней Руси… С. 132.

социальной организации на ее высших уровнях». В политической практике Древней Русью был заимствован ряд элементов политической культуры кочевников. Среди них: титул «хакан»/«каган», удельно-лествичная система, институт соправления и кормления[1150]. IX век считается закатом «Хазарского мира» и завершением периода относительной стабильности в Кыпчакской степи. Походы русских дружин подорвали могущество Хазарии и «уничтожили этот оплот славянства на Востоке»[1151]. «Историческим последствием хазарской гегемонии стали остановка непрерывного потока кочевников из Азии в Европу, что имело позитивные последствия для восточнославянских племен и народов»[1152].

В IX–X вв. активные политические контакты Киевская Русь развивала с Волжской Булгарией[1153].

Рис. 91. Карта. Русь и Волжская Булгария при князе Владимире. Источник: https://yandex.ru/images/search?text

[1150] Петрухин В. Я. Указ. соч. С. 57.
[1151] Голубовский П. В. Указ. соч. С. 23.
[1152] Артамонов М. И. Указ. соч. С. 331.
[1153] Халиков А. Х. Татарский народ и его предки. Казань, 1989; Государственность восточных булгар VII–XIII вв. Чебоксары, 2012. С. 312.

Они были насыщены как взаимными военными набегами, сопровождавшимися разрушением городов, так и периодами мирного созидательного существования, связанного с развитием торговли. Так, в течение X столетия Киевская Русь организовала четыре военных похода на Волжскую Булгарию в 977, 985, 994–996 и 997 гг.

Ответных действий булгары не предпринимали. Исследователи считают, что причиной этому было у булгар отсутствие опыта в защите или осаде города. Основным их войском была легкая конница, пехота имела подсобное значение[1154]. В источниках имеется информация только о двух городах, взятых булгарами — Муроме и Устюге. Но закрепиться там им надолго не удалось.

В историографии утвердилось мнение о том, что силы Древней Руси и Булгарского государства были примерно равны, и поэтому вопрос о политической и экономической зависимости одного государства от другого никогда между ними не поднимался[1155]. Главной причиной военных столкновений между двумя государствами являлась нарастающая колонизация русскими княжествами земель, входивших в сферу интересов булгар.

Так, вектор военно-политического противостояния русских князей и Волжской Булгарии разворачивался за право владения землями мордовских племен. Они проживали в междуречье Оки и Волги, их территории долгое время являлись буферной зоной русско-булгарской социально-экономической политики. Как отмечают исследователи, с X в. часть мордвы «была втянута в сферу экономического и политического воздействия Булгарского государства»[1156], другая часть — поддерживала русских князей. Немаловажным фактором соперничества двух государств выступал религиозный аспект — в Волжской Булгарии официальной религией являлся ислам, Древнерусское государство, как известно, приняло христианство.

Русские князья начиная с 20-х гг. XII в. стали проводить наступательную политику в отношении Волжской Булгарии. Военные походы на Волжскую Булгарию в 1120 г. совместно с половцами совершил Юрий Долгорукий; летом 1164 и 1172 гг. — Андрей Боголюбский вместе с муромским князем Юрием Владимировичем; в 1184 г. — Всеволод Большое Гнездо и великий князь киевский Святослав Всеволодович. Зона влияния булгар неизменно сокра-

---

[1154] Смирнов А. П. Волжские булгары // Труды Государственного исторического музея. М., 1951. Вып. 19. С. 84.

[1155] Фахрутдинов Р. Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984. С. 21.

[1156] Халиков А. Х. Мордовские и булгаро-татарские взаимоотношения по данным археологии // Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965. 439 с.

щалась, в середине XII в. они были вынуждены перенести столицу из Болгара в Биляр[1157].

Окончательную победу Владимиро-Суздальской Руси в ее борьбе с Булгарией за мордовские земли принес поход 1220 г. сводных русских полков[1158]. После неоднократных просьб эмира к князю владимирскому Юрию Всеволодовичу был подписан мирный договор при условии передачи русским Волго-Окского междуречья. Год спустя Юрий Всеволодович в важном стратегическом месте, при впадении Оки в Волгу, заложил Нижний Новгород. Заключение мира являлось первоочередной задачей для Булгарии, так как ее правителю уже было известно о продвижении монгольских войск на запад[1159].

Экономические контакты Древней Руси и Волжской Булгарии были взаимовыгодны. Это подтверждают торговые соглашения между ними. Так, торговый договор 1006 г. позволял булгарским купцам свободно торговать на Волге и Оке, а купцам Руси — в Булгарии.

Серьезным политическим конкурентом славян в период формирования их государственности стали печенеги — древнетюркоязычный народ, в VII–VIII вв. кочевавший в бассейне реки Сырдарья и в Приаралье. Исследователи связывают формирование печенегов с племенами огузов[1160]. Во второй половине IX в., по некоторым сведениям, в 889 г. в результате климатических изменений (засухи) и притеснения соседей орды печенегов перекочевали к Волге и заняли степи вытеснив мадьяров и хазар[1161]. Впоследствии хазары покинули северопричерноморские, дунайские земли и кочевали между Волгой и Днепром и Дунаем. В силу благоприятных природно-географических условий печенеги смогли быстро нарастить поголовье скота и свою воинскую силу[1162].

Около 882 г. печенеги достигли Херсона и Крыма и стали контролировать территории Северного Причерноморья. Они граничили с Киевской Русью — восточнославянскими племенами, Византией, Болгарским царством и Хазарским каганатом. Печенеги контролировали торговые пути, в том числе

1157 Якимов И. В. Русско-булгарские взаимоотношения накануне монгольского нашествия // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань, 1988. С. 27–33.

1158 Кучкин В. А. О маршрутах походов древнерусских князей на государство волжских булгар в XII–XIII вв. // Историческая география России XII — начала XX вв. М., 1975. С. 31–45.

1159 Гагин И. А. Волжская Булгария: Очерки истории средневековой дипломатии (X — первая четверть XIII в.). Рязань, 2004. 230 с.

1160 Бартольд В. В. Тюрки. Двенадцать лекций по истории тюркских народов Средней Азии. Алматы, 1993. 192 с.

1161 Голубовский П. В. Указ. соч. С. 44–47.

1162 Гумилев Л. Н. История Древней Руси… С. 146.

из «варяг в греки». В X в. Византия нанимала печенегов в качестве приграничных отрядов, охраняющих Константинополь от киевских дружин.

В конце IX в. печенежские племена стали перемещаться в западном направлении и заняли все степные пространства между Волгой и Дунаем. Между кочевьями печенегов и южнорусской границей проходила нейтральная полоса «один день пути» (30–35 километров), которая некоторое время обеспечивала безопасность русской земли[1163].

Однако это не исключало интенсивных контактов славян с печенегами. Впервые они пришли на Русь в 915 г. Князю Игорю удалось заключить с ними мирное соглашение, что позволило их использовать в 944 г. как союзников во время похода Игоря на греков. Это же соглашение или, как считают исследователи, несколько мирных соглашений позволили восточнославянским племенам в первой половине X в. расселиться в Нижнем Поднепровье и Северном Причерноморье[1164].

Относительно стабильный период сосуществования славян и печенегов завершился во второй половине X в., вошедшей в историю событиями славяно-печенежских войн. Первый период противостояния — оборонительный, продолжался до конца 90-х гг. X в. Вторжения кочевников-степняков в эти годы в пределы древнерусского государства стали постоянными. Несколько раз предпринимались попытки осады Киева[1165]. Именно они вынудили князя Владимира приступить к строительству серии оборонительных сооружений — земляных валов по периметру столицы, а в 988 г. — так называемых Змиевых валов, укрепленной линии на границе со степью. Их возведение лишило кочевников главного стратегического преимущества — внезапности нападения, так как дозорные на валах вели круглосуточное наблюдение и извещали сигнальными огнями о приближении противника. Немаловажным событием этого периода стало крещение Руси князем Владимиром в 988 г., что придало русско-печенежскому противостоянию дополнительный — религиозный аспект[1166].

В начале XI в. славно-печенежская война вступила во второй этап и была связана со смертью киевского князя Владимира в 1015 г. Начавшаяся междоусобная борьба между наследниками киевского князя Ярославом и Святополком активно использовалась печенегами, которые стали принимать в ней

[1163] Васильевский В. Г. Византия и печенеги (1048–1094). СПб., 1908. Т. 1. С. 4–5.

[1164] Полное собрание русских летописей. 2000. Т. 9. С. 9.

[1165] Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века). Воронеж, 2003. 246 с.

[1166] Каргалов В. В. Русь и кочевники. М.: Вече, 2008. С. 21–25.

участие в качестве наемников. Победа Ярослава, состоявшаяся в решающем сражении в 1017 г., вынудила бежать Святополка на Запад. Русь перешла к завершению разгрома печенежских войск. Битва под Киевом в 1036 г. стала завершающей в их истории. Археологические данные, относящиеся к этому периоду, свидетельствуют о расширении зоны проживания восточнославянских племен в Среднем Приднепровье, увеличении численности пограничных поселений, формировании их как крупных центров ремесла и торговли. Все это подтверждает факт победы русских войск в противостоянии с печенегами.

Как отмечал в свое время академик Б. А. Рыбаков, «организация борьбы с печенегами в общегосударственном масштабе (постройка пограничных крепостей, создание в них постоянных гарнизонов, состоящих из дружинников различных областей Руси, возрастание роли Киева как организатора общенародной борьбы с кочевниками) сосредоточила в руках киевского князя очень большие военные ресурсы, придававшие реальность его власти как великого князя всей Руси. Зависимые от киевского князя военные отряды, живущие в государственных крепостях в состоянии постоянной боевой готовности, служили ему не только для борьбы с внешними врагами — кочевниками, но и были опорой во внутренних делах для давления на оппозиционных феодалов»[1167].

Завершая анализ русско-печенежских отношений, отметим тот факт, что «летопись сохранила известия о двенадцати военных конфликтах между сторонами»[1168]. Как отмечает П. П. Толочко, «даже если предположить, что какая-то часть печенежских вторжений на Русь и русских походов в степь не попала в поле зрения русских летописцев, то и тогда невозможно представить почти полуторастолетнюю историю русско-печенежских отношений как сплошное военное противостояние»[1169]. Очевидно в связи с этим, что в отношениях восточных славян и печенегов торгово-экономические связи занимали важное место.

Археологические и письменные источники позволяют исследователям сделать вывод о том, что печенеги играли роль посредников в торговле восточных славян с Византийской империей. Крупной торговой факторией, через которую осуществлялась торговая деятельность печенегов с Визан-

---

[1167] Рыбаков Б. А. Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII века // Вопросы истории. 1962. № 4. С. 40.

[1168] По подсчетам академика Б. Д. Грекова, киевские князья воевали с печенегами 16 раз, не считая мелких столкновений.

[1169] Толочко П. П. Кочевые народы степей и Русь. СПб., 2003. 159 с.

тией, являлся Херсонес. Так, Константин Багрянородный отмечал: «Знай, что и другой народ их тех же самых пачинакитов находится рядом с областью Херсона. Они торгуют с херсонитами и исполняют поручение как их, так и василевса и в России, и в Хазарии, и в Зихии, и во всех тамошних краях, получая, разумеется, от херсонитов заранее согласованную плату за эту самую услугу, соответственно важности поручения и своим трудам, как-то: влатии, прандии, харерии, пояса, перец, алые кожи парфянские»[1170].

Среди товаров, которые печенеги поставляли в Херсон, были продукты скотоводства, главным образом, шкуры. Вторым в списке товаров, которыми торговали печенеги в Херсоне, был воск, производителем которого, безусловно, была Русь. Русским же они поставляли быков, коней, овец.

Третий этап славяно-тюркских контактов хронологически соотносится с серединой XI–XII вв. На смену печенегам в южнорусские степи пришли половцы (кумане-кыпчаки). Первоначально они обитали в VIII–IX в. в верховьях Иртыша[1171]. На рубеже I–II тыс. половцы входили в состав Кимакского каганата с центром в Прииртышье, именовались кыпчаками. В X в. они стали мигрировать в западном направлении, перейдя Волгу, заняли степи Причерноморья и Предкавказья[1172]. Часть печенежских племен вынуждена была уйти в западном направлении. Вторая часть вошла в состав половецкой федерации и со временем была ассимилирована половцами. У русских границ тюркский племенной союз половцев впервые появился в 1055 г.[1173] В 1070–1080-х гг. XI в. им удалось установить безраздельное господство над степными пространствами от Урала до Днепра, надолго ставшими для русских «половецким полем»[1174].

В Древнерусском государстве в момент исторического появления половцев все более четко обозначились тенденции политической раздробленности. Данный процесс был связан со смертью Ярослава Мудрого в 1054 г., разделившего свои владения между пятью сыновьями. Старший, Изяслав, стал

[1170] Цит. по: Толочко П. П. Кочевые народы степей и Русь. СПб., 2003. 159 с.

[1171] Куник А. О торкских печенегах и половцах по венгерским источникам // Записки Академии наук. Отд. I, III. 1854. Ч. II.; Куник А., Розен В. Известия ал-Бакри и других авторов о Руси и славянах. Ч. I. СПб., 1878. Скржинская Е. Ч. Половцы. Опыт исторического истолкования термина // Византийский временник. Т. 46. М., 1986. С. 257–276.

[1172] Галкин Е. С. Кочевой мир Восточной Европы конца IX — начала XIII вв. и его влияние на становление Киевской Руси // Наука и школа. 2006. № 3. С. 46.

[1173] Название «половцы» имеет русское происхождение и не являлось самоназванием этого народа. Средневековые авторы, писавшие на греческом и латинском языках, называли половцев куманами или команами. Арабские и персидские географы и историки IX–X вв. упоминают страну и народ кимаков, а также кыпчаков.

[1174] Плетнева С. А. Половцы. М., 1980. С. 115.

княжить в Киеве и Новгороде. Святослав получил Чернигов, Рязань, Муром и Тмутаракань. Переяславль и Ростов перешли среднему брату Всеволоду. Младшие братья Вячеслав и Игорь стали править в Смоленске и Волыни[1175]. Также был установлен новый порядок престолонаследия, получивший в современной историографии название «лествичного». Власть передавалась не по прямой — от отца к сыну, а от старшего брата к младшему. Князья продвигались поочередно от стола к столу в соответствии со своим старшинством. Эффект от такой системы наследования оказался двойственным. Призванная обеспечить территориальную целостность единого государства, она порождала постоянные конфликты между дядьями и племянниками[1176]. В 1097 г. по инициативе Владимира Мономаха на съезде в Любече было принято решение о новой системе наследования по прямой линии, что фактически означало начало политической децентрализации государства и формирования региональных династий. К середине XII в. Древнерусское государство фактически разделилось на 13 (по другим оценкам — от 15 до 18) княжеств[1177].

В 1060–1061 гг. половцы впервые вторглись в пределы Руси. С этого момента их набеги стали регулярными в пределы Черниговской и Переяславльской земель. Ситуация осложнялась недооценкой русскими князьями половецкой угрозы, центробежными тенденциями в государстве, борьбой за киевский престол. Это привело к поражению Изяслава, Святослава и Всеволода в битве с половцами в 1068 г. на реке Альта под Переяславлем.

С 1071 г. начинаются постоянные опустошительные нападения половцев на древнерусские земли.

В эти же годы «половецкий ресурс» стал важным аспектом междоусобных войн русских князей. Так, в 1078 г. переяславльский князь Всеволод потерпел поражение от черниговского князя Олега Святославича, своего племенника, который для сражения привел на Русь половецкое войско. Всеволод, год спустя, был вынужден подписать мирный договор с ханом Соколом, что способствовало временной передышке в русско-половецком противостоянии. В 90-е гг. XI в. отношения между противоборствующими силами вновь обострились. Как отмечают исследователи, к этому времени относит-

---

[1175] Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982. 590 с.

[1176] Кучкин В. А. Формирование и развитие государственной территории восточных славян в IX–XIII веках // Отечественная история. 2003. № 3. С. 71–80.

[1177] Котляр Н. Ф. Мстислав Тмутороканский и Ярослав Мудрый // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 2000. С. 134–142.

ся осознание русскими князьями всей опасности, исходящей от половецкой орды, и необходимости консолидации усилий для борьбы с ней.

Поэтому начало XII в. стало переломным в русско-половецких отношениях. Переяславльскому князю Владимиру Мономаху удалось объединить русские полки и совершить ряд успешных походов в степь в 1103, 1105, 1107, 1111 и 1116 гг.[1178] Для усмирения орды Владимир Мономах также использовал дипломатию. Как отмечают исследователи, «чтобы разъединить половецкую монолитность, он шел на сепаратные переговоры с главами отдельных орд, заключал с ними мирные соглашения, подкрепленные брачными связями. Он женил двух своих сыновей на дочери хана Аепы и внучке Тугоркана»[1179]. Успешная антиполовецкая борьба продолжалась и в годы правления сыновей Мономаха — Мстислава и Ярополка.

Новая волна политического противостояния русских князей за киевский престол в 40–50 гг. XII в. отодвинула на задний план половецкую угрозу. Возродившаяся практика привлечения отдельных орд русскими князьями к решению внутренних проблем, заключение с ними союзнических отношений привело к новому возрождению половецких сил. В частности, черниговские князья Изяслав Мстиславич и Юрий Долгорукий в середине XII в. в стремлении получить великокняжеский трон привлекали в вооруженной борьбе со своим противником половцев. В 1152 г., выступая в поход против Изяслава Мстиславича и его брата Ростислава, Юрий Долгорукий заручился поддержкой половецких орд Отперлюевых и Токсобичей[1180].

В 60-е гг. XII в. русским князьям вновь удалось договориться о консолидации сил для борьбы с половцами. Под руководством киевских князей Ростислава Мстиславича и Мстислава Изяславича были предприняты крупные походы в степь в 1168 и 1169 гг.[1181] Еще больших успехов в борьбе с половецкой степью в 80–90-е гг. XII в. добились соправители на киевском столе князья Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич. В начале XIII в. противоборствующие стороны стремились придерживаться принципа невмешательства во внутренние дела друг друга. Перед возникшей новой внешней угрозой — монгольскими войсками — противники выступили в союзе. В 1223 г. по просьбе хана Котяна южнорусские князья приняли участие в битве половцев с монголо-татарами на реке Калке.

[1178] Полное собрание русских летописей. Т. 2. Стб. 215–216.
[1179] Плетнева С. А. Половцы… С. 115.
[1180] Толочко П. П. Кочевые народы степей и Киевская Русь… 159 с.
[1181] Там же. 159 с.

Всего по подсчетам П. В. Голубовского, с 1061 по 1210 г. половцы совершили 46 больших походов на Русь. Из них на долю Переяславского княжества пришлось 19 походов, на Поросье — 12, на Северскую область — 7, на Киевскую и Рязанскую земли — по 4. Количество мелких половецких наездов вообще не поддается учету: их было множество. За это же время половецкие отряды 34 раза принимали участие в междоусобных войнах русских князей[1182]. Однако, как отмечает П. П. Толочко, «при всей тяжести борьбы с кочевниками и тех опустошениях, которые они причиняли пограничным областям, половецкое наступление нельзя сравнивать с монголо-татарским нашествием на Русь. Даже в периоды наибольшей половецкой опасности,… речь никогда не шла о самом существовании Руси, о ее независимости»[1183].

Ряд исследователей считают, что противостояние русских князей и половецкой степи в XI — начале XIII в. было обусловлено их стремлением контролировать международные торговые маршруты, проходившие через территории русского государства, прежде всего знаменитого «греческого». При этом часть ученых считают, что южный отрезок этого маршрута полностью принадлежал половцам. В период обострения отношений караваны русских купцов, как правило, подвергались грабежу. В мирное время половцы с них собирали пошлину[1184]. Другая часть исследователей отрицает факт подконтрольности какой-либо части торгового маршрута половцам. По их мнению, «право свое на него русские князья со времен Мономаха подтверждали силой оружия». Половцы лишь имели возможность в районе днепровских порогов совершать нападения на русских торговых людей.

Останавливаясь на истории межкультурных отношений славян с их восточными кочевыми тюркскими народами — половцами, отметим, что в историографии дискуссионным остается вопрос об их характере. Некоторая часть исследователей, опираясь на летописную традицию, считает тюрков-кочевников силой, извечно враждебной Руси. Действительно, в русских летописях половецкая степь предстает как пространство, крайне враждебное славянам. Данное восприятие также закрепилось в фольклоре восточных славян. Именно в XI–XII в., по мнению этой группы исследователей, был «создан цикл русских народных сказок о трех-, семи- и двенадцатиглавых Змиях, пожирающих людей.…Практически все половецкие ханы, особенно враждебно относившиеся к Руси, снабжены в летописях и народных преданиях

[1182] Голубовский П. В. Указ. соч. С. 80.

[1183] Толочко П. П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. URL: http://www.hagahan-lib.ru/library/kochevie-narodi-stepey-i-kievskaya-rus.

[1184] Плетнева С. А. Половцы… С. 115.

негативными определениями. Боняк — «шелудивый хищник», Тугоркан — «змиевич», Кобяк — «поганый», Кончак — «окаянный», «поганый кащей» и т. д.»[1185]. Формирование негативного образа половецкой степи было связано с религиозным аспектом. Славяне в летописях представляются как защитники христианской веры от язычников-половцев.

Другая группа исследователей не оценивает опыт межкультурного взаимодействия восточных славян и половцев как исключительно негативный и «духовно несовместимый». Политические, социально-экономические связи, династийные браки порождали множество практик сотрудничества, приводившего к синтезу двух культур[1186]. Соседство с Русью оказывало влияние на духовное развитие половцев. Начиная с XII в. как отдельные их представители, так и целые роды, принимали христианство. Известно, например, как в 1224 г., «спасаясь от монголо-татарского нашествия, многие половцы приняли крещение, в том числе и хан Басты»[1187].

Культурные контакты славянских и тюркских племен наиболее ярко проявились в заимствовании славянами кочевых элементов погребальной обрядности. Наиболее яркий пример — курган Черная могила в Чернигове, насыпанный в 60-е гг. X в. над кремацией представителя русского княжеского рода «варяжского» происхождения. Наряду с элементами скандинавской и славянской обрядности здесь зафиксирован кочевнический (салтовский) обычай — размещать в погребении конское снаряжение, оружие и доспехи. В процессе длительного взаимодействия славянских и тюркских народов осуществлялся синтез элементов военного искусства. Так, половцы переняли от русских некоторые типы вооружения. В свою очередь, русские испытали влияние половцев в организации конного войска, а также позаимствовали от них сабли, некоторые типы копий, тугие луки, седла и др.[1188]

Следует отметить и активные языковые контакты восточнославянских и половецких племен. Исследователи считают, что «период образования Киевской Руси до монгольского нашествия (IX–XII вв.) характеризовался достаточно тесными связями и взаимодействием древнерусского языка снача-

---

[1185] Егоров В. Л. Русь и ее южные соседи в X–XIII веках // Отечественная история. 1994. № 6. С. 184–202.

[1186] Ахинжанов С. М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы, 1995. 294 с.

[1187] Толочко П. П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. URL: http://www.hagahan-lib.ru/library/kochevie-narodi-stepey-i-kievskaya-rus

[1188] Петрухин В. Я., Раевский Д. С. Очерки истории народов России в раннем средневековье. М., 2004. 415 с.

ла с языками тюркских племенных союзов — печенегов и т. д., а затем с языком половцев»[1189].

Завершая этот раздел, можно сделать следующие общие выводы. В период Средневековья на Евразийском континенте происходили социально-политические процессы, которые серьезно изменили этнополитический ландшафт Европы и Азии в этот период и во многом определили историю многих народов этих континентов в будущем. Тюркские и славянские племена играли несомненно важную роль в историческом процессе в средние века.

Письменные и археологические источники отразили отдельные формы отношений славянских и тюркских племен, Древнерусского государства и тюркских государств средневековья. Среди них: торгово-экономические, политические, военные, матримониальные, культурные, религиозные связи. Очевидно, что историю отношений славян и тюрков-кочевников не следует идеализировать, она была порой драматична, сопровождалась взаимными набегами, столкновениями. Однако последствия столь продолжительных по времени контактов славянских и тюркских народов, безусловно, необходимо рассматривать как часть огромной важности проблемы взаимодействия оседлых и кочевых культур.

Сегодня можно утверждать, что отношения Руси с кочевыми народами были многогранными. И славяне, и тюрки в VI–XII вв. переживали процесс государственного строительства, сопровождавшегося взаимным тяготением земледельческой и кочевой экономик. Еще одной точкой притяжения стала международная торговля, которая приводила к взаимовыгодному взаимодействию славянских и тюркских народов, способствовала ускорению социально-экономического развития, урбанистическим процессам. Важную роль в славяно-тюркском синтезе сыграли сходные географические условия существования: отсутствие естественных границ, большое количество незанятых земель, характер природных условий — области «критического» ведения хозяйства. В этих условиях и кочевники, и земледельцы тяготели к лесостепи. Ее южная часть становится территорией перекрещивающихся интересов и зоной контакта. Соседство и тесное взаимодействие, общие черты развития приводили к быстрому сближению и открытости для взаимовлияния, политической, экономической и культурной интеграции. Все это позволяет рассматривать историю славянских и тюркских племен в раннее и развитое Средневековье как единую цепь политических, экономиче-

[1189] Юналеева Р. А. Тюркизмы русского языка (проблемы полиаспектного исследования). Казань, 2000. 171 с.

ских событий, приведших к формированию общих политико-правовых, социально-хозяйственных, культурно-ментальных и религиозных ценностей и практик.

История взаимоотношений этих народов, влияние взаимосвязей на общие исторические процессы изучены крайне неравномерно. Несомненно, катализатором многих социально-политических и демографических процессов в средние века стали древние тюрки и их предшественники — кочевые орды Азии. Именно кочевые орды азиатских степей, объединенные впоследствии под наименованием тюрки, в V–VII вв. завоевали огромные территории в Средней Азии и Восточной Европе, покорив и объединив местные племена и союзы в военизированные государства-каганаты. К племенам, которые были покорены тюркскими ордами, относились и славянские народы. В столь небольшом исследовании невозможно выявить все особенности взаимоотношений славянских и тюркских племен в этот период. Но отдельные признаки, характеризующие эти контакты, можно выделить, учитывая, что частично они уже были освещены в исторической литературе. Для более точной оценки признаков, характеризующих данный аспект изучения, важно учитывать соответствующий исторический отрезок, так они существенно отличались на этапах раннего и позднего Средневековья. При этом важно рассматривать процесс взаимодействия с разных сторон, так как анализируемые события в средневековую эпоху, как верно подчеркнул В. Я. Петрухин, не сводились только к господству и подчинению, конфликтам, а «спектр этого взаимодействия был шире, и наиболее умным историческим уроком можно считать взаимный обмен достижениями разных культур»[1190].

Проведенный выше анализ показывает, что признаки взаимодействия славянских и тюркских племен имеют свои особенности, в зависимости от выделенных ранее трех исторических периодов. При этом отдельные признаки свойственны только данному народу взаимодействия, а другие — являются переходящими от одного этапа к следующему с увеличением соответствующих характеристик.

Период V — первой половины VII в. характеризуется завоеванием и покорением большой части славянских племен, проживающих в Европе, кочевыми ордами гунн и аваров. В это время происходит массовое переселение славянских племен и, как следствие, освоение новых, иногда более благоприятных для проживания территорий. Часть славянских племен находились в подчиненном положении и, как следствие, воспринимали сложив-

[1190] Петрухин В. Я. Указ. соч. С. 58.

шуюся систему племенных отношений господствующего каганата. В первую очередь, это система управления и военное устройство. Если учесть совместное участие в военных походах, особенно в период аварского каганата, то можно констатировать, что последующие военно-племенные объединения славян во многом восприняли опыт государственно-военной организации кочевников. И здесь следует отметить еще один признак взаимодействия — это военное участие тюркских и славянских племен в завоевательных походах на Византию для «перераспределения богатств, накопленных цивилизацией»[1191].

Несомненно, отдельным признаком, характеризующим взаимоотношения славянских племен и кочевников, является этнокультурный синтез соответствующих традиций быта, социальной терминологии, языка. В частности, исследователи подчеркивают значение славяно-аварского симбиоза, аваро-славянской культуры в целом, сложение общих черт в культуре, языке и ментальности у славянских и тюркских племен. По мнению Л. Н. Гумилева, «тюркский язык распространился как международный и общеупотребительный лишь в XI в. благодаря половцам, причем вытеснил из Степи древнерусский, господствовавший в X–XI вв.»[1192].

Важно отметить, что исторические источники не содержат достоверных данных о полном уничтожении и ассимиляции известных в то время славянских племен. В этом усматривается чисто практичный подход кочевников к использованию покоренных славянских племен для жизнеобеспечения не только за счет военной добычи, но и получения земледельческой продукции через даннические отношение. Как следствие, происходит не только обмен соответствующей продукцией, но и формами хозяйствования.

Период VII–XI вв. характеризуется взаимодействием тюркских племен уже не с отдельными славянскими племенами, а с их объединениями и Древнерусским государством в конце этого периода. Меняется на этом этапе и характер взаимодействия. Противостояние объединенных славянских народов и тюркских каганатов этого периода происходит в основном с целью обложения данью соседних племен и контроля за транзитной торговлей. Это было время экономического и культурного подъема в Средней Азии и Европе, процветания земледелия, ремесла и торговли. Поэтому основное взаимодействие славянских и тюркских политических объединений этого периода носило экономический характер. Эту же цель преследовали и вза-

[1191] Петрухин В. Я. Указ. соч. С. 53.
[1192] Гумилев Л. Н. История Древней Руси во взаимоотношениях народов Евразии… С. 47.

имные военные нападения. Земледелие и скотоводческое хозяйство взаимно дополняли друг друга. Система социальных отношений, культура, язык, традиции продолжали взаимодействовать и взаимно обогащаться. По мнению исследователей, население Руси в X–XIII вв. составляло 4,5–5 млн человек[1193]. При этом на этнические, демографические, социальные процессы влияло также смешение славянского и тюркского населения.

Основное взаимодействие в этот период происходило между Древнерусским государством и Хазарским каганатом. Каждое из этих государств защищало свои границы и интересы от внешних врагов. Хазария сдержала нашествие арабов, контролировало печенегов, половцев. Древняя Русь противостояла нашествию германских племен. Защищая свои границы и интересы, каждое из этих государств обеспечило и взаимную безопасность. Этот период завершился военным и политическим поражением Хазарского государства от Древнерусского. Существуют различные мнения об оценке последствий этой победы. После этого Древнерусское государство не смогло преодолеть раздробленности и сплотиться перед половецкими ордами, а затем и татаро-монгольскому завоеванию.

Несомненно, наибольшее противостояние славянских племенных союзов и княжеств с тюрками происходило в период с конца XI в. и до начала XIII в., а также во время набегов половецких орд. С XI в., после переселения печенегов и тюрков, половцы стали господствовать в южнорусских степях, нападая на приграничные поселения славян. Систематического и организованного противостояния половецким набегам в Древней Руси не оказывалось, что приводило к разграблению и уничтожению населения и поселений, ослаблению княжеств, населяющих Древнерусские земли. В конце XII — начале XIII столетия отношения половцев и русских с учетом приближающегося монгольского нашествия приобретают более практичный характер.

Важным фактором не только русско-половецкого, но и в целом славянотюркского взаимодействия выступал экономический аспект. Он объективно определялся требованиями экономик степняков-скотоводов и славян-земледельцев. Две модели хозяйствования и природопользования в условиях их экстенсивности существенно дополняли друг друга. Для скотоводства, зависевшего от природных катаклизмов, крайне важным было расширение кормовой базы, в том числе за счет запасов зерна и сена на зимних стойбищах, приобретаемого у оседлого славянского населения. Славяне-земледель-

[1193] Синенко Сергей. Национальный состав Российской империи // Посреди России. Информационно-аналитический журнал. 23.04.2022 г. URL: Posredi.ru. (дата обращения: 28.05.2023).

цы, в свою очередь, были заинтересованы в обмене своей продукции на скот, оружие кочевников и т. д.

Огромное значение в экономической жизни славянских и тюркских народов играл Великий шелковый путь. Однако в IX в. он переживал период угасания, что было связано с падением Аббасидского халифата и Танской империи в Китае. Внутренние проблемы этих государств привели к снижению товаропотока на традиционных трассах Шелкового пути. Русь стала играть важную роль в расширении международной торговли и выступать ее полноценным участником, основная коммерческая деятельность была перенесена на путь из варяг в греки. Тем не менее, как утверждают исследователи, «несмотря на смену торговых партнеров, структура экспорта и импорта меняется незначительно. Русь экспортирует по пути из варяг в греки все те же продукты леса и рабов, а импортирует из Византии более эксклюзивные товары: изделия из стекла (бусы, браслеты, сосуды), шелка, иконы, керамику, пряности и вина, оружие»[1194].

Оценивая значение исторического периода славяно-тюркского взаимодействия XI — начала XIII в., следует признать, что половецкие орды были фактически последними тюркскими протогосударственными объединениями, которые перекочевали из евразийских степей и пребывали в постоянных войнах с раздробленными княжескими уделами Древней Руси. В итоге и славяне, и тюрки-половцы не смогли противостоять новому кочевому нашествию во главе с монголами. Взаимодействие славянских и тюркских народов продолжалось, но уже на другом уровне и в других формах.

[1194] Архина А. С. Влияние великого шелкового пути на развитие экономики Руси // Международный студенческий научный вестник. 2019. С. 155.

Глава 5

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И КУЛЬТУРА ТЮРКСКОГО ОБЩЕСТВА

5.1. Государственность и обычное право тюркских каганатов (А.А. Васильев, Ж.И. Ибрагимов, В.В. Сорокин, З.К. Аюпова, Д.У. Кусаинов, Ю.А. Зеленин)

Политическая организация тюркских каганатов. В тюркологической литературе государственность тюрков рассматривается в рамках общей дискуссии о цивилизации кочевников Евразии и специфики кочевой политической организации. Заметное своеобразие степных империй в сфере политической и юридической антропологии поставило уместный вопрос об идентификации политических и правовых структур тюрков с точки зрения современных исторических концепций. Упрощенное понимание тюркских каганатов в контексте формационного подхода вело к двум трактовкам: первобытное общество с зачатками феодализма или раннефеодальное государство. Кризис и распад тюркских каганатов с легкой руки умещался в концепцию государства феодальной раздробленности[1195].

Традиционная для марксистской методологии характеристика тюркских каганатов в качестве разновидности феодальных государств была подвергнута пересмотру и существенным дополнениям в современной литературе о цивилизации номадов. Тюркская цивилизация, как и другие степные об-

[1195] Шахматов Ф.В. Казахская пастбищно-кочевая община: (Вопросы образования, эволюции и разложения). Алма-Ата: Изд-во АН Казах. ССР, 1964. 205 с.

щества, была основана на подчинении власти не территории с людьми, а людей с территорией. С учетом подвижности скотоводов и отсутствия четких границ власть в тюркских каганатах была направлена в отношении людей, а не земли, как это было характерно для западных феодальных обществ. К концу XX в. окончательно сформировалась концепция интерпретации кочевой цивилизации в качестве особой общественно-экономической формации, в основе которой лежал внешнеэксплуатационный тип экономики — принуждения другого народа к изъятию необходимых ресурсов (прибавочного продукта). При этом учеными подчеркивался тупиковый путь тюркской империи с точки зрения социальной эволюции[1196].

Долгое время барьером для верной трактовки кочевых политических структур была идеологема о деспотии степных империй, обусловленная внешним взглядом наблюдателя. Для Китая и западной цивилизации Тюркский каганат выглядел как военная организация для нападения и изъятия ресурсов оседлых земледельческих народов. На самом деле во внутренней своей организации тюркская империя представляла собой слабоцентрализованную организацию отдельных племен. В тюркских каганатах отсутствовали эксплуатация скотоводов, налогообложение, органы публичной власти и господствовали родоплеменные отношения[1197].

Наряду с отмеченным историки тюркской цивилизации отрицают наличие государства как такового в период Первого и Второго Тюркских каганатов[1198]. Более уместным исследователи полагают относить тюркские политические объединения к особого рода протогосударственным образованиям: потестарным обществам в форме вождества и особых политий (конфедерация племен). Н. Н. Крадин предложил называть такие степные организации власти супервождествами, не отождествляя их с государствами с бюрократическим аппаратом.

Тюркская организация власти лишена обязательных атрибутов государственных полномочий.

Во-первых, военная организация тюркских номадов была начисто лишена гражданского бюрократического аппарата на имперском уровне. В тюркских каганатах функции власти ограничивались организацией войны и распределения военной добычи и подарков от китайских императоров. Сколько-ни-

---

[1196] Крадин Н. Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток: Дальнаука, 1992. С. 191.

[1197] Элита в истории древних и средневековых народов Евразии / под ред. П. К. Дашковского. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 108.

[1198] Крадин Н. Н. Кочевники Евразии. Алма-Аты: Дайк-Пресс, 2007. С. 29.

будь значимых гражданских функций властью кагана и его служилой элитой не осуществлялось. Есть серьезные основания полагать, что даже правосудие отправлялось не каганом и им уполномоченными лицами, а на низовом уровне в вождествах локальных племен.

Во-вторых, тюркским каганатам не было свойственно налогообложение населения. Добыча от военных набегов и подарков китайских императоров выступала внешним источником прибавочного продукта, средством выживания номадов в условиях рисков скотоводства и основой власти кагана и его дружины.

В-третьих, в Тюркском каганате не сформировалось общее для всех тюрков право, а сам каган не был источником единого государственного права для своих соплеменников. Отсутствуют в источниках сведения даже о попытках разработки единых законов для тюркской империи[1199].

Все это наряду со спецификой организации власти в тюркских каганатах расценивается историками как основание утверждать, что тюркские политические образования не могут быть квалифицированы в качестве полноценных государств и скорее могут пониматься в качестве особых кочевых вождеств или своеобразных конфедераций тюркских племен (тюркское «эль») временного характера, построенных на престижной экономике и отличающихся крайней нестабильностью.

Тюркская политическая организация характеризовалась следующими чертами.

1. Тюркские каганаты представляли собой объединение множества тюркских племен для ведения войны и дистанционного управления оседлыми народами других цивилизаций с целью получения необходимых ресурсов.

2. Тюркские каганаты контролировали Шелковый путь, обеспечивали торговлю народов Евразии и тем самым выступали проводниками межкультурной коммуникации, передачи различного, в том числе политико-правового опыта между народами. Исследователи назвали такую политическую традицию «порядком ради торговли»[1200].

3. Тюркские каганаты держались только на военных успехах каганов, способности получать подарки от Поднебесной. Соответственно, власть каганов была весьма неустойчивой и зависела от его личных качеств.

[1199] Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I–II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 230.

[1200] Чернышов С. А. Тюркские политические традиции в системе организации власти русского государства и сибирского ханства как фактор их успешной интеграции в XVI–XVII вв. // Идея и идеалы. 2018. № 4. С. 139.

4. Тюркские каганаты отличались слабой централизацией и сильным развитием низовых социальных и родовых связей. Как следствие, политическая слабость и нестабильность тюркской верховной власти угрожала кризисом и распадом каганата, что и произошло с Первым и Вторым Тюркским каганатом.

5. Центральная власть была представлена каганом и военной элитой. На местах широкой автономией пользовались локальные князья и региональные элиты.

Особый евразийский по географическому положению и социокультурному общению мир тюркской цивилизации вбирал в себя господствующие политико-правовые сюжеты и практики. Так, имперские идеалы, иерархическое строение, титулатура, сакрализация власти кагана были восприняты тюрками от жуаньжуаней. Отдельные формы внешнего богатства и церемониала тюркские каганы переняли от Китая[1201].

Политическое устройство тюркской империи включало в себя следующие компоненты.

Во-первых, на вершине тюркских каганатов возвышалась фигура кагана, который как военный вождь тюрков отличался следующими признаками:

1) сакрализация власти кагана. Он воспринимался как сын Неба — Тенгри, посредник высшей силы и народа. Не случайны в этом отношении ритуалы участия кагана в общении тюрков с Тенгри во время праздников и раздачи подарков;
2) значительная роль харизмы кагана, его личных качеств как полководца и организатора военных походов и принуждения оседлых земледельцев Китая и покоренных народов к подаркам под угрозой набегов;
3) несмотря на сакральность власти правителя, его статус зависел от успехов военных походов и получения добычи для раздачи знати и простым воинам, а также от благосостояния скотоводов в условиях засухи, джутов, болезней и падежа скота. Отсутствие военных успехов и потеря прибавочного продукта за счет оседлого народа вели к краху власти и избранию нового лидера. Природные катаклизмы и неспособность к добыче ресурсов могли приводить к насильственной смене кагана или даже его убийству воинами;
4) вся власть кагана держалась в рамках престижной экономики на раздаче подарков и поддержании лояльности знати и простых воинов. Для правителя жизненно необходимо быть щедрым, чтобы сохранить

[1201] Васютин С. А. Власть и социум в кочевых империях Центральной Азии VI — начала VII в.: дисс. … докт. ист. наук. Кемерово, 2016. С. 188.

свой статус среди соплеменников. По сути, наиважнейшей функцией кагана была редистрибутивно-репрокационная роль: распределение добычи и подарки воинам. В то время как для Китая правители считались скупыми и жадными, на самом деле власть кагана была прямо пропорциональна его щедрости. По подсчетам историков, 40% военной добычи или подарков (выгод от контроля торгового пути) распределялись между воинами в тюркских каганатах. С. А. Васютин весьма точно указывает: «Щедрость правителя, выполнение им функций редистрибутора-распределителя. Данная сфера была тесно связана с другими сакральными сферами (божественным благословением и военными успехами, в результате которых каган получал добычу и дары), однако выполняла вполне самостоятельную роль и опять же зависела от реальных практик конкретного правителя. Поддержание престижа на внутреннем уровне с помощью раздачи шелка, зерна, других продуктов и изделий, пиров в кочевых империях стало частью повседневного быта правителя. Однако такая деятельность в основном была направлена на военно-аристократическое окружение кагана и наиболее влиятельных бегов»[1202];

5) каган мог разрешать споры между своими приближенными и представителями региональных элит, но функция правосудия и выработка общего государственного права для него не были характерны. Правосудие осуществлялось региональными элитами на основе обычного права.

Во-вторых, на общеимперском уровне выполнение ряда организационно-управленческих функций было вверено отдельным приближенным и родственникам кагана и назначенным им лицам. Следует подчеркнуть, что обособление данной категории управленцев невозможно признать аппаратом чиновников, характерным для государства. Функционал данного круга лиц предопределялся военно-политическими задачами и функциями распределения ресурсов. По мере роста тюркской империи рос круг задач и соответствующих лиц.

Прежде всего, Первый Тюркский каганат был поделен каганом на центр и крылья. Центром управлял сам каган, а крылья находились в ведении его ближайших родственников. Вторым лицом после кагана был ябгу, который не мог быть его преемником. Компетенция ябгу не была четко определен-

[1202] Васютин С. А. Тюркский каганат // Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики / под ред. Б. В. Базарова и Н. Н. Крадина. М.: Изд-во Вост лит-ры, 2019. С. 188–190.

ной, и лишь после некоего обособления западной части Тюркского каганата он стал трансформироваться в правителя западной части империи.

Особое место в управлении Тюркским каганатом занимали малые каганы, или эв-каганы, чьи функции менялись на протяжении истории тюркской империи. По данным С. А. Васютина, малыми каганами могли быть: ябгу и шад; удельные князья; старшие сыновья кагана; претенденты на власть, оказавшиеся вне лествичной системы; реальный управленец и военачальник при кагане — духовном отце. На первом этапе развития тюркской империи малые каганы были правителями отдельных крыльев, а позднее — имперскими князьями (наследниками), которым выделялся удел в управление. В любом случае малые каганы были руководителями в территориальном аспекте.

Наследники престола назывались титулом тегин. Правители уделов империи — шады, в руках которых находились военные и административные функции. Отдельно стоит отметить круг придворных чиновников. Китайские источники упоминают такие придворные должности, как виночерпий (им мог быть только один из сыновей кагана), конюший, личная гвардия или охрана кагана (волк в китайской версии), лицо, надзирающее за соблюдением закона. Высокопоставленные вельможи носили имя тарханов. Отдельно выделялся суни, который заведовал армией. На низовом уровне действовали тутуки — представители центральной власти в племенах. Всего насчитывают 28 классов в управленческой иерархии, а сами должности носили наследственный характер.

Несмотря на достаточно разветвленную иерархию в военно-административном аппарате тюркских каганатов, указанные лица не относились к чиновникам в традиционном смысле слова. Деятельность их была ограничена задачами военного управления, обеспечения подчинения отдельных племен и консолидации тюрков в единый каганат. Каких-либо гражданских и специализированных функций круг этих лиц не выполнял.

Подытоживая в части политического устройства тюрков, можно отметить неизбежность распада тюркской империи. Принципы построения тюркских каганатов (слабая централизация, опора на личные качества кагана и военные успехи, сильная децентрализация на местах вкупе с территориальной разобщенностью и зависимостью от природных условий кочевников, перепроизводство элиты из правящего рода каганов) не могли обеспечивать длительное политическое существование империи. Существующая политическая организация закономерно приводила к кризису власти и децентрализации империи, выходу на историческую сцену отдельных племен (теле, уйгуров) и борьбе родов за власть.

Интересную позицию в трактовке политического устройства кочевых обществ Центральной Азии и в том числе тюркских каганатов занимает С. А. Васютин. По мнению историка, в них еще не сложилось государственности, но при этом наблюдается многокомпонентность и сочетание трех форм потестарно-политической организации:

1) архаичная (клановая) форма управления, характеризующаяся преобладанием кланово-родовых принципов организации власти, доминированием кагана как главы линиджа, престижной экономикой, ролью правителя в качестве реципрокатора и редистрибутора, регуляцией отношений в каганате с помощью обычного права;
2) вождество (надплеменное объединение), включающее в себя военно-иерархическую систему управления в центре и территориальное представительство в племенах на местах, появление надплеменного лидера, сочетание имперской и клановой сакрализации;
3) раннегосударственные элементы управления: кодификация обычного права, расширение полномочий кагана, вертикальное подчинение и жесткая дисциплина, монополия на распределение ресурсов класса служилых и родственных кагану лиц, появление письменности в политической практике, формирование идеологических конструкций и национальных образов общего народа империи «эль» и др.[1203]

Обычное право тюркских каганатов. Сведения о праве тюрков крайне скудны и отрывочны. В основном описание их обычаев встречается в китайских летописях, и зачастую историки пытаются реконструировать древнее обычное право по более современным обычаям тюркских народов. Тем не менее ясно, что в тюркских каганатах отсутствовало единое писаное право, а быт племен подчинялся обычному праву. Сведений о кодификации и переходу тюрков к писаному праву история не оставила, и, судя по всему, для этого не было необходимых предпосылок: слабая политическая централизация, отсутствие административного права, слабое развитие торгово-экономических отношений среди кочевников-скотоводов.

Обычное право тюрков в период каганатов характеризовалось следующими чертами:

1. Устная традиция права, когда обычаи представляли собой фактически повторяющиеся действия членов рода и передавались из уст в уста (письменная фиксация правил поведения отсутствовала).

[1203] Васютин С. А. Власть и социум в кочевых империях Центральной Азии… С. 188.

2. Обычное право основано на авторитете предков и силе традиции[1204].

3. Обычное право проистекало из родоплеменной организации тюрков и, соответственно, регулировало семейные, имущественные, земельные отношения внутри племени (правила в сфере половозрастной организации племени, отношения собственности в отношении скота и лошадей, пастбищ и иного имущества). По сути дела, обычное право затрагивало частноправовую сферу и не касалось публичных аспектов. Отчасти оно обусловливало порядок перехода власти кагана (лествичная система — по старшинству в роде) и церемонию возложения власти на него[1205]. Сфера принципов и норм организации верховной власти тюрков называлась торе[1206].

4. Обычное право было формой сохранения опыта и традиций, преемственного и циклического развития тюркского мира[1207].

5. Исполнение обычного права держалось на механизмах общественного принуждения, и сама тюркская община была законодателем норм права. В этом и состояла сила обычного права, поскольку субъект и объект правотворчества совпадали и политическое отчуждение отсутствовало (народный, демократический характер обычного права).

6. Для обычного права был характерен синкретизм, единство норм морали, религии, ритуалов и правовых норм (мононормы по концепции А. И. Першица), которые на этой стадии эволюции кочевых обществ еще не дифференцировались на отдельные правила поведения[1208].

7. Обычное право обеспечивало сплоченность, консолидацию общества кочевников, выступало средством самоорганизации и выживания племени.

Таким образом, неписаное право древних тюрков можно разделить на две подсистемы:

— торе, которое регулировало вопросы организации верховной власти;
— совокупность правил организации родоплеменной жизни (право личного статута), сочетавшая нормы морали, религии и права (наследование, семейные отношения, режим земли и оборота вещей).

[1204] Правовые обычаи Горного Алтая, Китая и Монголии: коллективная монография / отв. ред. В. В. Сорокин. Барнаул: Спектр, 2013. 231 с.

[1205] Садри Максуди Арсал. Тюркская история и право. Казань: Фэн, 2012. С. 211.

[1206] Трепавлов В. В. Тöру у древних тюрков и монголов // Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии: информ. бюлл. М., 1991. Вып. 18. С. 19–30.

[1207] Ковлер А. И. Антропология права. М.: НОРМА, 2019.

[1208] История первобытного общества. Общие вопросы, проблемы антропосоциогенеза. М.: Наука, 1983; Першиц А. И. Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979. С. 210–240.

5.2. Социальная структура тюркского общества (Т. К. Чороев)

Одним из важных вопросов тюркологии являлась проблема социальной стратификации обществ тюркских каганатов VI–XII вв. Этот период, условно названный раннесредневековым и началом развитого Средневековья, был этапом трансформации полиэтнических обществ Центральной и Внутренней Азии[1209]. В историографии данного вопроса превалирует точка зрения, согласно которой, социальная организация тюркского общества впитала многие элементы социальной структуры предшествующих племен — хуннов, усуней, канглы, кыргызов и т. д. Так, у тюрков, как и у хуннов Большого Алтая, система социального обустройства отвечала двум основным задачам — обеспечение стабильности кочевого сообще-

[1209] Бартольд В. В. Тюрки: Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Алматы: Жалын, 1998. 240 с.; Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1946. С. 87–147; Бутанаев В. Я. Государство кыргызов на Енисее в древнетюркскую и монгольскую эпохи. Бишкек, 2016. 302 с.; Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С. История енисейских кыргызов. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2000. 272 с.; Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967. 525 с.; Дашковский П. К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2015. 224 с.; Кара уулу Ө. Көөнө түрктөр тарыхы: (Студенттер үчүн дарстар.) Бишкек, 1994. 64 с.; Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 149–158; Кожобеков М. Ч. Кыргыз каганатынын тарыхы Бишкек, 2013. 188 с.; Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Изд-во Вост. лит-ры, 1997. С. 94–120; Малявкин А. Г. Уйгурские государства в IX–XII вв. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1983. 297 с.; Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1984. 175 с.; Серегин Н. Н. Структура социума раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона: (По материалам погребальных комплексов) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 1 (32). С. 66–77; Тишин В. В. Историография социальной истории Тюркского каганата V–VIII вв.: Специальность 07.00.09 — Историография, источниковедение и методы исторического исследования: дисс. … канд. ист. наук. М., 2015. 554 с.; Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.; Худяков Ю. С. Кыргызы на просторах Азии. Бишкек, 1995. 232 с.; Drompp M. R. Imperial State Formation in Inner Asia: The Early Turkic Empires (6th to 9th centuries) // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2005. T. 58. № 1. P. 101–111; Golden P. B. An Introduction to the History of the Turkic peoples: ethnogenesis and state formation in medieval and early modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden, 1992. 484 p.; Kumekov B. Kimeks // The Turks. I, 9. Ankara, 2002. P. 671–679; Tchoroev (Chorotegin) T. K. The Early Stages of Kyrgyz Ethnicity and Statehood (201 BCE — 10th Century CE) // International Journal of Eurasian Studies. Beijing, 2019. Vol. 9. Special Issue on the Study of Kirghiz History and Culture / Editors-in-Chief Yu Taishan and Li Jinxiu. English Editor Bruce Doar. Center for Eurasian Studies, Institute of History of the Chinese Academy of Social Sciences. P. 33–60; Togan A. Z. Velidi. Umumî Türk Tarihine Giriş. 1. Cilt. En Eski Devirlerden 16. Asra Kadar. 3. Baskı. İstanbul, 1981. XVI + 539 S.; и др.

ства и эффективное управление громадными территориями, заселенными полукочевыми и оседлыми народами. Для решения данных задач была необходима сильная верховная власть. Поэтому правители у хуннов и тюрков стремились к укреплению своего политического лидерства и авторитета, избавлению от влияния коллективных органов.

Н. Н. Серегиным на основе анализа археологических источников была предпринята попытка анализа социальной структуры древних тюрков VI–VIII вв. путем выделения половозрастных и социальных показателей положения индивида в структуре общества. Материалы погребений позволили исследователю говорить не только об имущественной, но и о профессиональной дифференциации населения, а также выделить следующие социальные группы тюркского общества: военная и управленческая элита, профессиональные воины, свободные общинники, зависимое население, не имевшее права владения оружием[1210].

Военная и управленческая элита была представлена целым набором военных и административных должностей. Верховный правитель у тюрков носил титул каган, также использовался титул элиг. Данный термин происходит от слова «эл» («государство», «страна», «народ») и словообразующего аффикса «-иг», что вместе значит «государь». В труде «Кутадгу билиг» Ю. Баласагуни (1069–1070 гг.) караханидский каган именуется термином «элиг». Если титул «элиг бег» (elig beg) подразумевал правителя, то «элиг кан» (elig qan) — верховного кагана[1211].

Титул верховного правителя мог самовольно присваиваться отельными политическими лидерами тюркских племен. Так, например, Махмуд Кашгари сообщал, что «джабгу» / «йабгу» — название должности, которая ниже на две ступени титула «каган». «Джабгу» / «йабгу» — титул, который получали выходцы из социальных низов[1212]. Однако известно, что правитель карлуков в письменных источниках назывался «джабгу» или «йабгу». При этом сохранились монеты, где карлукский правитель себя называет и «каганом»[1213]. Г. Бабаяров и Э. Асанов в связи с этим отмечают, что часто тюркскими титулами, написанными поверх бывших сасанидских монет согдийским письмом в историческом Тохаристане (часть Южного Узбекистана, Южного

[1210] Серегин Н. Н. Социальная организация раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. 206 с.

[1211] Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. С. 170.

[1212] Kâşgarlı Mahmud. Dîvânü / Tıpkıbasım… S. 229b.

[1213] Бабаяров Г. Б. Государственный строй Западно-Тюркского Каганата. 07.00.03. Всеобщая история: автореф. дисс. … докт. ист. наук. Ташкент, 2012. С. 25.

Таджикистана и Северного Афганистана), в эпоху Западно-Тюркского и Тюргешского каганатов были титулы «каган», «тегин», «йабгу» и «тархан»[1214].

Имели место случаи, когда правитель небольшого владения, находящегося в политической зависимости от более могущественного государства, мог называть себя «каганом». При этом в государстве-сюзерене его считали только беком, эльтебером и т. д. В китайских источниках также зафиксированы практики Танской династии «раздаривать» титулы фактически независимым от них тюркским государям. По всей вероятности, каждый амбициозный правитель тюркских племен стремился к степени «верховного кагана».

Учитывая полиэтничность тюркских государств, вслед за хуннами каганы практиковали сохранение районов компактного проживания тех или иных этнических групп населения. Во многих из них управляли местные правители при условии лояльности верховной власти. Они могли традиционно называться «каганами» у своего народа, а правители временно доминирующих кочевых держав — уничижительными для них более низкими титулами, такими как «тегин», «эльтебер», «бек» и т. д.

В системе политической организации тюркских каганатов известна должность «бег» («бек»)[1215] — региональный правитель. Интересно, что Махмуд Кашгари перевел титул «бег» на арабский язык как «амир» («эмир» — «полководец», «военачальник»). Во время общего военного похода *бек* мог возглавлять собственное войско, но под руководством военачальника, назначенного высшим каганом. В определенных условиях бек мог стать самостоятельным правителем, хотя условно признавал верховенство кагана. В позднем Средневековье у казахов и кыргызов титул «бек» трансформировался в термин «бий». Бий кроме управления определенной территорией также совершал судебную власть секулярного характера, в отличие от «казы» «или «кадиев» у оседлых тюрков-мусульман. У османских турков слово «бек» в арабской вязи писалось как «бек», но позднее произносилось как «бей».

Институт бекства использовался в Уйгурском идикутстве в Турфанском оазисе (к востоку от мусульманского Караханидского каганата). Как подчеркивает Л. Ю. Тугушева, правители-идикуты (от тюркского «ыдук кут» — «священное благо») управляли рядом областей благодаря бекам: «последние, как свидетельствуют документы, были наделены полномочиями принимать решения по вопросам, касающимся не только внутреннего устройства под-

[1214] Babayarov G., Asanov E. Coins of Tokharistan with Old Turkic Titles // Turkic Studies Journal. Vol. 2, No. 3. Nur-Sultan, 2020. P. 6–26.

[1215] Древнетюркский словарь… С. 91.

властных им областей, но и отношений с сопредельными регионами в случаях проявления с их стороны агрессивных действий»[1216].

Особо стоит вопрос о термине «аже». Р. Алимов[1217] считает, что словом «*а-же*» китайские хронисты передали тюркский титул «*ынал*», который временно был закреплен кыргызским правителем IX в. Матерью данного кыргызского «ынала» была дочь тюргешского кагана, женой — дочь карлукского кагана. Впоследствии он восстал против уйгурского кагана[1218], а затем, после победы над Орду-Балыком, обратился к императору Танского Китая признать его каганский титул вместо навязанного уйгурами временного «ынал». Это вызвало острую дискуссию в императорском дворе Поднебесной. Г. П. Супруненко в связи с этим приводила фрагмент исторической летописи: «Не менее показателен и текст Сыма Гуана: «Кыргызы просили приказа о назначении титула. Ли Дэ-юй представил доклад [о том, что] должно наладить с ними дружеские связи. Приказано [кыргызам] самим с войском найти преступников, убивших посланника, и разгромить племя хэйчецзы. Император, опасаясь, что, получив титул хана, они не будут подчиняться и, следуя прежним повадкам уйгуров, потребуют ежегодно подарков и торговли лошадьми, был в нерешительности. [Ли] Дэ-юй доложил: «Кыргызы уже сами назвали [своего правителя] ханом. Желая ныне воспользоваться их силой, боюсь, что не стоит скупиться на этот титул. Уйгуры имеют заслуги в подавлении Ань Лу-шаня и Ши [Сы-мина], поэтому [мы] ежегодно дарили [им] 20 тыс. кусков шёлка и вели с ними торговлю. Кыргызы никогда не имели заслуг перед Китаем, как же осмелятся просить подарков? Если [Вы] не надеетесь, что они будут служить нам, то нужно заключить с ними союз. [Они] непременно должны, подобно уйгурам, признать себя вассалами, тогда пожалуем [их] грамотой с назначением титула»»[1219]. В итоге, Танский Китай признал каганский титул кыргызского правителя, впрочем, и так провозгласившего себя «каганом» (смотрите выше слова министра Ли Дэ-юя:

[1216] Уйгурские деловые документы X–XIV вв. из Восточного Туркестана / предисл., транскрипция, пер. с древнеуйгурского Л. Ю. Тугушевой; факсимиле рукописей. М.: Наука-Восточная лит., 2013. С. 10–11.

[1217] Alimov Rysbek. On The Yenisei Kirghiz Title Ā-RÈ // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. Budapest, 2016. Vol. 69 (3). Pp. 278–279.

[1218] Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С. История енисейских кыргызов. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2000. С. 74.

[1219] Супруненко Г. П. Некоторые источники по древней истории кыргызов // История и культура Китая. М., 1974. С. 245–248; Tursun Jarkyn. Between the Kyrgyz Khaganate and the Tang dynasty… P. 83.

«Кыргызы уже сами назвали [своего правителя] ханом»), определив в 847 г. его титулом «Блестящий, Могущественный, Искренний и Мудрый Каган».

Что касается термина «Ынал», то в «Диване» Махмуда Кашгари этот титул связывается с человеком аристократического происхождения: «Ынал (инал) — так называют юношей, у которых мать — хатун, а отец — из простолюдья. Это основное значение»[1220].

Титул «эльтебер» в структуре политической власти означал владетеля подвластного каганату вассального государства с определенными правами автономии. Отражение такого рода правителей в древнетюркской иерархии имеется как в тюркских, так и в китайских письменных источниках. Самое раннее упоминание данного титула связано с енисейскими кыргызами. Каган енисейских кыргызов, прибывший в г. Чанъан в 648 г., носил звание, передававшееся в китайском источнике как «сы-ли-фа-ши-бо-цюй-а-чжань» (Elteber Išbara Ačan)[1221]. Вполне возможно, что кыргызы своего правителя именовали «каган», а восточные тюрки и китайцы уничижительно называли его как «эльтебер». Титул йылтывар (йилтивар, йалтавар) был также зафиксирован у правителя волжских булгар. Данный термин, восходящий к слову «эльтебер», упоминается арабским путешественником Ибн Фадланом, посетившим булгар в первой четверти X в.[1222]

«Эркин» означал «правителя»[1223], видимо, небольшого владения. Также известен тюркский титул «шад» — представитель высшей знати. Бильге-каган Бёгю (716–734 гг.) в начале своей политической карьеры был назначен «шадом» над племенем тардушей[1224]. В сочинении в честь Бильге-кагана Бёгю (в китайских иероглифах «Могилян») также говорится: «Я был девятнадцать лет шадом и девятнадцать лет каганом…»[1225].

[1220] См.: Kâşgarlı Mahmud. Dîvânü Lûgati «t-Türk: Tıpkıbasım / Facsimile. Ankara: Türkiye Kültür Bakanlığı, 1990. — III + 1a — 320 a. S. 37a-37b; ал-Кашгари Махмуд. Диван Лугат ат-Турк / перевод, предисловие и комментарии З.-А. М. Ауэзовой. Индексы составлены Р. Эрмерсом. Алматы, 2005. С. 105.

[1221] Турсун Ж. Кытай жазма булагы «Туң дияндагы» кыргыздарга байланыштуу жазмалардын чечмеси // Материалы Международной научно-практической конференции на тему «Вопросы кыргызоведения: С древних времен до современности», посвященной 60-летнему юбилею историка и публициста Тынчтыкбека Чоротегина (Чороева): (КНУ, Бишкек, 4 октября 2019 г.). Бишкек, 2019. С. 114–117.

[1222] Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1956. С. 121, 132, комм. 160, 197.

[1223] Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 381; Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 91.

[1224] Tekin T. A Grammar of Orkhon Turkic. Bloomington: Indiana University Press, 1968. 266 (E17).

[1225] Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии… С. 23.

Появление титула «тутунг» (tutuñ, вариант — «тудун»)[1226] было связано с расширением политического влияния тюркских каганов на огромные пространства Евразии. Тутунами называли наместников тюркского кагана в Западном Тюркском, Хазарском и Аварском каганатах. Они выполняли надзорные и организационные функции при местных управлениях относительно автономных структур. Термин, который происходит от китайского термина «дутунг» (督軍, Dūjūn, Tu-chün)[1227], обозначал у китайцев генерал-губернатора с военными полномочиями.

Титул «оге» (öge) получали советники кагана. Возможно, в конкретных исторических случаях они могли стать даже визирями. Слово «вазир» («визирь» на русском языке) является термином арабского происхождения и им тюрки раннего Средневековья (до того как Караханиды приняли ислам в качестве официальной религии в 960 г.) никогда не пользовались. Лишь у тюркского мусульманского поэта периода Караханидов Юсуфа Баласагуни мы встречаем термин «вазир»[1228].

У средневековых тюрков встречался термин «айгучы». Р. Генч полагает, что раннесредневековые тюрки называли главного визиря (премьер-министра) «улуг айгучы» («великим мудрым (советником)», подчеркивая, что титул происходит от слова «мудрость»[1229].

Махмуд Кашгари описал иерархию высших чиновников по отношению к правителю. Человек, занимающий положение ниже кагана, называется «йугруш», т. е. дословно: «бегун (для выполнения высочайших заданий)», и эта должность также соответствовала посту визиря. По свидетельству Махмуда Кашгари, йугруш «получает черный шелковый навес, который носит над его головой в дождь, снег и жару»[1230]. Ниже *йугруша* находился «йабгу» (ниже кагана на две ступени). Должность «туксина» была на три ступени ниже, чем каган[1231].

Титул «катун» («хатун») также связан с каганской властью. Жена (или главная жена) кагана тюрков имела высочайший титул «хатун» («катун» — «госу-

---

[1226] Памятник в честь Кюль-Тегина, большая надпись, строка 43. ДТС. 1969. С. 593.

[1227] Согдийские документы с горы Муг. Чтение, перевод, комментарий. Выпуск II (Юридические документы и письма) / чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. М., 1962. С. 83.

[1228] Древнетюркский словарь… С. 539; Генч Р. Карахандар мамлекетинин бийлик түзүлүшү… Б. 169: Вновь назначенному везирю также перадаются знамя, барабан и доспехи (ср. бейт 1036).

[1229] Генч Решат. Карахандар мамлекетинин бийлик түзүлүшү. Бишкек: Кыргыз-Түрк «Манас» университети, 2004. 238 б. Б. 168; Древнетюркский словарь… С. 28.

[1230] Kâşgarlı Mahmud. Dîvânü Lûgati 't-Türk: Tıpkıbasım. S. 231b; ал-Кашгари Махмуд. Диван Лугат ат-Турк / перевод… З.-А. М. Ауэзовой. С. 726.

[1231] Генч Решат. Карахандар мамлекетинин бийлик түзүлүшү… Б. 161.

дарыня»)[1232]. По мнению Р. Генча, когда-то термином «хатун» также называли и дочерей тюркских каганов. Но он также добавляет, что были термины «Алтун Тарым» и «оглагу катун» для обозначения женщин-аристократов в ханской ставке[1233]. Вполне возможно, что использование слова «катун» (первоначально «государыня», «главная жена кагана») эпохи первых тюркских каганатов впоследствии либерализовалось в силу разветвлений каганатов и других социально-политических изменений в различных тюркских династиях в течение ряда веков. В «Диване» Махмуда Кашгари имеется перевод тюркского глагола «катунланды» (qatunlandı — «стала вести себя/оделась как катун/хатун») на арабский язык: «урагут катунланды» (uraγut qatunlandı) — «женщина оделась, как катун»[1234]. Как отмечает Н. Н. Серегин, в восточных письменных источниках неоднократно указывается на уважение и почтение, которым пользовались катун, а также мать кагана[1235].

В надписи в честь Тоньюкука описано событие, в котором каган восточных тюрков с центром на Орхоне, находясь в военном походе, оставил войско, чтобы вернуться домой и совершить «погребальные церемонии» в связи со смертью супруги (qatun): «…мой каган сказал: „Я отправляюсь домой! (31) (Моя) жена умерла, я хочу совершить над ней погребальные церемонии, — сказал он, — ты же иди с войском, сказал (каган), и оставайся в Алтунской черни", — сказал…»[1236].

В другом орхонском памятнике рунической письменности упоминается «ёгим-катун» — «мать-катун»: «umaj teg ögim qatun qutıña inim kül tegin er at bultı» («для ее величества моей матери-катун, подобной Умай, мой младший брат получил геройское имя Кюль-Тегина»[1237]. Уподобление матери кагана

[1232] Древнетюркский словарь… С. 436.

[1233] Генч Решат. Карахандар мамлекетинин бийлик түзүлүшү… 238 б. Кыргыз-Түрк «Манас» университетинин чыгармалары, 55. Илимий китептердин тизмелери, 7. Б. 129–130.

[1234] Kâşgarlı Mahmud. Dîvânü Lûgati 't-Türk: Tıpkıbasım / Facsimile. S. 268a; ал-Кашгари Махмуд. Диван Лугат ат-Турк… С. 850.

[1235] Серегин Н. Н. Структура социума раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона… 2016. С. 74; Лю Маоцай. Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках // Бюллетень Общества востоковедов. М.: Ключ-С, 2002. С. 70.

[1236] См.: Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности… С. 68; Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии…; Кормушин И. В. Надпись Тоньюкука: неожиданные открытия старого текста // International Conference on Inscription Studies (Abstract) / 11–13 August, 2014 [Ulaanbaator, 2014], s. 47–48; Садеков М., Минуллин Р., Двоеносова Г. Поэзия древних тюрков (Надпись в честь Тоньюкука) // Гасырлар авазы — Эхо веков. Научно-документальный журнал. № 1/2. Казань, 1997. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Tonjukuk/frametext1.htm

[1237] Древнетюркский словарь… С. 436; Кормушин И. В. Древние тюркские языки. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2004. С. 105–108.

божественной Умай также косвенно говорит о важной ее позиции в традиционной жизни каганской ставки. В рунической надписи — эпитафии, сохраненной в местности Алтын-Кёль и написанной, как впервые подчеркнул С. Г. Кляшторный, в честь Барс-бек кагана, отмечается: «on aj eltdi ögüm a kelürti elimke» («Десять лун она носила (меня), моя мать! Она принесла (меня) моему элю»)[1238].

Для тюркской политической элиты не было необычным явлением, когда жена правителя каганата тюрков принимала участие в «военных предприятиях»[1239]. Как и позднее, весьма значимой была власть «катун» после смерти ее мужа — кагана и в периоды малолетства сына, выбранного каганом[1240]. Известны также сведения о том, что во внутриполитической жизни принимали деятельное участие некоторые китайские принцессы, выданные замуж за «варварского правителя» как результат «дипломатического брака»[1241].

В политической иерархии каганатов, кроме каганов, высшие слои кочевников составляли удельные правители, аристократы племен, чиновники, послы. Они отличались от основной массы свободного народа, называемого «бодун» («народ»).

Одним из титулов чиновников был термин «тутук», который произошел от китайского чиновничьего слова «ду-ду» (tuotuok) и был освоен рядом тюркоязычных каганатов раннего Средневековья[1242]. Видимо, тутуки выполняли функции по управлению от имени кагана отдельными регионами или направлялись в роли послов в соседние государства[1243]. Еще одним высшим титулом у тюрков был «буйрук» («буйурук»; bujruq / bujuruq)[1244]. Данная должность была связана с контролем исполнения приказов кагана.

Военная знать в тюркских каганатах имела свою иерархическую лестницу. Следует отметить, что знать у тюрков-кочевников была «военизированной», т. е. ее представители должны были готовы к боевым действиям не только в качестве военачальников, но и храбрых воинов. Тоньюкук имел высшую

1238 См.: Кляшторный С. Г. Стелы Золотого озера: (К датировке енисейских рунических памятников) // Turcologica: К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л.: Наука, 1976. С. 261.

1239 Лю Маоцай. Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках… С. 40.

1240 Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах… Т. 1. С. 277.

1241 Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах… Т. 1. С. 240–241, 247; Лю Маоцай. Сведения о древних тюрках… С. 64; Серегин Н. Н. Структура социума раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона… С. 74 и др.

1242 Кожобеков М. Ч. Кыргыз каганатынын бийлик структурасы // Manas Sosyal Araştırmalar Dergisi. Bişkek, 2016. Cilt: 5. Sayı: 3. Б. 379–385. Мында: Б. 382.

1243 Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 94–95.

1244 Древнетюркский словарь… С. 121.

военную должность: в 716 г. его зять Бильге-Каган назначил Тоньюкука главным военным стратегом («Бага Тархан»)[1245]. Титулом «тархан» у ряда раннесредневековых тюркских народов назывался военный или административный чиновник высокого ранга.

Войско у раннесредневековых тюрков называлось «сю» (sü). Титул «сюбашы» (sübaşı) означал полководца, командующего войском (источник: «Кутадгу билиг», наманганский список, с. 292, строка 6: «qajusı sübaçı qajusı hacib» — «кто военачальник, [а] кто хаджиб»)[1246]. Бравых мужчин называли «эрэн» и «эр» («герой»). Воины на ночном карауле назывались «йатгак» (jatγaq), а дневные караулы — «тургак» (turγaq)[1247].

Многим мудрым, образованным и храбрым представителям тюркской знати и военачальников пришлось выполнять задачи посла («элчи», т. е. представитель государства — «эль»). Порою «элчи» могли погибнуть за рубежом в силу различных политических и этнополитических ситуаций.

Интересный перечень должностей и названий знатных слоев тюркского населения сохранился в одном из уйгурских источников: «eliglär beglär bujruqlat bütrüklär qunçuj qatunlar tegıtlär inälläг uluγ baj bajaγutlar kentü kentü… [er] klärin türklärin ıdalap tojın dındar bolup arχant qutın bultılar» («Правители, беки, приказные, исполнители, принцессы, принцы, доверенные, великие богачи, отказавшись каждый в отдельности… от своей власти, стали монахами и проповедниками и достигли ступени архатов» (Uig II 97 прим. 1)[1248].

Юсуф Баласагуни в «Кутадгу билиг» перечисляет значительное количество групп трудового населения у Караханидов: скотовод (бейт 4439–4455)[1249]; «тарыгчы» (дехканин, земледелец; бейт 4400–4418), «темирчи» (кузнец), «токучи» (ткач), «ётюкчи» (сапожник), «эгерчи» (седельщик), «окчы» (изготовитель стрел лука), «джаачы» (мастер по изготовлению лука) и т. д.

Особым сословием, очевидно, были торговцы («сатыгчы» — в «Кутаду билиг» Юсуфа Баласагуни; бейты 4419–4438). В XI в. их называли также терми-

---

[1245] Памятник в честь Могиляна (Бильге-кагана; 683–734). Ха, строка 14. См.: Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии… С. 23.

[1246] Древнетюркский словарь… С. 516.

[1247] Там же. С. 247.

[1248] Там же. С. 209. (Здесь имеется ссылка на: Müller F. W. K. Uigurica II. Abhandlüngen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Berlin (APAW), 1910. Abh. III. S. 97, nt. 1.).

[1249] Баласагунский Юсуф. Благодатное знание / изд. подготовил С. Н. Иванов; отв. ред. А. Н. Кононов. М.: Наука, 1983. С. 339: «…Будь с ними правдив, но дружить — и не мни: / Забитые люди, невежды они». (Бейт 4448).

ном «сарт». Очевидно, что развитие трансконтинентальной торговли по направлениям Великого шелкового пути делало данную социальную группу одной из привилегированных[1250].

Состоятельных людей тюркского общества Махмуд Кашгари в своем труде называет термином «бай» (как и современные тюркские народы Центральной Азии и Большого Алтая). Бедные, но свободные слои всего народа («бодун») у тюрков XI в. именовались «чыгай»[1251].

На протяжении многих десятилетий дискуссионным остается вопрос о формах рабства в тюркском обществе. В марксистской историографии данный вопрос обсуждался в контексте определения формационной принадлежности Тюркских каганатов. В частности, А. Н. Бернштам, признавая у тюрков наличие рабов, обозначаемых термином qul, сделал вывод о том, что рабство было укладом в феодальном кочевническом обществе, а не формацией, и указал на данническую сущность зависимости[1252].

Л. Н. Гумилев считал, что значение термина qul необходимо итерпретировать как «подчинение чужому», подвластность иноземцу, а не лишение личной свободы[1253]. Этой же точки зрения придерживается Ю. А. Зуев. Исследователь считает, что в тюркском обществе было распространено домашнее или семейное рабство. В большей степени различные форматы подчинения были характерны для отношений между общинами и племенами и, таким образом, социальные взаимосвязи можно охарактеризовать как имущественное и политическое неравенство. Зависимые племена, по его мнению, выполняли различные повинности, в том числе военную[1254].

Таким образом, кочевниковеды утверждают, что рабы не являлись главной производительной силой в эпоху тюркских каганатов, но они были самой низкой стратой в социальной иерархии. Основной формой эксплуатации в тюркском обществе исследователи называют данничество, для которого была характерна «исключительно внешняя эксплуатация, подразумевающая коллективный характер зависимости, применимая к целым ро-

---

1250 Чоротегин Т. К. Махмуд Кашгари (Барскани) … Б. 141; см. бейты 4321, 4425.

1251 Чоротегин Т. К. Махмуд Кашгари Барсканинин… 2017. Б. 239; Kaşgarlı Mahmud. Divänü… / Tıpkibasım… S. 13b.

1252 Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII вв. Восточно-тюркский каганат и кыргызы. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1946.

1253 Гумилев Л. Н. Орды и племена у древних тюрок и уйгуров // Материалы по отделению этнографии Всесоюзного географического общества. 1961. № 1. С. 15–26.

1254 Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002.

дам или племенам, в отличие от рабства, которое может рассматриваться и как форма индивидуальной зависимости»[1255].

Определенную страту тюркского общества представляли служители языческих культов. Так, термин «кам» обозначал шамана[1256]. Это слово также зафиксировано в китайских источниках применительно к енисейским кыргызам IX в.: «Шаманов называют кань (kan), т. е. кам, как именуют тюрки шаманов и поныне»[1257]. Слово «тарса» обозначало христианина — несториана, и вообще христианина. У тюрков-христиан имелись как христианские имена, так и собственно тюркские. Свидетельством заимствования тюрками идей монотеизма стало появление новых социальных терминов. Например, слово «йалавач»[1258] имело как значение «пророк», «посланник Бога», так и «посол», «посланник» (синоним слова «элчи»).

Из-за частого распада всевозможных политических объединений и конфедераций тюркского периода (например, токуз-огузов на Орхоне) вполне можно допустить, что этнополитические самоназвания ряда народов и их конфедеративных сообществ не имели устойчивого названия и должны были время от времени меняться. Аморфными могли быть и этнические идентификации. В то же время исторические источники зафиксировали стойкие и постоянные этнонимы: тюрк, кыргыз, уйгур, булгар, печенег (баджанак), кыпчак, карлук, огуз, туркмен, татар и т. д., которые в VI–XII вв. всегда сохранялись как эндоэтнонимы у ряда тюркоязычных народов, невзирая на временные конфедерации и союзы политического характера.

Заключая, отметим, что картина социально-политической жизни тюрков Большого Алтая и других исторически связанных регионов Центральной и Внутренней Азии показывает, что, с одной стороны, общество имело непосредственную связь с конгломератами древних хуннов, усуней, кыргызов, канглы, динлинов. С другой — социально-политическая система тюрков эволюционировала и наполнялась новыми смыслами благодаря более тесным связям с внешним миром, разработке собственных форм письменности, обогащению опыта этнокультурных связей как с оседлыми, так и с кочевыми народами Евразии.

[1255] Серегин Н. Н., Тишин В. В. К вопросу о формах зависимости в обществе древних тюрков Центральной Азии (по письменным и археологическим источникам) // Тюркологический сборник / Ин-т восточных рукописей РАН. М., 2016. С. 177.

[1256] Древнетюркский словарь… С. 413.

[1257] См.: Аристов Н. А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Б.: Илим, 2001. 582 с.

[1258] Древнетюркский словарь… С. 228.

5.3. Культура и письменность тюркского общества в VI–XII вв. (Т.К. Чороев, Н. Усеев, И.Л. Измайлов, К. Белек)

Раннесредневековое общество тюркских племен и государств оставило неизгладимый след в истории тюркских народов Евразии и их исторических соседей благодаря расширению ареала их обитания, миграциям, диффузным расселениям и межцивилизационным контактам в обширной горно-степной области. Духовная жизнь народов Большого Алтая была органической частью данного огромного региона, простиравшегося от Хинганских гор, Северного Китая, Прибайкалья с востока и до степей Восточной Европы, Поволжья, Приуралья и Малой Азии на западе. Очевидно, что материальная и духовная культура тюркских племен формировалась на основе традиций народов предшествующего времени. Это отчетливо вырисовывается в политических, культурных и религиозных терминах у народов тюркских каганатов, которые восходят к древнекитайскому, сяньбийскому, тохарскому, ирано-согдийскому, сирийско-несторианскому и другим языкам.

Первоначально зафиксированной религией тюрков изучаемого региона был шаманизм (с его высшим этапом — тенгрианством). Тенгир (Тенгри) был высшим божеством, поэтому сакральность власти связывалась с Небом (Тенгир, Кёк)[1259]. Помимо Неба (Тенгир / Тенгри) тюрки в VIII–X вв. поклонались Земле-Воде (Йер-Суб), духам предков, святым местам и звездам. Каганы считали, что правят по воле Тенгира (Неба). После Тенгира и Йер-Суба третьим по значению считалось женское божество — Умай, слывшее покровительницей семейного очага, матерей и детей[1260].

С.Г. Кляшторный, сравнивая данные рунических надписей тюрков Большого Алтая со сведениями из поздней мифологии тюркоязычных народов данного региона, отмечал, что в них (в рунических надписях. — *авт.*) не содержится прямых указаний, классифицирующих пантеон. Однако в сибирско-центральноазиатской мифологии существовала своя, органично присущая ей система классификации божеств, в основе которой лежало трихото-

[1259] Ханзу тарыхый жазмаларындагы кыргыздар… 2014. (Кыргызская часть книги в арабской графике).

[1260] Чороев Т.К., Урстанбеков Б.У. Основные этапы распространения ислама в Киргизстане в VII–XIV вв. // Вопросы истории материальной и духовной культуры Киргизстана: сб. науч. ст. Фрунзе: Изд-во КГУ, 1987. С. 32.

мическое деление макрокосма на Верхний, Средний и Нижний миры, между которыми распределены все живые существа, а также боги и духи.

Трихотомическая концепция дополняла существовавшие горизонтальные модели мира вертикальной моделью, и ее создание отнесено теперь в глубочайшую древность, в эпоху верхнего палеолита Сибири. Противопоставление в древнетюркском пантеоне Неба (Тенгри) и Земли (Ыдук Йер-Суб) позволяет с относительной уверенностью постулировать существование в религиозной идеологии каганата двух групп божественных сил, соответственно связанных с Верхним и Средним мирами. Доказательством существования в древнетюркской мифологии полной трехчленной модели Вселенной стало недавнее выявление в рунических текстах Енисея и Восточного Туркестана наиболее важного и яркого персонажа Нижнего мира — его владыки Эрклиг-хана, «разлучающего» людей и посылающего к ним «вестников смерти»[1261].

Люди рода «куу кижи» народа алтайцев, согласно В. В. Радлову, считали, что Синее Небо (Кёк) состоит из семи слоев. На самом верху: 1) Бай Ульген, затем, по нисходящей линии: 2) его сын Пыршак-кан, 3) затем — Тёс-кан, брат Пыршак-хана, 4) Кыргыс-кан, сын Пыршак-кана, 5) Суйлап, другой сын Бай-Ульгена, 6) Сары-кан, сын Суйлапа, 7) посланцы богов (вроде пророков). Еще есть подземной мир, где владычествуют Кара-кан (сын Бай-Ульгена, избравший путь зла), Эрлик (сын Кара-кана), еще Улап и Кёлёк (сыновья Эрлика)[1262]. И. В. Стеблёва сравнивает Эрлика у алтайцев с «Черным богом судеб» ('qara jol täñri) у тюрков-манихеев, упоминаемым в «Ырк битиг»[1263].

Согласно поздней хакасской мифологии, первого человека создал верховный творец «Хан-Худай», а первого кама, т. е. шамана — бог подземного мира Ирлик-хан. Хакасы были уверены, что шаманом становится человек, отмеченный знаком бесовской силы Ирлик-хана[1264].

[1261] Кляшторный С. Г. Стелы Золотого озера… С. 261–264; Кляшторный С. Г. Степные империи: рождение, триумф, гибель… С. 167.

[1262] Радлов В. В. Из Сибири. М.: Наука, 1989. С. 212.

[1263] Стеблева И. В. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // ТС. 1971. М.: ГРВЛ, 1972. С. 218.

[1264] Бутанаев В. Я. Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та, 2006. С. 11. Также см.: Худяков Ю. С. Шаманизм и мировые религии у кыргызов в эпоху средневековья // Традиционные верования и быт народов Сибири. Новосибирск, 1987. С. 65–75.

Таким образом, можем еще раз подчеркнуть, что раннесредневековые тюрки считали, что Тенгир (Тенгри, Небо) является самым верховным божеством[1265], т. е. были еще другие божества в их пантеоне.

«Именно Тенгри, иногда вкупе с другими божествами, распоряжается всем происходящим в мире, и прежде всего судьбами людей: Тенгри «распределяет сроки [жизни]», но рождениями «сынов человеческих» ведает богиня Умай, а их смертью — Эрклиг. Тенгри дарует каганам мудрость и власть, дарует каганов народу, наказывает согрешивших против каганов и даже «приказывая» кагану, решает государственные и военные дела. Согдоязычная Бугутская надпись, эпитафия Таспар-кагана (умер в 581 г.), упоминает о постоянных вопросах кагана к богу (богам?) при решении государственных дел. Тенгри неявно антропоморфизован — он наделен некоторыми человеческими чувствами; выражает свою волю словесно, но свои решения осуществляет не прямым воздействием, а через природных или человеческих агентов», — пишет С. Г. Кляшторный[1266].

В хрониках Танской династии также написано, что тюрки верят прорицателям[1267]. Однако эти «человеческие агенты» не выступают особыми «фиксированными» пророками, а являются шаманами (‘qam’ — «қам»), которые рождаются, умирают в среде своего поколения и остаются неизвестными (безымянными) в пелене многовековых традиций. Не требуется какого-то авторитетного имени шамана для унификации или импровизации деталей идеи тенгрианства.

В поздних хакасских этнографических материалах записан обычай «умиротворения черного ымая шаманами». Как отмечает В. Я. Бутанаев, «если в доме умирали малолетние дети, то значит в семье обосновывался злой дух «хара ымай» — черная умай, т. е. «черная» часть души умершего ребенка… Изгоняли черную душу умерших детей шаманы, совершая обряд под названием «поднять черную умай». Камлание совершали ночью при старом месяце. Специально делалось изображение злого духа «хара ымай» в виде куклы из глины, дерева или старых тряпок… Кам (шаман) не поддавался на уговоры. Он бил в бубен, как бы вбивая в него черную душу ребенка. Затем шаман

[1265] Стеблева И. В. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической… С. 213–214.

[1266] Кляшторный С. Г. Степные империи: рождение, триумф, гибель… С. 167. Ср.: Потапов Л. П. Древнетюркские черты почитания неба у саяно-алтайских народов // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 50–64; Потапов Л. П. К вопросу о древнетюркской основе и датировке алтайского шаманства // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 3–36.

[1267] Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах… С. 231.

отправлялся в страну мертвых душ, где «стряхивал» «хара ымай» и для надежности там ее «запирал»[1268].

Тюркский шаманизм, вобравший в себе все эти вышеописанные божества, — разновидность язычества, он был характерен для большинства кочевых тюркских народов Внутренней и Центральной Азии и Большого Алтая.

Персоязычный историк Абу Саид Абд ал-Хайй Гардизи (1008/1009 — дата смерти неизвестна) в своем труде «Украшение известий», используя более ранние источники, пишет, что кимаки боготворят реку Иртыш (на Алтае) и говорят, что «река — это божество кимаков»[1269]. Как видно, здесь отражены общетюркский шаманский культ Йер-Суб и поклонение определенным местностям и географическим объектам.

Раннесредневековые тюрки-кочевники почитали огонь, широко практикуя обычай очищения им. Например, Шараф Заман Тахир ал-Марвази написал в своем трактате о северном соседе кимаков: «Правее этих кимаков [живет] три народа, которые поклоняются огню и воде… Они постятся один день в году, сжигают своих покойников и не оплакивают их»[1270].

Как отметил академик В. В. Бартольд, шаманские верования особенно проявились в погребальных обрядах тюрков: «Мы знали из китайских источников, что турками (т. е. тюрками. — *авт.*) около могил воинов ставились статуи убитых ими врагов; орхонские надписи вполне подтвердили это известие и сообщили нам термин для обозначения таких статуй — «балбал»; этому слову приписывают китайское происхождение. Надписи не говорят, была ли установка балбалов связана с исполнением каких-нибудь обрядов; но из византийских источников мы знаем, что у могил турецких ханов иногда умерщвлялись взятые в плен вожди врагов. В основе этого обычая лежит, несомненно, верование, которое мы встречаем и у других шаманистов: убитые будут на том свете служить тем, которыми или ради которых они были убиты»[1271].

Далее В. В. Бартольд пишет: «В этом веровании резче всего выразилась разница между примитивным язычеством и культурными религиями. Религия на той ступени развития, которой соответствует шаманизм, еще не свя-

---

[1268] Более подробно см.: Бутанаев В. Я. Традиционный шаманизм Хонгорая… С. 164.

[1269] Бартольд В. В. Гардизи. С. 589; Бартольд В. В. Гардизинин «Зайн ал-ахбар» чыгармасынан… Электрондук бет: Б. 316. См. также: Czeglédy K. Gardizi on the History… P. 257–267.

[1270] Храковский В. Шараф ал-Заман Тахир Марвази… С. 214; Minorsky V. Sharaf al-Zamān Tāhir Marvazī…

[1271] Бартольд В. В. Двенадцать лекций… 1993. С. 12.

зана с этической идеей; вера в будущую жизнь не предполагает веры в загробный суд и загробную ответственность; человек не только не боится загробной кары за уничтожение чужой жизни, но полагает, что, чем больше людей им убито, тем лучше его участь в будущей жизни»[1272].

По мнению Т. Ю. Сем, «шаманизм сформировался в рамках архаичных представлений о мире. В его основе лежала идея взаимозависимости человека и природы, мира духов. Шаман являлся посредником между людьми и духами. Он был избранником духов, обладал способностью видеть иную, особую реальность»[1273]. Термин «кам» (‘qam’)[1274] у раннесредневековых тюрков означал не просто шамана, а выдающегося отправителя комплекных процедур культа шаманизма. Впрочем, шаман также характеризовался как прорицатель, предсказатель, заклинатель, кудесник, чародей, маг, волшебник, колдун, синоптик, врачеватель, знахарь, исцелитель, советник своего общества, борец против злых духов, цензор, оратор, актер, генеалог, хранитель мифов, космогонических и других знаний и т. д.

В китайских источниках, зафиксировавших взаимоотношения Танской династии с тюркскими народами, упоминается, что в Кыргызском каганате на Енисее «жертву духам приносят в поле… Шаманов называют гань (кам)»[1275]. Персоязычный историк Гардизи в своем труде «Украшение известий» отмечал, что кыргызы, как и индусы, сжигают трупы умерших. «Огонь — самая чистая вещь, и все, что попадает в него, очищается. Говорят, что огонь очищает человека от смерти и греха»[1276]. Историограф также отмечает, что у кыргызов есть «фагинун», который способен предвидеть природные катаклизмы и изменения погоды, опасности и войны, но для этого он должен танцевать и впасть в экстаз[1277]. Шараф Заман Тахир Марвази информирует об изменениях в веровании тех кыргызов, которые перекочевали на Тянь-Шань еще в середине IX в. При Караханидах эти группы кочевых кыргызов подверглись частичной исламизации, что нашло отражение в изменениях обряда погребения. Умерших вместо традиции трупосожже-

---

[1272] Бартольд В. В. Двенадцать лекций… 1993. С. 12.

[1273] Шаманизм народов Сибири: этнографические материалы XVIII–XX вв. / авт.-сост. Т. Ю. Сем. СПб.: Филологический ф-т Санкт-Петербургского гос. ун-та: Нестор-История, 2011. С. 83.

[1274] ДТС. 1969. С. 413. Также см: Davletov T. Kamlık İnancında Kam (Şaman) ve Kümelenme… S. 89–96.

[1275] Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах… Т. 1. С. 353.

[1276] Бартольд В. В. Гардизинин «Зайн ал-ахбар» чыгармасынан… Б. 320.

[1277] Там же. Б. 320–321.

ния, которую они использовали в Южной Сибири, стали хоронить по обряду трупоположения[1278].

Религиозная ситуация в Притяньшанье изменилась с конца 20-х гг. XII в. в связи с завоеваниями кара-кытаев (части киданей, мигрировавших из Северного Китая через Монголию на Тянь-Шань). Академик В. В. Бартольд так охарактеризовал новые условия религиозной жизни того периода: «Кидане, подобно китайцам, одинаково покровительствовали всем религиям, между прочим и исламу; мусульманские историки хвалят справедливость гурханов (это, как нам кажется, лучше всего показывает, что гурханы не были несторианами). Все-таки мусульмане должны были лишиться своего господствующего положения, и последователи других религий были безопасны от мусульманского фанатизма; поэтому и христианство могло распространиться свободнее при Караханидах. Патриарх Илья III (1176–1190 гг.) учредил несторианскую митрополию в Кашгаре, одной из столиц Гурханов (другой столицей был Баласагун)[1279].

Оплотом неисламских религий было Уйгурское идикутство того времени. В Турфанском оазисе найдены два несторианских (христианских) текста, написанные в домонгольское время так называемым уйгурским письмом. Первый фрагмент — текст вероучительного содержания «Поклонение волхвов», а именно евангельский отрывок о поклонении волхвов родившемуся младенцу Христу. Предполагается, что данный перевод на уйгурский язык выполнен с сирийского или согдийского языка. В тексте волхвы переданы термином «могоч» (т. е. маги); Ирод — «Иродис хан»; Мессия — словом «Мсиха»)[1280].

Возвращаясь к языческим верованиям тюрков, отметим, что они продолжали традиции древних хуннов по сакрализации власти. Если древние хунны называли своего правителя «тенгир-кут» — «Высшее благо, данное Небом», то и тюрки племени Ашина связывали своего кагана с эпитетом Бога Неба (Тенгир/Тенгри): ‘tañrı-täg tañrı jaratmış türk bilg(e) qaγan sabım’ — «(Вот) речь моя богоподобного, Небом поставленного (или угодного Небу), тюркского мудрого (Бильгя) кагана»[1281].

[1278] Minorskiy Sharaf al-Zaman Marvazi… P. 30; Şeşen R., İbn Fazlan Seyahat-Namesi. S. 102–103; Храковский В. Шараф ал-Заман Тахир… С. 212; Aynakulova, Gülnisa. IX–XII. Yüzyillarda Fergana'da… S. 839.

[1279] Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период: [По поводу семиреченских надписей]. Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1893. С. 293.

[1280] Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности… С. 131, 136–138.

[1281] Памятник Бильге-кагану, названному в китайских источниках именем «Могилян», в бассейне реки Орхон; 1-я строка). Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии… С. 11, 16, 20.

Другой путь сакрализации был связан с их тотемом «бёрю», «бёри» — сивой волчицей, которая вырастила предка правящего племени Ашина. В китайских династийных историях «Чжоу шу», «Бэй ши» и «Суй шу» воспроизведены две легенды древних тюрков, посвященные теме волчицы и восходящие к самим тюркским рассказчикам. Согласно первой легенде, предки правящего рода тюрков, жившие на краю большого болота (по «Бэй ши» и «Суй шу» — на правом берегу *Сихай* «Западного моря»), были истреблены воинами соседнего племени, а по переводу турецкого ученого Бахаеддина Огеля — «воинами государства Линь», которых он отождествляет с одним из сяньбийских племен[1282]. В живых остался лишь десятилетний мальчик (ему отрубили ноги), которого спасла от смерти волчица. Скрываясь от врагов, волчица бежит в горы севернее Гаочана (Турфанский оазис), т. е. в горы Восточного Тянь-Шаня. Там, в пещере, она родила десятерых сыновей, отцом которых был спасенный ею мальчик. Сыновья волчицы женились на женщинах из Гаочана (Турфана) и создали свои роды; их потомки приняли родовые имена матерей. Один из сыновей носил имя Ашина, которое стало именем его рода. Вождем нового племени, составленного из родов десяти потомков волчицы, стал Ашина, родоначальник будущей династии. Асянь-шад, один из наследников Ашина, вывел потомков волчицы из гор Гаочана и поселил их на Алтае (Циньшань), где они под владычеством жуаньжуаней добывали и обрабатывали железо. На Алтае, соединяя и других тюркских этносов, племя Ашина принимает этническое наименование «тюрк», которое, согласно легенде, связано с местным названием Алтайских гор[1283].

По второй легенде, записанной в китайских хрониках, предки правящего рода тюрков происходят из «владения Со». Лю Маоцзай и Б. Огель достаточно уверенно идентифицируют «владение Со» с территорией одного из сяньбийских племен, носившего то же название[1284]. Глава племени, Абанбу, имел семнадцать братьев, один из которых, Ичжинишиду, назван «сыном волчицы». Владение Со было уничтожено врагами, а спасшиеся роды рассеялись. Благодаря сверхъестественным способностям «сына волчицы» Ичжинишиду, его род оказался в наиболее благоприятном положении. Один из его сыновей стал «белым лебедем» и основал владение Цигу (один из вариантов

[1282] Ögel Bahaeddin. Doğu Göktürkleri Hakkinda… S. 103–104; Кляшторный С. Г. Степные империи: рождение, триумф, гибель. С. 75.

[1283] Кляшторный С. Г. Степные империи: рождение, триумф, гибель… С. 75–76; Taşağıl A. Göktürkler. 2002. Cilt 2. S. 15–49.

[1284] Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe)/ Bd. II, S. 489; Ögel. Doğu Göktürkleri Hakkinda Vesikalar ve Notlar», Belleten, C. XXI/81, Ocak 1957. S. 103–104; Кляшторный С. Г. Степные империи: рождение, триумф, гибель… С. 76.

этнического имени «кыргыз»[1285]), расположенное между реками Афу и Гянь (Абакан и Кем, т. е. Верхний Енисей). Третий сын правил на реке Чжучже, а старший сын, Нодулу-шад, поселился в Цзянсы Чжучжеши (вариант: Басычусиши). К роду Нодулу-шада присоединился и собственный род Абанбу. Нодулу-шад имел десять жен, сыновья которых носили родовые имена матерей. Сыном его младшей жены был Ашина.

После смерти Нодулу-шада его сыновья решили, что вождем племени станет тот из них, кто окажется более сильным и ловким, чем другие. Победил в состязании Ашина, который, став вождем, принял имя Асянь-шад. Его наследником стал сын или племянник Туу. Сын Туу, Тумынь (Бумын руничеких текстов) стал основателем государства. В хронике «Тан шу» находим: «Прародителем западных тюрков был Туу, внук Нодулу. Он прозывался великий ябгу. Тумынь был старший сын Туу». Следовательно, Асянь-шад, сын Нодулу, мог быть отцом или дядей Туу[1286].

Погребение кагана, власть которого был сакрализована сверху самим Тенгиром, было сопряжено с многочисленными обрядами. Так, между днем смерти и окончательной панихидой у тюрков могло пройти значительное количество времени. Например, Йоллыг тегин, сын Бильге-кагана, пишет: «Мой отец хан умер в год Собаки (734), в десять месяцев, двадцать шестого числа. В год Свиньи в (735), пятый месяц, в двадцать седьмой день устроил похороны»[1287]. Говоря о похоронных обрядах, мы должны иметь в виду тризну в честь умершего кагана с участием представителей знати многих народов и племен. Когда умер полководец Кюль-тегин, на его похоронные обряды (тризну) в долине Орхон приехали много зарубежных гостей — из Танской династии Китая («табгач»), от тюргешского кагана, от киданей (кытаң), татабы, из Согда, Тибета и т. д., и среди них был также посол Кыргызского каганата: «Qırqız qaγanda Tarduş Inançu Çor kelti» — «Тардуш Ынынчу Чор прибыл от кыргызского кагана»[1288]. Обычай проведения тризны опи-

---

[1285] Вполне возможно, что эти связи тюрков-ашина Алтая с кыргызами Енисея являются отголосками их единой позиции в районе Восточного Тенгир-Тоо против жуан-жуан, и эта легенда также давала шанс кыргызским каганам иметь «сакральную власть» как потомков «сивой волчицы». См.: Chorotegin (Tchoroev), Tyntchtykbek. The Kyrgyz Ethnicity and Its Early Statehood // The Proceedings of the International Scientific Conference entitled «The Issues of Kyrgyz Studies: From Ancient Times to the Present,» dedicated to the 60th anniversary of the historian and publicist Tynchtykbek Chorotegin (Tchoroev). Bishkek: KNU, 2019. Pp. 490–491.

[1286] Кляшторный С. Г. Степные империи: рождение, триумф, гибель… С. 76; Liu Mau-tsai, 1958, Bd. II, S. 490.

[1287] Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности… С. 43.

[1288] Большая надпись памятника в честь Кюль-тегина, строки 12–13 [52–53]). См. перевод: Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности… С. 43.

сан также в кыргызском героическом эпосе «Манас», в частности, в эпизодах о тризне в честь Кёкётёй-хана[1289].

Одним из широко распространенных обычаев у тюрков было возведение балбалов в честь покойного[1290]. Во время могущества государства у памятника усопшего кагана воздвигали балбалы его побежденных врагов. Видимо, такие обычаи тюрков являются отголоском традиций восточных соседей — китайцев, которые при Танской династии также ставили символические статуи правителей или высших вельможей как покоренных, так и независимых владений (не говоря уже о целой армии терракотовых статуй эпохи после смерти Цинь Шихуанди в III в. до н. э.).

Абсолютное большинство кочевого общества тюрков было свободным. Потенциально каждый вольный кочевник должен быть воином, поэтому слово «эр» означало не только взрослого мужчину, но также и воина в его лице. У тюрков была распространена мужская (воинская, охотническая и т. д.) инициация, с чем была связана традиция наречения юноши «геройским именем» (эр аты — «er atı»).

С. Г. Кляшторный указывает на текст рунической надписи Кули-Чуру из народа тардуш, найденной в местности Ихе-Хушоту (по-монгольски «Их Хөшөөт», местность в сомоне Дэлгэрхаан Центрального аймака[1291]): ‘/Kü/ li Čur: jeti yašïŋa: jegir: ölürti: /toquz yašïŋa: / azïqlγï: toŋuz:: ölürtï’ — «в семь лет Кули-чор убил горную козу, а в десять лет — дикого кабана» (ИХ 18; строка 6 текста с восточной стороны памятника)[1292]. Н. Базылхан слово «йегир» переводит как «лисицу»: «Кули Чур в семь лет поймал (букв. убил) лису, в девять поймал (букв. убил) дикого кабана»[1293].

А в руническом памятнике из Тувы (по изданию С. Е. Малова № 51), первая строка начинается словами ‘er atım elük tirig…’ — «мое мужское (герои-

[1289] Ботояров К. Көөнөргүс мурас. URL: https://new.bizdin.kg/kniga/koonorgus-muras.; Поливанов Е. Д. Киргизский героический эпос «Манас». Бишкек, 1999.

[1290] Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л.: Наука, 1966. С. 31–37.

[1291] Поминальный комплекс в честь Кули Чура. URL: https://bitig. kz/?mod=1&tid=1&oid=18&lang=r.

[1292] Кляшторный С. Г. Степные империи: рождение, триумф, гибель… С. 153. У С. Е. Малова после слов «К семи годам Кули-чура» нет следующих текстов: «…убил горную козу, а в десять лет — дикого кабана»: Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. 1959. С. 28–29.

[1293] Базылхан Н. Көне түрік бітіктастары мен ескерткіштері. URL: https://bitig.kz/?lang =r&mod=1&tid=1&oid=18&m=1

ческое) имя Элюк Тириг»[1294]. (Новое прочтение у Н. Базылхана: ‘Er atïm: Kök Terek’ — «мое имя мужа-воина — Синий Тириг»[1295]. Отголоски традиции инициации юных героев имеются и в кыргызском героическом эпосе «Манас», когда юный Манас уединяется со своими друзьями на Алтае и совершает первые подвиги в борьбе против иноземных захватчиков с Востока[1296].

Одним из широко распространенных обычаев тюрков Большого Алтая и других регионов было нанесение татуировки на теле человека в связи с различными обстоятельствами (возрастная инициация, подвиг и т. д.). Данная традиция восходит к дописьменным этапам древней истории Большого Алтая и сопредельных регионов Внутренней и Центральной Азии. Можно упомянуть мумии в Пазырыкских курганах в Горном Алтае, датируемые VI–III вв. до н. э., где важной особенностью мумий были нанесенные татуировки (в виде сцен охоты, изогнутых фигур животных и фантастических зверей, и т. д.). Так, мумия 25-летней женщины-аристократки с отлично видными татуировками была обнаружена при раскопках кургана на юге Алтая, на плато Укок в 1993 г. археологом Н. Полосьмак. Там же обнаружены останки шести жертвенных лошадей и много других предметов[1297].

В китайских письменных источниках раннего Средневековья упоминается об обычаях татуировки у енисейских кыргызов. Так, Ду Ю (735–812 гг.), китайский государственный и военный деятель, ученый-историк, написал труд «Тун дянь» («Политический свод»), историческую энциклопедию государственного управления. В данном сочинении о кыргызах написано: «Храбрые молодцы из них красками татуируют руки себе, а женщины, по выходу замуж, татуируют себе шею»[1298].

Частью культуры раннесредневековых тюрков были тамги — особые знаки. Изучение знаковой системы, воплощенной в тамгах, требует комплекс-

---

[1294] Насилов Д. М. Некоторые замечания к прочтению енисейских памятников // Письменные памятники Востока. М.: Наука, 1971. С. 204–214, 551 (рис.). С. 211, 551 (рис. 37); Памятники древнетюркской письменности Тувы / под ред. И. А. Батманова, А. Ч. Кунаа. Вып. 3. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1965. С. 23–24.

[1295] Третий письменный памятник (стела) Тувы (E-51). URL: https://bitig.kz/?lang=r&mod=1&tid=2&oid=51&m=1

[1296] Ботояров Камбаралы. Көөнөргүс мурас… (Тризна в честь Кёкётёй-хана. Со строки № 145).

[1297] См.: О татуировках и украшениях Алтайской принцессы. URL: http://www.sib-science.info/ru/institutes/ukrasheniya-altayskoy-printsessy-16102016)

[1298] Турсун Жаркын. Кытай жазма булагы «Туң дияндагы»… Б. 114–117.

ного характера изыскания[1299], так как тамги у тюрков были связаны с многообразными аспектами жизнедеятельности — начиная от знаков собственности на скот, заканчивая знаками отличий на уровне племен, этносов и государств (типа современного государственного герба).

Богатство фольклорного наследия тюрков раннего Средневековья не сохранилось. Но и те памятники устного народного творчества, которые отражены в письменных источниках[1300], позволяют представить разнообразные жанры тюркского фольклора. Конечно, генеалогические предания, связанные с божественным или тотемическим происхождением правящего племени тюрков-Ашина (легенды о тотеме — сивой волчице), являются одними из них.

Например, изречения, части поэм (дастанов) и легенд о мифическом предке тюрков Алп Эр Тонга (Alp Er Toña), зафиксированные у Махмуда Кашгари, ведут к поэзии эпохи Западно-Тюркского каганата. В «Диване» Махмуда Кашгари также записаны фрагменты восточно-тюркского эпоса о сражении тангутов и жителей города-государства Катун-Сыны (предположительно, в Ганьчжоу)[1301]. Некоторые сюжеты об Огуз-хане сохранились в трудах более поздних мусульманских авторов (Рашид-ад-Дин, Хондемир, Абу-л-Гази Бахадур-хан). А. Бернштам полагал, что Огуз-каган — позднейшее легендарное отражение хуннского тенгир-кута (гуннского шаньюя) Модэ[1302].

В орхоно-енисейских рунических надписях и в уйгурских памятниках Турфанского оазиса также имеются слова, которые являются народной мудростью своего времени. Так, в одном буддийском тексте из Турфанского оазиса, написанном уйгурским письмом (TT V A), есть изречение: ‘tujmaq bilig tutunçsuz jaruq jula teg’ — «Познание подобно немеркнущему светлому

[1299] См.: Аристов Н. А. Труды по истории и этническому составу тюркских племен / отв. ред. акад. В. М. Плоских. Бишкек: Илим, 2003. 460 с.; Зуев Ю. А. Тамги лошадей из вассальных княжеств (Перевод из китайского сочинения VIII–X вв. Танхуйяо, т. III гл. 72, стр. 1305–1308) // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана / Тр. ИИАЭ АН КазССР. Т. 8. С. 93–140 (здесь тамга кыргызов. С. 132); Каратаев О. К., Асанканов А. А. Древнекыргызские тамги Хакасско-Минусинской котловины и Республики Тыва: историко-этнографические исследования (новые находки) // Материалы Международной археолого-этнологической экспедиции, посвященной 2200-летию кыргызской государственности. Бишкек, 2003. С. 83–126; Тамги доисламской Центральной Азии Самарканд: Изд-во МИЦАИ, 2019; Ямаева Е. Е. Родовые тамги алтайских тюрок. Горно-Алтайск, 2004. 56 с.; и др.

[1300] См., например: URL: https://bitig. kz/?mod=2&lang=r

[1301] См.: Чоротегин Т. К. «Дивану лугати т-түрк» эмгеги түрк элдеринин тарыхы боюнча көөнөргүс булак: Илимий басылыш. Бишкек, 2017. Б. 207–223.

[1302] Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. Л.: ЛГУ, 1951. С. 64. URL: http://kronk.spb.ru/library/bernshtam-an-1951–02.htm

факелу (или: пути)»[1303]. (Здесь словосочетание «туймақ билиг» означает «знание через прозрение», «достижение совершенного познания»).

Различные торжества во время курултаев, свадеб, возрастных инициаций и других семейных празднеств, а также по случаям тризны правителя (кагана, бека, джабгу) и вельмож, празднования победы после сражения и т. д. были временем организации народных игр у тюрков раннего Средневековья. Некоторые игры представляли разновидности джигитовки (конный спорт, в том числе и конное поло, скачки), имелись и боевые игры — стрельба из лука, бросание копья[1304]. В «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни упоминаются игры в шахматы («шатранч») и нарды у караханидских и других тюрков XI в. (бейт № 2634)[1305]. В «Диване» также упоминаются детские игры («мёнгюз», игра в куклы, соревнование в беге, купании и т. д.)[1306].

Тюрки Большого Алтая, Центральной и Внутренней Азии (и их предки) являются одними из первых разработчиков 12-летнего животного цикла солнечного календаря. Ряд исследователей связывают его происхождение с кочевой цивилизацией Внутренней и Центральной Азии. Так, В. В. Цыбульский пишет: «Зарождение этого календаря связано с кочевыми народами Центральной Азии, но он сравнительно быстро получил распространение у различных народов почти всей Азии. Вполне возможно, что существовали и другие центры его появления, однако факты идентичности (за небольшими исключениями выбора животных и их последовательности) свидетельствуют о примате региона Центральной Азии»[1307].

[1303] Ср.: ДТС. 1969. С. 585, 593; тюркоязычный турфанский буддийский текст уйгурским письмом № 5 состоит из двух текстов (текст А и Б). TT V текст А — состоит из 133 строк; этот пример изречения взят из строки № 49. См.: Bang W. und von Gabain A. Türkische Turfan-Texte… Bd. XIV. S. 323–356.

[1304] Рысмендеева Н. К. Кыргыз элинин чүкө оюндары: (Этнографиялык иликтөө) / Илимий ред. Т. К. Чоротегин. Бишкек: Кыргыз жер, 2016. 176 б.

[1305] Arat Reşit Rahmeti. Kutadgu Bilig: I. Metin. 3. baskı. Ankara, 1991. LIX+656 s. (Türk Dil Kurumu Yaymlan. 458). S. 276; Баласагунский Юсуф. Благодатное знание / изд. подготовил С. Н. Иванов; отв. ред. А. Н. Кононов. М.: Наука, 1983. 560 с. С. 212; Чоротегин Т. К. «Дивану лугати т-түрк» эмгеги түрк элдеринин тарыхы боюнча көөнөргүс булак: Илимий басылыш. Бишкек, 2017. Б. 261.

[1306] Чоротегин Т. К. Караханийлер доорундагы түрктөрдүн спорт оюндары тууралуу // Түрк элдеринин салттуу спорттук оюндары — Türk Halklarının Geleneksel Spor Oyunları / Түзгөндөр: А. Мокеев, Ф. Унан, О. Каратаев, О. Йорулмаз, Ж. Алымбаев, Ж. Буйар. Б., 2015. Б. 241–246.

[1307] Цыбульский В. В. Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии с переводом на даты европейского календаря (с 1 по 2019 г. н. э.) / АН СССР, Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1988. С. 17.

Не вдаваясь в подробности проблемы о конкретном этническом авторстве данного календаря[1308], отметим, что он использовался не только кочевыми тюркскими и монгольскими народами, но также и служил тюркам-христианам и мусульманским тюркским народам эпохи так называемого «мусульманского ренессанса». Многие даты 12-летнего животного солнечного календаря в разных рунических надписях на Орхоне (вкупе с данными китайских исторических хроник, жизнеописаний, этнографических зарисовок и т. д.) помогли историкам уточнять даты некоторых исторических событий и моментов в биографии исторических личностей.

Махмуд Кашгари также упоминает, что тюркские народы имели различные ритуальные определения, исходя из названий годов данного животного цикла. Например, поскольку быки бодаются, считалось, что если наступит год коровы («год быка»), то стычек будет больше. В год курицы — урожая и еды много, но люди могут собираться в хаосе, как куры, ищущие зерно. В связи с тем, что Нек (Великий) живет в воде, также ожидается, что в году Нек (дракона) пойдет дождь. А год кабана ассоциируется с сильными морозами[1309]. (Видимо, это народное поверье является отличным показателем сохранившихся пережитков шаманизма в обычаях и традициях тюрков XI в.).

Космогонимические взгляды тюрков также отражены в средневековых источниках. Многие термины средневековых тюрков и впоследствии сохранились у тюркских народов, некоторые были видоизменены. В «Диване» Махмуда Кашгари находим следующие слова: «кюн» — «солнце», «ай» — «луна», «йулдуз» — «звезда», «юлкер» — «плеяда», «темюр казык» — «полярная звезда» (у кыргызов — «алтын казык»), «бакыр-сокум» — «марс», «эрэн тюз» — «юпитер» и др.[1310]

Древнетюркские письменные памятники были открыты в 1720-х гг. в долине Енисея (от тюркского названия реки Анасай — «материнская долина») немецким ученым Д. Г. Мессершмидтом и шведским офицером И. Т. Страленбергом. По сходству алфавита со скандинавскими руническими текстами открытое письмо назвали «руническим». В 1889 г. русский ученый Н. М. Ядринцев открыл в Северной Монголии, в долине реки Орхон, каменные сте-

---

[1308] См.: Захарова И. В. Двенадцатилетний животный цикл у народов Центральной Азии Азии // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана / Тр. ИИАЭ АН КазССР. Т. 8. 1960. С. 32–65; Шахматов В. Ф. О происхождении двенадцатилетнего животного цикла летоисчисления у кочевников // Вестник Академии наук Казахской ССР. 1955. № 1. С. 43–53.

[1309] Kâşgarlı Mahmud. Dîvânü… / Tıpkıbasım. S. 87b-88a; ср.: ал-Кашгари Махмуд. Диван Лугат ат-Турк… С. 288.

[1310] Чоротегин Т. К. Махмуд Кашгари Барсканинин… Б. 254–255.

лы с подобными руническими надписями. По месту находки эти письменные памятники стали называться «орхоно-енисейскими». Ключ к алфавиту и первое прочтение было предложено датским ученым Вильгельмом Томсеном 25 ноября 1893 г. Первые слова, которые удалось ему расшифровать, были «тенгри» и «тюрк». Немецкий тюрколог В. В. Радлов первый дал их связное чтение.

Памятники были воздвигнуты в эпоху Второго Тюркского каганата (689–744 гг.) и Уйгурского каганата в Монголии (745–840 гг.). Наиболее известны из них Кошо-Цамдайские памятники — стелы в честь семнадцатого кагана Восточно-Тюркского каганата Бильге-кагана (680–734) и его младшего брата полководца Кюль-тегина (684–731), воздвигнутые в 732–735 г. и найденные Н. М. Ядринцевым в долине Кошо-Цайдам реки Орхон в Монголии.

Н. М. Ядринцев нашел в 1891 г. на территории Монголии, в бассейне реки Онгин, новую надпись на камне, получившей название «Онгинский памятник». Рунические письмена обнаружены на территории от Монголии до Венгрии. В Венгрии в 1799 г. в селении Святого Николая обнаружен клад золотых сосудов с руническими надписями, которые расшифровал проф. Ю. Немет. Он отнес эту письменность к печенежской начала X в. В Восточном Туркестане были найдены бумажные фрагменты с тюркскими рунами, содержащие интересные юридические документы. В Казахстане в 1896–1897 гг. в бассейне р. Талас близ города Тараза найдено пять камней с рунами V–VI вв.

Тюркский рунический алфавит с различными вариациями был широко распространен в Монголии, Южной Сибири, Алтае и Тянь-Шане. Несмотря на то, что тюрки Большого Алтая и Внутренней Азии имели традиционно близкие политико-дипломатические, торговые, культурные и экономические связи с Китаем, при разработке собственного алфавита они оказались под влиянием не китайского иероглифического письма, а под воздействием идеи алфавитной передачи письменной информации сирийцев, представителей семитско-арамейской алфавитной письменной культуры. Таким образом, руническая алфавитная[1311] письменность тюрков была своеобразным ноу-хау, созданным на основе идеи алфавитов народов Ближнего Востока, развивавшихся, в свою очередь, на основе так называемых протосинайско-

[1311] Мы пользуемся термином «руноподобный алфавит». Даниил Готлиб Мессершмидт (1685–1735), опираясь на свои «познания ученых и употребительных в Европе языков», был первым, кто назвал вновь найденные письмена в долине реки Уйбата (Енисей) руническими и термин прижился, хотя доказано, что данный алфавит тюрков не имеет ничего общего с древнегерманскими рунами древности и раннего средневековья. См.: Кызласов И. Л. Енисейская письменность Древнехакасского государства. Рассказы археолога. М.; Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2017. С. 9–14.

го и протоханаанского алфавитов, зародившихся в первой половине II тыс. до н. э. у семитских народов, обитавших на полуострове Синай и в Палестине в указанный период.

Академик В. В. Бартольд блестяще описал историю возникновения рунического письма тюрков: «Турки [т. е. тюрки. — *авт.*], по-видимому, не только заимствовали готовый алфавит, но прибавили к нему некоторые новые знаки, например, знак для передачи звука *ok* или *yk*, представляющий изображение стрелы (по-турецки *ok*). Сверх того, алфавит был приспособлен турками к фонетическим особенностям своего языка, особенно к закону звуковой гармонии; вследствие этого самый старый из турецких алфавитов в то же время должен быть признан самым совершенным из алфавитов, когда-либо употреблявшихся турками»[1312].

Если орхонские надписи были оставлены восточными тюрками и уйгурами (что отчетливо и зафиксировано в их текстах), то енисейский вариант рунической письменности идентифицируются в качестве алфавитного письма кыргызов[1313]. Профессор И. Л. Кызласов полагает, что здесь речь идет о двух разных алфавитах: «Средневековое тюркоязычное население Сибири и Монголии пользовалось двумя близкими, родственными по происхождению, но все же разными алфавитами. Подобная картина часто наблюдается в истории, когда два или более народа вступают в тесное культурное общение. Для примера вспомним сегодняшние национальные азбуки народов Южной Сибири. Современное хакасское, алтайское и тувинское письмо очень близки друг другу, так как все вместе восходят к одной алфавитной основе — русской кириллической азбуке. Но и в хакасском, и в алтайском, и в тувинском письме есть своеобразные буквы, отличающие эти азбуки друг от друга и, конечно, от русского алфавита. Подобным образом были близки друг другу и подобным образом отличались и древние рунические алфавиты: енисейский и орхонский»[1314].

Но все же не стоит абсолютизировать разницу между орхонскими и енисейскими вариантами, так как общий каркас и общее обозначение многих звуков одинаковыми буквами говорит о том, что это — единый алфавит с региональными различиями. Выдающийся русский востоковед Н. А. Ари-

---

[1312] Бартольд В. В. Двенадцать лекций… С. 9. Ср. также: Kara György. The Runiform Alphabet… P. 536–539; Useev N. Yeni Bulunan Köktürk Harfli Çiyin-Taş II Yazıtı. S. 31–44.

[1313] Атласи Ҳ. М. Себер тарихы Соенбикэ. Казан ханлыгы, 1992. Б. 33; Конкобаев К., Усеев Н., Шабданалиев Н. Атлас древнетюркских письменных памятников Республики Алтай. Астана: «Ғылым», 2015. С. 11.

[1314] Кызласов И. Л. Енисейская письменность Древнехакасского… С. 43.

стов, один из сторонников эндогенного происхождения тюркского рунического алфавита, заново обосновал гипотезу о тюркском тамговом источнике букв данного алфавита. Так, исследователь обнаружил внешнее сходство с тюркскими тамгами у 29 из 38 знаков орхонского алфавита: «…Во всяком случае, если названия некоторых тамг (как, напр., кульджа-тамга для одной из форм буквы к) или имена родов, которым они принадлежали, соответствовали своими начальными звуками звуковому значению вошедших в алфавит знаков — тамг, это отнюдь не было общим правилом, ибо некоторые тамги употреблены в этом алфавите для означения нескольких звуков, отличаясь только своим положением, тогда как тамга, в каком бы положении на животное не накладывалась, названия и значения своего не изменяла»[1315].

К мнению о происхождении орхоно-енисейского письма из «местных тамг и других идеограмм» склонялся И. А. Батманов[1316], который отмечал: «…тувинский, киргизский, хакасский, шорский и алтайский языки более, чем другие, были генетически связаны между собой и с языком енисейских памятников. Они исторически составляют енисейскую группу тюркских языков»[1317]. С. Е. Малов более конкретно идентифицировал енисейские надписи как кыргызские: «Что же теперь сказать о языке эпитафий бассейна р. Енисея? Памятники — киргизские в этом общем государственном смысле, язык — общий, стандартный, эпитафийно-рунический»[1318].

И. В. Кормушин разделяет тюркские рунические письменные памятники на шесть больших групп по их географическим и историческим особенностям: 1. Енисейско-кыркызские (VIII–XI вв.), 2. Таласско-кыркызские (VIII или XI в.) и 3. Горно-Алтайско-кыркызские (вторая половина IX в.) группы им были связаны с кыргызским вариантом руноподобного алфавита тюрков[1319]. Исследователь полагает, что енисейский вариант близок к руноподобным памятникам из Таласа (Северный Кыргызстан), что свидетельству-

---

[1315] Аристов Н. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований. Санкт-Петербург: Тип. С. Н. Худекова, 1895. С. 418–421; Аристов Н. А. Труды по истории и этническому составу… URL: https://new.bizdin.kg/kniga/trudy-po-istorii-i-etnicheskomu-sostavu-tyurkskikh-plemen (С. 29 в электронной книге).

[1316] Батманов И. А., Кунаа А. Ч. Памятники древнетюркской письменности Тувы. Кызыл: Тувинское книжное изд-во. 1963. С. 8.

[1317] Там же. Батманов И. А. Предисловие. С. 3.

[1318] Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков… С. 7.

[1319] Кормушин И. В. К соотношению вариантов тюркского рунического письма: палеографические обоснования хронологических оценок // Российская тюркология. 2013. №2 (9). С. 3.

ет о тесных этнокультурных связях между кыргызами Енисея и тюргешами Семиречья в средневековый период.

Н. Усеев, изучивший памятники Калбак-Таш XX (A-43) и Калбак-Таш XXI (A-44) рунического письма в Горном Алтае, отмечает, что здесь же найдено около 30 различных надписей. На основании этого исследователь делает вывод о высоком уровне грамотности раннесредневекового населения региона[1320].

Последние достижения археологов помогают проследить возможные пути распространения вариантов рунического алфавита из Сибири, Большого Алтая в Предтаньшанье. Так, К. Ш. Табалдыев, открывший ряд новых рунических надписей на севере Кыргызстана в последние 30 лет, пишет: «Открытые нами в Кочкорской долине и в Прииссыккулье руноподобные надписи [Табалдиев, Солтобаев, 2001] — в данное время доказательные свидетельства об их близости с енисейскими и алтайскими, их палеография совершенно не сходна с орхонскими. По мнению некоторых специалистов в свойстве кочкорских и иссыккульских текстов прослеживается путь миграции енисейской письменной традиции из Енисея на Теңир-Тоо — через Алтай»[1321].

Большинство рунических надписей в Монголии принадлежали восточным тюркам и уйгурам. Многие из них идентифицируются как памятники в честь правителей и полководцев тюркских каганатов и в честь кагана Уйгурского каганата. Есть и исключения. Например, руноподобная надпись в местности Суджийн-Даван (сомон Сайхан аймака Булган, Северная Монголия) принадлежала кыргызскому военачальнику и вельможе по имени Бойла Кутлуг Йарган[1322].

Особо стоит гипотеза о происхождении рунического алфавита тюрков, которую предложил А. Аманжолов. Он полагает, что некоторые прототипы древнетюркских рун представляются самобытными и, по всей вероятно-

---

[1320] Useev. Nurdin. Kalbak-Taş XX (A 43) Ve Kalbak-Taş XXI (A 44). S. 1–15.

[1321] Табалдиев К. Ш. Некоторые археологические, исторические и эпиграфические данные… С. 97; Табалдиев К. Ш., Солтобаев О. А. Рунические надписи Кочкорской долины // Изв. Нан кр. 2001. № 1–2. С. 68–73.

[1322] Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков… С. 76, 84; Кляшторный С. Г. Суджинская надпись — уникальный памятник эпохи «кыргызского великодержавия» // Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней и Центральной Азии. Бишкек, 1991. С. 57–59; Кормушин И. В. Еще раз к вопросу о кыргызском характере Суджинской надписи // Тюркологический сборник 2007–2008. М.: Восточная литература РАН, 2009. С. 177–188; Усеев Нурдин. Енисей жазма эстеликтеринин түшүндүрмө сөздүгү жана лексика-статисткалык анализ. I. Стамбул: КТМУ, Кесит, 2020, Б. 503–504; Базылхан Н. Көне түрік бітіктастары мен ескерткіштері (Орхон, Енисей, Талас). Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Б. 162–163.

сти, происходят из исконно тюркских изобразительных логограмм — знаков для слов.

Степень самобытности тюркского алфавита ученый также связывает с гипотетическим общим алфавитом, который якобы мог существовать в Евразии в III–II тыс. до н. э.: «Тюркский рунический алфавит в целом не восходит ни к одному из известных нам ранних алфавитов Средиземноморья, несмотря на генетическую связь отдельных их букв. Тюркский рунический алфавит выступает как очень богатая и вполне самостоятельно сложившаяся графическая система. Было бы в корне ошибочно считать его продуктом индивидуального творчества. Тесная генетическая связь тюркских рунических знаков с ранними семитскими, древнегреческими, италийскими (этрусскими, пиценскими, мессапскими, венетскими, ретскими) и малоазийскими (карийскими, ликийскими, лидийскими, сидетскими) буквами объясняется тем, что тюркский рунический алфавит, прошедший весьма длительный путь развития, по-видимому, непосредственно восходит к древнейшему общему источнику алфавитных письменностей. Таким источником могло быть какое-то раннее логографическое или алфавитное письмо 3–2 тысячелетий до н. э.»[1323].

В классическом каркасе орхонских памятников имеется 38 букв. Кроме них, имеются еще 11, включая последнюю букву , которая была написана в найденной на Алтае надписи «Бар-Бургазы I (A 18)». До настоящего времени она не была еще идентифицирована как символ определенного звука (или двух звуков).

Эта традиция затем продолжена и развита другим линейным алфавитом восточных тюрков, который условно называется «уйгурским». Л. Ю. Тугушева подчеркивала общетюркский характер данного алфавита, который был использован не только уйгурами-манихеями и уйгурами-буддистами, но также и другими тюркскими этносами Внутренней и Центральной Азии средневековья с VIII по XVI в.

Изучая тексты биографии китайского путешественника и монаха Сюань Цзана (602–64) в переводе на уйгурский язык бешбалыкским жителем Сынгку Сели-тутунгом (X в. н. э.), который был полиглотом, Л. Ю. Тугушева обращает внимание на эти строки перевода: ‘kinki boşγutluγ beşbalıqlıγ siñku seli tutuñ tavγaç tilintin türk ujγur tilinçe ikilejü evirmiş’ — «…следующий грамотный бешбалыкский Сынгку Сели-тутунг перевел с китайского

[1323] Аманжолов А. С. Генезис тюркского рунического алфавита. Алматы, 2003. С. 294–295.

на тюркско-уйгурский язык во второй раз»[1324]. Здесь общим родным языком Сели-тутунг считает «тюркский», а «уйгурский» дополнительно добавляется как диалект или под-язык. Слово «бошгутлуг» можно подразумевать и как «интеллектуал», «ученый».

Как утверждает И. Л. Кызласов, «с приходом на Енисей этой религии завершается скрытый пока для науки древний этап жреческого применения енисейского письма и начинается новый и явный его этап — публичного применения рунической письменности. В этом, прежде всего, и заключена в наших глазах особая роль манихейства в развитии енисейского рунического письма. При каждом манихейском храме существовали библиотека и класс для занятий. Также манихейская церковь всюду вела свою деятельность на национальных языках верующих и единственная в Азии применяла руническое письмо тюркских народов. Манихейские тексты на бумаге, записанные по-тюркски рунами, найдены германскими экспедициями в Восточном Туркестане в начале XX в. В рукописи из оазиса Тойок ряд рун дублирован буквами манихейской письменности», — подчеркивает И. Л. Кызласов[1325].

Уйгурские города в восточных отрогах Тань-Шаня и Турфанском оазисе находились в таком интеллектуальном пространстве, где просвещенные люди могли, кроме уйгурско-тюркского алфавита, использовать также рунический алфавит тюрков Большого Алтая и Тань-Шаня, санскрит, китайские иероглифы и тохарские письменности двух разновидностей (А и Б).

Важнейшим этапом развития духовной культуры тюркоязычных народов Центральной Азии стало принятие ислама (в Фергане — с VIII, Тань-Шаня — с середины X в.)[1326]. Данная религия сыграла объединяющую миссию, внедряя в сознание людей понятия о единстве человеческого рода, а также выполняя функции социальной интеграции и правопорядка. Она предлагала

[1324] Тугушева Л. Ю. Фрагменты уйгурской версии биографии Сюань-цзана. М.: Наука, 1980. С. 5, прим. 8.

[1325] Кызласов И. Л. Религиозная природа енисейской письменности // РТ. 2014. № 2. С. 84; см. также: Габен А. фон. Культура письма и печатания у древних тюрков. М., 1986. С. 159–190. К сожалению, профессор И. Л. Кызласов до сих пор апеллирует к не существовавшему в раннем средневековье этнониму «хакас», ведь уже доказано всем ученым миром, что «ся-цзя-сы» — иероглиф всего лишь для передачи этнонима «кыргыз». См.: Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С. История енисейских кыргызов. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2000; Караев О. К. К вопросу о терминах кыргыз и хакас // Народы Азии и Африки. 1970. № 4. С. 255–259; Яхонтов С. Е. Древнейшие упоминания названия «киргиз» // Советская этнография. 1970. № 2. С. 110–120; и др.

[1326] Чороев Т. К., Урстанбеков Б. У. Основные этапы распространения ислама в Киргизстане… С. 28–44.

людям идею социального эгалитаризма (но перед лицом «Страшного суда» Аллаха) и исключала расовую и национальную дискриминацию, чем в значительной степени обеспечила себе победу в большей части обширного региона исторического Туркестана[1327], т. е. западнее от Турфанского Уйгурского идикутства.

Конечно, и другие мировые религии привержены таким же идеям, но расцвет культуры и науки в мусульманском полиэтническом мире в условиях толерантности того времени, а также успехи различных течений движения «шу'убиййа» (народничества») неарабских этносов стали важными факторами для дальнейшего расширения ареала использования арабского алфавита. Именно поэтому в Караханидском каганате наряду с использованием согдийского, сирийско-несторианского, так называемого уйгурского письма, руноподобный алфавит постепено вытеснялся из обращения.

Тем не менее известны факты параллельного использования арабской вязи одновременно с руническим алфавитом в эпоху Караханидов. Так, известному исследователю истории Центральной Азии П. П. Иванову в 1927 г. удалось обнаружить в местности Кой-Сары (в Иссык-Кульской области Кыргызстана) весьма интересный эпиграфический памятник, написанный как на арабском языке (в арабском алфавите), так и на тюркском языке (в руническом письме). Через 2 года С. Е. Малов опубликовал краткую информацию со своим вариантом прочтения[1328]. Данный памятник, к сожалению, потерян, и исследователи изучают его согласно сохранившимся копиям. В арабской части, предположительно, было написано сложным почерком предложение «ля илаха илла л-лах» — «Нет Бога, кроме Аллаха», и чуть ниже — слово «йарыш». Р. Алимов предложил прочтение тюркской (руни ческой) части данного текста таким образом: «1. (e)r (a)t(ı)m qut 2. M(e)ñkü (e)l bolzun» (перевод на турецком: 1. Yetişkin adım Kut'tur. 2. Ebedi devlet olsun!) — «1. Моё геройское имя — Кут. 2. Пусть государство будет вечным!»[1329].

Лишь регионы за пределами «исламского мира» могли позволить населению шире пользоваться руническим алфавитом, который, по утверждению

[1327] Табалдиев К. Ш. Основные этапы распространения исламской религии на территории Кыргызстана (по данным погребальных памятников) // Материалы Международной научной конференции «Центральная Азия: вчера, сегодня, завтра». Бишкек, 2001. С. 240–241; Табышалиева А. Вера в Туркестане: очерк истории религий Средней Азии и Казахстана. Бишкек: Аз-Мак, 1993 С. 71–83.

[1328] Иванов П. П. Материалы по археологии котловины Иссык-Куля // Сборник трудов Института истории АН Киргизской ССР. Вып. 3. Фрунзе, 1957. С. 79–80. Рис. 6–7.

[1329] Alimov R. Tanri Dağı Yazıtları: Eski Türk Runik Yazıtları üzerine bir inceleme. Konya: Şelale Ofset, 2014. S. 154, фото копии текста — С. 226.

многих ученых, был классическим алфавитом, отразившим все основные характеристики тюркских звуков своими тамгами — буквенными символами.

Сохранилось незначительное количество свидетельств, отражающих музыкальное творчество народов периода тюркских каганатов. Среди них терминологические отголоски, а также рисунки, зафиксированные в письменных и этнографических источниках[1330]. Так, Махмуд Кашгари упоминает поэта по имени «Джёджё» или «Чочу»[1331], который слагает стихи импровизируя, или их пишет на бумаге[1332]. Он также дает название музыкального инструмента «кобуз», «икеме» и «боочы кобуз»[1333]. «Кобуз» дошел до Восточной Европы (видимо, через кыпчаков) и от этого слова произошли славянские термины «кобза» и «кобзарь» («кобуз эр», т. е. кобзаист, поэт-музыкант у восточных славян). До сих пор данный инструмент сохранился у народов Большого Алтая и Центральной Азии (комуз — у кыргызов, кобыз — у хакасов[1334], казахов и т. д.).

Высокое развитие искусства музыки и танца достигло в период Турфанского идыкутства. Многие музыканты из этого района распространяли свое творчество во внутреннем Китае и далее в Японии, Корее и других районах Восточной Азии[1335]. Музыкальное наследие тюрков-шато и сарыг-уйгуров в Китае и других восточных тюрков еще ждет своего исследователя.

Полагаем, что такие жанры, как горловое пение, импровизаторские состязания поэтов-сказителей, исполнение устных дастанов и других произведений современных тюркских народов также являются отголоском народной музыки тюрков и монголов Средневековья.

Археологические данные и сведения письменных источников на разных языках дают обширную информацию о материальной культуре тюркских народов Сибири, Внутренней и Центральной Азии VI–XII вв. Материальная культура той эпохи включает в себя жилища, одежду, предметы домашне-

---

1330 О культуре и музыке раннесредневековых тюрков см.: Ögel Bahaeddin. Türk Kültür Tarihine Giriş. Ankara: Kültür bakanlığı, 1991. Cilt 9.

1331 Бартольд В. В. Двенадцать лекций… С. 89.

1332 Об устной литературе и эпосоведении см.: Жуматурду Адыл. Оозеки адабияттын теориясы жана манасчылык өнөр. Кытайча, 2009.

1333 Kâşgarlı Mahmud. Dîvânü… / Tıpkıbasım. S. 41a, 92b, 260b; Чоротегин Т. К. Махмуд Кашгари Барсканинин… Б. 257–258.

1334 Радлов В. В. Из Сибири… С. 226–227.

1335 Турсун Набиджан. Краткий очерк культуры Уйгурского Турфанского идыкутства. URL: http://uighur.narod.ru/book/nabidjan_ocherk.html?ysclid=lj7df6qif6974115084; см. также: Тихонов Д. И. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X–XIV вв. М.; Л.: Наука, 1966. С. 211.

го быта, города, памятники архитектуры, народно-прикладное творчество, предметы военного искусства и т. д.

Одежда тюрков как часть материальной культуры также трансформировалась сообразно с развитием общества и углублением его трансконтинентальных этнокультурных связей. Так, одеяния раннесредневековых тюрков шились из шерсти, шкур и кож, тонкого войлока. Благодаря Великому шелковому пути и дипломатическим, даннические и мирным договорам для народов Внутренней и Центральной Азии и Большого Алтая были доступны привозные шелковые куски из Китая. Общим предметом одежды для тюрков являлся длиннополый кафтан с кантами. Слово «qaftān» — «кафтан»[1336] (вид верхней одежды) было зафиксировано в «Диване» Махмуда Кашгари Барскани и, видимо, через кыпчаков попало в лексикон восточных славян. Модификации остроконечных войлочных шапок усуней были характерны для тюрков раннего Средневековья. Вместе с одеждой упомянем такое средство, как «утюг» для глажения: «ütük» — «ютюк» — «железо в форме [штукатурной] лопатки, которое накаливают и используют для прогревания ворса одежды и ее разглаживания»[1337].

Тюркские жилища имели в основном две разновидности. Для традиционных кочевников жилища представлены разборными домами — юртами, которые еще в I тыс. до н. э. служили сакам-тиграхауда, хуннам-усуням, кыргызам и динлинам. Основные части юрт — деревянные разбираемые каркасы, остов, войлочные изделия, высокая жесткая степная трава, стебли которой идут на изготовление циновок (чий), веревки и другие вещи для внутреннего и внешнего дизайна — все это было возможно быстро монтировать и убирать при кочевке.

Но уже ясно, что нельзя представить кочевой мир и без стационарных строений. В особенности в более суровых условиях тайги и зимовках в высокогорных долинах кочевники (или их представители) имели землянки, хижины, каменные, саманные и другие дома с загонами для домашних животных.

Система оседлых поселений, судя по тюркским руническим памятникам, уже существовала у телеских племен и татар. В этом смысле характерно указание тюркских рунических памятников (КТб, 444) о битве Кюль-тегина против уйгуров (токуз-огузов) в 716 г.: «В один год мы сражались пять

[1336] Kâşgarlı Mahmud. Dîvânü… / Tıpkıbasım. S. 110a; ср.: ал-Кашгари Махмуд. Диван Лугат ат-Турк. С. 362.
[1337] Там же. С. 56.

раз. Самый первый (раз) мы сразились при городе Тогу»[1338]. В эпитафии брата Кюль-тегина Бильге-кагана (Могиляна) (БКб, 30) есть важное уточнение: «Первый раз я сразился у Тогу-балыка, когда мой народ переправился вплавь через реку Тоглу…»[1339]. Иными словами, у уйгуров на берегах Толы уже существовали города. Не исключено, что остатки этого города были позднее использованы для возведения киданьского города Кэдунь[1340].

В этот период при обозначении городов начинает использоваться тюркский термин *baluq* / *balïq*. Он фиксируется в тюркских рунических текстах[1341], а позднее несколько раз встречался в записях на рунической графике на тюркском или среднеперсидском языке из Восточного Туркестана с территории Турфанского уйгурского идикутства (до 906 г.)[1342]. Важно отметить, что в тюркских текстах VII–X вв. различали понятия «город» (*balïq*), «дворец» (*ordu*) и селение (ulus)[1343]. Этимология этого слова *balïq* не совсем понятна. Есть предположение, что оно восходит к понятию *bal* «глина», хотя это не общепризнано и вызывает возражения[1344]. Однако судя по его возникновению и широкому бытованию, исходя из исторической топонимики, термин отражал реальное понимание отличие города от ставки[1345] и сельских поселений (улус, кашлык, иль и т. д.)

Реальный прорыв на пути урбанизации произошел в период Уйгурского каганата, когда возникло несколько городов (не менее 14)[1346]. Из них выделяются крупные столичные города — Орду-Балык (городище Харбалгасун) в бассейне р. Орхон и Бай-Балык (городище Бейбулгак-Балгас) на северном берегу р. Селенга. Обе эти столицы возникли по приказу второго правителя Уйгурской династии Яглакар — Элетмиш Бильге-кагану (Моюн-чура) (правил в 748–759 гг.), как повествуется в его эпитафии (памятник Мою-чура, Селенгинский камень) в урочище Могойн-Шине-ус. Первой в год Змеи,

---

1338 Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности… С. 42.

1339 Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии… С. 21.

1340 Крадин Н. Н., Иевлев А. Л., Очир А., Васютин С. А., Эрдэнболд Л. Результаты исследования городища Хэрмэн Дэнж в 201 г. // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Вып. 2. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. технич. ун-та, 2011. С. 438–440.

1341 Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии… С. 66.

1342 Древнетюркский словарь… С. 80, 81.

1343 Там же. С. 80.

1344 Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркского языка. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978. С. 58.

1345 Камолиддин Ш. С. Древнетюркская топонимия Средней Азии. Ташкент: Шарк, 2006. С. 64–65.

1346 Кляшторный С. Г. Ордубалык: рождение городской культуры в Уйгурском каганате // Древние культуры Евразии. СПб.: Инфо-ол, 2010. С. 277.

(753 г.) он приказал воздвигнуть столицу: «Остановившись лагерем, у соединения Орхона и Балыклыг [р. Джирманту] повелел строить и воздвигнуть государственный дворец и государственный дом»[1347], т. е. возвести столицу — город Орду-балык. Спустя несколько лет, в конце года Курицы (757 г.) «…согдам и табгачам [китайцам] я дал (приказ) на (берегу) Селенги построить (город) Бай-балык»[1348]. Иными словами, два важнейших города Уйгурского каганата — условно главная и северная его столицы — имеют точные даты начала строительства. Определенно, что это не отдельные и изолированные действия, а часть большой градостроительной стратегии, попытка укрепить свою власть в ключевых регионах и стабилизировать власть кагана. Особо следует подчеркнуть, что эта политика началась до активного вмешательства уйгуров в китайские дела в период восстания Ань Лушаня (755–763 гг.).

Кроме этих столичных городов уйгуры создали целую городскую сеть из более чем десятка городов в бассейнах рек Орхон, Тола и Селенга. Не исключено, что значительная часть более поздних поселений в этих регионах построена на месте уйгурских городов, о чем, в частности, говорят находки уйгурской посуды на киданьских городищах[1349].

Уйгуры вели и обширное строительство на северных границах, где была создана целая военно-оборонительная система из 15 крепостей и караван-сараев (на территории совр. Тувы) — городища Эльдег-Кежиг, Пор-Бажын, Шагонарское III, Бажин-Алаак и др.[1350] Все они расположены по одной дугообразной линии, защищая плодородные долины Тувы от вторжения кыргызов. Практически все эти городища имели подквадратную форму и были возведены из слоев глины в технике ханту. Крупные селения имели угловые и воротные башни. Судя по находкам, в них располагалось длинные помещения (казармы или конюшни), а также землянки. Находки немногочисленны, но выразительны — фрагменты керамики, следы железоделательного производства и обломки фарфора танского времени.

В период тюркских каганатов значительное развитие получили города в оазисах Восточного Туркестана Дуньхуан, Хами, Турфан, Куча, Кара-

---

[1347] Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности… С. 37, 42.

[1348] Там же. С. 38, 43.

[1349] Крадин Н. Н., Иевлев А. Л., Очир А., Васютин С. А., Эрдэнболд Л. Результаты исследования городища Хэрмэн Дэнж в 201 г. // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Вып. 2. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. технич. ун-та, 2011. С. 430–440; Крадин Н. Н., Кан Ин Ук. Современные исследования по археологии хунну в Евразии // Russian Studies. 2011. 21–2. С. 309–349.

[1350] Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. С. 59–63.

шар и др.[1351] Через них шел основной поток товаров по Великому шелковому пути[1352], поэтому они стали ареной ожесточенной борьбы между Империей Тан, Тибетом и тюркскими каганатами (Тюркским, Уйгурским и Кыргызским). Позднее к этой борьбе присоединились арабы. Завершилась эта борьба образованием Турфанского уйгурского идикутства, поставившего в конце IX в. под контроль практически все караванные пути.

Поселения в этих оазисах имели разное происхождение и планировку, но к началу X в. они превратились в настоящие города с глинобитными крепостными стенами, укрепленными башнями, а внутри делились на цитадели и торгово-ремесленные кварталы. Вокруг города, а иногда и внутри располагались сады и обработанные поля. При этом важнейшей функцией городов было обслуживание торговых караванов. В поселениях имелись разнообразные монументальные постройки, включая дворцы знати и буддийские монастыри с храмами и ступами.

Другим очагом становления новых городов в тюркское время являлось Семиречье. В эпоху тюркских каганатов здесь был центр владений и начали развиваться караванные города, используя все выгоды своего положения прохода через Джунгарские ворота. Столицей Западно-Тюркского каганата, выросшей из ставки кагана, стал город Тараз[1353]. Позднее Семиречье завоевывают карлуки (766–940 гг.), сделавшие своей столицей город Суяб в Чуйской долине, точное местоположение которого не установлено. Уже к X в. здесь возникает целая сеть городских центров, среди которых возвышается Баласагун, ставший столицей государства Караханидов (991–1040 гг.).

Археологически выявлено значительное количество городищ, что свидетельствует о большой конкуренции между их правителями за контроль над торговыми магистралями. Обычно города Семиречья возникали из ставок племенной аристократии (*кешик*) в течение летовий и зимовий, в которых они собирали подати, вели дипломатические переговоры и регулировали вопросы торговли, собирали войска. Постепенно городища укреплялись

[1351] Боровкова Л. А. Проблема местоположения царства Гаочан (по китайским источникам). М.: Наука, 1992. 184 с. Боровкова Л. А. Царства «западного края» во II–I веках до н. э. (Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу». М.: ИВ РАН, 2001. 368 с.; Литвинский Б. А. Архитектура и строительное дело // Восточный Туркестан в древности и средневековье. Архитектура. Искусство. Костюм. М.: Вост. лит., 2000. С. 13–217.

[1352] Лубо-Лесниченко Е. И. Великий Шелковый путь // Восточный Туркестан в древности и средневековье. М.: Наука, 1988. С. 352–391.

[1353] Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Фрунзе: Киргизгосиздат, 1943. С. 16–22; Бернштам А. Н. Памятники старины Таласской долины. Историко-археологический очерк. Алма-Ата: Казогиз, 1941. С. 25–42.

стенами, а вокруг них концентрировались ремесленники и формировалась сельская округа. Обычно такие города имели цитадель (*ар*) с дворцом правителя и казармами гвардии, храмовым комплексом и *шахристан* — ремесленные кварталы, которые также обносились стенами. За их пределами располагались земледельческие селения (*рустаки*), усадьбы с садами и огородами. Состав населения этих городов изначально был неоднородным: там жили выходцы из разных стран — тюрки, согдийцы, китайцы. Как правило, в тюркский период эти города были поликонфессиональными, включающими как буддистов и христиан, так и манихейцев, зороастрийцев и язычников, имевших свои храмы и кладбища[1354]. При этом, разумеется, тюркская кочевая аристократия проживала в городах только сезонно, предпочитая вести традиционный образ жизни, имитирующий кочевой быт. Подобная городская структура практически знаменует переход к средневековому городу[1355].

В степях Восточной Европы развитие городов проходило практически те же стадии, что и в Центральной Азии, но с некоторыми нюансами, объясняемыми географическим положением, наличием торговых эмпорий средиземноморских стран (прежде всего, Византии) и иной градостроительной политикой.

Первые города в тюркскую эпоху представляли собой ставки правителей близ поминальных комплексов, а также римские причерноморские поселения. Таковой была Фанагория — столица Великой Болгарии и бывший античный порт на Тамани[1356].

Образование Хазарского каганата, ставшего региональной империей, потребовал формирования определенной городской среды, поскольку в наследие от империи тюрков им досталась налаженная караванная торговля — северное ответвление Великого шелкового пути. Первоначально основные городские центры Хазарии располагались в Приморском Дагестане. Всего там археологически известно более 42 городищ. Все они округлые, подквадратные и сложнофигурные, подчиняющиеся рельефу местности, были за-

---

[1354] Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина / сост. под рук. А. Н. Бернштама. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950; Бернтшам А. Н. Памятники старины Таласской долины. Историко-археологический очерк. Алма-Ата: Казогиз, 1941. 66 с; Бернтшам А. Н. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня // Советская археология. Т. IX. 1949. С. 337–384; Могильников В. А. Тюрки. Кимаки. Сроскинская культура. Карлуки // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР, М.: Наука, 1981. С. 29–46.

[1355] Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973. С. 14–112.

[1356] Чхаидзе В. Н. Фанагория в VI–X веках. М.: Триумф принт, 2012. 590 с.

щищены глинобитными или сырцовыми крепостными стенами. Крупные городища (более 20 га) имели двух- или трехчастную структуру. Внутри них открыты не только жилища и остатки ремесленных производств, но и культовые сооружения.

После арабо-хазарских войн и разорения Прикаспийского Предкавказья хазары переносят столицу в дельту Волги, где создают новую столицу — Итиль. Археологически его руины не обнаружены, но судя по описаниям арабских авторов, он состоял из двух или трех частей — цитадели (*арк*), где проживал каган, и двух торгово-ремесленных посадов. Каган и часть хазарской аристократии приняли иудаизм и в городе были построены синагоги, вместе с тем в разных кварталах города функционировали мечети и церкви, а каждая городская община, включая язычников, имела судей, которые судили людей согласно их законам.

Важной областью Хазарии являлось Подонье. Это была развитая земледельческая область с тысячами селений, жители которых занимались выращиванием зерновых и бахчевых культур, а также виноградарством[1357]. На северной границе этой области по высоким берегам рек Северский Донец и Оскол, на берегах Донца, а также на Нижнем Дону открыто и изучено около двух десятков городищ[1358]. Одни из них имеют прямоугольную форму, часть — подквадратную, а другие — подтреугольную, повторяя рельеф местности. Некоторые просто являются мысовыми городищами. Стены их чаще всего сложены из белокаменных блоков, реже — из деревоземляных. В одном случае (Саркел) стены возведены из обожженного кирпича, поскольку были распланированы византийским инженером. В ряде случаев городища имеют внутреннюю структуру.

В селениях почти нет монументальных построек и практически отсутствуют остатки жилищ (возможно, люди жили в юртах), а также не найдено следов ремесленной деятельности. Вокруг крупных городищ выявлен целый комплекс памятников — селищ и могильников. Население округи занималось земледелием, есть признаки ремесленной деятельности — гончарства, обработки железа и ювелирного дела. В небольшом удалении открыты могильники с сотнями погребенных, причем по разным обрядам — от коллек-

---

[1357] Noonan Th. What can Archaeology tell us about the Economy of Khazaria // The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Ed. B. Genito. Napoli, 1994. P. 331–345; Noonan Th. The Khazar Economy // AEMAe. 1995–1997. № 9. Noonan, 1995–1997. P. 253–318.

[1358] Флеров В. С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.: Мосты культуры / Гешарим, 2011; Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. М.: Мосты культуры / Гешарим, 1999. 249 с.

тивных захоронений в катакомбах до трупосожжения и погребения праха в округлых ямах. На селищах и самих городищах найдены предметы, свидетельствующие об участии в дальней торговле.

Кризис Хазарского каганата в результате неудачных войн с печенегами, замедление торговли и вторжений викингов-русов привели к распаду городской и сельской инфраструктуры. А после разорения печенегами Подонья сама основа стабильности каганата была подорвана, что и привело его к гибели в 965–968 гг. Но само развитие урбанизации в регионе не прекратилось.

Особенно ярко эти процессы проявились в Волго-Уральском регионе. Включение в крупномасштабную международную торговлю по волго-балтийскому торговому пути послужило мощным источником экономического роста. Самые ранние города болгар, возникшие в Поволжье, — это целый ряд пунктов по берегам Волги и Камы — образовавшиеся под влиянием Великого Волжского пути. Здесь обнаружены самые ранние свидетельства, позволяющие говорить о начальных этапах становления городской структуры уже в начале X в. — города Биляр, Болгар, Сувар и другие. Также возникла и расширилась сельскохозяйственная и торгово-ремесленная округа.

Судя по данным археологии, все булгарские города возникли сразу как мусульманские. Никаких языческих погребений в ближайшей округе ранних городов не обнаружено. Это заставляет считать, что оседлое и в значительной мере, очевидно, исламизированное население из разоренного печенегами Подонья двинулось в начале X в. в Булгарию. Здесь они начали создавать поселения вокруг резиденций правителей близ берега Волги, где можно было развивать ремесло и заниматься земледелием. Именно так, скорее всего, возникли Болгар и Сувар — города, первыми упомянутые в историко-географической арабо-персидской литературе. Несколько позднее земледельческое население начинает осваивать бассейны притоков Волги. Эти новые города создавались в виде огромных подквадратных или подпрямоугольных защищенных валами и рвами поселений[1359].

Таким образом, процесс урбанизации в степной Евразии был нелинейным и прерывистым. Но развитие от первых протогородов в степной зоне до развитых поселений со сложной внутренней градостроительной структурой и полиэтничным и поликонфессиональным населением стало необратимым. По мере укрепления степных государств они все больше зависели от устойчивого роста земледельческой округи и ремесленного производства.

[1359] Хузин Ф. Ш. Булгарский город в X — начале XIII вв. Казань: Мастер-Лайн, 2001. 480 с.

Новый этап становления города произошел уже в период киданьской империи Ляо и особенно в империи Чингиз-хана и его наследников.

5.4. Древнетюркские рунические памятники Алтая (И. А. Невская, Л. Н. Тыбыкова)

Всему миру известны рунические надписи на каменных стелах в честь великих древнетюркских правителей и полководцев Восточно-Тюркского каганата: Бильге-кагана, Кюль-тегина, Тоньюкука и других, — обнаруженные во второй половине XIX в. на реке Орхон в Северной Монголии. Памятники рунической письменности начиная с VIII в. были широко распространены и на Алтае. Знаки-руны наносились и читались снизу вверх или справа налево.

Древнейшие памятники письменности, оставленные нашими предками на скалах, предметах быта и стелах, являются бесценными сокровищами не только алтайского, но и всех тюркоязычных народов, считающих Алтай своей прародиной. Лаконичные строки доносят до нас язык, звучавший в раннем Средневековье в долинах Катуни, Чуи, Чулышмана и Чарыша.

Памятники тюркского рунического письма VIII–XI в. к настоящему времени представляют собой довольно значительную по объему и ценную в лингвистическом и историческом отношении часть обширного письменного наследия тюркоязычного мира. Несколько сотен надписей, созданных так называемым тюркским руническим письмом на скалах и камнях, а также частью на предметах обихода[1360], были открыты в Монголии, на территории всей Южной Сибири, в Китае, Казахстане и Киргизии. Наиболее изученными являются всемирно известные орхонские (Монголия) и енисейские (Тува и Хакасия) рунические памятники. Далее на западе, по всей степной территории Евразии вплоть до Венгрии были найдены сотни надписей, сделанных подобной письменностью и до сих пор еще не расшифрованных. Из южносибирских рунических памятников алтайские письмена являются на сегодняшний день наименее изученными в лингвистическом плане и вызывают наиболее жаркие дискуссии среди рунологов и тюркологов.

Первооткрывателями памятников рунического письма на Алтае были Г. И. Спасский и В. В. Радлов. Значительный вклад в изучение древнетюрк-

[1360] Имеется и ряд древнетюркских текстов, написанных руническим письмом на бумаге или пергаменте, наиболее известным из них является так называемая *Гадательная книга «Ырк битиг»*.

ской эпиграфики Алтая внесли такие известные ученые, как К. Сейдакматов, Н. А. Баскаков, Э. Р. Тенишев, В. М. Наделяев, Д. Д. Васильев, В. Д. Кубарев, И. Л. Кызласов, С. Г. Кляшторный, Е. П. Маточкин, которые в разное время открыли ряд памятников и сделали попытки их расшифровки[1361].

Работа по фиксации и изучению рунических текстов Алтая особенно оживилась в последние годы. На территории Горного Алтая происходят важные открытия все новых и новых памятников. К настоящему времени в регионе обнаружено более 120 рунических надписей. Результаты новых совместных открытий руники известным краеведом Б. М. Киндиковым и группой киргизских тюркологов во главе с К. Конкобаевым были опубликованы совсем недавно[1362].

Как и во всех известных вариантах древнетюркского рунического письма, алтайская руника наносилась справа налево при ее горизонтальном расположении или снизу вверх — при вертикальном, так что при повороте вертикальной надписи на 90 градусов получалась горизонтальная строка, которую можно было читать справа налево.

На Алтае различаются две разновидности рунического написания: «классическая орхонская» руническая и «псевдорунической» орфография. Для классической — характерны строгие правила: каждое слово отделяется особым словоотделительным знаком, помимо него нет знаков препинания, строго соблюдается различение велярных и палатальных согласных. Для псевдорунического написания характерно использование палатальных согласных в словах с заднерядными гласными, реже наоборот. Причины такого смешения не вполне ясны. Возможно, оно обусловлено некоторыми комбинаторными условиями: соседство с гласным *ï*, согласным *y*, которые могли действительно смягчать соседние согласные. В этом варианте письма вместо специального словоразделителя используется гласный *A*, хотя его

[1361] Тыбыкова Л. Н., Невская И. А., Эрдал М. История изучения памятников рунического письма Горного Алтая // Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское книжное издательство, 2012. С. 9–17; Васильев Д. Д. Корпус тюркских рунических надписей Южной Сибири. Том 1. Древнетюркская эпиграфика Алтая. Астана: Международная тюркская академия, 2013. 264 с.

[1362] Конкобаев К., Усеев Н., Шабданалиев Н. Атлас древнетюркских письменных памятников Республики Алтай. Астана: Международная тюркская академия, 2015; Киндиков Б. М., Киндиков И. Б. Древние письмена Онгудайского района. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2018. 110 с.

роль в данной позиции не всегда ясна: возможно, он использовался в качестве восклицания, т. е. передавал реальный звук *а*, особенно в эпитафиях[1363].

В Горном Алтае сейчас известны три вида надписей на основании их носителей. Это, прежде всего, наскальные тексты, нанесенные, как правило, у основания скал. Основными районами их распространения являются: 1) долина реки Каракол, в частности, окрестности сел Бичикту-Боом, Боочи, Кулада, а также скала Калбак-Таш (Онгудайский район); 2) окрестности села Тёбелер (Кош-Агачский район), 3) окрестности села Мендур-Соккон (Усть-Канский район). Недавно к известным нам местам распространения рунических надписей в Горном Алтае добавились окрестности села Туекта. К ним примыкают надписи на стелах, сосредоточенные в основном в долине реки Бар-Бургазы (Кош-Агачский район). Это эпитафии, которые появились в Горном Алтае под влиянием традиций населения Тувы и Хакасии в IX–X вв. И, наконец, отдельным видом носителей надписей являются предметы, которые находят в раннесредневековых погребениях VII–VIII вв. В целом, отметим, что рунические письмена Алтая по своему содержанию являются настолько разнообразными и богатыми, что вряд ли их можно привести к одному знаменателю[1364].

1. Надписи на стелах и скалах. По нашим данным, тексты на скалах и стелах можно разделить на несколько групп: эпитафийные, молитвенные, послеобрядовые, надписи — философские размышления, надписи — комментарии к рисункам (граффити), хвалебные, надписи бытового содержания.

1.1. Надписи-эпитафии. По сравнению с многочисленными древнетюркскими енисейскими эпитафиями, написанными рунической знаками на территории Тувы и Хакасии, число алтайских эпитафий неизмеримо меньше, так как обычай оставлять эпитафийные надписи на стелах пришел, видимо, только вместе с енисейскими кыргызами во времена их владычества на Алтае в IX в. Алтайские эпитафии во многом отличаются от енисейских[1365].

[1363] Nevskaya I. Some Orthographic Features of Altai Runic Inscriptions// Nevskaya, I. & M. Erdal (Eds). Interpreting the Turkic Runiform Sources and the Position of the Altai Corpus. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2015. Pp. 103–111.

[1364] Тыбыкова Л. Н. Жанровое разнообразие памятников рунического письма Горного Алтая // Сохранение этнокультурного и биологического разнообразия горных территорий через стратегии устойчивого развития. Часть 1: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященные Году гор (24–27 сентября 2002 г.) Горно-Алтайск, 2003. С. 42–46.

[1365] Tybykova L. N. Characteristic Features of the Old Turkic Epitaphs of Mountainous Altai // Nevskaya I. & M. Erdal (Eds). Interpreting the Turkic Runiform Sources and the Position of the Altai Corpus. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2015. P. 180–185.

Эпитафии, нанесенные на скалах и стелах, в основном встречаются в Кош-Агачском районе; наиболее значительное их скопление найдено в окрестностях села Кокоря на правом и левом берегах реки Бар-Бургазы. Нам известны четыре стелы с эпитафийными текстами, найденные в этом районе. Это стелы Бар-Бургазы I и Бар-Бургазы II, а также Кызыл-Кабак I и Кызыл-Кабак II.

Наиболее известной и изученной является стела Бар-Бургазы I. Содержание ее типично для эпитафийной надписи[1366]:

Прочтение М. Эрдала, И. А. Невской и Л. Н. Тыбыковой

Транслитерация:

Ü? m/nt A : s^2 z m A : k^2 I t^2 z d^1 r^2 t^2 I : k^2 k^2 Ü y^2 d^2 A k^2 I š $ŋ^2$ A d^1 r^2 l^2 t^2 m

Транскрипция: üntä : (ä)s(i)z(i)mä : (ä)ki (a)t (a)zd(u)rtï : küydä k(i)š(i)(ŋ>m) ä(a)dr(ï)lt(ï)m

Перевод: ‘Кричи (голоси, оплакивай)! Со своей женой, — о горе мне! — [я расстался]. Двух коней закололи, зажарили! С женой моей я расстался.’

Рис. 92. Стела Бар-Бургазы I

[1366] Прочтение надписей дается по Каталогу 2012 (Тыбыкова Л. Н., Невская И. А., Эрдал М. Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское книжное издательство, 2012), если нет иной ссылки.

В Горном Алтае стелы бронзового века были вновь использованы в эпоху раннего Средневековья с целью нанесения эпитафийных надписей. Затем позднее они были намеренно разрушены, как это случилось со стелами Кызыл-Кабак I и Кызыл-Кабак II. Они хранятся в музее с. Кокоря Кош-Агачского района и собраны из фрагментов разбитой в древности сланцевой стелы. Памятник Кызыл-Кабак I содержит эпитафийную надпись, написанную не от лица умершего, как в классических енисейских эпитафиях, а от третьего лица, по-видимому, это были родственники или товарищи:

(ä)r (a)tï : kut b(e)rm(i)š — a : (ä)s(i)z(i)m — a b(a)g (e)l[i… ……y(i)gl(a)y(i)n : (a)dr(ï)lt(ï)m(ï)z — a… (ö)lüm — a : (a)nč(a) …… (a)dr(i)l[tïm …]

‘Его геройское имя — Кут Бермиш. О, горе! Его род и его народ… пусть я буду рыдать (я буду горевать /рыдать)! Мы расстались … смерть … так …. (мы) расстались ….’.

Краткие тексты на стелах являются характерной чертой алтайских эпитафий; часто нанесено только имя умершего героя. Стела Бар-Бургазы II с плохо сохранившейся краткой надписью, содержащей, возможно, имя или титул *tutuk* ‘Тутук’ в прочтении И. Л. Кызласова, являются ярким тому подтверждением[1367]. Еще одна стела с кратким содержанием эпитафии расположена в 1,5–2 км выше устья реки Талду-Айры, правого притока реки Бар-Бургазы.

Прочтение и прорисовка Л. Н. Тыбыковой

Транслитерация: r^2 t^1 I l^2/ŋÜ/ y^1

Транскрипция: (ä)r (a)tï ((ä)l/ŋü ay

Перевод: Его геройское имя — Елю (Енгю) Ай.

Рис. 93. Стела Бар-Бургазы II

Характерной чертой алтайских эпитафий является то, что они необязательно наносились на стелы. Самая крупная алтайская эпитафийная руническая надпись древнетюркского времени находится на большом экране на северной оконечности горной гряды горы Кургак недалеко от села Тебелер Кош-Агачского района близ современного зимника. Надпись совместно

[1367] Кызласов И. Л. Памятники рунической письменности Горного Алтая. Часть 1. Горно-Алтайск, 2002. С. 46.

со сценой граффити нанесена на вертикальную скальную поверхность, экран которой обращен на север.

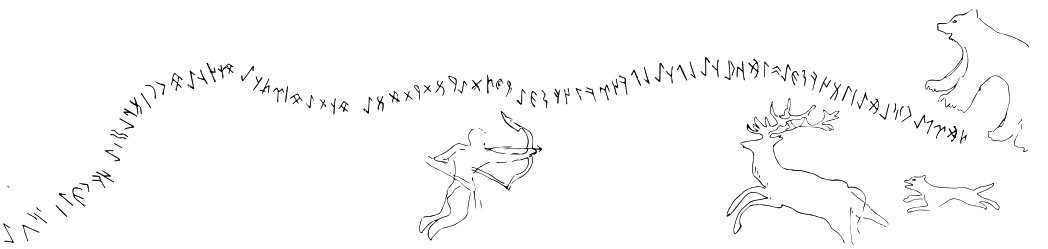

Рис. 94. Кургак (прорисовка Л. Н. Тыбыковой и И. А. Невской)

Справа и под строкой изображена сцена охоты всадника с собакой, загоняющего бегущих оленя и медведя и поджидающего их с натянутой стрелой лучника, что, возможно, говорит об одновременности нанесения и композиционном единстве сцены граффити и надписи. У подножия горы было сооружено позднесредневековое или этнографическое погребение, насыпь которого зафиксирована в полуразрушенном состоянии и со смещенными плитами. Здесь же имеются отдельные кости лошади. Относится ли эта эпитафия к погребенному здесь человеку, неясно.

В этой надписи отец скорбит по безвременно умершему сыну, что противоречит канону енисейских эпитафий — там прощально-благодарственное обращение обычно вкладывается в уста покойного, а не произносится от третьего лица:

t(ä)m(i)r (a)pa ogl(u)m — a (ä)s(i)z ök(ü)nč(ü)g — a (a)tïm kul(u)ŋa/kul (a) ŋa //atï+m kol(u)ŋa (a)l(ï)p //(a)lp körki ök(ü)nč(ü)g — a / ök(ü)nčgä y(e)g(ä) td(i) — a/y(i)g(i)t ….. y(e)d(i)m(i)z — a (ä)v(i)ŋdä b(e)š (ä)rt(i)ŋ — a b(e)š/b(a)š öŋ — a (ä)v ons(u)z k(a)ldï — a ök(ü)nč(ü)g — a / ök(ü)nčgä

‘Темир-Апа, сын мой! Как жаль! О горе! Имя мое — твоему рабу / Моего коня, раба — ему / моего коня — в твои руки …/ Воплощение богатыря! О, горе! (Я) улучшал … Мы ели. В твоем доме пятерых ты оставил. Дом с пятью лицами без тебя остался. О горе! Как жаль!’ (прочтение М. Эрдала, И. А. Невской и Л. Н. Тыбыковой).

На Алтае эпитафии могут быть посвящены местным героям, менее знатным и известным, чем в государстве енисейских кыргызов. Известно, что таких надписей в Кыргызском каганате удостаивались только знатные люди с высокими чинами, имевшие определенные заслуги перед государством и его народом. В алтайских эпитафиях нет упоминаний о титулах, чинах и отсутствуют перечисления заслуг перед ханом и государством. В этих тек-

стах нет обязательных для классических эпитафий основных тематических линий: высокие должности мемориантa, титулы, возраст, нет упоминаний о его воинской доблести, о том, сколько врагов он убил, в каких сражениях участвовал; в них отсутствует обращение мемориантa в заключительных строках к остающимся живым родным и близким, народу, сюзерену (хану, беку), родным местам, солнцу и луне и т. д.

Нам не встретились характерные для енисейских эпитафий устойчивые формулы типа: *kün ay bökmädim* ‘солнце и луна, я не насладился (вами)’, *kanïm elim-ä äsizim-ä ačïta* ‘о мой хан, мое государство — как жаль мне, о горе!’, *kuyda kunčuyïmga oglïmga adïrïltïm* ‘с моими супругами в женских покоях, с моими сыновьями я разлучился’, *kanïm elim-ä äsizim-ä ačïta* ‘о мой хан, мое государство — как жаль мне, о горе!’

Для Алтая характерно применение глагольной лексемы *adïrïl-* в форме прошедшего времени не только 1-го лица единственного числа, но и 3-го лица единственного числа в специфически-переносном значении ‘умереть’: *adïrïltï* ‘он разлучился’, а также в 1-м лице множественного числа *adïrïltï (mïz)* ‘*мы* разлучились’.

Из деплоративных слов, выражающих сожаление либо от лица мемориантa, либо реже от лица пишущего, в алтайских эпитафиях чаще всего встречается слово *äsizim-ä* — вокативная форма слова *äsiz* ‘жаль’ на *-a/-ä* с притяжательным суффиксом 1-го лица единственного числа. Восклицание *ökünč* ‘о горе’, широко распространенное в енисейских эпитафиях, встречается в надписи Кургак 1. Выражения *buŋ-a, ačïg-a* в звательной или вокативной форме слов *buŋ* ‘печаль’, *ačïg* ‘горе’, усиливающей выражение чувств, не встретились пока на Алтае.

Слово *kunčuy* ‘принцесса, супруга, жена знатного человека’ в енисейских эпитафиях часто употреблялось по отношению к жене умершего героя надписи. В эпитафии Бар Бургазы I встречается слово *kiši* в значении ‘жена’.

Для алтайских эпитафий также характерна краткость, иногда на стеле пишется только имя покойного, как на стелах Бар-Бургазы II и Талду Айры. Такие краткие тексты не характерны для Хакасии. Как отмечено И. В. Кормушиным, только три краткие эпитафии, которые состояли из имен собственных и титулов их мемориантов, найдены в местности Оттук-Даш (Тува)[1368].

[1368] Кормушин И. Л. Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика. Текстология. М.: Наука, 2008. С. 29.

Для алтайских эпитафий характерной особенностью является также применение руны 𐰀 *A* в качестве словоразделительной отметки и для обозначения конца текста в памятниках Кургак I и Кызыл Кабак I. Эта особенность встречается и в енисейских эпитафиях Хакасии.

Отсутствие тамги на стелах с эпитафийным текстом — один из отличительных признаков алтайских надписей.

Мы считаем, что эпитафии, написанные на скалах, как на Кургаке, являются одной из главных особенностей Алтая. От классических енисейских эпитафий алтайские отличаются также тем, что наскальные эпитафийные надписи составлены не от лица покойного, а от имени его родственников, хотя по канону енисейских эпитафий прощально-благодарственное обращение обычно вкладывается в уста покойного. На Енисее не встречались эпитафии, в которых бы отец оплакивал и горевал по поводу смерти своего сына, как в надписи Кургак I.

Для алтайских эпитафий не характерно сочетание рассказа от первого лица — самого покойного с фразами от третьего лица — родственника или близкого соратника, что мы находим в тексте из Хакасии Уйбат 3 (E-32)[1369]. Как отмечает И. В. Кормушин, в таких енисейских текстах используется прием своеобразной полифонии: в основную канву эпитафии, состоящей из фраз от лица покойного, вплетены отдельные фразы от имени живых, обращающихся к покойному и восхваляющих его как воина и охотника.

Таким образом, традиция написания эпитафий была перенята от енисейских кыргызов, но лаконичность и в какой-то степени сдержанность алтайских текстов показывает, что их писали простые люди, не обремененные властью и титулами. Их целью было не восхваление подвигов героя надписи, а оставление памяти о нем в месте захоронения и тризны. Дальнейший прогресс в интерпретации эпитафийных надписей Горного Алтая будет еще продолжаться и, несомненно, прольет свет на историю и обычаи древнетюркского общества.

1.2. *Молитвенные надписи*

Вторая большая группа текстов, встречающаяся на территории Алтая — это молитвенные надписи, оставленные на скалах в местах поклонения, обычно у подножия священных гор. В современной алтайской традиции обряд моления также совершается у подножия почитаемой алтайцами горы.

[1369] Кормушин И. Л. Указ. соч. С. 124.

Молитвенные надписи у подножий священных гор подтверждают представления о том, что для почитания истинного Бога не нужен храм. Такие тексты сосредоточены в основном на скалах Бичикту-Боома и Калбак-Таша Онгудайского района. На Калбак-Таше располагался алтарь древних народов, сюда приходили со всех концов, чтобы принять участие в обрядах, и оставляли кроме надписей и многочисленные петроглифы. В основном они выполнены енисейским письмом. Самый первый перевод одной из надписи, состоящей из 39 знаков, осуществил новосибирский ученый В. М. Наделяев: «Земля — вечное бытие! Облагодетельствуй дом (семью) лекаря травника: пятикратно возьми жар бесовской болезни, подуй — изгони! Сотвори благодать! Земля — Чернь!»[1370].

В IX–X вв. манихейская религия проникла в Южную Сибирь и следы этого влияния, возможно, отразились на содержании надписей Калбак-Таша. Основным и пока единственным прямым письменным свидетельством манихейского содержания текстов Алтая является употребление слова *aržim*, представленного в надписи Калбак-Таш VIII.

Рис. 95. Фотография и копия надписи Калбак-Таш VIII (A-28)

Прочтение Л. Н. Тыбыковой, И. А. Невской и М. Эрдала (Каталог, 2012)
Транслитерация:
r^1 z m/b^2 A
Транскрипция:
(a)rž(i)m-a !
Перевод:
О, мой святой!

С другой стороны, буддийская религия также была распространена в Южной Сибири в древнетюркское время. В известной базе данных древнетюркских текстов VATEC[1371] имеется 13 упоминаний слова *arži* в буддийских тек-

[1370] Наделяев В. М. Древнетюркские надписи Горного Алтая // Алтайский язык на современном этапе его развития. Горно-Алтайск, 1984. С. 101.
[1371] VATEC. URL: vatec2.fkidg1.uni-frankfurt.de.

стах, включая классические, такие как Майтрисимит. Таким образом, мы не можем однозначно утверждать, что надпись Калбак-Таш VIII является манихейской. Эта проблема еще ожидает дополнительного исследования[1372].

На Алтае не так давно найдена яркая молитвенная надпись, которая отражает самые древние религиозные представления древнетюркского общества. Это камень Кутту I, найденный Б. М. Киндиковым и А. Г. Чекурашевым в 2016 г. у подножия горы Кутту, находящейся вблизи деревни Бичикту-Боом[1373]. Там же была опубликована копия надписи, содержащая многие неточности. Позже фотограмметрия была сделана М. В. Вавулиным в 2017 г. По ее результатам была сделана трехмерная модель поверхности камня с картой высот всех линий на камне, а также ортофото[1374].

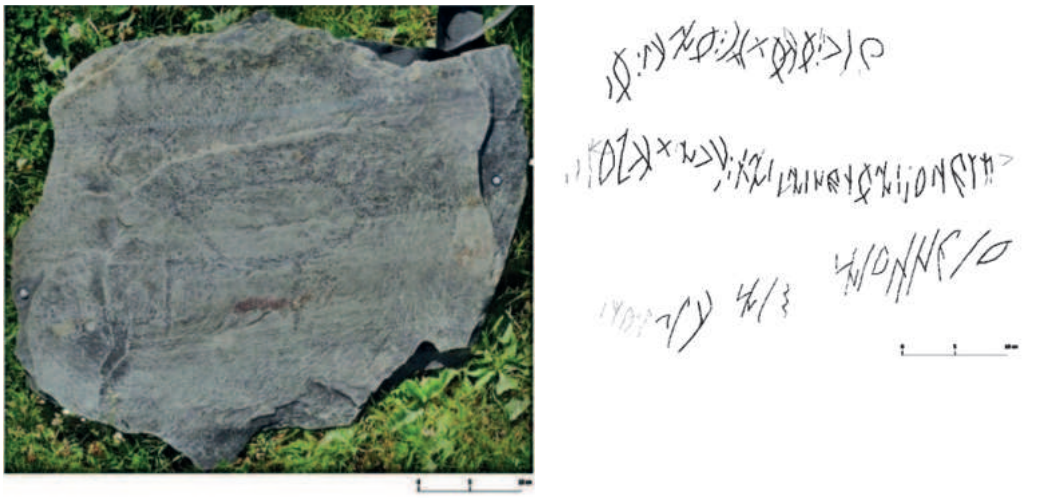

Рис. 96. Камень с надписью Кутту-1

[1372] Nevskaya Irina, Tybykova Larisa. Thematic varieties of Old Turkic runic inscriptions in the Republic Altai: religious inscriptions // Современные проблемы тюркологии: язык-литература-культура: материалы Международной научно-практической конференции, Москва, РУДН, 17–18 ноября 2016 / сост. У. М. Бахтикиреева, Н. М. Джусупов, С. В. Дмитрюк. М.: РУДН, 2016. С. 26–36.

[1373] Киндиков Б. М., Киндиков И. Б. Древние письмена Онгудайского района. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2018. С. 35.

[1374] Nevskaya I., Tybykova L., Vavulin M. Kuttu-I, a recently discovered Old Turkic Altai runiform inscription and its reading and interpretation // Turkic languages. 23. 2019. P. 163–177.

Прочтение рун

Транслитерация

1) b^1 č U : b^2 m b^2 d^2 g^1 : b^2 n^2 k^2 I : b^2 ? …

2) U? t^2/r^2? l^2 g^2 k^1 y^1 A/:? s^2n^2 b^2 ŋ g^2 Ü s^2 n^2 l^1? s^2 n^2d^2 : k^2 U n^2 d^2 m A y^1ič (m?) …

3) b^2 A(?) $s^2/$ŋ(?) g^2 Ü k^1 y^1 s^2 n^2 … nč s^2 n^2 k^2 I š I/A(?) y^1(?) ič s^2/I …

Транскрипция

1) (a)v (ä)čü : (ä)v(i)m (ä)v (ä)d (a)g(ï) // (ä)v(i)m (ä)vd(ä) (a)g (ï) /(i)g // b(ä) n (ä)ki: b …

2) otl(u)g k(a)ya s(ä)n / (ä)s(ä)n b(ä)ŋgü s(ä)n / (ä)s(ä)n (a)l s(ä)n / (ä)s(ä)n (ä) d // (a)ls(u)n (ä)d : könd(ü)m A y(a)čï / (a)y(a) (ä)čim …

3) bäŋgü k(a)y(a) (ä)s(ä)n… (a)nč(a) (ä)s(ä)n kiši (a)y(a) (ä)či …

Интерпретация

1) Предок — отец / бог-хранитель промысловых животных / охоты!: (Это) мой дом. Дом — все мое имущество, богатство. // В доме — богатство / болезнь. // Я … двое… (у меня двое детей)

2) (Это) скала, покрытая травой. // Пусть она будет благополучной (=благословенной)! Она вечная. Будь (=благословенна)! Ты / Благословенная! Пусть она примет мое имущество (подношение)! Я согласен. Сохрани (моего) младшего брата …!»

3) Вечная скала! Пусть она будет благословенной! … Так пусть она будет благословенной! Сохрани жену (?) Младшего брата (братьев) / младших родственников!

Прочтение и интерпретация этой надписи показали, что она представляет собой обращение к духам природы, в данном случае к духу горы. Это первая молитвенная надпись на Алтае, отражающая наиболее древние религиозные представления древних тюрков. Таких текстов до этого не обнаруживали или интерпретировали иначе.

Уже сейчас ясно, что данная надпись содержит важные контекстные маркеры — молений духам природы, возможно, в рамках определенного ритуала:

1) прямое обращение к священной горе, реке и т. п. (формы императива 2 л.), наличие слов-обращений (обращение к богу-прародителю промысловых животных);
2) восхваление и поклонение этим священным объектам природы (присутствие слова *äsän* ‘(быть) благополучным, благословенным’);
3) подчеркивание вечности природы (слова *bäŋkü/bäŋgü* ‘вечный’);

4) просьбы сохранить от бед близких людей и т. п.

Надпись Бичикту-Боом III (A-16)

Благодаря фотограмметрии удалось прояснить состав знаков и прочитать надпись Бичикту-Боом III, которая, как оказалось, содержит важный религиозный термин мировых религий, обозначающий принадлежность к религиозной общине[1375].

Транслитерация:

1) y^2 g^2 I

2) s^1/y^2 g^2 t^2 m š A k^2 š l^2 g^2 A s^2 ŋ g^2 l^2 I A t^2 g^2 A s^2 n^2 I A nč m U d^2 y^1 n^2 l^1 k^2 I ŋ/š z/t^2

Транскрипция:

1) y(e)gi

2) (a)s(ï)g / y(e)g (e)tm(i)š A k(i)š(i)l(i)g A s(a)ŋ(ï)g (e)li A t(ä)g A (ä)s(ä)ni A (a)nč(a)m(a) ud(u)y(u)n (a)lkïš (e)t

Перевод:

1) Его/ее благополучие.

2) Подобно людям, принадлежащим к монастырскому сообществу, состоящему из индивидуумов (досл.: с людьми), которые приносят (ему) пользу / делают добро, вы, следуя (им, т. е. этим людям), точно так же получите благодать!

Слово *s(a)ŋ(ï)g,* ‘принадлежащее к религиозной общине/сообществу’, зафиксированное в данной надписи, — это еще один однозначно религиозный термин, которых так мало в рунических надписях в Сибири. На Алтае s(a)ŋ(ï)g — это второе религиозное понятие, вслед за термином aržï ‘святой’, который был найден на Калбак-Таше.

Понятие *saŋig/saŋik* используется в базе данных VATEC 2 раза[1376], оба раза в буддийских текстах, что можно объяснить их количественным преобладанием как в данной базе данных, так и в целом среди источников на древнетюркском языке, т. е. эти факты не относят данный термин автоматически к буддийским. Тем самым, вопрос о том, какова была религия местного населения в древнетюркскую эпоху или же принадлежность религии авто-

[1375] Невская И. А., Тыбыкова Л. Н. Новое прочтение древнетюркской рунической надписи Бичикту-Боом-III по данным трехмерной фиксации // Российская тюркология. М., 2018. С. 11–22.

[1376] VATEC. URL: vatec2.fkidg1.uni-frankfurt.de.

ра данной надписи, остается неотвеченным. Тем не менее совершенно очевиден тот факт, что территория сегодняшней Республики Алтай была вовлечена в сферу распространения мировых религиозных течений уже в древнетюркское время.

Молитвенные надписи неоднократно свидетельствуют о том, что Алтай являлся местом паломничества представителей разных религиозных учений. Здесь тысячелетиями мирно сосуществовали и конкурировали друг с другом различные религии: тенгрианство, буддизм, христианство, манихейство и др., и эта ситуация за многие века не претерпела сколько-нибудь больших изменений.

1.3. Послеобрядовые надписи. На плоскостях Калбак-Таша нанесена в общей сложности 31 строка древнетюркских рунических надписей. Они размещаются на трех скальных плоскостях. Плоскости I и II являются сторонами одной и той же скалы; она находится рядом с западной оконечностью горы, а плоскость III находится на южном скальном обрыве примерно 37 м восточнее ее, выше по течению реки Чуя.

На Калбак-Таше располагался алтарь древних народов, сюда приходили отовсюду, чтобы принять участие в обрядах. Многочисленные молитвенные надписи свидетельствуют о том, что Алтай являлся местом паломничества представителей разных религиозных учений. В знак совершения обряда на скальных плоскостях тюркоязычные предки алтайцев оставили такие имена, как Эль-Йеген, Кенч, Юрунг; несколько раз они встречаются со словом «*bitidim*» — *написал*, что говорит о важности и значимости тщательно вырезанных специальными инструментами слов. В подтверждение того факта, что здесь люди молились и в древнетюркскую эпоху, являются отдельные надписи *aržim* «О, мой святой!» (Калбак-Таш VIII), *eri* — *«очистись»* (Калбак-Таш XI). В IX–X вв. манихейская религия проникла в Южную Сибирь, и следы этого влияния, возможно, отразились на содержании надписей Калбак-Таша. Эту точку зрения отстаивает И. Л. Кызласов[1377].

К сожалению, из-за плохой сохранности многих надписей Калбак-Таша часть понять невозможно. У тюркологов, занимающихся рунологией, нет единого мнения по расшифровке некоторых надписей. Несомненно то, что образованность древних тюркоязычных народов, издревле населявших Алтай и оставивших нам свои письмена на вечных священных скалах Кал-

[1377] Кызласов И. Л. Памятники рунической письменности Горного Алтая. Часть 1. Г.-А., 2002. 162 с.; Кызласов И. Л. Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М.: Наука, 2001. С. 243–270.

бак-Таша, показывает современникам высокую культуру и важные черты письменной традиции Алтая в раннем Средневековье.

1.4. Надписи — комментарии к граффити. Показательно, что в Горном Алтае основной корпус древнетюркских надписей определяют не эпитафийные тексты на поминальных стелах, а сравнительно небольшие надписи среди наскальных изображений. Связь рисунка и текста является одной из ярких особенностей надписей Алтая[1378]. Как отмечает Е. П. Маточкин, связывая этот феномен с тысячелетними эпиграфическими традициями Алтая, «…традиция мыслить образами наскального искусства, надо полагать, должна была как-то проявиться и в новом феномене — текстовых надписях с руническими знаками»[1379].

На третьей плоскости почитаемой скалы Калбак-Таш, изуродованной крупной кириллической памятной надписью, сохранились несколько фигур оленей и некоторые письмена.

Неизвестный автор прокомментировал их и дал оценку мастеру, нанесшему ранее на скалу техникой граффити изображение крупных рогатых оленей: (ä)šg(i)n(i)g : b(ä)d(i)z(ä)gli : uz(ä)rm(i)š a ‘Он, оказывается, мастерски рисует скачущих животных’ (Калбак-Таш XX).

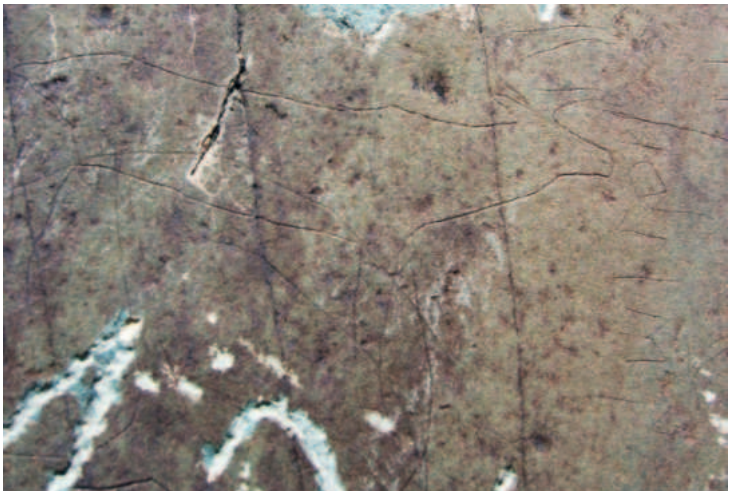

Рис. 97. Надпись Калбак-Таш XX

[1378] Невская И. А. К проблеме взаимодействия древнетюркского текста и граффити в рунических памятниках Республики Алтай // Жолдасбеков и др. (ред.). Тюркский мир: история и современность. Астана: Изд-во ЕНУ, 2011. С. 96.

[1379] Matočkin E. P. Drawings and Runic Inscriptions of the Altai Republic // Nevskaya I. & M. Erdal (Eds). Interpreting the Turkic Runiform Sources and the Position of the Altai Corpus. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2015. P. 87–93.

Особенно красивую композицию из рисунков и надписей мы находим на скальном экране в окрестностях села Туекта. Там имеются два руни-ческих текста, видимо, связанных между собой. Вместе с руническими надписями на скале представлена очень интересная композиция, являющаяся ярким образцом древнетюркского искусства. Тончайшими, еле видными резными линиями запечатлены образы стреляющего из лука всадника, пешего лучника, бегущих с высунутыми языками собак, пронзенной стрелой косули. Тонкость линий рисунков позволила древнему художнику передать детали одежды и снаряжения охотника. Возможно, что глагол *yäl-* ‘скакать рысцой’, который прочитывается в надписи Туекта III, комментирует содержание рисунка (см. *Туекта II* и *III*).

Рис. 98. Граффити и надписи Туекта II и III

Надпись Туекта II
Прочтение Л. Н. Тыбыковой, И. А. Невской и М. Эрдала (Каталог, 2012)
Транслитерация: ? ? b^2 ^{Ü}k A b^2 (?) z/r^1(?) d^2 m A ? ?
Транскрипция: … bökä bäz(ä)d(i)m a …
Перевод: … богатыря (воина, силача) изобразил я …

Надпись Туекта III
Прочтение Л. Н. Тыбыковой, И. А. Невской и М. Эрдала (Каталог 2012)
Транслитерация: y^2 l^2 g ü A m/b^2 t^2 d^2 I
Транскрипция: y(ä)lgü a (a)m t(e)di/ y(ä)lgü a b(i)t(i)di
Перевод: человек, который должен скакать (собирался скакать), «(Атакуй) сейчас!» — сказал / написал (это).

В целом, нам представляется, что слияние рисунка и надписи в единый композиционно-содержательный образ является одной из ярких отличи-

тельных черт алтайской руники, требующей пристального внимания археологов, искусствоведов и филологов.

1.5. Надписи — философские размышления. На скале Калбак-Таш имеются письмена, отражающие мировоззрение древних тюркоязычных народов и философское осмысление ими действительности: *y(e)r bäŋgü (ä)rm(i)š* ‘Оказывается, земля вечная…’ (Калбак-Таш I), *(ä)r b(ä)ŋ(ü)si y(a)g(ï)da* ‘Бессмертие мужчины — в (борьбе против) врага (досл. во враге)’, в том смысле, что мужчина свою вечность, свое бессмертие находит в борьбе с врагом (Калбак-Таш XII) (*Каталог* 2012). К данному типу относится и надпись Устюги Сары-Кобы (А-72).

Устюги Сары-Кобы (А-72)

По нашей интерпретации, в этой надписи содержится мысль о том, что время все рассудит и расставит по своим местам. Письменные свидетельства философского содержания и в какой-то степени надписи — призывы агитационного свойства, в которых также встречается глагол *uk-* ‘слушать’, характерны для этой местности.

Прочтение И. А. Невской и Л. Н. Тыбыковой (Каталог, 2012)

Транслитерация: U d^2 $č^u$k č n^1 I ^{u}k g^2 l^2

Транскрипция: üd (a)čuk č(ï)nï uk (e)g(i)l

Перевод: Время — очевидная (сама по себе) истина! Слушай и преклоняйся!

Рис. 99. Фотография надписи Устюги Сары-Кобы

1.6. Хвалебные надписи. В Горном Алтае найдено не так много надписей, которые можно было бы отнести к хвалебным. Одна из них представлена на Калбак-Таше, см. Калбак-Таш XXI (А-44).

Прочтение Л. Н. Тыбыковой, И. А. Невской и М. Эрдала (Каталог, 2012)

Транслитерация: I/s^2 g^2 Ü : b^2 z g^2 l^2 I : k^1 r^1 m n^2 y^2 g^2 l^2 : s^2 k^2 b^2 n^2 y^2 g^2 p

Транскрипция: (ä)šgü b(ä)z(ä)g(ä)li : k(o)r(u)m n(ä) y(e)g(ö)l : …

Перевод: Как хороша массивная скала для вырезания коз! …

Рис. 100. Прорисовка надписи Калбак-Таш XXI (А-44)

1.7. Надписи бытового содержания. Письмена такого типа, в которых отражена простая бытовая сторона жизни человека, показывают, что имели место незначительные события, но в то же время они эмоционально насыщенные. Например, надпись Туекта V (А-90). Только в 2018 г., благодаря технологии цифровой фотограмметрии, обеспечивающей необходимую детализацию фиксации, удалось, как мы надеемся, окончательно установить как количество, так и состав знаков этой надписи[1380].

На камне изображены два оленя; надпись сделана под их копытами, как бы «вверх ногами», в зеркальном отражении к ним. Видимо, олени были нарисованы ранее, а создатель надписи писал ее позже, лежа на камне, стараясь, чтобы она оказалась под копытами оленей.

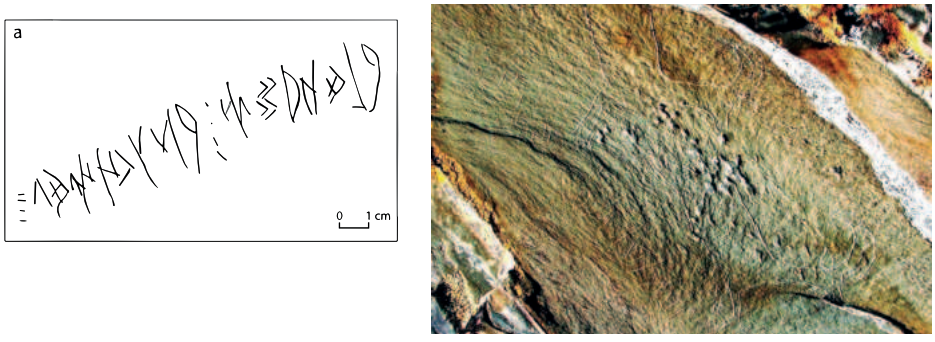

Рис. 101. Фотография и прорисовка надписи Туекта V

[1380] Невская И. А., Тыбыкова Л. Н. Значение трехмерной документации для исследования древнетюркских рунических надписей Алтая // Предложение как единица языка и речи. Новосибирск: Академиздат, 2019. С. 183–187.

Прочтение И. А. Невской и Л. Н. Тыбыковой
Транслитерация: y^2 l^1 m k^1 y^1 d^1 n^2 : y^2 r^1 l^2 U Ü n^2 m š :
Транскрипция надписи: y(a)l(ï)m k(a)y(a)d(a)n : y(a)r(ï)lu ünm(i)š :
Перевод: С голой скалы, разделившись, поднялись (вверх).

2. Надписи на предметах. На Алтае обнаружен целый ряд предметов быта с нанесенными на них руническими текстами: серебряные сосуды с надписями, поясные украшения и т. п. Этот факт свидетельствует о широком распространении рунической письменности на Алтае.

2.1. Владельческие и пояснительные надписи. Надпись Бар-Бургазы III на оборотной стороне наконечника ремня из погребения кургана 9 могильника Бар-Бургазы III по содержанию относится к этому типу.

Прочтение М. Эрдала, И. А. Невской, Л. Н. Тыбыковой (Каталог, 2012)
Транскрипция: (ä)r č(i)gši
Перевод: Мужчина — особоуполномоченный.

Рис. 102. Надпись Бар-Бургазы III

Слово *čigši* является названием титула. Он зафиксирован 4 раза в енисейских надписях, сравните у И. В. Кормушина: E68 *kara bars ïnanču čigši bän*, E19 *kutlug čigši bän*, E70 *külüg čigši uruŋu čigši*[1381]. В. Томсен прочитал *bagatur čigši* в одном из древнетюркских манускриптов, написанных руническим шрифтом. Д. Клосон возводит это слово к китайскому *tz'ŭ shih* (по Джилсу 12,412; 9,893; среднекитайская форма по Pulleyblank *-ts'yek syi*). В китайском язы-

[1381] Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М.: Наука, 1997. С. 302.

ке имеет значение «чиновное лицо в администрации округов»[1382]. В древнетюркском — этот титул означает ‘особоуполномоченный’[1383]. С одной стороны, это владельческая надпись, с другой — пояснительная.

В Горном Алтае известны три серебряных пиршественных сосуда, имеющих вырезанные рунические надписи[1384]. Предметы происходят из раннесредневековых погребений тюрок-тугю. Рунические письмена размещены на донцах и обнаружены в разное время: в 1865 г. В. В. Радловым (могильник Катанда II, курган 1) и в 1935 г. С. М. Сергеевым (Туекта, курган 3) и С. В. Киселевым и Л. А. Евтюховой (Курай IV, курган 1).

Пиршественные чаши из серебра были такой же неотъемлемой частью знатных мужчин, как и воинский пояс, унизанный металлическими или серебряными бляхами, на котором подвешивались кинжал и сабля. Находки в древнетюркских погребениях Алтая серебряных сосудов, имевших резные рунические надписи, являются археологическими свидетельствами общественной значимости как самих пиршеств, так и личного обладания «сверкающей чашей». Эта чаша сопровождала знатного воина в загробный мир. Наличие вырезанных двух тамговых знаков на донышке серебряного сосуда из Туекты свидетельствует о том, что при некоторых, пока еще неизвестных нам условиях, он переходил из рук в руки.

Содержание надписей на серебряных сосудах является письменным свидетельством того, что существовала дань в виде серебряных кубков, люди вручали их в качестве подарков, и эти кубки проходили огромные расстояния, меняя своих владельцев.

Это наглядно можно продемонстрировать на примерах Туектинского и Катандинских сосудов.

Туектинский сосуд. Серебряный сосуд с рунической надписью из могильника Туекта, курган 3, хранится в Национальном музее Республики Алтай им. А. В. Анохина. Высота предмета — 9,7 см, диаметр донца — 7,8 см (рис. 12. Дно сосуда). До попадания в могилу туяхтинский серебряный сосуд, возможно, побывал в руках нескольких сменявших друг друга владельцев. Поэтому нет единой точки зрения: считать ли надпись единой или это два отдельных

[1382] Clauson G. An etymological dictionary of pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: At the Clarendon Press, 1972. 989 c.

[1383] Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика. Текстология. М.: Наука, 2008. С. 302.

[1384] Тыбыкова Л. Н., Невская И. А. Серебряные сосуды Алтая с древнетюркскими рунических надписями // Г. И. Чорос-Гуркин и современность. Оносские встречи 2010: материалы научно-практической конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Г. И. Чорос-Гуркина 14–15 июля 2010 г. Горно-Алтайск, 2010. С. 91–93.

текста. В целом она состоит из 11 знаков, возможно, слившихся из двух надписей. Протяженность текста — 5,5–6,0 см, высота букв — 0,6–0,9 см. Содержание — пояснительное, говорится о том, что серебряная пиршественная чаша была вручена князю в виде подати.

Прочтение М. Эрдала, И. А. Невской, Л. Н. Тыбыковой (Каталог, 2012)

Транскрипция: t(e)r(i)lmä küm(ü)š (a)g(ï)r

Перевод: Серебро, которое собирается (в виде дани) — тяжелое.

Рис. 103. Дно Туектинского сосуда с нанесенной надписью и тамговыми знаками

Катандинский сосуд. Этот серебряный сосуд был найден известным тюркологом В. В. Радловым в 1865 г. при раскопках малого кургана 2, находящегося рядом с большим курганом в окрестностях с. Катанда Усть-Коксинского района. Надпись на дне серебряного сосуда состоит из 4 знаков, в середине тамговый знак: «L(ü)gč(ü)ŋ — Люгчюнг». *Lükčüŋ* — это название китайского города.

Рис. 104. Общий вид Катандинского серебряного сосуда

В древнетюркских источниках, в том числе и «Древнетюркском словаре» (1969), четыре раза упоминается название этого города. Однако это может быть и имя владельца.

2.2. Надписи-заклинания. Надписи-заклинания представляют собой письмена на предметах, которые обычно человек носил с собой; это его оберегало. Например, надпись Курай II (А-5) на ременном наконечнике из средневекового погребения — кургана 1 могильника Курай IV. Поясной набор состоит из серебряных позолоченных частей: пряжки, 21 четырехугольной бляшки, украшенных растительным орнаментом, с четырехугольным отверстием в нижней части, 9 бляшек-лунниц и массивной концевой бляхи. На оборотной стороне концевой бляхи имеется сильно стертая надпись, состоящая примерно из 11 символов, руноподобные знаки плохо просматриваются. Место хранения — Государственный исторический музей.

Прочтение М. Эрдала, И. А. Невской, Л. Н. Тыбыковой (Каталог, 2012)

Транскрипция: ut(d)(a)čï kün(ü)m kop[…].

Перевод: Победных дней у меня много /мой победный день поднимается…

Более предпочтительным мы считаем второй вариант прочтения: *ut(d)(a)čï kün(ü)m kop*[…]. — Мой победный день поднимается… Глагол *ut-* ‘побеждать’ в форме причастия будущего времени на *-(d)(a)čï* служит определением к слову *kün(ü)m* ‘мой день’, т. е. мой победный день, день, когда я одержу победу.

Рис. 105. Общий вид пряжки Курай II (А-5)

2.3. Надписи-призывы. Одним из интересных и распространенных видов являются надписи-призывы. На Алтае они найдены в Онгудайском районе на скалах Бичикту-Боома, Мендур-Соккона в Усть-Канском районе, а также на донышке серебряного курайского кувшина. Все эти тексты свидетельствуют, что это было очень важно для древнетюркского общества того времени.

Курайский кувшинчик. Надпись на дне серебряного кувшинчика из средневекового погребения, найденного около Курая, в урочище Тадила, курган 1. В центре кувшина нанесены несколько тамговых знаков, по краю два крестовидных и в середине один крестовидный знак, которые также были зафиксированы и на серебряном кувшинчике из Туекты. Надпись, нанесенная по краю днища, состоит из 11–12 различимых знаков. Место хранения — Государственный исторический музей.

Рис. 106. Сосуд с надписью Курай I и рунические знаки и тамги

Прочтение М. Эрдала, И. А. Невской, Л. Н. Тыбыковой (Каталог, 2012)

Транскрипция:

1) (ä)r (e)š(i)m (e)l k(i)š(i)m (ä)rl(i)g(ü)n (u)n(a)š!

2) ög

Перевод:

1) Мои спутники-воины, народ моего племени, достигните взаимного соглашения с этими людьми!

2) мысль (размышление)

Эта тема продолжается в наскальной надписи Бичикту-Боом VIII, которая располагается на южном склоне горы Арт. Надпись вертикальная, состоит из двух строк, вторая строка повторяет начало первой.

Прочтение Л. Н. Тыбыковой, И. А. Невской и М. Эрдала (Каталог, 2012)

Транскрипция:

1) (ä)r (e)li a t(e)r(i)l(i)p a elt! … uk(ï)p t(ä)g!

2) (ä)r (e)li a t(e)ri(l) a ! ….

Перевод:

1) О, сообщество мужчин-воинов, собираясь, направляйте (ведите) … слушайте (и) нападайте!

2) О, сообщество мужчин-воинов, собирайтесь!

Как видим, на Алтае наскальные рунические тексты относятся к различным тематическим группам. Содержательные типы надписей коррелируют с типом их носителей. Особенно велико тематическое разнообразие наскальных текстов, где мы находим молитвенные, послеобрядовые, эпитафийные, надписи-призывы, надписи — философские размышления, хвалебные, надписи — комментарии к рисункам, а также бытовые. На стелах оставлены только эпитафии. На предметах быта наносились владельческие, пояснительные, надписи-заклинания, надписи-призвания (призывы).

Мы считаем, что незавершенность разработок в области прочтения многих кратких надписей не исчерпала всех возможностей в отношении выделения все новых смысловых групп. Есть памятники рунического письма, которые, к сожалению, из-за плохой сохранности многих рун понять невозможно. Несомненно то, что образованность древних тюркоязычных народов, издревле населявших Алтай и оставивших нам свои письмена на вечных священных скалах, стелах и предметах, показывает современникам высокую культуру и важные черты письменной традиции Алтая в раннем Средневековье. По этим кратким текстам можно проследить особенности мировоззрения древнетюркского населения; писали их, по видимости, те, кто был не обременен высокими титулами, не принадлежал к жреческому сословию, простолюдины, которые оставляли свои чаяния, мысли, пожелания у подножия священных и почитаемых гор, около своих построенных жилищ и стоянок, в местах проведения тризны и на предметах, которыми владели.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алиев Ш., доктор исторических наук, профессор Бакинского Славянского университета (Баку, Азербайджан)

Алымкулова С. К., доктор исторических наук, профессор Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева (Бишкек, Кыргызстан)

Аюпова З. К., доктор юридических наук, профессор Казахского национального университета им. Аль-Фараби (Алматы, Казахстан)

Белек К., кандидат исторических наук Кыргызского национального университета (Бишкек, Кыргызстан)

Борисенко А. Ю., кандидат исторических наук, доцент Новосибирского государственного университета, старший научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований НГУ (Новосибирск, Россия)

Бутанаев В. Я., доктор исторических наук, профессор Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова (Абакан, Россия)

Быков Н. И., кандидат географических наук, научный сотрудник Института водных и экологических проблем СО РАН (Барнаул, Россия)

Васильев А. А., доктор юридических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

Дунец А. Н., доктор географических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

Зеленин Ю. А., кандидат исторических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

Землюков С. В., доктор юридических наук, профессор Алтайского государственного университета, руководитель НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» (Барнаул, Россия)

Ибрагимов Ж. И., доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Евразийского национального университета им. Л. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан)

Измайлов И. Л., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М. А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Россия)

Каратаев О. К., доктор исторических наук, профессор Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан)

Кожобеков М., кандидат исторических наук, профессор Кыргызско-Турецкого университета «Манас» (Бишкек, Кыргызстан)

Кочеева Н. А., кандидат геолого-минералогических наук, доцент Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск, Россия)

Кубарев Г. В., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Кубарев В. Д., доктор исторических наук, профессор Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Кумеков Б. Е., доктор исторических наук, профессор Евразийского государственного университета им. Л. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан)

Кусаинов Д. У., доктор философских наук, профессор Казахского педагогического университета им. Абая (Алматы, Казахстан)

Лысенко Ю. А., доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

Невская И. А., доктор филологических наук Франкфуртского университета им. И. В. Гете (Франкфурт, Германия)

Платонова С. Г., кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник Института водных и экологических проблем СО РАН (Барнаул, Россия)

Рогожинский А. Е., кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии им. А. Х. Маргулана Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Алматы, Казахстан)

Садырова З. Т., кандидат исторических наук, доцент Кыргызской государственной академии физической культуры и спорта (Бишкек, Кыргызстан)

Сафаров Р. И., кандидат исторических наук, доцент Таджикского национального университета (Душанбе, Таджикистан)

Сорокин В. В., доктор юридических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

Табалдиев К. Ш., кандидат исторических наук, профессор Кыргызско-Турецкого университета «Манас» (Бишкек, Кыргызстан)

Ташагыл А., доктор исторических наук, профессор Университета Йеди Тепе (Стамбул, Турция)

Тишин В. В., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (Улан-Удэ, Россия)

Тыбыкова Л. Н., кандидат филологических наук, доцент Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск, Россия)

Усеев Н., кандидат исторических наук, доцент Кыргызско-Турецкого университета «Манас» (Бишкек, Кыргызстан)

Худяков Ю. С., доктор исторических наук, профессор (Новосибирск, Россия)

Черных Д. В., доктор географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института водных и экологических проблем СО РАН (Барнаул, Россия)

Чороев Т. К., доктор исторических наук, профессор Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан)

AUTHOR INFORMATION

Aliyev Sh., Doctor of Historical Sciences, Professor, Baku Slavic University (Baku, Azerbaijan)

Alymkulova S. K., Doctor of Historical Sciences, Professor, the Kyrgyz State University named after I. Arabayev (Bishkek, Kyrgyzstan)

Ayupova Z. K., Doctor of Law, Professor, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan)

Belek K., Candidate of Historical Sciences, Kyrgyz National University (Bishkek, Kyrgyzstan)

Borisenko A. Yu., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State University, Senior Researcher at the Laboratory of Humanitarian Studies of NSU (Novosibirsk, Russia)

Butanaev V. Ya., Doctor of Historical Sciences, Professor, Khakass State University named after N. F. Katanov (Abakan, Russia)

Bykov N. I., Candidate of Geographical Sciences, Researcher, Institute of Water and Environmental Problems SB RAS (Barnaul, Russia)

Vasiliev A. A., Doctor of Law, Professor, Altai State University (Barnaul, Russia)

Dunets A. N., Doctor of Geographical Sciences, Associate Professor, Altai State University (Barnaul, Russia)

Zelenin Yu. A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Altai State University (Barnaul, Russia)

Zemlyukov S. V., Doctor of Law, Professor, Altai State University, Head of the REC of Altaic Studies and Turkology "Big Altai" (Barnaul, Russia)

Ibrahimov Zh. I., Doctor of Law, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Nur-Sultan, Kazakhstan)

Izmailov I. L., Doctor of Historical Sciences, Leading researcher at the Center for Research of the Golden Horde and Tatar Khanates named after M. A. Usmanov,

Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Sh. Marjani Institute of History (Kazan, Russia)

Karataev O. K., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn (Bishkek, Kyrgyzstan)

Kozhobekov M., Candidate of Historical Sciences, Professor of the Kyrgyz-Turkish Manas University (Bishkek, Kyrgyzstan)

Kocheeva N. A., Candidate of Geological and Mineralogical Sciences, Associate Professor, Gorno-Altaisk State University (Gorno-Altaisk, Russia)

Kubarev G. V., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Kubarev V. D., Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Kumekov B. E., Doctor of Historical Sciences, Professor of L. N. Gumilyov Eurasian National University (Nur-Sultan, Kazakhstan)

Kusainov D. U., Doctor of Philosophy, Professor, Abai Kazakh Pedagogical University (Almaty, Kazakhstan)

Lysenko Yu. A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Altai State University (Barnaul, Russia)

Nevskaya I. A., Doctor of Philology, Goethe University Frankfurt (Frankfurt, Germany)

Platonova S. G., Candidate of Geological and Mineralogical Sciences, Senior Researcher, Institute of Water and Environmental Problems SB RAS (Barnaul, Russia)

Rogozhinsky A. E., Candidate of Historical Sciences, Leading researcher, Margulan Institute of Archaeology of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)

Sadyrova Z. T., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, the Kyrgyz State Academy of Physical Culture and Sports (Bishkek, Kyrgyzstan)

Safarov R. I., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, the Tajik National University (Dushanbe, Tajikistan)

Sorokin V. V., Doctor of Law, Professor, Altai State University (Barnaul, Russia)

Tabaldiev K. S., Candidate of Historical Sciences, Professor, Kyrgyz-Turkish Manas University (Bishkek, Kyrgyzstan)

Tashagyl A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Yeditepe University (Istanbul, Turkey)

Tishin V. V., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department for History and Culture of Central Asia, Institute for Mongolian,

Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia)

Tybykova L. N., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Gorno-Altaisk State University (Gorno-Altaisk, Russia)

Useev N., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Kyrgyz-Turkish Manas University (Bishkek, Kyrgyzstan)

Khudyakov Yu. S., Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk, Russia)

Chernykh D. V., Doctor of Geographical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher at the Institute of Water and Environmental Problems SB RAS (Barnaul, Russia)

Choroev T. K., Doctor of Historical Sciences, Professor, the Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn (Bishkek, Kyrgyzstan)

Научное издание

ЛЕТОПИСЬ ТЮРКСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ТОМ 1

ТЮРКСКИЙ МИР В VI–XII ВВ.

Отв. ред. В. И. Молодин, С. В. Землюков

Издание подготовлено к публикации РИО
Алтайского государственного университета

Редактирование С. И. Тесленко
Подготовка оригинал-макета, оформление обложки О. В. Майер

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.
Подписано в печать 24.07.2023. Выход в свет 27.09.2023.
Формат 70x100/16. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 38,7. Тираж 700 экз. Заказ 534.

Международный научно-образовательный центр алтаистики и
тюркологии «Большой Алтай» выражает благодарность
ООО «Барнаульский завод автоформованных термостойких
изделий» и его генеральному директору Шамкову Артему Юрьевичу
за поддержку в издании книги

Издательство Алтайского государственного университета
656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66
Отпечатано в типографии ОАО «Алтайский дом печати»
656043, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Большая Олонская, 28